

Genre

thriller

Author Info

Кэтрин Юрьевна Нэвилл

Магический круг

После смерти своего двоюродного брата, погибшего при взрыве автомобиля, Ариэль Бен становится единственной наследницей семейной реликвии — собрания зашифрованных рукописей. В этих манускриптах содержится разгадка событий, происходивших в Римской империи две тысячи лет назад. Тот, кто отыщет ключ к древней тайне, сможет вершить судьбы мира.

Обладание манускриптами ввергает Ариэль в самый центр международного заговора и ставит ее жизнь под угрозу. Чтобы спастись, она вынуждена искать ответы на темные загадки прошлого.

Мировой бестселлер Кэтрин Нэвилл впервые выходит на русском языке.

v 1.0 — создание fb2 — Faiber

v 1.2 — доп.вычитка, расстановка empty line, дополнения в описание — estateandrei1, 06.06.10 г.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru

Все книги автора

Эта же книга в других форматах

Приятного чтения!

Кэтрин Нэвилл

Магический круг

Времена возвращаются.

Само время есть круг; все повторяется.

Чему быть, того не миновать.

ПЕЩЕРА

И не ведают они таинства будущего и не понимают древней сущности.

И не ведают они, что случится с ними, и не уберегут они души свои от таинства будущего.

Круг последний настал по вещанью пророчицы

Кумской, Сызнова ныне времен зачинается строй величавый,

Дева грядет к нам опять, грядет Сатурново царство.

Снова с высоких небес посылается новое племя.

Близился вечер. Прикрытое серебристой дымкой вулканическое Авернское озеро[1] в горах над Кумами, казалось, плыло в воздухе. Зеркальная поверхность воды между клочьями тумана отражала молочно-опаловые облака, проносящиеся над серповидной лунной лодкой.

Склоны кратера заросли низкорослыми дубами, чей кроваво-красный оттенок в подступающих сумерках сменился на пурпурный. Едкий сернистый запах таинственного озера насыщал воздух ощущением опасности. Сама природа этого почитаемого в древности места словно пребывала в тревожном ожидании того, что было предсказано во глубине веков. Того, что должно случиться грядущей ночью.

В сгустившемся полумраке из-под сени прибрежных деревьев бесшумно выскользнула темная фигура. За ней быстро проследовали еще три человека. Все четверо были одеты в прочные кожаные бриджи, куртки и каски, но характерные движения и формы ясно показывали, что впереди идет

женщина. На плече она несла кирку, рулон промасленного брезента, крепкую веревку и прочее альпинистское снаряжение. Ее спутники молча шли за ней к дальнему берегу озера.

Женщина вновь скрылась из виду среди растущих под скалой деревьев. В темноте она на ощупь продвигалась вдоль отвесной, поросшей виноградником стены и вскоре достигла неприметной расселины. Натянув толстые перчатки, она убрала валуны, что так старательно укладывала здесь раньше. Ее сердце взволнованно забилось, когда она и ее спутники протиснулись в узкую щель. Оказавшись в пещере, женщина быстро развернула брезент и с помощью своих спутников тщательно заткнула входное отверстие, чтобы ни малейший лучик света не мог вырваться наружу. Только после этого она стащила с головы металлическую каску и зажгла приделанную к ней рудничную лампу. Откинув назад густые светлые волосы, она пристально посмотрела на трех своих верных компаньонов, в чьих глазах отражался ламповый свет. Потом женщина обвела взглядом пещеру. Образованные вулканической породой своды громадной пещеры уходили ввысь более чем на сто футов. У женщины захватило дух от осознания того, что они стоят на краю отвесной скалы, перед черным как смоль провалом. Оттуда, с глубины сотен футов, доносилось журчание водного потока. Когда-то древние люди исследовали таинственные галереи погасшего вулкана. И уже много веков это легендарное святилище пытались обнаружить новые исследователи, потому что в этой пещере хранились самые древние из всех пророчеств — Сивиллины оракулы.

Сейчас, глядя на освещенные лампой темные стены, женщина не сомневалась, что нашла именно то, что искала. Пещера в точности соответствовала описаниям тех, кто посещал ее в далекие времена: Гераклита, Плутарха, Павсания и римского поэта Вергилия, обессмертившего в поэме этот грот, из которого Эней вошел в загробное царство. И женщина ощущала уверенность, что она и три ее спутника первыми за два минувших тысячелетия вновь лицезреют это легендарное место. Когда в 27 году до нашей эры император Август захватил власть в Риме, то первым делом приказал собрать воедино все пророческие изречения, так называемые Сивиллины книги. Вероятно, он сжег все, что считал «недостоверным» — что противоречило его императорскому владычеству или пророчески возвещало восстановление республики. Потом Август приказал закрыть Кумский грот. Общеизвестный вход в него, расположенный не здесь, а у подножия вулкана, завалили камнями. Все следы существования знаменитого грота были потеряны для человечества. И никто не видел его до сих пор.

Молодая женщина сложила на землю горное снаряжение и вновь нацепила каску с ярким рудничным фонарем. Достав из кармана кожаного жилета грубо нарисованную карту, она вручила ее самому высокому из трех мужчин и впервые обратилась к нему вслух:

— Аззи, ты пойдешь со мной. Твои старшие братья должны остаться здесь и охранять вход. Если мы ничего не найдем внизу, то эта расселина будет нашим единственным выходом в мир. —

Повернувшись к отвесной стене, она бесстрашно добавила: — Я спущусь первой.

Но Аззи удержал ее за руку. Он пристально посмотрел на женщину, и на его красивом лице отразилось сильное беспокойство. Потом он привлек ее к себе и легко коснулся губами ее лба.

— Нет, Клио, позволь мне спуститься первым, — сказал он. — Я родился в горах, ты же знаешь, carita,[2] и умею лазать по скалам не хуже горного козла. А потом мои братья помогут тебе спуститься.

Увидев, что она отрицательно покачала головой, он добавил:

— Что бы там ни нарисовал перед смертью твой отец на этой карте, это всего лишь мнение ученого, сложившееся на основе изучения пыльных книг. Несмотря на все предпринятые путешествия, он так и не сумел отыскать грот. И тебе хорошо известно, какими опасными зачастую оказываются подобные священные места. Пещеру Дельфийского оракула сторожило семейство смертоносного Пифона. Ты ведь не знаешь, что может поджидать нас в святилище, которое, по твоим представлениям, находится в этой темной пропасти.

Клио вздрогнула при этой мысли, а двое крепких парней кивнули в знак поддержки своего храброго брата. Аззи включил вторую лампу, закрепив ее на своей каске. Двое мужчин обвязали пеньковым канатом огромный камень, и их младший брат ухватился за канат голыми руками, расчистил край скалы ботинками, подбитыми шипами, и, сверкнув на прощание улыбкой, исчез в темноте.

Прошла, казалось, целая вечность до того, как ослабло натяжение веревки и оставшиеся наверху поняли, что он достиг дна. Клио пропустила между ног страховочную веревку, образовав что-то вроде упряжи, которую братья для большей надежности закрепили на основном канате. Затем она тоже шагнула в темноту.

Спускаясь в полном безмолвии по отвесной стене, Клио внимательно изучала в свете лампы ее кристаллическую поверхность, словно в ней содержался ключ к решению некой загадки. Если бы стены имели уши, подумала она, то эта могла бы поведать тайны тысячелетней давности. Подобно самой Сивилле, женщине, способной видеть как будущее, так и прошлое.

Древнейшая предсказательница в истории, жившая в разных землях в течение многих поколений, эта Сивилла родилась на горе Ида, с которой боги когда-то наблюдали за сражением на равнине у Трои. За пятьсот с лишним лет до нашей эры эта Сивилла прибыла в Рим и предложила царю Тарквинию Приску купить у нее книги пророчеств, охватывающих следующие двенадцать тысяч лет. Когда он отказался выдать ей требуемую сумму, она сожгла первые три тома, затем еще три, и в итоге остались только три последние книги. Тарквиний купил их и положил на хранение в храм Юпитера, где они и оставались до 83 года до нашей эры, когда храм сгорел дотла вместе с его драгоценным содержимым.

Сивилла обладала столь редкостным и глубоким даром предвидения, что боги решили исполнить любое ее желание. Ей захотелось прожить тысячу лет, но она забыла попросить для себя вечной молодости. Когда приблизился конец ее жизненного срока, она превратилась в высохшую старушку и так съежилась, что от нее ничего не осталось, кроме голоса, который по-прежнему пророчествовал из маленького стеклянного сосуда, находившегося в этом древнем святилище. Люди со всего мира приходили послушать ее голос, пока Август не заставил его замолчать навечно, запечатав вход в пещеру неаполитанской глиной.

Клио могла лишь надеяться, что сведения, по крупицам собранные ее отцом при изучении древних текстов, и представления, окончательно сложившиеся у него только на смертном одре, окажутся правдой. Но прав он был или нет, исполнение воли умирающего человека уже стоило ей всего, что она узнала за свою молодую жизнь.

Достигнув дна, она почувствовала, как крепкие руки Аззи обхватили ее за талию, помогая найти удобное место на скользких камнях, омываемых бурной подземной рекой.

Более часа бродили они по пещерам в основании вулкана, следуя направлениям, указанным на схематической карте ее отцом. Наконец они подошли к нише в сводчатой стене пещеры, под которой

преемницы Сивиллы, юные селянки, сменяя друг дружку, много веков сидели на золоченом троне (ныне превратившемся в грудку камней), передавая в мир пророчества духа древнейшей богини. Аззи остановился рядом с Клио, потом неожиданно наклонился и поцеловал ее в губы. Он улыбнулся и сказал:

— Ты почти свободна.

Ничего больше не добавив, он взобрался на кучу камней под нишей, преодолев последний участок крутого подъема на четвереньках. Клио затаила дыхание, когда он уверенно встал на ноги и дотянулся рукой до высокой ниши, ощупывая ее темный провал. Спустя долгое мгновение он что-то вытащил оттуда.

Спустившись обратно, Аззи протянул находку Клио. Это был поблескивающий предмет, что-то вроде маленькой бутылочки ненамного длиннее ее ладони. Клио никогда не верила, что в древнем стеклянном сосуде хранился голос Сивиллы, скорее уж в нем содержались ее пророческие слова. По словам Плутарха, ее пророчества были написаны на маленьких металлических пластинках, таких легких и тонких, что если бы их извлекли на свет божий, то ветер унес бы их, как осеннюю листву. Клио осторожно открыла сосуд, и на ее ладонь высыпались тончайшие листочки размером с ноготь, исписанные греческими буквами. Коснувшись одного листочка, она встретила взгляд темно-вишневых глаз Аззи.

— Что там сказано? — прошептал он.

— Вот здесь по-гречески написано: «En to pan», — сказала она. — Это означает: «Все в одном».

Кумская Сивилла предсказала, что произойдет во все переломные моменты истории и — что более важно — как эти моменты связаны с конкретными переломными моментами давнего прошлого. Она предсказала, что ее собственную эпоху сменит новая божественная эпоха, проходящая под знаком Рыб, чьим реальным воплощением станет рожденный девой царь. Сивилле открылись таинственные связи, оплетающие подобно паутине тысячи лет и соединяющие эпоху Рыб с эпохой Водолея, эпохой, начало которой придется на конец двадцатого века — а это время уже не за горами.

Клио ссыпала листочки обратно в склянку. Но когда они с Аззи отправились в долгий обратный путь по пещерному лабиринту, она вдруг с испугом поняла, что в действительности означает этот момент. Так представлялся он и ее отцу. Извлекая на свет подобный сосуд, наполненный временем, и распечатывая давно умолкнувший голос прошлого, она открыла дверь, которую, возможно, следовало оставить закрытой. Как ящик Пандоры.

Сегодня голос Сивиллы, безмолвно покоившийся в пещерном мраке вулкана, вновь возродился, чтобы еще раз, почти через две тысячи лет, донести свои предсказания до людей.

ВХОЖДЕНИЕ В КРУГ

И вот (Иисус) сказал нам встать в круг и взяться за руки, а сам встал в середину и сказал: ответствуйте мне Аминь. И начал он петь и говорить...

Танцуйте, все вы... Ибо вселенная принадлежит танцующему. И тот, кто не танцует, не ведает, что происходит...

И если вы поддержите мои танец, увидите сами, кто говорит моими устами, а осознав мои деяния, храните молчание о моих таинствах.

Я резко изменил движение: но понятно ли вам целое?

Понтий Пилат испытывал тревогу, глубокую и серьезную тревогу. Но самой горькой иронией

судьбы казалось ему то, что впервые за семь лет его пребывания в должности римского пропрефекта, наместника Иудеи, этих проклятых иудеев не в чем было обвинить.

Он сидел в одиночестве высоко над Иерусалимом, на террасе дворца, построенного Иродом Великим, и обозревал западную городскую стену и Яффские ворота. Заходящее солнце окрасило пламенными оттенками листву гранатовых деревьев в царском саду, подчеркнув блеск наследства Ирода — золотистые клетки с голубями. За садом вздымалась гора Сион, бурно поросшая цветущей акацией. Но сейчас Пилат не мог позволить себе любоваться красотами природы. Через полчаса ему предстояло провести смотр войск, прибывших в город для подкрепления на неделю предстоящего Иудейского праздника. В такие времена, когда по городу бродит множество паломников, вечно происходит что-то непредвиденное, и он страшился стихийных восстаний, уже не раз случавшихся в прошлом. Однако это была не самая главная из его забот.

Для человека, занимающего столь значительную должность, Понтий Пилат имел весьма скромное происхождение. Как подсказывало его родовое имя, он был потомком бывших рабов, и одному из его предков даровали *pileus* — шляпу, отличие вольноотпущенника, получившего благодаря замечательным делам и личным стараниям гражданство в Римской империи. Не за счет особых достоинств или образования, но лишь благодаря своим умственным способностям и упорному труду Понтию Пилату удалось присоединиться к высокому сословию римских всадников и получить возможность продвижения по карьерной лестнице. Но вскоре после того, как его назначили на эту солидную должность, обнаружилось, что звезда его покровителя, префекта императорской гвардии и заговорщика Луция Элия Сеяна, а заодно и его собственная погасла, словно метеор, пролетевший по небесному своду.

За последние шесть лет — пока император Тиберий, удалившись от государственных дел, развлекался на острове Капри (прошел слухок о его пристрастии к мальчикам, едва отнятым от груди младенцам, и к экзотическим животным, доставленным из дальних стран) — Сеян стал самым влиятельным, ненавистным и страшным человеком в Риме. По праву являясь соправителем Тиберия, он своевольно распоряжался в сенате, устраняя своих врагов по сфабрикованным обвинениям, а для укрепления власти в провинциях назначал туда угодных ему людей — таких, как Понтий Пилат в Иудее. Короче говоря, именно это и являлось главной головной болью Понтия Пилата, поскольку Луций Элий Сеян был убит.

И убили его не просто так, а казнили по приказу самого Тиберия за государственную измену и заговоры. Его обвинили также в соращении императорской невестки Ливиллы, которая помогла ему отравить своего мужа, единственного сына Тиберия. Когда на последнем осеннем заседании сената огласили присланный с Капри приказ, жестокий и хладнокровный Сеян, застигнутый врасплох таким предательством, совершенно упал духом, и ему даже пришлось помочь выйти из зала. В ту же ночь по приказу римского сената Луция Элия Сеяна удавили в тюрьме. Его безжизненное тело, лишенное одежды, выкинули на ступени Капитолия, где оно и оставалось три дня на потеху римским гражданам, которые всячески терзали его — плевали, мочились и испражнялись на него, натравливали своих домашних животных, а в итоге бросили то, что от него осталось, в Тибр на корм рыбам. Но со смертью Сеяна вся эта история не кончилась.

Всех членов семьи Сеяна схватили и уничтожили — даже его младшую дочь, хотя она, как девственница, не могла быть по римским законам предана смерти. Поэтому солдаты сначала

совершили над ней насилие, а потом перерезали ей горло. Жена Сеяна, давно жившая отдельно, покончила с собой, а его сообщницу Ливиллу обрекла на голодную смерть ее собственная родня. И теперь, спустя почти полгода после казни Сеяна, все его союзники или ставленники, избежавшие законного возмездия, сами покончили с собой, приняв яд или упав на собственные мечи.

Понтия Пилата не ужаснули подобные деяния. Он отлично знал римлян, хотя и не принадлежал к ним по крови. Сеян совершил большую ошибку: ему захотелось приобщиться к римской знати, породниться с императорской фамилией и добиться единоличной власти. Сеян полагал, что его кровь обогатит кровь цезарей. Но вместо этого она обогатила илистые воды Тибра.

Пилат не питал особых иллюзий по поводу своего собственного положения. Несмотря на то что он был вполне достоин занимаемой должности и несмотря на удаленность провинции Иудея от Рима, на нем лежало клеймо ставленника его казненного благодетеля, а кроме того, между ними имелись и другие связи. К примеру, действия Пилата по отношению к иудеям могли рассматриваться как продолжение политики Сеяна: тот начал свою карьеру с проведения своеобразной чистки среди римских иудеев, закончившейся их полным изгнанием из Рима по распоряжению Сеяна, недавно аннулированному императорским указом. Тиберий заявил, что он никогда не приветствовал политику нетерпимости к подданным империи и что во всех притеснениях виноват Сеян с его кознями. Вот тогда-то у Пилата и возникли серьезнейшие основания для тревоги. Последние семь лет Пилат частенько притеснял ненавидимую им иудейскую чернь.

По причине, неясной Понтию Пилату, иудеи, в отличие от прочих подчиненных народов, оставались совершенно свободными от римского права — от службы в римской армии и почти от всех форм налогов, включая те, что платили самаритяне и даже свободные римские граждане в провинциях. По законам, установленным римским сенатом, свободный римлянин мог быть казнен только за то, что посмел вторгнуться дальше двора язычников на храмовый холм иудеев.

А когда Пилату понадобилось собрать дополнительные средства на завершение строительства акведука, чтобы вдохнуть новую жизнь в удаленные от центра районы, что сделали эти мерзкие иудеи? Они отказались платить налог на акведук, заявив, что римляне сами должны обеспечивать жизнь завоеванных и поработанных ими людей. (Поработанных! Ну не смешно ли? Как быстро они забыли о своем пребывании в Египте и Вавилоне!) Поэтому ему пришлось «позаимствовать» требуемые на завершение акведука средства из храмовой сокровищницы, и на этом их причитания закончились. Конечно, иудеи продолжали строчить жалобы в Рим, но там у него имелись влиятельные сторонники. Разумеется, пока был жив Сеян.

И вот теперь на горизонте появилось нечто новенькое. Нечто такое, что могло спасти Понтия Пилата, направив в другое русло гнев Тиберия, чьи руки обычно бывали длинными и хватка железной, когда дело касалось репрессалий по отношению к подчиненным, лишившимся его благоволения.

Пилат встал и беспокойно прошелся по террасе.

Он получил доброе известие из своих авторитетных источников — гнезда шпионов и информаторов, жизненно необходимого для наместника в любой провинции. По их сообщениям, в окрестностях Иерусалима появился иудей, который странствовал по пустыням, заявляя, как уже частенько бывало, что он есть *inunctus*, то бишь помазанный. Такого человека греки называли «христос», что означало «покрытый елеем или священным миром», а иудеи называли «мессия», что означало, насколько

понял Пилат, то же самое. Ему сообщили, что подобные явления издавна известны в истории иудейской веры: иудеи истово верили, что в какой-то момент явится человек, предназначенный избавить их из любого мыслимого рабства и превратить весь мир в некий всеобщий иудейский рай. В последнее время желание встретить такого царственного помазанника, казалось, достигло апогея, и Понтий Пилат надеялся, что судьба проявила благосклонность именно к нему. То есть он рассчитывал, что его спасут сами иудеи!

В сложившейся ситуации синедрион, иудейский совет старейшин, поддержал новоявленного спасителя, как и многочисленные ученики его из поселения ессеев, последователей того безумца, который несколько лет назад купал людей в воде. Поговаривали, что он подвергся преследованиям со стороны Ирода Антипы, иудейского четвертовластника в Галилее, чью жену Иродиаду он назвал блудницей, и что Антипа приказал обезглавить этого парня по просьбе своей падчерицы Саломеи. Неужели не будет конца вероломству этих людей? Антипа испугался нового миропомазанника; он поверил, что тот является перевоплощением обезглавленного им любителя воды, вернувшегося, чтобы отомстить четвертовластнику.

Но в этой игре был и третий участник, помещенный Пилатом даже на более важную позицию: римская марионетка, иудейский первосвященник Каиафа, обладавший большей политической силой в Иерусалиме, чем сам Пилат. Каиафа целиком посвятил свою деятельность избавлению от подстрекателей, стремившихся к развалу Римской империи и цивилизованного правления. Поэтому Каиафа и Антипа ненавидели и боялись этого иудея, а синедрион и тот купальщик поддерживали его. Тем лучше. Если этот парень заявится сюда, то Понтий Пилат предоставит самим иудеям разобраться с ним.

Пилат окинул взглядом равнину за западной стеной, где прямо сейчас садилось солнце. Он услышал, что прибывшие войска собираются во внутреннем дворе, как они делали перед каждым весенним праздником. Они помогут совладать с потоком паломников, устремляющихся в Иерусалим на празднование весеннего равноденствия, которое, как обычно, иудеи упорно приравнивают к особо почитаемому ими событию — в данном случае прохождению какого-то духа мимо их домов в Египте более тысячи лет назад.

До Пилата доносились выкрики строевого командира, отдающего приказы новым отрядам. Подметки кожаных военных сандалий гулко топали по мраморным плитам нижнего двора.

Наконец Пилат повернулся, чтобы взглянуть через балюстраду террасы на выстроившиеся внизу центурии. Солдаты, прищурившись, смотрели на него — прямо на заходящее солнце, полыхающее за его спиной огненным кругом, так что они могли видеть лишь смутные очертания его фигуры.

Именно по этой причине он всегда выбирал для смотра такое время и место.

— Римские солдаты! — сказал Пилат. — Вы должны быть готовы к сложностям предстоящей недели, ибо в наш город придут толпы паломников. Вы должны быть готовы справиться с любыми событиями, которые могут быть расценены как чрезмерное бремя для империи. Ходят слухи, что подстрекатели будут стремиться превратить мирный праздник в хаос, попирающий закон и порядок. Римские воины! Грядущая неделя может стать временем, когда действия любого из вас окажутся способны изменить ход жизни империи или даже ход самой истории. Давайте же помнить, что наша первейшая обязанность — предотвращать любые действия против государства со стороны тех, кто желает по причине религиозного рвения или личной выгоды изменить судьбу Римской империи —

изменить ход нашей с вами судьбы.

Незадолго до рассвета Иосиф Аримафейский, усталый и измученный долгим плаванием, появился на окраине Иерусалима. В глубине сознания он все еще слышал звуки прошедшей ночи — плеск волн о борта его больших кораблей, шлепки весел по воде, шепот людей над безлунной морской гладью, — раздававшиеся в тот момент, когда незнакомая лодка приблизилась к его торговой флотилии, что стояла на якоре в гавани Яффы, ожидая рассвета, чтобы войти в порт.

Еще до того, как посланник Никодима назвался и взошел на борт, и до того, как сам Иосиф прочел доставленную записку, у него возникло ощущение неминуемой гибели. Записка была намеренно краткой, чтобы защитить ее смысл от случайного взгляда непосвященных. Но именно эта недосказанность вызвала у Иосифа множество дурных предчувствий. Даже сейчас он видел перед собой эти слова:

«Поспеш. Время пришло. Никодим».

«Он сообщает, что время пришло. Но как же оно могло так быстро прийти? — мучительно размышлял Иосиф. — Еще совсем не время!»

Отбросив рассуждения и сомнения, Иосиф разбудил спящую команду и приказал ввести в порт Яффы его флагманский корабль — прямо сейчас, в кромешном ночном мраке.

Его страстно пытались отговорить, несомненно полагая, что хозяин сошел с ума. А после причаливания в порту Иосиф продемонстрировал еще большее помешательство. Оставив команду охранять драгоценный груз — неслыханный поступок для владельца такой крупной торговой флотилии! — он нарушил римский комендантский час, пронесясь по улицам, заставил слуг подняться и запрячь лошадей и отправился один в ночную поездку. Синедрион, иудейский совет старейшин, собирается на рассвете. И он должен успеть на это собрание.

Проезжая по опасным пустынным дорогам в ночном безмолвии, нарушаемом лишь стуком копыт по камням, горячим дыханием взмыленных лошадей да стрекотом цикад в близлежащих рощицах, Иосиф вновь углубился в тревожные размышления, все назойливее звучавшие в его пытливом уме: «Что же сделал Учитель?»

Когда Иосиф Аримафейский въехал в город, первые рассветные лучи окрасили розовым светом небо над Масличной горой, подчеркнув силуэты сплетенных крон древних оливковых деревьев. Колотя кулаками по двери, Иосиф поднял с постели конюха и поручил ему накормить и почистить лошадей. Затем он быстрым шагом направился к каменной лестнице и, перескакивая через две ступени, поднялся по ней в верхний город.

Во влажных предрассветных сумерках он заметил, как трепещет листва акаций на раннем утреннем ветерке. Каждую весну Иерусалим утопал в золотистом море их хрупких, отягощенных буйным цветом ветвей. Поднимаясь над нишами и арочными сводами, акации, казалось, заполняли малейшие пустоты извилистых городских улиц. Вот и сейчас Иосиф прошел по кривой улочке и, поднимаясь на холм, вдохнул их густой аромат, словно благовонный ладан из курильницы, проникающий во все темные уголки спящего города и кружащийся над водоемами у подножия горы Сион. Акация, священное для иудеев дерево.

— «И пусть они соделают мне святилище, чтобы Я мог жить среди них», — вслух процитировал Иосиф.

Неожиданно перед ним выросла высокая царственная фигура Никодима, и Иосиф понял, что уже

дошел до знакомых ворот парка, окружавшего дворец Никодима. Слуга бросился запирать за ним ворота, а Никодим, густые волосы которого рассыпались по широким плечам, раскрыл объятия своему другу. Иосиф также сердечно обнял его.

— Еще ребенком, когда я жил в Аримафее, — заметил Иосиф, поглядывая на море золотистых ветвей, — берега нашей реки сплошь покрывали ситтимовые деревья — римляне называют их акацией за острые шипы. Именно из этого дерева Яхве завещал нам построить первую скинию, ограды и жертвенник, святое святых, даже сам священный ковчег. Кельты и греки тоже почитают его как священное. У них такое дерево называется «золотая ветвь».

— Друг мой, ты провел слишком много времени среди язычников, — сказал Никодим, неодобрительно покачав головой. — Даже твой внешний вид сейчас является едва ли не преступлением в глазах Господа.

Иосиф уныло подумал, что с этим трудно не согласиться. Мускулистый и загорелый, в короткой тунике и сандалиях с переплетенными ремешками, с бритым лицом, кожа которого огрубела от палящего солнца и морского ветра, с волосами, заплетенными на скандинавский манер, он выглядел скорее гиперборейским кельтом, чем тем, кем он был в действительности: знатным, почтенным иудейским купцом и, так же как и Никодим, избранным членом «совета семидесяти» (так иногда называли синедрион).

— Ты поощрял Учителя, когда он был еще мальчиком, следовать этим заморским обычаям, что только сбивают с пути истинного, — попенял ему Никодим, когда они начали спускаться с холма. — И все-таки последние несколько недель я молился, чтобы ты прибыл до того, как станет слишком поздно. Возможно, только тебе под силу исправить ужасную ситуацию, сложившуюся за год твоего отсутствия.

Действительно, Иосиф воспитывал юного Учителя как своего собственного ребенка с тех самых пор, как умер отец мальчика — плотник, также звавшийся Иосифом. Он брал мальчика в дальние путешествия, приобщая к древней мудрости разных цивилизаций. Несмотря на отеческую роль, Иосиф из Аримафеи, ныне достигший сорокалетия и призванный заседать в синедрионе, был всего лишь на семь лет старше своего названного сына, которого невольно считал Учителем. Не простым равви, то есть своим учителем или наставником, но великим духовным лидером. Однако замечание Никодима оставалось пока неясным.

— А что именно нужно исправлять? Получив твою записку, я приехал сюда без промедления, — заверил его Иосиф, не упоминая об опасностях, которым подверг свое состояние и жизнь. — Но я предполагал, что у вас здесь какой-то политический кризис, чрезвычайная ситуация, непредвиденные обстоятельства, изменившие наши планы...

Никодим остановился и внимательно глянул на Иосифа темными глазами, проникающими, казалось, в самую глубину души, — хотя сегодня они покраснели то ли от бессонной ночи, то ли от слез.

Иосиф вдруг заметил, как сильно постарел его друг за этот короткий год его отсутствия. Положив руку на плечо Никодима, он терпеливо дожидался ответа, чувствуя, как его опять пробирает легкая дрожь, несмотря на то что утро было теплым и лавандовый оттенок предрассветного неба уже стал персиковым, поскольку солнце приблизилось к горизонту. Он сомневался, хочется ли ему услышать дальнейшие объяснения.

— Да нет у нас никакого политического кризиса, — сказал Никодим, — по крайней мере, пока нет.

Однако произошло кое-что, возможно, значительно более страшное. Думаю, это можно назвать кризисом веры. И он сам создает этот кризис, понимаешь? Он так изменился, что ты едва узнаешь его. Даже его родная мать не понимает этого. Как и дюжина его ближайших учеников, которых он называет «магическим кругом».

— Значит, он изменился? Но как именно изменился? — спросил Иосиф.

Пока Никодим подыскивал слова, Иосиф смотрел на раскинувшийся внизу город, где успокаивающе шелестели акации, пошевеливая под ветерком пальцами своих узких листьев. И он вознес к небесам молитву о ниспослании ему веры, особой веры, чтобы укрепить его дух перед грядущими событиями. И как только у него появился проблеск надежды, солнце взорвалось над кромкой Елеонской горы ослепительным сиянием, рассыпав сверкающие лучи по фасадам вилл и дворцов, что поднимались по склонам горы Сион, и проникнув даже в извилистую путаницу улочек нижнего города. В отдалении виднелись величественные стены храма Соломона, а ниже находились палаты из тесаного камня, куда вскоре соберутся законники и книжники синедриона.

Храм был задуман отцом царя Соломона, Давидом, первым поистине великим царем Израильским. Перестроенный и восстановленный после одной из войн, украшенный сокровищами многих великих царей, он являлся душой иудейского народа. Возвышаясь над множеством внутренних дворов, его беломраморные колонны блестели в утреннем свете, словно лес призрачных деревьев, и сам храм сиял над долиной, как солнце. Блестящая кровля из великолепной золотой черепицы — дар Ирода Великого — и сейчас, на рассвете, резала глаза, а днем отраженные лучи были просто ослепительны в своем блеске.

Это сияние заполнило и успокоило душу Иосифа, хотя он слышал приглушенный голос Никодима: — Дорогой Иосиф, я смог придумать лишь одно объяснение. Я думаю... все мы боимся... в общем, похоже, Учитель стал совершенно безумным.

В палатах из тесаного камня было всегда прохладно и сыро. Вода сочилась из стен, подпитывая растущие здесь переливчатые лишайники. Вырубленный в самом теле храмовой горы, этот зал с яйцевидным сводом располагался ниже двора священников и главного престола, где в давние времена правил суд Давид. Сюда вела винтовая лестница из тридцати трех ступеней, высеченных в древнем камне. Иосиф всегда воспринимал спуск в этот зал как своеобразный священный ритуал. В летние дни его сырая прохлада приносила облегчение. Но сегодня она лишь усугубила то дурное предчувствие, что прочно поселилось в душе Иосифа после разговора с Никодимом.

Хотя синедрион иногда называли «советом семидесяти», он состоял из семидесяти одного члена, считая главного первосвященника, — именно столько человек числилось в совете старейшин со времен Моисея.

Первым сошел по ступеням дородный первосвященник Иосиф Каиафа, облаченный в пурпурную ризу и желтый хитон. Его скипетр увенчивала большая золотая шишка, символизирующая жизнь, богатство и возрождение народа. Как все предшествующие первосвященники, Каиафа считался законным председателем синедриона по причине его высокого положения, а также и правового статуса, ибо закон и Тора едины.

С древнейших времен первосвященники избирались из саддукеев — сынов Садока, основателя этого рода и первосвященника царя Соломона. Но после покорения римлянами новый первосвященник, ставленник Ирода Великого, первым делом приказал казнить отпрысков многих благородных родов,

заменяв их в синедрионе своими назначенцами. Такая внутренняя зачистка значительно укрепила позиции фарисеев — наиболее либерального и открытого течения, включавшего в себя учителей закона и книжников, к которым принадлежали и Никодим с Иосифом.

Фарисеи имели большинство голосов в совете, и их глава Гамалиил, внук легендарного раввина Гиллеля, был фактически главой синедриона, острейшей колючкой для души Иосифа Каиафы. Фарисеи не могли удержаться, чтобы не напомнить ему о том, что он занимает высокий пост не по праву рождения, как саддукейская знать, и не благодаря учености, как фарисеи, но просто как зять бывшего первосвященника Анны.

Следуя со своими спутниками по лестнице в зал собрания, Иосиф подумал с дурным предчувствием, что только одного человека ненавидел Каиафа больше, чем фарисеев. И этот человек — сам Учитель. Последние три года Каиафа изрядно погонял своих храмовых ищеек, которые словно собачья свора вынюхивали любое деяние Учителя. Он пытался арестовать Учителя как мятежника после той знаменитой истории с опрокидыванием прилавков в храмовом дворе, где родственники Иосифа Каиафы уже много поколений держали прибыльную голубиную концессию. И действительно, богатство, добытое продажей жертвенных птиц и прочих ритуальных вещей в дни религиозных праздников и паломничества, обеспечило Каиафе его нынешнюю синекуру и приданое иудейской знатной девицы, на которой он женился.

Когда все члены совета, спустившись по спиральной лестнице, заняли свои места, первосвященник Каиафа благословил присутствующих и отступил в сторону. Благородный равви Гамалиил, откинув назад длинные волосы и шелестя свободно ниспадающими богатыми одеждами, вышел вперед, чтобы открыть заседание.

— Важное предназначение ниспослано нам Господом, — нараспев произнес он волнующим басом, густым и звучным, как голос колокола. — Вне зависимости от наших жизненных целей, наших желаний и решения нынешнего заседания, я полагаю, что выражу общее мнение, сказав, что никто из нас не покинет этот зал с чувством полного удовлетворения после обсуждения печального дела Иешуа, сына Иосифа из Назарета. Поскольку тяжело наше бремя, я предпочту начать с более радостной темы. Как вы видите, к нам только что вернулся самый знатный путешественник из всей нашей странствующей по свету братии — Иосиф Аримафейский.

Все собравшиеся члены совета обратили взоры на Иосифа. Многие одобрительно кивнули в его сторону. Гамалиил продолжил:

— Ровно год назад Иосиф Аримафейский согласился по приватному назначению, возложенному на него мною и тетрархом Галилеи, Иродом Антипой, выполнить секретную миссию в Риме ради блага потомков Израиля. В планы торгового путешествия его флотилии входило посещение Британии, Иберии и Греции. Но когда был издан приказ об изгнании иудеев из Рима, мы попросили Иосифа направиться прямо на Капри...

Как только Гамалиил упомянул остров Капри, члены совета начали переглядываться друг с другом и возбужденно шептаться.

— Я не буду томить вас неизвестностью, поскольку большинство из вас догадались, к чему я клоню. При содействии императорского племянника Клавдия, давно знакомого с семейством Ирода, Иосиф Аримафейский получил аудиенцию у императора Тиберия в его дворце на острове Капри. В ходе их встречи, как нельзя кстати проходившей вскоре после казни Луция Сеяна, Иосиф Аримафейский

сумел склонить императора к мудрому решению о возвращении иудеев в Рим.

Последнее замечание вызвало бурную реакцию собравшихся, а сидевшие поблизости от Иосифа советники, включая Никодима, сердечно пожали ему руки. Несколько месяцев назад все члены синедриона узнали об этом благоприятном для них указе сената. Но до возвращения Иосифа из дальних странствий, то есть до сего момента, его личное участие в данном деле держалось в строжайшей тайне.

— Я понимаю, что моя просьба может показаться несколько необычной, — продолжил Гамалиил, — но поскольку Иосиф Аримафейский сослужил нам столь важную службу и учитывая особый характер его отношений с Иешуа, сыном Иосифа из Назарета, я хочу для начала спросить у него, как он лично предпочел бы провести наше собрание. Из присутствующих здесь членов совета одному только Иосифу неизвестны все обстоятельства, которые привели к столь тяжким последствиям. Стоящий за его спиной первосвященник Каиафа нахмурился, недовольный таким изменением процедуры. Но многие члены совета одобрительно кивнули, и Иосиф ответил:

— Я от всего сердца благодарю вас всех. Я прибыл в Яффу лишь сегодня утром, до рассвета, и сейчас моя флотилия даже еще не завершила вход в порт, а я не успел освежиться и переодеться с дороги. Поспешность моего прибытия сюда объясняется причиной нашего сегодняшнего заседания. На самом деле у меня даже не было времени разобраться, какова эта причина, и я знаю только, что Иешуа, Учитель, которого, как многим из вас известно, я считаю членом моей семьи, пребывает в некоем ужасном состоянии, затрагивающем всех нас.

— Тогда мы должны рассказать тебе эту историю, — сказал Гамалиил, — и каждый из нас по очереди внесет свою лепту в рассказ, поскольку большинство из нас знают лишь разрозненные части всей истории. Если вы позволите, я начну первым.

Прошлой осенью он в полном одиночестве прибыл в Иерусалим на праздник кущей. Это потрясло всех, кто знал его. В Галилее ученики трижды просили его пойти с ними в Иерусалим, чтобы распространить слово Божье, как он делал во время всех священных событий, и явить исцеляющий дар праздничному народу. Он трижды отказался и послал их одних. Но потом тайно пришел сам, вдруг неожиданно появившись во дворе храма. Он выглядел странным и загадочным, совсем не похожим на себя, как будто задумал нечто особенное.

Праздник кущей, отмечаемый в период осеннего равноденствия, посвящен той первой скинии, сделанной из акации по повелению Господа во время нашего исхода из Египта, и служит напоминанием о шатрах, в которых жил наш народ в пустыне. На прошлогоднем празднике во всех парках, дворах и частных садах Иерусалима, как обычно, появились легкие, украшенные цветочными гирляндами палатки, открытые для звездного света, ветра и дождя, нисходящих на наши семьи и наших гостей, которые живут в этих палатках всю праздничную неделю до завершающего дня, когда в храме читают последнюю главу Торы — о смерти Моисея, что символизирует для нашего народа конец старого цикла.

В завершение восьмого праздничного вечера, когда в каждом дворе или саду хозяин встает после трапезы, он начинает читать молитву из Агады, превосходящую древностью своей сам праздник. О чем он молится? Он просит у Бога милости за то, что неделю жил в шатре: просит, чтобы в следующем году его сочли достойным сидеть в шатре Левиафана. А что символизирует собой шатер Левиафана? Он означает приход нового времени, времени мессианского царства, знаменующегося

явлением мессии, миропомазанного, того, кто победит это морское чудище и использует шкуру его для шатра праведного и плоть его для мессианского пиршества. Мессия освободит нас от кабалы, объединит в единое царство, вернет обратно ковчег завета и прославит храм веры подобно Давиду и Соломону. Как кровный потомок этих великих царей, он поведет избранный народ к славе и принесет с собой золотое время — не только новый год, но новую эру.

Как вы понимаете, совсем не случайно Учитель в одиночестве отправился из Галилеи на этот особый праздник.

В тот самый восьмой вечер он появился в саду Никодима во время чтения свитков Торы. В обширном саду Никодима росло множество деревьев. Как обычно по случаю праздника, там было много шатров, украшенных цветами и освещенных факелами, а ворота оставались открытыми для паломников и любых других странников.

В конце праздника, когда Никодим поднялся, чтобы дать благословение и смиренно попросить Бога удостоить его чести на будущий год сидеть в шатре морского чудища, Учитель встал со своего места в одной из ближайших палаток. В ниспадающем белом хитоне, с развевающимися волосами, он приблизился к Никодиму, сдвинул в сторону блюда и кубки и взобрался на низкий медный стол. Он поднял вверх кувшин с водой и, поддерживая его обеими руками, начал лить воду повсюду — на стол, на землю, обрызгивая еще сидевших вокруг гостей, которые в тревоге вскочили на ноги. Все пребывали в изумлении и смятении; никто не понимал, что означают его действия, да и что тут можно было подумать? Потом Учитель бросил кувшин на землю, воздел к небу руки и воскликнул: — Кто жаждет, иди ко Мне и пей; кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой.[3]

И, по воспоминаниям всех присутствовавших, его голос был так звучен, а вдохновенная речь так убедительна, что лишь гораздо позже они начали задумываться, о чем же он, в сущности, говорил. Когда ужин был завершен и люди направились к выходу из сада, Никодиму удалось подслушать разговор его знакомых фарисеев. Он узнал, что этим же вечером на другом конце города, во дворце Каиафы, спешно созывается тайный совет. Хотя Никодима не пригласили, он сам решил отправиться туда, сознавая, что даже самых ярых сторонников Учителя потрясло и смутило столь странное поведение.

На следующее утро он рано пришел в храмовый двор, чтобы раньше других встретиться с Учителем. Никодиму хотелось уберечь его от любых новых деяний или речей, поскольку зачастую их неверно истолковывали даже его собственные ученики. Предыдущим вечером, несмотря на горячие возражения Никодима и других членов совета, в том числе личной храмовой стражи Каиафы, первосвященник настоял на том, что необходимо создать ситуацию, позволяющую арестовать Учителя, как только он появится утром в храме.

Учитель прибыл сразу после Никодима. Как и вчера, он пришел в белом хитоне. Едва лишь он появился во дворе, его окружили люди, многие из которых участвовали в тайном собрании. На сей раз они подготовились лучше. По наущению Каиафы сегодня они привели с собой одну прелюбодейку. Они подтолкнули ее к Учителю и спросили, считает ли он, что они должны забросать ее камнями, как предписывает закон. Это была ловушка: все знали, что, как и Гиллель, вольно толковавший брачные законы, особенно в отношении женщин, Учитель полагал, что раскаявшийся человек может получить прощение за грех прелюбодеяния.

Но к всеобщему удивлению, Учитель вообще ничего не сказал. Вместо этого он опустился на колени и начал писать что-то пальцем на земле, словно ничего не слышал. Постепенно вокруг собралась целая толпа народа, желавшая поглазеть на его действия и поиздеваться над женщиной, которую держали перед ним, словно аппетитный кусок мяса на вертеле.

Прошла, наверное, целая вечность, но наконец эти люди, видимо, надоели ему. Он встал и молча оглядел окружающих пронизательным взглядом, словно проникающим в душу каждого человека для составления окончательного суждения. Наконец он заговорил.

— Кто из вас без греха, — сказал он собравшимся, — первый брось на нее камень.

И вновь тихо опустился на землю и продолжил свои писания. Спустя долгое время он поднял глаза и увидел, что перед ним осталась лишь одна виновница ситуации. Больше никого не было.

— Иди и впредь не греши, — сказал он ей.

Услышав его слова, Никодим, находившийся неподалеку, понял важность того, что сделал Учитель. Он рискнул своей жизнью ради женщины, которую считал виновной, ибо сказал ей: «Впредь не греши». Учитель заставил каждого человека представить себя судьей — включая саму женщину, ибо она тоже осознала важность того, что сделано ради нее.

Когда женщина удалилась и Учитель остался один, Никодим подошел и встал рядом с ним, поскольку тот все еще продолжал рисовать что-то на земле. Никодим заинтересовался, что же Учитель рисует. Присмотревшись, он заметил, что на земле нарисован какой-то замысловатый узор — хитроумный узел, у которого невозможно найти ни начала, ни конца.

Почувствовав присутствие Никодима, Учитель поднялся с земли. Он стер ногой начертанный им рисунок. Когда Никодим упомянул о том, как рисковал Учитель, тайно отправившись в одиночку из Галилеи, Учитель улыбнулся и сказал:

— Дорогой Никодим, неужели я кажусь тебе одиноким? Но это не так: я пришел сюда с моим Отцом. Не забывай, шофар звучит и в Галилее.

Это высказывание, конечно, относилось ко Дню очищения после новогодних празднеств, когда Учитель был еще в Галилее: в этот день, как обычно в конце каждого года, дули в бараний рог, призывая к всеобщему покаянию и размышлению, дабы в грядущем году все верующие смогли лучше исполнить волю Бога. Но такое небрежное упоминание об этой извечной традиции вызвало у Никодима беспокойство, что она могла приобрести новый смысл в возбужденном и деятельном уме Учителя. Что же он имел в виду на самом деле?

Прежде чем Никодим успел прояснить свое недоумение, Учитель быстро направился к внешнему двору храма, у стен которого сидели менялы. Никодим, запыхавшись, догнал его там. Учителя вновь окружили прежние насмешники — вероятно, он ожидал и даже хотел этого — и начали обвинять его в приведении ложного свидетельства. Последовавший за этим разговор положил начало слухам о его возможном безумии.

Когда ему сказали, что сами они происходят от семени Авраамова и им не требуется никакого нового наставника, тем более нагло объявляющего себя мессией и наследником рода Давидова, Учитель имел смелость сказать, что лично знал Авраама. Более того, он сообщил им, что Авраам возрадовался, узнав о миссии Учителя на земле. Тогда иудеи сказали, что Учитель едва ли достаточно стар для того, чтобы знать такого человека, как Авраам, умершего тысячи лет назад. Учитель молча посмотрел на них. Потом сказал, что Господь лично познакомил их! И еще сообщил,

что сам он — Учитель — является сыном Господа, плотью от плоти Его! Но и это еще не все. Он сказал им, и многие из присутствовавших были тому свидетелями:

— Я и мой Отец — суть одно. Истинно говорю вам: прежде нежели был Авраам, Я есмь!

За такое богохульное использование священного имени его хотели побить камнями, но он удалился от них.

Однако то было лишь начало. Три месяца назад, спустя много времени после того праздника, Учителя с его ближайшими учениками попросили прийти в Вифанию в дом юного Лазаря, брата Марии и Марфы из Магдалы. Этот отрок тяжело заболел и мечтал увидеть его перед смертью. Но, по словам учеников, Учитель повел себя плохо: он отказался уйти из Галилеи и навестить больного, несмотря на то что женщины умоляли его попытаться исцелить мальчика и спасти его от верной смерти. Когда же он наконец пришел к ним, мальчик уже три дня как умер. Мария сказала, что труп его начал смердеть, и они с сестрой отказались допустить Учителя ко гробу.

Поэтому Учитель не вошел в пещеру. Он стоял снаружи и звал Лазаря — юного, умершего Лазаря, — пока не поднял его. Он поднял его из гробницы его отцов. И вышел умерший, обвитый по рукам и ногам гниющими погребальными пеленами с личинками, уже принявшимися за труп. Он воскресил его из мертвых.

— Милостивый Боже, — прошептал Иосиф из Аримафеи, когда рассказ был закончен.

Он взирал на членов синедриона туманным взором, не в силах вымолвить хоть слово. Что мог он сказать? Саддукеи проповедовали, что смерть является всего лишь концом жизни; фарисеи учили, что праведник, проживший по закону, может быть вознагражден вечной жизнью на небесах. Но никто не верил в воскресение или в то, что разлагающийся во гробе труп можно вернуть к жизни на земле. Это был невообразимый ужас.

Многие из собравшихся, понимая ужасное оцепенение Иосифа, отводили взгляды. Но первосвященник Каиафа, до сей поры хранивший молчание, решил теперь внести свою лепту в эту историю.

— По всей видимости, милый Иосиф, твой питомец, наш драгоценный Иешуа, сын Иосифа из Назарета, скромного плотника, преуспел в мастерстве факиров, — сказал он противным вкрадчивым голосом. — Вместо того чтобы стать нашим духовным лидером — учителем, равви, помазанным царем или кем угодно, — на что мы все здесь надеялись, он, очевидно, превратился в безумца, возомнившего, что ведет свой род от самого Господа и может самовольно решать, кому жить, а кому умирать. Странно, откуда такая идея могла возникнуть в его смятенном мозгу?

Он взглянул на Иосифа с ехидной усмешкой.

Иосиф отлично понимал, что многие члены совета, несмотря на молчание, разделяют мнение первосвященника. Ибо Господь есть святой, несказанный и неосязаемый: Он не мог воплотиться в земное существо. Иосиф мучительно размышлял, как же такое могло произойти. Всего за один год его мир перевернулся.

Иосифу необходимо было срочно увидеться с самим Учителем. Он знал его лучше других и всегда верил, что ему одному понятна чистота души Иешуа. Он должен увидеться с ним наедине, до того как станет слишком поздно.

Красивое, но заросшее сорняками имение Иосифа у подножия Масличной горы, где он редко бывал из-за своих дальних путешествий, называлось Гефсиманией. Он понимал, что сейчас Учитель вряд

ли приведет туда своих учеников, да и сам не придет без приглашения Иосифа. Оставалось лишь одно место в холмистых окрестностях города, где Иисусу всегда были рады, — в селении Вифания, в доме Лазаря из Магдалы и его сестер, Марии и Марфы.

При одной мысли о сестрах из Магдалы Иосифа, как обычно, охватили сложные чувства. Мариам из Магдалы, или Мария, как называли ее римляне, напоминала ему о всей его жизненной несостоятельности как мужчины и как праведного иудея. Он любил ее — это было совершенно бесспорно, — любил всем сердцем, как только способен мужчина любить женщину. И хотя в свои сорок лет он уже годился ей в отцы, но, будь на то его воля, давным-давно с удовольствием выполнил бы свой священный долг перед Господом и помог появиться на этой земле плодам его семени, как сказал бы Никодим.

Однако Мариам любила другого. И хотя многие определенно догадывались, но только Иосиф Аримафейский знал наверняка, что свою любовь она отдала Учителю. Иосиф не винил ее за это, поскольку и сам любил его. Именно поэтому он так и не признался ей открыто в своей любви. И не признается, пока жив Учитель. Однако он отправил посыльного в Вифанию, чтобы напроситься к ним в гости.

Как сообщила ему по секрету Марфа, в четверг Учитель придет из Галилеи, а на пятницу назначен официальный обед и легкий ужин, где Учитель собирался сделать важное заявление. Памятуя о том, что во время последнего посещения этого дома Учитель поднял из гроба его юного главу, Иосиф в мрачном расположении духа размышлял о том, чем же будет чревато его нынешнее явление.

В пятницу утром Иосиф отправился в Вифанию, расположенную в нескольких милях от Гефсиманского сада. Подъехав к дому сестер, он увидел это явление — вернее, призрачное видение в белом хитоне, — спускавшееся по склону холма с раскинутыми руками. Это был Учитель, но он выглядел как-то странно. Его окружало множество людей, как обычно, в основном женщины, облаченные в белые одежды, все несли охапки цветов и пели незнакомую, но западающую в память песню.

Потеряв дар речи, Иосиф сидел в колеснице. Учитель подошел к нему в своих струящихся свободными складками одеждах, заглянул в глаза Иосифа и улыбнулся. Лишь на мгновение Иосиф увидел в нем того ребенка, которым он был когда-то.

— Возлюбленный Иосиф, — сказал Учитель, беря его за руки и помогая выйти из колесницы. — Я так жаждал встречи с тобой.

Потом, вместо привычных объятий, Учитель пробежал пальцами по его рукам, плечам и лицу, словно ощупывал неведомое животное или, подобно скульптору, запечатлял в памяти его черты для создания языческого изваяния. Иосиф не знал, что и думать. Однако он почувствовал какое-то необычное тепло, проникающее глубоко под кожу, пронизывающее его плоть до костей, словно в его организме происходило какое-то физическое изменение. Он отстранился, испытывая смутную тревогу. Его раздражали окружившие их поющие люди, и ему очень захотелось уйти с Учителем в какой-нибудь уединенный уголок. Словно угадав его мысли, Учитель спросил:

— Ты захочешь остаться со мной, Иосиф?

— Ты имеешь в виду, останусь ли я на обед и ужин? — уточнил Иосиф. — Да, Марфа все организовала. Я буду с тобой, сколько ты пожелаешь; нам действительно нужно поговорить.

— Я имею в виду, ты захочешь остаться со мной? — повторил Учитель с непонятной Иосифу

интонацией.

— Остаться с тобой? — сказал Иосиф. — Пожалуй, да. Ты же знаешь, что я всегда с тобой. Именно поэтому нам нужно...

— Ты захочешь остаться со мной, Иосиф? — вновь сказал Учитель, словно повторял некую важную условную фразу.

Он по-прежнему улыбался, но его мысли, казалось, витали где-то далеко, и Иосиф испытал приступ холодного страха.

— Давай пройдем в дом, — быстро сказал он. — Мы так давно не виделись, нам нужно многое обсудить наедине.

Отмахнувшись от сопровождения, он повел Учителя вверх по дороге к дому. Нужно будет послать кого-то позаботиться о лошадях. Они вошли на открытую галерею большого, беспорядочно разбросанного каменного строения.

Пройдя в тихий уголок внутреннего двора к затененному листвою деревьев пруду, Иосиф положил руку на предплечье Учителя. Он вдруг обратил внимание, что его пальцы коснулись прохладного полотна нового белого одеяния, о коем упоминали Никодим и другие члены совета. Иосиф, будучи знатоком привозных товаров, сразу понял, что это не та общеизвестная и доступная по цене галилейская ткань, на производстве которой зиждилось благосостояние семьи Лазаря и многих других жителей Галилеи. Скорее это было гораздо более дорогое полотно из Северного Египта, можно даже сказать, очень дорогое, поскольку оно стоило примерно столько же, сколько другая ткань — изготавливаемый тайным способом китайский шелк, весьма редкий материал, который в Риме разрешалось носить только членам императорской семьи. Где же Учитель достал такую роскошь? И почему, проповедуя отказ от всех мирских богатств, он сохранил этот наряд, а не продал его, чтобы раздать деньги нуждающимся, как он обычно и поступал, даже если его дары бывали порой весьма необычными?

На заднем дворе около глиняных печей, где сутились слуги, они нашли и старшую сестру, Марфу. Ее волосы были заплетены и покрыты платком, а шея поблескивала от пота.

— Сегодня я устрою настоящее пиршество с жертвенными блюдами, — с гордостью сказала Марфа, когда эти двое мужчин подошли к ней, осторожно пробравшись между слуг, уносящих тяжелые блюда с закусками. — Маринованная в винном соусе рыба, — продолжила она, — хлеб с подливкой, куриный бульон, жаркое из барашка и первые весенние овощи и зелень из нашего сада. Я готовилась несколько дней! Зная, что Учитель обычно приводит с собой много гостей, я специально наготовила всего побольше на всякий случай. Хотя Пасха начнется только на следующей неделе, у нашей семьи есть особый повод для празднества. И не только потому, Иосиф, что ты благополучно вернулся из плавания, но также в благодарность за то чудо, что совершила всего лишь три месяца назад вера Учителя с нашим младшим братом Лазарем. Ты наверняка уже слышал об этом.

Марфа одарила Учителя сияющей любящей улыбкой, видимо не замечая в нем ничего странного.

Удивленный Иосиф тоже взглянул на него, и действительно, прежнее ощущение странной отрешенности от всего земного исчезло. Оно сменилось тем сердечным сочувствием, которое совершенно необъяснимым и неотразимым образом притягивало множество влиятельных последователей, приобретенных Учителем за короткое время его проповедничества. Казалось, Учителю ведомы самые потаенные желания души любого человека, но при этом он обладал

способностью все прощать и оправдывать.

— Дорогой Иосиф, — произнес Учитель с такой улыбкой, словно предлагал ему вместе порадоваться хорошей шутке, — пожалуйста, не верь ни слову из того, что сказала тебе эта женщина! На землю Лазаря вернула действительно вера, но верующими были она сама и ее сестра. Возможно, я и помог ему вернуться, но лишь как повитуха, принимающая на свет младенца, ведь один Господь являет нам чудеса рождения и возрождения как из женского, так и из земного лона. И дарит их только истинно верующим.

— Наш брат сможет поделиться с тобой своими переживаниями, — заверила Марфа Иосифа. — Сейчас он гуляет в саду с другими гостями.

— И Мариам с ними? — спросил Иосиф.

— Учитель, тебе и правда надо бы как-нибудь повлиять на нее, — вдруг сказала Марфа, словно вспомнив о чем-то важном. — Все утро ее носило вместе с вами по холмам, а сейчас она опять в саду с твоими учениками и их близкими. Ее интересует только философская болтовня, а жизнь-то проходит, и реальность набрасывается на нас, как тяжелый вьюк на спину осла. Тебе бы нужно усовестить ее.

Учитель пристально посмотрел на Марфу, а потом заговорил с горячностью и страстностью, совершенно ошеломившей Иосифа.

— Я люблю Мариам, — сказал Учитель ее сестре, хотя голос его был скорее сердитым, чем любящим. — Я люблю ее больше, чем родную мать, больше, чем Иосифа, воспитавшего меня. Я люблю ее больше всех моих братьев, даже тех, кто был со мной с самого начала. Существует некий союз, узел, узы взаимопонимания, связывающие Мариам со мной; они сильнее всего, и ничто не сможет разорвать этот узел, даже смерть. Неужели ты воображаешь, что для Мариам важнее суетиться, помогая тебе готовить еду, пусть и на толпу гостей, чем посидеть у моих ног на час дольше, пока я еще с вами?

Иосифа поразила жестокость Учителя. Как мог он упрекать женщину, только что превозносившую его до небес за спасение жизни их брата и три дня готовившую угощения для него самого с учениками и для множества незваных гостей?

Иосиф заметил, как у Марфы задрожал подбородок и глаза наполнились слезами. Но когда он уже собрался вмешаться, настроение Учителя опять вдруг переменялось. Марфа попыталась закрыть руками залитое слезами лицо, но Учитель завладел ими, склонил голову и поцеловал ее натруженные, испачканные тестом и мукой ладони. Вновь заключив ее в свои объятия, он поцеловал ее в голову и, успокаивающе покачивая, начал поглаживать по спине. А когда она перестала плакать и вроде бы успокоилась, он отстранился и внимательно посмотрел на нее.

— Марфа, Мариам выбрала верный путь, — мягко сказал он. — Пусть каждый из нас отдает согласно нашим личным способностям. Никого нельзя порицать за исполнение воли Отца нашего, — добавил он в заключение и решительно направился в сторону террасы, взяв под руку Иосифа, не успевшего даже осознать, что произошло.

На огороженном стенами зеленом участке за домом приглашенные гости толпились вокруг столов, ковров и других приспособлений, устроенных для них под сенью увитого виноградными лозами навеса, протянувшегося к фруктовому саду. А за этими старыми, изрядно побитыми ветром и дождем каменными стенами, на тенистых берегах небольшой речки могли отобедать незваные, но

все равно желанные гости.

В беседке под виноградными лозами, уже развернувшими первые листочки, Иосиф увидел рыбаков из Галилеи: Андрей и брат его Симон тихо беседовали о чем-то со своими приятелями из почтенного дома Зеведея, Иоанном и Яковом, которых он обычно называл «гром и молния» за их порывистую вспыльчивость и страстность. Рядом сидел юный Марк, нареченный позже Иоанном; он пришел на сегодняшний праздник из иерусалимского дома своей матери.

Иосиф слегка испугался, видя, как много ближайших учеников и их родственников собрались сегодня все вместе. Тем более здесь, в Иудее, под жестким контролем римского закона и под боком у Каиафы. Если они планировали надолго задержаться в этих краях, то ему следовало перевезти их в свои гефсиманские владения, где слуги всегда надежно охраняли неприкосновенность его жилища. Отбросив в сторону эти мысли, он мягко остановил Учителя и потянул его за увитые виноградом шпалеры, не дав возможности гостям заметить их.

— Мой возлюбленный сын, — мягко сказал Иосиф, — ты так сильно изменился за короткий год моего отсутствия, что я просто не узнаю тебя.

Учитель обратил свой взор на Иосифа. Его удивительно ясные карие глаза с зеленоватыми и золотистыми крапинками всегда казались нереальными Иосифу. Это были глаза человека, хорошо знакомого с иными, нереальными мирами.

— Я не изменился, — печально сказал Учитель и улыбнулся. — Изменения происходят в окружающем нас мире, Иосиф. И во времена перемен мы, конечно, должны всецело сосредоточиться именно на неизменном и вечном. Грядет день, предсказанный Енохом, Илией и Иеремией. И так же как я помог вернуть юного Лазаря из могилы, так теперь наша задача доставить этот мир в его новую эпоху — такова моя земная миссия. Я надеюсь, что вы присоединитесь ко мне, все вы. Я надеюсь, вы останетесь со мной. Хотя вам не нужно следовать за мной туда, куда я должен пойти.

Иосиф не понял его последнего замечания, но решил пока не отвлекаться от намеченной темы.

— Мы все беспокоимся за тебя, Иисус. Пожалуйста, послушай меня. Мой друг, один из членов синедриона, рассказал мне о твоём приходе из Галилеи на осенний праздник кущей. Иешуа, ты же понимаешь, что синедрион является твоим самым сильным сторонником. Уезжая в прошлом году, я думал, что все будет хорошо, что ты будешь миропомазан на празднике грядущей осенью. Они собирались сами миропомазать тебя как мессию — нашего помазанника, избранного царя и духовного вождя! Почему же ты отказался от всего этого? Почему стремишься уничтожить все, что так старательно планировалось нашими мудрецами?

Учитель потер руками глаза.

— Синедрион — не самый сильный из моих сторонников, Иосиф, — сказал он. Его голос звучал устало. — Самый сильный сторонник — мой Отец на небесах; я лишь выполняю Его распоряжения. Если Его планы порой не совпадают с планами синедриона, то, боюсь, им придется согласовывать свои дела с Ним. — И добавил, все с той же усмешкой глянув на Иосифа: — А поскольку здесь мы затрагиваем неизменное и вечное, то это узловая проблема.

Учитель любил говорить загадками, и сейчас Иосиф отметил его постоянные упоминания об узлах и узах. Иосиф хотел прояснить эту тему, когда из-за виноградной шпалеры к ним вдруг вышла Мариам, улыбаясь той сердечной, чувственной улыбкой, от которой обычно таяло сердце Иосифа. Ее роскошные волосы, поблескивая на солнце, свободно рассыпались по плечам, придавая всему ее

облику некую безудержную и своевольную чувственность, отчего не только старейшины, но даже и ближайшие ученики относились к ней как к неоправданно дорогой и излишне опасной игрушке в окружении Учителя. Иосифу подумалось, что ей присуща какая-то древняя первоосновная сила, сила природы. Она была подобна древней Лилит, которую старейшие еврейские тексты называли первой женой Адама: спелый плод, налитый неудержимой жаждой жизни.

— Иосиф Аримафейский! — воскликнула она, бросаясь в его раскрытые объятия и сама пылко обнимая его. — Мы все скучали по тебе, но я соскучилась больше всех. — Она отступила на шаг и серьезно взглянула на него большими серыми глазами, опущенными густыми ресницами. — Мы с Учителем часто вспоминали тебя. Ты так отлично умеешь все улаживать, разрешать жалобы и споры. Ты с легкостью решаешь любые проблемы, и жизнь становится простой и понятной.

— Хотелось бы мне самому понять, что же все-таки произошло после моего отъезда, ибо я вижу явные изменения, — сказал ей Иосиф. — Раньше ведь не бывало никаких разногласий.

— Безусловно, он сказал тебе, что ничего не изменилось! — воскликнула Мариам, с дразнящей усмешкой поглядывая на Учителя. — «Спасибо, дела идут превосходно» — так он, наверное, сказал? Ничего подобного. Месяцами он скрывался от всех, даже от своих последователей. И все ради того, чтобы с триумфом войти в город на Пасху в следующее воскресенье, в окружении...

— Ты собираешься идти в Иерусалим при нынешнем положении дел? — встревоженно спросил Иосиф Учителя. — Я не думаю, что это разумно. Синедрион, несомненно, откажется признать тебя помазанником грядущей осени, если ты устроишь еще какой-нибудь скандал на этом празднике. Раскинув руки, Учитель обнял Иосифа и Мариам и привлек их к себе, словно малых детей.

— Я не могу ждать до осени. Мое время пришло, — просто сказал Учитель. Потом, слегка прижав к себе Иосифа, он шепнул ему на ухо: — Оставайся со мной, Иосиф.

На закате солнца толпы умиротворенных приверженцев Иисуса поднялись на гору, оставив на прибрежных полянах и в садах белоснежный ковер из цветочных лепестков.

Когда сгустилась тьма, Марфа разожгла огонь в глиняных масляных светильниках на террасе и слуги накрыли легкую вечернюю трапезу перед отходом ко сну. Здесь были двенадцать учеников, а также юный Лазарь, который выглядел бледным и болезненным и целый день почти не раскрывал рта, еще несколько пожилых женщин и сами сестры. Матушка Учителя прислала свои извинения, сообщив, что сможет прийти из Галилеи только к концу пасхального праздника.

Эта небольшая компания уютно расположилась за столом, освещенным мерцающими огнями ламп. Учитель вознес благодарности, и все преломили хлеб над щедрыми порциями горячей похлебки, после чего Мариам поднялась со своего места, взяв стоявший перед ней красивый резной ларец. Она подошла к Иосифу, сидевшему рядом с Учителем, и попросила его подержать эту каменную вещь. Молча открыв крышку ларца, Мариам окунула в него руки, и все сидевшие за столом вдруг прекратили разговоры, заметив, что она словно парит в этом дрожащем свете, подобно судьбоносному или пророческому ангелу.

Когда она вынула оттуда полные пригоршни благовонного масла, вся терраса, виноградник и сад сразу заполнились ошеломляюще сладостными ароматами нарда. Такая ароматическая смесь, как было известно Иосифу, стоила безумно дорого. Гораздо дороже полновесных пригоршней рубинов и золота.

Один за другим сотрапезники поняли, что должно произойти. Симон оттолкнул свою тарелку и с

трудом поднялся с места; Иаков и Иоанн Зеведеи бросились к Мариам, желая остановить ее, Иуда вскочил на ноги... Однако все они опоздали.

Иосиф держал алебастровый ларец и изумленно смотрел, как Мариам с ангельски прекрасным выражением лица позволила благовонному маслу пролиться с ее ладоней на голову Учителя и оно заструилось по его лицу и шее под хитон, — традиционный священный ритуал миропомазания царя. Потом она преклонила перед Учителем колени и развязала ремни на его сандалиях. Сделав знак Иосифу, она зачерпнула еще две пригоршни мира, опять-таки стоившие драгоценной царской короны, и полила им обнаженные ноги Учителя. С полнейшим смирением и обожанием Мариам тряхнула своими роскошными шелковистыми волосами и отерла ими ноги Учителя, как полотенцем. Все, включая Иосифа, оцепенели, глядя на эту нелепую и ужасающую пародию, некое почти чувственное извращение освященного веками таинства миропомазания, проводимого сейчас на неосвященной земле без священных или государственных полномочий. И проводимого женщиной! Первым опомнился Иуда, высказав мягкую версию того, что чувствовали все: помимо прочего, ужас вызывало и такое чрезмерно щедрое использование редкого благовония, стоившего целое состояние. — Мы могли продать это масло, чтобы помочь бедным! — воскликнул он с почерневшим от гнева лицом.

Иосиф обратил на Учителя пытливый взгляд.

В полумраке глаза Учителя горели темно-зеленым огнем. Он взглянул на Мариам, стоящую на коленях между ним и Иосифом. Он смотрел на нее так, будто запечатлевал черты ее лица в памяти, не надеясь увидеть ее вновь.

— Почему ты так переживаешь за бедных, Иуда? — сказал Учитель, не отрывая взгляда от Мариам. — Бедные останутся с тобой. Но я... не останусь.

И вновь Иосифу стало страшно. Он чувствовал себя беспомощным, сидя рядом с Учителем и тупо держа сосуд с благовонием. Словно прочтя мысли Иосифа, Учитель повернулся к нему.

— Позже Мариам объяснит все, что тебе нужно будет узнать, — тихо сказал он, едва шевеля губами. — А сейчас мне хотелось бы, чтобы вы привели мне животное для въезда в Иерусалим в грядущее воскресенье.

— Я умоляю тебя, откажись от этой сумасбродной затеи, — страстно прошептал Иосиф. — Ситуация сложилась крайне опасная... и кроме того, все это полнейшая дьявольщина. Ты оскверняешь древние пророчества. При всей любви к Мариам я должен заметить, что никто из царей иудейских не был миропомазан на неосвященной земле, да еще рукой женщины!

— Мой возлюбленный Иосиф, я пришел сюда не для того, чтобы стать царем Иудеи. Мне принадлежит иное царство, и, как ты верно заметил, у меня также другой способ миропомазания. Но у меня есть к тебе, друг мой, еще одна просьба. Во время пасхального ужина многие будут искать меня. Для безопасности нужно сохранить в тайне место, где мы соберемся на вечернюю трапезу. Ты должен прийти к храму и привести за собой других. Около рынка ты увидишь человека с кувшином воды. Следуй за ним.

— И это все твои указания? Нам просто нужно прийти к храму и следовать за каким-то незнакомцем? — уточнил Иосиф.

— Да, следуйте за водоносом, — сказал Учитель, — и все произойдет, как задумано.

Но вот что произошло после полуночи. Каиафа никогда не забудет, как его разбудил стук в дверь,

как он потянулся на кровати под покрывалом, спрашивая, который час. Внезапно он испытал чувства, о которых до сих пор лишь слышал: волосы у него на затылке действительно встали дыбом! И он понял, что вскоре произойдет нечто ужасно важное. Еще не зная определенно, что именно должно случиться, он понял, что настал долгожданный момент.

Храмовые стражники, охранявшие дворец первосвященника и его персону, сообщили из-за двери, что к дворцовым воротам пришел какой-то человек — осмелился прийти в строго охраняемый городской квартал глухой ночью во время римского комендантского часа — и просит о встрече с ним. По словам стражников, просителем был красивый, но мрачный иудей крепкого телосложения с резкими чертами лица. Он отказался говорить с кем-то, кроме первосвященника Каиафы, по секретному делу крайней важности. Поскольку он не предъявил никаких верительных грамот или предписаний, никаких объяснений для такого визита, стражники должны были либо арестовать и допросить этого человека, либо прогнать его. Однако они не знали, как лучше поступить.

В глубине души Каиафа понимал, что не нужно задавать никаких вопросов. Как один предатель понимает другого, Иосиф Каиафа понял, что знает этого человека очень давно, возможно целую вечность.

Слуга закутал его в роскошный зеленый халат с тяжелыми складками, и под охраной храмовой стражи он прошел по коридорам в зал, где ожидал его ночной посетитель. У Каиафы были тайные соображения по поводу некоего судьбоносного момента. Он понял, что его час настал.

Но впоследствии, когда его спрашивали об этой ночи — буквально допрашивали как римляне, так и синедрион, — он, как ни странно, ничего больше не мог вспомнить. Только пробуждение глубокой ночью, проход по длинному залу — и еще судьбоносное ощущение, о котором он, конечно, никому не сказал, поскольку это было исключительно его личное дело. Сама встреча и незнакомец виделись Каиафе неясно, словно его ум был сильно затуманен вином.

В конце концов, почему он должен помнить того человека, если их встреча заняла лишь мгновение той темной ночи? Об остальном позаботилась стража, заплатив предателю за усердие тридцать серебряных монет. Нельзя же было ожидать, что Каиафа надолго запомнит его имя! Вроде этот парень был из Дар-эс-Кериота, хотя уверенности не было даже в этом. В более широком смысле, подумал Каиафа, разве это имеет значение для великого исторического гобелена? Важен только сам момент.

Через две тысячи лет их имена будут подобны пылинкам, пролетевшим над обширной равниной.

Через две тысячи лет никто и не вспомнит об этом ничего.

Император Тиберий Клавдий Нерон вглядывался в ночную мглу.

Стоя на балконе этой безлунной и беззвездной ночью, он все же ясно видел четкие контуры своих сильных рук, покоившихся на парапете, и даже вены на них. Его большие темные глаза обозревали морскую гладь, следили за белыми барашками волн, бежавших по Неаполитанскому заливу туда, где скрывалась в чернильной темноте береговая линия.

Он обладал таким острым зрением практически с раннего детства, что помогло ему однажды спасти свою мать от преследователей, посланных Гаем Октавием, жаждавшим овладеть ею. Тогда они бежали по лугам и холмам через объятые пожаром леса, и огонь подступал так близко, что опалил ей волосы. Но потом Октавиан стал Августом, первым римским императором. Поэтому мать Тиберия развелась с его отцом, простым квестором, который командовал победоносным александрийским

флотом Юлия Цезаря, и стала первой римской императрицей.

Замечательной женщиной была его мать Ливия, ратовавшая за мирное сосуществование всех подданных Римской империи, почитаемая весталками и считавшаяся едва ли не богиней во всех провинциях. Ирод Антипа назвал в ее честь город, построенный им в Галилее. Сенат предложил назвать ее Матерью Отечества и присвоить ей также священный титул, который они закрепили за Августом.

Ливия в конце концов умерла. Но благодаря ей Тиберий стал императором, поскольку, содействуя амбициям младшего сына, она отравила всех законных наследников, стоявших между ним и императорским тронном. Включая, как поговаривали в семейных кругах, даже самого божественного Августа. Хотя, возможно, она способствовала лишь своим личным безмерным амбициям. Тиберий с интересом подумал, смогла бы Ливия разглядеть что-то в такой темноте, если бы оказалась нынче здесь.

Ему вспомнилось, как в прошлом году он простоял на этом самом месте почти всю ночь в ожидании костров, которые должны были зажечь по его приказу на Везувии, как только свершится в Риме казнь Сеяна.

Собственные мысли вызвали у него горькую улыбку, исполненную глубокой и бесконечной ненависти к тому, кто прикидывался его лучшим и единственным другом. К тому, кто предал его в итоге, также как и все остальные.

Казалось, прошла целая вечность с тех пор, как Тиберий стоял у другого парапета в своем первом добровольном изгнании на Родосе, куда сбежал от изменявшей ему жены Юлии, дочери Августа, ради женитьбы на которой его вынудили развестись с любимой Випсанией. Но вскоре Август отправил в изгнание саму изменницу и предложил своему приемному сыну вернуться в Рим, увидев знамение: орел — невиданная доселе на Родосе птица — опустился на крышу его дома. Его астролог Фрасилл правильно предсказал, что Тиберий унаследует императорский трон.

Тиберий полагал, что миром правит судьба и судьбу эту можно узнать посредством астрологии, предсказаний и старинных способов гадания по костям или внутренностям. Поскольку наши судьбы предначертаны, то тщетны все мольбы к богам, попытки снискать их благоволение жертвоприношениями или дорогостоящим строительством всенародных храмов и памятников. Никакого проку не было и от целителей. В возрасте семидесяти четырех лет, не получая никакого лечения или целительных настоев лет с тридцати, Тиберий был силен как бык, хорошо сложен и красив, а тело его было упругим, как у молодого атлета. Он мог проткнуть крепкое яблоко любым пальцем любой руки. Утверждали, что во время войны в Германии он именно таким образом убивал людей. Он и правда в общем и целом был выдающимся воином и правителем, по крайней мере поначалу.

Но те дни давно миновали. Предсказания изменились, и не в его пользу. Он никогда не вернется в Рим. Всего лишь за год до дела Сеяна Тиберий уже пытался подняться на небольшом судне вверх по Тибру, но его любимую питомицу, змею Клавдию, которую он вырастил на своей груди и собственноручно кормил и поил, нашли утром на палубе, полусъеденную муравьями. Предсказание гласило: остерегайся толпы.

И теперь он стоял каждую ночь на балконе своего дворца, построенного на этом скалистом острове, чья история была окутана древними тайнами. Остров носил название Капри, что означало «козел».

Одни полагали, что так его называли в честь Пана, получеловека— полукозла, зачатого речной нимфой от бога Гермеса. Другие полагали, что остров называли в честь созвездия Козерога, козла, подобно рыбе выпрыгнувшего из моря. А третьи, несомненно, говорили, что его называли так из-за некоего козлоподобного и сладострастного императора, прятавшего на острове детей для любовных утех и снedaемого сексуальными извращениями. Его не волновали подобные слухи. Звезды, определявшие его путь, остались неизменными со дня его рождения. Ничто не предвещало перемен. Хотя Тиберий проявил себя как законовед, воин, правитель и император, в глубине души он, как и его племянник Клавдий, больше всего любил историю. Главным образом Тиберия привлекали истории о богах, большинство из которых в нынешние времена считаются мифами. Особенно ему нравились греческие легенды.

И вот после долгих лет добровольного изгнания на этой каменистой круче, на протяжении которых до него доносились из внешнего мира в основном уже ставшие привычными вести о трагедиях или предательствах, — сейчас вдруг в дальнем краю Римской империи выплыл на поверхность новый миф. В сущности, как понимал Тиберий, его нельзя было назвать некой новой легендой. Скорее уж то было предание старины глубокой, возможно, действительно один из самых старых в мире мифов, что попадают порой в древнейших текстах любой цивилизации. И в этом мифе говорилось об «умирающем боге», о боге, идущем на крайние жертвы, чтобы стать смертным. О боге, подобно простому смертному жертвующем своей жизнью ради разрушения старого порядка, ради возрождения нового мира, новой эпохи.

Слыша, как плещутся внизу о скалы темные морские волны, Тиберий вглядывался в чернеющие вдали очертания Везувия, в котором с незапамятных времен бурлила и кипела раскаленная лава, по преданию низвергавшаяся по его склонам один раз в каждую эпоху, знаменуя ее окончание.

Но разве сейчас не начало нового времени? Разве не настала еще ожидаемая астрологами новая эра? Тиберию вдруг захотелось дожить до конца эпохи, чтобы увидеть, с какой силой божественный вулкан выплеснет свое огненное чрево на землю. Это случится уже скоро: извержение происходит всего один раз между прошлой и будущей эпохами, длящимися по два тысячелетия, а значит, только единожды за четыре тысячи лет.

И наконец около волноломов дальнего берега он заметил легкое движение весел. Должно быть, это ожидаемый им корабль. Тиберий бодрствовал тут полночи, и сейчас в сереющем предрассветном сумраке уже видны были очертания темного каменного парапета. Корабль вез к нему свидетельство. Свидетельство о смерти бога.

Свидетель оказался высоким и стройным мужчиной с оливковым цветом кожи, миндалевидными глазами и черными, как вороново крыло, прямыми волосами, густой блестящей волной падавшими до плеч. Он носил белую полотняную тунику, перехваченную на талии веревочным поясом, и бронзовые браслеты, традиционные для выходцев с юга. Перед ним в дальней стороне обширного балкона на мраморном троне, стоявшем на мраморном возвышении, сидел Тиберий, устремив взгляд в сторону моря. Свидетеля сопровождала императорская стража и капитан с командой, доставившей его на остров. Когда он прошел по балкону и преклонил колени перед Тиберием, стало ясно, что он испуган, но гордость не покинула его.

— Твое имя Таммуз, ты — египтянин, — сказал император, жестом приказав ему подняться с колен. — Однако мне сообщили, что ты кормчий торгового корабля, что курсирует между Иудеей и

Римом. — Поскольку свидетель хранил молчание, Тиберий добавил: — Ты можешь говорить.

— Все именно так, как говоришь ты, о великий августейший... Сын Неба, — запинаясь, ответил Таммуз. — Моему отцу принадлежит флотилия торговых парусных судов. Я служу кормчим на одном из его кораблей, что перевозит не только товары, но и пассажиров.

— Расскажи мне попросту все, что ты видел. Не спеши.

— Это случилось в конце дня, после ужина, — сказал египтянин Таммуз. — Никто не спал; многие пассажиры разговаривали на палубе и попивали вино после ужина. Мы как раз проходили мимо берегов Римской Греции вблизи Эхинадских островов. Ветер стих, и корабль наш тихо дрейфовал по течению вдоль темных, поросших лесом берегов острова Пакси, похожего на двугорбого верблюда. Вот тогда-то и донесся до нас тот звучный голос прямо с Пакси. Он произнес мое имя.

— Имя Таммуз, — тихо сказал император, словно вспоминая какой-то полузабытый напев.

— Да, мой повелитель, — ответил Таммуз. — Сначала я не обратил внимания, поскольку управлял кораблем и не сразу понял, что звучит именно мое имя. Но после второго призыва я удивился: ни единая живая душа на этом греческом острове не знала меня, и даже наши пассажиры не знали моего имени.

Когда оно прозвучало в третий раз, пассажиры начали заинтересованно переглядываться, ведь наш корабль был единственным во всем этом черном море. Поэтому после третьего раза, собравшись с духом, я ответил таинственному голосу, вызывавшему ко мне из темноты.

— И что же случилось, когда ты ответил? — спросил Тиберий и отвернулся от первых рассветных лучей, чтобы стоявшие перед ним матросы и стражники не смогли прочесть его мыслей, когда он услышит ответ египтянина.

Таммуз сказал:

— Этот призывный голос крикнул: «Таммуз, когда ты пройдешь мимо Палодеса на материке, возвести, что великий Пан умер!»

Тиберий вскочил на ноги и со своего возвышения пристально посмотрел в глаза Таммуза.

— Пан? — отрывисто бросил он. — О каком Пане ты говоришь?

— Мой повелитель, среди наших египетских божеств, в которых я привык верить, нет такого бога. И хотя сейчас, живя в вашей великой Римской империи, я познакомился с другими языческими верованиями, но, боюсь, мне пока еще недостает знаний. Насколько я понимаю, великий Пан является наполовину божественным сыном бога по имени Гермес, которого у нас в Египте называют Тот. И возможно, что из-за своей небожественной половины этот великий Пан подвержен смерти. Я надеюсь, что мои уста не произнесли ничего кощунственного.

«Величайший бог древности подвержен смерти? — подумал Тиберий. — Что за смехотворная история?» С непроницаемым лицом он потер подбородок, словно не слышал ничего странного, опустил обратно на трон и, кивнув головой, велел Таммузу продолжать, хотя в его душе уже зародилось неприятное предчувствие, что произойдет что-то очень, очень плохое.

— Пассажиры и матросы также испытывали потрясение и смущение, — продолжил Таммуз. — Мы спорили, стоит ли мне выполнять просьбу этого странного голоса или лучше не стоит. Наконец я решил вопрос так: если, когда мы будем проходить мимо Палодеса, начнет дуть ветер и мы пойдем под парусами, то я ничего не скажу. Но если море будет тихим и безветренным, я крикну то, что меня просили. Когда мы оказались напротив Палодеса, на море был полный штиль. Поэтому я

выкрикнул: «Великий Пан умер!»

— И что дальше? — спросил Тиберий, вновь выныривая из тени и заглядывая кормчему в глаза.

— На берегу сразу же поднялся страшный гвалт, — сказал Таммуз. — Множество сливающихся в общий хор голосов: плач, причитания, стенания, исполненные изумления и потрясения. О повелитель, казалось, будто весь берег и портовый город оплакивает какую-то таинственную родовую трагедию. Оттуда доносились крики о конце света, вызванном смертью священного козла. «Невозможно!» — едва не заорал Тиберий, мысленно услышав эти вылетающие из темноты крики. Полнейшее безумие! Великий прорицатель предсказал великую судьбу Рима еще во времена Ромула и Рема, вскормленных волчицей также согласно предсказанию. С той поры до нынешнего дня никакое мрачное событие, подобное этому, не омрачало триумфального владычества Рима. Несмотря на ласкающее тепло утреннего солнца, Тиберий почувствовал противную дрожь.

Неужели эта эпоха закончится с возникновением Римской империи, которая ведь совсем недавно провозглашена Августом? Всем известно, что «умирающий бог» — бог лишь по названию, поскольку на самом деле боги не умирают. Происходит подмена: новый «бог» является для оживления или возрождения старого мифа. На сей раз это должен быть бедный пастух, пахарь или рыбак — кто-то с повозкой или плугом — вместо одного из древнейших и могущественнейших богов Фригии, Греции и Рима. Нет, великая римская цивилизация, вскормленная сосками волчицы, не может быть разрушена в правление старого и бездетного царя-отшельника, доживающего свои дни в добровольном изгнании на острове, носящем имя козла. Все это ложь, хитроумно запущенная в народ кем-то из его многочисленных врагов. Даже имя самого этого кормчего — Таммуз — отдает мифами, ведь именно так еще до появления Орфея, Адониса или Осириса называли того древнейшего бога, который умирал и воскресал.

Император взял себя в руки, жестом велел стражнику выдать кормчему немного серебра за беспокойство и отвернулся, давая понять, что аудиенция окончена. Но когда Таммузу вручили вознаграждение, Тиберий вдруг спросил:

— Кормчий, раз у тебя на борту было так много пассажиров, то, должно быть, имеются и другие свидетели, способные подтвердить столь странную историю?

— Верно, мой повелитель, — согласился Таммуз. — Многие стали свидетелями того, что я услышал и сделал.

Тиберию показалось, что в глубине непроницаемых черных глаз кормчего загорелся странный огонек.

— Однако, — продолжил Таммуз, — только один свидетель может сказать нам, был ли Великий Пан смертным или бессмертным и жив он или мертв. И этот единственный свидетель — всего лишь голос, голос, взывавший ко мне над водами...

Тиберий раздраженно махнул ему рукой и удалился к уединенному парапету, ограничивающему его свободу. Но, наблюдая за кормчим, спускавшимся в сопровождении стражи к гавани, император вдруг подозревал раба и, вручив ему золотую монету, велел догнать египтянина. Раб сбежал по склону и передал эту монету кормчему, который взглянул вверх, на балкон, где стоял Тиберий.

Император просто повернулся и ушел в свои пустынные дворцовые покои. Оказавшись там, он налил ароматического масла в алтарный светильник и зажег его, призывая милость богов.

Он понял, что должен найти этот голос... голос, вопиющий в пустыне. Должен найти его, пока жив.

Иначе сам Рим будет разрушен.

СВИДЕТЕЛЬ

Я спасен, лишь дабы поведать тебе

Мысли мои,

Неспокойные, как море под ветром...

Неужели вечно

Придется кому-то сообщать их?..

Лишь избранному дается дар видения,

Дар случайного прозрения

На пути заблуждений и обольщений,

На пути неведения, беспечности

И пустых надежд... и случай дарует прозрение...

Ему открывается незримое, и он видит...

Мне явилось оно. Только мне. Одному. И тот миг

Соединил нас с зияющей усмешкой

Ужасного неверия.

Только мне, мне одному дано поведать тебе...

Именно мне, ничего не постигшему, не знающему

И не дождавшемуся ответа.

Бог всегда побеждает.

Снег все валил и валил. Он шел уже много дней. Казалось, снегопаду не будет конца.

Я вела машину в этом снежном аду, и до рассвета было еще далеко. В непроглядной тьме возвращаясь из Калифорнии к месту моей работы в Ядерном центре Айдахо, я проехала больше сотни миль по Невадской трассе, проложенной по каменистой пустыне, и затормозила наконец перед «Джек-потом» — единственной неоновой вывеской, прорывающей небесный мрак сияющими розовыми лучами. В «Джек-поте», забравшись в джунгли игровых автоматов, я устроилась возле стойки бара, сжевала полусырой стейк с жареной картошкой, заглотнула стакан виски и запила его чашкой горячего черного кофе — такую комплексную панацею рекомендовал обычно мой дядюшка Эрнест для снятия нервного напряжения и головной боли. Потом я вновь вышла в холодную черную ночь и продолжила свой крутой маршрут.

Если бы в начале этого снегопада я не задержалась в горах Сьерра-Невады, внезапно почувствовав, что мне необходимо провести день на лыжах, чтобы чем-то смягчить душевные терзания, то, возможно, не тащилась бы сейчас в ночи по этой чертовой обледенелой дороге в забытой богом пустыне. Хорошо еще, что я прекрасно ориентировалась в этих местах, зная как свои пять пальцев трассу, ведущую от Скалистых гор к побережью. Мне частенько приходилось ездить сюда по рабочим делам как специалисту по ядерной безопасности. Позвольте представиться: Ариэль Бен, атомная девица. Но причиной этой последней поездки было дело, которого я предпочла бы вовсе не знать.

Словно на автопилоте я скользила по монотонно затяжному подъему. Темные глубины моего сознания невольно начали засасывать меня, возвращая к нежеланным местам и событиям. Мили убегали вдаль, а снег по-прежнему все кружился и кружился. Шипованная резина колес с хрустом

давила прозрачную ледяную корку дороги.

Мне не удавалось выкинуть из головы назойливый образ зеленого склона в Калифорнии, этот смазанный геометрический узор бегущих по нему могильных плит, таких тонких, очень тонких пластов из камня и травы. Лишь они отделяли жизнь от смерти — и навеки отделили меня от Сэма. Какой же потрясающе зеленой выглядела трава! Такая чудесная живая зелень бывает только в Сан-Франциско, и только в это время года. И на фоне этого великолепного газона поднимались по склону холма неровные ряды белых, как мел, надгробий. Над кладбищем между рядами мемориальных плит возвышались темные эвкалипты, на их листьях серебрились капельки воды. Я рассеянно смотрела в затемненные окна лимузина, когда мы съехали с основной дороги и повернули к форту Пресидио. Я часто ездила по этой дороге на побережье Бей-Ареа. Единственный путь от моста Золотые Ворота к заливу Сан-Франциско проходил непосредственно мимо военного кладбища, на территорию которого мы сейчас въезжали. Сегодня благодаря нашему торжественно замедленному движению все здесь выглядело очень красиво, все радовало глаз.

— Сэму, наверное, понравилось бы это место, — сказала я, впервые за всю дорогу открыв рот.

Сидящая рядом со мной в машине Джерси отрывисто произнесла:

— Ну, так ведь он теперь здесь и останется, верно? Иначе чего ради вся эта суета?

Находясь в такой близости от нее, я уловила издаваемое ею амбре.

— Мама, сколько ты успела выпить? От тебя несет, как из пивной.

— Немного «Катти Сарк», [4] — с улыбкой ответила она. — В честь военно-морского флота.

— Ради бога, мама, мы же едем на похороны, — раздраженно бросила я.

— Не забывай, у меня ирландские корни, — напомнила она. — Мы называем это поминками: по традиции надо выпить немного за жмурика и пожелать ему счастливого пути. На мой взгляд, это очень цивилизованный ритуал.

Она уже с трудом выговаривала трехсложные слова. Я внутренне сжалась, надеясь все-таки, что она не будет пытаться принимать участие в произнесении надгробных речей, как это принято у военных. На самом деле она могла выкинуть все, что угодно, особенно в состоянии легкого опьянения. А за нами в машине ехали Огастус и Грейс, мои чертовски чопорные отец и мачеха, которым все равно ничем не угодишь.

Лимузины проехали в железные ворота кладбища и проползли мимо здания ритуальных услуг.

Сегодня не будет никакой ритуальной службы в зале, и гроб уже запечатан по причинам, связанным, как нам сообщили, с государственной безопасностью. И еще туманно намекнули, что нам, возможно, было бы трудно узнать Сэма. Родственники погибших во время взрыва обычно предпочитают избегать таких трудностей.

Проплыв по Линкольн-авеню, наш кортеж остановился в дальнем конце кладбища рядом с аллеей задумчивых эвкалиптов. Там стояло несколько автомобилей с узнаваемыми правительственными номерами. Возле холмика свежей земли рядом с могильной ямой маячила стайка людей. Среди них выделялись военный священник и странный тип с длинными, заплетенными в косу волосами, сильно смахивающий на шамана. Сэму он явно понравился бы.

Перед правительственными тачками и остановились три наших лимузина: мы с Джерси ехали в середине, за нами Огастус и Грейс, а впереди — Сэм в черном лимузине. В цинковом гробу. Выйдя из машин, мы направились к этому холмику, пока военные вытаскивали Сэма из катафалка. Огастус

и Грейс тихо и ненавязчиво встали в сторонке, чему я искренне порадовалась, ведь в таком случае «шотландское» дыхание Джерси могло остаться незамеченным. Если, конечно, кому-то не придет в голову зажечь рядом с ней спичку.

Военный в темных очках отделился от правительственной тусовки и подошел сказать пару слов соседствующим с нами членам семьи. Потом он приблизился к нам с Джерси.

Неожиданно я осознала, что наши одежды не слишком соответствуют похоронам. На мне было мое единственное черное платье с лилово-желтыми розочками. А Джерси принарядилась в шикарный французский костюм того особенного холодноватого голубого цвета, который великолепно оттенял ее глаза и поэтому был неотъемлемой частью ее образа во времена сценической деятельности. Я надеялась, что никто не заметит нашего отступления от этикета.

— Миссис Бен, — обратился военный к Джерси, — надеюсь, вы не против подождать еще пару минут? Президент хотел бы лично присутствовать на церемонии.

Разумеется, он имел в виду не нынешнего президента, а бывшего, того самого, которого Джерси называла Мелким Фермером; она была представлена ему в те времена, когда он еще распоряжался в Белом доме.

— Черт, ну конечно, — сказала Джерси. — Я не против подождать, если только Сэм не против! Она рассмеялась, и я получила очередную порцию «аромата». Глаза военного скрывались за темными очками, но я заметила, что его губы сжались в тонкую линию. Я взирала на него в каменном молчании.

Снижающийся вертолет приземлился на специальной взлетной полосе, ближе к берегу. Две машины с темными стеклами покатали ему навстречу и забрали нашего высокого гостя.

— Миссис Бен... — Очкастый понизил голос, как в шпионском фильме. — Мне поручено передать вам, что президент, действуя от имени нашего нынешнего правительства, организовал определенную повестку дня. Хотя ваш сын, как гражданский советник, не являлся в буквальном смысле военным, но погиб он во время выполнения задания... и надо сказать, оказал нам весьма важную помощь. Наше руководство поэтому планирует достойно отметить его заслуги. Сначала будет небольшая церемония с участием военного оркестра, потом в честь усопшего дадут прощальный оружейный залп. А в заключение президент вручит вам медаль «За выдающиеся заслуги».

— За что? — удивилась Джерси. — Голубчик, ведь это не я умерла.

Церемония прошла не совсем так, как планировалось.

По ее окончании Огастус и Грейс удалились в свои апартаменты в «Марк-Хопкинс» на Ноб-хилле, известив меня, что они «надеются видеть» меня у себя к ужину. Поскольку было еще рано, я повезла Джерси перекусить в прибрежное кафе «Буена виста». Мы выбрали деревянный столик перед фасадными окнами, выходящими на набережную и залив.

— Ариэль, милочка, прости, мне очень жаль, что все так получилось, — сказала Джерси, осушая первый бокал скотча, словно молоко.

— Что толку от твоих извинений, — сказала я, повторив ее собственный ответ на мои давние извинения за детские шалости. — Ведь сегодня вечером я иду на ужин к Огастусу и Грейс. Как, черт возьми, ты прикажешь мне объясняться с ними?

— А пошли их куда подальше, — сказала Джерси, глядя на меня своими знаменитыми васильковыми глазами, сохранившими удивительную ясность благодаря ее образцовому до недавнего времени

образу жизни. — Можешь сказать, что я жутко испугалась выстрелов. Нет, правда. Я с ужасом подумала, что оглохну от этой чертовой стрельбы.

— Ты знала, что они собирались устроить оружейный салют, — заметила я. — Я же слышала, что говорил тебе очкастый секьюрити. Просто ты напилась как сапожник. Только поэтому и свалилась в могилу перед всей этой высокопоставленной тусовкой!

Джерси обиженно глянула на меня, и я ответила ей не менее выразительным взглядом.

И вдруг вся эта ситуация невольно представилась мне в ином свете. Я рассмеялась. Сначала выражение обиды на лице Джерси сменилось удивлением, потом она тоже начала посмеиваться. Мы хохотали до слез. Держась за бока, мы задыхались от смеха, вспоминая, как моя мать распласталась на дне той ямы, на глубине шести футов, даже не дав им возможности для начала опустить туда гроб.

— Прямо перед Мелким Фермером и всей его свитой! — воскликнула Джерси, что вызвало у нас новый взрыв смеха.

— И перед Огастусом с Грейс, — всхлипывая от хохота, выдавила я.

Мы долго не могли успокоиться, но все-таки постепенно перешли на постанывания и тихие смешки. Вытерев слезы салфеткой, я откинулась назад, держась за живот, который едва не свело от смеха.

— Хотелось бы мне, чтобы Сэм увидел твою выходку, — сказала я Джерси, пожимая ее руку. — Она получилась такой экстравагантной... вполне соответствующей его чувству юмора. Он бы хохотал до смерти.

— Он и так уже умер, — сказала Джерси и заказала очередную порцию виски.

К семи часам я прибыла в «Марк» в шикарной тачке, присланной за мной Огастусом. По приезде в любой город он всегда арендовал машины, считая, что не может позволить себе опускаться до езды на задрипанном такси. Мой отец был слегка помешан на соблюдении неких приличий. Я предупредила шофера, что в десять вечера поеду с ним обратно в маленькую викторианскую гостиницу за мостом, где я сняла номер. Трех часов с Огастусом и Грейс, как подсказывал опыт, мне будет более чем достаточно.

Их шикарный пентхауз, как обычно, по желанию Грейс приукрасили множеством затейливых цветочных композиций в духе икебаны. На мой стук к дверям вышел Огастус и окинул меня строгим взглядом. Как всегда, отец выглядел безупречно элегантным благодаря ухоженной серебристой шевелюре и загорелому лицу. Сейчас, в черном кашемировом блейзере, он всем своим видом напоминал феодала, которого старательно изображал всю сознательную жизнь.

— Опаздываешь, — сказал он, глянув на наручные золотые часы. — Ты должна была приехать в половине седьмого, чтобы мы успели спокойно побеседовать до ужина.

— Мне вполне хватило нашей утренней семейной встречи, — ответила я.

И мгновенно пожалела о том, что упомянула о сегодняшнем утреннем событии.

— Да и об этом, кстати, я тоже хотел поговорить с тобой: о твоей матери, — сказал Огастус. — Но сначала, что приготовить тебе выпить?

— Мы обедали с Джерси, — сказала я. — Сомневаюсь, стоит ли мне сейчас пить что-то крепче воды. Где бы Огастус ни находился, в его распоряжении всегда оказывался отлично укомплектованный бар, хотя сам он пил очень мало. Возможно, с этого и начались проблемы, когда они с моей матерью были женаты.

— Я сделаю тебе коктейль из белого вина с содовой, очень легкий.

Он пустил в бокал струю содовой из оплетенного сеткой сифона и протянул бокал мне.

— А где Грейс? — поинтересовалась я, попробовав коктейль, пока он смешивал для себя виски с содовой.

— Прилегла. Ее совсем выбил из колеи тот легкий переполох, что твоя мать устроила нынче утром. И ее вполне можно понять! Это была непростительная выходка.

Говоря со мной о Джерси, Огастус неизменно использовал словосочетание «твоя мать», словно я была ответственна за само ее существование, не говоря уже о ее поведении.

— На самом деле мне показалось, что ее выходка придавала некую весьма уместную живость этому патологическому ритуалу, — возразила я. — Я хочу сказать, что совершенно не понимаю, зачем пригонять духовой оркестр, устраивать ружейный салют и вручать кому-то медаль только потому, что на службе у нашего славного правительства Сэма разнесло на кусочки, из которых не соберешь даже приличного лоскутного одеяла!

— Юная леди, не надо переводить разговор с больной головы на здоровую, — отчитал меня отец непререкаемым тоном. — Поведение твоей матери было возмутительно. Прискорбно. Нам еще повезло, что военные не допустили присутствия репортеров.

Огастус не любил использовать наречия вроде «отвратительно», «позорно» или «оскорбительно». Они звучали слишком субъективно, затрагивали личные чувства. А его волновали лишь объективные, отстраненные понятия типа формальной видимости и репутации.

В этом отношении я недалеко ушла от него, хотя и не хотела этого признавать. И все-таки мне было противно, что его больше беспокоило поведение моей матери на официальной церемонии, чем ужасная смерть Сэма.

— Интересно, разрешается ли людям на подобных похоронах завывать от горя? — вызывающе спросила я.

Огастус развернулся на каблуках, и я не смогла разглядеть выражения его лица. Он прошел к двери спальни.

— Я разбуджу Грейс, — проинформировал он меня через плечо, — чтобы она успела одеться к ужину.

— Не знаю, что тут можно сказать, — сказала Грейс, промокнув платочком припухшие от слез глаза и изящно отводя пальцами со лба прядь белокурых волос. — Я не понимаю, как можно даже думать о еде. Совершенно не представляю, что мы сможем спокойно отужинать здесь в ресторане, пытаюсь вести себя по-человечески.

До сих пор мне не приходило в голову, что такая дамочка, как Грейс, вообще способна задуматься о том, что значит вести себя по-человечески. Интересно, куда же ее понесет дальше?

Я мельком окинула взглядом стены ресторанный зала, отделанные решетками и живописно разрисованные виноградными лозами. Расположившиеся на их листьях крошечные яркочерные ящерицы, казалось, выползли погреться в лучах незримого солнца. Группы столов разделялись длинными вазонами со свежими хризантемами — эти цветы обычно продают для подношения умершим на всех итальянских кладбищах.

Таким образом, утро и вечер я сегодня провела на кладбище. А днем я попыталась отыскать это слово в книжном мире. Кладбище по-гречески — *koimeterion*, что означает «спальный покой» или «опочивальня», от *koiman* — «усыплять»; а латинское *sepulchrum* означает «колыбель, истоки, начало».

Хотелось думать, что Сэм, где бы он ни был, спит в колыбели.

— Он был таким молодым, — всхлипнув, сказала Грейс и отправила в рот очередную порцию мяса под соусом тартар. Она поправила бриллиантовый браслет и для поддержания беседы добавила: — Не правда ли?

А правда заключалась в том, что Грейс ни разу в жизни не видела Сэма. Моя мать развелась с отцом почти четверть века назад, а он женился на Грейс лет через десять после этого. В промежутке между этими событиями, как говорится, много воды утекло, и в том числе мне удалось обрести брата в лице Сэма, хотя он, в сущности, не был сыном ни одного из моих родителей. Родственные связи в нашем семействе вообще довольно сложные.

Но сейчас мне не дали поразмышлять об этом, поскольку Грейс перешла к своей любимой денежной теме. Как только она переключилась на нее, слезы у нее чудесным образом высохли и глаза загорелись огнем.

— Днем мы созвонились с адвокатами, — сказала она, вдруг исполняясь жизнерадостным воодушевлением. — Чтение завещания, как ты знаешь, состоится завтра, и я думаю, стоит сообщить тебе, что мы получили хорошие новости. Хотя нас, конечно, не посвятили во все детали, но, очевидно, ты будешь главной наследницей!

— О, как трогательно, — сказала я. — Не прошло и недели после смерти Сэма, а мне уже подфартило. Неужели вы раскопали, какое богатство мне перепадет? Смогу ли я с ходу бросить работу? Или оно в основном пойдет на погашение налогов?

— Как ты сама понимаешь, Грейс имела в виду совсем другое, — сказал Огастус, не прекращая возить ложкой в своем *creme de volaille*,^[5] пока я вылавливала каперсы из соуса, поданного к шотландской лососине. Они катались по тарелке, активно ускользая от вилки. — Мы с Грейс просто заботимся о твоих интересах, — продолжил он. — Я не знал Сэма, вернее, знал его не слишком хорошо, но уверен, что он прекрасно относился к тебе. В конце концов, вы ведь выросли практически как брат и сестра. И, являясь единственным наследником Эрнеста, сам Сэм, должно быть, стал очень... в общем, вполне финансово обеспеченным. Или у тебя есть сомнения на сей счет? Старший брат моего отца, покойный дядюшка Эрнест, занимавшийся добычей разнообразных полезных ископаемых, был богат, как Мидас. До самой смерти он только и делал, что приумножал свое состояние, поскольку не имел склонности к расточительству. Сэм был его единственным ребенком.

Когда мои родители, Огастус и Джерси, развелись, я была еще совсем крошкой. Много лет мать разъезжала со мной по всем мировым столицам. Ее повсюду радушно принимали, так как до встречи с моим отцом она была известной оперной певицей — именно тогда она и свела знакомство с Мелким Фермером и почти со всеми прочими высокопоставленными особами. Мужские представители семьи Бен всегда были падки на ярких женщин. Но как и мой отец, с трудом уживались с ними.

Джерси выпивала много лет, ведь всем известно, что оперные певцы хлещут шампанское, как воду. Впрочем, бутылка стала появляться в баре Джерси только после того, как Огастус объявил о своей помолвке с Грейс — копией Джерси в соответствующем возрасте и, естественно, лет на двадцать моложе ее. Тогда Джерси улетела со мной в Айдахо, чтобы посоветоваться с вдовствующим отшельником, дядей Эрнестом, о финансовых делах: мой отец вложил все ее бывшие музыкальные

доходы в свои предприятия, что также являлось родовой чертой мужской половины семьи Бен. И к всеобщему удивлению, Джерси и Эрнест полюбили друг друга.

И вот я, девчушка, воспитанная в Париже, подобно Элоизе, и пристрастившаяся к печеночному паштету еще до того, как научилась выговаривать по-французски *pate de foie gras*, вдруг попала в совершенно неведомую мне обстановку, которую теперь — спустя почти двадцать лет — считаю своим родным домом.

В общем, казалось бы, странный вопрос отца был вполне естественным и уместным. Моя мать, вышедшая замуж последовательно за двух братьев, на самом деле не пила, пока был жив Эрнест. Однако, зная о ее склонности, Эрнест оставил все деньги Сэму с условием позаботиться о ней и обо мне так, «как он сочтет наилучшим». А теперь умер и Сэм. По всей вероятности, его смерть сделала меня миллионершей.

Дядя Эрнест умер семь лет назад, когда я училась в университете, и с тех пор никто из нас не видел Сэма. Он просто исчез. Мы с Джерси ежемесячно получали наши чеки. Она свои пропивала, а у меня рос счет в банке. Между тем я решилась на нечто радикальное, на что никогда не решалась женская половина семьи Бен. Я поступила на службу.

И вот, когда я устроилась на работу в отдел ядерной безопасности Айдахского центра, то вновь услышала Сэма. Он позвонил мне прямо в отдел, хотя бог знает как он узнал, где я нахожусь. — Привет, Умница, — сказал Сэм (так он называл меня с детства). — Ты нарушила семейные традиции. Не прозвучало ли в родственном хоре каких-нибудь слишком высоких или неверных нот? — «Порядочной девушке не пристало кривляться на порочной сцене», — сама собой всплыла цитата из моего поневоле обширного музыкального репертуара. Как же я была счастлива услышать его голос! — Где ты пропадал все эти годы, мой кровный брат? Как я догадываюсь, тебе не нужно гнуть спину за зарплату, раз ты заделался постоянным семейным благотворителем. Спасибо за чеки. — Вообще-то, — поправил меня Сэм, — я гну спину на разнообразные управления, которые предпочитают оставаться в тени. Я занимаюсь работой, которую, кроме меня, никто не может выполнять — разве что мои будущие ученики и последователи. Может, когда-нибудь и ты присоединишься к одной рискованной аванюре?

И после этого туманного намека на совместную работу я ничего больше не слышала о Сэме, пока мне не позвонил его душеприказчик.

Я вдруг осознала, что колеса начали пробуксовывать в снегу. Машину явно заносило куда-то в сторону.

Ощувив прилив адреналина, я вцепилась в рулевое колесо и, надавив на него всем своим весом, вернула эту тяжеленную стальную махину с обочины обратно на трассу. Но теперь она неуправляемо неслась к другой обочине.

Черт возьми, меня совершенно не привлекала ни одна из обочин! Все вокруг было занесено снегом. Кромешная тьма и такая густая метель, что не видно даже края дороги — а вдруг за ним отвесный склон? С какой-то отстраненностью я мысленно слышала собственные крики, доносившиеся как будто из глубокой шахты: «Дура! Дура!» — и одновременно напряженно пыталась вспомнить, когда же я проехала мимо последнего фонаря в этом первозданном хаосе. Пятьдесят миль назад? Или все сто?

Панические мысли кружились у меня в голове, но благодаря тому, что человеческие создания

снабжены двумя сигнальными системами, я умудрялась худо-бедно координировать свои движения, держа под контролем поведение машины. Точно чертик на ниточке, я отчаянно крутила руль в разные стороны, изо всех сил стараясь остаться на трассе и представляя, что меня несет пара лыж — или что-то вроде глассера — по этому свежевыпавшему снегу, успевшему образовать податливый поверхностный слой над нижним, смертельно опасным уровнем ледяной корки, не уступающей в твердости алмазу.

Казалось, прошла целая вечность до того, как я почувствовала, что выиграла этот поединок и ход моей тяжеловесной стальной громадины начал выравниваться. Дрожа как осиновый лист, я осторожно снизила скорость миль до тридцати. Потом, переведя дух, вновь слегка увеличила ее, зная как любая жительница горных районов, что в такую метель нельзя останавливаться, иначе можно завязнуть в снегу окончательно.

Машина вновь послушно несла меня в черную пустынную ночь, и я, вознося к небесам благодарственные молитвы, отвесила сама себе пару сильных пощечин и открыла окно, впустив в салон снежный вихрь. Снежные иголки вонзились мне в лицо. Сделав большой глоток ледяного воздуха, я задержала дыхание. Глаза начали гореть и слезиться, и я протерла их тыльной стороной перчатки, потом сорвала лыжную шапочку и трянула головой, позволяя волосам присоединиться к дикому снежному кружению, завладевшему всем салоном и взметнувшему даже спокойно лежавшие газеты. Закрыв наконец окно, я вернулась к реальности, вполне отрезвленная. Что же, черт побери, со мной произошло?

Разумеется, я понимала, что произошло. Умер Сэм, и я с трудом представляла себе жизнь на этой планете без него. «Вне себя» от горя — так можно было бы описать мое состояние с некой шизофренической точки зрения. Хотя я мало видела или слышала Сэма за последние семь лет, но неизменно чувствовала его сопричастность ко всей моей жизни. В известном смысле он оставался единственным по-настоящему родственным мне человеком. Я вдруг впервые осознала, что в его отсутствие постоянно мысленно разговаривала с ним. А теперь мне даже мысленно не с кем будет поговорить.

И все-таки я еще не готова была присоединиться к счастливой загробной жизни Сэма. Во всяком случае, не из-за того, что на этой ночной дороге не выдержала проверки на умственные способности. Именно в этот момент сквозь кружевной снежный занавес я разглядела вдалеке туманное свечение. Достаточно протяженное, чтобы оказаться городом за пределами огромной высокогорной пустыни. Похоже, я добралась до дома.

Однако приключения еще не закончились.

Я затормозила на дороге рядом с домом, в цокольном этаже которого находились мои прелестные апартаменты, и в полном изнеможении и расстройстве посмотрела на подъездную аллею. Она бесследно исчезла, исчезла под взбитыми снежными сливками, поднимавшимися выше окон моего этажа. Видимо, после долгой и изматывающей крутой поездки мне еще придется заняться раскопками, чтобы просто добраться до дома, не говоря уже о попадании в самую квартиру. Конечно, я сама виновата, нечего было снимать дешевое жилье в этом дурацком айдахском подвале.

Выключив зажигание, я в мрачном молчании поглядывала на крутой склон, где обычно проходила подъездная аллея, и пыталась придумать, что лучше предпринять в данном случае. Как у всех жителей горных районов, в багажнике у меня имелся запас средств первой необходимости на все

времена года: песок, соль и вода, теплая одежда, непромокаемая обувь, костровой набор, аварийный стартер, веревки и тросы — но только не лопата. Впрочем, даже с ее помощью мне не под силу было расчистить снежные заносы, чтобы проехать к дому на машине.

В бессмысленном оцепенении я наблюдала, как кружащиеся снежинки тихо опускаются на ветровое стекло. Сэм сказал бы сейчас что-нибудь забавное. Или, может, выпрыгнул бы из машины и начал танцевать на снегу — снежный танец, как бы присоединяясь к этой божественной стихии...

Встряхнув головой, я попыталась вернуться к жизни. Снизу из моего подвала доносились телефонные звонки. В доме не заметно было никаких признаков жизни — видимо, мой чудаковатый, хотя и обожаемый домовладелец-мормон отправился в горы, решив первым прокатиться по свежему снежку, или в храм, помолиться о том, чтобы подъездная аллея сама расчистилась.

Мне ужасно не хотелось продираться по глубокому снегу, и я поняла, что лыжи являются единственным средством для продвижения от машины к дому. К счастью, легкие вездеходные ботинки и лыжи лежали в багажнике вместе с прочими спасательными приспособлениями.

Оставалось только прикинуть, где же примерно начинается подъездная аллея. Не хотелось бы провалиться в зияющую пропасть нашей лужайки, почти неразличимой сейчас под снежным завалом, но смертельно бездонной, почти как зыбучие пески. К тому же я вынуждена была бросить машину на ночь прямо на трассе, откуда она, вероятно, тоже исчезнет, если я не успею спасти ее прежде, чем поутру тут проедут снегоочистители.

Я вылезла из машины, достала из багажника лыжи и брезентовый рюкзачок с кое-какими вещичками, который надеялась дотащить на своих плечах, и поставила все на дорогу. Нырнув глубже в недра машины за ботинками, я заметила через боковое окно свой почтовый ящик, опознав его по яркому флажку, беспечно болтавшемуся на ветру, и вдруг вспомнила, что, спешно уезжая на похороны, забыла приостановить доставку почты. Я захлопнула дверцу багажника и, держась за его ручку, чтобы не упасть, другой рукой смахнула с ящика снежный сугробик и извлекла накопившуюся за неделю почту. Ее оказалось невероятно много. Тогда я отпустила дверную ручку и потянулась за рюкзаком, нечаянно отступив немного в сторону от машины.

При первом же шаге я по пояс провалилась в снег и продолжала погружаться все глубже. Чувствуя, как меня охватывает страх, я попыталась справиться с паникой. Я знала, что если начну метаться, то стану лишь быстрее тонуть. Достаточно долго прожив в этих краях, я не раз слышала о людях, которые задохнулись, погрузившись в бездонный снег, где уже не могли пошевелить ни рукой, ни ногой ради собственного спасения. Второе, что пришло в голову, когда я начала тонуть, это что я уехала на похороны без особого шума, просто сказав шефу, что умер один из моих родственников, и оставив туманную записку домовладельцу. Так что, даже если найдут-таки мой автомобиль, вполне возможно, что меня саму никто не найдет до весенней оттепели!

Я зашвырнула бесполезную пачку почты подальше под машину, рассудив, что так ее хотя бы не занесет снегом. Потом, умудрившись зацепиться локтем за твердую поверхность и загребая другой рукой, я сумела извернуться и выбросила обе руки вперед, на дорогу. Подтягиваясь на руках вверх, я чувствовала себя так, словно вылезая из бассейна с пятидесятифунтовой гирей на ногах: это усилие лишило меня последних остатков энергии. Распластавшись на снегу рядом с машиной, я лежала, дрожа от страха и изнеможения. Но пролежала я недолго; вскоре снег, налипший на мою недостаточно непромокаемую одежду за время купания в сугробе, растаял, и холод пробрался

внутри.

С трудом поднявшись на ноги, я рывком открыла дверцу машины. Замерзшая, мокрая, совершенно измученная, я была зла на саму себя. Разве рассказ Джека Лондона «Костер» не является обязательным чтением для живущих в горах детей? В нем речь идет о парне, который, невзирая на умные советы, пошел в тундру в жуткий мороз. Он замерз до смерти. Очень медленно. Подобная смерть не входила в мои планы.

Я вытащила из машины вездеходные ботинки, зашнуровала их непослушными пальцами в мокрых перчатках, нацепила свои длинные и легкие норвежские лыжи, сунула почту в рюкзак, закинула его за спину и съехала к задней двери. Зачем я вообще полезла за этой почтой? Она спокойно могла бы полежать в ящике до утра.

Телефон зазвонил вновь, когда я, сбросив лыжи, распахнула дверь и вместе с кучей снега почти свалилась вниз по ступенькам, ведущим в мою уютную подземную крепость. По крайней мере, она была уютной, когда неделю назад я уезжала отсюда.

Я зажгла свет и увидела обледеневшее окно и морозные узоры на зеркалах и застекленных фотографиях, навевающие воспоминания о «Докторе Живаго». Беззлобно обругав про себя моего экономного хозяина, который выключил отопление в мое отсутствие, я скинула мокрые ботинки, шагнула на восточный ковер, расстеленный на полу просторной гостиной, и нырнула в разбросанные по полу подушки в поисках телефона.

Лучше бы я вообще не поднимала трубку: звонил мой драгоценный папаша Огастус.

— Куда ты пропала? — были первые слова, слетевшие с его языка. — Мы с Грейс едва не сошли с ума, пытаясь найти тебя. Где ты была?

— Каталась с горок и играла в снежки, — ответила я, откидываясь на подушки и прижимая плечом трубку к уху. — Я решила, что вечеринка закончилась. А что, разве еще чем-то угощали?

Расстегнув промокшие насквозь брюки, я попыталась стащить их с себя, пока не заработала воспаление легких в этом ледяном погребе — или, вернее сказать, в промозглом склепе.

— Твое чувство юмора, как обычно, в лучшем случае неуместно, — холодно проинформировал меня Огастус. — А возможно, ты просто не умеешь оценивать ситуацию. Почему ты так внезапно исчезла после оглашения завещания? Мы пытались дозвониться тебе в отель, и нам сообщили, что ты уехала рано утром. Но мы с Грейс, как только услышали содержание завещания, разумеется, сразу дали согласие на пресс-конференцию.

— Пресс-конференцию?! — удивилась я, резко поднимаясь с подушек.

Я старалась удерживать трубку около уха, пока сдирала с себя промокшую куртку и стаскивала свитер, но мне удалось расслышать лишь последние слова Огастуса:

— ... должны тоже принадлежать тебе.

— Что должно принадлежать мне? — уточнила я и, энергично растирая руками покрывшееся мурашками тело, встала и потащила прямо с трубкой к камину.

Я успела подсунуть сосновые шишки и бумажную растопку под сложенные в камине поленья, когда Огастус наконец соизволил ответить:

— Естественно, рукописи. Всем известно, что Сэм унаследовал очень ценные рукописи. Но после смерти Эрнеста никто не мог найти Сэма. Он ведь как сквозь землю провалился. Когда я пытался поговорить с тобой об этом сложном деле за ужином после похорон, ты почему-то ускользнула от

обсуждения. Однако сейчас, когда стало известно, что ты не только главная, но и единственная наследница Сэма, дела, естественно, принимают несколько иной оборот.

— Естественно? — нетерпеливо спросила я, поджигая растопку и с облегчением увидев, что пламя сразу начало разгораться. — Я не имею ни малейшего представления, о каких рукописях ты говоришь!

Что за странность! Какими бы ценными ни были эти рукописи, с чего бы вдруг отец, склонный делать тайну из любого пустяка, дал согласие на пресс-конференцию? Это было более чем подозрительно.

— Ты хочешь сказать, что ничего о них не знаешь? — не своим голосом спросил Огастус. — Это просто невероятно, учитывая, что этим делом заинтересовались «Вашингтон пост», лондонская «Таймс» и «Интернешнл гералд трибюн»! Конечно, мы ничего не смогли им сказать, поскольку у душеприказчика рукописей нет, а ты тоже исчезла в неизвестном направлении.

— Может, ты все-таки просветишь меня, пока я не замерзла до смерти, — сказала я, стуча зубами от холода. — Что за рукописи оставил мне Сэм... Хотя дай-ка я сама попробую угадать. Неужели письма Фрэнсиса Бэкона к Бену Джонсону с признанием того, что Бэкон и правда сочинил все пьесы за Шекспира, как все мы давно подозревали?

К моему удивлению, Огастус не пропустил удар.

— Они гораздо более ценные, чем то, о чем ты говоришь, — сообщил он. А уж мой отец отлично осознавал значение слов «ценный» и «ценности». — Как только ты узнаешь что-нибудь о них, а в этом я не сомневаюсь, — продолжал он, — немедленно свяжись со мной или с нашими адвокатами. По-моему, ты не в состоянии сама оценить положение, в котором находишься.

Отлично, подумала я, сделаем еще одну попытку. Я глубоко вздохнула.

— Да, наверное, ты прав, — согласилась я. — А не мог бы ты, отец, поделиться со мной тем, что, похоже, известно уже всему миру? О каких таких рукописях идет речь?!

— О рукописях Пандоры, — отрывисто бросил он, и это имя прозвучало у него кислее, чем лимон во рту... хотя, возможно, он действительно жевал лимон.

Пандора была моей бабушкой — любящей матерью моего отца, покинувшей его сразу после родов. Мне не довелось с ней встретиться, но, судя по рассказам, она была самой интересной, яркой и удивительной из всех женщин семейства Бен. Да и на всем нашем весьма разветвленном родословном древе.

— У Пандоры были рукописи? — спросила я. — Какого рода?

— Ну, дневники, письма, переписка с бывшими и будущими знаменитостями и прочие подобные документы, — небрежно сказал он. А потом как бы невзначай добавил: — Возможно, что даже нечто вроде мемуаров.

Я знала отца достаточно хорошо, и в большинстве случаев мне не обязательно было видеть его, чтобы понять, когда он пытается морочить мне голову. Должно быть, последние два дня он звонил сюда каждые пятнадцать минут, ведь даже за то короткое время, что я провела возле дома, телефон звонил дважды. Если он так отчаянно старался найти меня и эти материалы настолько сенсационны, что он поведал о них на пресс-конференции, то почему сейчас он стремится одурачить меня?

— Откуда такой запоздалый интерес? — спросила я. — Я имею в виду, что дражайшая бабуля умерла много лет назад.

— Считалось, что Пандора завещала эти рукописи... другой ветви нашей семьи, — напряженным тоном произнес отец.

Мне сразу вспомнилось, как сложны на самом деле наши родственные отношения.

— Эрнест, должно быть, долгие годы держал их под замком, поскольку ему не раз предлагали продать их, — продолжал Огастус. — Но он не смог бы определить их истинную ценность, потому что они были написаны каким-то кодом. А потом твой кузен Сэм...

Ну и дела!

Я стояла перед камином в нижнем белье, слегка отстранив трубку, в которой бессмысленным фоном шелестел голос отца. Боже милостивый, они были зашифрованы!

Сэм исчез сразу после смерти Эрнеста, его отца. Он пропадал где-то целых семь лет, и вот теперь он тоже умер. А что совпадает с этим непонятным исчезновением? Получение Сэмом наследства, включающего, вероятно, и эти самые рукописи. Какова была профессия и призвание Сэма? На что он щедро растрачивал свое время, приобщая к этому и меня с раннего детства, благодаря чему я получила в итоге отлично оплачиваемую работу?

Сэм был дешифровщиком, одним из лучших в мире. Зная об этих бабушкиных рукописях, он не устоял бы перед искушением заглянуть в них, особенно если его отцу захотелось бы определить их ценность. Сэм наверняка видел их и, возможно, даже расшифровал задолго до смерти дяди Эрнеста. В этом я была уверена. Так где же они сейчас?

Но имелся и еще один вопрос, более важный для меня в данный момент, относящийся к моей личной ситуации.

Возможно ли, что Сэма убили из-за каких-то опасных сведений, которые содержатся в унаследованных мной дневниках моей бабушки?

УЗЕЛ

Александр, обнаружив, что не способен развязать этот (Гордиев) узел с хитроумно запрятанными концами, разрубил его мечом.

Тайна гордиева узла, вероятно, имела религиозный смысл. Это мог быть сыромятный ремень, завязанный особым узлом, символизирующим имя Диониса... Решительность, с какой Александр разрубил узел, когда его войско вошло в Гордию, чтобы захватить Азию, покончила с древним поверьем и вознесла власть меча над религиозным таинством.

Часа в три ночи я открыла краны большой ванны на ножках, моля, чтобы трубы не замерзли, и с облегчением увидела, как зажурчала горячая вода. Растворив в ней ароматические соли и жидкую пену, я сбросила остатки одежды и забралась в ванну. Она была так глубока, что вода доходила мне до самого носа, и я просто сдувала пенные шапки в сторону. Намыливая пострадавшие в поездке волосы, я осознала, что мне предстоит многое обдумать. Но в моей голове царил полный сумбур, и неудивительно, учитывая события прошедшей недели и ошеломляющее возвращение домой.

Пока я тихо отмокала в воде, дверь ванной комнаты открылась, скрипнув петлями, и Ясон неторопливо зашел внутрь без доклада (это, вероятно, означало, что Оливер, мой домовладелец, тоже вернулся). Ясон едва взглянул на меня пронизательными зелеными глазами. Медленно пройдясь по комнате, он с презрением осмотрел влажноватое шелковое белье, брошенное на пол. Он потрогал панталоны, словно решил, что они будут весьма кстати для его туалета, но я высунула из воды руку и отняла их у него.

— О нет, тебе они не подойдут! — твердо сказала я.

Ясон вспрыгнул на деревянную обшивку ванны и, вытянув лапку, начал играть с пеной. Он испытующе глянул на меня. Я мгновенно поняла, что пора его сбрасывать. Ясон единственный из известных мне котов обожал воду в любых ее проявлениях. Он спокойно забирался в раковину, если хотел пить, предпочитал человеческий туалет кошачьей ванночке и был знаменитым ныряльщиком на нашей змеиной речке, Снейке, где нырял под струи водопадов за своим любимым красным резиновым мячиком. Он плавал в воде, как собака.

Но сегодня ночью, а точнее, почти утром я чувствовала слишком большую усталость, чтобы заниматься еще и сушкой кота, поэтому согнала его с края ванны, быстро вылезла и вытерлась сама. В большом пушистом банном халате, с чалмой из полотенца на голове я добрела до кухни и подогрела немного воды, собираясь выпить перед сном горячий грог с ромом. Вооружившись шваброй, я постучала ручкой по потолку, давая Оливеру понять, что я вернулась. Впрочем, моя брошенная на дороге машина, должно быть, уже навела его на эту мысль.

— Прелесть моя, — донесся вскоре с лестницы знакомый голос с ярко выраженным квебекским акцентом. — Я добрался от своего джипа на снегоступах, но сомневался, стоит ли выпускать к тебе вниз этого маленького аргоншта: думал, что ты уже в объятиях Морфея. А меня ты тоже не откажешься принять?

— Ладно, спускайся вниз, и выпьем горячего рома, прежде чем я рухну в кровать, — откликнулась я. — Заодно расскажешь, как дела на работе.

Мы с Оливером Максфилдом познакомились лет пять назад, работая над одним совместным проектом. Он был весьма оригинальной многоплановой личностью: инженер-атомщик, повар-гурман, любитель американского сленга и ковбойских салунов и вдобавок ревностный приверженец общины мормонов. Он происходил из семьи канадских французов-католиков, свято почитавших традиции *la cuisine franchise*,^[6] и стал талантливым кулинаром наших дней, поэтому *nouvelle*^[7] образ Оливера с трудом сочетался с безалкогольно-декофеиновыми диетическими ограничениями мормонов, «Святых последнего дня».

При первой же встрече Оливер сообщил мне, будто заранее знал, что я скоро войду в его жизнь, поскольку я явилась ему во сне в образе Девы Марии, играющей в пинбол с пророком Морони. К концу первой совместной рабочей недели Оливер, получив некий знак свыше, предложил мне занять цокольный этаж его дома за более чем умеренную арендную плату. А всамделишный бильярд-автомат, на котором я в обличье Богородицы якобы победила их пророка, вскоре чудодейственным образом появился в ковбойском баре на той самой улице, где находилась наша контора.

Возможно, именно благодаря моему собственному эксцентричному воспитанию я решила, что Оливер выгодно отличается от инженеров и физиков нашего ядерного центра, которые неизменно таскали с собой на работу завтраки в коричневых бумажных пакетах и отваливали домой ровно в пять вечера, чтобы посмотреть в кругу семьи телевизионный повтор благонравных старых кинофильмов. Я частенько посещала вечеринки в домах наших сотрудников. Летом на задних дворах обычно устраивались барбекю с гамбургерами и хот-догами, а зимой в гостиной их сменяли спагетти, салаты и традиционный чесночный хлеб. Складывалось впечатление, что никто в этом уединенном высокогорном захолустье никогда не слышал о существовании других праздничных блюд.

Оливер, напротив, побывал в Монреале и Париже и приобщился к искусству первоклассных поваров на летнем семинаре в Южной Франции. Несмотря на скупердяйские наклонности моего домохозяина, выразившиеся в экономии на отоплении или нежелании расчищать подъездную аллею, у него имелась масса достоинств. Творчески перемалывая, строгая и смешивая продукты и даже очищая масло на своей огромной, оснащенной множеством технических новинок кухне, он готовил блюда по авторским рецептам и по меньшей мере раз в неделю приглашал нас с Ясоном на трапезу, угощая заодно байками о знаменитых европейских поварах вперемежку со свеженькими анекдотами из жизни ковбойского салуна. Он был, как говорят французы, «большой оригинал».

— Что за чрезвычайное происшествие заставило тебя так внезапно упорхнуть? — Со стороны лестницы из-за приоткрытой двери появилась широкая, с ямочками на щеках, улыбка Оливера, а за ней ввалился и он сам, приглаживая рукой копну кудрявых каштановых волос и испытующе поглядывая на меня большими черными глазами. — Где ты пропадала? Под спрашивал о тебе каждый день, но я ничего не знал.

«Под» — общеизвестное прозвище моего шефа, директора и генерального управляющего всего нашего ядерного центра. Так его обычно называли лишь за глаза, поскольку, хотя его настоящее имя было Пастор Оуэн Дарт, в нем самом не было ничего пасторского. На самом деле его монограмму расшифровывали еще и как «Пособник Дьявола».[8]

Я могла бы поспорить, что такое прозвище не подходит нашему шефу. Однако если уж быть совершенно искренней, то из десяти тысяч служащих нашего центра — и даже из всех его вашингтонских приятелей, связанных с производством мерзостно-токсичных отходов, — я была единственной, кого этот человек не доводил до бешенства. По крайней мере, пока. Судя по всему, Под искренне симпатизировал мне и пригласил к себе на работу, еще когда я училась в университете. Из-за его неожиданной симпатии далеко не все сотрудники доверяли мне — вот еще одна причина, объясняющая, почему Оливер, этот лихой квебекский мормон, ковбой и гурман, стал одним из моих малочисленных близких друзей.

— Извини, — сказала я, заливая горячей водой смесь из рома, коричневого сахара и масла, разложенную в две стеклянные кружки, и протягивая одну из них Оливеру. — Мне пришлось спешно уехать. Непредвиденная смерть родственника.

— О боже, надеюсь, не из числа моих знакомых? — галантно спросил Оливер с участливой улыбкой, хотя мы оба знали, что он вообще не знаком с членами моей семьи.

— Умер Сэм, — сказала я и скорее глотнула горячего маслянистого грога, словно он мог смыть надсадное ощущение, оставшееся в горле после произнесения этих страшных слов.

— Господи! Твой брат? — воскликнул Оливер, опускаясь на диван возле камина.

— Кузен, — поправила я. — На самом деле — сводный брат. Мы выросли вместе, как брат и сестра. А в сущности, он значит для меня больше, чем любой кровный родственник. Вернее следовало бы сказать, значил.

— Боже милостивый, у тебя какие-то хитрые семейные связи, — сказал Оливер, как обычно посмеиваясь над ответами, содержащими сведения о моей семье. — Ты уверена, что у вас с этим парнем была хоть капля общей крови?

— Я его единственная наследница, — сообщила я. — Для меня этого достаточно.

— Вот оно что... Тогда, наверное, он был богатый, но не особенно близкий родственник? — с

надеждой спросил Оливер.

— Всего понемногу, — уклончиво ответила я. — Вероятно, из всей нашей семьи я была ему ближе всех.

Конечно, это было слабо сказано, но Оливер этого не понимал.

— О, тогда его смерть, наверное, сильно потрясла тебя! Хотя как-то странно... Почему я ничего не слышал о нем, за исключением его имени? Он никогда не навещал тебя и, насколько мне известно, ни разу не позвонил за все те годы, что мы работаем вместе и делим сие скромное обиталище.

— Мы общаемся с родственниками на психическом, экстрасенсорном уровне, — сказала я.

Накручивая круги, Ясон терся у моих ног, словно пытался приукрасить собой майское дерево,[9] поэтому я взяла его на руки и добавила: — Нам не нужны спутниковые антенны и радиотелефоны для...

— Кстати, хорошо, что напомнила, — прервал меня Оливер. — На днях звонил твой отец. Не сказал, что ему надо, но просил передать, чтобы ты связалась с ним сразу по приезде.

В то же мгновение зазвонил телефон, напугав Ясона, который немедленно прыгнул с моих рук.

— Ого, должно быть, какой-то экстрасенс поймал наши флюиды посреди ночи, — усмехнулся Оливер.

Я пошла к телефону, а он допил свой грог и направился к двери.

— Я сделаю на завтрак блинчики в честь твоего возвращения, — бросил он через плечо и удалился.

— Гаврош, милая, — были первые слова, услышанные мною, когда я взяла трубку.

Боже милостивый, неужели мои родственнички действительно вдруг стали экстрасенсами? Звонил дядя Лаф. Я целую вечность не слышала его голоса. Обычно он называл меня на французский манер Гаврошем, сорванцом парижских улиц.

— Лаф? — сказала я. — Откуда ты? Твой голос доносится как с другого конца света.

— Верно, Гаврош, пока я еще пью кофе по-венски.

Подразумевалось, что он сидит в своих шикарных апартаментах в здании восемнадцатого века перед окнами, выходящими на Хофбург.[10] Мы с Джерси часто гостили у него в Вене, и там сейчас было на восемь часов позднее, то есть одиннадцать утра. Очевидно, дядюшка Лаф никогда не придавал значения разнице во времени в разных часовых поясах.

— Я очень расстроился, узнав о Сэме, — сообщил он мне. — Мне хотелось прилететь на панихиду, но твой отец, естественно...

— Все в порядке, — заверила я его, не желая затрагивать болезненные темы. — Ты был мысленно с нами, как и дядя Эрнест, хотя он уже давно умер. Я заметила шамана, который слегка поколдовал во время церемонии, а потом военные дали в честь Сэма оружейный салют, и Джерси свалилась прямо в пустую могилу.

— Твоя матушка упала в могилу? — уточнил дядюшка Лаф с горячностью пятилетнего ребенка. — Ах, как чудесно! Ты думаешь, она сделала это намеренно?

— Она была пьяна, как обычно, — разочаровала я его. — Но все равно получилось забавно. Хотелось бы мне, чтобы ты увидел выражение лица Огастуса!

— Вот теперь мне и правда жаль, что я не успевал приехать! — воскликнул он с пылким восторгом, которого я никак не ожидала от человека его возраста, на подступах к десятому десятку.

Между моим отцом Огастусом и моим дядюшкой Лафкадием Бенем никогда не было никакой

особой привязанности — возможно, потому, что именно с Лафом, приемным сыном моего деда от предыдущего брака, сбежала бабушка Пандора, едва успев родить моего отца.

Об этом в нашей семье никогда не говорили, ни в обществе, ни в домашнем кругу. Короче, это была одна из запретных тем. Мне вдруг пришло в голову, что я могла бы разбогатеть — если бы уже не унаследовала богатство от Сэма — на разработке новейшей модели теории сложных связей, основываясь исключительно на взаимоотношениях в нашей семейке.

— Дядюшка Лаф, мне нужно у тебя кое-что спросить. Я понимаю, что у нас не приняты разговоры на семейные темы, но ты все равно узнаешь, что Сэм завещал мне все свое состояние.

— Именно этого, Гаврош, я и ожидал от него. Ты добрая девочка, и все его добро должно было перейти к тебе. Я вполне обеспечен, так что за меня не волнуйся.

— Я и не волнуюсь за тебя, Лаф. Но мне нужно задать тебе один вопрос, связанный с историей нашей семьи. Возможно, только ты сможешь на него ответить. Он касается оставленного мне Сэмом наследства... но недвижимость или деньги тут ни при чем.

Молчание дяди Лафа было таким продолжительным, что я усомнилась, остался ли он на связи.

Наконец он сказал:

— Гаврош, ты понимаешь, что международные разговоры записываются?

— Неужели? — удивленно спросила я, хотя по роду моей работы отлично знала об этом. — Но это же не мешает нашему разговору.

— Именно поэтому, Гаврош, я и звоню, — вдруг сказал дядя Лаф совершенно изменившимся тоном. — Я сожалею, что не успел попасть на похороны Сэма. Но по случайному стечению обстоятельств я буду в ваших краях в конце следующей недели. Остановлюсь в большом отеле Солнечной долины.

— Ты будешь в «Приюте Солнечной долины»? — уточнила я. — Прилетишь из Австрии на нашу лыжную базу в Солнечной долине?

Говоря серьезно, в самом лучшем случае путешествие из Вены до Кетчума нельзя было назвать комфортабельным, а Лафу было почти девяносто лет. Из-за неустойчивой высокогорной погоды поездка туда даже из соседнего штата сопряжена с серьезными сложностями. Что он задумал?

— Лаф, как бы мне ни хотелось встретиться с тобой после многолетней разлуки, на мой взгляд, это не слишком разумная идея, — сказала я ему. — Кроме того, из-за похорон я уже пропустила целую неделю на работе. Я не уверена, что мне удастся вырваться.

— Дорогуша, — сказал Лаф. — Мне кажется, я знаю, каким вопросом ты хочешь меня озадачить. И мне известен ответ. Поэтому, пожалуйста, постарайся приехать туда.

Уже почти засыпая, я вдруг вспомнила одно давным-давно забытое событие. Мне припомнился первый раз, когда Серое Облако ранил меня. Я увидела капельки крови, выступившие, словно рубиновое ожерелье, на моей ноге там, где он провел своим острым лезвием. Я не заплакала, хотя была еще очень маленькой. Мне запомнился сам цвет, красивый, удивительно красный — животворная кровь, вытекающая из моего тела. Но я не испугалась.

Я не видела этот сон с самого детства. И сейчас, когда я погружалась в тревожное забытие, он пришел ко мне вновь, так неожиданно, словно до сих пор просто поджидал удобного случая на каком-то подсознательном уровне.

Я была одна в лесу. Я заблудилась в чаще темных, мокрых деревьев. От влажной лесной почвы

поднимался густой туман, подсвеченный редкими стрелами света. Под ногами пружинил ковер из пропитанных дождем сосновых игл. Сначала я потеряла из виду Сэма, а потом потеряла и его следы. Становилось слишком темно, чтобы следовать дальше по его знакам, как он учил меня. Оставшись в одиночестве, я испугалась. Что же мне делать?

Я могла бы подождать наступления рассвета. В моем рюкзаке было все, что нужно: гранола,[11] яблоко и теплый свитер. Я никогда прежде не ходила в большие походы, разве что в ближайший кемпинг с одной ночевкой, но мне ужасно захотелось тайно отправиться за Сэмом в первый день его тива-титмаса.

Сэм был старше меня всего на четыре года, но начал ходить в такие походы с десяти лет. То есть к двенадцати годам, не добившись пока нужного результата, он отправился в пятое путешествие. Все в племени молились, чтобы на сей раз оно увенчалось успехом и он наконец приобщился к духам. Но мало кто

по-настоящему верил в него. В конце концов, отец Сэма, дядя Эрнест, был бледнолицым чужаком. Мать Сэма, Яркое Облако, умерла совсем молодой, и тогда отец забрал ребенка из резервации в Лапуаи, и тот не смог получить от индейцев надлежащее воспитание. Потом его отец поступил очень плохо: взял новую жену, какую-то американку английского происхождения, которая пила слишком много огненной воды. Никто особо не обольщался, когда она, перестав пьянствовать, появилась в племени вместе со своей родной дочерью и настояла в порыве великодушия, чтобы их дети вместе проводили каждое лето в резервации у бабушки и дедушки Сэма. Никого не обманешь такими хитростями.

Тива-титмас считался самым важным событием для детей североамериканского индейского племени «Проколотые носы». Это была ритуальная инициация, приобщение к зрелой жизни. Для обострения духовного видения использовались разные сильнодействующие средства — горячие ванны, парная в земляной хижине, очищение с помощью вставления палочек из березовой коры в горло, — особенно если образ духа долго не приходил, тем более после нескольких походов.

Сэм вырос в этих горах и знал каждую скалу, ручей и дерево, словно они были его друзьями. И уж конечно, после четырех предыдущих походов он сумел бы найти нужное ему место даже в темноте или с завязанными глазами. А я, наивная маленькая идиотка, не способна была найти даже тропинку. Ситуация была аховая: маленькая хрупкая дурочка, промокшая под внезапно хлынувшим горным ливнем, замерзшая, голодная и усталая, со стертymi ногами, совершенно заблудившаяся в густом лесу — и ужасно напуганная собственной глупостью. Я присела на камень, чтобы обдумать положение.

Лучи солнца, зависшего над краем далекого хребта, едва проникали сквозь густую листву. Когда оно сядет, я немедленно окажусь в полнейшей темноте, милях в двенадцати от того места, откуда я вышла утром. Я не захватила с собой спальный мешок, непромокаемую одежду, спички и запас еды. Даже если бы у меня был компас, я не сумела бы им воспользоваться. Но что еще хуже, я знала, что после захода солнца отовсюду повыползут грызуны и змеи, насекомые и дикие звери и начнут кружить в темноте вокруг меня. На заходе солнца резко похолодает, и промозглый холод будет пробираться меня до костей. Я заревела. Весь мой страх, огорчение и отчаяние выплеснулись в горьких рыданиях.

Я успела научиться от Сэма только одному — разным способам посылки индейских сообщений: с

помощью дымовых сигналов или зеркальных солнечных зайчиков. Сейчас, когда было уже почти темно, эти навыки казались бесполезными. Или все-таки можно попробовать?

Я проглотила рыдания и уставилась сквозь слезы на велосипедное зеркальце, привязанное к рюкзачку. Смахнув рукой слезы и вытерев нос рукавом, я дрожа встала на ноги и огляделась вокруг. Через сумеречный лесной туман было видно, что солнце еще не совсем зашло. Но скоро зайдет. Если я успею забраться повыше, пока не погаснут последние лучи, то многое смогу увидеть сверху.

Возможно, я найду ту вершину, на которую, как мне известно, Сэм должен выйти до заката, чтобы оказаться на особом месте — в магическом круге. Эта дикая затея показалась мне единственным возможным способом для посылки солнечного зайчика от последних лучей света к тому магическому кругу. Забыв об усталости и страхе, забыв о советах Сэма, что с наступлением темноты безопаснее находиться в лесу, я изо всех сил побежала на своих слабеньких ножках наверх, к высоким скалистым гребням, что возвышались над лесом. Я бежала навстречу заходящему солнцу. Во сне я слышу, как шумит обступающий меня лес, но отчаянно карабкаюсь на скалы, не обращая внимания на острые колючие сучки и травы, на какой-то громкий треск за деревьями. Во сне лес становится все темнее и темнее, но наконец я выбегаю из леса и забираюсь на самую вершину.

Распластавшись на камнях, я подползаю к краю и окидываю взглядом горные хребты.

И на одном горном плато подо мной, за большим ущельем находится тот магический круг. А в самом его центре — Сэм. Сейчас он сидит на отделанной бахромой оленьей коже, его волосы рассыпались по плечам, он погружен в медитацию — но он сидит спиной ко мне! Он смотрит на заход солнца. И не может увидеть мой сигнал.

Поэтому я начинаю кричать, вновь и вновь выкрикивая его имя в надежде, что эхо донесет до него мой голос. Вот уже крик превращается в вопль. Но он слишком далеко, слишком далеко...

Оливер тряс меня за плечи. Из своего подземелья я увидела свет, проникающий через высокие окна, а это означало, что снег, закрывавший их, частично растаял. Интересно, сколько же сейчас времени?

В голове у меня странно гудело. Почему Оливер так сильно трясет меня?

— С тобой все в порядке? — спросил он, увидев, что я открыла глаза. У него был испуганный вид. — Понимаешь, ты орала как резаная. Я услышал тебя сверху. Твой маленький аргонавт заполз под холодильник, услышав эти вопли.

— Вопли? — сказала я. — Мне просто приснился страшный сон. Я не видела его много лет. Кроме того... на самом деле все было не так.

— Что было не так? — озадаченно спросил Оливер.

И тут меня вдруг осенило, что Сэм действительно умер. Теперь я смогу увидеть его только во сне, и даже если сегодняшний сон неверно отражал былые события, это все, что у меня осталось. Вот черт! Меня словно ударило по голове этой ошеломляющей духовной перспективой.

— Тесто для блинчиков готово, — сообщил Оливер. — Я готовлю для тебя оладушки с бадьей цикориевого кофе и отвратительными свиными колбасками — в них достаточно холестерина для перекрытия твоих кровеносных сосудов — и еще, для полноты счастья, яйца всмятку.

— Яйца в мешочек, — подправила я Оливера, пытавшегося изъясняться на местном сленге. — Отлично, мой щедрый хозяин, а который сейчас час?

— Время уже для второго, а не для первого завтрака, — сообщил Оливер. — Я специально дожидался тебя, чтобы отвезти на работу. К сожалению, твою машину засыпал снегоочиститель.

После завтрака я решила потеплее одеться и откопать свою машину, прежде чем ехать в центр. После двухдневного путешествия за рулем мне необходима была физическая зарядка. К тому же после такого потепления иногда вдруг сильно подмораживало, и тогда мне пришлось бы целый месяц вырубать автомобиль из льда. А еще мне необходимо было побыть одной, чтобы душевно перестроиться от похоронного к производственному процессу.

Поэтому я нашла допотопный переносной стереоприемник и вынесла его на улицу, где под хриплый голос Боба Зегера, тоскующего об «Угасшем пламени», в окружении искристых снежных дюн и украшенных сосульками домов откопала лопатой из мокрого снега мою маленькую «хонду». Мои размышления касались того, в какую причудливую паутину превращаем мы реальность в наших снах.

На самом деле я так и не нашла Сэма в том лесу. Это он нашел меня. В реальной истории — не во сне — я забралась на верхние скалы, где было так холодно, что деревья там не выживали, а животные, как говорится, никогда не укладывались даже понежиться на солнышке. Сияла полная луна, и я торчала на вершине скалы, залитая ярким белым светом. Солнце давно зашло, и с фиолетово-черного неба поблескивали звезды. Со всех сторон меня окружал густой и чернуший лес.

В невообразимом ужасе я стояла одна в этом молочном свете, созерцая вселенские дали. Я была слишком испугана, чтобы испытывать муки голода. Слишком испугана, чтобы плакать. Даже сознавая, как опасно такой мелкой живности, как я, беззащитно выставяться на всеобщее обозрение, я простояла там целую вечность, неспособная сдвинуться с места, поскольку любое движение неумолимо приблизило бы меня к жуткому черному и непроходимому лесу, полному ночных звуков, от которых я только что убежала.

А потом глухой ночью он вышел из леса и нашел меня. Сначала, заметив движение листвы, я в ужасе сжалась. Но, узнав мелькание белого оленьего плаща Сэма, помчалась к нему навстречу, бросилась ему на шею и облегченно разревелась.

— Все в порядке, Умница, — сказал Сэм и, отстранившись, посмотрел на меня серебристо-серыми от лунного света глазами. — Потом ты расскажешь мне, как у тебя родилась безумная идея последовать за мной. Тебе еще повезло, что я обнаружил твои следы, проходя назад по одной тропе. Но я надеюсь, ты понимаешь, что помешала сегодня очень важной встрече с духами тотемов. Да к тому же забралась на самую верхотуру, выше лесной полосы. Ты же помнишь, что туда нельзя забираться по ночам. Разве мой дедушка, Серый Медведь, не говорил тебе, почему волки и кугуары никогда не остаются на верхних голых скалах?

Глотая слезы, я отрицательно помотала головой. Он снял одну руку с моего плеча и поднял с земли мой рюкзачок. Мы углубились в лес. Сэм взял меня за руку, и я попыталась прогнать страх.

— Потому что над лесами живут сами духи тотемов, — пояснил Сэм. Мы шли по густому лесу, и я слышала тихий хлюпающий звук его мокасин по влажной земле. — Животные понимают, что там живут духи, даже если они не способны увидеть или почуять их. Вот почему, если хочешь встретиться с духами, надо ждать в том месте, где не выживают деревья. Но то место, куда я тебя веду, защищено великой магией. Сейчас слишком поздно, чтобы вести тебя домой, так что тебе придется остаться со мной здесь на всю ночь. И я подозреваю, что мы вместе — ты и я — пройдем наш тива-титмас. Мы дождемся в том круге, когда духи придут к нам.

Хотя меня переполняло облегчение оттого, что меня спасли от одинокой ночи на Лысой горе, я как-то сомневалась в своем желании встречаться с тотемными духами.

— А зачем нам нужно, чтобы духи... пришли к нам? Мне страшно было даже спрашивать об этом. Сэм ничего не ответил, но сжал мою руку, показывая, что услышал вопрос, и мы продолжили поход по темному лесу. Мне показалось, мы блуждали жутко долго, но в итоге нашли этот круг. Среди деревьев еще было темно, но чуть выше поток белого лунного света освещал голую вершину, ограниченную кругом скал. Она напоминала римский амфитеатр, где однажды выступала Джерси. Бок о бок, рука в руке мы с Сэмом вышли из леса. Нечто странное произошло, когда мы вступили в этот круг. Лунный свет приобрел в нем какое-то иное качество: воздух поблескивал и мерцал, как слитки серебра. Легкий порыв ветра обжег нас холодом. Но я больше не боялась; я была поистине зачарована этим магическим местом. Я почувствовала, что как-то принадлежу ему.

По-прежнему держа меня за руку, Сэм вывел меня в центр круга и встал передо мной на колени. Он развязал сумку, подвешенную к его поясу, вытащил оттуда вещицы, которые, насколько я знала, являлись талисманами — яркие разноцветные бусы и «счастливые» перышки, — и по очереди закрепил их в моих волосах. Потом он собрал в центре круга растопку и ветки деревьев и быстро разжег огонь. Я стояла рядом, грея руки, и вдруг осознала, как ужасно замерзла, промокшая и продрогшая до костей. Языки жаркого пламени взмывали в небо, и искры улетали в чернеющую высь, смешиваясь со звездами. Я услышала осенних сверчков в ближайшем кустарнике, а над ним разглядела два звездных ковша.

— Мы называем их Большой и Малой Медведицами, — сказал Сэм, проследив за моим взглядом. Скрестив ноги, он опустился рядом со мной на землю и пошевелил палкой в костре. — Я думаю, что именно медведица может оказаться моим тотемом, хотя никогда не видел ее лицом к лицу.

— Медведица? — удивилась я.

— Медведица — это великий тотем, — сказал Сэм. — Как львица, эта самка защищает своих детенышей, иногда даже от угроз их отца, и добывает им пищу.

— А что будет, когда дух твоего тотема придет к тебе? — спросила я, по-прежнему страшась этого события. — Я имею в виду, будет ли он что-то делать с тобой?

Сэм улыбнулся своей насмешливой улыбкой.

— Я не знаю точно, Умница. Ко мне пока никто не «приходил»... но я думаю, мы узнаем, если это произойдет с нами. Мой дедушка, Серый Медведь, рассказывал мне, что дух тотема мягко приближается к тебе в облике человека или, иногда, животного. Потом дух определяет, готов ли ты. И если готов, то он общается с тобой и делится с тобой самым сокровенным — твоим священным именем. Такое имя будет известно лишь тебе одной, если ты не захочешь поделиться им с кем-то еще. Священное имя, как говорит дедушка, является личной духовной силой каждого смельчака, особой и во многих отношениях более важной силой, чем наша вечная душа.

— А почему твой тотем все еще не пришел к тебе и не открыл твоего имени? — спросила я его. — Ты ведь так давно и старательно ищешь его.

Упавшие на лоб пряди гагатово-черных блестящих волос затенили глаза Сэма, когда он шевелил костер, и я видела лишь его профиль: черные ресницы, выпуклые скулы, прямой нос и подбородок с маленькой ямочкой. Внезапно в этом свете мой двенадцатилетний сводный брат показался мне гораздо старше своего возраста. Сам Сэм вдруг явился мне древним тотемным духом. Потом он с

улыбкой посмотрел на меня. В отблесках костра его серьезные глаза сияли ясным и глубоким алмазным светом.

— Ты знаешь, Ариэль, почему я обычно называю тебя Умницей? — спросил он меня и, когда я отрицательно качнула головой, ответил: — Потому что в свои восемь лет ты обладаешь куда большей сообразительностью, чем была у меня, когда я сам впервые пошел на тива-титмас. Может быть, ты даже и сейчас сообразительнее меня. И это еще не все: я думаю также, что ты отважнее и смелее меня. Когда я впервые отправился в этот лес без проводника, то уже знал здесь каждую тропинку и каждый камень. Но ты не побоялась сегодня одна отправиться вслед за мной, безрассудно доверяясь всему, что может приключиться с тобой. Дедушка называет это необходимой верой.

— Я последовала за тобой, — подчеркнула я. — И наверное, просто по глупости!

Сэм откинул назад голову и рассмеялся.

— Нет, нет. Ты не глупая, — сказал он. — Но возможно, Умница, — добавил он со своей удивительной улыбкой, — возможно, именно то, что ты заблудилась и едва не погибла в этом лесу, станет добрым талисманом для меня — моей «счастливой» кроличьей лапкой. — Он дернул меня за косичку. — Может, удача придет ко мне благодаря тому, что я нашел тебя.

Так и случилось. Именно тогда Сэм стал Серым Облаком, наш тотемный дух благословил нас светом, а я стала членом его индейского племени, когда мы смешали нашу кровь. В ту самую ночь мне словно открылась какая-то внутренняя тайна, и с тех пор мой жизненный путь стал для меня четким и ясным.

С той самой ночи и до сегодняшнего дня.

Государственную власть не раз обвиняли в растрачивании денег налогоплательщиков, но никогда эти растраты не улучшали рабочих условий ее служащих. Особенно здесь, в провинции, где каждые пять центов, способные обеспечить удобную рабочую обстановку, выколачивались с большим трудом, а чаще всего складывались в кубышку. В результате больше наличных денег тратилось на обустройство шести акров парковочной стоянки нашего центра, где государственные служащие парковали свои машины, чем на строительство, отделку, ремонт, уборку или отопление зданий, где в реальности приходилось работать людям.

Сразу после обеда, еще с налипшими снеговыми плюшками на машине, я подъехала к нашей стоянке и обозрела ее бескрайние просторы. Как я и подозревала, в такое позднее время свободные места остались лишь в самом дальнем конце, простиравшемся, казалось, до границы с Вайомингом, соседним штатом. А в такое время года, даже после утренней оттепели, резкий дневной ветер мог существенно понизить температуру. Ветровое стекло уже бомбардировали ледяные градины. Рискую нарваться на штраф, я решила оставить машину прямо перед главным зданием, где находилась небольшая стоянка для официальных гостей. Простым смертным там парковаться запрещалось, впрочем, как и входить в центр через гостевой вестибюль. Но мне обычно удавалось уговорить охрану позволить мне расписаться в вахтенном журнале, вместо того чтобы тащиться по улице вокруг всего комплекса и входить в него с задней стороны, через официальные ловушки для служащих.

Я плавно въехала на одно из свободных мест, подняла воротник дубленки, замотала лицо длинным кашемировым шарфом с бахромой и натянула на уши шерстяную лыжную шапочку. Выскочив из

машины, я рванулась к стеклянному portalу. Что оказалось совсем не лишним, поскольку, когда я входила в здание, порыв ветра едва не сорвал дверь с петель. Мне удалось закрыть ее и пройти через вторые двери в вестибюль.

Я разматывала шарф, вытирая обожженные ветром глаза, когда увидела его. Он стоял у бюро пропусков и расписывался. Я оцепенела.

Нет, серьезно, не могла же я забыть слова из «Волшебного вечера» — «Ты встретишь незнакомца», — если Джерси частенько крутила эту запись, где она поет вместе со знаменитым баритоном, Дитрихом Фишером-Дискау, на сцене зала «Плейель» в Париже.

И вот он, этот незнакомец, передо мной. Конечно, в вестибюле отдела научно-технического обслуживания обстановка была не слишком идиллической, но я сразу поняла, что увидела того самого единственного на земле человека, созданного персонально для меня. Это был подарок богов, посланный мне в утешение после гибели моего кузена Сэма. Даже страшно подумать, что я могла войти в другие двери. Какие изысканные и таинственные подарки порой щедро подбрасывает нам судьба из своих запасов!

Он выглядел божественно — по крайней мере, вполне соответствовал почерпнутому мною из книг образу бога. Его темные и густые волосы, зачесанные назад, прикрывали воротник. Он был высок и строен и обладал тем четко высеченным македонским профилем, что обычно ассоциируется с героями. С его широких плеч свободно свисали пальто из мягкой верблюжьей шерсти и белый шелковый шарф с кисточками. В изящных длинных пальцах он небрежно держал пару шикарных итальянских кожаных перчаток. Он вовсе не походил на ковбойского инженера, чертыхающегося, как сказал бы Оливер, по любому поводу.

В его осанке и манере поведения сквозило некое отчужденное, царственное спокойствие, граничившее с надменностью. А когда он отвернулся от охранницы Беллы — которая продолжала тарашиться на него с открытым ртом, как рыба, — и направился ко мне, я заметила потрясающие темно-бирюзовые, удивительно глубокие глаза, окаймленные черными ресницами. Его взгляд скользнул по мне, помедлил мгновение, и я поняла, что сейчас в этом наряде обладаю сексуальной привлекательностью белого медведя.

Он направился в мою сторону. Он шел к выходу из здания! Я лихорадочно соображала, что должна что-то сделать — хлопнуться в обморок или растянуться у дверей. Но на самом деле, когда он проходил мимо, я лишь закрыла глаза и вдохнула его запах — смесь сосны, кожи и лимона, слегка одурманившую меня.

Возможно, у меня разыгралось воображение, но мне послышалось, что, проходя мимо, он прошептал что-то вроде «очаровательно» или «потрясающе». А возможно, просто пробормотал «простите», поскольку я, видимо, слегка загораживала ему выход. Когда я открыла глаза, его уже не было.

Я направилась к проходной, собираясь заглянуть в вахтенный журнал, но, когда подошла к стойке регистрации, Белла, успевшая восстановить спокойствие, заложила бумагой открытую страницу.

Удивленно взглянув на нее, я заметила, что она обожгла меня взглядом, совершенно не свойственным для служащих охраны. Скорее он напоминал тигрицу во время течки.

— Вам следует пользоваться служебным входом, мисс Бен, — сообщила она мне, указывая на выход. — А этот журнал только для персонала охраны.

— Любые посетители, расписываясь в вашем журнале, могут просмотреть его и увидеть, кто здесь

был, — заметила я. — Почему же нельзя остальным служащим? Что-то мне неизвестны подобные ограничения.

— Вы следите за атомной безопасностью, а не за безопасностью помещений, потому вам многое неизвестно, — ухмыльнувшись, возразила она таким тоном, словно моя сфера деятельности по сравнению с ее была примитивной и атавистической.

Совершенно неожиданно для нее я выдернула листок бумаги из-под наманикюренных розовато-лиловых ногтей. Она ухватилась за него, но слишком поздно. Я успела прочесть последнюю строчку в журнале:

«Профессор, доктор Вольфганг К. Хаузер; МАГАТЭ; Креме, Австрия».

Я смутно представляла, где в Австрии находится Креме. Но МАГАТЭ, или Международное агентство по атомной энергии, контролирующее атомную промышленность во всем мире, до недавнего времени не особо проявляло свою активность. Сама Австрия была безъядерной страной. Тем не менее она выпускала самых классных специалистов-ядерщиков в мире. Как же мне хотелось более серьезно познакомиться с curriculum vitae[12] профессора Вольфганга К. Хаузера! Хотя бы для начала.

Улыбнувшись Белле, я нацарапала свою фамилию в журнале.

— У меня срочное задание от нашего шефа, Пастора Дарта. Он попросил меня срочно зайти в это крыло, — заявила я и, сняв куртку, повесила ее на настенную вешалку в вестибюле.

— Неправда, — возразила Белла, ехидно прищурившись. — Доктор Дарт ушел на обед с какими-то деятелями из Вашингтона. Он сам расписался здесь с ними около часа назад. Вот, убедитесь сами.

— Ага, значит, как я и подозревала, в ваш журнал может заглядывать не только персонал охраны, — с усмешкой бросила я и удалилась по коридору.

Оливер сидел в кабинете, который мы делили с ним в этом здании, и играл на компьютере. Мы были руководителями проекта, связанного с обнаружением, переработкой и захоронением «сильно радиоактивных отходов» типа тепловыделяющих и прочих трансурановых материалов, то есть тех материалов, атомный вес которых выше урана. Они отслеживались с помощью программ, спроектированных в соответствии с нашими требованиями и разработанных нашими программистами.

— Кто такой профессор Вольфганг К. Хаузер из австрийского МАГАТЭ? — спросила я, когда Оливер оторвал взгляд от экрана.

— О господи, невероятно, и ты туда же? — сказал он, откатываясь назад на своем вращающемся стуле и протирая глаза. — Ты ведь вернулась на работу всего пару минут назад. Как же тебе удалось так быстро подхватить общую болезнь? Все тут посходили с ума из-за этого парня. До настоящего момента ни одной женщине не удалось устоять. А я-то надеялся, что ты окажешься более стойкой. Видишь ли, я поставил на тебя большие деньги. Мы уже заключили несколько пари.

— Он великолепен, — заявила я Оливеру. — И это еще слабо сказано. От него исходит... даже не знаю, как сказать... какой-то странный животный магнетизм.

— Ох, нет! — простонал Оливер, порывисто кладя руки мне на плечи. — Это гораздо хуже, чем я представлял! Наверное, я уже проиграл свои бакалейные деньги.

— Неужели ты рискнул своим бюджетом на покупку экзотического гурманского чая? — с усмешкой спросила я.

Он опустился на стул и застонал, обхватив голову руками. Я вдруг осознала, что этот профессор Вольфганг К. Хаузер впервые за неделю заставил меня улыбнуться и на целых десять минут забыть о Сэме. Что обернулось для Оливера проигрышем в споре и потерей нескольких фунтов чудесного чая. Оливер вскочил на ноги, услышав завывания системы аварийной безопасности, в промежутках между которыми громкоговоритель выдал нам следующую информацию:

— Начинается внеочередная проверка системы аварийной безопасности. Объявляется пожарная тревога. Эта тренировка проводится как для местной пожарной службы, так и для служащих отделов федеральной безопасности. Пожалуйста, быстро пройдите к ближайшим аварийным выходам и, покинув здание, дождитесь на парковочной стоянке сигнал отбоя тревоги.

Святое дерьмо! Во время пожарной тревоги разрешалось пользоваться только аварийными выходами. Все остальные выходы и двери центра печатались, и сотрудники действительно могли оказаться в ловушке, особенно те, кто оставил куртку в главном вестибюле гостевого крыла. Когда я подъехала к работе, на улице было довольно морозно, и сейчас стало еще холоднее. А пожарная тревога обычно длится минут тридцать.

— Пошли, — сказал Оливер, натягивая свою парку. — Бери вещи, и пойдем!

— Моя куртка в главном вестибюле, — сказала я, быстро следуя за ним по просторным комнатам с уже опустевшими столами.

Море людей вытекало из четырех пожарных выходов на пронизывающий порывистый ветер.

— Ты совершенно ненормальная, — сообщил мне Оливер. — Сколько раз я твердил тебе, чтобы ты не раздевалась в главном вестибюле? Теперь ты превратишься в ледяную скульптуру. Я бы поделился с тобой курткой, но вдвоем мы не влезем в нее, она довольно узкая. Впрочем, можно греться в ней по очереди, меняясь, когда раздетый начнет синеть.

— Я захватила сумочку с ключами от машины, там у меня есть запасная парка, — сказала я. — Надо просто добежать до машины и включить отопление. Если тревога продлится слишком долго, можно зайти в ковбойский салун выпить горячего чая.

— Ладно, я пойду с тобой. Раз уж ты зашла через главный вход, то, наверное, и припарковалась там нелегально?

Я улыбнулась ему в ответ. Толпа вынесла нас на улицу, и мы потрусили вокруг здания.

Когда я подбежала, чтобы открыть дверцу машины, то увидела, что кнопочные блокираторы уже подняты. Странно: я всегда опускаю их, оставляя машину. Может, конечно, и забыла сегодня в расстроенных чувствах. Забравшись внутрь, я нацепила куртку и включила зажигание, а Оливер залез в салон через другую дверь. Мне даже повезло, что пришлось выйти и завести машину, поскольку промерзший двигатель с трудом раскочегаривался. В такую погоду на улице масло в кратере двигателя может превратиться в ледяной конус.

И тут я заметила узел, свисающий с зеркала заднего вида.

Мы с Сэмом увлекались в детстве вязанием разнообразных узлов, и я изрядно поднаторела в таком искусстве. Как заправский моряк, большинство узлов я умудрялась завязывать одной рукой. Сэм говорил, что перуанские инки пользовались узелковым языком: с помощью узлов они производили разные подсчеты и рассказывали истории. В детстве я пробовала посылать узелковые послания разным людям, но в основном самой себе, чтобы выяснить, смогу ли я вспомнить потом, что они означают, — что-то вроде узелка на память.

У меня даже появилась привычка оставлять обрывки ниток или веревок в разных местах, в том числе и на зеркале заднего вида. А если я попадала в сложную ситуацию или раздумывала над какой-то проблемой, то машинально завязывала и развязывала узелки. Иногда у меня получалось довольно сложное макраме. Причем когда образовывался интересный узелковый рисунок, то удивительным образом сразу разрешались и проблемы. Но что-то я не помнила никакой завязки на зеркале, во всяком случае не видела ее ни по пути домой, ни сегодня днем, когда ехала на работу. Может, память начала подводить меня?

Согревшись в машине, я потрогала эту завязку. На самом деле там было два узелка, если учитывать узел на ручке зеркала: подобный соломонов узел символизирует важное решение или щекотливое положение, требующее мудрого осмысления. О чем же я думала, завязывая их там? Я отвязала нитку и начала играть с ней.

Оливер включил приемник и настроился на обожаемую им чертовски залихватскую музыку. Я тут же пожалела, что пригласила его разделить со мной транспортное убежище; в конце концов, мы и так проводим девяносто процентов нашей жизни под одной крышей. Но потом мне вспомнилось, что вчерашним вечером, вернее, почти сегодняшним утром, входя в дом, я не заметила на снегу никаких отпечатков Оливера. Метель, конечно, намела кучи снега, но должны были остаться хоть какие-то следы его хождений. И вообще, почему он не забрал мою почту, если жил там все это время? Дело осложнялось.

— Оливер, где ты был, пока я отсутствовала?

Оливер посмотрел загадочным взглядом и легонько поцеловал меня в щеку.

— Дорогая, я должен признаться, — сказал он. — Я познакомился с одной классной наездницей и не смог устоять.

— Ты метелился в эти снежные ночи с наездницей? — удивленно спросила я, зная, что Оливер предпочитал обычно спать в своей постельке. — Ну так рассказывай. Она симпатичная? Может, тоже приобщилась к вашей мормонской церкви «Святых последнего дня»? А что, интересно, поделявал мой бедный кот, пока вы гуляли?

— Я оставил твоему аргонавтику огромную миску еды, а с добычей питья у него никогда не было проблем. Что же касается той леди, то наши с ней отношения лучше описывать в прошедшем времени. Они растаяли вместе со снегом и сейчас, к сожалению, холодны, как лед.

Очень поэтично.

— На следующие выходные мне придется отправиться в Солнечную долину, — сказала я. — Ты что, снова бросишь Ясона в мерзлом подвале? Может, мне лучше забрать его с собой?

— Собираешься покататься на лыжах? — спросил Оливер. — Почему бы тебе не захватить нас обоих? Я как раз раздумывал, куда бы съездить покататься по свежему снежку. На склонах Солнечной долины его толщина, наверное, дюймов сорок, а в ложбинах и все шестьдесят этого снежного пуха.

Оливер отлично катался на лыжах и носился, как перышко, по пороше. Сама я не умела кататься по рыхлому снегу, но любила следить за ним издалека.

— Ну, скорее всего, мне не удастся уделить много времени лыжным прогулкам, — сказала я. — Туда приедет в гости мой дядя. Он хочет обсудить семейные дела.

— Могу себе представить! — уверенно заявил Оливер. — Похоже, получив наследство, ты стала

объектом повышенного внимания со стороны твоих родственничков, до сей поры пропадавших в неизвестности, — добавил он, а потом вдруг огорченно взглянул на меня, словно извиняясь, что вообще упомянул об этом.

— Все в порядке, — успокоила я Оливера. — Я это переживу. Кроме того, дядюшка и сам очень богат. Он известный скрипач и дирижер в...

— Уж не Лафкадио ли Бен? Неужели это твой дядя? — изумился Оливер. — В мире не так много людей с фамилией Бен, и я часто подумывал, не приходится ли все эти знаменитости тебе родственниками.

— Вероятно, приходится, — поморщилась я. — Такова уж жизнь нашего обширного семейства Бен. Сигнал отбоя прозвучал как раз в тот момент, когда я сказала Оливеру, что он может присоединиться ко мне в этой поездке, если хочет. Я неохотно выключила прогретый двигатель и вылезла обратно на противный мороз. Закрывая машину, я точно вспомнила, что запираю ее на пути к главному входу. И это уже не шутки. Кто-то забирается в мою машину.

Я заглянула в багажник. Все вещи вроде бы на месте, но слегка сдвинуты со своих обычных мест. Там явно что-то искали. Тем не менее я вновь, чисто автоматически, заперла машину. Проходя за Оливером вокруг здания, я едва не столкнулась на входе с нашим шефом, Пастором Дартом.

— С возвращением, Бен! — сказал он. Улыбка прорезала его по-боевому сосредоточенное лицо. — Зайди в мой кабинет часика через пол, когда я освобожусь. Если бы я знал, что ты вернешься сегодня, то заранее выяснил бы все вопросы. Мне нужно многое обсудить с тобой.

Заходившая как раз перед нами охранница Белла с ухмылкой бросила на меня взгляд через плечо. Я сказала Поду, что загляну к нему позже, и вошла в наш кабинет как раз в тот момент, когда зазвонил телефон.

— Ты ответишь? — спросил Оливер. — Кстати, забыл сказать: перед твоим приходом звонила некая дама из газеты по поводу каких-то унаследованных тобой документов. Но в основном сегодня с утра я общался с молчаливой трубкой. Вероятно, сюда названивал какой-то телефонный маньяк.

Я взяла трубку после четвертого звонка.

— Ариэль Бен. Отдел организации сбора и удаления отходов, — ответила я.

— Привет, Умница, — сказал мягкий знакомый голос. Голос, который я уже больше не надеялась услышать, разве что во сне. — Извини. Мне правда очень жаль, что пришлось устроить весь этот ужасный спектакль, но я не умер, — сказал Сэм. — Однако вероятность этого будет очень велика, если только ты не поможешь мне. Мне необходима твоя помощь.

РУНЫ

М а р с и й:

Чернь, чернь, невыносимый мрак!

Сгинь, призрак вековой!

Достаточно уже, что я низвержен.

Нашел я тайную связующую нить

Идей и помыслов чрез бесконечность лет,

В хитросплетениях земной и высшей жизни,

Приведшую меня к истокам темным

Предписанного мне существованья.

Познал я тайный замысел. Кем был я... Кто я есть.

Свершится рун магический завет, и сам я промелькну,

Подобно тени в поднебесной выси...

О л и м п и е ц:

И в жизни, и в смерти, на суше и в море

Преследовать тебя я буду неуклонно.

Мне нужно было немедленно куда-то приземлиться. Я рухнула на стул, чувствуя, как пол уходит у меня из-под ног, увлекая в блаженную пустоту. Опустив голову, я уткнулась лбом в колени, чтобы окончательно не потерять сознание.

Сэм жив. Жив.

Неужели он действительно еще жив? Или я брежу?.. Подобные бредовые мысли иногда посещают людей во сне — и эти сны кажутся вполне реальными. Но голос Сэма продолжал доноситься из трубки, гудеть мне в ухо, хотя я только что вернулась с его похорон. Очевидно, самое время провериться у психиатра.

— Ариэль, что ты молчишь? — Голос Сэма звучал тревожно. — Я не слышу даже твоего дыхания.

Так оно и было: я перестала дышать. Потребовалось осознанное усилие для возобновления этого инстинктивного физиологического процесса. С трудом глотнув воздуха, я вцепилась в подлокотник кресла, выпрямилась и заставила себя выдать хриплый ответ.

— Здорово, — сказала я в трубку.

Это прозвучало нелепо, но я не представляла, что вообще следует говорить в подобном случае.

— Мне чертовски жаль, Ариэль. Я понимаю, каково тебе должно быть сейчас, — сказал Сэм. Его высказывание по нынешним временам прозвучало чертовски слабо. — Только, пожалуйста, не задавай пока никаких вопросов, потом я все объясню. На самом деле если ты сейчас не одна, то вообще опасно говорить о чем-то определенном.

— Вы правы, — быстро ответила я, все еще пытаюсь совладать с хаосом мыслей и хоть немного привести в порядок биоритмы моего внутреннего мира.

— Все понятно, — сказал Сэм. — Я названивал тебе сегодня с самого утра, но просто вешал трубку, поскольку ее снимала не ты. Раз уж я наконец-то поймал тебя, нам надо первым делом найти какую-то надежную телефонную связь, чтобы я мог внятно объяснить тебе все, что произошло.

— Можете позвонить мне домой, — предложила я, осторожно выбирая слова.

Я отъехала на своем вращающемся кресле подальше от Оливера, который, сидя ко мне спиной, все еще печатал что-то на компьютере.

— Плохая идея: твой домашний телефон прослушивается, — сказал Сэм, а уж он-то разбирался в таких вещах. — Этот рабочий номер чист, по крайней мере на данный момент... и нам хватит времени, чтобы договориться. Твоя машина также небезопасна, — добавил он, предвидя мое следующее предложение. — Кто-то уже взломал замок и провел тщательный обыск. Я оставил там узелки, чтобы предупредить тебя. Надеюсь, ты не припрятала ничего особо ценного ни в машине, ни дома: я убежден, что за тобой следят настоящие профессионалы, причем практически постоянно. Настоящие профессионалы? Что бы это могло значить? Что меня тоже каким-то образом втянули в шпионский триллер? Только этого мне и не хватало, учитывая все, что произошло со мной за последние двадцать четыре часа. И хотя я не поняла, что подразумевал Сэм под «особо ценным», но

сдержанно сказала:

— Я не заметила никакой... — И вместо «пропажи» добавила: — Никакой путаницы.

Оливер встал и потянулся. Когда он глянул в мою сторону, я развернулась на кресле к своему рабочему столу и начала изображать деловую активность, словно мне передавали по телефону важные технические данные. В голове у меня еще царил хаос, но из него выплыла одна разумная мысль, подсказавшая мне, что необходимо как можно быстрее закончить разговор с Сэмом. Я спросила его:

— Так что вы предлагаете?

— Нам нужно придумать, где мы сможем в назначенное время спокойно разговаривать по телефону без лишних свидетелей, учитывая наличие слежки. В общем, уличный телефон-автомат нам не подойдет.

А ведь именно он первым пришел мне на ум. Вычеркиваем.

— А компьютерные данные вас не устраивают? — спросила я, все еще старательно выводя каракули в блокноте.

Я молила Бога, чтобы Оливер вышел куда-нибудь проветриться.

— Компьютер? — сказал Сэм. — Тоже недостаточно безопасно. Любой придурок может взлезть в твой служебный компьютер, и в особенности с вашей системой защиты. Нам понадобился бы многоуровневый защитный шифр, но время нас поджигает. Поблизости от твоей конторы есть одна безымянная ковбойская забегаловка. Я позвоню тебе туда через пятнадцать минут.

— Через пятнадцать минут у меня встреча с шефом, — сообщила я. — Я, конечно, попробую...

В тот же момент, идеально своевременно, в дверях появилась голова Пода.

— Бен, я досрочно выяснил все вопросы. Заходи в мой кабинет, как только закончишь здесь. Нам нужно обсудить нечто важное.

— Ладно, я понял, что тебе надо идти, — тихо сказал Сэм.

Оливер направился вслед за Подом на это совещание, а Сэм добавил:

— Тогда я позвоню туда через час. И если тебя там еще не окажется, то буду звонить через каждые пятнадцать минут, пока не дождусь твоего ответа. Эй, Ариэль... Мне правда ужасно жаль, что все так вышло.

После этого наша связь прервалась.

Слегка трясущейся рукой я положила трубку на телефон и неуверенно попыталась встать. Под перехватил Оливера у двери.

— На этом совещании ты нам не понадобишься, это поручение касается только Бен. Ей придется на пару недель съездить в командировку по одному срочному проекту. Вольфгангу Хаузеру из МАГАТЭ требуется помощь в одном «пожарном дельце».

Он вышел, а Оливер с недовольным ворчанием вернулся к своему рабочему столу.

— О мой Морони, чем я заслужил такую кару? — взвыл он, возведя глаза к потолку, словно надеялся обнаружить там лик этого мормонского пророка. Потом он сердито посмотрел на меня. — Ты хоть понимаешь, что это означает? Я проиграл целый годовой бюджет на покупку разноцветных макаронных изделий из Северной Италии плюс заначку на изысканный виноградный уксус с травами и специями!

— Ах, Оливер, мне очень жаль, — сказала я и похлопала его по спине, в некоем оцепенении проходя

к выходу.

Святое дерьмо! Похоже, у меня сегодня день сногсшибательных сюрпризов.

В ядерном центре в Айдахо, где я работала, впервые в мире начали заниматься научными исследованиями по ядерной безопасности. То есть мы изучали возможные причины аварий и методы их предотвращения.

Одна из тем данной области знаний, недавно приобретшая особо важное значение — организация сбора и удаления ядерных отходов, — отлично согласовывалась с проектом, над которым мы с Оливером корпели последние пять лет. Мы располагали полнейшей базой данных для определения и отслеживания мест хранения и захоронения ядовитых, опасных и трансурановых веществ. Как пионеры в этой области, мы также вполне справедливо считали, что у нас накопились и самые большие в мире запасы «грязного» юмора — саркастических шуточек типа: «Отходы других людей — наш хлеб с маслом».

Но у нас с Оливером было скромное меню. Настоящая научная кормушка, открывшаяся здесь, в Айдахо, состояла из проводимых в лавовой пустыне широкомасштабных испытаний и проверок разных видов аварий, в том числе и связанных с расплавлением активной зоны ядерных реакторов. Конечно, нет ничего удивительного в том, что Международное агентство по атомной энергии, сторожевой пес нашего ядерного мира, направило к нам в Айдахо своего представителя Вольфганга Хаузера, чтобы поделиться планами работы, но я была совершенно не готова к последнему сообщению Пода о предстоящей мне командировке.

— Ариэль, ты в курсе проблем, происходящих сейчас в Советском Союзе? — спросил он меня для начала, когда я расположилась в его кабинете за закрытой дверью.

— Гм... Ну, в общем да. В смысле, мне известно то, что говорят об этом каждый день в шестичасовых новостях, — ответила я.

Горбачев поимел жуткие неприятности, предоставив свободу стране, в которой миллионы были невинно арестованы или убиты, и все только затем, чтобы народ перестал обсуждать свои несчастья на кухне за чашкой чая.

— МАГАТЭ озабочено тем, — продолжил Под, — что Советский Союз может потерять контроль, причем безвозвратно, над некоторыми из своих республик, где сосредоточены большие запасы ядерных веществ и оружия, не говоря уже о бридерных реакторах, от которых они никак не избавятся, хотя многие из них давно устарели и не имеют современных систем контроля. Все это попадет в руки необученных провинциалов, лишившихся централизованного управления, неспособных предотвратить потери и нормально справиться с ситуацией.

— Святое дерь... провидение, — вовремя сдержалась я. — Но я-то чем тут могу помочь?

Он откинул назад голову и рассмеялся на редкость сердечным и искренним смехом. Несмотря на его вполне заслуженную репутацию, я в общем-то невольно относилась к Пастору Оуэну Дарту с симпатией. Вечно спутанная рыжая шевелюра и потрепанное ожесточенное лицо вполне соответствовали, на мой взгляд, внутренней сущности этого жилистого и угловатого вояки, бывшего чемпиона армии по боксу и ветерана Вьетнамской войны. Под был лишь слегка выше меня ростом, но запросто умел разрешать любую сложную ситуацию. Правда, мое положение облегчалось тем, что мне пока не приходилось противоречить ему. К несчастью для меня, наше с ним мирное сосуществование, похоже, осложнялось непредвиденными обстоятельствами.

— Будешь помогать Вольфу Хаузеру — сказал Под. — Вы познакомитесь с ним, когда он вернется. Если бы я знал, что ты сегодня появишься на работе, то задержал бы его до личной встречи с тобой. А сейчас он уже уехал до конца недели по каким-то срочным делам в другой штат. Я могу сказать тебе даже больше, но чисто между нами: на несколько недель вы с доктором Хаузером отправитесь в Россию. Все организационные вопросы почти улажены.

В Россию? Я не могу улететь в Россию. В первую очередь из-за Сэма, вновь восставшего из могилы, ведь он, скрываясь бог знает где от банды наемных убийц, умудрился тайком подобраться к нашей парковке и оставить мне узелковое послание. И сейчас-то у нас с Сэмом возникли сложности со связью, а уж в Советском Союзе, насколько я знала, вообще нет нормально работающих телефонов! И как бы ни привлекала меня идея отправиться в безумно дорогостоящую заграничную командировку в приватной компании с шикарным доктором Вольфгангом Хаузером, источающим пьянящий сосновый аромат, я поняла, что должна немедленно остановить это.

— Сэр, я благодарю вас за такую благоприятную возможность, — сказала я Поду, — но, честно говоря, не понимаю, чем могу быть полезна в данном проекте. Я никогда не бывала в России и не говорю на русском языке. У меня нет степени профессора физико-химических наук, поэтому я не сумею даже сделать классификацию предложенных мне на проверку веществ. Ведь я всегда занималась только безопасностью — выявлением и отслеживанием того, что выкопали и опознали другие.

Кроме того, вы сказали Оливеру Максфилду, что эта командировка займет всего пару недель и не помешает работе над нашим с ним общим проектом.

Я даже запыхалась, изо всех сил отгребая назад, но мое каноэ упорно продолжало мчаться к обрыву. — Не волнуйся, — неутешительным тоном утешил меня Под. — Мне пришлось кое-что рассказать Максфилду, чтобы он не удивлялся, почему его не подключили к этому заданию. В конце концов, у вас с ним действительно совместный проект.

Мне хотелось спросить, почему же в действительности не подключили Оливера. Но в голосе Пода появилась та холодная отчужденность, которую он обычно использовал для тех, кому уже заготовил речь на панихиде. Он поднялся из-за стола, чтобы проводить меня к двери. Мне стало как-то жутковато от моих будущих перспектив.

— В сущности, — добавил он на ходу, — МАГАТЭ выбрало тебя несколько месяцев назад, основываясь на твоём послужном списке и моей рекомендации. Твое назначение всесторонне рассмотрено и одобрено. И честно говоря, Бен, ты должна крепко ухватиться за такую возможность. Это просто великолепное задание. Тебе бы следовало поблагодарить меня за покровительство в таком назначении.

От полученных мной за сегодняшний день сюрпризов у меня голова пошла кругом. И когда шеф открыл дверь кабинета, я выпалила:

— Но ко всему прочему у меня нет российской визы!

— Все уже сделано, — сухо сказал Под. — Тебе вручат визу в Нью-Йорке, в Советском консульстве. Проклятье, и тут неудача. Что ж, по крайней мере, я узнала плохие новости перед секретным разговором с Сэмом. Может, ему удастся придумать не только как разрешить все наши личные проблемы, но и как мне отделаться от командировки.

— Кстати, — добавил Под примирительным тоном, стоя на пороге своего кабинета. — Насколько я

понял, ты отсутствовала на прошлой неделе, чтобы отметить на семейных похоронах. Надеюсь, ты потеряла не самого близкого родственника.

— В данный момент я бы сказала, что ближе не бывает, — уклончиво ответила я и коснулась руки Пода. — Но спасибо, что вы спросили.

Спускаясь по лестнице, я глянула на часы и задумалась, насколько близко в действительности находится сейчас Сэм. Натянув дубленку, я потеплее укуталась и направилась в ковбойский салун. Отделанный темными деревянными панелями зал пропитался смесью пивных паров и сигаретного дыма. Музыкальный автомат наигрывал какую-то мелодию. Я пришла минут на двадцать раньше назначенного времени, устроилась за ближайшим к телефону столиком и в ожидании звонка заказала «Кровавую Мэри» без водки. Наконец телефон зазвонил. Я вскочила и схватила трубку после первого же звонка.

— Ариэль, — с облегчением сказал Сэм, услышав мой голос. — Я сходил с ума с самых похорон. Мне так хотелось все объяснить, рассказать тебе, что произошло, отчего все так получилось. Но сначала скажи мне, с тобой все в порядке?

— Вроде бы я начала приходить в себя, — сообщила я ему. — Только не пойму пока, плакать мне или смеяться. Я безумно рада, что ты жив, но в бешенстве оттого, что ты заставил нас — особенно меня — пройти через весь этот ужас. Давай, живо объясняй, почему тебе пришлось притвориться, что ты умер. Кто еще знает об этом, кроме меня?

— На данный момент никто не знает, кроме тебя. — Его голос звенел от напряжения, точно гитарная струна. — Мы с тобой окажемся в огромной опасности, если еще хоть одна живая душа узнает, что я жив.

— Что значит «мы с тобой», бледнолицый? — процитировала я вопрос Тонто к Одинокому Рейнджеру,[13] заданный, когда их окружили враждебно настроенные апачи.

— Ариэль, сейчас не до шуток. Тебе теперь угрожает даже более серьезная опасность, чем мне. Я так боялся, что ты не поедешь прямо домой в Айдахо, что забудешься вдруг в какую-то норку, чтобы побыть в одиночестве, и не сможешь получить посылку. Обнаружив, что твой телефон прослушивается, а машину тщательно обыскали, я продолжал молиться, чтобы тебе хватило сообразительности спрятать ее где-то в безопасном...

Официантка, сметая чаевые со столика, бросила на меня вопросительный взгляд, безмолвно спрашивая, не желаю ли я повторить заказ.

Я отрицательно покачала головой и сказала Сэму:

— Не поняла. — Хотя на самом деле, к сожалению, как раз поняла. Когда официантка удалилась, я добавила хриплым шепотом: — Какую посылку?

Из трубки доносилось лишь холодное молчание. Я почти чувствовала напряженность на другом конце провода. Когда Сэм наконец заговорил, его голос дрожал.

— Только не говори мне, Ариэль, что ты ничего не получила, — сказал он. — Ради бога, не говори. Мне необходимо было избавиться от них, и как можно быстрее, до похорон. И только на тебя я мог полностью положиться. Я написал на посылке твой адрес и послал ее по почте. Обычным почтовым отправлением. Я был уверен, что никто ничего не заподозрит, что можно послать их таким нахально открытым способом, а не заказным письмом. И надеялся, что ты получишь все сразу по возвращении домой, что посылка будет ждать тебя на почте. Как же ты могла не получить ее, если только...

Может, ты еще не заходила забрать почту?

— Святое дерьмо, Сэм, — прошипела я. — Во что ты меня впутываешь? Что еще такое ты послал мне по почте? Не мое «наследство», я надеюсь?

— Кто-то упоминал о нем во время похорон? — спросил он, тоже переходя на шепот, словно его могли подслушать на линии.

— Кто-то?! — Я с трудом сдержалась, чтобы не заорать. — Завещание зачитали прилюдно. Огастус и Грейс устроили пресс-конференцию! Газеты обрывают телефоны, пытаюсь найти его! Дядюшка Лаф летит из Австрии! Ну как, достаточно упоминаний?

У меня запершило в горле от такого яростного аэродинамического шипения. Мне не верилось, что вся моя недавняя спокойная и упорядоченная жизнь вдруг разбилась вдребезги, рассыпалась, как конфетти из хлопушки. Мне не верилось также, что Сэм жив и что мне хочется убить его.

— Ариэль, пожалуйста, — сказал Сэм. Его голос звучал так, словно он рвал на себе волосы. — Ты уже забирала почту или нет? Может ли быть какое-то разумное объяснение тому, что ты не получила... — он слегка помедлил, — этот пакет?

Мне стало тошно. Нетрудно было догадаться, что содержится в этом пакете: рукописи Пандоры. Рукописи, которыми все так страстно хотели завладеть. Рукописи, из-за которых, как я полагала, погиб Сэм.

— Я забыла отменить доставку почты, — сказала я Сэму. Услышав его резкий вздох, я раздраженно добавила: — Я была слегка расстроена! Мне пришлось отправиться на похороны одного очень близкого человека. И я просто забыла!

— Но если посылка все это время пролежала в твоём почтовом ящике, — неизменным шепотом сказал Сэм, — то где же она теперь?

Ужасно. Она лежит в куче размокшей корреспонденции на полу в гостиной — или же погребена под семифутовым сугробом. Потом в моей памяти нарисовалась картина погружения в снег, когда я выбросила почту на дорогу под колеса машины.

— Я вытащила всю почту из ящика, когда приехала домой вчера ночью, — сообщила я Сэму, — и оставила ее на полу в гостиной. Вчера мне было не до почтовых разборок. Наверное, там она и валяется.

— О господи, — сказал Сэм. — Уж если твой телефон начали прослушивать еще до твоего возвращения, то и дом наверняка успели тщательно обыскать, может, даже не раз с того времени, как ты уехала сегодня на работу. Ариэль, меня едва не убили из-за этого пакета, а твое единственное спасение в том, что они до сих пор считают, будто ты его еще не получила. Но я не думал о твоей безопасности, посылая его тебе.

— Как мило, — ответила я. — Я всю жизнь мечтала получить нечто вроде душеспасительного письма, рассылаемого по цепочке, где тебя угрожают поразить громом и молнией или вечным проклятием, если ты не отправишь его дальше!

— Ты ничего не понимаешь... нас проклянут... — сказал Сэм.

Мне еще не приходилось слышать такого отчаяния в его голосе. После гнетущей паузы его голос донесся до меня словно со дна колодца:

— Очень важно, Ариэль, чтобы пакет не попал в плохие руки. Очень важно не только для нас... не только ради спасения наших с тобой жизнью...

— Извини, но я-то тут при чем? Ты что, совсем рехнулся? Что ты пытаешься мне сказать? Что я должна расстаться с жизнью из-за того, чего в глаза не видела? Из-за того, о чем и знать-то не желаю?

— Это часть тебя, а ты — часть этого! — вдруг вспыхнул Сэм. — И хотя мне жаль, ужасно жаль, что пришлось вовлечь тебя в эту историю, Ариэль, но что сделано, то сделано. Ты единственная, кто может найти этот пакет. Скажу даже больше: ты должна его найти. На карту поставлены наши жизни, и если ты потерпишь неудачу, то, уверяю тебя, они не будут стоить и ломаного гроша. Я понятия не имела, что делать. Мне очень хотелось, чтобы весь этот кошмар закончился. Мне хотелось, как в детстве, спрятаться под кровать и сосать палец. Но я попыталась собраться с духом.

— Ладно, давай начнем сначала. Как выглядел этот пакет? — спросила я Сэма.

Он, кажется, тоже пытался сосредоточиться. И явно нервничал.

— Он был размером примерно в две пачки писчей бумаги.

— О, так это же здорово! Ничего такого в почтовом ящике не было. — Я точно знала это, поскольку, проваливаясь в снег, держала всю почту в одной руке и смогла даже вышвырнуть ее на дорогу. — Вот и нашлось нормальное объяснение. Твою посылку еще не доставили.

— Тогда у нас есть небольшая передышка, но это не надолго, — уныло сказал Сэм. — Ее могут доставить сегодня, а тебя нет дома. Но вполне вероятно, что они следят или, по крайней мере, начнут постоянно следить за твоим домом.

Мне жутко хотелось спросить, кто же эти «они», но нужно было сначала выяснить главное.

— Я могу сегодня зайти на почту и приостановить доставку... — начала я, но Сэм прервал меня:

— Слишком подозрительно. Тогда они поймут, что документы придут по почте. Как я уже говорил, мне кажется, тебя не тронут, пока точно не убедятся, что ты получила этот пакет... или пока не получат его сами, или не выяснят, как именно ты должна его получить. Так что на данный момент тебе нечего бояться. Я предлагаю тебе сегодня прийти домой с работы и, как обычно, небрежно проверить почтовый ящик. Я попытаюсь как-нибудь связаться с тобой. Но на всякий случай позвоню тебе сюда завтра в это же время.

— Хорошо, — сказала я. — Но если тебе понадобится быстрее добраться до меня, то адрес моей компьютерной почты — ABehn@Nukesite. Ты можешь как угодно зашифровать сообщение. Просто пришли мне ключ к шифру в другом сообщении, ладно? И, Сэм, на выходные прилетает дядя Лаф. Я собиралась встретиться с ним в «Приюте Солнечной долины». Он сказал, что расскажет мне историю... моего наследства.

— О, в устах Лафа она будет потрясающе интересной, поверь мне. Мой отец никогда особо не распространялся о нашей семейной истории, так же как и твой. И еще, если ты остановишься в «Приюте», то, возможно, тебе удастся улизнуть от слежки и мы с тобой встретимся в горах. Ведь мы оба знаем их как свои пять пальцев.

— Отличная идея. Боюсь только, что мне придется отправиться туда вместе с моим домовладельцем и котом, — сообщила я, — но мы все равно что-нибудь придумаем. Допуская, разумеется, что еще будем живы.

Мне жутко не хотелось прерывать эту родственную звуковую связь, но я увидела, что официантка вновь направилась к моему столику, и поняла, что пора заканчивать.

— Более того, Умница, — сказал Сэм. — Я надеюсь, что мы будем жить очень, очень долго и

счастливо. И еще, милая... пожалуйста, прости меня. У меня не было иного выхода.

— Ладно, со временем расскажешь.

Я лишь молилась, чтобы этого времени у нас обоих оказалось еще достаточно. По крайней мере, достаточно для того, чтобы мы заполучили смертоносные документы Пандоры.

Оливер решил подольше задержаться на работе, чтобы высвободить время в конце недели для лыжной поездки, поэтому я заскочила в гастроном и купила нам с Ясоном курицу с гарниром на ужин. До дома я добралась уже в темноте, но луна просвечивала сквозь дрейфующие облака, и я почти видела подъездную дорогу с изрядно осевшим снежным покровом. Я вылезла и бросила немного соли и гравия перед машиной. Потом поставила машину на место и выпустила Ясона прогуляться по снежку в рассеянной лунной темноте.

Выложив продукты, я как можно небрежнее поднялась по аллее к почтовому ящику. В голове моей звучал голос Сэма, советовавшего вести себя как обычно, но сердце отчаянно колотилось. Я бездумно глянула, как Ясон носится по покрытому коркой снежному склону. Мне хотелось, чтобы, невзирая на возможные ужасные последствия, ожидаемая посылка оказалась в ящике, просто чтобы закончился противный ужас, испытываемый мной при мысли о ней.

Когда я вытащила почту из ящика, набежавшее облако вдруг закрыло луну и трасса погрузилась в темноту. Однако я на ощупь поняла, что нет там никакого объемистого пакета. У меня невольно сжалось сердце. Это означало, что меня ждет еще один тревожный день, а возможно, даже не один, и наша с Сэмом жизнь будет в опасности, пока мы не заполучим этот пакет. Но теперь положение резко осложнялось, поскольку я больше не пребывала в блаженном неведении.

И именно в этот момент у меня в мозгу словно вспыхнула лампа-вспышка. Я поняла, в чем мы ошибались.

Никто не забирал таинственный пакет Сэма. Его просто не было в почтовом ящике, да и не могло быть! Ведь в мой маленький почтовый ящик не засунешь и одной пачки писчей бумаги. А поскольку, как я сама обнаружила прошлой ночью, снег не дал возможности почтальону добраться до дома, чтобы вручить его из рук в руки, то пакет этот вернули на почту. В таких случаях почтальоны обычно оставляют адресатам желтую квитанцию с просьбой позвонить в почтовое отделение в течение приемных часов и забрать пришедшую на их имя посылку.

Кем бы ни были упомянутые Сэмом «профессионалы», понятно, что никакой грабитель или шпион не будет глупо торчать на шоссе в сельской местности, где все соседи знают друг друга, только для того, чтобы после доставки почты порыться в ней ради обнаружения желтого почтового квитка. Особенно если нет ни малейших подозрений, что «драгоценный» предмет прибудет простой, а не заказной почтой.

Даже если кто-то нашел почтовую квитанцию, вряд ли он попытался бы получить мой пакет на почте. Это было бы чересчур рискованно в городке нашего масштаба, где любого чужака, пытающегося заполучить чью-то посылку, не только хорошо запомнят, но еще и потребуют у него предъявить права на ее получение. Мы, жители штата Айдахо, подозрительно относимся к чужакам. Если моя посылка действительно прибыла, то желтая квитанция, возможно, лежит в куче корреспонденции на полу в доме, где ее могли обнаружить, если обыскивали дом сегодня днем. Даже если я не найду эту бумажку сегодня вечером, то завтра прямо с утра первым делом заеду на почту и сама заберу посылку — по квитанции или без нее.

Я направилась к дому с сегодняшней корреспонденцией в руках, намереваясь разобрать кучу подмокшей почты на полу. Но на полпути подъездной дороги облака вдруг разделились, и поток лунного света вновь залил снежное покрывало газона. Я увидела, что Ясон сидит на этих напоминающих взбитые сливки снежных волнах и выцарапывает из них лапой какой-то листик. Я позвала его проследовать за мной на ужин. И вдруг похолодела. Кот играл отнюдь не с простым листиком: из снега торчал уголок желтой квитанции, вероятно выпавшей у меня из рук прошлой ночью!

Она была отлично видна, однако почти недостижима. Снежная корка могла выдержать вес одного стройного кота, но явно не выдержит стофунтовый вес здоровой ядерной или, образно выражаясь, ядерной девицы. Если я попытаюсь добраться до того места, где играет Ясон, то повторю опыт вчерашнего погружения. Нельзя сейчас и напаять лыжи, как я сделала прошлой ночью. Если за мной следят, то такой поступок явно вызовет значительно большее подозрение, чем заход в телефонную будку. Сэм не одобрил бы.

Оставался, конечно, один шанс: я надеялась, что одержимость и незаурядные игровые способности Ясона распространяются не только на его красный резиновый мячик.

— Давай, Ясон, неси сюда свою добычу, — прошептала я, присев на дорожке и протягивая к нему руку.

Глянув на меня, Ясон взмахнул хвостом. Вновь напозли облака, погрузив нас во тьму. Я с трудом различала черные очертания Ясона на фоне белого снега, но при таком освещении — вернее, при его отсутствии — листочка уже было не видно. Дай бог, чтобы кот не решил поиграть со мной, закопав квитанцию поглубже, иначе утром мне придется производить археологические раскопки. Их было бы трудно провести «небрежно», как советовал мне поступать Сэм, да и выглядеть они будут куда подозрительнее лыжной прогулки в палисаднике.

— Ну давай же, Ясон, — прошептала я немного громче, размышляя, не прячутся ли незримые ищейки в придорожных кустах.

Стараясь вести себя как обычная женщина, приглашающая на ужин своего обычного кота, я спокойно пошла к дому. Если бы я начала вести себя чересчур нормально, то и сам Ясон заподозрил бы что-то неладное. У нас с ним были довольно своеобразные отношения. Тем не менее он должен был понять мою просьбу. Я еще не успела дойти до двери, как он уже терся о мои ботинки, как делал всегда, когда хотел, чтобы его взяли на руки. Я вновь присела в этом чернильном мраке, стащила перчатки и обхватила руками мордочку Ясона, чтобы восполнить недостаток зрения осязанием. Из рта у него торчал клочок бумаги.

«Слава богу», — подумала я, предпочитая не заикливаться на том, что может последовать сразу за этим открытием. Вновь разволновавшись, я осторожно вытащила у него изо рта бумажку и зажала ее дрожащими пальцами.

— Умница котик! — прошептала я.

Ясон заурчал в ответ, и я погладила его лоснящуюся головку.

В то же мгновение подъездная аллея озарилась ослепительным светом; яркий световой поток залил меня с головы до ног, и я застыла, как заяц, в этом сиянии, глядя, как на меня стремительно надвигается огромная гудящая машина. В панике я не могла даже сообразить, куда бы укрыться. Ясон мудро спрятался за меня, видимо надеясь, что я смогу спасти его от страшного чудовища. Но

на какую-то долю секунды мой разум вдруг прояснился, и я успела спрятать полоску желтой бумаги в рукаве дубленки.

Рычащая машина с высоко расположенными желтыми фарами приблизилась ко мне, загородив всю нашу подъездную аллею. Оглушенная и ослепленная, я тупо стояла, пытаюсь на всякий случай нащупать дверцу моей машины. И вдруг все разом стихло и погасло, и мы погрузились в темную тишину, хотя я и раньше ничего не видела. Открылась и захлопнулась дверца, и до меня донесся знакомый квебекский выговор Оливера:

— Неугомонные «Сверчки», они никогда не устают гоняться по снегу!

— Что это за чудо-юдо? — отозвалась я в темноту. — Одни фарищи чего стоят! Ты перепугал меня до безумия.

— Хочешь сказать, что теперь ты без ума от меня? — Его голос приближался ко мне из темноты. — Выйдя с работы, я обнаружил, что в моей машине замерзло масло. Видимо, к вечеру резко похолодало. Хорошо еще, что Ларри, наш программист, одолжил мне до завтра свой фургон. Я подкинул его до городской квартиры, а потом поехал сюда.

Удивившись, как Оливеру удалось так тихо и незаметно подъехать сюда по нашей темной, пустынной трассе, я испытала, однако, такое облегчение оттого, что это оказался именно Оливер, а не ожидаемая банда тайных головорезов-убийц, что с радостью обняла его, когда он оказался рядом, и мы все троем спокойно вошли в дом.

— У меня есть только кусок курицы, — сообщила я Оливеру на лестничной площадке, где разделялись наши пути. — Я думала, что ты перекусишь в конторе.

— Какая уж там еда, — отмахнулся он. — Я целый день отработывал наш вкусный завтрак. С тех пор у меня и маковой росинки во рту не было. Но сегодня мне почему-то уже ничего не хочется, и если не возражаешь, то вы с аргонавтом ужинайте без меня. Может, здоровый сон сотворит чудо. Снизу мы услышали, что зазвонил мой телефон. Оливер удивленно приподнял брови. Обычно мне очень редко звонили домой.

— Надеюсь, у моего телефона не выработается дурная привычка, — заметила я. — Наверное, пора вспомнить, что мы живем в двадцатом веке, и приобрести один из этих зловредных автоответчиков. Мы с Оливером разошлись, я припустила вниз по лестнице и схватила трубку после шестого звонка. — Ариэль Бен? — произнес резкий женский голос с явно выраженным среднеатлантическим акцентом. — Говорит Хелена Вурхер-Лебланк из «Вашингтон пост».

Ну и дела, вот это фамилия! Но мне все равно никогда не нравились журналистки: чересчур напористые.

— Мисс Бен, — продолжила она, не дождавшись ответа, — надеюсь, вы не возражаете, что я беспокою вас в столь печальное для вас время. Я безуспешно пыталась дозвониться вам на работу, и в итоге ваши родственники дали мне ваш домашний номер. Они заверили меня, что вы не откажетесь ответить на пару вопросов. Вам сейчас удобно разговаривать?

— Удобнее не бывает, — со вздохом ответила я.

У меня начала трещать голова от множества сегодняшних треволнений. Мой ужин оттаивал, дом вымерзал, а в рукаве у меня прятался клочок желтой бумаги, который был взрывоопаснее нобелия, чей полураспад может оказаться гораздо длиннее моей жизни, если я как можно скорее не придумаю, что с ним делать. Интервью для «Вашингтон пост»? Отлично, почему бы и нет?

— Что вам хотелось бы узнать, мисс... гм, Лебланк? — вежливо поинтересовалась я, одновременно вытаскивая из рукава добытый Ясоном желтый квиток и читая его.

Ну так и есть: почтовый индекс Сан-Франциско. А объяснение задержки доставки гласило: пакет слишком велик для почтового ящика.

Присев на кожаный диван, я сбросила куртку. Потом засунула квитанцию в задний карман брюк и начала разводить огонь в камине, где обычно готовила ужин. Ясон, запрыгнув на каминную полку, попытался лизнуть меня в щеку, и я слегка потрепала его по уху. Неожиданно, на какой-то краткий миг, я задумалась, чье же разорванное на куски тело лежит сейчас в том гробу под могильной насыпью. А может, они захоронили пустой свинцовый гроб или сунули туда камни вместо Сэма?

— Ваш покойный кузен, вероятно, был очень смелым человеком, — плавно перешла мисс Ву-Лебланк к теме нашего разговора.

— Послушайте, мадам, в данный момент я совершенно не расположена обсуждать моего покойного кузена, — заявила я, подбрасывая новые дрова на остывшие с ночи угли. — С чего вдруг такой внезапный интерес ко мне и моим родственникам? Никто пока, к сожалению, не смог дать мне внятного объяснения.

— Мисс Бен... Ариэль... Вы позволите мне называть вас просто Ариэль? Как вы знаете, три поколения вашей семьи производили личностей, весьма знаменитых своими дарованиями и...

И алчностью, с удовольствием добавила бы я, но она нашла более дипломатичное определение:

— Вкладом в мировую экономику и культуру. Однако до сих пор никто не занялся всесторонним изучением семьи, чей вклад...

— Неужели «Вашингтон пост» решила заняться всесторонним изучением нашей семьи? — встряла я. Что за шутки! — Вы планируете напечатать ряд очерков в воскресном приложении?

— Ха-ха, — зазвенела она. Но быстро затихла, вспомнив о том, что я переживаю «печальное время». — Нет, конечно нет. Мисс Бен, можно я перейду непосредственно к сути интересующего меня дела?

Да ради бога, ведь мы обе знали, под что она подкапывается! Но я лишь кратко выразила согласие.

— Разумеется, нас интересуют рукописи. Наша газета хотела бы приобрести эксклюзивные права на их публикацию. Мы, естественно, готовы заплатить за них крупную сумму. Но нам не хотелось бы начинать торговую войну.

Торговую войну?!

— О каких именно рукописях вы говорите? — изображая наивную простушку, спросила я: пусть поработает, чтобы получить мой ответ.

Коснувшись кончиками пальцев интригующего желтого квитка в кармане брюк, я прищурила глаза; потом начала поджигать растопку, размышляя, как могла бы упроститься жизнь, если бы я случайно уронила этот листок в огонь. Но следующие слова мисс Хелены резко вернули меня к реальности.

— Вообще-то нас интересуют письма и дневники Зои Бен, — заявила она. — Насколько мне известно, ваша семья сообщила вам, что...

— Зои Бен?! — воскликнула я, едва не подавившись этим именем. Хуже этого и представить ничего нельзя было. — Какое отношение имеет к этим рукописям Зоя?

— Кажется невероятным, мисс Бен, что вы не в курсе того, какое наследство вам завещано.

Резкий голос Хелены стал вдруг почти бархатистым от удивления.

— Может, вы меня просветите? — предложила я. Теперь я слушала ее предельно внимательно. Чего только не писали о моей ужасной тетушке Зое — сводной сестре моего отца, которая считалась в семье паршивой овцой. Да и сама Зоя частенько давала откровенные интервью. Но впервые я слышала о каких-то письмах и дневниках. Кроме того, неужели в жизни Зои существовало нечто еще более мерзкое, чем то, что она уже успела поведать миру в широкой печати?

— Я присутствовала на пресс-конференции в Сан-Франциско, мисс Бен. — Хелена сделала глубокий вздох. — Нам сообщили, что, будучи единственной наследницей вашего покойного кузена Сэмюэля Бена, вы также имеете все права на имущество, унаследованное им от вашей бабушки, известной оперной певицы Пандоры Бен, и вашего дяди, горнорудного магната Эрнеста Бена. Отвечая на вопросы журналистов, ваш отец и мистер Абрахамс, душеприказчик, сообщили, что, насколько они понимают, ваше наследство может включать не только переписку Пандоры Бен с мировыми знаменитостями и ее частные письма, но также и письма ее приемной дочери Зои, известной... Шлюхи? Это слово крутилось у меня на языке, но она закончила так:

— Танцовщицы.

Я уже упоминала, что в нашей семье весьма сложные родственные связи.

— К сожалению, Хелена, мне не удалось побывать на столь содержательной пресс-конференции, — сказала я. — Но вам, очевидно, намекнули и о том, где сейчас находятся эти важные документы?

Я могла поклясться, что во время оглашения завещания о них не сказали ни слова.

— Пожалуй, да, мисс Бен. Именно поэтому мне и пришлось так срочно дозвониться до вас, поскольку в таком деле время играет весьма существенную роль. Согласно завещанию в случае смерти вашего кузена все его состояние передается в ваши руки не позднее чем через неделю со дня оглашения завещания.

Святое дерьмо. По милости моего драгоценного кровного братца Сэма, оставившего мне несметное богатство, я оказалась втянута в какую-то чертовски опасную игру.

На самом деле я не сказала бы, что никто не способен проследить родственные связи моего семейства. Просто это чертовски неприятное занятие.

Мой дед, Иероним Бен, приехавший из Голландии в Южную Африку, был женат дважды. Первый раз — на Гермione, богатой вдове также голландского происхождения, жившей в Южно-Африканской Республике со своим маленьким сыном, моим дядюшкой Лафкадио, которого Иероним усыновил, дав ему свою фамилию. От брака Иеронима и Гермione родилось двое детей: мой дядя Эрнест, родившийся еще в Южной Африке, и моя тетя Зоя, появившаяся на свет уже в Вене, куда семья переехала в самом начале нынешнего столетия. Таким образом, дядя Лаф стал сводным братом этих двух детей, поскольку все трое родились от одной матери.

Когда Гермione заболела в Вене, дети ее были еще маленькими — так гласит предание, — и мой дед по просьбе Гермione нанял привлекательную молодую студентку Венской консерватории в качестве няни или помощницы по хозяйству, а заодно и учительницы музыки для младших детей. После смерти Гермione эта молодая женщина, Пандора, стала ее преемницей, быстро пройдя несколько этапов: вторая жена моего деда, мать моего отца Огастуса, а после побега с дядюшкой Лафом — самая знаменитая оперная певица в недавно образовавшейся Австрийской Республике.

Более сложная судьба оказалась у нашей паршивой овцы, тетушки Зои. Считалось, что Зоя едва помнила свою больную и умирающую мать, а еще меньше — вечно занятого отца и, воспитанная

практически одной Пандорой, предпочла убежать с ней и Лафом, создав тем самым то, что позднее назвали «семейным расколом». Дальнейшая жизнь Зои — Королевы Ночи, самой обольстительной танцовщицы, дамы полусвета и содержанки множества богатых и знаменитых со времен англичанки Лолы Монтез, — требует отдельного описания.

Но сейчас мне до смерти (так уж говорится) хотелось узнать, много ли дядя Лаф, главное действующее лицо нашей семейной драмы, знал об унаследованных мною документах: кому они исходно принадлежали — Пандоре или Зое, а также какую роль эти дамы играли в общей истории. Всю эту информацию я надеялась получить от него в конце недели. Если, конечно, проживу так долго.

Очевидно также, что Сэм знал гораздо больше, чем сообщил. А мне еще следовало понять, почему какие-то письма и дневники пятидесятилетней давности до сих пор считаются столь загадочными и волнующими, и почему мой отец сказал, что они зашифрованы (о чем, кстати, никто больше не упомянул), и почему Сэм разыграл собственную смерть при содействии правительства США и представил меня перед всеми своей наследницей по законному последнему волеизъявлению. Это последнее «почему» вызывало у меня молчаливую и бессильную ярость. Но сегодня, не имея никакой возможности связаться с Сэмом даже по телефону до завтрашнего урочного посещения ковбойского салуна, я должна была придумать, как лучше уберечься от опасностей и остаться живой. Первым делом я закончила разговор с Хеленой, журналисткой, раскапывающей подробности звездной жизни для «Пост» (у которой мне удалось выведать гораздо больше, чем ей у меня). Я заверила ее, что когда получу документы, то извещу ее в первую очередь.

Далее крайне важно было обдумать мои планы на последующие несколько дней: оставить ли посылку спокойно лежать на почте, спрятав лишь крошечную квитанцию на ее получение, или же все-таки забрать этот пакет и постараться придумать, как спрятать его до передачи Сэму. Уж он-то определенно первый претендент на получение обратно этих спорных и щекотливых документов. И каким бы ни было их содержание — а сейчас мне абсолютно не хотелось думать об этом, — вероятно, лучше всего предать их забвению. Какой же душой я была, надеясь, что смогу освободиться от нашей ужасной семейки, окопавшись, как картошка, в захолустном Айдахо! Вечером, перед тем как лечь спать, я сняла и убрала в ящик комода висевший над кроватью плетеный «уловитель снов», отгонявший дурные сновидения. Я подумала, что если настроюсь на определенную душевную волну, то, возможно, увижу во сне ту путеводную нить, что поможет мне пройти через кошмарный лабиринт, в который внезапно превратилась моя жизнь.

Я проснулась еще затемно, в холодном поту.

Мне снилось, что я несусь что есть мочи — и не просто так, а на четвереньках — через какие-то низкие и непроглядно густые камышовые заросли. За спиной у меня раздается горячее дыхание здорового темного зверя с алчно распахнутой пастью, который клацает челюстями, стараясь схватить меня. Сквозь камыши я замечаю впереди открытую поляну, а за ней длинный забор. Успею ли я добежать и перепрыгнуть через забор, чтобы спастись от преследования этой зверюги? Уже совершенно выдохшись, я из последних сил пробегаю по поляне и запрыгиваю на забор...

В этот самый момент я проснулась и села в своей кровати. Ясон, обычно заползавший ко мне ночью и как-то вклинивающийся между мной и теплой подушкой, тихо спал на боку. Глаза его были плотно закрыты, но лапы заметно подергивались, словно он тоже удирал от какой-то опасности. Мне стало

смешно.

— Проснись, Ясон, — сказала я и слегка потрясла его, вынудив приоткрыть глаза.

Интересно, какие глупости можно было бы узнать, проникнув в кошачьи сны?

К этому утреннему пробуждению у меня созрело по крайней мере одно решение на сегодняшний день. Я заберу с почты этот пакет. У меня нет иного выбора. Я никогда не прощу себе, если упущу его, если позволю этому проклятому наследству безвозвратно исчезнуть. Куда его спрятать — другой вопрос. На работе небезопасно: слишком много народу болтается там целыми днями. И вообще, пока я не увижу воочию этот пакет, я не буду знать, можно ли его спрятать в одном месте, к примеру в шкафу или в портфеле, учитывая, что он не влез в почтовый ящик.

Выйдя из дома, я с облегчением увидела, что позаимствованный Оливером фургон больше не загораживает выезд, так что мне удалось без проблем вырваться на шоссе. Должно быть, он сговорился с этим программистом, Ларри, что заедет за ним с утра пораньше.

Я затормозила перед почтовым отделением минут через десять после его открытия и оставила машину на ближайшей, пока пустующей парковке. Приветливо кивнув по пути почтовому служащему, посыпавшему ступени каменной солью, я прошла внутрь, чувствуя, как колотится в груди сердце, а в голове звучат литавры, отбивающие некий латиноамериканский ритм. С чего это я так расписывалась? Совершенно никто здесь не имел ни малейшего понятия о содержимом посылки, которую я собиралась получить.

Подойдя к отделу выдачи, я подала желтый квиток стоявшему там Джорджу. Он удалился в заднюю комнату и вскоре вернулся, притащив большой — по габаритам больше, чем пачка писчей бумаги, — пакет в коричневой обертке, перевязанный веревкой.

— Извините, миз Бен, что вам пришлось самой приехать за посылкой, — сказал Джордж, обнажив в улыбке широко расставленные зубы. Он почесал в затылке. — Я с удовольствием отдал бы ее тому парню, который только что заходил сюда по вашему поручению, но он сказал, что вы потеряли квиток доставки. Тогда я объяснил ему, что в таком случае вы должны прийти лично или прислать подписанную вами записку с разрешением получить посылку. Но как видно, вам все же удалось найти квитанцию.

Я стояла точно глухонемая, все звуки доносились до меня так, словно я находилась под стеклянным колпаком. Я молча держала в руках пакет. Растерянный взгляд Джорджа явно говорил, что он прикидывает, как лучше поступить — предложить мне воды или вывести на свежий воздух.

— Понятно, — умудрилась выдать я и откашлялась. — Все в порядке, Джордж, мне все равно нужно было ехать в вашу сторону. Так что я забежала по пути.

Медленно направившись к двери, я соображала, как лучше задать отчаянно интересующий меня вопрос. И придумала, уже перед самым выходом.

— Кстати... — обернулась я к Джорджу. — Я просила пару своих приятелей при случае заскочить к вам за моим пакетом.

Так кто же из них в итоге зашел к вам, чтобы я могла сказать другому не беспокоиться?

Я думала, что он скажет: «какой-то приезжий» или что-то в таком роде. Но его слова заставили меня похолодеть.

— Ну, по-моему, заходил ваш домовладелец, мистер Максфилд. У вас с ним почти одинаковые адреса. Именно поэтому мне было неловко отказывать ему в выдаче посылки. Но правила есть

правила.

Оливер! Мне как-то поплохело. Мгновенно вспомнился фургон, ослепивший меня прошлым вечером, и сегодняшняя пустая подъездная аллея со следами шин. С вымученной улыбкой я поблагодарила Джорджа. Вышла на улицу, забралась в машину и тупо уставилась на лежащий на коленях пакет.

— Ты во всем виноват, — сказала я ему.

Я понимала, что не стоит сейчас открывать пакет, но ничего не могла с собой поделать. Пошуровав в бардачке, я достала оттуда охотничий нож с костяной ручкой для разделки оленей, который в жизни не касался ни одного оленя. Потом перерезала шпагат и вскрыла посылку. Мне отчаянно хотелось узнать, какого сорта ядовитое зелье мне предстоит выпить. Увидев первый лист, я начала смеяться. Текст был написан на каком-то непонятном языке, он состоял даже не из букв, а из затейливых знаков, показавшихся мне, правда, странно знакомыми. Я пролистала остальную пачку, как колоду карт: действительно, по объему около двух стандартных пачек бумаги, и все эти похожие друг на друга страницы исписаны черными чернилами и явно одной рукой. Все страницы заполнены стройными рядами каких-то стрелочек, кружочков и ромбиков, подобных тем символическим рисункам, что изображались на индейских вигвамах. Но что именно они все-таки мне напоминали? Наконец я поняла, что именно. Однажды я видела такие же знаки на кладбище в Ирландии, куда Джерси возила меня на встречу с ее предками. Это были руны, рунические письмена древних тевтонов, живших когда-то в Северной Европе. Вся эта чертова рукопись была написана на языке, существовавшем тысячи лет назад и сейчас благополучно забытом.

Как только понимание этого осенило меня, я заметила краем глаза какое-то целенаправленное движение на парковочной стоянке. Оторвав взгляд от манускрипта, я увидела, что Оливер, скользя по подсоленному ледяному тротуару, направляется к моей машине! Я бросила рукопись на соседнее сиденье, где она частично вылезла из пакета, и даже не стала поднимать упавшие на пол страницы. Пытаясь впихнуть ключ в зажигание, я от волнения долго не могла попасть в нужное место. И когда мне удалось завести машину, Оливер был уже на подходе. В панике я резко откинулась назад и нажала локтем на дверной замок, заблокировав все дверцы.

Взявшись за ручку дверцы со стороны пассажирского сиденья, Оливер что-то говорил, но я не стала его слушать и подала вперед рычаг управления. Машина выехала со стоянки, таща Оливера за собой, пока он наконец не отпустил ручку дверцы. Я мельком глянула на выражение его лица, прежде чем свернуть на улицу. Он неотрывно смотрел через окно на мою рукопись!

Встроившись в уличное движение, я поняла, что Оливер очень заинтересовался этим манускриптом, и еще больше испугалась: ведь теперь ему было известно, что я получила его. На данный момент не осталось никаких шансов спрятать рукопись где-то в пределах города. Значит, у меня был один выход — спрятать ее где-то за городом. Но где?

Оливер знал, что в эти выходные я встречаюсь со своим дядей в Солнечной долине, поэтому сейчас мне туда явно не стоило ехать. Нужно было выбрать какой-то иной путь, и побыстрее, прежде чем он дойдет до своей машины и устремится в погоню. Может случиться самое худшее, если он поймает меня вместе с этим манускриптом.

Не имея ни времени на раздумье, ни хотя бы одной стоящей мысли в моей пустой голове, я погнала на полной скорости в направлении Свона, Лебединой равнины, решив проехать через Титонский

перевал в ущелье Джэксона.

ЗМЕЯ

З м е я. Змея не умирает. Вот увидишь: наступит день, я сброшу с себя свою прекрасную кожу и стану новой змеей, с новой, еще более прекрасной кожей. Это и называется рождением.

Е в а. Я это уже видела. Очень красиво.

З м е я. Если я могу даже это, значит, я могу все. Повторяю тебе: я очень хитра. Я не раз слышала, как вы с Адамом спрашиваете друг друга: «Почему?» Верно — почему. Вы видите что-нибудь и задаете себе вопрос: «Почему?» А я придумываю такое, чего никогда не было, и говорю: «Почему бы нет?»

Полезно иногда покататься пару часов по заснеженным дорогам Айдахо и Вайоминга. К тому же у меня впервые после возвращения из Сан-Франциско появилась хорошенько обдумать сложившуюся ситуацию. Господи, неужели с тех пор прошло чуть больше суток?

После недельного отсутствия меня ждали новое задание и босс, слегка недовольный тем, что меня не особо порадовала перспектива поездки в Россию. Раз уж на второй день по возвращении я без уважительной причины смылась с работы, то, может, с меня снимут это новое задание? Сегодня мне нужно бы еще заехать в ковбойский салун и дожидаться телефонного звонка. Но сейчас, из-за этой непредвиденной поездки, я не представляла, как вообще смогу вновь связаться с Сэмом. А когда я подъехала к концу равнины, мою истерзанную душу добила последняя горькая мысль: нельзя оставлять моего кота в доме злодея, тем более злодея, которому я еще не заплатила за этот месяц!

В конце плоскогорья дорога устремлялась вниз крутой спиралью и следовала дальше вдоль извилистого русла реки, таинственным образом выныривавшей из мелколесья. Я знала наизусть все ее излучины и повороты и неслась по крутым прибрежным склонам, как по слаломной трассе. Нырнув к шумному каскадному водопаду, я спустилась к череде горных лощин, проделанных бурным течением Снейка.

Снейк — одна из самых живописных рек в Северной Америке. В отличие от широких, благодушных рек Среднего Запада Снейк ведет себя соответственно своему названию — точно темная и таинственная рептилия, которая чувствует себя привольно лишь в диких и неприступных горных расселинах. От Йеллоустона в Вайоминге на протяжении тысячи миль она змеится узкой извилистой лентой, пересекая Айдахо, Орегон и штат Вашингтон, где вливается в могучую Колумбию, стремительно несущую свои воды навстречу океану. Но зеркально сияющие воды спокойного на вид Снейка таят в себе коварство змеи, чьи движения молниеносны, а укусы зачастую смертельны. У этой реки очень сильное и быстрое течение с неприметными, но глубокими заводями, в которых редко удавалось отыскать унесенные ею тела. На самом деле Снейк безвозвратно проглатывал даже автомобили. Возможно, этим объясняются слухи об огромном чудище, которое обитает в этих водах и пожирает все, что сможет утащить в свое подводное логово.

Как обычно в это время года, нижнюю долину покрывал густой влажный туман, образованный внедрением теплых речных вод в морозный воздух. Перед спуском в нее, пока дорога была еще видна, местные жители обычно тщательно проверяли, нет ли впереди других машин, чтобы не столкнуться с ними в молочном тумане. Именно тогда я и заметила в зеркало заднего вида плавно вырвавшуюся из-за поворота машину — знакомый серый автомобиль со служебными номерами, принадлежавший к обширному парку нашего ядерного центра, где любой из десяти тысяч служащих

мог взять машину для поездки по служебным делам. Но разве могли быть служебные дела в этой дикой долине? А использование служебных машин для развлекательных прогулок или в личных целях каралось большим штрафом, вплоть до увольнения с работы.

Но возможно, слежка за мной уже считалась служебным делом, подумала я. Ведь Сэм же сказал, что за мной будут следить постоянно. Если даже Оливер оказался приобщенным к этой тайной организации, то кто знает, сколько еще задействовано шпионов? Я не могла разглядеть водителя через лобовое стекло, но, увидев, что эта машина вновь появилась из-за последнего поворота, убедилась, что она преследует именно меня.

Однако, зная каждую излучину и выбоину на здешних дорогах, я знала также, что удобнее всего отделаться от этого шпиона в тумане. Поэтому на последнем крутом спуске я резко прибавила газу. Перед тем как нырнуть в туман, я заметила, что он тоже увеличил скорость, поднимаясь по склону. Потом клубы густой облачности изолировали нас друг от друга. В полной тишине я неслась на машине сквозь туманную пелену по петляющей и извивающейся, как змея, дороге.

Казалось, целую вечность кружила я по этим крутым расселинам в удушающе ватном тумане, хотя автомобильные часы сообщили мне, что в реальности прошло всего двадцать минут. Я знала, что на подъеме к перевалу дорога вскоре опять вынырнет из тумана. Там нам встретится развилка, предоставляющая на выбор несколько путей, ведущих в долину Джэксона. Едва завидев в тумане первый знак поворота, я резко тормознула и съехала с дороги. Потом выключила мотор и для лучшей слышимости приоткрыла окно.

И минуты не прошло, как эта служебная тачка прокатилась мимо. Но я лишь услышала шум мотора да разглядела в тумане смутные темно-серые очертания. Подождав добрых пять минут, я продолжила свой путь.

Дорога за перевалом была чиста, и у меня опять появилась короткая передышка для раздумий. А раздумывала я о том, что за рукопись попала мне в руки, почему все так стремятся завладеть ею и с чего вдруг она оказалась руническим манускриптом. Естественно отпадал вариант с письмами бабушки Пандоры или грешной тетушки Зои. Вряд ли также эти документы имели отношение к раритетам, принадлежавшим множеству легендарных знаменитостей, с которыми они, как известно, общались на протяжении долгой жизни. И хотя подобная кельтская письменность существовала тысячи лет назад, бумага манускрипта, лежавшего на соседнем сиденье, даже не начала желтеть, да и чернила совсем не выцвели, словно текст написан недавно. Вполне возможно, по моим понятиям, что Сэм сам придумал некую руническую шифровку, чтобы перевести суть оригинальных и, вероятно, более опасных документов — или просто чтобы дать ключ к разгадке того, где искать исходные материалы, если с ним случится что-то непредвиденное.

Я никак не могла взять в толк, почему Сэму «пришлось избавиться» от этого манускрипта. Если известие о его смерти оказалось ложным, если все на этой планете узнали, что я стану единственной наследницей его состояния, если журналисты разнюхали достаточно, чтобы собраться на пресс-конференцию и просить о предоставлении эксклюзивных прав, и если даже моего домовладельца привлекли к слежке за мной, то вся эта заварушка, похоже, предназначалась для того, чтобы выманить из тайного укрытия того, кто по какой-то причине стремился заполучить подлинную рукопись. А мне уготовили роль приманки.

И тогда я точно поняла, что должна сделать: надо спрятать эти материалы в таком хитром месте,

чтобы, кроме меня, никто — включая и Сэма — не смог их найти. И я отлично знала такое местечко. Как удачно, что я захватила лыжи!

В долине Джэксона я припарковала машину на стоянке перед Большими Титонами — или «большими титьками», как французские охотники окрестили эти устремленные в небо горные вершины, напоминающие женскую грудь. Запихнув манускрипт в один из моих потрепанных брезентовых рюкзачков и достав из багажника привычно лежавшие там теплые носки, перчатки, куртку и серебристый лыжный костюм, я отправилась в дамскую комнату горного приюта, чтобы превратиться в Снежную Королеву. Потом я купила чашку кофе, разменяла в кафе мелочь и сделала требуемый этикетом междугородный звонок Поду, чтобы объяснить мое отсутствие в практически первый полный рабочий день. Мне хотелось убедиться, что он не перешел к наступательным действиям, узнав, что после нашей вчерашней легкой размолвки я не удосужилась сегодня утром явиться в контору.

— Бен, куда ты подевалась? — спросил он, как только его секретарша соединила нас.

— Вчера вечером я вдруг поняла, что мне необходимо собрать дополнительные данные в западном центре, откуда я вам и звоню, — солгала я.

Ядерный центр в высокогорной пустыне Арко, где работали пятьдесят два опытных реактора, находился в трех часах езды в противоположном направлении от нашего городка, из которого я так поспешно укатила. Но следующие слова Пода, похоже, сделали мою ложь смехотворно излишней.

— Мне пришлось изрядно погонять за тобой Максфилда, поскольку он первый пришел сегодня на работу. В город неожиданно вернулся Вольф Хаузер и заскочил к нам с утра пораньше. Он обрадовался, что ты присоединишься к его проекту, и хотел сразу же встретиться с тобой, так как потом ему опять надо было уезжать по делам в другой район. Мы позвонили тебе домой, но ты уже уехала. Поэтому мне пришлось попросить Максфилда перехватить тебя на почте.

— Почему это на почте? — произнесла я, надеясь, что мне удался некий небрежный тон, хотя в ушах у меня звенело и голова опять начала побаливать.

Почему, черт возьми, на почте? Стараясь не раскрывать своих козырных карт, я пыталась незаметно заглянуть в чужие: неужели Под тоже замешан? Я больше никому не доверяла, а такая установка едва ли способна излечить паранойю. Но шеф продолжал говорить:

— Вчера после твоего ухода с работы мне позвонила некая дама из «Вашингтон пост». Она сказала, что уже несколько дней пытается связаться с тобой по поводу каких-то ценных бумаг, которые, как ей стало известно на пресс-конференции, должны быть отправлены тебе. И эта газетчица срочно хотела договориться с тобой об их приобретении. Я сказал, что позабочусь о том, чтобы ты перезвонила ей сегодня. А когда Хаузер изъявил горячее желание видеть тебя нынче утром, то мне пришло в голову, что ты, возможно, забираешь свою посылку на почте — учитывая, что ты ожидала получения важных документов. Поэтому я сразу послал туда Максфилда. Но когда он в итоге нашел тебя... В общем, он весьма удивил меня рассказом о твоём поведении.

Я догадывалась, каков был этот рассказ: как я укатила, едва не припечатав Оливера к тротуару, невзирая на то что он держался за дверцу моей машины. Я вела себя глупо, и это еще мягко сказано. Однако, хотя ситуация объяснилась довольно просто, у меня оставалось несколько щекотливых вопросов. К примеру, кому из них — Поду или Оливеру — пришла в голову идея забрать мою посылку. Но я не могла придумать, как выяснить это, чтобы Под не догадался, что документы уже

получены.

— Значит, вся проблема в том, что мне опять не удалось встретиться с доктором Хаузером, — извиняющимся тоном произнесла я. — Ну, так уж получилось. Я тоже очень торопилась, поэтому не заметила, что Оливер стоит так близко к машине. Передайте ему мои извинения в том, что я едва не отдала ему ноги. — Потом я добавила более осторожно: — Видимо, мы с доктором Хаузером курсируем параллельными рейсами, как два корабля во мраке ночи. Возникли непредвиденные осложнения, но я уверена, мы с ним скоро встретимся. Я обдумала ваше предложение вчера вечером и согласна с вашими мудрыми доводами: нельзя упускать такой отличной возможности для карьерного роста.

И я почти не кривила душой, нахваливая мудрость Пода. Возможно, именно пережитые мной стрессы и тревожнения подтолкнули меня к мысли, что все мои знакомые сговорились следить за мной. Может, мне на самом деле необходимо ненадолго уехать в Россию, чтобы столкнуться с иной реальностью, отличной от моей собственной, которая приобретала весьма «виртуальные» черты. Самое время для Schuss[14] при помощи скоростного спуска на лыжах, чтобы прочистить мои микропроцессоры.

Я сказала Поду, что успею вернуться на работу до конца дня, и отсоединилась. Мне стало легче оттого, что Оливер оказался под сомнением как кандидат на роль шпиона, гангстера и потенциального живодера. Но все-таки надо было соблюдать разумную предосторожность и спрятать эти документы в таком месте, где никто не сумел бы найти их — возможно, даже я сама. Вагончик фуникулера отправлялся вверх только через полчаса. За это время собралось так много пассажиров, что они набились в подъемник, как сельди в бочку, по полной программе загрузив его перед тем, как он покатился через глубокие ущелья по выглядевшему крайне ненадежно тяговому канату. Стиснутая толпой беспокойных туристов со Среднего Запада и из Японии, я стояла, прижавшись щекой к оконному стеклу, и внизу перед моими глазами открывался очаровательный пейзаж двухтысячефутовой глубины, в которую мы можем навернуться, ежели наш вес окажется слишком велик для этой оранжевой развалюхи. Наверное, было бы проще и быстрее воспользоваться кресельным подъемником. Но я сомневалась, что сумею найти нужное мне место, если не начну от своеобразной «печки», от знаменитых Сциллы и Харибды.

Сцилла и Харибда — парочка моих любимых скал. Это гигантские островерхие каменные бельведеры, стоящие рядом, между которыми, едва выбравшись из гондолы, вынужден проезжать каждый лыжник — если, конечно, не захочет обойти их и спуститься по глубокому свежавывающему снегу. Изредка и я решалась на это, но только не сегодня, когда мне пришлось бы удерживать равновесие на коварном склоне с увесистым тайным манускриптом за спиной.

Узкий и крутой спуск между этими двумя черными скалами, достигавшими тридцатифутовой высоты, был всегда очень скользким, отполированным до ледяного блеска множеством лыжников. Он напоминал глухой туннель, свет в который проникал только через узкую небесную щель. На этой раскатанной лыжне невозможно было даже слегка притормозить, не говоря уж о том, чтобы полностью контролировать спуск.

Однажды в середине лета я гуляла по здешнему нижнему лугу и попыталась забраться вверх по ущелью между Сциллой и Харибдой. Но склон оказался слишком крутым для пешего подъема: тут потребовалось бы альпинистское снаряжение. Однако спускаться по снегу было гораздо проще,

требовались лишь железные нервы. Нужно было просто сгруппироваться и, удерживая равновесие, пронестись по ущелью, молясь, чтобы при вылете из его сумрака на свет божий не столкнуться с ледяными выбоинами или буграми.

Вместе с остальными «селедками» я с трудом выбралась из бочкообразной гондолы. В лесу лыж и палок, облепившем бока вагончика, я нашла свои. Немного потоптавшись около верхнего теплого домика, я сбила с ботинок снег, застегнула лыжи и, неспешно протирая защитные очки, пропустила вперед всех моих попутчиков, стремившихся покорить эти горы. Мне хотелось, чтобы на выезде из ущелья меня ждал чистый склон, не только чтобы избежать столкновений с упавшими телами, обычно в изобилии валявшимися на склоне под Сциллой и Харибдой, но главное, чтобы без лишних свидетелей отправиться на поиски выбранного мной укромного местечка.

Следующая гондола должна была прибыть только через полтора часа, поэтому, когда вся суматоха улеглась вместе с исчезнувшей толпой, я в гордом одиночестве устремилась вниз по склону. В наступившей тишине, нарушаемой лишь шуршанием лыж по снегу, я подошла к этой круче и стремительно понеслась между поблескивающими черными мастодонтами Сциллы и Харибды. Умудрившись не сойти с лыжни, я вылетела из ущелья, где сильный порыв бокового ветра резко взметнул мой рюкзачок. Я пошатнулась и начала заваливаться, но устояла, перенесла вес на правую половину тела и прочертив перчаткой по снегу. Выпрямившись, я вновь подалась влево, двигаясь вниз словно конькобежец, пока полностью не восстановила равновесие.

Глубоко вдохнув чистый поднебесный воздух, я окинула взглядом горные хребты. На горизонте величественно вздымался мой ориентир, Гранд-Титон. Чтобы найти заветную расселину и пещеру, мне нужно было для начала спуститься к его подножию. И в этот момент мне показалось, что я слышу за спиной тихую лыжную песню, исполняемую в дуэте со снегом. Странно, поскольку я находилась на самом высоком лыжном склоне горы и, как мне думалось, пропустила вперед всех доставленных наверх гондолой подъемника.

— Вы довольно ловко проделали Wedeln,[15] — серьезно произнес прямо за моей спиной голос с заметным немецким акцентом.

По нашим лыжным трассам носится множество туристов из Германии, сказала я себе. Это невозможно.

Но оказалось — возможно. Он притормозил рядом со мной, и я предпочла остановиться, вновь почувствовав легкую слабость в коленках. Он снял очки, нацепил их, как резиновую ленту, на рукав строгого черного лыжного костюма улыбнулся мне потрясающими бирюзовыми глазами.

— Доброе утро, доктор Хаузер, — умудрилась сказать я. — Почему вы вдруг решили покататься на лыжах в рабочее время?

Потом я овладела собой. Такая встреча вряд ли была случайным совпадением. А значит, в ней могла таиться опасность. Поэтому я вновь направилась вниз по склону.

— Я мог бы задать вам тот же вопрос, мадемуазель Бен, — отозвался он, легко догнав меня. — Мне поручено руководство одним крайне важным проектом. Но вас, очевидно, что-то в нем не устраивает.

Глянув в его сторону, я отметила, как красив его рот и лицо с высокими скулами.

Мы практически одновременно — и весьма своевременно — отвели глаза друг от друга, поскольку едва не налетели на бугор. Объехав его, мы вновь соединились, и доктор Хаузер рассмеялся. Мы

спускались вниз бок о бок на хорошей скорости. Вдруг совершенно неожиданно для меня он, упершись палками в снег, ловко перепрыгнул через лежавшее на пути дерево. Казалось, это не составило ему никакого труда; он продолжал плавно спускаться дальше, с легкостью скользя по волнам этого снежного моря.

Несложно было понять, как он узнал меня. В конце концов, по словам Пода, он просматривал мое досье и ознакомился не только с моими статистическими данными, но и с моими фотографиями. Однако это не объясняло, что он делает здесь в горах, в сотне миль от города. Словно прочитав мои мысли, он затормозил на лыжной развилке и, взметнув фонтан снега, повернулся ко мне.

— Ради встречи с вами мне уже пришлось проехать два штата и подняться на эту верхотуру. По-моему, вполне достаточно для одного утра. Давайте вернемся на лыжную базу, в верхний Schloss,[16] где я смогу угостить вас вкусным горячим ланчем. Там мы могли бы побеседовать и узнать друг друга лучше. Если, конечно, — добавил он, — вы не захватили с собой завтрак в рюкзаке.

— Нет, я с удовольствием приму ваше предложение, — ответила я, надеюсь, не слишком поспешно. — И мне очень жаль. Я не знала, что это вы преследовали меня.

— Извинения приняты, — с легким поклоном сказал он. — Но вы мастерски спрятались в тумане. Потеряв вас из виду, я проехался от развилки по всем трем направлениям, пока наконец не понял, что вы сделали. Скажите, где в Америке такая молодая женщина, как вы, могла научиться столь мастерски «терять хвост» — так, кажется, у вас говорят?

— Наверное, именно поэтому меня привлекла работа в охранной области. Меня всегда интересовали детективные истории, в смысле поиск, обнаружение и сбор тайных сведений.

— Так же как и меня, — с загадочной улыбкой сказал профессор Вольфганг К. Хаузер.

Когда мы закончили ланч в ресторанчике, пристроившемся, как птичье гнездо, на горном склоне лыжной базы, доктор Хаузер уже называл меня Ариэль и настаивал, чтобы я называла его Вольфгангом. Он показал мне, как устроить сиденье из наших курток, натянув их между воткнутыми в снег лыжами и палками. Мы сидели на солнце рядом с навесом, макая хрустящий черный хлеб в устричный соус и попивая ароматный Gluhwein,[17] приправленный гвоздикой и припудренный корицей.

Пока мы спускались к этому ресторанчику, Вольфганг щедро давал мне полезные советы по катанию на горных лыжах. Он был потрясающим лыжником, даже более искусным, чем Оливер. Меня с детства таскали по международным лыжным курортам, поэтому я могла отличить почерк мастера. Редкий лыжник с таким непринужденным и легким изяществом преодолевал сложнейшие горные трассы.

Когда мы начали неохотно собирать наши вещи, чтобы спуститься вниз, мой новоявленный коллега вдруг с озадаченным видом повернулся ко мне.

— Интересно, что же я получу в качестве оплаты за данные вам сегодня горнолыжные уроки?

— Ничего, кроме вашего же удовольствия, — ответила я, пытаясь завязать куртку на талии поверх лыжного костюма. — Всем известно, что австрийцы по природе своей обожают давать подобные уроки. Для вас это так же естественно, как дышать. Разве то, что естественно, нуждается в оплате? Он усмехнулся, как мне показалось, слегка смущенно.

— Но я должен задать вам один серьезный вопрос, — сказал он. — Вы знаете, я действительно сразу

узнал ваше лицо по фотографиям, вернее, только по глазам, когда вы вчера вошли в холл, вся закутанная и похожая на белого медведя.

Вот это да, он действительно прочел мои мысли!

— Мне хотелось поговорить с вами прямо там, но было как-то неловко делать это на глазах у окружающих.

Он взял у меня рюкзак, который я собиралась закинуть за спину, и поставил на снег, потом положил руки мне на плечи. Жар от его пальцев проник сквозь костюм и воспламенил мою плоть. Мне еще не встречался — даже во сне — мужчина, чей взгляд вызывал бы у меня слабость в коленках, а теперь такой мужчина еще и дотрагивался до меня. Но от того, что произошло дальше, я совершенно лишилась дара речи.

— Ариэль, вы знаете, что вскоре нам предстоит тесно общаться во время выполнения одного важного задания. В данных обстоятельствах, насколько я понимаю, не рекомендуется говорить того, что мне хочется сказать, но я ничего не могу с собой поделать. Я должен признаться, что мне будет трудно, очень трудно поддерживать с вами чисто рабочие отношения — тот тип отношений, который необходим для осуществления этого проекта. Уверяю вас, я и не предполагал, что такое может произойти. В сущности, такого со мной еще никогда не бывало...

Его голос затих, словно он ожидал какой-то реакции от меня. Но поскольку я, затаив дыхание, с надеждой ждала продолжения его откровений, он добавил:

— Не знаю, как поточнее выразиться, но, Ариэль, меня отчаянно влечет к вам. Я очень сильно... увлечен вами.

Его влечет ко мне?! Святое дерьмо! Понятно, что я изрядно влипла. Я готова была утонуть в бездонной глубине его бирюзовых глаз, смотревших сейчас на меня с таким пристальным вниманием. Этот парень внушал опасения не только своим видом, а в моей жизни уже с избытком хватало опасностей и без дополнительных бесплатных лыжных уроков, повышающих технику катания. Если бы только он не был таким... привлекательным.

Да ладно уж. Он был не просто привлекательным, он обладал харизмой — харизматическим очарованием. Я поняла это с первого взгляда так же, как любой другой человек. И почему все это случилось именно сейчас, когда на меня навалилось столько проблем? Почему сейчас? Господи, ну почему Под решил подпоить меня таким смертельно опасным зельем? Я должна что-то придумать и поскорее вернуться в реальный мир, спуститься на грешную землю.

Я закрыла глаза и глубоко вздохнула. Призвав на помощь всю свою сдержанность, я отступила назад, и его руки упали с моих плеч, разорвав нашу связь. Я открыла глаза.

— Так какой же вопрос? — спросила я.

— Вопрос? — спросил он, мгновенно смутившись.

— Вы только что сказали, что хотите задать мне серьезный вопрос, — пояснила я.

Слегка огорченный, Вольфганг Хаузер пожал плечами. Похоже, он сам не знал, какого ответа ждет от меня, и не предусмотрел дальнейшего плана действий.

— Вы не доверяете мне, — сказал он. — И совершенно справедливо. С чего бы вам доверять мне?

Как идиот, я преследовал вас в тумане, поймал на лыжне и притащил на ланч. А потом стал навязываться к вам с откровениями, которые следовало держать при себе. За все это я приношу вам глубокие извинения. Но все-таки я хочу сказать вам еще одно...

Я с волнением ждала, но оказалась совершенно не подготовленной к очередной взрывной информации.

— Я лично знаком с вашим дядей Лафкадио Беном из Вены, — сообщил Вольфганг. — Меня послали сюда в Айдахо, чтобы я всячески защищал вас. До вашего возвращения из Сан-Франциско я прилетел сюда, чтобы обеспечить ваше участие в моем проекте — не только из-за ваших профессиональных достоинств, признаюсь, но и потому, что унаследованные вами документы не должны попасть в плохие руки. Вы понимаете?

О Мать Божия и все святые, вместе взятые! О чем он говорит?!

— Ариэль, — сказал он. — Поверьте, соглашаясь на это задание, я никак не ожидал, что вы окажетесь... — Он помедлил и внимательно посмотрел мне в глаза. — О Scheiss,[18] как же все осложнилось, — промямлил он в итоге и, отвернувшись, чтобы я не видела выражения его лица, начал вытаскивать лыжи из снега. — Давайте вернемся в город, если вы не против.

Такой поворот сильно изменил мои только что сформированные планы. Я собиралась отделаться от непрошеного попутчика под предлогом того, что из-за моей утраты или по каким-то иным причинам хочу поразмышлять о смысле жизни в спокойном уединении. Но после того как мы с Вольфгангом так мило поболтали за Gluhwein и он намекнул на вспыхнувшее ко мне чувство, сообщил о своем знакомстве с «паршивой» ветвью моей семьи, а также, как я заметила, уже не раз заинтересованно покосился на мой рюкзак, я осознала, что такой предлог прозвучит весьма неправдоподобно. И хотя он ни разу напрямую не спросил, с чего меня вдруг занесло на лыжную базу, я поняла, что мне остается лишь тянуть время, спуститься с гор и придумать новое место для тайника, когда я буду одна возвращаться в город.

К тому времени, когда мы полностью собрались и защелкнули лыжные крепления, Вольфганг вполне пришел в себя и с восстановленным обаянием и самообладанием предложил мне на сей раз следовать за ним по склону. Как считают хорошие лыжники, выработка своего собственного стиля — умелое владение телом и своевременное использование лыжных палок — лучше всего достигается, если вы копируете движения первоклассного мастера, не тратя время на бесконечные уроки с инструктором, орущим с жутким акцентом: «Согни колени! Не тормози палками!» И меня очень радовала представившаяся мне возможность такой тренировки, по крайней мере пока он не съехал с лыжной трассы в свежий снег.

Он свернул с накатанной лыжни в укрытую толстым снежным покрывалом осиновую рощицу и начал ловко петлять между деревьями. Я не сразу поняла, что он направился к тому заснеженному ущелью, что ежегодно привлекает тысячи туристов. Оно находилось сразу за этой рощицей. Но несмотря на частые посещения этих гор, я всегда боялась этого места, как чумы.

В отличие от скоростного спуска, прыжков с трамплина или горного слалома спуск по снежной целине требует совершенно иных навыков. Тут надо сильно откинуться назад, словно в кресле-качалке, чтобы не зарыться концами лыж в снег и не остановиться намертво. Это требует отличной гибкости и очень сильных бедер. Если же концы лыж скрестятся под снегом, если вы остановитесь или наконец упадете, то начнется немедленное погружение.

Поскольку мне никак не удавалось гармонично сочетать все эти требования, я чувствовала себя совершенно беспомощной в рыхлом снегу. И, учитывая, что сегодня меня отягощал еще и увесистый рюкзак, я развернулась в осиновой рощице и поехала обратно к хорошо накатанному спуску.

Тогда-то и началось нечто совершенно непредвиденное.

Я достигла края рощи, когда почувствовала что-то неладное. Я именно почувствовала какое-то странное движение задолго до того, как услышала сопровождающие его звуки. Все начиналось практически бесшумно, как тихий шепот, как глубинный, сотрясающий вздох земли. По-моему, первыми это почувствовали мои вдруг зачесавшиеся в перчатках ладони, чуть позже пославшие тревожный импульс в мозг. Тогда наконец я поняла, что происходит. И еще поняла, что не представляю, как надо действовать в подобных обстоятельствах.

Земля выскальзывала у меня из-под ног — вернее, не сама земля, а ее снежное покрытие! Гора сбрасывала кожу, одним внезапным мощным ударом спихивая со своей спины толстенное и тяжеленное снежное одеяло, накопленное за богатую снегопадами зиму. Я попала в лавину.

Ей сопутствовал шум — тихий поначалу рокот, переросший в настоящий рев, когда снежная лавина, захватывая по пути мелкие камни и обломки скал, стремительно понесла их по склону рядом со мной. Стараясь не упасть, я как можно быстрее ехала по обочине леса, не зная, то ли нырнуть в лес, рискуя попасть под сломавшееся дерево, то ли остаться на открытом склоне и попытаться спуститься вместе с этой снеговой машиной, несущейся вниз, словно поток жидкого цемента.

Во рту у меня пересохло от страха, а руки начали неметь. Я лишь надеялась, что не хлопнусь сейчас в обморок, хотя тут же подумала, что, возможно, это лучший выход, ведь тогда — если эта яростная лавина обрушится на меня — я не почувствую боли. Продолжая спускаться, я понимала, что снег движется быстрее. Слева от меня по открытому склону подпрыгивали, словно детские пляжные мячи, большие камни. Справа, как я заметила уголком глаза, с оглушительным треском падали вывороченные с корнями деревья. Лавина казалась живой и алчной тварью, пожиравшей все, что попадало в ее пасть, подобно речному чудовищу Снейка.

Мне было не под силу обогнать ее. Я не слишком хорошо владела приемами скоростного спуска, да и более умелые лыжники, пытавшиеся соревноваться с лавинами, мало преуспели в таких состязаниях. Я понятия не имела о разных хитроумных способах, что могли бы спасти мою задницу. Да ко всему прочему за спиной у меня висел этот чертов рюкзак.

И в тот самый момент в голове у меня промелькнули две мысли. Первая: сразу за этой рощицей меня все равно поджидает то глубокое ущелье, куда направился мой попутчик. И вторая: что сейчас происходит в этом ущелье? И что случилось с Вольфгангом Хаузером в неуправляемых лавинообразных потоках, где рыхлый снег двигался куда быстрее, чем слежавшийся?

Вскоре я получила ответ сразу на оба вопроса.

Я увидела впереди место встречи этих стремительных вихревых потоков, к которому слева от меня вместе с обломками и камнями двигался слежавшийся снег открытого склона, а справа — рыхлые снежные массы. И в точке их столкновения в небо взлетел огромный снежный фонтан.

Мои ноги мучительно болели от напряженного и стремительного спуска, каждая жилка отчаянно призывала меня остановиться и отдохнуть, но я понимала, что остановка означает верную смерть. Тогда-то в туманной дымке справа от меня мелькнула среди деревьев темная фигура. Натиск снежной волны выворачивал из земли целые стволы, но Вольфганг все-таки вырвался из лесной ловушки.

— Ариэль! — крикнул он, перекрывая грохот стихии. — Прыгайте! Вы должны прыгнуть!

Я в отчаянии глянула вперед, пытаясь понять, что он имеет в виду, — и поняла.

Прямо внизу за кромкой леса начинался край расселины, взмывающий вверх, точно лыжный трамплин. Я не видела, конечно, но и так знала, что находится за этим гребнем. Много раз мне приходилось тормозить на том краю, чтобы не слететь в пропасть по отвесному склону; я предпочитала тихо спуститься на дно этого ущелья между скал.

Но сейчас я неслась на такой скорости, что не смогла бы затормозить. При любой попытке торможения меня все равно сметет вниз несущийся снег. Мои шансы миновать ущелье по открытому склону, учитывая близость лавины, были также практически равны нулю, и оставалось только совершить этот прыжок, как советовал Вольфганг, надеясь лишь, что, пролетев вниз более сотни футов, мне удастся нормально приземлиться на снег, а не на острые скалы.

Раздумывать было некогда. Я сорвала веревки с запястий и отбросила лыжные палки назад, чтобы не напороться на них во время приземления. Потом сбросила и завязанную на талии куртку, чтобы ничто не мешало моим движениям. Освободиться от проклятого рюкзака я уже не успевала и поняла, что мне придется прыгать вместе с ним, подобно горбуну с Нотр-Дам.

Присев и сгруппировавшись, я смогла лучше управлять своим движением и увеличить скорость. Отделившись от земли, я вытянулась во весь рост, прижала к бокам руки и выставила вперед подбородок, чтобы пролететь как можно дальше и хорошо приземлиться.

Мои лыжи парили в воздухе. Дно ущелья стремительно приближалось. Пребывая в свободном падении, я постаралась сконцентрироваться и отбросить все страхи. Для нормального приземления нужно было удерживать вздернутые вверх концы лыж вместе, не обращая внимания на сыплющееся вниз по склону снежно-каменное конфетти. Мой полет все еще продолжался. Когда впереди замаячило дно, я увидела, что узкая снежная лента подо мной стиснута множеством скал. И вновь мне вспомнилось змеиное чудовище, распахнувшее смертоносные челюсти.

После этого бесконечного кошмара лыжи наконец ударились о снег, а рука врезалась в скалу.

Выступающий край скалы, словно зазубренный нож, разорвал рукав серебристого лыжного костюма, и я почувствовала, что то же самое произошло с моей кожей, вспоротой от локтя к плечу. От такого удара меня резко повело в сторону. Не ощущая пока никакой боли, я испытала приступ тошноты, когда теплая и влажная кровь полилась вниз по руке.

Лес острых скал проносился мимо меня как в тумане. Я отчаянно старалась удержаться на ногах, но без палок при таком стремительном спуске мне было не под силу восстановить равновесие.

Зацепившись за какой-то выступ, я завалилась на бок и по инерции перевернулась через голову.

Потеряв управление, я продолжала кувыркаться, причем мои лыжи с расстегнувшимися креплениями сталкивались со всеми встречными препятствиями. Но как ни странно, толщина рюкзака не раз защищала мою спину от слишком сильных ударов.

Мои конечности оказались в менее удачном положении: они пересчитали все камни. Попытавшись закрыть голову раненой и кровоточащей рукой, я усугубила ее состояние. Отстегнувшаяся лыжа с размаху ударила меня по лбу. Кровь брызнула мне в глаза. В итоге я налетела на какую-то большую скалу и остановилась. Но отдыхать было некогда.

Ушибы и раны проявились массой болезненных ощущений, однако грохот разыгравшейся стихии подсказал мне, что с рыданиями лучше повременить. Снежный поток заполнял ущелье, увлекая за собой море обломков. Кружась в воздухе, они затемняли даже небо. Сверху падали еще и вывороченные с корнями деревья. Благодаря прыжку я выиграла время и теперь, возможно, сумею

обогнать лавину, но только если буду продолжать двигаться.

Я с трудом встала на ноги и постаралась как можно быстрее установить лыжи, все еще болтавшиеся на ремнях, привязанных к моим лодыжкам. Защелкнув на ботинках замки креплений, я уже лавировала между скалами, быстро скользя вниз по снежному couloir,[19] когда запыхавшийся Вольфганг догнал меня.

— Господи, Ариэль, вы ранены, — прерывающимся голосом произнес он.

— Я жива и вроде даже ничего не сломала, — ответила я, когда мы вместе продолжили стремительный спуск, удирая от разбушевавшейся стихии, заглушающей наши голоса. — А как вы?

— Я в порядке, — крикнул он в ответ. — Но слава богу, что вы вовремя прыгнули. Лавина уже хлынула и в это ущелье. Выйдя из леса, вы очутились бы в ловушке между двух неукротимых потоков.

— Святое дерьмо! — крикнула я, бросив на него взгляд. Вольфганг рассмеялся и покачал головой.

— Очень точное определение.

Достигнув конца ущелья, мы оказались перед другим отвесным склоном. Но нам удалось «елочкой» подняться на него по наклонному снежному пандусу. На полпути Вольфганг оглянулся и посмотрел на дно ущелья, из которого мы только что выбрались. Я слегка опередила его, поэтому он молча положил свою руку в перчатке мне на плечо и кивнул назад. От потери крови у меня и так начала кружиться голова, а когда я проследила за его взглядом, мне стало совсем худо. Я присела и обхватила руками колени.

Ущелья больше не было. Совершенно исчез и тот коридор между черными скалами, по которому мы только что спустились. Теперь все внизу заполняли белые глыбы с торчащими вверх корнями и ветвями. Край скалы, с которой мы прыгнули, всего лишь футов на пять возвышался над вновь образованным дном долины.

Я содрогнулась от ужаса и почувствовала, как Вольфганг погладил меня по голове. Следя, как с обрыва низвергаются последние сгустки снежной пыли, мы увидели на склоне оголенную черную землю, лишенную белого покрывала, да редкие камни, еще скакавшие вниз. Все это стихийное опустошение заняло меньше десяти минут. Я начала плакать. Не говоря ни слова, Вольфганг поднял меня на ноги, прижал к себе и успокаивающе поглаживал, пока мои рыдания не затихли.

Отстранившись, он вытер перчаткой кровь и слезы с моего лица и слегка коснулся губами моего лба, словно ободряя перепуганного ребенка.

— Нам надо поскорее привести вас в порядок. Вы оказались весьма ценным созданием, — с мягкой улыбкой сказал он мне.

Но следующие слова распрекрасного доктора Хаузера, несмотря на их неизменную доброту и заботливость, привели меня в ужас.

— И это еще слабо сказано, — продолжил он. — Вы, моя дорогая, совершенно потрясающее создание. Ведь, даже удирая от лавины, вы не бросили рюкзака с манускриптом.

Когда я с неподдельным ужасом глянула на него, он добавил:

— Ах, мне не нужно было заглядывать в ваш рюкзачок, чтобы догадаться о его содержимом. Я последовал за вами в горы, желая убедиться, что вы не спрячете и не потеряете его. Если в вашем рюкзаке действительно лежит тот самый рунический манускрипт, то он принадлежит мне. Именно я послал его вам.

МАТРИЦА

Matrix (лат. матка) — то, что вмещает или порождает нечто. Источник, происхождение или основание.

В трагедии трагический миф возрождается из музыкальной матрицы. Она внушает самые сумасбродные надежды и сулит забвение невыносимой боли.

Все, разверзающее ложесна, Мне...

Любой может сделать ошибку, но моя ошибка была высшего класса. И выражение «Mea culpa, mea culpa»[20] всецело относилось ко мне. Сэм ведь ничего не говорил о рунах или о том, что послал мне именно рукопись, — он упомянул лишь, что размер посылки составляет пару пачек писчей бумаги. За один-единственный день я чуть не задавила своего домовладельца, пронеслась по двум штатам и едва не погибла под лавиной, развлекаясь с шикарным австрийским ученым, — и все это из-за совсем не того пакета! Я поклялась богам, что перестану суетиться, если судьба прекратит подбрасывать мне головоломки. Но никакие клятвы не могли изменить критической ситуации: подлинный пакет Сэма по-прежнему был неизвестно где. А теперь, благодаря моей излишне острой реакции, возможно, пропал и Сэм.

Пока я, побитая и окровавленная, спускалась с гор, Вольфганг пытался рассказать мне о посланном им манускрипте — непростая задача во время лыжного спуска, поскольку мы оба стремились как можно скорее добраться до медпункта нижней базы, где мне могли оказать помощь. Попутно ему удалось объяснить, что по прибытии в Айдахо для подключения меня к своему проекту он первым делом собирался отдать мне манускрипт, но обнаружил, что я укатила на похороны Сэма. Поскольку мое отсутствие затягивалось, а ему необходимо было уехать из города по делам, то он отправил эти руны по почте, чтобы я получила их сразу по возвращении. А сегодня утром, когда Под послал Оливера найти меня, Вольфганг и сам подъехал к почте. Увидев, в какой панике я умчалась, он решил догнать меня.

Когда мы с Вольфгангом пришли на базу, я спросила, что за манускрипт таскаю в рюкзаке и зачем он мне, если я не могу даже прочитать его. Вольфганг объяснил, что моя родственница из Европы попросила его передать мне эту копию старинного рунического манускрипта, предполагая, что он как-то связан с документами, только что унаследованными мной от кузена Сэма. Как только мне окажут медицинскую помощь и мы останемся наедине, он расскажет мне все, что знает.

Около часа мы провели в клинике базового лагеря в окружении едко пахнущих пузырьков и суматошного лыжного патруля, который шумно сновал туда-сюда с носилками, доставляя партии травмированных туристов, пострадавших от лавины. И в этой суматохе я позволила медикам расплстать меня на металлическом столе, всадить укол, забинтовать голову и наложить четырнадцать швов на руку.

В хаосе операционно-хирургического потока наши с Вольфгангом разговоры, естественно, пришлось урезать. Но думать мне никто не мешал. Я поняла, что наш ядерный проект не был главной целью поездки Вольфганга Хаузера в Айдахо. Прежде всего, очевидно, что он числится в высшем эшелоне МАГАТЭ, иначе не смог бы получить свободный доступ в наш центр, а уж тем более разрешение лицезреть досье сотрудников особо секретного отдела безопасности. То есть тут все было ясно: он действовал на законном основании.

Однако оставался непонятным один ключевой вопрос: зачем профессор Вольфганг К. Хаузер прибыл

в Айдахо, пока я была в Сан-Франциско на похоронах Сэма? Откуда мог кто-то знать — а кто-то должен быть знать заранее, — что после смерти Сэма эти ценные, но пока отсутствующие документы попадут в мои руки?

Учитывая, что хирург всадил в меня обезболивающий укол и подвязал мою заштопанную руку, мы с Вольфгангом решили, что будет лучше всего, если он отвезет меня домой на моей «хонде», а для доставки служебной машины из ущелья Джэксона вызовет водителя из нашей конторы.

Обратное путешествие промелькнуло как в тумане. Когда анестезия начала отходить, вернулась пульсирующая боль. Потом я вспомнила — к сожалению, уже после того, как приняла выданные врачом таблетки, — что у меня повышенная реакция на кодеин. И она не замедлила проявиться: я чувствовала себя так, словно меня огрели молотком по голове. Почти всю обратную дорогу я ничего не соображала, и поэтому мои вопросы остались без ответа.

В город мы вернулись уже в сумерках. Позднее я не могла припомнить, чтобы объясняла, как доехать до моего дома; помню только, что сидела в машине на нашей подъездной аллее и Вольфганг спрашивал меня, может ли он воспользоваться моей машиной, чтобы добраться до отеля, или ему лучше зайти ко мне и вызвать по телефону такси. Мой ответ и все последующие события покрыты мраком неизвестности.

Поэтому я безмерно удивилась, обнаружив утром следующего дня, что лежу в собственной постели, а на стуле аккуратно сложены мой рюкзак, вчерашняя одежда и черный лыжный костюм, и уж он-то совершенно точно не мой! Под одеялом на мне, похоже, не было ничего, кроме эластичных шелковых рейтуз, практически не оставлявших места для игры воображения.

Завернувшись в одеяло, я села на кровати и увидела, что из расстеленного на полу спального мешка торчит лохматая шевелюра, загорелые руки и оголенная мускулистая спина профессора Вольфганга К. Хаузера. Пошевелившись, он перевернулся на спину, и в утреннем свете, проникающем через верхние фрамуги окон, мне удалось хорошо разглядеть черты его лица: густые черные ресницы, бросающие тень на рельефно очерченные скулы, длинный тонкий нос, ямочку на подбородке и чувственный рот, — в сочетании напоминавшие профиль римской статуи. Даже во сне он выглядел самым красивым мужчиной из всех, что я видела. Но что он делает полуобнаженный в спальном мешке на полу в моей комнате?

Глаза Вольфганга Хаузера открылись. Повернувшись на бок, он приподнялся на локте и улыбнулся мне своими невероятными бирюзовыми глазами, подобными коварным озерам с подводным течением. Или речным омутам.

— Как видите, я остался у вас на ночь, — сказал он. — Надеюсь, вы не сочтете, что я вел себя чересчур нахально. Просто, когда вчера вечером я помог вам выйти из машины, вы потеряли сознание прямо на дороге. Я едва успел подхватить вас, чтобы вы не упали на землю. Мне удалось кое-как спуститься сюда, извлечь вас из рваной и грязной одежды и уложить на кровать. Я боялся оставить вас одну под действием обезболивающих, поэтому остался, желая убедиться, что с вами все будет в порядке. Как вы?

— Пока не знаю, — ответила я, чувствуя, что голова словно набита ватой и в воспаленной руке пульсирует боль. — Но я благодарна, что вы остались. Вчера вы спасли мне жизнь. Если бы не вы, то лежать бы мне на дне каньона, под тоннами снега и камней. Я все еще не могу прийти в себя.

— Вы ничего не ели со вчерашнего ланча. — Вольфганг сел и расстегнул молнию спального

мешка. — Однако сегодня я должен уехать отсюда: из-за вчерашней прогулки я выбился из расписания. Может, приготовить завтрак? Я знаю, где что лежит на вашей кухне: ваш кот любезно показал мне все вчера вечером. Он, видимо, надеялся, что я накормлю его ужином, и я не обманул его ожиданий.

— Невероятно, — со смехом сказала я. — Вы спасли мне жизнь и не позволили умереть с голода моему коту! А кстати, где же Ясон?

— Видимо, он проявляет тактичность, — с загадочной улыбкой предположил Вольфганг.

Отвернувшись от меня, он выбрался в одних трусах из спального мешка, взял свой лыжный костюм и быстро натянул его. Даже при столь недолгом созерцании его со спины я не могла не заметить, что профессор Вольфганг К. Хаузер отличается поистине великолепным телосложением. Перед моим мысленным взором вдруг пронеслись всевозможные эротические видения. И это, к моему ужасу, тут же воспламенило мою кровь. Прежде чем он успел повернуться и прочесть тайные мысли, проявившиеся на моих зардевшихся щеках, я схватила подушку и зарылась в нее лицом.

Слишком поздно. Я услышала, как его босые ноги прошлепали по холодному бетонному полу.

Пружины скрипнули, когда он присел на край кровати. Он отнял подушку и взглянул на меня своими бездонными глазами. Его пальцы коснулись моих плеч, он привлек меня к себе и поцеловал.

Не скажу, что мне в жизни не приходилось целоваться. Но такого поцелуя еще не было: слишком часто в моем недостойном упоминания прошлом бывали притворно жадные слюнявые поцелуи с многозначительными вздохами и закусыванием губ. Но сейчас, когда наши губы встретились, мощный энергетический поток хлынул от него ко мне, заполняя меня горячим, расплавленным желанием. Мы словно уже когда-то занимались с ним любовью и нуждались в повторении этого опыта. Причем неоднократно.

Как жаль, подумала я, что нельзя откачать и закупорить в бутылку энергию профессора Вольфганга К. Хаузера.

— Ариэль, ты так прекрасна, — сказал он и, коснувшись кончиками пальцев моих волос, посмотрел на меня затуманенными синими глазами. — Даже сейчас, после этой ужасной катастрофы, несмотря на все эти синяки, шрамы и ссадины, я мечтаю обладать твоим великолепным телом, как еще никогда ни о чем не мечтал.

— Я думаю... я не думаю... — бессмысленно пролепетала я, отупевшая от переизбытка гормонов. Мои попытки овладеть собой и вновь обрести дар осмысленной речи потерпели фиаско, как только Вольфганг приложил палец к моим губам.

— Нет, позволь мне продолжить. Вчера я вел себя как полный идиот, совершенно неуместно начав откровенничать. У нас все должно быть по-другому. Я восхищаюсь тобой, моя милая; ты очень сильная и храбрая. А известно ли тебе, что твое имя происходит от древнего названия Иерусалима, этого святого города трех мировых религий? Ари'ил, или лев Божий, — аллегорическое название Иерусалима, поскольку лев был эмблемой Иудеи. То есть в древности Ариэль означало «Львица Божия».

— Львица? — удивилась я, впервые после поцелуя заговорив нормальным тоном. — Такую репутацию надо еще заслужить.

Такова же участь Вольфа, или волка, — вновь с таинственной улыбкой заметил он.

— А-а, понятно: мы оба из рода хищников, — улыбнувшись в ответ, сказала я. — Только на охоте я

обычно солирую, а ваш брат сбивается в стаи.

Поиграв прядью моих волос, он отпустил ее и очень серьезно взглянул на меня.

Я не охочусь за тобой, дорогая. Хотя ты пока не доверяешь мне. Я приехал сюда, чтобы оказать тебе помощь, защитить тебя, только и всего. Какие бы чувства я к тебе ни испытывал, они остаются только моими проблемами и не должны помешать осуществлению целей или выполнению того задания, с которым меня послали.

Я уже поняла, что ты являешься чьим-то посланцем, неизвестно лишь, кто именно послал тебя, — нетерпеливо сказала. — Вчера ты заявил, что дружишь с моим дядей Лафкадио, но он ни разу не упоминал при мне твоего имени. Думаю, тебе лучше знать, что мы с ним встретимся в эти выходные в Солнечной долине. И мне не составит труда узнать правду.

Я говорил о знакомстве, а не о дружбе, — отвернувшись, туманно заметил Вольфганг. Он уставился на свои руки. Потом встал и взглянул на меня, по-прежнему сидевшую под смятым одеялом. — Ты закончила с вопросами?

Не совсем, — сказала я, возвращаясь к интересующей меня теме. — Во-первых, как это так получилось, что о моем треклятом наследстве знали чуть ли не все даже еще до смерти моего кузена? Я могу объяснить, если ты действительно хочешь знать, — спокойно сказал Вольфганг. — Но сначала должен предупредить, что, к сожалению, такие знания могут оказаться очень и очень опасными.

Знания не могут быть опасными, — возразила я, начиная сердиться. — Опасно неведение. А особенно неведение относительно того, что может повредить твоей жизни. Меня уже тошнит оттого, что все стремятся что-то скрыть от меня, заявляя, что делают это ради моего же блага! Меня тошнит от всей этой таинственности!

Сказав это, я вдруг осознала, как многозначны мои слова. В сущности, именно тайны сопровождали и омрачали всю мою жизнь. Не так уж страшен этот неизвестный и таинственный пакет, даже если из-за его содержимого могли погибнуть люди. Страшно само неведение — невозможность добиться правды. Похоже, мания секретности, пронизывающая наш ядерный центр, завладела также и моей семьей: все считали, что ничего нельзя делать открыто, что любое дело требует конспирации и тайного сговора.

Благодаря Сэму я могла стать настоящим мастером такой игры. Благодаря Сэму я уже не доверяла никому на свете. И никто не мог доверять мне.

Вольфганг смотрел на меня странным взглядом. Моя внезапная страстная вспышка удивила и меня саму. До сих пор я не осознавала, как глубоко задевают меня эти чувства — и с какой готовностью они способны вырваться на свободу.

— Если это необходимо, чтобы завоевать твое доверие, то я расскажу тебе все, что ты захочешь узнать, невзирая на то, какой опасностью могут обернуться для каждого из нас эти знания, — сказал он, по-видимому, с полнейшей искренностью. — Ведь для меня жизненно важно, чтобы ты всецело доверяла мне, даже если тебе не понравятся мои ответы. Ты спрашиваешь, кто послал меня сюда и поручил передать тебе рунический манускрипт. — Он показал рукой на лежавший на стуле рюкзак. — Ты еще никогда не встречалась с этой дамой, но, полагаю, знаешь ее имя. Меня послала сюда твоя тетушка, Зоя Бен.

Странно, почему при любых потрясениях или огорчениях с моих уст неизменно срываются слова

«святое дерьмо». Что, в сущности, они могут значить? Неужели боги и святые, подобно нам, простым смертным, удаляют из организма какие-то отходы? И неужели я настолько лишена творческого начала, что не способна создать более оригинальное выражение, пусть даже для собственного мысленного употребления?

Но, как я уже говорила, при нашей работе у нас вошло в привычку придумывать остроумные изречения о разнообразных отбросах, вероятно, потому, что мы каждый божий день сталкивались с весьма неприятной и наводящей тоску задачей — уборкой за постоянно увеличивающимся и производящим все больше отходов населением нашей необратимо уменьшающейся планеты. Поэтому, войдя в наш рабочий кабинет, я восприняла как должное приветствие Оливера, восторженно встретившего меня очередным каламбуром из песни Тома Лерера «Мусор», нашего отраслевого фаворита по фразочкам типа: «Ошметки завтрака, что зашвырнул ты в Бей, к обеду приплывут к нам в Сан-Хосе». Развернувшись на кресле и увидев меня, Оливер прищелкнул пальцами, как кастаньетами.

— О милостивый пророк Морони! — воскликнул он. — Только не пойми меня превратно, Ариэль, но ты выглядишь точь-в-точь как некий предмет, который твой аргонавт иногда притаскивает с улицы. Что с тобой случилось? Неужели, упорно стараясь вчера передавить пешеходов, ты поцеловалась с фонарным столбом?

— Из-за моего упорного старания убежать от жизни меня вчера чуть не раздавила лавина, — ответила я, понимая, что доставка служебной машины Вольфганга с горного курорта все равно породит в центре обильную пищу для сплетен, когда выяснится, что мы с ним целый день прокатились там на лыжах. — Мне очень жаль, Оливер, что я так глупо вела себя около почты. Просто последние дни я слегка не в себе.

— Лавина? Она встретила тебя по пути с почты на работу? Обалдеть, каких только приключений не бывает в нашем отделе. — Оливер подошел ко мне и заботливо помог устроиться за моим рабочим столом. Примостившись на ручку кресла, он продолжил: — Но ты ведь так и не вернулась вчера сюда, а когда часов в семь я приехал домой, твоей машины еще не было и весь дом стоял темным и молчаливым. Мы с Ясоном по-холостяцки поужинали, удивляясь, куда ты запропастилась. Значит, умненький Ясон выпросил себе два ужина: первый — наверху у Оливера, из его гурманских кошачьих запасов, а второй — в моих нижних апартаментах. Ну и ловкач! Хотелось бы мне, чтобы он превратился в человека, тогда я смогла бы привлечь его к решению моих проблем. Однако, как я догадывалась, Оливер ждал ответа. Прикрыв веки, я прижала пальцы к повязке над ноющим глазом. Дольше молчать было нельзя.

— Я надеюсь, ты не поставил на кон еще и средства на покупку экологически чистых цыплят и фермерской оленины, — сказала я.

Открыв рот, Оливер изумленно вытаращился на меня.

— Не может быть! — выдохнул он. — Не хочешь же ты сказать, что на самом деле...

— Провела ночь с доктором Хаузером? Да, провела. Но ничего особенного не случилось.

В конце концов, учитывая ажиотаж, вызванный появлением Вольфганга Хаузера, в городке такого размера все равно узнают об этом достаточно скоро.

— Ничего не случилось?! — почти завопил Оливер. Он захлопнул дверь и плюхнулся в свое кресло. — Тогда что же все это, по-твоему, означает?

— Оливер, этот человек спас мне жизнь. Я была ранена, как ты видишь, и он привез меня домой. Потом я потеряла сознание, поэтому ему пришлось переночевать у меня.

Я обхватила руками ноющую голову.

— Кажется, мне пора сменить религию, — вставая, сказал Оливер. — Пророк Морони, видимо, не слишком хорошо разбирается в мотивации импульсивного поведения женщин. Меня всегда восхищала иудейская вера, в основном из-за могущества еврейского возгласа «ой!». Каково его этимологическое происхождение, ты не задумывалась? Почему становится легче на душе, даже если ты просто ходишь, приговаривая «оёй»?

Оливер начал курсировать вокруг меня, продолжая горестно ойкавать.

Я решила, что пора вмешаться, и спросила:

— Кстати, ты собираешься на выходные в Солнечную долину?

— А зачем же еще, по-твоему, я задерживаюсь каждый вечер на работе? — парировал он.

— Если Вольфганг Хаузер к тому времени успеет вернуться из командировки, то тоже поедет с нами, — сообщила я. — Все-таки с понедельника я начинаю работать по его проекту, и к тому же он спас мне жизнь.

— Оёй! — взвыл Оливер, воздев очи к потолку. — Мой пророк, ты и правда куда-то испарился!

Я надеялась, что Оливер все-таки разберется с толкованием восклицания «ой», причем по возможности быстро. Потому что это восклицание начало казаться вполне подходящим описанием моей нынешней жизни.

Сегодня утром, поскольку я еще не могла нормально двигать рукой из опасения, что разойдутся швы, Вольфганг подвез меня до работы. По пути я решила заглянуть на почту и попросила его остановиться там на минутку, не выключая зажигания. Подойдя к сидевшему за стойкой Джорджу, одному из служащих, я подписала заявку с просьбой не доставлять мне почту в течение нескольких дней, пока не заживет моя рука. Я попросила его также позвонить мне на работу в случае, если на мое имя придет большой пакет — чтобы не гонять водителя к моему почтовому ящику с извещением. Тогда, пояснила я, если это окажется чем-то важным, я заеду на почту по пути с работы, а кто-нибудь из служащих поможет мне донести пакет до машины.

— Я надеюсь, тебя не слишком потрясло известие о тетушке Зое? — спросил меня еще до отъезда из дома Вольфганг, когда я жадно заглатывала омлет со сметаной и икрой, который он приготовил, ознакомившись со своеобразным содержимым моего холодильника. — Твоей тете очень хотелось бы познакомиться с тобой, чтобы вы с ней, как говорится, узнали друг друга поближе. Она очаровательная женщина, потрясающе обаятельная. Впрочем, она понимает, почему остальные члены вашей семьи считают ее паршивой овцой.

Хорошо еще, что понимает, подумала я. Большинство подробностей о жизни Зои были широко известны благодаря постоянно обсуждаемым автобиографическим книгам, которые она уже успела опубликовать. К примеру, ее легендарное призвание как одной из самых знаменитых танцовщиц Европы, наряду с ее добрыми друзьями Айседорой Дункан, Жозефиной Бейкер и Вацлавом Нижинским. Или не менее легендарное второе призвание как одной из самых знаменитых дам полусвета в Европе, наряду с такими образцами для подражания, как Лола Монтез, Коко Шанель и героиня романа «Дама с камелиями». И так далее, и тому подобное.

Но до сегодняшнего завтрака с Вольфгангом я ни разу не слышала о некоторых других деталях, к

примеру о том, что во время Второй мировой войны моя пользующаяся дурной славой тетушка Зоя была членом французского Сопротивления, не говоря уже о ее деятельности в качестве информатора Бюро стратегических служб — первой в Америке международной шпионской организации.

Мне стало любопытно, что из сказанного может оказаться правдой. Хотя для нашей ветви родового дерева подобные стремления и поступки были бы вполне органичны, я сильно сомневалась в том, что организация типа БСС, действующая в условиях строжайшей секретности и занимающаяся шифровкой и дешифровкой шпионских донесений, стала бы иметь дело с такой экзальтированной и легкомысленной особой, к тому же такой первоклассной болтуньей, как тетя Зоя. Но если задуматься, подобная репутация могла служить великолепным прикрытием, чему был превосходный пример — ее мудрая предшественница, также танцовщица, Мата Хари.

Допустим, если верны последние сведения о Зое, то сейчас, в восемьдесят три года, она живет в свое удовольствие в Париже, купаясь в шампанском и ведя свою обычную непристойную и скандальную жизнь. Меня заинтриговало, как же ей удалось подцепить такого типа, как Вольфганг Хаузер, чиновника высшего ранга из венского МАГАТЭ.

Вольфганг объяснил мне, что в прошлом марте, год назад, на пятидесятой ежегодной международной встрече «стражей мира» в Вене, он пополнил ряды поклонников Зои, познакомившись с ней во время веселого застолья в местном винном погребе, одном из тех традиционных австрийских ресторанчиков, где пьют виноградные вина свежесобранного урожая. По словам Вольфганга, после нескольких галлонов молодого вина Зоя уже доверяла ему достаточно, чтобы рассказать об этом руническом манускрипте. А потом она попросила его о помощи.

Вольфганг сказал, что Зоя раздобыла этот манускрипт, копия которого теперь имеется у меня, несколько десятков лет назад. Не вдаваясь в подробности его приобретения, она пояснила, что эти раритеты появились во времена Вагнера (Рихарда), когда в конце прошлого века в Германии и Австрии вспыхнул интерес к возрождению корней их якобы высшей тевтонской культуры. Создавались целые общества, представители которых сновали по всей Европе, записывая и расшифровывая надписи с древних каменных памятников.

Зоя считала, что ее документы являются редкими и ценными и что они могут иметь какую-то связь с рукописями, унаследованными Сэмом от Эрнеста, брата Зои, избегавшего семейных отношений. Возможно даже, сказала она Вольфгангу, что имевшаяся у Сэма рукопись тоже представляет собой рунический текст, который поможет понять и расшифровать ее собственный. Но после смерти Эрнеста все попытки Зои связаться и поговорить с Сэмом оказались безуспешными.

Зная статус Вольфганга в международной ядерной сфере, Зоя надеялась, что он сумеет через меня связаться с Сэмом и обсудить все вопросы без привлечения других членов семьи, хотя Вольфганг так и не понял, почему она сделала его, совершенно незнакомого человека, своим доверенным лицом.

Учитывая тетушкину репутацию, причины этого показались мне вполне ясными. Конечно, восемьдесят три — почтенный возраст, но ведь Зоя не страдала слепотой. Развлекавшие ее мужчины не всегда обладали сказочным богатством, но неизменно отличались впечатляющей красотой, а герр Вольфганг Хаузер был поистине великолепен. Если бы я на самом деле не держала в руках этот пресловутый манускрипт, то заподозрила бы, что выжившая из ума старая кокетка заварила всю эту кашу только для того, чтобы добавить Вольфганга в качестве последней безделушки к своей и без того перегруженной драгоценностями короне.

Согласившись в принципе помочь Зое, не поддерживавшей родственных отношений, связаться с нашей семьей, чтобы найти нас с Сэмом и склонить к участию в этом плане, Вольфганг начал действовать только после того, как нашел законную причину для поездки в Айдахо. Он не знал, что ко времени его прибытия Сэма уже не будет в живых, как не знал и того, соглашусь ли я иметь дело еще с одной представительницей той ветви нашей семьи, общения с которой я обычно всячески избегала.

Бессмысленно было объяснять Вольфгангу, что если бы подобный манускрипт даже на короткое время оказался в руках Сэма, то он был бы уже расшифрован. Единственной непокоренной шифровальной системой нашего века оставалась та, что изобрели индейцы племени навахо во время Второй мировой войны. Культурные традиции коренного населения Америки порождают склонность к подобным вещам, и я знала, что криптография была необходима Сэму как воздух.

Однако то, что Сэм все еще продолжал активно дышать земным воздухом, известно было на всей планете только мне одной, о чем я неустанно напоминала себе. И теперь, чтобы выпутаться из этого узла, который затягивался вокруг меня, нужно было как можно скорее установить с ним связь.

Оставшаяся часть недели прошла разочаровывающе тихо. Не то чтобы я надеялась, что гонки с преследованиями или очередная лавина помогут мне избавиться от скуки. Просто никакого пакета я так и не получила. И с Сэмом мне тоже не удалось связаться.

Я заглянула в ковбойский салун и как можно небрежнее поинтересовалась телефонными звонками. Бармен сообщил мне, что вроде бы пару раз на этой неделе звонил телефон, висящий на стенке в зале. Но никто не взял трубку, только и всего.

Ежедневно я проверяла свою компьютерную почту, но там тоже все было пусто.

Несколько дней, пока Вольфганг не вернулся из командировки и моя рука была еще недееспособна, нам с Оливером пришлось согласовывать наши передвижения по городу. Поэтому в каком-то смысле я даже порадовалась, что таинственный пакет еще не объявился, сознавая, что не могу пока самостоятельно забрать его. Тем временем я спрятала рунический манускрипт в таком месте, где никому его не найти, — прямо под носом у десяти тысячного коллектива государственных служащих Соединенных Штатов: в Нормативах Министерства обороны.

Нормативы Министерства обороны представляли собой руководство по всем отраслям исследования и развития федерального управления, тридцать пять объемистых томов с правилами и инструкциями, которые необходимо было учитывать при осуществлении любых творческих проектов, начиная от модернизации компьютерного обеспечения и кончая изобретением нового ядерного реактора на легкой воде. Выпуск и модернизация такого незаменимого документа стоили налогоплательщикам целого состояния. В нашем центре было много нормативных комплектов. Один из них хранился в шестифутовом книжном шкафу, стоявшем прямо за стеной нашего офиса. За все пять лет, что я работала здесь, мне ни разу не приходилось видеть, чтобы кто-то, прогуливаясь по коридору, хотя бы мельком глянул в ту сторону, не говоря уже о попытках использования приведенных там нормативов в какой-то разработке. Грубо говоря, этими оборонными нормативами вполне можно было бы обклеить стены отхожих мест, но и тогда вряд ли кто-нибудь обратил бы на них внимание.

Насколько мне известно, я была единственной, кто действительно попытался прочитать их, и мне хватило одного раза на всю оставшуюся жизнь. То, что я увидела, оказалось еще менее вразумительным, чем исправленный Закон о внутреннем налогообложении. Я была уверена, что

никто и никогда не найдет там спрятанный мной рунический манускрипт.

И вот в пятницу, впервые сама доехав до центра, я решила задержаться на работе и добраться до дома самостоятельно. Оливер даже не удивился. Завтра на рассвете мы отправлялись в Солнечную долину, поэтому сегодня нужно было закончить все запланированные на неделю дела. Как только он ушел собирать свои вещи и готовиться к поездке, я начала вытаскивать с ближайших полок тома комплекта нормативов и развязывать веревочки. Примерно через сорок или пятьдесят страниц каждого тома я вставляла по странице манускрипта, зарядив им практически весь комплект.

Часам к десяти вечера мне удалось справиться с этой задачей. Перетаскивание тяжелых папок — дело нелегкое, и я порадовалась, что моя «зарядка» не повредила больной руке. Опустившись в свое рабочее кресло, чтобы передохнуть и собраться с мыслями, я случайно задела рукой коврик мышки на столе. Кружившиеся тестовые шаблоны исчезли, и в полутемной комнате на экране монитора появилась новая заставка.

Я удивленно уставилась на нее. Какой-то неизвестный символ, похожий на здоровенную звезду, занимал половину экрана.

Под символом красовался жирный знак вопроса.

Как эта заставка попала на экран моего компьютера? Никто здесь, в офисе, не мог сделать этого: я весь день просидела за столом.

Я воспользовалась электронным помощником, чтобы выяснить источник нового символа. Помощник выдал мне новое сообщение, которое я лично не вводила: оно заключалось в том, что мне следует проверить почту.

Свой почтовый ящик я сама полностью очистила всего пару часов назад. Тем не менее в нем оказался один новый документ. Я попыталась открыть его.

На экране построчно начала появляться информация, словно скрытая в мониторе рука выводила буквенную таблицу. В немом изумлении я смотрела на таинственно возникающие передо мной буквы. И разумеется, еще до конца вывода я поняла, кто прислал мне весточку. Это мог быть только Сэм.

Заправив бумагу в лазерный принтер, я распечатала на всякий случай несколько экземпляров нового послания и приступила к его изучению.

Хотя я знала, что согласно первому правилу безопасности нужно как можно быстрее удалить из компьютера полученную шифровку, я также знала Сэма. Если бы Сэм захотел сразу уничтожить свое послание, то запрограммировал бы саморазрушение документа после вывода на печать. То, что таблица все еще маячила на экране, означало, что в ней содержится еще какая-то важная информация, не связанная с простым буквенным набором. Фактически одну подсказку я, возможно, уже получила — звезду.

Я вытащила из ящика стола три дешевые прозрачные шариковые ручки, скрепила их в центре резиновым колечком и развернула веером, получив нечто вроде снежинки или моей экранной звездочки. Проводя этой звездой по распечатанной таблице, я выписала буквы, попадающие на эти три оси, выясняя, не составится ли из них какой-то связный текст. Идея оказалась неудачной, хотя я ни на что особенно и не рассчитывала. Это был слишком простой ключ и, следовательно, слишком опасный для того, чтобы Сэм оставлял его на моем компьютере.

Откинувшись на спинку кресла, я всмотрелась в таблицу издали. При расшифровке неизвестного

кода вы получаете огромное преимущество, если исходный шифровальщик стремится связаться именно с вами. А если этот самый шифровальщик с детства приобщал вас к своему искусству, как меня Сэм, то разгадать шифровку будет еще легче.

К примеру, мне сразу же стало кое-что ясно относительно этого закодированного послания: Сэм никогда не послал бы его или любое другое сообщение по компьютерной почте, которую считал весьма ненадежной, если бы такое сообщение не было очень важным, или очень срочным, или и тем и другим. Поскольку он знал, что завтра я уезжаю в Солнечную долину, следовательно, закодированные здесь сведения мне обязательно надо узнать до отъезда. И даже при этом он выжидал целую неделю и отправил сообщение лишь в самом конце последнего рабочего дня, в пятницу. Очевидно, ему не удалось придумать другого способа связи, и он был вынужден воспользоваться таким небезопасным, с его точки зрения, способом. Все это подсказало мне две важные особенности в характере использованной им шифровки.

Во-первых, полагая, что его сообщение может попасться на глаза любителям совать нос не в свои дела, он зашифровал его многоуровневым способом, нагружая каждый уровень ложными отвлекающими маневрами, которые потребуют много времени и труда от любого, кто попытается расшифровать их.

Во-вторых, поскольку срочная необходимость вынуждала Сэма идти на риск, он составил код, достаточно простой для того, чтобы я смогла быстро и точно расшифровать его самостоятельно. Сочетание этих двух важных элементов подсказало мне, что ключ к шифровке должен быть чем-то таким, что только я смогу увидеть и понять.

Используя линейку в качестве направляющей, я тщательно исследовала таблицу. Первая зацепка обнаружилась сразу. Два, и только два, символа в этой таблице не являлись буквами алфавита: два амперсанда (знак &) в шестой и шестнадцатой строках, считая сверху. Поскольку амперсанд символически изображает союз «и», то, возможно, это были связующие звенья между частями исходного сообщения. Хотя об этом мог бы догадаться любой, я была почти уверена, что именно вокруг них следует искать начала и концы слов — как обманных, так и правильных. И у меня вдруг появилась интуитивная уверенность, что я смогу найти ключ, просто разглядывая таблицу, — она сама подскажет мне, в какую сторону следует свернуть с очевидного пути.

Я не разочаровалась в своей догадке. Амперсанд в шестнадцатой строке соединял слова «Сцилла» и «Харибда» и привел меня к полному сообщению: «Ущелье Джэксона два часа Сцилла и Харибда». Это был явно ложный след, не только потому, что я сама придумала для скал такие названия — слова эти, в общем, достаточно известны, — а скорее потому, что Сэм отлично знал о моей встрече с дядей Лафом именно в Солнечной долине, а не в ущелье Джэксона. Но ложный это след или не ложный, он дал мне понять, что правильное сообщение подскажет мне, где мы с Сэмом сможем встретиться в эти выходные. Слава тебе господи.

По таблице было разбросано еще несколько сообщений. Одно из них начиналось со слова «Гранд» в четырнадцатой строке и назначало мне встречу на Гранд-Тарги у третьего подъемника в четыре дня в воскресенье.

Однако значительно вероятнее, что настоящее послание Сэм спрятал среди противоречивых сообщений, ответвлявшихся от второго амперсанда. И все они так или иначе должны быть связаны с реальными местами Солнечной долины.

Амперсанд в шестой строчке соединял два слова: «долина» и «день». Поднимаясь с юго-восточной стороны таблицы к северу, можно было прочесть: «Солнечная долина & день».[21] Далее начинались трудно прослеживаемые разветвления.

Одно из них, возможно, намекало на «полдень», но после этого я заплутала в буквенном лабиринте. Немного погодя я нашла около «долины» слово «десять» и, следуя по некой петле к началу фразы, прочла: «Десять утра номер тридцать семь». Черта с два Сэм стал бы так возиться, чтобы передать столь элементарное сообщение. Более хитрым пока было словечко «приют», которое я в итоге выискала возле этого амперсанда. Новое послание гуляло по всей таблице: «Приют ресторан в восемь вечера накинь желтый шарф». Можно подумать, что он способен узнать меня только по шарфику. Нелепость какая-то.

Кроме того, хотя мы могли встретиться в окрестностях Солнечной долины, где находились три городка, два горных хребта и обширные долины, покрытые редколесьем, я была уверена, что Сэм предпочел бы встречу на самой популярной у лыжников Лысой горе, потому что мы оба знали ее очень хорошо. Учитывая мою заштопанную руку и плачевное физическое состояние, я не слишком стремилась вновь встать на лыжи. Но, видимо, особого выбора у меня не будет.

Однако я чувствовала, что пока не нашла нужное мне послание. Возможно, куда-нибудь меня приведет слово «полдень», только непонятно, куда именно. Я выискала слово «иди», которое вроде бы могло быть частью какой-то длинной фразы, но мне не удавалось найти связь. Я вновь присмотрелась к таблице. Выделилось слово «на», рядом с которым стояло слово «по». У меня уже начали уставать глаза, хотя я старательно водила пальцем по этому буквенному лабиринту.

Наконец я обнаружила кое-что важное: «для нас свят». Это буквосочетание поворачивало на восток от слова «день», а потом спускалось к югу. «Для нас свят» — какой день для нас может быть святым? Пределом моих религиозных познаний являлся День всех святых. Мои детские посещения церкви ограничивались теми случаями, когда Джерси приглашали выступить во время богослужения, и сейчас я даже не могла толком сказать, что подразумевается под этим днем: то ли День всех душ, то ли масленица — но все равно ни один из этих праздников не выпадал на грядущее воскресенье. И хотя все лыжные склоны в Солнечной долине имели особые названия, не было среди них ни Хэллоуина, ни Марди-граса. Однако, как ни странно, главные склоны Лысой горы действительно были названы в честь праздничных событий: Рождественский, Пасхальный, Первомайский и Каникулярный. И вероятно, не случайно.

Прищурившись, я вновь уставилась на таблицу. Уже целый час я разгадывала этот хитроумный кроссворд, и моя подживающая рана отчаянно чесалась и зудела. Слова «для нас свят» вроде бы сочетались с несколькими найденными раньше словами, такими как «иди» и «на», но потом след вновь терялся. Черт побери, Сэм! При чем тут какой-то наш святой день и куда именно идти!

От четырех упомянутых мной «праздничных» склонов ответвлялось множество других, не таких высоких и сложных. Глубоко вздохнув, я закрыла слезящиеся от напряжения глаза и попыталась представить общую трехмерную картину этой горы. Например, если выйти с кресельного подъемника к верхней обзорной вышке, то можно увидеть три вышеупомянутых склона — все, кроме Первомайского; а если потом спуститься оттуда своим ходом, то сверху лыжный маршрут пройдет путь, сильно смахивающий на тот, по которому буквы в таблице складываются в слова! Точно, даже если вернуться в самое начало послания, к обнаруженным мной в таблице словам

«Солнечная долина», то — если память мне не изменяет — именно по такой трассе взбирается на гору и сам лыжный подъемник!

Я поняла, что нашла верный ход, и опять мысленно представила себе общий вид, открывающийся с горной вершины. От подъемника лыжня сначала резко идет вниз, а потом вновь поднимается, переваливая через небольшую горку, и далее сворачивает на большое кочковатое поле. Открыв глаза, я поискала слово «поле» рядом с тем местом, где в действительности находилось бы это поле, если считать буквенную таблицу своеобразной картой местности. Не сразу, конечно, но я нашла это слово — оно складывалось из букв, следующих друг за другом по кривой в соответствии с реальной лыжней, — и сразу за ним слова «с кочками». Мое сердце учащенно забилося.

Однако я расшифровала еще не все сообщение.

За «кочками» обнаружилось слово «спуск», и я знала, что за кочковатым полем действительно начинается пять разных лыжных маршрутов, но воспоминаний об их названиях у меня было не больше, чем о «святом дне», случайно обнаруженном мной в начале пути. Я могла вспомнить лишь примерные географические очертания, номера подъемников и их трассы, да еще таблички с уровнями сложности в начале каждого маршрута: зеленые, синие или черные, с кругом, квадратом или ромбом. Непонятно только, помогут ли мне такие сведения.

Я напредила себе, как хорошо Сэм знал меня. Сразу за словом «спуск» я увидела букву «ч» и, пройдя от нее по крючковой загогулине, получила два слова: «черный ромб». За кочковатым полем от очередного подъемника начинался спуск именно по маршруту с черным ромбом. Если я правильно поняла, то мне надо подняться на вершину следующего склона. Я проверила, какие слова можно найти по соседству. Вот что сложилось: «далее следуй такой тропой через», и еще одно, заворачивающее на север слово: «рощу». Поскольку «роща» заканчивалась в крайнем столбце таблицы, я предположила, что это конец послания. И значит, именно в роще мы должны встретиться с Сэмом в воскресный полдень.

Итак, теперь я четко видела путь, проложенный словами по буквенному лабиринту: я поднимусь на третьем подъемнике к обзорной вышке, прокачусь на лыжах по кочковатому полю и сверну на самый сложный маршрут с черным ромбом. Все было просто, за исключением крутизны этого спуска: мне не хотелось растянуться там с больной рукой. Эта лыжня, как я поняла, приведет меня на другой склон горы, подальше от туристов, на окраину курорта, где Сэм мог чувствовать себя в безопасности, оставляя для меня какие-то знаки на лесных тропинках и заменяя их в любой момент в случае необходимости.

Я очень гордилась, что мне удалось расшифровать эту своеобразную матрицу из 26 строк и 26 столбцов, хотя, конечно, именно Сэм был по-настоящему гениален, привязывая свою шифровку к географии местности, чтобы прочесть ее мог только тот, кому она знакома так же хорошо, как ему. Я собралась уже закрыть маячившую на экране матрицу, как вдруг вспомнила, что не разгадала еще одного, более глубокого уровня послания.

Я дважды щелкнула мышкой по звездочке, но ничего не произошло. Тогда я повторила ту же процедуру с первой буквой из Солнечной долины и в итоге щелкнула по последней букве в слове «рощу». Матрица сразу исчезла, и вместо нее появилось сообщение:

«Пой сон если морока нот».

И подписано: «Роб ле Окаесо».

Роб ле Окаесо являлось анаграммой Серого Облака — известного только мне тайного имени Сэма. В детстве, загадывая друг другу головоломки, мы придумали несколько подобных анаграмм с нашими именами. Так у Сэма появилось еще несколько имен: Лао Б. Соереко и О. С. Обелаокер. А это означало, что первая часть этой строчки тоже была некой анаграммой, содержавшей закодированное послание от Сэма, Похоже, мне предстоял долгий вечерок.

Но оказалось, что не такой уж долгий. Я весьма преуспела в загадочных анаграммах, на что Сэм, видимо, и рассчитывал.

Первые два слова в этой анаграмме — «пой сон» — могли означать, что речь в сообщении идет о нереальном певце. Учитывая, что Сэм был формально мертв, весьма возможно также, что он намекал на какие-то духовные песнопения.

Другие два слова — «морока нот», — возможно, указывали на то, чтобы я не заморачивалась с поисками реальных мелодий или песен, связанных с одаренностью всего нашего семейства музыкальными талантами. А еще слово «морока» вполне соответствовало роду моей деятельности и нынешней ситуации, когда я сидела за компьютером с совершенно замороченной головой.

Самым легким и быстрым способом расшифровки анаграмм является выделение всех одинаковых букв в группы и последующая проверка возможных новых слов из данного буквенного набора.

Например, в состоящем из девятнадцати букв послании Сэма «Пой сон если морока нот» выделялись следующие группы гласных и согласных: а — 1, е — 1, и — 1, о — 5, й — 1, к — 1, л — 1, м — 1, н — 2, п — 1, р — 1, с — 2, т — 1. Не так уж много фраз можно придумать из такого ограниченного набора. Чтобы упростить даже эту задачу, Сэм дал две подсказки в словах «пой сон» и «морока нот». Если все-таки имелось в виду пение, то, возможно, речь шла о необычном исполнении. А учитывая, что моя мать и бабушка были в свое время известными певицами, вполне могло быть, что Сэм намекал на какие-то особые ноты или речитативное исполнение.

Из набора имевшихся у меня букв сложились слова «песни» и «Соломона», которые, в общем-то, подходили под разряд духовных или нереальных песен. Из оставшихся букв мне быстро удалось сложить слово «открой». Следовательно, нужно было открыть библейскую книгу Песни Песней Соломона и поискать в ней дальнейшие указания.

Что ж, можно попробовать.

В верхнем ящике стола Оливера Священное Писание было представлено лишь Библией мормонов. Но слава богу, в нашей конторе хватало религиозных фанатиков, почитывающих Библию даже в обеденный перерыв, когда все подкрепляются принесенными из дома бутербродами. Наверняка они оставляют здесь свои Библии. Заглянув в соседние комнаты, я нашла один экземпляр и открыла на соответствующей странице.

Заглавие гласило: Книга Песни Песней Соломона.

От моего внимания не ускользнуло, что Сэм уже не первый раз обращается к помощи Соломона. Для начала он завязал соломонов узел на зеркале заднего вида моей машины, послав мне первую весточку после своего чудесного «возрождения». Осознав, что сегодня вечером мне не хватит никакого времени на поиск скрытых значений в этих восьми древних песнях, и поныне имевших множество восторженных почитателей, я погасила вспыхнувший на мгновение интерес, просто глянув на последний стих этой книги:

«Беги, возлюбленный мой; будь подобен серне или молодому оленю на горах бальзамических».

И я поняла, что должна, образно говоря, бежать в горы.

КАРУСЕЛЬ

Горе Ариилу, Ариилу... Но Я стесню Ариил, и будет плач и сетование...

Ибо гнев Господа на все народы, и ярость Его на

все воинство их. Он предал их заклятию, отдал их на заклятие.

Трудно сказать, что больше радует взор — круговерть битвы или веселой карусели, но совершенно очевидно, куда больше влечет зрителей.

Солнечный свет озарял сверкающие, подобно черным алмазам, островерхие вулканические кратеры этого своеобразного памятника лунной природы. Причудливыми потоками стекала когда-то лава по склонам на дно долины, и по одной из проложенных с ее помощью пустынных дорог быстро спускалась наша машина, направляясь в Солнечную долину.

Мы поехали на моей «хонде», поскольку машина Оливера еще не вернулась из ремонта, но зато я использовала его в качестве водителя. А Ясон сидел или, вернее, стоял, упершись передними лапами в приборную панель, и обозревал панорамный вид, строго проверяя курс следования. Моя рука уже вполне зажила, и я могла бы сама вести машину, поэтому Оливер удивился, когда я попросила его сесть за руль и проехать весь этот стопятидесятимильный путь, а сама спокойно уселась на заднем сиденье, почитывая Библию. Возможно, он подумал, что последние жизненные передрыжки склонили меня к поиску утешения в Священном Писании, но не его я искала в Песне Песней, лежавшей сейчас открытой на моих коленях, — вряд ли подобная история могла принести реальное утешение.

Мне вдруг показалось странным, что Сэм решил спрятать свое послание именно в Библии. Мы с ним никогда особо не интересовались религиозными вопросами, а конкретно эта книга Библии, которую я, честно говоря, до сих пор никогда не читала, казалась такой же эротичной, как дешевый любовный роман. Я бы отнесла пылкое и страстное описание любовной истории царя Соломона и Суламиты, красотишки с виноградника, к категории книг типа Камасутры. В главе седьмой, к примеру, он даже пьет вино из ее пупка. Говорю вам, он настоящий извращенец!

Трудно представить, как такие стихи читались вслух с церковной кафедры, особенно если сохранять библейскую последовательность, ведь перед песнями Соломона Екклесиаст сообщает о суете сует, а после них пророк Исайя грозит грешникам всепожирающим огнем и потоками серы. Обе эти книги я тоже просмотрела на всякий случай, надеясь, что они подскажут мне, где именно искать очередное сообщение Сэма. Но без всякой пользы.

Когда мы доехали до Солнечной долины, Оливер выгрузил наши сумки и лыжи, и мы зарегистрировались и получили ключи от номеров. Я отнесла Ясона в свой номер и позвонила Лафу, чтобы сообщить о нашем прибытии. На этой неделе я уже отправила на его имя сообщение в «Приют», извещая, что, возможно, привезу с собой на выходные пару приятелей. Лаф перезвонил мне, сказав, что будет ждать нашего приезда и приглашает нас на ланч. Но, судя по последним сведениям, поступившим от Вольфганга, ему пришлось задержаться в Неваде, поэтому сегодня нам предстояло позавтракать только вдвоем: дядя Лафкадио, Оливер и я... по крайней мере, так я предполагала. Оставив наши пожитки на верхнем этаже, соответственно в разных номерах, мы с Оливером направились в ресторанчик «Приюта» на встречу с дядей Лафом.

Зал ресторана выглядел весьма впечатляюще: внушительных размеров камин, покрытые дорогими панелями стены, высокие потолки с хрустальными люстрами, столы с чистейшими скатертями из

камчатного полотна, сервированные изысканным столовым серебром и дымящимися кофейниками, и отличный вид на снежную долину из огромных окон. Все здесь напоминало о периоде той спокойной изысканности между двумя мировыми войнами, когда сюда, в Солнечную долину, проложили железную дорогу для привлечения богатых и знаменитых в неизведанную и, следовательно, экзотическую девственную страну Скалистых гор штата Айдахо.

Метрдотель проводил нас с Оливером к заказанному для нашей компании круглому столу, удачно расположенному как раз перед самыми окнами. В центре стола пылала ваза с кроваво-красными розами, подчеркивая его превосходство над всеми прочими столами. Малочисленные посетители скромно поглядывали в нашу сторону. Едва мы успели устроиться на своих местах, как перед нами возникли наполненные минералкой бокалы и волшебным образом появилась корзинка с теплым свежим хлебом. Метрдотель извлек бутылку «Дом Периньон» из ледяного ведерка, стоявшего поблизости, и наполнил шампанским конические хрустальные фужеры с высокими раструбами. — Так меня здесь еще никогда не обслуживали, — сказал Оливер, когда мы остались одни. — Обычно здесь практикуют пренебрежительное обхождение, холодный прием с еще более холодной пищей.

— Ты имеешь в виду розы и мгновенное появление вина? — спросила я. — Это все происки дядюшки Лафкадио; он король помпезной роскоши и щегольства. И это пока всего лишь прелюдия аудиенции.

Именно тогда, с безупречной своевременностью, в распахнутых дверях дальнего конца зала появилась величавая фигура Лафа. Его антураж, помимо мгновенно подскочившего метрдотеля и нескольких официантов, дополнялся личным камердинером и неизвестной женщиной. Вступив в зал, он медленно — палец за пальцем — снял перчатки и лишь потом направился к нам; его коронный, ниспадающий волнами до самого пола плащ провожали внимательные взгляды всех посетителей. Дядя Лаф не боялся затеряться в толпе — такое вряд ли было возможно: он наслаждался неким фирменным признанием, усиленным тем, что его персона мелькала на обложках альбомов так же часто, как и портрет Ференца Листа.

Лаф прошествовал по залу, изящно взмахивая перед собой тростью с золотым набалдашником, словно распугивал со своего пути пернатую дичь. Я встала из-за стола, чтобы приветствовать его. Он раскрыл мне свои объятия, не обращая внимания на соскользнувший плащ, который ловко подхватил сзади, не позволив ему коснуться пола, Вольга Драгонов. Безупречный трансильванский камердинер Лафа эффектно крутанул плащ в воздухе и повесил себе на руку. Судя по тому, как мастерски была исполнена сия хореографическая миниатюра, я поняла, что ее тщательно отрепетировали.

Не обращая внимания на эту немую сцену, Лаф обнял меня.

— Гаврош! Как же я рад тебя видеть! — с сияющей улыбкой воскликнул он и слегка отстранился, чтобы лучше разглядеть меня.

Точно по команде, официанты выдвинули стулья и застыли, держась за их спинки, в ожидании, когда мы соизволим занять свои места. Это означало, что мы обязательно постоим какое-то время, поскольку Лаф терпеть не мог делать то, что от него ожидали, — это касалось в равной степени жестов и мимики, — особенно если в ожидании пребывал обслуживающий персонал. Резко откинув назад гриву доходящих до плеч белоснежных волос, он посмотрел на меня пронизательными голубыми глазами.

— Ты стала даже еще краше, чем когда-то была твоя матушка, — сообщил он мне.

— Спасибо, дядя Лаф. Ты тоже выглядишь потрясающе. Позволь познакомиться тебя с моим другом Оливером Максфилдом.

Оливер не успел вымолвить ни слова, как молодая женщина, сопровождавшая Лафа, отделилась от стоявшей за ним свиты. Словно предлагая помощь для перехода вброд бурного потока, Лаф согнул в локте руку, и его компаньонка, улыбаясь нам, мягко опустила на нее свою изящную и узкую руку, почти нарочито лишенную украшений или драгоценностей.

— Очень рад, — сказал Лаф. — Гаврош, познакомься с моей спутницей, Бэмби.

Бэмби?! Похоже, эта цыпочка являлась отдельным номером программы, как теперь успели заметить все в этом зале.

Мне невольно пришлось отдать должное дядюшке Лафу. Это была не та привычно экзотическая кобылка с суперобложек, которыми Лаф пополнял конюшни своих фанаток с тех пор, как умерла Пандора, великая любовь его жизни. *Au contraire*,^[22] эта благовоспитанная и породистая особа принадлежала к редкой категории поразительно красивых женщин. В лице ее удивительным образом сочетались скульптурная лепка черт и чувственность: полные губы, высокие скулы и томные глаза в обрамлении длинных белокурых волос. Молния облегающей велюровой блузки кремового цвета была расстегнута ровно настолько, чтобы выгодно намекнуть на оставшиеся скрытыми достоинства, которые выглядели поистине великолепно. Но не только ее чувственная красота погрузила зал в благоговейное молчание. Эта молодая женщина обладала еще более редким даром. От нее исходило некое мерцающее сияние, словно все ее существо было соткано из живого, воздушного золота. Во время движения ее волосы струились и блестели, словно водопад, кожа румянилась, как сочный спелый плод, а в глубине широко поставленных глаз цвета морской волны поблескивали золотые искорки. Наверное, именно из-за такой красоты отправились в поход бесчисленные греческие корабли и рухнули башни легендарного Илиона.

Да, тут было чему позавидовать, но... наверняка с ней было что-нибудь не так. Тут она открыла рот и заговорила.

— Griiss Gott, Fraulein^[23] Бен, — сказала она и продолжила с заметным акцентом: — Ваш Onkel^[24] так много говорил мне о вас. Знакомство с вами было мечтой всей моей жизни.

Я мысленно хмыкнула по поводу мечты всей ее жизни. Странная система ценностей! И несмотря на то, что она приветствовала меня на классическом немецком языке, в ее манере общения сквозила праздная хрупкость, мягко выражаясь, не слишком умного ребенка. Она протянула мне вялые, как тряпочка, пальчики; ее глаза, только что казавшиеся непостижимо глубокими, теперь выглядели непроницаемо тусклыми. Я мельком глянула на Оливера, который пожал плечами и как-то грустно усмехнулся мне в ответ. В верхнем этаже у нее явно чего-то не хватало.

— Я надеюсь, вы полюбите друг друга, как сестры, — сказал Лаф, приобняв Бэмби за плечи.

Лаф повернулся к столу с услужливо выжидающими официантами, изъявив наконец желание занять свое место, что послужило и нам всем сигналом к аналогичным действиям. Трансильванский камердинер Вольга Драгонов (он предугадывал любые прихоти Лафа, словно был соединен с ним лобными долями мозга) нашел себе стул в дальнем конце зала и сел там, аккуратно сложив плащ Лафа на коленях. Я ни разу не видела, чтобы Вольга сидел за столом вместе с моим дядей или с кем-либо из наших родственников, даже когда мы прозябали пару дней в Тироли под каким-то навесом,

где нечего было есть, кроме скудных дорожных полуфабрикатов. Улыбнувшись, я послала Вольге выразительный дружелюбный взгляд, и он кивнул мне в ответ, но не улыбнулся. Вольга никогда не улыбался.

— Бэмби на редкость талантливая виолончелистка, — сообщил Лаф Оливеру.

Этим он привлек и мое внимание. Я понимала, что это значит.

— Всем известно, — продолжил он, — что проворные, сильные пальцы и гибкое запястье являются признаками любого великого музыканта, играющего на смычковых инструментах. Но лишь немногие понимают, что когда дело касается виолончели...

— То самое главное — это как музыкант сжимает ее своими бедрами, — закончила я.

Оливер, поперхнувшись, глянул на меня и потянулся за водой.

— Именно так, дорогая, — согласился Лаф, когда метрдотель подошел к нему с меню. — Само тело исполнителя должно полностью сливаться с инструментом в порыве горячей, всеобъемлющей музыкальной страсти.

— Понятно, — умудрился выдать Оливер.

Его изумленный взгляд был прикован к божественному телу Бэмби.

— Я хочу попробовать вашу oeufs Sardou,[25] — обратился дядя Лаф к метрдотелю. — Но с беарнским соусом и обильно политую лимонным соком.

Оливер наклонился ко мне и прошептал:

— У меня сейчас начнется крапивница!

— Гаврош, возможно, после ланча вам, молодым, захочется покататься на лыжах? — спросил дядя Лаф, заказав блюда для Бэмби, словно она была ребенком.

Я отрицательно покачала головой и показала на перевязанную руку.

— Ну, тогда мы с тобой приватно поболтаем, а Бэмби с Оливером отправятся на лыжную прогулку. Но сейчас, во время нашей милой трапезы, я хотел бы рассказать одну историю. На мой взгляд, она будет интересна всем.

— Семейную историю? — уточнила я с предостерегающей ноткой в голосе.

Разве не сам дядюшка Лаф говорил мне по телефону, что то, что он собирается мне сказать, требует конфиденциальности?

— В сущности, не совсем семейную, — с улыбкой сказал дядя Лаф, погладив меня по руке. — На самом деле это моя личная история, и такую историю, я уверен, ты еще не слышала, поскольку твой отец знает о ней не больше, чем мой сводный брат Эрнест. Не знает ее и Бэмби, хотя она и полагает, что ей известны все мои личные секреты и тайны, не отраженные в общественной светской жизни. Это казалось очередной странностью красоти Бэмби, чьи вялые манеры предполагали почти полную неспособность проявления какого-либо интереса.

— Несмотря на мою долгую и насыщенную жизнь, Гаврош, — продолжил Лаф, — в моей памяти бережно хранятся любимые образы, вкусы и запахи. Я убежден, что именно запахи способны воскресить наши самые ранние воспоминания, но это мы обсудим как-нибудь в другой раз. Однако самые сильные воспоминания ассоциируются либо с величайшей красотой, либо с величайшей горечью. День, когда я впервые увидел Пандору, твою бабушку, сочетал в себе оба эти понятия. Прибывшие вереницей официанты расставили блюда и одновременно эффектно открыли крышки. Лаф улыбнулся мне и продолжил:

— Но чтобы понять истоки, я должен рассказать сначала о горечи, а потом о красоте. Я родился, Гаврош, в конце тысяча девятисотого года на западном побережье Южной Африки, в провинции Натал, что означает в переводе «день рождения». Так назвал ее четыре века назад Васко да Гама, который открыл эту неизвестную землю в день Рождества Христова. Астрологические прогнозы для дня моего рождения были экстраординарными: пять планет одновременно сошлось в доме Sagittarius, то есть Стрельца. Наиболее важной из них был Уран, носитель нового миропорядка, предвещающий скорое начало новой эпохи Aquarius, или Водолея. Хотя, возможно, грядущие времена стоило бы назвать эпохой нового миробеспорядка, ведь древнейшие пророчества гласили, что эпоха Водолея начнется со страшных разрушений старого мира: все будет разрушено и смыто в море некой громадной приливной волной. Для моей семьи там, в Натале, такое крушение уже началось: я родился в самый разгар Бурской войны, события, ознаменовавшего начало века смертоносным оружейным салютом и кровавыми сражениями. В течение двух лет после моего появления на свет продолжалась эта жестокая война между более поздними английскими поселенцами и потомками первых голландских иммигрантов, которые называли себя бурами. Слово «бур» произошло от немецкого Bauer, то есть «крестьянин, фермер», но мы, англичане, переименовав слово на свой лад, стали называть их просто бурами, имея в виду сельских мужланов...

— Мы, англичане, дядя Лаф? — удивленно прервала я его. — Но я считала, что наши предки были африканерами.

— Возможно, мой приемный отец, а твой дед Иероним Бен имел право называться потомком буров, — хмуро улыбнувшись, согласился Лаф. — Но мой родной отец был англичанином, а мать голландкой. Мое смешанное происхождение и рождение в охваченной войной стране во многом объясняет, какие резко неприязненные чувства я испытывал к этим чертовым бурам. Та война стала запальным фитилем в цепи событий, которые вскоре уничтожили мирную жизнь и толкнули нашу семью в самый центр первозданного хаоса. При одной лишь мысли о тех временах я невольно испытываю жуткую злость, во мне живет неизбывная, жгучая и бездонная ненависть к тем людям. Святое дерьмо. Неизбывная, жгучая и бездонная ненависть? До сих пор, как и все остальные, я считала Лафа блестящим скрипачом, но своего рода социальным дилетантом, которого даже во времена самых ужасных мировых потрясений интересовала лишь трактовка музыкальных произведений, а уж если и волновало что-то в общественной жизни, то исключительно вопросы джентльменского характера. Однако сейчас его яростный тон заставил меня пересмотреть былое мнение.

Оливер и Бэмби, как я заметила, тоже смотрели на него во все глаза, едва притронувшись к еде. Лаф взял со своей тарелки завернутый в салфетку лимон и, прокрутив в нем вилку, щедро сдобрил его соком беарнский соус. Его взгляд при этом был сосредоточен на снежинках, кружение которых подчеркивало красоту пейзажа за нашими окнами.

— Трудно понять глубину и горечь таких чувств, Гаврош, — сказал Лаф, — если не знать историю моей своеобразной родины. Я говорю «своеобразной», поскольку она начиналась не как обычная страна, но как некое коммерческое предприятие. С семнадцатого века голландская Ост-Индская компания использовала мыс Доброй Надежды в качестве базы для пополнения продовольствия на долгом пути на Восток. И с самого начала эта компания жила отдельным, совершенно обособленным мирком на таинственном, почти неизведанном Африканском континенте. Возникшая колония

окружила свои владения непроходимыми зарослями горького миндаля, который, собственно, и стал главным символом буров в их стремлении обособиться от всего остального мира...

Уже сотни лет прошли с тех пор, как голландская Ост-Индская компания впервые высадилась на мысе Доброй Надежды, основав на побережье свои колонии, и многие буры постепенно увлеклись скотоводством, разводили овец, коров и быков, что позволяло им вести более подвижную жизнь, чем привязанным к земле фермерам. Если их раздражали алчные и тиранические притязания компании, то они могли просто сняться с места и отправиться в путь на поиски новых сочных пастбищ. Так они вскоре и предпочли поступить, и их не волновало, если новые земли уже были кем-то заняты. Не имели они также и намерения делиться.

Меньше чем за столетие эти бурские переселенцы завоевали много земель, прежде населенных готтентотами, поработили их вместе с их детьми и почти истребили коренное население, охотясь на них, как на диких зверей. Обосновавшись в этих краях, буры объявили себя высшей расой, избранной божественным провидением, и стали традиционно обносить свои поселения непроходимыми колючими зарослями из деревьев горького миндаля — первый явный символ апартеида, — что позволяло предотвратить вторжение аборигенов на огороженные территории и их смешение с бурами.

Их история могла бы иметь свое продолжение. Но в 1795 году мыс Доброй Надежды захватили британцы. По просьбе бежавшего в Англию принца Оранского (Нидерланды, в общем-то, сами сдались на милость французского революционного правительства) британцы купили эту африканскую колонию у голландцев за шесть миллионов фунтов. В данном случае никто не посоветовался с местными жителями из бурских колоний; в те времена это было едва ли не обычным делом. Но это вызвало сильное недовольство буров, поскольку резко изменило прежний уклад жизни, ведь теперь их не считали самостоятельной колонией со своими законами и порядками. Вдобавок ко всему из Британии начали прибывать новые колонисты: целые семьи английских переселенцев с женами и детьми и миссионеры, стремившиеся оказать помощь аборигенам. Эти миссионеры быстро осознали ситуацию и доложили в Англию, как плохо обходятся здесь с местными племенами. Не прошло и сорока лет правления британцев, когда в декабре 1834 года в самой Британской империи отменили рабство и все рабы стали свободными, в том числе и те, как выяснилось, которые принадлежали бурам. Такого буры уже не могли стерпеть. И началось Великое переселение.

Спасаясь от британского правления, тысячи буров вместе с семьями и всем хозяйством переправились через реку Оранжевая, прошли Натал и обосновались в девственных землях Трансвааля, захватив территорию Бечуаналенда и подавив зулусов. Эти воинственные переселенцы жили в укрепленных лагерях и постоянно балансировали на грани анархии, хотя по-прежнему считали себя избранниками Господа.

Вера буров в их расовое превосходство стала некой концептуальной искрой, из которой раздулось яростное пламя благодаря проискам сепаратистской реформаторской — или «баптистской» — церкви и одного из ее самых ревностных приверженцев Паулуса Крюгера, ставшего позднее президентом Трансвааля и инициатором Бурской войны. Лидеры этого кальвинистского толка стремились обеспечить полную гегемонию буров над местным населением, дабы на веки вечные сохранить чистоту избранной белой расы.

Ради сохранения расовой чистоты церковники прошли по сиротским приютам Голландии, забрав оттуда девушек, не имевших никаких перспектив на будущее. В результате в колонию мыса Доброй Надежды начали прибывать корабли, полные в основном совсем юных девушек, невест для неизвестных буров, обитавших в диких вельдах. И в конце зимы 1884 года вместе с ними прибыла юная сирота по имени Гермiona, ставшая моей матерью.

Моей матери едва исполнилось шестнадцать лет, когда ее вместе с другими девушками отправили на Африканский континент в качестве будущих жен для неведомых им мужчин. О происхождении Гермiony ничего не известно, вероятно, она была незаконнорожденной. Детство ее прошло в кальвинистском сиротском приюте Амстердама, и она частенько молила Бога об изменении ее судьбы, просила послать ей какое-нибудь приключение, мечтая освободиться от жестких ограничений бесцветного существования. Но ей даже в голову не приходило, что божественным откликом может стать океанское плавание, предвещающее своего рода новое рабство. А ее кальвинистское воспитание не объясняло толком, что именно сулит предстоящий брак. Ходившие между девушками слухи только усилили ее страх.

Когда девушки прибыли в порт Натал после штормовой болтанки, изголодавшиеся и измученные тревогой перед встречей с новым неведомым миром, их приветствовала пьяная толпа предназначенных им в мужья бурских фермеров, которым не хотелось ждать, пока церковные пресвитеры выберут подружку для каждого из них. Они заявили в порт, чтобы самолично выбрать себе подруг и растащить их по домам.

Гермиона и ее попутчицы, словно испуганные животные, жались друг к другу на палубе, в ужасе глядя на множество орущих рож, устремившихся к спущенным сходням. Священники на борту крикнули матросам поднять трап обратно, но общий гвалт заглушил их голоса. Гермiona закрыла глаза и стала молиться.

Потом началось настоящее светопреставление. Разбуянившиеся пьяные буры ворвались на палубу. Они хватали визжащих девушек и уносили их, бесцеремонно закинув на спину, точно мешки с мукой. У Гермiony вырвали прижимавшуюся к ней маленькую девочку, и та молча исчезла в ревушем кружении человеческой толпы. Сама Гермiona в отчаянии прижалась к борту, думая, что еще успеет совершить задуманное ею венчание с морскими водами, а не с одним из этих дурно пахнущих мужланов.

Но в этот момент сзади ее обхватили чьи-то руки, подняли в воздух и куда-то потащили. Она пыталась драться и кусаться, но невидимый противник лишь посильнее сжал ее и, выкрикивая ей на ухо богохульства, продолжал продираться через толпу. Словно в бреду, уже теряя сознание, она осознала, что ее тащат по причалу в сторону грязных портовых улочек. Потом что-то сбило с ног ее захватчика, и она упала на землю. Оказавшись на свободе, она пришла в себя и быстро вскочила на ноги, собираясь бежать — хотя понятия не имела, где можно найти спасение, — когда почувствовала очередное посягательство на ее свободу. Теперь ее уверенно держала жесткая сильная рука. И по какой-то причине вместо того, чтобы вырваться и убежать, она остановилась и взглянула на ее владельца.

От уголков его глаз, таких же голубых, как у нее, разошлись лучики морщинок, когда он вдруг глянул на нее со странной, не виданной ею прежде улыбкой — некой хозяйской, почти собственнической улыбкой. Он отвел с ее лица упавшую прядь волос с какой-то мягкой

интимностью, словно они были здесь одни, как будто знали друг друга уже много лет.

— Пойдем со мной, — сказал он.

Вот и все. Она пошла за ним без единого вопроса, изящно переступив через расprostертое на земле тело ее первого захватчика. Незнакомец посадил ее на стоявшую рядом лошадь и сел сзади, крепко прижав ее к себе.

— Меня зовут Кристиан Александр, лорд Стирлинг, — сказал он ей на ухо. — Как же давно я ждал тебя, моя дорогая.

Подарком судьбы для моей матери Гермiony оказалась ее редкостная красота. Белокурые пепельные волосы сослужили ей добрую службу во время первого появления на берегах Африки. Однако мой отец вовсе не обладал присвоенным им высоким титулом, хотя в те времена мало кто знал об этом, включая и мою мать.

Кристиан Александр был пятым сыном мелкого фермера из Хартфордшира, и наследовать ему было совершенно нечего. Но в юности он вместе со своим другом, сыном священника, поступил в оксфордский Ориэл-колледж. И поскольку для поправки здоровья этот друг ежегодно ездил в Африку, то мой отец воспользовался удобным случаем и, проявив неординарную прозорливость, последовал за ним. В итоге мой отец стал его главным доверенным лицом и деловым партнером. Имя этого друга детства было Сесил Джон Родес.

В молодости Сесил Родес серьезно болел, настолько серьезно, что во время своего второго путешествия в Африку полагал, что жить ему осталось не более полугода. Однако работа, а скорее даже, жизнь на свежем воздухе в теплом и сухом климате понемногу, из года в год, благотворно действовали на его состояние. Именно во время их самого первого путешествия, весной 1870 года, когда обоим юношам было по семнадцать лет, на ферме Де Бирс обнаружили алмазы. Позднее на Сесила Родеса снизошло некое озарение.

Если Паулус Крюгер верил в божественную избранность буров, то Сесил Родес пришел к вере в божественное предназначение англичан в Африке. Родес стремился объединить все алмазные месторождения под началом одной компании, британской компании. Хотел построить британскую железную дорогу «от мыса Доброй Надежды до Каира», проходящую через все британские колонии в Африке. Позднее, когда в Южной Африке обнаружили большие месторождения золотоносных руд, ему захотелось приобщить и их к владениям Британской империи. Между тем Родес занимал уже влиятельное положение, и мой отец — исключительно благодаря их дружбе — разбогател.

В 1884 году, когда шестнадцатилетнюю Гермiony привезли из Голландии, моему отцу было тридцать два года и он уже более десяти лет считался алмазным магнатом. Ко времени моего появления на свет, в декабре 1900 года, моей матери исполнилось тридцать два. А отец мой вскоре умер от раны, полученной на Бурской войне.

Все полагали, что война закончилась со снятием осад Мейфкинга, Ледисмита и Кимберли.

Трансвааль аннексировала Британия, а Паулус Крюгер бежал в Голландию буквально за пару месяцев до моего появления на свет. Много британцев тогда собрало свои пожитки и разъехалось по домам. Но партизаны сражались в горах еще более года; англичане сгоняли всех женщин и детей из мятежных бурских поселений в первые концентрационные лагеря. Мой отец умер от осложнения полученной при осаде Кимберли раны, а Родес скончался спустя два года, подорвав свое здоровье во время той же осады. Крюгеру же было суждено умереть в Голландии через пару лет. Так закончилась

целая эпоха.

Но любой конец влечет за собой некое начало. И это было начало эпохи терроризма и партизанской войны, концентрационных лагерей и геноцида — вот рассвет яркого нового века, за который мы должны благодарить в основном буров, хотя англичане быстро подхватили бурские идеи, изрядно обогатив их своими ужасными вкладами.

После смерти моего отца Сесил Родес завещал моей матери огромное состояние наличными и вдобавок к тому права на добычу полезных ископаемых в обмен на долю и права моего отца, основавшего алмазную концессию Де Бирс. От себя лично он добавил щедрую сумму на мое воспитание и образование в благодарность за то, что мой отец отдал жизнь, отстаивая интересы Британии в Южной Африке.

Завещав все это осиротевшей вдове Александра Гермione, мистер Родес не учел некоторых важных обстоятельств, а именно, что моя мать была не благовоспитанной и благоразумной англичанкой, какой должна быть леди Стирлинг, а бедной голландской сиротой, воспитанной в кальвинистском приюте. Что весь последующий жизненный опыт она почерпнула, живя на щедром содержании у безумно любящего ее мужа. Что ей было всего лишь тридцать два года и она, сохранив свою замечательную красоту, имела на иждивении лишь одного младенца (меня). Теперь она стала одной из самых богатых женщин в Африке, а возможно, и в мире, и это делало ее еще более привлекательной.

Мистер Родес не подумал об этих вещах, так же как и моя матушка, поскольку ее не особо заботили материальные или денежные дела. Но очень скоро нашлись добровольцы, изъявившие желание позаботиться за нее о таких делах. И проворнее всех оказался Иероним Бен.

В наши дни люди, знавшие Иеронима Бена как промышленного магната и жестокого пробивного дельца, не могут даже представить, что через год после моего рождения, в 1901-м, он вошел в жизнь моей матери в одежде бедного кальвинистского проповедника, посланного Церковью — тайно, поскольку еще не отгремела война, — дабы утешить ее в печали и вернуть на историческую родину и в лоно истинной веры.

Моя мать, по-видимому, вернулась в это лоно, едва поднявшись с колен после первой проповеди нового наставника. Но не в то надежно оберегающее лоно, предлагаемое любой церковью, а в жадные объятия Иеронима Бена. Спустя три месяца после их встречи, когда мне еще не исполнилось и полугода, они поженились.

Надо добавить, что помимо религии причина привлекательности Иеронима Бена для скорбящей вдовы была очевидна. Дагерротипные снимки того времени не могут дать верного представления о человеке, которого я знал в детстве. Частенько по таким дагерротипам я пытался возвысить достоинства моего покойного отца в сравнении с новым отчимом, но тщетно. Мой отец смотрел на меня из рамок светлыми ясными глазами, у него были шикарные усы и — все равно, был ли он в военной или в гражданской одежде, — вид романтического сумасброда. А Иероним Бен был, как говаривали в те дни, великолепным жеребцом; сегодня его называли бы половым гигантом. Подобного сорта мужчина смотрит на женщину так, словно уже раздевает ее руками. Я не сомневаюсь, что своими руками Иероним Бен пользовался очень ловко: весьма часто и умело залезая в чужие карманы, он накопил огромное богатство. Но мог ли я знать в то время, что именно наши карманы заложили основу его богатства?

После войны, когда мне исполнилось два года, мать родила моего брата Эрнеста. А еще через два года меня отправили в Kinderheim — детский пансионат — в Австрию, сказав, что вся наша семья вскоре переедет в эту страну. В шесть лет, когда меня перевели в зальцбургскую школу, я узнал, что у меня появилась младшая сестра по имени Зоя.

И только в двенадцать лет мне наконец сообщили, что я могу увидеться с моей семьей, прислав одновременно билет на поезд до Вены. Вот так, первый раз почти за восемь лет, я увидел мать. Тогда я не знал, что это будет и последний раз.

Перед встречей с матерью я узнал, что она умирает.

Я сидел на стуле с высокой спинкой, обитом жесткой кожей, напротив больших створчатых дверей в просторном продуваемом коридоре — и ждал. Слева от меня ждала парочка моих новых знакомых: мои сводные брат и сестра, Эрнест и Зоя. Сестрица Зоя постоянно вертелась на стуле, подергивая свои светлые кудряшки и пытаясь вытащить из них аккуратно завязанные ленты.

— Мапочка не хочет, чтобы я носила ленты! — пожаловалась Зоя. — Она очень больна, и они поцарапают ее щеку, когда я поцелую ее.

Этой маленькой, довольно своеобразной особе тогда едва ли исполнилось шесть лет от роду. Она походила скорее на прусского офицера, чем на девочку. Если серьезный Эрнест еще не избавился от дурацкого южно-африканского выговора, исправленного мною за восемь лет пребывания в австрийских пансионах, то эта мелкая егоза прекрасно говорила на классическом немецком и держалась с совершенно независимым видом, точно царь гуннов Аттила.

— Я уверен, что твоя няня, завязывая ленты, не хотела бы доставить госпоже беспокойство, — сказал я, надеясь, что мои слова подействуют успокаивающе и девочка перестанет вертеться.

Слово «госпожа» прозвучало как-то неуместно, но я вдруг осознал, что мне трудно назвать матерью женщину, которая, насколько я понял, лежала в постели за теми самыми дверями. Я не знал, какие испытаю чувства, увидев ее. В моей памяти сохранились о ней лишь самые смутные воспоминания.

Наш брат Эрнест был немногословен и спокойно сидел рядом с Зоей, сложив руки на коленях.

Грубая, рельефная сила его отца проявлялась в нем хрупкой и почти безупречной красотой, подчеркиваемой великолепным пепельным цветом волос нашей матери. Я подумал, что он просто красавчик, точно ангел с картины, — сравнение явно не лестное, по мнению такого грубого школяра, как я.

— Она умирает, ты знаешь, — сообщила мне Зоя, махнув маленькой ручкой в сторону непрístupных двойных дверей в дальнем конце коридора. — Может, сегодня мы увидим ее в самый последний раз, так уж можно было бы сделать все хорошо, чтобы она поцеловала меня на прощание.

— Умирает? — спросил я, слыша, как эхо разносит это слово по сумрачному коридору.

Какое-то гнетущее и тяжелое ощущение возникло у меня в груди. Возможно ли, чтобы моя мать умирала? Последний раз я видел ее такой молодой. И на всех фотографиях в моей прикроватной тумбочке в пансионе она очень красивая и очень молодая. Болеет — возможно. Но умирает? К этому я был совершенно не подготовлен.

— Это ужасно, — продолжила Зоя. — Прямо-таки отвратительно. У нее мозги не помещаются в голове. И не просто мозги: там, внутри ее головы, растет что-то страшное и гадкое. Им придется проделать дырочку в ее черепе, чтобы они там перестали тесниться и...

— Зоя, помолчи, — мягко сказал Эрнест и печально посмотрел на меня светло-серыми глазами в

обрамлении густых длинных ресниц.

Я был потрясен. Но у меня не осталось времени прийти в себя. Большие двери открылись, и к нам вышел Иероним Бен. Я увидел его лишь этим вечером, когда меня встретили с поезда. И с трудом узнал его с модными по тем временам пышными бакенбардами, хотя черты красивого и сурового лица оставались по-прежнему мужественными и строгими, без изнеженного самодовольства, характерного для многих представителей высшего австрийского общества. Казалось, он полностью владел ситуацией, оставаясь совершенно спокойным, несмотря на все те ужасы, которые, по описаниям Зои, поджидали нас за этими дверьми.

— Лафкадио, теперь ты можешь войти и поздороваться с матерью, — разрешил мне Иероним.

Попытавшись встать, я обнаружил, что у меня дрожат ноги, а к горлу подступил противный холодный комок и застыл там, точно глыба льда.

— Я тоже пойду, — заявила Зоя, схватив меня за руку. Она бодро вышагивала к дверям, взяв меня на буксир, когда мой приемный отец преградил нам путь. Слегка нахмутив брови, он, видимо, обдумывал, что сказать. Но тут встал Эрнест и тоже присоединился к нам.

— Нет, мы пойдем туда все вместе, все дети, — тихо сказал он. — Отец сочтет, что так будет лучше, поскольку это меньше всего утомит нашу мать.

— Конечно, — сказал Иероним после почти незаметной паузы и отступил в сторону, пропуская всю нашу детскую троицу в высокие филёнчатые двери.

Тогда в первый, но не в последний раз я стал свидетелем того, как спокойное самообладание Эрнеста восторжествовало над четким волевым намерением Иеронима Бена. Это не удавалось больше никому.

Несмотря на все богатства моего покойного отца и наши великолепные владения в Африке, а также на множество величественных особняков, виденных мною в Зальцбурге, я еще никогда в своей юной жизни не попадал в столь роскошную комнату, как та, что находилась за этими дверьми. Она вызывала благоговейный трепет, как интерьер собора: высоченные потолки, изысканные драпировки, картины, яркие, сочные цвета витражных светильников, нежные, текучие формы хрустальных ваз с цветами, мягкая роскошь и блеск по-домашнему уютной мебели в стиле Бидермейера.

Зоя говорила мне, пока мы ждали в коридоре, что первый этаж нашего дома уже оборудован новым источником электрической энергии, изобретенным, как я знал, лет десять назад самим Томасом Алвой Эдисоном прямо здесь, в Вене, для Шёнбруннского дворца. Но спальня моей матери освещалась мягким желтоватым сиянием газовых ламп и согревалась огнем, мерцающим за низким стеклянным экраном, установленным перед камином в дальнем конце комнаты.

Я надеюсь, что никогда больше не увижу ничего подобного тому, что увидел тогда. Моя мать лежала на огромной, скрытой под балдахином кровати, и бледность ее лица превосходила белизну украшенного кружевами покрывала. Она выглядела почти бестелесной. Высохшей оболочкой, готовой рассыпаться в прах и развеяться ветром. Капор, покрывающий ее голову, не мог скрыть того, что ее волосы обриты, но, слава богу, скрывал все остальное.

Мне не верилось, что передо мной моя мать. В моих детских воспоминаниях жила красивая женщина, которая пела мне перед сном восхитительным голосом. Когда она взглянула на меня сейчас полными слез голубыми глазами, мне захотелось зажмуриться и с ревом выбежать из

комнаты; мне не хотелось опять думать о своем потерянном детстве, о неисправимом и безутешном одиночестве, которое меня теперь ждет.

Подпирая обшитую темными панелями стену, мой отчим со скрещенными на груди руками стоял у двери и холодным застывшим взглядом смотрел в сторону кровати. У камина топталась стайка слуг, кто-то из них тихо всхлипывал, глядя, как мы, дети, проходим по комнате к кровати нашей матери. И вы не поверите, но мне тогда ужасно захотелось, чтобы она вдруг исчезла, каким-то чудом провалилась сквозь землю. Крошечная рука Зои ободряюще сжала мою руку, и, когда мы подошли к кровати, я услышал голос стоявшего рядом со мной Эрнеста.

— Мама, Лафкадио пришел, — сказал он. — Он хочет, чтобы ты его благословила.

Мать пошевелила губами, и Эрнест вновь помог, посадив Зою на кровать. Он налил в стакан воды и протянул его Зое, а та стала по капельке вливать воду между запекшимися губами нашей матери.

Мать что-то прошептала, и Зоя начала повторять вслух. Мне вдруг показалось ужасно неестественным, что последние слова умирающей женщины срываются с розовых уст шестилетнего ребенка.

— Лафкадио, — передала моя мать через малышку Зою, — я от всего сердца благословляю тебя. Я хочу, чтобы ты знал... Я испытываю огромные мучения оттого, что нам пришлось так надолго расстаться. Твой отчим считал... мы оба искренне верили, что так будет лучше всего... для твоего образования.

Даже шепот, слышный только Зое, стоил ей огромных усилий, и я искренне молился, чтобы она не тратила силы на дальнейшие объяснения. За годы моего изгнания я, естественно, часто представлял себе разные сцены воссоединения с матерью, но среди них не было ничего подобного: едва ли я мечтал о прощальных словах в окружении совершенно незнакомой мне семьи и плачущей прислуги. Это была какая-то дьявольщина. Я с трудом дожидался конца и в полнейшем смятении едва не пропустил самое важное:

— ... поэтому твой отчим великодушно предложил усыновить тебя, взяв на себя ответственность за твое воспитание и образование и признав тебя одним из его родных детей. И я молю вас, дети, чтобы вы любили друг друга, как родные. Сегодня я наконец подписала все документы. Теперь ты, Лафкадио Бен, стал законным братом Эрнеста и Зои.

Усыновить меня? Боже милостивый! Как же я смогу стать сыном едва знакомого мне человека? Неужели у меня нет права выбора? Неужели этот мерзкий авантюрист, хитростью пробравшийся в постель моей матери, будет теперь заниматься моим образованием, управлять моей жизнью и всем состоянием моей семьи? Объятый страхом, я вдруг осознал, что после смерти матери у меня вообще не останется родных. Меня охватила ярость, та дремучая отчаянная ярость, которую так глубоко способны чувствовать только дети, абсолютно бессильные перед судьбой.

Я уже готов был, рыдая, броситься прочь из комнаты, когда чья-то легкая рука легла на мое плечо. Оборачиваясь, я ожидал увидеть подошедшего сзади отчима. Но увидел совершенно удивительное создание, внимательно смотревшее на меня глубокими и ясными зелеными глазами с живым огоньком, сиявшим в их глубине, — глаза какого-то дикого, неприрученного животного. Ее лицо, обрамленное буйными темными волосами, напоминало те лица, что смотрят на нас с картин, изображающих мифических ундинов, женских духов воды, всплывающих из глубин волшебного морского царства. Она была совершенно очаровательна. И несмотря на мой юный возраст, я был

настолько готов быть очарованным ею, что из моей головы мгновенно улетучились все страхи, связанные с Иеронимом Беном, моим будущим, моим отчаянным положением и даже с моей умирающей матерью.

Она заговорила со странным акцентом, но звучание ее мелодичного голоса казалось переливчатым звоном незримых колокольчиков.

— Значит, вот каков наш маленький английский лорд Стирлинг? — Она улыбнулась мне. — Меня зовут Пандора, я подруга и наперсница твоей матушки.

Возможно, мне лишь показалось, что она особо подчеркнула слово «матушки»? Она выглядела недостаточно взрослой, чтобы быть ее наперсницей. Может, тут подразумевалось, что она оплачиваемая компаньонка? Хотя странно, она ведь также сказала и «подруга». Когда Иероним выступил вперед, намереваясь обратиться к ней, Пандора проскользнула мимо него, словно не заметив, и подошла прямо к кровати, где лежала моя мать. Подхватив с покрывала малышку Зою, как диванную подушку, она небрежно забросила ее на плечо. Зоя, повернув голову, глянула на меня сверху вниз таким глубокомысленным взглядом, словно мы с ней уже поделились каким-то важным секретом.

— Фрау Гермiona, — обратилась Пандора к моей матери, — если бы сейчас около вашей постели я вдруг превратилась в фею и сказала бы вам, что перед смертью могу исполнить три ваших желания, по одному для каждого из ваших детей, что именно вы хотели бы им пожелать?

Стоявшие у камина слуги начали перешептываться. Они, как и я, были явно шокированы тем, как бесцеремонно проигнорировала Пандора хозяина дома и с какой странной игривостью отнеслась к последним желаниям умирающей хозяйки.

Но гораздо больше меня удивили изменения, произошедшие с моей матерью. Ее смертельно бледные щеки вдруг окрасились легким румянцем. А когда она встретила с Пандорой глазами, то лицо ее озарилось блаженной улыбкой. Хотя я готов поклясться, что ни одна из них не произнесла ни слова, между ними, казалось, происходило какое-то безмолвное общение. Задумчиво помолчав, мать кивнула. И закрыла глаза, все еще улыбаясь.

Пандора с Зоей, болтавшейся на ее плече, как меховой воротник, обернулась к нам с Эрнестом.

— Как вы понимаете, дети, нельзя дразнить удачу, рассказывая во всеуслышание о заветных желаниях: ветер может развеять их. Поэтому желания вашей матушки я сообщу каждому из вас по секрету.

Вероятно, Пандора не только выглядела феей или чародейкой, но и действительно была ею. Она плавно опустила Зою на кровать и, потрепав ее по головке, потянула за накрахмаленные ленты, поддерживающие ее волосы.

— Бедняжка, тебя обвязали и приукрасили, как рождественского гуся, — сказала она Зое. Словно узнав откуда-то о нашем недавнем разговоре в коридоре, она освободила волосы Зои от жестких лент, нашептывая ей на ухо желание матери. Потом она сказала: — А теперь, Зоя, ты можешь поцеловать мамочку и поблагодарить ее за доброе пожелание.

Зоя проползла по кровати и сделала то, что ей предложили.

Потом Пандора подошла к Эрнесту, пошептала с ним, и прощальная церемония повторилась.

Я вдруг осознал, что с трудом могу предположить, какие пожелания могут ждать меня. Что хорошего могла пожелать мне моя мать, только что признавшаяся, что без моего ведома отдала меня в рабство

Иерониму Бену, который, не тратя времени, разрушит все мои надежды на будущее, как он делал это в прошлом и настоящем?

Может, у меня разыгралось воображение, но я почувствовал, как вдруг весь напрягся стоявший рядом со мной отчим, когда Пандора приблизилась к нам, шурша серебристым шелковым платьем. Впервые с тех пор, как она появилась в спальне, она не только заметила его, но и взглянула ему прямо в глаза каким-то непостижимым для меня взглядом.

Вновь положив руку мне на плечо, она так близко склонилась ко мне, что наши щеки соприкоснулись. От нее доносился приятный запах, и я вновь ощутил трепетное волнение. Но слова, произнесенные мне на ухо горячим шепотом, заставили меня похолодеть от страха.

— Постарайся не подавать виду, просто слушай внимательно, что я скажу, — напряженно прошептала она. — Из-за твоего присутствия здесь мы все в огромной опасности, и ты больше всех. Я не смогу ничего объяснить, пока мы не выберемся из этого дома, наполненного шпионами, ложью и страданиями. Я постараюсь устроить это завтра, понял?

Опасность? Какая опасность? Я ничего не понял, но кивнул головой, показывая, что не буду ничему удивляться. Пандора ободряюще сжала мое плечо, вернулась к кровати и, взяв мою мать за руку, обратилась к слугам:

— Фрау Бен счастлива, что все ее дети наконец собрались вместе. Но даже такое короткое посещение отняло у нее много сил. Теперь мы должны дать ей отдохнуть.

Прежде чем слуги продефилировали к выходу, Пандора громко обратилась к моему отчиму:

— Герр Бен, ваша жена также хотела бы, чтобы вы распорядились подготовить экипаж к завтрашнему утру, и тогда мы с детьми сможем прогуляться по Вене перед возвращением Лафкадио в школу.

Сверкнув глазами, отчим остановился около меня на полпути от кровати к дверям. Похоже, он пребывал в неких сомнениях, но потом все-таки слегка кивнул ей.

— С удовольствием, — сказал он, хотя удовольствия в его голосе уж точно не было.

Он развернулся и покинул комнату.

Утром, когда мы вышли из дома, шел снег, однако хмурое небо и ненастная погода ничуть не обескуражили Зою, возбужденную предстоящим таинственным приключением и особенно компанией вновь обретенного брата, которого она могла поучать и запугивать. С трудом дождавшись, пока слуги закончили одевать ее, она сразу потащила меня к конюшням, где у нас, детей, как оказалось, имелся собственный транспорт — экипаж, запряженный четверкой лошадей. Его уже подготовили по распоряжению моего отчима, лошади били копытами, и кучер сидел в ожидании на высоких козлах. За стойлами располагались кабриолеты, рессорные двуколки и блестящий семейный автомобиль.

Целую ночь я метался без сна, мучительно размышляя о таинственном сообщении Пандоры.

А утром, сидя в теплом закрытом экипаже, слушая, как лошади звонко цокают копытами по булыжным мостовым, и впервые знакомясь с красотами Вены, я заметил, что Эрнест несколько раз с подозрением оглядывался на слюдяное оконце, за которым маячила неподвижная спина кучера.

Поэтому я попридержал язык и ждал с нарастающим нервным возбуждением. Но как бы я ни старался, мне не удавалось представить реальную опасность, которая могла выпасть на долю двенадцатилетнего мальчика в той изысканной и благополучной атмосфере, что царила в семейном

мире Бенов.

Пандора прервала мои размышления.

— Ты когда-нибудь бывал в парке с аттракционами? — с улыбкой спросила она. — Мы едем в Volksprater — Пратер, народный парк, где прежде были заповедные охотничьи угодья императора Иосифа Второго, брата Марии Антуанетты и покровителя Моцарта. А сегодня там можно прекрасно отдохнуть на природе и покататься на карусели. Английские дети называют карусель веселым колесом, потому что она крутится вокруг своей оси. Вы сидите на лошадках, и когда карусель кружится, то они движутся вверх и вниз, поэтому кажется, будто вы скачете. На карусели в Пратере есть не только лошадки, но и много других животных, словно сбежавших из Tiergarten, из зоопарка. — Папа не разрешает нам ходить в Пратер, — заметила Зоя, явно огорченная этим печальным фактом.

— Он говорит, что там полно невоспитанных работяг, которые пьют пиво и едят сосиски, — пояснил Эрнест. — А когда я сказал, что вряд ли они пойдут туда гулять зимой в такую плохую погоду, отец сказал, что зимой Пратер закрыт и не работает даже гигантское колесо Ферриса.

— Как обычно, твой отец прав только наполовину. — Замечание Пандоры прозвучало довольно дерзко: редкая девушка ее возраста осмелится высказаться так о столь влиятельном человеке, как мой отчим, какими бы сложными ни были их взаимоотношения. — Возможно, парк и закрыт на зиму, но у меня там есть друзья, работающие в любую погоду.

Когда мы подъехали к парку, стало заметно холоднее. Все вокруг выглядело ужасно голым и пустынным, наглухо закрытым до весны. Шлагбаум в воротах не позволил нашему экипажу проехать внутрь, туда, где находились обещанные механические аттракционы. Зоя жутко расстроилась.

— Немного прогуляемся пешком, — утешила нас Пандора. — Лафкадио, ты перенесешь Зою на плечах через эти сугробы. А по парковым аллеям идти будет легче.

Кучер отогнал карету под специальный навес. Пандора приподняла свои длинные юбки, а я подсадил Зою себе на плечи, и мы по сугробам обошли все преграды, пробираясь к безмолвным белым галереям парка. Когда мы вышли на широкую, обрамленную подстриженными деревьями главную аллею, от которой ответвлялись расчищенные дорожки, я спустил Зою на землю.

— Теперь, Лафкадио, мы расскажем тебе то, что не могли рассказать вчера вечером, — сказал Эрнест. — Понимаешь, отец совсем не хотел, чтобы ты приезжал в Вену. Из-за этого были ужасные споры. И ты сейчас с нами только благодаря Пандоре.

Споры из-за меня? Я непонимающе глянул на Пандору.

— Много ли ты знаешь о своем отчime? — спросила она.

— Практически ничего. Почти восемь лет я не видел ни его, ни мою мать, — сказал я, стараясь подавить горькие чувства.

Меня тошнило от одной мысли о том, я стал теперь законным сыном Иеронима Бена, но мне неловко было говорить об этом с его родными детьми, идущими рядом со мной.

— Мы с Зоей тоже мало что знаем о нашем отце, — сообщил мне Эрнест, взбивая снег начищенным до блеска сапожком. — Он вечно разъезжает по каким-то собраниям или важным делам. Даже с матерью нам никогда не удавалось побыть наедине: мой гувернер, няня Зои или слуги постоянно крутятся вокруг нас, прямо как вчера вечером.

— Да, собственный дом был для вашей матери ненамного лучше, чем тюрьма, — признала Пандора. Увидев мое недоумение, она добавила: — Я не имею в виду, что ее заковали в цепи и не разрешали покидать спальню. Но с тех пор, как восемь лет назад семья переехала в Вену, ей никогда не давали побыть в одиночестве. Ее почта неизменно проверялась, и за ней следил целый штат слуг. У нее не было ни друзей, ни гостей, и она ни разу не выходила из дома без сопровождающих.

— Однако вы сказали, что вы ее подруга, — заметил я.

За эти годы я множество раз размышлял о своей судьбе, пытаюсь понять, почему мать бросила меня, и чувство заброшенности обострялось тем, что другие ее дети жили вместе с ней. Я верил — вернее, мне хотелось верить, — что во всем виноват мой отчим. Неужели он действительно был тем зловредным подлецом, каким я воображал его? Но Пандора уже начала свои откровения.

— Как ты знаешь, двенадцать лет назад твоя мать вышла замуж за Иеронима Бена, — сказала она. — Выгодно используя состояние твоего отца и месторождения, завещанные твоей матери, он создал для добычи полезных ископаемых международный промышленный консорциум с такими обширными связями, что им уже стало невозможно руководить из провинциальной Африки. Поэтому потребовался переезд в такую мировую столицу, как Вена. Твой отчим вскоре понял, что в Вене ему уже не удастся безнаказанно пользоваться имуществом богатой и красивой жены. Для получения доступа в высшее общество необходима была безупречная репутация. В процветающей католической Австрии про бедные корни голландских кальвинистов следовало сразу забыть, как и про неизвестных родителей и сиротское воспитание твоей матери. Кроме того, от женщины в положении Гермiony ожидали разносторонней образованности, а она пока не могла похвастаться знанием изящных искусств и музыкальным образованием. Но такая ситуация оказалась весьма кстати. При неизменной домашней слежке Гермione разрешили участвовать в выборе домашних репетиторов, на чьих уроках она впервые получила возможность хоть на короткое время избавиться от соглядатаев, полностью подчинявшихся приказам ее мужа. Именно так я и познакомилась с твоей матерью. До меня она успела пообщаться с множеством претендентов, но после нескольких минут собеседования обнаруживалось, что никто из них не отвечает одному тайному критерию.

— Тайному? — удивленно спросил я.

Пандора как-то странно посмотрела на меня и сказала:

— Видишь ли, твоя мать была убеждена, что ей нужен репетитор, приехавший из Зальцбурга.

— Из Зальцбурга! — воскликнул я, вдруг сообразив, в чем тут дело. — Моя мать хотела найти меня, а он не разрешал ей?

Пандора кивнула и продолжила:

— У меня был друг по имени Огастус, сокращенно Гастл, молодой альтист. Он учился в Венской консерватории и подрабатывал, давая частные уроки. Гастл родился в небольшом городке по соседству с Зальцбургом и знал, что моя семья жила там. Беседуя с учителями, твоя мать заводила разговор о Зальцбурге, и вскоре после того, как Гастл упомянул обо мне, я стала учителем музыки в семье Бена.

— А еще Пандора смогла найти тебя в Зальцбурге, —插入了 Зоя, — и тогда мама, Эрнест и я многое узнали о тебе.

— Но вы ни разу не навещали меня в Зальцбурге, — возразил я.

— Ты так думаешь? — приподняв брови, спросила Пандора.

Мы пришли в центр парка, туда, где множество дорог сходилась к гигантскому колесу Ферриса, о котором говорил Эрнест. Украшенное подвесными серебристыми креслицами, оно было таким огромным, что его верхний край исчезал в низких облаках. Я был уверен, что, поднявшись на нем в ясный день, можно увидеть всю Ringstrasse, кольцевую улицу, проходившую по Вене магическим кругом. А чуть дальше виднелась карусель: ее танцующие страусы, жирафы и олени казались экзотически неуместными в сумрачном пустынном мире снежных сугробов. В тишине эта карусель таинственно кружилась без всякой посторонней помощи, а ее зверинец словно специально поджидал нас.

Неподалеку на каменной скамейке спиной к нам сидел человек в бушлате и вязаной морской шапке. Похоже, поджидая нас, он начал поворачиваться в нашу сторону. Не останавливаясь, я схватил Пандору за руку.

— Но почему мой отчим так много лет держал меня вдали от матери? — воскликнул я. — Какая мать согласилась бы на такое? Пусть за ней постоянно следили, как вы говорите, но наверняка она могла бы тайно отправить мне хоть пару писем за все эти годы...

— Тише, — раздраженно оборвала меня Пандора. — Я же сказала тебе вчера вечером, что ты был в огромной опасности. Всем нам грозит опасность даже здесь, в этом уединенном месте, если нас кто-то услышит. Все это из-за наследства, Лафкадио. Наследство твоего отца, Кристиана Александра, составляет около пятидесяти миллионов фунтов стерлингов, не считая доходов от месторождений, о которых я уже говорила. Они были оставлены в доверительную собственность твоей матери, и она могла пожизненно получать с них доходы, но после ее смерти все состояние должно перейти к тебе. Разве ты не понимаешь, что она при смерти! Он распоряжается всем ее состоянием, заставил ее подписать документы на твое усыновление, угрожая, что в ином случае лишит наследства всех ее детей. Бедняжка, она терзалась жуткими угрызениями совести, не представляя, какая судьба может ожидать всех вас.

— Поэтому мы с Эрнестом хотим убежать с тобой, — подытожила Зоя.

— Со мной? — с изумлением переспросил я. — Но я не собираюсь никуда бежать. И куда мне бежать? Что я смогу сделать?

— Я думала, ты умеешь хранить секреты, — строго сказала Пандора Зое, поправив локон, выбившийся из-под ее отделанной мехом шапочки. Потом обратилась ко мне: — Я хочу, чтобы ты встретился с моим кузеном Дакианом Бассаридесом, он объяснит тебе, какой план мы придумали. Зимой он работает парковым охранником в Пратере. А летом...

Но я уже ничего не соображал. Подошедший молодой парень в бушлате сжал ладонями мою руку в перчатке и доброжелательно улыбнулся, словно напоминая о некой сокровенной тайне. А намекать действительно было на что! Я был совершенно ошеломлен. Но постепенно туман в лесу моих мыслей начал рассеиваться, и все встало на свои места.

Я никому еще не признавался в моих тайных увлечениях, которые вынашивал в одиночестве моего детства. После поступления в школу Зальцбурга я каждый день после занятий убегал в ближайшую рощицу и часами играл на маленькой, почти игрушечной скрипке, которую мне подарили в раннем детстве. Даже учителя в школе не знали об этом.

Увы, мои самые горячие желания ограничивались возможностями этого плохонького инструмента, а мое музыкальное образование сводилось к тайным вылазкам из школы на концерты в Моцартеум. Но

однажды все изменилось. Почти год назад в роще моих тайных занятий из-за дерева вдруг появился загадочный красивый парень. Он играл на собственной скрипке такие приятные и одновременно такие странные мелодии, словно они порождались вовсе не скрипкой, — казалось, пела сама его душа, сливаясь с ветром в страстном объятии. Он любил ветер.

И с того самого дня этот молодой парень — его имени я не знал до нынешнего дня, и только что мне его представили как кузена Пандоры, Дакиана Бассаридеса — стал моим учителем. Несколько раз в неделю мы встречались с ним в рощице, и без особых разговоров он учил меня играть. Значит, он и был посредником, посланным Пандорой и моей матерью, чтобы найти меня в Зальцбурге.

— Это и есть последнее желание твоей матери для тебя, Лафкадио, — сказала Пандора, подсаживая малышку Зою на кружащуюся карусель. — Как только она узнала о твоём даре, она страстно захотела, чтобы ты стал великим скрипачом, величайшим в этом мире. Для этой цели она сохранила в тайне наследство, завещанное тебе твоим крестным отцом, мистером Родесом. Об этих деньгах твоему отчиму ничего не известно. Там не бог весть какая сумма, но ее будет вполне достаточно для оплаты твоего музыкального образования. За несколько лет Дакиан согласился подготовить тебя к поступлению в консерваторию. Если отчим прекратит оплачивать твоё обучение, то мы не дадим тебе пропасть. По душе ли тебе такой план твоей матери?

По душе ли мне этот план? За один день весь мой мир дважды перевернулся, и теперь моё будущее перенеслось из некоего тюремного лагеря, с отцом в качестве тюремщика, в сад, благоухающий розами и нарциссами, где исполнятся все мои заветные мечты.

Дальнейшее вспоминается мне как краткий миг, хотя мы больше часа кружились на этой заснеженной карусели. Дакиан замерзшими пальцами играл на скрипке — он пояснил, что сейчас не было пара, чтобы запустить каллиопу,[26] а Пандора подпевала ему на разные голоса через свою муфту, из которой вылетало её туманное дыхание. Зоя танцевала и прыгала по вертевшейся карусели, а мы с Эрнестом гарцевали на выбранных скакунах: я — на волке, а он — на раскинувшем крылья орле. Между делом мои брат и сестра шепотом говорили мне, какое будущее может ждать нас без матери, и, на мой взгляд, их предположения были интересны уже тем, что они отражали всю мою прошлую жизнь.

Пока оставалось тайной, какова роль Пандоры во всем этом деле и почему она решила одарить нашу семью своей волшебной магией. Но тогда я пребывал в полнейшей эйфории от сознания того, что исполнится моя самая заветная мечта, и поэтому лишь спустя много лет узнал ответы на столь важные вопросы.

Мою первую прогулку с семьёй нарушило появление новой личности, приближавшейся к нам по аллее откуда-то из глубины сада.

— Силы небесные, вот и Везунчик, — сказала Пандора, опуская муфту и беря под руку своего кузена. — Как же ему удалось найти нас здесь?

Я лично не считал, что мне повезет, если этот незнакомец вторгнется в мир моих мечтаний. Может, он идет сюда, чтобы забрать и отвезти нас домой. Со спины волка я следил за его приближением.

Этот мужчина хрупкого телосложения, с узким, бледным, чисто выбритым лицом выглядел старше Пандоры — вероятно, ему было лет двадцать или даже больше. Поверх его поношенного, но хорошо отглаженного костюма был накинут длинный, как носят художники, шарф с кисточками, однако никакого пальто или куртки в такую холодину! Копна шелковистых каштановых волос являла собой

модную в то время «романтическую» стрижку, поэтому ему приходилось порой откидывать их назад. Парок его дыхания уносился назад, а он шел вперед, для согрева похлопывая себя по груди руками в перчатках. Когда он приблизился, я заметил, что его потрясающе синие глаза словно притягивают мой взгляд. Он обратился к Пандоре:

— Я так долго искал вас, фрейлейн, что едва не превратился в ледышку на таком морозе.

Зоя заверещала тонким голоском:

— Везунчик, пожалуйста, ну пожалуйста, залезай сюда на карусель и потанцуй со мной.

Тут я понял, что Везунчиком называли этого парня. Он взглянул на Зою с насмешливой улыбочкой.

— Liebchen,[27] настоящие мужчины не танцуют, — сообщил он ей. — А кроме того, мне необходимо показать вам всем нечто интересное. И непременно сегодня. На следующей неделе дворцовый музей Хофбурга закрывается на уборку и ремонт, а жители Вены такие gemütlich,[28] что неизвестно, когда его вновь откроют. Может, я не доживу до того времени. Но на сегодня я уже купил всем нам входные билеты в этот музей, понятно?

— Мне жаль, Везунчик, что тебе пришлось померзнуть, — сказала Пандора. — Но я обещала фрау Бен, что сегодня покажу ее сыну Вену. Очень скоро ему придется вернуться в школу.

— Так этот парнишка — второй сын Бена, англичанин с примесью бурской крови? — спросил Везунчик.

Я не стал поправлять его насчет моих бурских корней, но удивился, как такому бедняку, у которого даже не было пальто или хотя бы бушлата, как у Дакиана, удалось познакомиться с моей семьей здесь, в Вене.

— Везунчик снимал комнату вместе с Гастлом, Лафкадио, — объяснила мне Пандора. — Помнишь, я говорила тебе о Гастле, Учителе музыки, который познакомил меня с твоей мамой? Они с Везунчиком знают друг друга со школьных времен и даже сочинили вместе оперу.

— О, я сто лет не видел Гастла, — с улыбкой сказал Везунчик. Запрыгнув на вертевшуюся карусель, он подошел к моему волку и добавил еле слышно, словно делился со мной секретом: — Наши пути разошлись. Гастл занялся мирскими делами, а я — божественными.

Теперь, при ближайшем рассмотрении, я отметил, что глаза у него действительно совершенно необычные. Они словно загипнотизировали меня. Везунчик долго разглядывал меня с таким видом, словно от его одобрения зависела вся моя жизнь, и наконец удовлетворенно кивнул каким-то своим мыслям, отчего я вдруг очень обрадовался. Потом он вернулся к Пандоре, завладел ее руками и поднес их к губам. Но поцеловал при этом свою собственную руку — некий странный, исключительно австрийский обычай, который мне приходилось наблюдать в Зальцбурге.

— Больше я не сочиняю либретто, — продолжил он. — Зато вновь занялся живописью, и мои акварели пользуются определенным успехом. На прошлый Михайлов день мне поручили одну небольшую реставрационную работку в музее Истории искусств, в галерее Рубенса, и однажды вечером я перешел на другую сторону улицы и перед самым закрытием заглянул в Хофбург. Вот тогда-то я обнаружил нечто необычайно интересное. С тех пор все вечера я просиживал в библиотеке, проводя научные изыскания. Я поднялся также по реке до Кремса и посетил монастырь Мелька, обнаружив в его библиотеке весьма интересные рукописи. Мои поиски довели меня даже до Зальцбурга.

Он вновь повернулся ко мне.

— Я не верю в случайные совпадения, молодой человек, — сообщил мне Везунчик. — Я верю только в судьбу. К примеру, весьма примечательно, каких животных вы, мальчики, выбрали для себя из этого карусельного зверинца. На старом верхненемецком орел звучит как Earn, и Эрнест оседлал именно эту птицу. А ты предпочел волка. Кстати, имя кузена Пандоры — Дакиан — происходит от слова «даки» — так называлось племя людей-волков из древней Фракии, древнейших охотников в Европе. Период ученичества, видите ли, не только развивает умственные способности, но и открывает нам путь к познанию самих себя и нашей истории. Везунчиком меня в шутку называют друзья. А мое христианское имя Адольф восходит к старому верхненемецкому Athal-wulf, что означает «высокорожденный или избранный судьбой волк». Волк-счастливчик, вы понимаете? А происхождение моей фамилии, так же как слово «бур», связано со сферой деятельности или обитания: Heidler значит «пустынник или язычник», а Bauer — человек, возделывающий поля... — Тпру! — всплеснув руками, воскликнула я, прерывая историю жизни, которую дядя Лаф рассказывал нам в ресторане «Приюта Солнечной долины». — Попридержи-ка коней, приятель. Ты хочешь сказать, что тем парнем был Адольф Гитлер?!

Мой дядя лишь улыбнулся в ответ. Я глянула на Оливера и Бэмби: у них обоих остекленели глаза, точно у форели, вдруг осознавшей, что ее вытащили из воды.

— Гаврош, история практически закончена, — сказал Лаф.

— Для меня уж точно, — сказала я, отодвигая в сторону недоеденный омлет saumon fume[29] и вставая из-за стола.

— Далеко ли ты собралась? — жизнерадостно поинтересовался Лаф.

Оливер теребил салфетку, пытаясь определиться, у кого же он в гостях — у меня или у Лафа. Я махнула ему рукой, чтобы не суетился и продолжал есть.

— Прогуляюсь, — сказала я Лафу. — Мне нужен глоток свежего воздуха, прежде чем ты предложишь проглотить что-нибудь еще.

— Больше я не предложу тебе проглотить ничего, кроме шампанского, — продолжая улыбаться, сказал он и похлопал меня по здоровой руке. — А потом мне хотелось бы прогуляться вместе с тобой, возможно, даже поплавать в бассейне, пока твой друг будет показывать Бэмби ближайшие склоны. Если, разумеется, вы не возражаете.

Лаф вопросительно взглянул на Оливера, сразу вскочившего из-за стола.

Расставшись со свитой суетливых официантов и пережив суматоху переодевания, благодарностей и объятий, Бэмби и Оливер исчезли на лыжных склонах, а мы с Лафом направились к расположенному под открытым небом термальному бассейну, отделенному от окружающих гор лишь стеклянными стенами. Там нас встретил Вольга Драгонов с купальными принадлежностями.

— Дядя Лаф, — сказала я, когда мы с ним наконец оказались в уютном уединении теплых успокаивающих вод минерального источника. — С чего ты вдруг решил поведать нам за завтраком такую странную историю? Оливер, конечно, мой друг, но он еще и мой коллега. И после такой утренней заправки он явно подумает, что моя семейка еще более безумна, чем на самом деле.

— Безумна? Я не вижу в моей истории ничего безумного, — возразил Лаф. — Все, что я рассказал, истинная правда.

Он скрылся под водой. А когда вынырнул, его серебристые, прилипшие к голове волосы подчеркнули великолепные черты его лица и проницательные голубые глаза. Мне подумалось, что в

молодости он был настоящим красавцем. Неудивительно, что Пандора влюбилась в него. Не с этого ли начались наши проблемы?

— Все, что ты рассказывал, относится к области легенд, в основном связанных с историей нашей семьи, — возразила я. — Я впервые услышала, что твой отец был англичанином, не говоря уж о наследстве в сто миллионов долларов! И если Пандора действительно так сильно ненавидела моего дедушку Иеронима, как ты говоришь, то зачем же она выскочила за него замуж, когда тебе было двенадцать лет, и прожила с ним достаточно долго, чтобы завести ребенка?

— Представляю себе, какую версию этой истории предлагает Огастус, — произнес Лаф, и в его тоне вдруг впервые прозвучали циничные нотки. — Но поскольку мы теперь одни, я могу говорить откровенно. Мне очень не хотелось бы, Гаврош, вдаваться в подробности, касающиеся твоего родного деда, но ты задала мне вопрос — хороший вопрос, — зачем Пандора вышла замуж за такого презренного человека. Вернувшись к вечеру в его дом в Вене, мы узнали, что, пока мы отсутствовали, наша мать умерла. Младшие дети жутко расстроились, и нас всех рано отослали спать. На следующее утро, едва забрезжил рассвет, несколько крепких слуг под конвоем отвезли меня на поезде обратно в Зальцбург. С тех пор я не видел Пандору пять лет, поскольку ее увезли из Вены, а потом началась Первая мировая война. Лишь по прошествии пяти лет я узнал, что в ту самую ночь мой отчим изнасиловал ее, и не раз. И заставил ее выйти за него замуж, угрожая тем, что обнародует кое-какие известные ему сведения, из-за которых сама Пандора и ее семья могли подвергнуться большой опасности.

— Не может быть! — с трудом выдавила я. — Ты, часом, не сошел с ума?

— Нет. Хотя тогда думал, что могу свихнуться, — сказал Лаф с горькой улыбкой.

По его тону я поняла, что он говорит правду, и подумала, рассказывал ли он кому-нибудь об этом раньше.

— Дядя Лаф, а ты не хочешь закончить ту историю? — спросила я, подплывая к нему и кладя руку ему на плечо. — Извини меня за то, что я сказала. Мне действительно нужно узнать всю правду.

— Позволь мне продолжить с того момента, как мы все вместе с Везунчиком сели в карету и покатали к Хофбургу, чтобы взглянуть на оружейную коллекцию, среди экспонатов которой наш новый знакомый обнаружил некое таинственное и волшебное древнее сокровище.

В течение многих веков австрийские Габсбурги кроили и перекраивали свою обширную империю посредством череды великолепных браков с наследными принцессами таких стран, как Испания, Венгрия и так далее. Ныне часть Хофбурга, зимний дворец Габсбургов, была превращена в музей, где народу показывали королевские драгоценности, столовое серебро и многочисленные раритеты, собранные за многовековую историю.

Оружейная коллекция, одна из самых больших в мире, представляла особый интерес для Везунчика. Он уже говорил, что верит в судьбу, но по пути в музей в нашей карете, обращаясь к нам, детям, подчеркнул, что судьба немецкоязычных народов вовсе не обязательно должна быть связана с этой династией межнациональных браков, породивших разношерстное население, которое мы видим вокруг нас на улицах австрийской столицы. Однако это уже начало другой истории Адольфа, к несчастью известной теперь всему миру.

Сейчас нам важно то, что Везунчик обнаружил в Хофбурге две потрясшие его реликвии: меч и копье. Эти исключительно древние и ценные, как он полагал, экспонаты почему-то были размещены

в углу зала в неприметной стеклянной витрине, до которой добирался лишь самый дотошный любитель старины. Рукоять длинного изогнутого меча скорее относилась к эпохе средневековья, чем к древней истории. А небольшое невзрачное темное копьё закреплялось на древке грубым медным кольцом. Мы, дети, молча разглядывали эти реликвии, пока Эрнест не попросил Везунчика рассказать нам, что это за оружие.

— Этим реликвиям, — почти благоговейным тоном сказал Везунчик, — по крайней мере две тысячи лет, а возможно, гораздо больше. Общеизвестно, что они существовали уже во времена Христа, и весьма вероятно, что принадлежали они его прославленным ученикам. Считается, что именно с этим мечом святой Петр гулял по Гефсиманскому саду и отсек им ухо рабу первосвященника. Иисус посоветовал ему вложить меч в ножны, ибо недаром говорится: «Взявшие меч, мечом погибнут». Но история копья еще более интересна, — продолжил Везунчик. — Оно принадлежало римскому центуриону Гаю Кассию Лонгину, который служил под началом Понтия Пилата. Этим самым копьём Лонгин пронзил грудь Христа на кресте, желая убедиться в его смерти, и увидели они, как кровь сочится из раны...

Я видел в витрине перед нами отражение узкого, бледного лица Везунчика. Глядя на это оружие, он явно переносился мысленно в какой-то иной мир. Расширенные зрачки ярко-синих глаз с густыми темными ресницами увеличивали гипнотическую силу его взгляда. Но Пандора, стоявшая с другой стороны от витрины, разрушила эти чары.

— А в самой витрине написано, — равнодушно сообщила она, — что меч этот когда-то принадлежал Аттиле, царю гуннов, а копьё — Фридриху Барбароссе, знаменитым личностям германской истории и тевтонских легенд. И еще там говорится, что согласно легенде, если эти два оружия окажутся в руках одного воина — как это случилось, очевидно, с Карлом Великим, — такой воин станет во главе всего цивилизованного мира.

— Так значит, поэтому Габсбурги правят столько столетий? — с интересом спросил я Пандору, пытаясь постичь тайный смысл древней легенды. — Потому что в их музее сейчас хранятся оба этих оружия?

Но за нее ответил Везунчик, тоже вышедший из транса.

— В легенде говорится, что именно воин должен завладеть ими обоими, — отрезал он. — А эти так называемые Габсбурги лишь подтверждают собственное имя: насест для ястреба, но не сам ястреб.[30] Они выют гнезда там, где приземлятся, и украшают их перьями. Они утратили охотничий инстинкт вместе с гордостью и храбростью. И насколько мне стало известно, для достижения той власти, о которой ты, Пандора, сказала, недостаточно этого оружия. Существует еще много древних реликвий, покрытых пылью веков. Только когда все они воссоединятся в руках одного воителя, изменится весь наш мир. И такое время, я убежден, уже совсем близко.

Мы, дети, более почтительно уставились на два экспоната в стеклянной витрине. Но я втайне усомнился в возможности глобальных изменений, особенно если все остальные «древние реликвии» такие же неказистые и хрупкие на вид, как эти.

— Если это время так близко, — сказал мягкий голос за моим плечом, — то наверняка тебе известно, какие еще реликвии нужно найти?

Мы обернулись и увидели, что вопрос задал молодой кузен Пандоры, мой учитель музыки Дакиан Бассаридес, о котором мы почти забыли, поскольку он уже давно скромно помалкивал.

Везунчик взволнованно кивнул головой.

— Да, я полагаю, нужно собрать тринадцать реликвий. Среди них посуда, одежда, разные инструменты и военные приспособления, а еще один драгоценный камень и одна игровая доска. Благодаря своим исследованиям я узнал, что их старательно прятали с древнейших времен, но последний раз, я почти уверен, они были собраны воедино во времена Христа — иными словами, на заре нашей эры. Именно поэтому я продолжил свои изыскания в Мельке и Зальцбурге, поскольку здесь, на берегах Дуная, и высоко в горах, в Зальцкаммергуте, обитали древние племена, и я понял, что именно там надо искать необходимые мне сведения. Там можно найти священные руны...

— Руны? — встревожилась я.

Мне показалось, что помрачневший вдруг Лаф замолчал не просто так, он как будто мысленно перенесся в какую-то иную эпоху.

— Да, манускрипт, написанный рунами. И я подозреваю, что нечто в таком роде отписал тебе в завещании твой кузен Сэм, — сказал Лаф, всплывая из моря кошмарных воспоминаний. — Везунчик, то есть Адольф, пытался собрать и расшифровать их уже тогда в Вене, перед началом Первой мировой войны. Я уверен, что ему так и не удалось успешно завершить свои изыскания. Зато удалось кому-то другому.

— Я не думаю, что получу такой манускрипт от Сэма, — сказала я, хотя вряд ли стоило даже намекать, что Сэм еще жив или что я разговаривала с ним об этом. — Однако я уже получила другой рунический манускрипт от одного твоего приятеля, хотя пока не имела возможности выяснить...

— От моего приятеля? — сказал Лаф. — Какого приятеля?

— Вольфганга Хаузера. Он приехал из Вены...

— Гаврош, да что ты такое говоришь?! — Даже в тумане бассейна я заметила, как побледнело его загорелое худощавое лицо. — Вольфганг Хаузер мне не приятель. Откуда он мог раздобыть манускрипт? Где он взял его?

Не знаю, выразило ли мое лицо, как мне стало страшно, но, взглянув на меня, Лаф спросил:

— Ох, Гаврош, что ты наделала?

Я взмолилась, чтобы ответ на этот вопрос не означал полного провала нашего гиблого дела, хотя уже начала осознавать, что именно так все и обстоит.

— Дядя Лаф, я хочу, чтобы ты без всяких недомолвок сказал мне, кто такой Вольфганг Хаузер и откуда ты его знаешь, — сказала я, тщательно выбирая слова, несмотря на то что сильно сомневалась, что хочу услышать ответ.

— Да я его вовсе и не знаю, — сказал Лаф. — Мы виделись с ним один или два раза. Он в фаворе у Зои, один из тех смазливых прихлебателей, которыми она, словно браслетами, предпочитает украшать свою жизнь.

Я похвалила себя за то, что не дрогнула, услышав столь грубое определение предмета великой страсти всей моей жизни, и не стала заострять внимание на том факте, что подобное описание вполне подходит к отношениям дяди Лафа с Бэмби.

— Однако я знаю твою тетушку Зою, — продолжил Лаф. — Она никогда не была царицей ночи, какой любит изображать себя. Все это чистый блеф. А вернее, торговая реклама, программная пропаганда, придуманная и скроенная для Зои, известнейшей в свое время танцовщицы, самым пройдошным торговцем нашего века. И она, на пару со своим благодетелем, долгие годы пыталась

выманить этот манускрипт у Пандоры, которая владела им по праву. Вероятно, ты уже догадалась, что личным наставником, лучшим другом и ближайшим доверенным лицом Зои в течение четверти века был не кто иной, как Адольф Гитлер.

Лаф умолк и внимательно посмотрел на меня. Душа у меня ушла в пятки, и я почувствовала, что немедленно должна вылезти из парной жары бассейна, чтобы не потерять сознание. А эхо разносило над туманными водами очередные слова Лафа:

— Просто невероятно, чтобы Зоя или Вольфганг Хаузер завладели копией того манускрипта. Все, что принадлежало Эрнесту, он тщательно скрывал всю свою жизнь. — Помолчав немного, он прошептал: — Гаврош, я умоляю тебя, не доверяй никаких документов Хаузеру. Его нельзя подпускать к ним на пушечный выстрел. Иначе ты поставишь под удар все то, ради чего Пандора и Эрнест рисковали жизнью и что в итоге действительно стоило им жизни, как и твоему кузену Сэму.

ПРАВДА

С нитью путеводной

Я под землей до правды доберусь.

И и с у с:

... Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего.

П и л а т:

Что есть истина?

Следовательно, попытка постичь Истину, и в особенности Истину, ниспосланную богами, является стремлением к божественному.

Я люблю истину, это у меня нечто вроде хобби.

Воскресши рано в первый день недели, Иисус явился сперва Марии Магдалине... но они (его ученики), услышавши, что Он жив, и она видела Его, — не поверили.

Евангелие от Марка, 16, 9-11

— Но какая правда ему нужна? — спросил Иоанн Зеведеев своего старшего брата Иакова. — Как может Иосиф Аримафейский рассчитывать, что кто-то из нас точно вспомнит, что произошло больше года назад?

Братья оставили позади порт Яффы и корабль, на котором Иаков только что вернулся из годичного плавания, выполнив возложенную на него миссию в землях кельтской Иберии. Они вышли из города по каменистой широкой дороге.

— Когда мы гостили с Иосифом на островах Британии, — сказал Иаков, — он говорил мне, что, по его разумению, упустили мы какой-то важный момент в истории последних дней Учителя. Ты знаешь, Учитель всегда говорил, что, исполняя свою миссию, поделится «сокровенными знаниями» с его верными учениками. Иосифу пришло в голову, что, возможно, Учитель, осознавая краткость своего пребывания на земле с нами, успел поделиться этими секретами, но, поскольку говорил он притчами, никому из нас не удалось постичь скрытый смысл его слов. Вот почему я так спешил вернуться сюда из кельтской Иберии и доставить письмо Иосифа к Марии из Магдалы с просьбой разобраться в этом деле. И он надеется, что мы — ты, Симон Петр и я, как три избранных Учителем преемника, — окажем ей поддержку.

Иаков и его младший брат Иоанн Зеведеев, вместе с их постоянными спутниками Симоном Петром и

братом его Андреем, были первыми учениками, которых приобщил Учитель к своим проповедям. Встретив их на берегах Геннисаретского озера, он велел им бросить рыболовные сети и следовать за ним, сказав, что сделает их «ловцами человеков». Поэтому братья Зеведеевы, будучи первозванными, рассчитывали на привилегированное обхождение. И к ним относились с должным почтением... до недавнего времени. За последний год все изменилось, с горечью подумал Иоанн. Его старший брат слишком долго отсутствовал, и ему еще многое предстоит узнать.

— Не объяснишь ли ты мне, откуда Мария из Магдалы может что-то понимать в таких вопросах? — спросил Иаков. — Почему именно она должна быть главной посланницей?

— Иосиф сразу стал поддерживать Марию, когда она заявила, что является первой среди апостолов: ведь в то утро в Гефсиманских садах у Иосифа она первой увидела Учителя воскресшим из гроба после смерти, — сказал Иаков. — И когда бы Иосиф ни обращался к ней, он неизменно теперь называет ее равноапостольной или даже Первой Посланницей. И хотим мы того или нет, надо откровенно признать, что эта особая честь, которой Учитель удостоил ее напоследок, была вполне в его духе. По правде говоря, он всю жизнь оказывал Марии подобные знаки внимания.

— Допустим, он любил целовать ее! — усмехнулся Иоанн. — Но мир знает, что это я был самым любимым учеником Учителя. Он обращался со мной как с сыном и обнимал даже чаще, чем Марию. Разве не мне доверил он заботу о его матери после его смерти, как если бы я был ее родным сыном? И еще Учитель сказал, что мы с тобой отведаем из его чаши, когда придет царствие небесное. Значит, он высоко оценивал нас, так же как Марию.

— Ох, опасаясь я той чаши, Иоанн, — мягко сказал Иаков. — Возможно, благоразумие подскажет и тебе опасение.

— Иаков, с тех пор как ты покинул Иудею, здесь многое изменилось, — сказал младший брат. — Не существует больше даже нашего триумvirата. Петр говорит, что только «скала» может стать краеугольным камнем и что именно он был избран Учителем. Единства больше нет, есть фракции и зависть, взаимные обиды и негодование друг на друга. Если бы ты провел этот год в Иерусалиме, то, возможно, мы не пришли бы к такому плачевному положению.

— Какие тревожные известия, — сказал Иаков. — Но я уверен, наше положение не настолько ужасно, и мы еще можем все исправить.

Он положил руки на плечи своего брата, как обычно делал Учитель. Иоанн огорченно вздохнул. Как же ему не хватало простоты и силы Учителя!

— Ты не понимаешь, Иаков, — сказал Иоанн. — Мария стала для Петра чем-то вроде бельма на глазу. Уже много месяцев она живет с семьей в Вифании, и никто даже не видит ее. Петр злится на нее даже больше, чем на меня, из-за ее особой близости к Учителю. Он стал совершенно неузнаваемым и утверждает теперь, что проповеди или исцеление — не женское дело, что мессианские странствия — это удел мужчин, а женщины в лучшем случае могут лишь сопровождать их. И кроме того, они должны покрывать волосы, ибо сказано, что велико искушение от такой открытости и вольности, допущенной при жизни Учителя, и направит оно большинство женщин на путь распутства.

— Но... ты хочешь сказать, что Симон Петр самостийно придумал все эти новые правила? — прервал его Иаков.

— У него нашлись сторонники, хотя, уверяю тебя, меня среди них не было! Иаков, ты должен

понять, что пока вы с Иосифом ищете правду или истину, некоторые, по их убеждению, уже нашли ее. Начали ходить легенды, толкующие каждое слово и дело Учителя, а в роли толкователей выступают те, кто никогда не понимал или вообще не знал его. Эти бестолковые и противоречивые истории иногда даже приукрашены совершенно наглыми выдумками! В них допускается, к примеру, что те «семь бесов», которых Учитель изгнал из Марии, были не просто грехами гордости или тщеты ее просвещения или красоты, но чем-то значительно более худшим... чем-то продажным...

— Да как же они смеют говорить такие вещи? — воскликнул Иаков. — Как же Петр позволяет такое? Разве не страшится он того, что Учитель не допустит его в свое царствие?

— Пожалуйста, братец, запомни, — сказал Иоанн с горьковатой усмешкой, — что сам Симон Петр держит ключи от того царствия. Их тайно передал ему Учитель, и никому не ведомо, где и когда это было. Теперь ты понимаешь, мой дорогой брат, что вернулся как нельзя более кстати.

Ибо восстанет народ на народ, и царство на царство... Ибо восстанут лжехристы и лжепророки... солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются...

И во всех народах прежде должно быть проповедано Евангелие... Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут.

Евангелие от Марка, 13, 8-31

В последних отблесках заката Иосиф Аримафейский стоял на высоком скалистом берегу залива Бригантia, провожая взглядом корабль Иакова, сына Зеведея, что скользил по волнам в открытое море, окутанный туманной дымкой. Бригантий, некогда центр поклонения великой кельтской богине Бригите, был последним морским портом на этой земле, основанным в древнейшие времена. Многие области Иберии находились под римским владычеством сотни лет, начиная с Пунических войн. Но эту дальнюю северо-западную область римляне завоевали в ходе жестоких кровопролитных сражений совсем недавно, в правление Августа, и моральный дух здешних дикарей был еще далеко не сломлен.

У них было множество названий, но как бы они ни назывались — кельтами, галлами или галатами, — все их многочисленные и, с точки зрения римлян, варварские племена оказали влияние на культуру народов, живших даже во Фригии. В сущности, они заложили основы культуры многих народов. К великолепному искусству кельтских мастеров приобщились ремесленники от Скандинавии до Мавритании; дикие орды кельтских воинов так часто совершали набеги на все эти земли, что просто для того чтобы хоть как-то защитить свои владения, римлянам пришлось собрать особые огромные войска, легионы, которые теперь внедрены в большей части римских провинций. Хранителями кельтской истории и веры, хранителями живого слова издавна являлись друиды, и один из таких жрецов в данный момент стоял рядом с Иосифом на скалистом берегу.

Плывущий по волнам корабль пропал в холодном прибрежном тумане, всегда, даже летом, как сейчас, окутывающий это побережье. Но со своего возвышенного наблюдательного пункта Иосиф различал все-таки основную береговую линию, не размываемую непрерывно набегающей чередой поблескивающих волн — несмываемую, как слова Учителя, подумал он. Хотя Учитель обычно говорил не вырезать его слова в камне, но держать их в мыслях, возможно, его слова уже исчезли из умов людей, поскольку не было среди его последователей такого друида, призванного хранить их живыми в сердце.

Если опасения Иосифа справедливы, то от проповедей Учителя осталось только то, что удалось собрать за последний год Марии Магдалине, то, что хранится в запечатанных глиняных амфорах, лежащих сейчас у его ног в рыболовной сети: в них собраны воспоминания тех, кто видел и слышал Учителя в его завершающую земную неделю.

Иосиф и друид поднялись из густого и промозглого берегового тумана на уединенный утес с хорошим обзором, чтобы понаблюдать за уходом корабля перед обсуждением их собственной миссии. И вот наконец Иосиф взглянул на своего спутника.

В косых лучах заходящего солнца грубое угловатое лицо друида приобрело оттенок пламенеющей меди. Его каштановые волосы, хитроумно заплетенные в множество косичек, падали на широкие плечи и могучую грудь. Подобно Иосифу жрец одет был в свободную кельтскую тунику, но его наряд дополнялся накидкой, выделанной из мягкого и густого меха рыжей лисицы и скрепленной на одном плече золотым аграфом — символом высокого положения в этом клане лисицы. Его мускулистую шею и крепкие бицепсы охватывали толстые, затейливо изготовленные золотые ожерелья и браслеты, традиционно отличавшие знатные сословия вождей или жрецов: как друид, он обладал обоими этими статусами.

Это был Ловерний, вождь племени Лисиц, человек, которому Иосиф доверял всю свою жизнь и которого считал мудрейшим из знакомых ему людей, за исключением Учителя. Иосиф чувствовал, что их ждут тяжелые времена, и молился, чтобы великая мудрость друида помогла преодолеть их.

— Близится конец, Ловерн, — сказал Иосиф.

— Конец? Возможно, — ответил Ловерний. — Но в каждом конце есть свое начало, как говорил мне Езус из Назарета, когда ты еще мальчиком привозил его к нам. По его словам, во время путешествий с тобой он понял, что люди всегда противятся переменам, — добавил Ловерний с загадочной улыбкой. — Интересно, понял ли ты, что именно это означает?

— Я боюсь, это означает, — сказал Иосиф, — что ты, так же как Мария из Магдалы, веришь в то, что Учитель на самом деле жив: что он прошел через трансформацию смерти, однако каким-то образом еще остается среди нас.

Друид пожал плечами:

— Вспомни его слова: «Я всегда с вами, отныне и до скончания мира».

— В духовном смысле — да, это возможно, — согласился Иосиф. — Но едва ли доступно человеку менять свое плотское обличье, как плащ! Нет, мой мудрый друг, меня привело сюда не примитивное суеверие. Я хочу найти истину.

— То, что ты ищешь, мой друг, — сказал Ловерний, неодобрительно покачав головой, — ты никогда не найдешь в тех глиняных сосудах, что лежат у твоих ног. В них содержатся лишь слова.

— Но ведь ты же сам впервые рассказал мне о той магии, которой друиды наделяют слова, — возразил Иосиф. — Ты говорил, что есть слова, способные убивать или исцелять. Я надеюсь, что какие-то из этих воспоминаний откроют нам последние наставления Учителя — а он как раз просил не забывать его проповеди.

— Записи не помогают оживить воспоминания, а разрушают их, — сказал Ловерний. — Именно поэтому мы ограничиваем использование письменного языка для священных ритуалов: защиты или очищения, уничтожения зла, пробуждения сил природы, магических обрядов. Великие истины невозможно уместить в слова, и никакие идеи не вырежешь в камне. Ты можешь открыть эти

глиняные сосуды, мой друг, но найдешь там лишь воспоминания воспоминаний, тени теней.

— С самого детства Учитель сохранил воспоминания об одном друиде, — сказал Иосиф. — Он наизусть знал Тору и мог цитировать ее часами. Во время долгих морских путешествий я обычно читал ему разные истории, и он также доверил их памяти. Его любимыми были «Пифийские оды» Пиндара, особенно строка: «Kairos и прилив никого не ждут». В греческом языке есть два слова, обозначающие время: chronos и kairos. Chronos связан со временем движения солнца в небесах. А kairos определяет «нужный момент» — удачное мгновение, которое необходимо поймать мореходу, чтобы его корабль не накрыла и не разрушила приливная волна. Именно это второе толкование времени Учитель считал очень важным. Мне довелось увидеть его в последний раз, когда он велел привести белую ослицу, потребную ему для въезда в Иерусалим в грядущее воскресенье, а потом сказал мне: «Все готово, Иосиф, и я иду навстречу моему kairos». Это были последние слова, сказанные мне Учителем перед его смертью.

Иосиф смахнул наворачнувшиеся на глаза слезы и тяжело вздохнул.

— Мне так не хватает его, Ловерний, — прошептал он.

Кельтский вождь повернулся к Иосифу. Хотя друзья эти были одного возраста и почти одинакового роста, Ловерний обнял Иосифа и баюкал его, точно ребенка, как делал обычно Учитель, когда слова были неуместны.

— Тогда нам остается лишь надеяться, — сказал наконец друид, — что эти словесные представления, даже если не все они истинны, по крайней мере облегчат твои сердечные страдания. Иосиф взглянул на своего друга и кивнул. Он склонился над сетью и извлек оттуда первую амфору с печатью Марии. Сломав печать глиняного сосуда, он вытащил и развернул свиток и начал читать вслух:

«Иосифу из Аримафеи
в Гластонбери, Британия
От Марии из Магдалы
в Вифании, Иудея.
Возлюбленный Иосиф!

Прими мою сердечную благодарность за письмо, которое привез мне от тебя Иаков Зеведеев. К сожалению, лишь на выполнение твоей просьбы ушел целый год, но ты уже наверняка узнал от Иакова, как много у нас здесь изменилось... очень многое изменилось.

Ах, Иосиф, как мне не хватает тебя! И как я благодарна тебе за то, что ты попросил меня заняться этим делом. Кажется мне, что ты один еще помнишь, как часто Учитель обращался к помощи женщин. Разве не женщины предоставляли средства для его миссии, давали ему кров, странствовали, проповедовали и исцеляли, во всем помогая ему? Мы с его матерью Марией провожали его на Голгофу; мы плакали под крестом, пока он не умер, и пошли в гробницу, чтобы омыть его тело, умастить его редкими травами и укутать в тонкое полотно, изготовленное в Магдале. В общем, только мы, женщины, оставались с Учителем от начала и до конца, пока его дух не вознесся на небеса.

Иосиф, прости, что я так бурно изливаю тебе свои чувства. Но когда твоя весточка, перелетев через моря, достигла меня, я почувствовала себя как утопающий, спасенный в последнее мгновение. Я согласна, что в последние дни земной жизни Учителя произошло нечто очень важное, и поэтому

особенно огорчает меня то, что не могу я сейчас выполнить твоё пожелание и сразу отправиться к тебе в Британию. Однако отсрочка нашей встречи, возможно, оказалась благословенной, ибо мне удалось обнаружить то, о чём не было и намёка ни в одной из собранных мною записей. Это связано с Эфесом.

Мать Учителя стала и мне как родная, и её, как и всех нас, тревожит то, что произошло за столь короткое время с заветами её сына. Решив отправиться в Эфес, на Ионийский берег, она попросила меня сопровождать её туда и прожить с ней год, пока она не успокоится.

Её покровитель, младший сын Зеведея Иоанн, тот, кого Учитель обычно называл *parthenos* — «краснеющим девственником», теперь выглядит зрелым мужем. На окраине города он построил нам каменный домик в Ортигии, на горе Квайл. Возможно, ты помнишь это место по своим путешествиям? Я уверена, что Учителю оно запомнилось, поскольку он сам выбрал его и рассказал о нём матери незадолго до смерти. Необычное местечко: наш дом, я уже упоминала о нём, построен рядом со священным источником, где, по верованиям греков, родилась их богиня Артемида (римляне теперь называют её Дианой). Но есть ещё кое-что странное.

Ежегодно на их праздник Пасхи — когда в дни весеннего равноденствия отмечается день рождения этой богини — в Ортигию стекаются толпы пилигримов со всего греческого мира. Дети бродят по всей этой перепелиной горе в поисках легендарных красных пасхальных яиц, символов удачи и плодородия, священных символов богини. По иронии судьбы время их праздника совпадает с нашим Песахом — с той самой неделей, на которой два года назад умер Учитель. Так что эта языческая богиня и посвященные ей обряды кажутся странным образом связанными с памятью о смерти Учителя, а также ещё с одной вещью, о которой, как я говорила, не упомянуто во всех остальных записях очевидцев: с историей об этой священной горе, которую Учитель поведал нам два года назад, в тот день, когда ты, вернувшись из плавания, пришел в мой дом.

«В юности, — сказал нам Учитель в то утро, когда мы гуляли по высокогорным лугам, — я много странствовал и познакомился с разными народами. Я узнал, что у далеких северных людей есть слова, обозначающие для них истинные понятия: *dru* означает „вера“, а *troth* — „обет“. То есть как и в нашей иудейской традиции, истина, вера и справедливость соединяются в одном понятии, и жрецы их являются также законодателями. Когда один из их жрецов отправляет правосудие — как наши собственные предки поступали в древнейшие времена, — он устраивается под *dru* — под деревом, которое мы называем дубом. Поэтому их жрецов называют *d'ruí* или *d'ruid*, то есть друид считается приобщенным к „корням истины“. Так же как древние евреи, эти северяне особо почитают число „тринадцать“ — число месяцев года по лунному календарю. Поскольку тринадцатый месяц знаменует конец года, то мы связываем это число с изменением, с началом нового цикла, с возрождением и с надеждой. Само это число является стержнем истинной веры в истории Иакова, который боролся с Ангелом Божиим и посему переименован был в Израиля. Все склонны умалчивать, что наш праотец, Иаков, имел не двенадцать детей, а тринадцать».

Потом, как будто сочтя, что он объяснил все достаточно ясно и наша беседа подошла к концу, Учитель, вновь погрузившись в свой внутренний мир, отвернулся от нас, словно собрался уходить. «Но, Учитель! — воскликнул тогда Симон Петр. — Конечно, тут какая-то ошибка? Признаюсь, я ничего не слышал об упомянутых тобой дубовых жрецах. Но в нашем народе считается установленным, что Тора говорит о двенадцати племенах Израиля, а не о тринадцати, как ты сказал.

Это же безусловная данность!»

«Петр, Петр, Господь дал тебе уши. Тебе следует отблагодарить Его, с пользой применяя их!» — рассмеявшись, сказал Учитель, обняв Петра за плечи. Поскольку Петр выглядел удрученным, Учитель добавил: «Я не говорил о тринадцати племенах, а сказал о тринадцати детях. Вслушайся заново в эти слова: спроси себя, почему эта данность представляет стержень или суть искомой мной истины».

Учитель подошел к лужайке, где я сидела вместе с подругами, и улыбнулся, положив руку мне на голову.

«Когда-нибудь Мария найдет ответ, — сказал Учитель Петру. — Я всегда считал Марию моей тринадцатой ученицей. Но однажды она станет также моей первой посланницей. Тринадцатая и первая, завершение цикла. Альфа и омега, первая и последняя». Помолчав, он добавил, как бы вдруг вспомнив о чем-то: «Забытым ребенком Иакова была его дочь Дина. Ее имя, так же как и имя ее брата Дана, связано с понятиями суда и правосудия».

Улыбнувшись своей странной улыбкой, Учитель вновь отвернулся и начал спускаться с горы, и нам всем оставалось лишь следовать по его стопам.

Иосиф, ты знаешь так же хорошо, как и я, что Учитель никогда не рассказывал притчи или диковинные истории, просто чтобы запутать или подразнить воображение: у него всегда имелась на это особая причина. Он считал, что, только если мы сами будем искать истину и сами найдем ее, найденная истина будет совершенно понятой, полностью осознанной, только тогда мы приобщимся к ней.

В то утро Учитель явно дал нам понять, что число «тринадцать» связано с еврейским лунным календарем, а значит, с понятием смены времени года. Но почему он не упомянул и другое, что наверняка должен был знать: что римское имя Дины — Диана? И почему не поделился с нами своим пожеланием, о котором я уже упомянула: чтобы его мать отправилась в знаменитую дубовую рощу в Ортигии? Почему он хотел, чтобы она жила в доме, построенном рядом с источником в том самом месте, где появилась на свет лунная богиня Артемида, также называемая эфесцами Дианой, покровительницей источников и водоемов, ритуалы в честь которой проводятся в дубовых рощах по всей Греции? Нет, совсем не случайно рассказал он эту историю своей пастве в тот день, что оказался последним днем, который мы провели все вместе. И моя ошибка лишь в том, что я не поняла этого раньше.

Иосиф, я знаю, что эта история и посылаемые мною записи дадут тебе богатую пищу для размышления, и когда мы встретимся вновь, ты вполне осмыслишь их. А сама я тем временем постараюсь как можно лучше понять скрытые мотивы Учителя — ибо такие, я уверена, были — для отправления его матери на родину этой почитаемой эфесцами богини. Возможно, нам с тобой вместе удастся найти потерянное звено, которое поможет связать воедино все, казалось бы, разрозненные и многообразные события последних дней Учителя.

А пока, Иосиф, я желаю тебе пребывать с Богом. Мне хотелось бы послать тебе мои глаза, уши, сердце и мое благословение — чтобы ты мог видеть, слышать, любить и верить, как завещал нам Учитель.

Когда Иосиф поднял взгляд от письма, солнце уже погрузилось за линию горизонта, окрасив море кроваво-красными бликами. Вихревой туман клубился над водами, словно поднимающиеся из

глубины серные пары. Ловерний стоял рядом с ним, глядя на эту огненную дорогу, и молчал, погрузившись в размышления.

— Мария не упомянула в своем рассказе кое-каких подробностей, — заметил Иосиф. — У Иакова действительно было тринадцать детей, но его дочь Дина родилась не тринадцатой.

Последовательность рождений в Торе — по крайней мере, для сынов одного племени — является очень важной. Дина была последним ребенком, рожденным Иакову его старшей женой Лией, но не последней из тринадцати.

— Значит, у вашего прародителя была не одна жена? — с интересом спросил Ловерний.

У кельтов полигамия считалась редкостью и была совершенно неприемлемой в высшем сословии друидов.

— Иаков имел двух жен и двух наложниц, — ответил Иосиф. — Я говорил тебе, что Учитель обладал поразительной памятью, особенно если речь шла о Торе. Все числа в Торе являются значимыми, ведь даже еврейский алфавит, как и греческий, основан на числах. Я согласен с мнением Марии: видимо, Учитель хотел, чтобы мы осознали историю Дины во всех подробностях.

— Расскажи мне ее, — сказал Ловерний.

Уже смеркалось, и туман окутал расстилавшийся внизу берег. Зная, что скоро станет совсем темно, жрец собрал поблизости немного сушняка и больших веток и, достав из поясного мешочка кремь, высек из него искру, чтобы быстро разжечь костер. Два друга устроились рядом с костром на скалистом плато, и Иосиф вспомнил эту ветхозаветную историю.

Эта история начинается с юных лет нашего прародителя Иакова. Дважды Иаков ухитрился обмануть своего брата-близнеца Исав, присваивая себе право первородства. Узнав, что Исав грозит убить его после смерти их отца, Иаков бежал из земли Ханаанской и направился на север, в страну, где жило племя его матери. Добравшись до горной местности около реки Евфрат, Иаков увидел прекрасную юную пастушку, которая привела своих овец к источнику, и полюбил ее. Возлюбленной оказалась его двоюродная сестра Рахиль, младшая дочь брата его матери Лавана. Иаков сразу попросил у него разрешения жениться на его дочери.

Семь лет трудился Иаков на благо своего дяди, чтобы заслужить право соединиться с невестой. Но наутро после свадьбы он узнал, что его обманули. Он обнаружил на супружеском ложе близорукую старшую сестру Рахили, Лию: она заменила младшую под покровом темноты, поскольку по обычаю первой должна была выйти замуж старшая. Когда дядя Лаван предложил Иакову взять Рахиль как вторую жену, Иаков согласился поработать еще семь лет на полях отца ее, чтобы оплатить приданое. Число семь является значимым числом в истории нашего народа. Бог создал мир и решил отдохнуть на седьмой день. Число семь знаменует завершение и окончание всех созидательных предприятий, это число божественной мудрости. А значит, важно и то, что единственная дочь Иакова родилась седьмой, как важны и события, предварившие ее рождение.

Поначалу Господь не обращал внимания на желание Рахили иметь детей, зато ее сестра Лия родила уже четырех сыновей. Рахиль предложила мужу свою служанку Баллу, которая родила ему еще двух сыновей. Поскольку Иаков больше не восходил на ложе с Лией, та тоже предложила ему свою служанку Зелфу, и она в свою очередь родила от Иакова двух сыновей, в то время как несчастная Рахиль оставалась бесплодной.

Однажды старший сын Рувим нашел мандрагору в пшеничных полях и принес своей матери Лии.

Мандрагора, как и подофил, способствует зачатию и ассоциируется с искушением Евы.[31] Рахиль попросила Лию поделиться с ней, но Лия согласилась только в обмен на то, что Иаков вновь будет жить с ней как муж. Рахиль в отчаянии согласилась, после чего Лия родила еще двух сыновей. И вот тогда приблизилось жизненно важное событие. Последним, седьмым ребенком Лии — из одиннадцати отпрысков Иакова — стала дочь, которую нарекли Дина.

После рождения Дины закончились плодовитость Лии и бесплодие Рахили. Первенец Рахили, Иосиф, ставший позднее наместником фараона в Египте, стал двенадцатым ребенком Иакова. А последним родился Вениамин, и его рождение привело к смерти Рахили и к завершению этого семейного цикла. Он родился тринадцатым.

В какой очередности рождались дети Иакова, в таком порядке он и благословил каждого из них перед смертью, а позднее в таком же порядке благословил их племена Моисей в пустыне — что, как общеизвестно, весьма важно для истории нашего народа. Но о самой Дине вновь заходит речь в этой истории, только когда ее отец Иаков возвращается из добровольного изгнания на север и приводит всю семью обратно в землю Ханаанскую.

Иаков купил себе кусок поля у местного князя Еммора и выкопал колодец, который и поныне есть у подножия святой горы Гаризим. Однажды, когда Дина вышла погулять в пшеничные поля и посмотреть на дочерей земли той, увидел ее Еммов сын Сихем, воспылав чувствами и лишил ее девственности в поле. Но когда Сихем понял, что он любит Дину, он привел ее домой и попросил отца своего Еммора устроить им свадьбу.

Когда Еммор пришел свататься к отцу Дины и братьям ее, то предложил им половину своих владений, если дадут они разрешение на этот брак. Иаков и сыновья готовы были дать согласие, только если все мужчины рода Еммора совершат обрезание, как того требует завет иудейский. Но два брата Дины лукавили, и когда хананейцы прошли обряд обрезания, то Симеон и Левий напали на них и перебили всех мужчин, силой увели Дину из дома ее захватчиков, ограбили и уничтожили их дома и увели за собой их женщин и детей, весь скот их и все богатства.

Семейству Иакова пришлось бежать из Ханаана, опасаясь возмездия за этот обман и кровавое избиение.

Известно, что в этой истории есть еще две знаменательные вещи.

Иаков и его семья оставили Ханаан, чтобы никогда не возвращаться. Около вырытого Иаковом колодца вырос дуб Сихема, там в грядущие времена Моисей даст наставления евреям о постройке первого алтаря по возвращении из Египта в земли обетованные. Под этим донныне знаменитым деревом Иаков зарыл все одежды и драгоценности, сокровища и даже всех идолов — все, что принадлежало его женам и наложницам, слугам и пленникам хананейским, дабы все могли очиститься, переменить одежды и начать новую жизнь перед вхождением в земли народа отца его. Между оставленной ими землей Ханаана и землей Иудеи, что лежала перед ними, вблизи Вифлеема Рахиль и умерла, произведя на свет тринадцатого и последнего сына и дав ему имя Бенони, что означает «сын скорби», но Иаков назвал его Вениамином.

— А что же стало с Диной, причиной всех этих судьбоносных перемен, завязок и развязок и превратностей судьбы? — спросил Ловерний, когда Иосиф завершил свой рассказ.

— В дальнейшем она больше не упоминается в Торе, и нам ничего не известно о ее отношении к предательству, совершенному ради нее братьями, — сказал Иосиф. — Но захороненные под тем

дубом вещи часто называли «наследством Дины», ведь с того времени изменилась судьба еврейского народа, который был отрезан от прошлого и даже лишен самобытности. Именно тогда, почти две тысячи лет назад, наши предки покинули Ханаан — современную Самарию — и вошли в Хеврон, известный ныне как Иудея, где и возродились к новой жизни.

— И ты думаешь, что именно в этом заключается скрытый смысл истории, рассказанной Езусом из Назарета? — спросил Ловерний. — Что следует отказаться от прошлого и возродиться к некой новой жизни?

— Я надеюсь, что содержимое сосудов поможет мне узнать это, — ответил Иосиф.

— По письму этой женщины я догадываюсь, что могло быть на уме у Езуса из Назарета и почему он рассказал ученикам такую историю, — заметил вождь. — Должно быть, он хотел, чтобы вы поразмыслили об упомянутом тобой колодце Иакова и о том дереве.

Иосиф встретился взглядом с темно-синими глазами Ловерна, казавшимися в свете костра черными омутами.

— У моего народа тоже есть священные дубы, друг мой, — продолжил Ловерний, — дубовые рощи со священными колодцами, питаемыми священными источниками. И в каждом из таких святилищ мы приносим жертвы особой богине. У нас, разумеется, нет богинь с именами Дина или Диана, но есть Дану. К примеру, мое собственное племя называется Tuatha De Danaan, то есть «люди Дану», — такое созвучие, возможно, не случайно. Мы считаем Дану великой девой, прародительницей богов, матерью всех водных источников, то есть родниковых вод и колодцев. А само ее имя означает «дар», ибо такие воды даруют жизнь. Мы приносим ей жертвы подобно тому, как сделал твой прародитель Иаков, только мы не закапываем наши сокровища под дубом, а бросаем их в источники рядом с дубом, и они попадают прямо в распахнутые объятия богини.

— Но не думаешь же ты, что последнее послание Учителя было о... — начал Иосиф.

— О том, что ты готов назвать языческим или варварским ритуалом? — закончил Ловерний с усмешкой. — Боюсь, ты никогда не понимал его, да и никто из вас не понимал, даже когда он был ребенком. Вы смотрели на него как на великого философа, могущественного пророка, некоего царя-избавителя. Но я видел его, как один *fili* — провидец — видит другого, видел открытыми глазами, нагим, какой он есть. Нагими приходим мы в этот мир и нагими покидаем его. Ведь *fili* способен видеть за телесной оболочкой обнаженную душу, а душа Езуса из Назарета была мудрой и древней. Однако ему было присуще и нечто большее...

— Нечто большее? — удивленно сказал Иосиф, испытывая смутную тревогу.

Вождь Лисиц пристально смотрел на алые языки пламени, искры которого взлетали над костром, словно живые, и беззвучно таяли в черном ночном небе. От напряженного ожидания по телу Иосифа побежали мурашки, и наконец он услышал шепот друида:

— В нем был бог.

Иосифу вдруг стало нечем дышать, словно его ударили в грудь.

— Бог? — выдавил он. — Но, Ловерн, ты же знаешь, что у нашего народа есть только один Бог: Царь Царей, Владыка Небесного Воинства, Незримый и Неизреченный, Вдохнувший жизнь в этот мир, Господь, Претворившийся в словах: Я есмь. Неужели ты полагаешь, что такой Бог действительно может воплотиться в живое человеческое существо?

— Боюсь, что я увидел в нем сходство с иным богом, — медленно сказал вождь. — Ибо даже имя его

сходно с именем великого кельтского бога Езуса, владыки нижнего мира, всех земных богатств. Мученик, то есть тот, кто призван принести свою жизнь в жертву Езусу, должен повисеть на дереве, дабы приобщиться к истинной мудрости и бессмертным знаниям. Водан, северный бог, провисел на мировом древе девять дней, чтобы приобщиться к тайнам рун мудрости, тайне всех тайн. Твой Езус из Назарета провисел девять часов, но идея та же. Я полагаю, что он был жрецом или магом самого высокого статуса, что он пожертвовал собой ради вхождения в магический круг, где пребывает истина, ради достижения божественной мудрости и духовного бессмертия.

— Пожертвовал собой? При чем тут мудрость? И ради какого бессмертия? — вскричал Иосиф из Аримафеи, в возбуждении вскочив на ноги. Римляне действительно рассказывали о том, что у кельтов приняты человеческие жертвоприношения, но от друида он услышал это впервые. — Нет, нет. Это просто невозможно. Иешуа, конечно, стал Учителем, но я вырастил его... я относился к нему как к моему единственному сыну. Я знал его лучше всех. Он не мог отвернуться от рода человеческого, отказаться от возложенной на него миссии — поиска спасения для его народа, утверждения любви прямо здесь, на земле! Он неуклонно шел к жизни, к свету. И не проси меня поверить в то, что Учитель мог совершить некий темный языческий ритуал, взывая к кровожадным древнейшим богам наших предков.

Ловерний тоже поднялся с земли. Он положил руки на плечи Иосифа и пристально посмотрел прямо ему в глаза.

— Но, друг мой, ведь именно в это ты и веришь, — наконец сказал он.

Когда Иосиф отпрянул, выражая протест, Ловерний добавил:

— Именно этого ты все время боялся, не так ли? Иначе почему же ты не открывал эти глиняные сосуды до отплытия Иакова Зеведеева? Зачем призвал меня с островов, страшась открыть их в одиночестве?

Не дожидаясь ответа Иосифа, вождь поднял сеть с цилиндрическими глиняными амфорами и изучающе посмотрел на них, поднеся к свету костра.

— Нам осталось только решить: прочесть эти записи или сжечь их, — сказал он Иосифу. — Видишь ли, твой учитель прошел хорошо известный мне путь. В наших племенах лишь избранные судьбой способны пройти по пути друида, вестника богов. Такой путь готовит к самопожертвованию, а твой Езус, по-моему, всегда стремился к этому ради рода человеческого. На таком пути, как я уже говорил, избранный вестник приобщается к знаниям жизненной мудрости и истины для осуществления высокого призвания. Но есть и другой путь, гораздо более опасный, но дарующий — при успешном его прохождении — бесконечно глубокие знания и могущество.

— Какое могущество? — спросил Иосиф.

Ловерний опустил сеть на землю и твердо взглянул на Иосифа.

— Нам необходимо точно выяснить, какие именно сокровища захоронили ваши прародители под корнями того дуба в Самарии и где они находятся теперь. Возможно, они спокойно пролежали два тысячелетия под землей, но я очень опасаясь обратного. Ибо я подозреваю, что Езус из Назарета вспомнил ту историю не только из-за изнасилования Дины и мести, учиненной ее братьями. Мне думается, что истинный скрытый смысл его истории связан с преображением более сложного порядка... и захороненные Иаковом предметы помогут нам постичь эту тайну.

— Но ведь это же я рассказал тебе о тех вещах, — сказал Иосиф. — Учитель даже не упоминал о

них. Кроме того, Иаков велел закопать там всего лишь какие-то одежды и драгоценности, личные вещи и домашних идолов своих слуг, и они оставались погребенными две тысячи лет. Разве могут они иметь какое-то отношение к преображению, а тем более к причинам странных действий Учителя?

— Ты говорил, что их захоронили под священным дубом подле священного колодца и что причина их захоронения связана с изменением личностных качеств племен, произошедших от Иакова. А значит, то были не просто личные вещи, но своеобразные талисманы, вобравшие в себя особый дар каждого члена племени, — сказал Ловерний. — Посвященный, избравший упомянутый мною более сложный путь, должен сначала постичь силу таких талисманов. Приобщиться к их общинному единому могуществу, скрытому в древних таинствах. Я уверен, что именно к этому стремился твой учитель. И раз он избрал такой путь ради вашего народа, то сам должен был завладеть талисманами ваших предков. Но независимо от того, завершил он путь преображения или нет, теперь эти предметы нужно вернуть обратно в землю, чтобы умиловать богов.

— Я не понимаю, — запротестовал Иосиф. — Ты считаешь, что Учитель выкопал предметы, зарытые в землю тысячи лет назад — а возможно, и вовсе никогда не существовавшие, — чтобы обрести некое таинственное могущество. Но, Ловерний, еще при жизни Учитель творил потрясающие чудеса, он даже воскресил Лазаря после смерти. А после своей собственной смерти он явился к Марии, как живой. Разве может что-то сравниться с таким могуществом?

Угасли последние язычки пламени, и по молчаливому согласию мужчины разбросали угли костра и направились к кораблю Иосифа. Подняв сеть с глиняными сосудами, Ловерний забросил ее на свою широкую спину. Теперь Иосиф различал лишь смутные очертания крепкой фигуры своего спутника. Из темноты донесся тихий голос Ловерния:

— Боюсь, я выразился не слишком ясно, сказав, что в твоём учителе был бог. На самом деле друиды верят, что такой избранный должен быть богом, чтобы породить новую эпоху.

И почему же считают Сатурна отцом Истины?

Полагают ли они, что... Сатурн (Кронос) есть Время (Хронос), то Время, что открывает истину?

Или, возможно, связывают его с легендарной эпохой Сатурна... эпохой величайшей добродетельности и приобщения к глобальным истинам?

Плутарх. Римские вопросы

Луций Вителлий, недавно назначенный в Сирию римский легат, мерил шагами свои покои. Эти просторные залы, где обсуждались текущие дела в Сирийской Антиохии, выходили во внутренний двор, ограниченный крепостными казармами, в которых разместились солдаты третьего легиона. Всякий раз, проходя мимо окон, выходящих в этот двор, Вителлий бормотал проклятия. И всякий раз его писец, вздрагивая, отрывал на мгновение взгляд от записей и сразу же вновь опускал глаза, чтобы проверить, не смазал ли он текст. Он как раз пытался стереть кляксу, когда вошел старший квестор.

— Где же, Марцелл, разрази его гром? — взорвался Вителлий. — Я послал за ним почти час назад! Сколько его можно ждать? У меня и без него хватает хлопот, учитывая, какая у вас тут неразбериха в делах: мало этих проклятых парфян, так теперь к ним прибавились еще и иудеи!

— Не гневайся, высокочтимый Вителлий, он послал меня сказать, что еще немного задержится, — ответил квестор извиняющимся тоном, опустившись на колени. — У него разгорелся яростный спор

с центурионами. Они выяснили какие-то подробности и не хотят, чтобы Марцелл отправлялся в Иудею. Они не хотят публичного разбирательства...

— Они не хотят публичного разбирательства? — Лицо Вителлин покрылось красными пятнами. — Будь так добр, напости им на первый случай, кто здесь римский легат!

Писец беспокойно ерзал на своем месте, с тревогой поглядывая на выход, словно намереваясь сбежать.

— Впрочем, ладно, — яростно добавил Вителлий. — Раз уж меня вынуждают, то я сам освежу память моих воинов относительно того, кто здесь сейчас главный!

Он стремительно направился к выходу, едва не столкнувшись с вошедшим командиром легиона Марцеллом.

— Прости мое опоздание, почтеннейший Вителлий, — сказал командир, припадая в поклоне к его мантии. — Но как ты, должно быть, знаешь, с самого начала присоединения Каппадокии центурионам постоянно приходится держать солдат наготове, ведь парфяне то и дело совершают набеги на нашу северную границу. А теперь еще это дело иудейского наместника Понтия Пилата... Марцелл пробежал пальцами по коротко стриженным волосам и покачал головой.

— Честно говоря, наши воины боятся, что если мы представим Пилата на публичный суд, как планировали, то во всех южных областях начнутся гражданские волнения. Обстановка там пожароопасная. С самого начала действия Пилата были вызывающими. Он ограбил сокровищницу Иудейского храма, осквернил священную землю и священные покровы, проводя акведук по иудейскому кладбищу. Пару лет назад он даже распял известного иудейского проповедника заодно с какими-то обычными преступниками. Похоже, он просто травит иудеев, что недопустимо для главы римской провинции. А сейчас еще эта резня в Самарии. На мой взгляд, тревога наших центурионов вполне оправданна. Положение чрезвычайно сложное. Если суд сочтет Пилата виновным, то иудеи осмелеют, одержав такую победу над Римом. Но если его сочтут невиновным в том, что он приказал перебить множество самаритянских евреев, то начнется мятеж, размеры которого трудно представить.

— Мой дорогой Марцелл, поверь мне, я сам подробно ознакомился с обстоятельствами этого дела, — сказал легат, разрешая собеседнику сесть. — Ты мог бы избавить нас обоих от бесполезных огорчений и затрат времени, придя сюда сразу, как только я позвал тебя, поскольку я уже принял решение. Прошлые прегрешения Пилата были не так уж велики. Но за избиение самаритян Пилат будет послан в Рим и там предстанет перед судом.

— Перед сенатом? — изумился Марцелл. — Но возможно ли такое? Пилат подчиняется тебе, имперскому легату. Он же всего лишь провинциальный прокуратор.

— И член сословия всадников, — добавил Вителлий. — Следовательно, он может предстать перед военным трибуналом как равный и получить надлежащее осуждение или приговор от Римского сената.

Считая до сего момента эту проблему совершенно непреодолимой, Марцелл широко улыбнулся столь невероятно мудрому решению проблемы. Но тут же скрыл свои эмоции, заметив, что писец и квестор внимательно наблюдают за ними.

— Ты можешь оставить нас, — сказал Вителлий квестору, и тот немедленно удалился. Затем он обратился к писцу: — Я хочу, чтобы ты прочел командиру Марцеллу мое послание на Капри.

Писец встал, развернул свиток и начал читать:

«Тиберию Цезарю,
императору Рима,
на остров Капри
от Луция Вителлия,
легата Римской империи в Антиохии Сирийской
Августейший Тиберий!

Почтеннейше уведомляю тебя, что данной мне властью императорского легата в Римской Сирии я отстранил Понтия Пилата от должности наместника Иудеи, освободив его от дальнейшего исполнения всех служебных обязанностей в этой восточной провинции нашей империи. Ввиду тяжести обвинений и серьезных свидетельств против Пилата, а также острого недовольства им народа я приказал ему вернуться в Рим, где он предстанет перед судом военного трибунала всаднического сословия и будет осужден, как должно, Римским сенатом. На место бывшего наместника я назначил Марцелла, мудрого полководца Третьего легиона, чью репутацию, я надеюсь, Великий император сочтет безупречной.

Прилагаю доклад о результатах месячного расследования нашим региональным военным советом жалобы, поданной легионом от самаритянского совета в Сихеме и обвиняющей Пилата в преступлениях против гражданского населения и части его лидеров. Я полагаю, этот доклад полностью оправдывает предпринятые мною действия.

Я возношу молитвы к небесам, дабы боги ниспослали тебе, Августейший Тиберий, и всей императорской семье продолжительное здоровье и благополучие. И я прошу твоего дозволения передать мой сердечный привет сыну моему Авлу, ради которого я разожгу конус мирры, дабы он продолжал радовать тебя, Августейший, на острове Капри как виночерпий и танцор в компании других юношей.

Остаюсь преданным и благодарным слугой Римской империи

Доклад Третьего легиона в Антиохиио расследовании обвинений по делу:

Совет Сихема, Самария против наместника Иудеи Понтия Пилата

Письменную жалобу прислал народный совет Сихема на Понтия Пилата, наместника Рима в Иудее, за учинение жесточайших притеснений в ходе последнего месяца, завершившихся смертью ста двадцати семи самаритянских граждан — мужчин, женщин и детей — во время священного паломничества более чем четырех тысяч верующих к святой еврейской горе Гаризим. Далее в послании утверждается, что наместник Пилат приказал арестовать, пытать и казнить наиболее известных в Самарии горожан, большинство из которых были ранее схвачены по его указу.

Самария является политически важной центральной областью Римской Палестины и отделяет провинцию Римская Иудея от тетрархии Галилейской, управляемой Иродом Антипой. Ее главный город, Сихем, находится между двумя важными религиозными святынями: горой Гевал и горой Гаризим. Издревле существует вражда между иудеями и самаритянами. Много столетий лишь самаритяне всячески поддерживали древние еврейские ритуалы, собираясь на горе Гаризим, почитая голубя и священный дуб. Все евреи, включая иудеев, согласны, что гора Гаризим является важной святыней в истории их веры. Они называют ее Tabbur Ha'ares, что означает «абсолютный географический центр земли, место схождения четырех четвертей света», или, по-нашему, Axis

Mundi — ось мира.

Согласно преданиям, священные сосуды и другие сокровища из первого храма царя Соломона в Иудее унесены были во время разрушения этого храма и захоронены на горе Гаризим, а по возвращении евреев из египетского рабства их духовный пастырь Моисей приказал поместить туда же священные реликвии из первой построенной в пустыни скинии, включая знаменитый ковчег завета и даже саму скинию. Многочисленные еврейские племена, храня заветы древней веры, полагают, что ключевой колодец вблизи Сихема, доныне знаменитый своими целительными водами, был выкопан их прародителем Иаковом, который по прибытии в эту землю построил на том месте первый алтарь.

Также евреи всех сект полагают, что эти священные реликвии вновь явятся на свет Божий на заре новой эпохи, и она согласно их календарю наступит весьма скоро, по прошествии тысячелетия со времен эпохи Моисея. Поскольку самаритянский пророк предсказал, что явлены реликвии будут на осеннее равноденствие, то в прошлом месяце четырехтысячная толпа паломников собралась и направилась к этой горе.

Прослышав об этом, Понтий Пилат вызвал гарнизон римских солдат, расквартированный около города Кесарии, велел им одеться пилигримами и пойти к месту паломничества. Когда верующие начали восхождение на священную гору, эти ряженные по приказу Пилата перерезали многих. Других, особенно богатых и именитых людей, взяли в заложники и отвели в Кесарию, где и допрашивали о целях паломничества, а потом в довершение всего казнили, также по приказу Понтия Пилата.

В ходе данного расследования Пилат утверждал, что пытался предотвратить таким образом народные волнения, узнав заранее, что многие пилигримы будут вооружены. Но, учитывая, что даже сами самаритяне обычно ходят вооруженными из-за разбойников, коими кишат эти районы, и что многие убитые на Гаризиме были безоружными женщинами и детьми, такое объяснение было признано неудовлетворительным. Вышеупомнутый наместник был взят под стражу в Антиохии до выяснения дальнейших действий.

Основываясь на докладах римских легионеров, представленных в ходе расследования об аресте самаритян, следователи трибунала пришли к согласию, что в действительности наместник Пилат стремился выяснить, где могут быть захоронены легендарные еврейские реликвии. Чтобы проверить данную версию, мы направили вспомогательную фалангу Третьего легиона для проведения поисков на горе Гаризим. Согласно их отчету на этой горе обнаружены многочисленные места свежевскопанной земли. Поскольку паломники еще не успели взойти на священную гору, когда на них набросились римские солдаты, то, очевидно, эту работу проделали другие искатели, возможно по распоряжению самого Пилата. Но древние священные реликвии не обнаружились».

Я пригнул змею на груди римского народа, а в мир выпустил Фаэтона.

Тиберий о Гае

Пусть ненавидят, лишь бы боялись.

Гай Калигула

— Жизнь преподносит нам очаровательные сюрпризы, когда мы меньше всего их ожидаем! — с видимым удовольствием заметил император Гай своему дяде Клавдию.

Они шли под ручку по Марсову полю вдоль Тибра, направляясь к мавзолею Августа и

недостроенному храму в честь божественного Августа, чье строительство прекратилось после смерти Тиберия. Гай улыбался, видимо вспоминая что-то смешное. Глубоко вдохнув аромат свежей весенней зелени, он продолжил:

— Подумать только, ведь всего месяц назад меня еще считали «Калигулой» — «Маленьким Сапожком», потому что отец воспитывал меня в военном лагере и я с детства носил солдатские сапоги, — сказал он. — А в восемнадцать лет я был всего лишь одним из танцовщиков гарема, ублажавшего дедушку на отвратительном острове Капри. Но посмотри на меня сегодня: в двадцать четыре года я стал правителем всей огромной Римской империи! Разве не гордилась бы мною матушка? — Лицо его вдруг омрачилось гневом, и он яростно воскликнул: — Если бы только ей позволили прожить достаточно долго, чтобы увидеть мой триумф!

Зная историю императорского рода, Клавдий почти не удивился такой мгновенной и яростной смене настроения. Продолжая прогулку, он мягко похлопал своего племянника по руке. Подобно этому молодому императору, которого все пока еще ласково называли Калигулой, Клавдий проводил жизнь в размышлениях о том, кто же из них, включая его самого, будет убит следующим и кто именно из членов семьи организует очередное убийство.

Ходили, к примеру, упорные слухи, что ради восшествия на престол Тиберий убил Германика, своего же приемного сына — отца Калигулы и брата Клавдия, опасаясь того, что Германик как фаворит Августа займет трон вместо него, Тиберия. Но это был последний член семьи, причина смерти которого осталась в области слухов. Двух братьев Калигулы и его мать Агриппину Тиберий публично приказал изгнать, истязать и заморить голодом.

— Естественно, я предвижу определенные сложности, — добавил Калигула, имея в виду смерть своего приемного деда. — Ведь я гостил у Тиберия в его загородном доме в Мизенах. Да, я был там в ту ночь, когда он внезапно умер. От несварения желудка, через три дня после дорожного пиршества. Хотя, признаться, его смерть подозрительно похожа на отравление, а небеса знают, что у меня, как и у всех остальных, накопилось множество причин избавиться от этого старого козла. Да он и сам избавился почти от всех, кто когда-либо сживал с ним за трапезой.

— Ну, в таком случае все полагают, что это твоих рук дело, — подмигнув, сказал Клавдий. — Вот интересно, какими же чудесными наградами сенат и горожане собираются осыпать тебя? Знаешь ли ты, что во время твоих инаугурационных торжеств по городу ходили толпы людей с криками: «Тиберия в Тибр»? Та же история случилась в старые добрые времена с Сеяном: высокий взлет неминуемо заканчивается падением.

— Не говори так! — воскликнул Калигула. Вырвав свою руку, он вдруг глянул на Клавдия странным застывшим взглядом. Потом с улыбкой, от которой по спине Клавдия пробежал холодок, спросил: — А ты знаешь, что я поимел свою сестру?

Клавдий онемел от удивления. Известно, что с детства Калигула страдал типичными для цезарей припадками, падал на землю с пеной во рту. Но сейчас, внимательно присмотревшись к этому молодому императору, стоявшему прекрасным весенним днем на сочной зеленой траве Марсова поля под сияющим голубым небом, Клавдий понял, что дело тут не в обычном безумии. Он понял, что должен придумать какой-то ответ на замечание племянника, и как можно быстрее.

— Милостивые небеса! — сдавленно хихикнул он. — Ну и ну, я и не подозревал об этом... надо же, какая неожиданность! Да и как такое могло прийти мне в голову? Насколько я понял, ты сказал «мою

сестру», но ведь у тебя три сестры, одна краше другой!

— Все в нашем семействе правы относительно тебя, дядя Клавдий, — сухо сказал Калигула. — Ты круглый дурак. Теперь я даже жалею, что назначил тебя своим первым консулом, чтобы ты помогал мне править империей. Конечно, из всей нашей семейки я отношусь к тебе с наибольшей симпатией, но все-таки думаю, что следовало выбрать кого-то поумнее.

— Ладно, ладно, ты же можешь отменить свое назначение в любое время, хотя, разумеется, я рад и, более того, счастлив оказанной мне честью, — протараторил Клавдий, судорожно думая, что же будет дальше.

Он молча ждал божественного вмешательства, и наконец его племянник заговорил сам.

— Я не говорю о своей сестре! — тихо прошипел Калигула, хотя выставленная на поле стража находилась далеко за пределами слышимости. — Как ты не понимаешь? Я говорю о богине!

— А-а-а, о богине? — сказал Клавдий, изо всех сил стараясь выдержать взгляд Калигулы, хотя горящие глаза императора прожигали его точно угли.

— Да, о богине! — заорал Калигула. Он в ярости сжал кулаки, его лицо вновь резко помрачнело. — Неужели не понятно? Не могу же я сделать простую смертную императрицей! Смертные братья и сестры не могут пожениться! Но боги всегда женятся на сестрах — они вечно так делали, такая уж у них жизнь! Именно потому мы и узнаем, что они действительно боги, понимаешь? Потому что все они развлекались со своими сестрами!

— Ну конечно, — сказал Клавдий, стукнув себя по лбу, словно на него наконец снизошло озарение. — Но ты же не сказал, что она была богиней, это и сбilo меня с толку. Твоя сестра богиня. Теперь понятно. Значит, ты говоришь о... Друзилле! — закончил он, пылко взывая ко всем подлинным богиням и надеясь, что нашел верный ответ.

Калигула улыбнулся.

— Ох, дядюшка Клавдий, — сказал он, — да ты настоящий лис. Ты все знал и притворялся непонимающим, чтобы мне самому пришлось все объяснить тебе. Ладно, а сейчас я хочу поделиться с тобой моими идеями о возрождении империи.

Идеи Калигулы о возрождении империи потрясли даже Клавдия, чьи пристрастия к дорогостоящим гетерам и шикарным попойкам были хорошо известны. За время часовой прогулки у мавзолея и недостроенного храма Августа они успели обсудить, как лучше завершить это строительство, а Клавдий быстро прикинул, во что обойдется претворение в жизнь имперских планов.

Калигула уже одарил редкими драгоценностями комедианта Мнестера и многих других своих фаворитов. А когда Ирод Агриппа, брат жены тетрарха Галилеи Ирода Антипы, был освобожден из тюрьмы, где он томился последние шесть месяцев по приказу Тиберия, Калигула устроил целый спектакль, демонстративно заменив его тюремные железные цепи на золотые того же веса. Если даже малая толика его будущих затей осуществится, прикинул Клавдий, то на это уйдут все богатства, нажитые Тиберием, — наследство, составившее двадцать семь миллионов золотых монет, — и существенно сократятся запасы государственного казнохранилища.

— Здесь, в Риме, я завершу строительство храма Августа и театра Помпея, — бодро продолжил юный император, загибая на каждый пункт плана по пальцу. — Я расширю императорский дворец до Капитолийского холма, соединив его с храмом Кастора и Поллукса, проведу в сады акведук и построю новый амфитеатр для комедий Мнестера. В Сиракузах я прикажу обновить все

разрушающиеся храмы. Я пророю канал через перешеек в Грецию, отреставрирую дворец Поликрата на острове Самос, верну в Рим на прежнее место статую Олимпийского Юпитера. А еще мне хочется построить новый храм Аполлона Дидимейского в Эфесе, его проектированием и строительством я собираюсь руководить лично...

После долгой прогулки они отправились во дворец. И только когда они оказались в личных покоях Калигулы, Клавдий сумел наконец подойти к вопросу, вертевшемуся у него на языке целое утро.

— Мой дорогой Гай, каким же образом альтруизма ты предстанешь перед римским народом! — сказал он племяннику.

Император восседал на богато украшенном троне, стоявшем на возвышении, к которому вело несколько ступеней, и поскольку сам Клавдий оставался внизу, то ему пришлось слегка повысить голос, чтобы его лучше слышали.

— Народная любовь и вера в тебя будет с лихвой вознаграждена. Ты же помнишь, как в былые времена народ требовал хлеба и зрелищ. А ты задумал вернуть нам великолепные празднества, практически отмененные Тиберием! Но тебе вряд ли подойдет роль сборщика налогов.

Следовательно, ты придумал какой-то хитроумный способ пополнения казны?

— И ты говоришь с богом о грязных деньгах? — надменно ответил Калигула.

Взяв позолоченный белемнит, так называемый громовой палец Юпитера, император с задумчивым видом приступил к обработке ногтей — своему любимому занятию при обсуждении государственных дел.

— Ну ладно уж, поскольку ты являешься моим соправителем, то, наверное, мне следует посвятить тебя в одну тайну, — сказал он, глянув на Клавдия со своего золотого насеста. — Ты помнишь Публия Вителлия, ближайшего сподвижника моего отца Германика? Он был с ним, когда отец умер совсем молодым, всего лишь в тридцать три года, во время того злосчастного похода в Сирию.

— Я отлично знал Публия, — сказал Клавдий. — И после смерти моего брата он оставался его самым преданным сторонником. Ты был в то время совсем ребенком и, возможно, не знаешь, что именно он притащил Пизона — приспешника Тиберия — в суд по обвинению в отравлении твоего отца. Тиберия тоже можно было бы обвинить в этом убийстве, если бы ему не удалось сжечь секретные указания Пизону, которые ему предъявили. Конечно, Тиберий надолго запомнил такую измену и не скоро простил Вителлия. В итоге Публия арестовали, заявив, что он якобы состоял в преступном сговоре с Сеяном. Он даже пытался вскрыть себе вены, но потом заболел и умер в тюрьме. А его брата Квинта, сенатора, принародно лишили всех прав во время одной из чисток, устроенных в сенате по требованию Тиберия.

— Вот это-то и удивительно, — медленно сказал Калигула, — почему дедуля сначала уничтожает двух братьев этого семейства, а незадолго до своей смерти, вдруг сменив гнев на милость, назначает их младшего брата императорским послом в Сирию. А? Как тебе нравится?

— Луция Вителлия? — уточнил Клавдий, приподняв брови. — Я считаю, впрочем, как и все остальные в Риме, что его назначение связано скорее... с личной симпатией. — И неловко закончил:

— В общем, благодаря юному Авлу.

— И правда, кто же, если не отец такого красавчика, как Авл, мог по праву заслужить столь явное благорасположение! — саркастически бросил Калигула. — В конце концов, этот парень великодушно подарил Тиберию свою девственность, когда ему было всего шестнадцать. Уж мне ли

не знать, ведь я все видел своими глазами. Однако речь пойдет о другом.

Калигула встал, спустился по ступеням и прошелся по залу, похлопывая по ладони своим громовым пальцем. Затем он положил его на стол, взял полный кувшин с вином и, налив немного в кубок, позвонил в колокольчик. Мгновенно появился пробующий блюда слуга, мальчик лет девяти-десяти, и выпил вино, а Калигула тем временем наполнил до краев еще два кубка. Взяв себе один из них и жестом предложив дяде последовать его примеру, он подождал, пока слуга откланяется и покинет зал. Затем, к величайшему удивлению Клавдия, его племянник открыл стоявший на столе большой ларец, достал оттуда пару драгоценнейших жемчужин — каждая шириной с большой палец — и опустил их в кубки с вином.

— У меня находятся бумаги Тиберия, привезенные с Капри, и я прочел их все, — заявил Калигула, сделав глоток вина и вытерев губы. — Около года назад Луций Вителлий, сразу после его назначения в Сирию, написал Тиберию об одном крайне интересном деле. Оно касается очень ценных предметов, некогда принадлежавших евреям. В глубокой древности они захоронили свои реликвии на священной горе в Самарии, и их, видимо, всеми силами старался разыскать бывший ставленник Сеяна, Понтий Пилат. Этот Пилат перерезал уйму народа, пытаясь завладеть ими. Клавдий, единственный откровенно бедный родственник этого августейшего семейства, размышлял, успеет ли он выловить и незаметно от племянничка спрятать жемчужину, пока она не растворилась. Но потом, придумав кое-что получше, сделал добрый глоток этого удивительно подорожавшего вина.

— А что именно сообщил Вителлий о тех предметах? И кстати, что теперь стало с ними и с Пилатом? — спросил он.

— Для начала Пилата сняли с должности наместника и содержали в Антиохии под стражей как минимум десять месяцев, ожидая очередной триремы, следующей прямо в Рим, — сказал Калигула. — Она прибыла сюда на той же неделе, когда умер мой дед, поэтому я распорядился задержать Пилата для допроса. Впрочем, в этом не было особой необходимости, поскольку недавно я и сам смог связать разрозненные части этой истории и о многом догадался. Как ты знаешь, став императором, я первым делом освободил из тюрьмы Ирода Агриппу и подарил ему тетрархию, которой управлял его покойный дядя Филипп, а также вернул титул царя. И еще я поручил ему выполнить для меня одну службу.

Клавдий начал уже думать, что вино действительно освежает ум, поскольку сразу же понял, что его одержимый идеей божественности племянник не так уж безумен, как кажется. *In vino Veritas*,^[32] решил он и сделал второй добрый глоток.

— Не будем забывать, — сказал Калигула, — что я шесть лет прожил с дедом на Капри и многое видел и слышал, причем не только на пирах и оргиях. Лет пять назад кое-что произошло. Может, ты тоже помнишь об этом. Тиберий разговаривал с одним египетским кормчим, его доставили на Капри из Рима...

— Ты имеешь в виду того египтянина, который предстал перед сенатом и рассказал о том, как, проплывая ночью на вестинском равноденствие около берегов Греции, услышал голос, возвестивший, что великий бог Пан умер? — загоревшись интересом, спросил Клавдий и в очередной раз хорошо приложился к кубку.

— Да, именно его, — ответил Калигула. — Дед никому не рассказывал об этой встрече и никогда не

обсуждал ее. Но что бы он там ни узнал от египтянина, я заметил, что после этого он сильно изменился. Я поговорил об этом с мужем моей сестры Друзиллы...

— Богини, — икнув, подсказал Клавдий.

Но Калигула не обратил внимания на его реплику.

— Пять лет назад, — продолжил он, — когда мой зять Луций Кассий Лонгин был консулом в Риме, его родной брат, легионер по имени Гай Кассий Лонгин, служил в третьем легионе в Сирии. На той самой неделе весеннего равноденствия их послали в Иерусалим к Понтию Пилату для охраны порядка на празднике и проведения публичной казни. Так вот, он рассказывал, что там произошло нечто очень странное.

— Ты хочешь сказать, что слухи о смерти великого бога Пана как-то связаны с сокровищами, которые искал Пилат? — спросил уже слегка опьяневший Клавдий. — А узнав кое-что об этом от твоего зятя, ты освободил из тюрьмы Ирода Агриппу и вернул ему царский титул, чтобы он помог тебе найти таинственные сокровища?

— Точно! — воскликнул Калигула, взял золоченый громовой палец и подбросил его почти до самого потолка. — Дядюшка Клавдий, возможно, ты изрядный выпивоха, каким тебя все и считают, но ты совсем не дурак — ты гений!

Подхватив Клавдия под руку, он потащил его обратно к тронному возвышению, они присели вместе на ступени, и молодой император, склонившись к дяде, начал рассказывать ему странную историю.

— Так вот, пять лет назад, в пятницу перед равноденствием, Пилат отдал приказ распять какого-то еврейского демагога и двух других преступников, понимая, что к вечеру их тела нужно будет убрать, поскольку следом шла иудейская суббота, когда их уже нельзя будет убирать. Для ускорения казни, как мне сказали, преступникам обычно ломали кости ног, и тогда они очень быстро умирали.

Наверное, во всем виновата выпивка, подумал Клавдий, но ему вдруг показалось, что освещение слегка померкло и глаза его племянника, описывающего эту ужасную процедуру, загорелись зловещим огнем. Он выпил еще вина.

— Гай Кассий Лонгин впервые присутствовал на такой казни, — продолжил Калигула. — Когда подошло время снимать распятых, он вскочил на лошадь и, подъехав к тому, что висел в середине, ткнул его копьем в грудь. Но, сделав так, Гай заметил что-то необычное в своем оружии. Должно быть, когда они направились к месту казни, кто-то из приятелей подшутил над ним, подсунув ему чужое копье. Сделанное довольно грубо, оно выглядело старым и изрядно побитым. Гаю запомнилось, что наконечник был привязан к древку чем-то вроде скрученных лисьих кишок. Пока тела преступников уносили с горы, он немного поразмышлял об этом и, прежде чем вернуться в Антиохию, зашел с докладом к Пилату. Пилат спросил Гаю об этом копье, объяснив, что его, как казенное оружие, нужно вернуть в арсенал, — по-моему, это звучит весьма сомнительно. И только тогда Гай заметил, что оно исчезло.

— Ты думаешь, что копье было одним из тех предметов? — сказал Клавдий. У него заболели глаза, то ли от вина, то ли от странной сумрачности в зале. — Но по-моему, его едва ли можно назвать драгоценным или таинственным, и вообще непонятно, откуда оно взялось?

— О его таинственности мне говорит то, что оно появилось так же таинственно, как и исчезло, — сказал Калигула. — О его ценности мне говорит то, что Пилат уже за несколько лет до резни на горе хотел заполнить его — видимо, он полагал, что по крайней мере часть реликвий уже выкопана из

земли. А что касается того, откуда оно взялось, то я подозреваю, что мой дед как раз и пытался выяснить это, когда по пути на Капри задержался в Мизенах. И у меня есть веские причины считать, что перед самой смертью он все выяснил.

— Тиберий? — удивился Клавдий. В угнетающе сумрачном свете он, прищурившись, поглядел на своего племянника, отставив наконец в сторону кубок. — Но ведь он и так уже накопил двадцать семь миллионов золотых монет. Стоило ли ему распутывать эту историю ради каких-то реликвий сомнительной ценности?

— Говоря о ценности этих предметов, — сказал Калигула, — я имел в виду не их материальную стоимость, но нечто гораздо более значимое. Об этом пока никто не знает, даже Друзилла.

Понимаешь, я не случайно оказался в Мизенах, когда Тиберий прибыл туда в день своей смерти: я специально ждал там встречи с ним. Хотя он редко покидал Капри, но последний раз отсутствовал там несколько месяцев, и никто толком не знал, где он пропадал. Мне удалось выяснить, что он ездил к островам Пакси, тем самым, где египетский кормчий услышал тот жуткий крик. И мне думается, я знаю, что именно он надеялся там разыскать. На этих островах Пакси, около побережья Греции, стоит огромный камень вроде тех, что встречаются в землях кельтов. На нем вырезаны письма на утраченном древнем языке, который, как считалось, никому не под силу расшифровать. Но Тиберий решил, что он знает человека, способного помочь ему. Человек этот, в свое время им облагодетельствованный, был заинтересован в этом деле так же сильно, как и он сам. Ты его знаешь, дядя Клавдий. По-моему, ты сам привозил его на Капри несколько лет назад для передачи какого-то прошения: чтобы дед отменил приказ Сеяна и позволил евреям вернуться в Рим.

— Иосиф из Аримафеи! Тот богатый иудейский купец, приятель Ирода Агриппы! Но что ему может быть известно обо всем этом? — воскликнул Клавдий.

— Да уж, наверное, немало, если он встретился с Тиберием на Пакси и провел там с ним несколько месяцев, расшифровывая древние каменные письма, — ответил Калигула. — Когда деду стало плохо тогда после ужина, я остался присмотреть за ним и услышал, что он говорил во сне — или, скорее, выкрикивал в кошмарном бреду во время мучительной предсмертной агонии. Ну и что ты думаешь? Конечно, я все записал. До сих пор только я во всем мире обладал этим знанием.

Когда Калигула улыбнулся, Клавдий попытался улыбнуться в ответ, но его губы словно онемели. К тому моменту у него осталось мало иллюзий относительно причины смерти Тиберия. Он молил только, чтобы хоть то вино, которое он с такой жадностью выпил сейчас, было не отравлено. Ему и правда стало нехорошо.

Калигула взял дядю за руку, и Клавдию показалось, что в зале стало еще темнее. Единственным неизменным светом был странный огонь, мерцающий в глубине глаз императора.

— Всенепременно, — умудрился пролепетать Клавдий, проваливаясь в темноту.

Каждую эру, когда в дни весеннего равноденствия солнце восходит в новом астральном созвездии, бог нисходит на землю и возрождается во плоти смертного. Бог живет до зрелости среди смертных, далее приносит себя в жертву, покидает плотскую тюрьму и возвращается во вселенную. Перед смертью бог передает вселенскую мудрость лишь одному избранному смертному созданию.

Но дабы божественная мудрость стала явленной на земле в астральную эру, нить ее должно вплести во вселенскую ткань, сочетающую переплетение духа и материи. Только истинно посвященному, преисполнившемуся сознанием бога, ведомо, как содейть это.

Для установления вселенской связи должно собрать воедино тринадцать реликвий. Каждой реликвии отведена особая роль в ритуале возрождения новой эры, и каждая из них перед использованием должна соприкоснуться с божественной материей. Для возрождения грядущей эры потребно единство тринадцати реликвий:

Если поименованные реликвии сойдутся в руках человека, не обладающего вечной мудростью, то вместо эпохи вселенского единства породит он век дикости и ужаса.

— Ты понимаешь? — резко спросил Калигула, закончив эту впечатляющую диатрибу. — Вспомни, что я говорил тебе о копье, появившемся на казни в Иудее. Почему первым в списке стоит копье? Ты понимаешь, что это означает? Тиберий считал, что богом, позволившим распять себя перед началом эры возрождения, был Пан — козлийный бог, теснейшим образом связанный с названием острова Капри или даже с самим этим островом. Но когда на Пакси расшифровали высеченные на камне письма, то оказалось, что именно иудеи, мой дорогой, обеспечили необходимую мертвую плоть для такого превращения. Разве не евреи бродят по всему миру, изучая древние языки и разгадывая тайны? Возможно, они также собирают эти всемогущие реликвии. Думаешь, твой Иосиф из Аримафеи не знал, что делает, когда просил Тиберия вернуть его народ в Рим? Думаешь, он не знал, что делает, когда выкрал тело того распятого в Иерусалиме иудея? Потому что он сделал это... и он же забрал то странное копье у Гая Кассия Лонгина.

— Силы небесные, Гай! Подожди, пожалуйста! — простонал Клавдий, роняя отяжелевшую голову на колени и чувствуя, что у него в животе от волнения и большого количества выпитого вина начинается мятеж. — Дай-ка перо. Мне нужно очистить желудок.

— Неужели ты не можешь хоть на мгновение сосредоточиться? — возмутился его племянник. Он поднялся и передал дяде вазу со страусиными перьями. Клавдий вынул перо и помахал им в воздухе, чтобы расправить волоски. Потом открыл рот и пощекотал пером в горле, пробуждая рвотные позывы, после чего быстро выплеснул в вазу все винное содержимое своего желудка.

— Так-то лучше. Теперь у меня и голова прочистилась, — сообщил он Калигуле. — Но во имя Бахуса, объясни мне, к чему ты клонишь.

— Вот непонятливый, — сказал Калигула. — Пока Ирод Агриппа выясняет в Иудее, где могут быть остальные реликвии, мы с тобой отправимся в Британию, найдем Иосифа из Аримафеи и раздобудем то копье!

ВОЗВРАТ

Фу/Возврат: поворотная точка Гексаграмма 24

Уходит власть тьмы. Зимнее солнцестояние возвещает победу света. Период упадка подходит к поворотной точке. Мощный свет, который был изгнан, возвращается. Все приходит в движение, но оно порождается не силой...

Замысел возврата заложен в самой природе. Движение непрерывно и циклично... Все приходит само в должное время.

Чем больше знаешь, тем больше постигаешь, тем глубже осознаешь, что все меняется по кругу.

Целебные воды горячего бассейна, в которых я отмокала больше часа, совершенно не помогли мне успокоиться. Благодаря содержательному повествованию дядюшки Лафа о нацистских пособниках и бурских насильниках, так украсивших мое генеалогическое древо — не говоря уже о прелестной седой тетушке Зое в Париже, умудрившейся покорить своими плясками сердце Адольфа Гитлера, —

моя семейная история стала выглядеть все более и более подходящим материалом для избранного мною поприща: контейнер с грязными делишками, прикопанный и захороненный полвека назад, только что потерял герметичность и грязь начала просачиваться наружу.

Когда Лаф удалился на послеобеденную сиесту, я вернулась к себе в номер, намереваясь немного подумать в одиночестве. Понятно, что материала для раздумий имелось предостаточно.

Я знала, что, разыграв собственное убийство, мой кузен и сводный брат сделал меня общедоступной девочкой для битья, но сотворил он все это, видимо, ради тех самых рукописей, которые так ревностно охраняли его родной отец Эрнест и моя бабушка Пандора. Тех самых рукописей, которые мой отец и мачеха стремятся захватить и выгодно опубликовать при содействии мировой прессы. И хотя пока содержание завещанных документов оставалось загадочным, я уже не сомневалась, что рунический манускрипт, припрятанный мной на работе в томах Нормативов Министерства обороны, послал мне именно Сэм.

Оберточную бумагу я выбросила, поэтому не могла проверить почтовое отделение отправителя. Но в тот момент, когда Лаф упомянул об этом, перед моим мысленным взором всплыла яркая картинка: найденная Ясоном в снегу желтая почтовая квитанция с индексом отправителя, который начинался с цифр 9-4-1, означавших, что пакет послан из Сан-Франциско. Поэтому Вольфганг Хаузер, утверждая, что он послал мне его из Айдахо, проявил себя как талантливый мифотворец. Возможно, это касалось и всех его остальных рассказов.

Я дала самой себе по шее из-за того, что запала на очередного красавца, и поклялась, что даже с помощью лавины ему больше не удастся лишить меня душевного равновесия. Возможно, уже слишком поздно пытаться исправить положение теперь, когда я поняла, что этот документ послал мне Сэм. Ведь Вольфганг провел рядом с ним целую ночь, а я спала и ни сном ни духом не ведала, что он с ним делает: изучает, микрофильмирует или снимает с него любую другую копию. Итак, по существу, я прошла полный круг и вернулась в ту точку, где была неделю назад, — между Сциллой и Харибдой, в дьявольски опасном местечке.

Открывая дверь своего номера, я осознала, что совершенно забыла о Ясоне. Он сидел в центре покоролевски широченной кровати и выглядел злым, как черт.

— Мьяу! — заявил он тоном, выражавшим предельную кошачью ярость.

Разумеется, я точно знала причину его настроения. У него было полно еды, но я ушла купаться без него! Предательский запах хлорированной воды выдал меня с головой.

— Ладно, Ясон, не сердись. Как ты относишься к купанию в замечательной ванне? — предложила я. Вместо того чтобы броситься в ванную комнату и включить кран, как обычно при слове «ванна», кот проскочил мимо меня, подцепил с пола полоску розовой бумаги, на которую я едва не наступила (он стал настоящим спецом по нахождению всяких бумажных клочков), и, положив лапы мне на колени, показал ее мне. Это было нечто вроде телефонограммы, отпечатанной на бумаге и подсунутой мне под дверь. Я прочла ее, охваченная тревожным предчувствием.

«Кому: Ариэль Бен.

От кого: От м-ра Соломона.

К сожалению, не могу прибыть к ланчу, как договаривались. Перезвоните по телефону (214) 167-0217».

Потрясающе. Сэм вдруг изменил планы нашей дневной встречи. И поддельный телефонный номер,

как я догадалась, должен сообщить мне, как именно.

Уже третий раз Сэм упомянул царя Соломона, чьи библейские стихи я еще не успела внимательно изучить, чтобы выявить скрытые значения. Но расшифровка полученной записки, по идее, должна была оказаться минутным делом, а не серьезной работой. Сэм явно рассчитывал, что после моих вчерашних трудов по дешифровке данное имя сразу скажет мне то, чего никто больше не смог бы понять с первого взгляда: «телефонный номер» мистера Соломона — это его Песня Песней.

Со вздохом я открыла сумку, достала захваченную с собой Библию и прошла в ванную комнату, где заткнула сливное отверстие ванны пробкой и начала набирать воду для Ясона. Ожидая, пока наберется вода, я вновь глянула на записку и попыталась найти нужные места в книге. Песня Песней состояла всего из восьми глав, поэтому скорее всего «код» 214 означал: глава 2, стих 14.

«Голубица моя в ущелий скалы под кровом утеса! покажи мне лицо твое, дай мне услышать голос твой; потому что голос твой сладок и лицо твое приятно».

Сэм никогда не сможет услышать моего сладкого голоса или увидеть моего приятного лица, если будет продолжать запутывать меня столь хитроумными инструкциями. Но он продолжал — согласно следующим цифрам — в главе 1, стихах 6–7. Там юная дева с впечатляющим, как мне припомнилось, пупком спрашивает своего возлюбленного, где он собирается отдохнуть завтра днем, и он объясняет, как найти его.

«Скажи мне, ты, которого любит душа моя: где пасешь ты? где отдыхаешь в полдень? к чему мне быть скиталицею возле стад товарищей твоих?

Если ты не знаешь этого, прекраснейшая из женщин, то иди себе по следам овец, и паси козлят твоих подле шатров пастушеских».

В окрестных горах не было мест, связанных с пастухами, козлятами и прочей Живностью, но вдоль нижней дороги тянулся так называемый Овечий луг, где летом устанавливались шатровые палатки, соблазняющие туристов музыкальными записями и художественными поделками. Зимой по этим ровным полям, расположенным в удобной близости от дороги, обычно катались начинающие лыжники. Наверное, где-то там и будет новое место нашего с Сэмом randevu.

Однако мне показалось более чем странным, что Сэм предпочел изменить его прежний сложный и запутанный план на такое открытое всем место возле главной подъездной дороги. Вернее, конечно, это казалось странным, пока я не прочла главу 2, стих 17, объяснивший, когда мы должны встретиться:

«Доколе день дышит прохладою, и убегают тени, возвратись, будь подобен серне или молодому оленю на расселинах гор».

До рассвета? Пока еще нет тени? Я вполне могла понять, почему свидание в полдень показалось Сэму слишком опасным. Но лыжный подъемник к месту нашей встречи начинает работать только в девять утра. Как же я смогу, не вызывая подозрений, до восхода солнца проехать три мили к Овечьему лугу, вытащить из машины мои вездеходные лыжи и отправиться гулять в предрассветной мгле? Я решила, что Сэм окончательно свихнулся.

К счастью для меня, все мои компаньоны изъявили желание пораньше отойти ко сну. Очевидно, Оливер, увидев, как хорошо Бэмби катается на лыжах, превзошел самого себя, пытаясь произвести на нее впечатление, и потащил ее по долам и горам на самый далекий и сложный склон. Он вернулся в отель в полнейшем изнеможении, непривычный к столь интенсивным Sturm und Drang.[33]

Поскольку Бэмби весь день посвятила лыжным экзерсисам, то для ее ежедневных занятий с Лафом, на которых музыканты обычно маниакально зациклены, остался лишь двухчасовой перерыв перед ужином. Администрация «Приюта» предоставила в наше распоряжение Солнечную гостиную. Я с грехом пополам сыграла на фортепиано то малое, что смогла, из аккомпанемента произведений Шуберта и Моцарта, в то время как Оливер пожирал глазами Бэмби, а Вольга Драгонов переворачивал страницы. Лаф частенько морщился от моей норовистой техники, но сам играл превосходно, как всегда. А Бэмби потрясла нас таким виртуозным исполнением, какое редко услышишь на концертной эстраде. Я надбавила ей изрядное количество очков, и не только за крепкие бедра. Меня даже стал мучить вопрос, не было ли первое впечатление о ней обманчивым. Когда мы все вышли из гостиной, направляясь на ужин, соседний балкон заполняла толпа слушателей, которые разразились бурными аплодисментами. Благодарные постояльцы «Приюта» затопили Лафа бурным шквалом пространных комплиментов и воспоминаний об их присутствии на его концертах. Стремясь заполучить автографы, они поспешно подсовывали ему фирменные конверты отеля, ресторанные меню и даже билеты на подъемник.

— Гаврош, — сказал Лаф, когда публичная суматоха закончилась и ошарашенные меломаны разошлись кто куда, — я подумал, что могу позволить себе поужинать в одиночестве у себя в номере, предоставив вам, молодым, развлекаться, как душе угодно. Я уже не так молод, и стремительное путешествие из Вены слегка утомило мое брренное тело. Давайте встретимся за завтраком. И я расскажу тебе еще кое-что из нашей истории.

— Отлично, дядя Лаф, — сказала я, мысленно спросив у себя, сколько еще подробностей этой «истории» я смогу переварить без особого вреда для душевного здоровья. — Только не очень рано... Давайте опять соберемся ко второму завтраку. Утром у меня есть кое-какие дела.

«Пробежаться в несусветную рань по овечьему пастбищу», — добавила я про себя.

Бэмби тоже отказалась присоединиться к нам с Оливером и отправилась в свой номер. Когда я уже собиралась зайти в ресторан, Оливер удивил меня, также откланявшись без ужина.

— Должен признаться, — поведал он мне, — сегодняшняя горная прогулка слегка утомила и мое брренное тело. У меня болят все мышцы. Надеюсь, что я еще успею заскочить в целительный бассейн до закрытия, а потом просто закажу в номер какую-нибудь похлебку и завалюсь спать.

Глянув на часы, я обнаружила, что уже почти десять вечера, и решила поступить так же.

Около одиннадцати мы с Ясоном подкрепились макаронами с морепродуктами и чесночным хлебом, послушали прогноз погоды, попутно выяснив, что рассвет завтра ожидается в шесть тридцать, и забрались в кровать. Я сонно почитывала что-то, допивая последнюю бутылочку вина из имевшихся в номере запасов, и уже подумывала выключить свет.

Вдруг свернувшийся калачиком на подушке Ясон поднял голову. Насторожив уши, он уставился на входную дверь, словно в ожидании чьего-то прихода. Он мельком глянул и на меня, но я не слышала никаких подозрительных шорохов. Тихой сапой он прокрался по кровати, спрыгнул на пол, подбежал к двери и вновь оглянулся на меня. Там определенно кто-то был.

Я глубоко вздохнула. Потом отбросила одеяло и встала, накинула халат, валявшийся на ближайшем кресле, и сама подошла к двери. Ясон, стоявший в состоянии боевой готовности, никогда не ошибался относительно приходящих ко мне гостей. Но с другой стороны, если кто-то стоит за дверью, то почему он не постучит?

Заглянув в глазок, я увидела знакомую, хотя и неожиданную личность, повернула ручку и распахнула дверь.

В неярком желтоватом коридорном свете стояла прекрасная белокурая Бэмби, простодушно поглядывая на меня широко открытыми светлыми глазами и поблескивая золотистыми локонами, обрамлявшими лицо. Наряд ее соответствовал *avant le boudoir*: [34] длинный черный бархатный халат, сшитый наподобие мужской домашней куртки, не скрывал каскады старомодно изысканных кружев и ленточек у горла и на запястьях. Одну руку она прятала за спиной.

Внезапно у меня мелькнула панически безумная, но показавшая вполне реальной мысль: она держит там пистолет! Я едва удержалась от того, чтобы не отскочить назад и не захлопнуть перед ней дверь.

В этот момент ее рука появилась из-за спины, и я увидела бутылку «Реми Мартен» и две рюмашки.

Она улыбнулась и спросила:

— Вы не составите компанию нам с коньячком? У меня есть своеобразное мирное предложение, хотя оно связано не только со мной.

— Мне завтра очень рано вставать... — начала я.

— И мне тоже, — быстро сказала Бэмби. — Но то, что мне надо сказать вам, я предпочла бы сделать не в коридоре. Можно войти?

Я неохотно отступила, пропуская ее в номер.

Несмотря на исключительную женскую красоту и проявленное музыкальное мастерство, что-то меня в ней все-таки настораживало — и не только ее сумасшедшее поведение. На самом деле мне вдруг пришло в голову, что при наличии несомненных блестящих достоинств такое неопределенное поведение, возможно, является маскировкой уязвимости, также как у Джерси — ее пьянство.

Я подошла к столу, где Бэмби наливала коньяк, но осталась стоять. Я взяла рюмку, мы с ней чокнулись и выпили.

— Так о чем же вам не хотелось говорить со мной в коридоре? — спросила я.

— Пожалуйста, сядьте, — тихо сказала Бэмби.

Ее тон подействовал так умиротворяюще, что, только уже садясь на стул, я вдруг осознала, насколько мягкой, но умело контролируемой и повелительной получилась ее просьба. Я решила, что стоит более внимательно прислушаться к мисс Бэмби.

— Я совсем не хочу вызывать у вас неприязнь, — заверила меня Бэмби. — И надеюсь, что мы станем подругами.

В приглушенном свете ее ясные, затененные ресницами глаза поблескивали золотистыми крапинками, подобными тем, что растворены в немецкой водке под названием «Золотая вода». Ни за что на свете не смогла бы я понять, что она думает на самом деле. Внезапно я почувствовала, что мне очень важно это выяснить и что искренность может тут помочь лучше всего.

— Неприязнь тут ни при чем, просто я не понимаю таких людей, как вы, — призналась я, — и из-за этого испытываю смутную тревогу. Ваш облик не сочетается с манерой разговора и тем более поведения. У меня такое ощущение, что вы не та, за кого себя выдаете.

— Возможно, и вы тоже, — сказала Бэмби.

Она нагнулась и погладила Ясона по голове длинными тонкими пальцами. Он не стал урчать от удовольствия, но и не удрал от ее ласк.

— Лучше не будем говорить обо мне, — сказала я. — Ведь вы наверняка поняли из нашего

утреннего разговора, что я выросла в семье с довольно странными родственными отношениями. Если я и выгляжу несколько загадочно в присутствии родственников, то лишь потому, наверное, что хочу отстраниться от их конфликтов. Я выбрала свой особенный жизненный путь — не такой, как все прочие члены нашей семьи.

— Вы так полагаете? — загадочно спросила она и, помедлив, добавила: — Однако, как видите, на самом деле мы все-таки поговорили о вас. И для меня важно, что вы думаете обо мне. Говоря о моем желании подружиться с вами, я не имела в виду, что мы сможем — по выражению вашего дяди — полюбить друг друга, как сестры. Я только хочу объяснить, что при сложившихся обстоятельствах нам с вами было бы — как бы это сказать? — очень сложно не стать, по меньшей мере, подругами. — Послушайте... — Я сделала очередной глоток бренди, превосходного на вкус. — По-моему, нам совершенно не стоит переживать из-за того, станем мы подругами или нет. В конце концов, я впервые за много лет встретила с дядей Лафом, и вполне вероятно, что после этих выходных мы с вами больше никогда не увидимся.

— Вот тут-то вы и ошибаетесь, — с улыбкой сказала она. — Но прежде чем я все объясню, мне хотелось бы, чтобы вы объяснили, отчего испытываете «тревогу» в моем присутствии. Если вы не против.

Я вновь взглянула в ее ясные, распахнутые глаза, но они по-прежнему оставались для меня непроницаемыми. Эта цыпочка была еще той штучкой, но я решила, что раз уж она так настаивает, то получит то, о чем просит, даже если мои объяснения слегка щелкнут ее по носу.

— Ладно, возможно, у меня сложилось довольно субъективное представление, — сказала я, — но ведь именно вы пришли ко мне поболтать посреди ночи с бренди. Жизнь моего дяди Лафа вряд ли можно уподобить книге за семью печатями, и вы, конечно, знаете, что у него было множество женщин, одна краше другой, причем многие из них, как и моя бабушка Пандора, обладали изрядными талантами. Однако вы не похожи на остальных: я полагаю, у вас есть подлинный дар и талант. Честно говоря, вы потрясающе играли сегодня вечером, высший мировой класс — я в состоянии оценить это, учитывая мое воспитание. И мне непонятно, почему одаренную виолончелистку может прельстить роль некоего бутафорского украшения в спектакле, даже если его разыгрывает такой талантливый, знаменитый и очаровательный человек, как мой дядя Лаф. Мою бабушку не устроило бы такое положение, и, правду сказать, мне непонятно, почему оно устраивает вас. Наверное, именно поэтому я испытываю смутную тревогу: я чувствую, что за внешним антуражем ваших отношений скрывается некий тайный сценарий.

— Я понимаю. Что ж, возможно, вы и правы, — сказала Бэмби, глядя на свои руки. Когда она подняла глаза, то уже не улыбалась. — Для меня очень важны отношения с вашим дядей Лафкадио, фрейлейн Бен. У нас с ним полное взаимопонимание, — сказала она. — Но это уже другая история. И совсем не поэтому я пришла к вам ночью с предложением дружбы...

Я ждала. Ее крапчато-золотистые глаза прицелились в меня. А то, что она сказала дальше, прозвучало для меня как гром среди ясного неба.

— Фрейлейн Бен, боюсь, что мой брат заинтересовался вами. Если вы быстро что-то не придумаете, то его увлечение станет опасным для всех нас.

Я сидела совершенно ошеломленная. Это было последнее, что я могла бы вообразить, но внезапно я с пронзительной определенностью поняла, почему все в Бэмби казалось мне странно знакомым.

— Ваш брат? — вяло удивилась я, хотя не нужно было иметь семи пядей во лбу, чтобы догадаться, о ком идет речь.

— Позвольте мне представиться, как положено, фрейлейн Бен, — сказала она. — Меня зовут Беттина Брунхильда фон Хаузер, а Вольфганг — мой единственный брат.

«Heilige Scheiss!»[35] — невольно выругалась я про себя, пытаясь осознать новый поворот событий. Значит, дядюшка Лаф просто придумал для Беттины прозвище Бэмби, как для меня — Гаврош. На самом деле я даже слышала о некой Беттине фон Хаузер, молодой виолончелистке, восходящей звезде на музыкальном небосклоне, хотя мне и в голову не могло прийти, что Бэмби и Беттина — одно лицо и что она хоть каким-то боком связана с моим весьма опасным увлечением — Вольфгангом Хаузером.

Этот далеко не радостный сюрприз заставил меня с новой силой подозревать всех и каждого, особенно моего дядю Лафа, чье поведение в ретроспективе выглядело весьма подозрительным. Если у Лафа с Бэмби были такие же доверительные отношения, как со мной, то почему же он быстро спровадил ее на лыжную прогулку и рассказал о Гитлере и рунах только мне в живительных водах бассейна? А когда я упомянула о Вольфганге, то Лаф почему-то начал усиленно предостерегать меня на его счет, ничем не намекнув на то, что с ним самим живет родная сестрица профессора. И если он считал, что наша тетушка Зоя, сторонница Schutzstaffeln,[36] так сблизилась с братом Бэмби, то зачем вообще он притащил эту девушку через полмира на встречу со мной?

А в довершение всего сама Бэмби в роскошном неглиже крадется на цыпочках по отелю с бутылкой бренди, чтобы открыть мне — за спиной Лафа — некоторые подробности, неизвестные ему самому, и массу деталей, о которых он не удосужился упомянуть. Поскольку Бэмби многозначительно заявила, что у них с Лафом «полное взаимопонимание», то мне следовало прийти к выводу, что я — единственная в этом обросшем темными связями семействе, кто совершенно не понимает, что происходит. Но я была решительно настроена разобраться во всей этой чертовщине.

К счастью, у меня было одно ценное секретное оружие: я практически не пьянела. То есть, несмотря на мой юный возраст, незначительные телесные габариты и такой же жизненный опыт, я могла бы перепить любого ковбоя у стойки бара, опустошить за вечер пару бутылок текилы, потом подняться на ноги, спокойно выйти из вращающихся дверей, а отоспавшись, вспомнить все, о чем говорилось вчера. Поэтому полбутылки «Реми Мартена» были для меня сущим пустяком. Я очень надеялась, что эта моя способность поможет мне вывести у Бэмби все, что только можно. И поэтому я налила нам еще по рюмке.

Часам к трем ночи, когда мы приговорили бренди, Бэмби была уже хороша. Она умолкла посреди фразы, хотя и осталась сидеть на стуле, прямая, как струнка, но мне пришлось поднять бедняжку на ноги и препроводить в ее номер по запутанным коридорам отеля. Я не рискнула оставить ее у себя, ведь через пару часов она могла проснуться и обнаружить, что меня нет. Однако за последние три часа ласкового и слегка пьяненького перекрестного допроса я выяснила больше, чем ожидала, включая даже некоторые совершенно потрясающие новости.

Вольфганг Хаузер не был австрийцем. Он и его сестра были немцами, родились в Нюрнберге, воспитывались в Германии и в Швейцарии, а позднее учились в Вене: он пошел по научной, а она по музыкальной части. Их семья, хоть не богатая, принадлежала к одному из старейших родов в Европе. Уже много столетий назад их фамилия приобрела частицу «фон», указывающую на дворянское

происхождение, хотя Вольфганг отбросил ее, поскольку ему казалось неуместным афишировать дворянство в деловой сфере. Их жизнь, согласно описаниям Бэмби, в сравнении с моей представлялась просто некой идиллией — пока не пересеклась с семейством Бен.

Как выяснилось, Бэмби уже более десяти лет — с пятнадцатилетнего возраста — живет под крылышком моего дядюшки Лафа. Когда проявились ее музыкальные таланты, Лаф предложил, что сам наймет для нее лучших репетиторов и займется ее образованием и воспитанием, и семья Бэмби дала согласие на то, чтобы она переехала в венский дом Лафа. Вольфганг частенько навещал там сестру, поэтому утверждение Лафа о том, что он едва знаком с ним, было явной выдумкой.

Но семь лет назад произошло нечто такое, что изменило даже столь ограниченные семейные отношения. За несколько лет до этого Вольфганг закончил учебу, и его первая после диплома работа — в качестве советника по вопросам ядерной промышленности — потребовала от него частых командировок за пределы Вены. И вот однажды, семь лет назад, по возвращении из командировки Вольфганг заскочил навестить сестру в апартаменты дяди Лафа, окна которых выходили на Хофбург. Вольфганг сообщил Лафу и Бэмби, что бросил старую работу и устроился в Международное агентство по атомной энергии. Он хотел пригласить их на ланч в ближайший ресторан, чтобы отпраздновать это событие.

— После ланча, — сказала Бэмби, — Вольф предложил нам всем вместе сходить в музей Хофбурга. Он привел нас в Wunderkammer[37] полюбоваться на драгоценности, а потом мы посмотрели выставку знаменитой коллекции из древнего Эфеса и зашли в Schatzkammer, чтобы взглянуть на Reichswaffen.

— В сокровищницу, чтобы посмотреть на королевское вооружение, — перевела я.

Только сегодня утром Лаф рассказал мне в бассейне о его визите более чем семидесятипятилетней давности в те же залы Хофбурга — в компании Адольфа Гитлера.

— Я, — сказала Бэмби. — Брат привел нас взглянуть на меч и копье и спросил твоего дядю: «Вы с Пандорой знали об этих священных реликвиях?» Но Лафкадио ничего не ответил, поэтому Вольф сказал, что он сам давно интересуется их историей. Она была общеизвестна в Нюрнберге: Адольф Гитлер забрал много экспонатов из императорской сокровищницы в Вене — к примеру, главные императорские регалии, императорскую корону, державу и скипетр, императорский меч и так далее — и перевез их в Нюрнбергский замок. Это было первое, что сделал Гитлер после... как это сказать?.. Anschluss.

— Так и говори: аншлюс, аннексия Австрии Германией в тысяча девятьсот тридцать восьмом году, — сказала я.

Неужели чисто случайно именно год назад — в марте 1988-го, на пятидесятую годовщину этого самого аншлюса — моя тетушка Зоя прикатила в Вену на встречу со своими соратниками, борцами за мир во время Второй мировой войны, и познакомилась там с профессором Вольфгангом К. Хаузером? Я думаю — нет, особенно когда Бэмби рассказала мне, что Лаф резко оборвал знакомство с Вольфгангом и отказался принимать его в своем доме после того, как Вольфганг заявил, что Пандора, как любимица Гитлера, всю войну прожила в этой шикарной хофбургской квартире и продолжала выступать в Венской опере, вероятно, только потому, что знала нечто важное об этих реликвиях. Нечто связывающее их с Нюрнбергом и даже с самим Гитлером.

— Вы с Вольфгангом выросли в Нюрнберге, где судили нацистов после войны. В суде шла речь об

этих предметах?

— Я не знаю, — сказала Бэмби, для устойчивости опершись локтем на стол. — Все эти судебные процессы и сама война закончились задолго до того, как мы с Вольфгангом родились. Хотя и после войны все в Нюрнберге знали об этих реликвиях. Они хранились в залах дворца. Гитлер верил, что они являлись священными и обладали таинственным могуществом, связанным с древними родословными Германии. У Гитлера была квартира в Нюрнберге, где он останавливался, приезжая на свои сборища. Эта квартира находилась в центре города, рядом с оперой, а ее окна выходили на дворец, так что Гитлер всегда мог видеть из своих комнат место, где хранились реликвии. Их часто выставляли на публичное обозрение на взлетном поле дирижаблей, где нацисты устраивали большие политические митинги. Всю войну реликвии оставались в Нюрнберге и только после ее окончания вернулись в Австрию.

— Ну конечно же, Нюрнберг!

До того момента я совершенно не вспоминала об этих событиях, но сейчас они как будто вспыхнули в моей памяти. Все те многочисленные фильмы о ночных митингах с огромными знаменами в лучах прожекторов, перекрещивающих темное небо, с тысячами людей, выстроившихся по квадратам, напоминающим живую шахматную доску, — все эти знаменитые сборища проводились в Нюрнберге. Но тогда возникал другой вопрос.

Взглянув на бутылку, я заметила, что она почти опустела, но мне не хотелось, чтобы Бэмби выпала в осадок до того, как я выясню все необходимое, поэтому я вылила остатки коньяка в свою рюмку.

— А почему именно Нюрнберг? — спросила я. — Ведь это всего лишь провинциальный городок, на сотни миль отстоящий от проторенных дорог. Почему Гитлер привез эти вещи в такое непутевое место и там же устраивал все свои митинги? Бэмби смотрела на меня широко открытыми, но уже затуманенными коньяком глазами.

— Но ведь Нюрнберг находится на оси, — сказала она. — Разве ты не знаешь?

— На оси? Ты имеешь в виду, что там встречались во время войны державы «оси»? Мне казалось, они обычно встречались в Риме, или в Вене, или...

— Нет, я имею в виду исходную ось, — сказала она. — Ось мира, то место, где, как принято считать, пересекаются все геомантические линии земных сил. В древности это место называлось Nornenberg — гора Норн, скандинавских богинь. В нашей истории есть три такие норны, три богини судьбы — Урд, Верданди, Скульд: судьба, становление и долг. Считается, что они жили на этой самой горе со времен сотворения мира. Они прядут пряжу судьбы и плетут наши судьбы, создавая рунические гобелены. Эти женщины подобны судьям, а их магический гобелен — подлинный суд Нюрнберга, поскольку написанная ими история определяет судьбы мира в его последние дни: die Gotterdammerung — «сумерки богов», то есть история о событиях конца света.

Возможно, наивно было воображать, что мне по силам распутать столь запутанный клубок событий, просто пытаюсь разобраться в семейных связях моей семьи. Но я невольно заметила, что мои ближайшие родственники, похоже, по горло увязли в этом мифологическо-космополитическом и национал-социалистическом немецком Scheiss, или, выражаясь по-нашему, в дерьме.

Нет ничего удивительного в том, что совершенно незнакомые мне люди типа Бэмби знают так много отвратительного из истории моих родственников, которую сама я совершенно не знаю. В конце концов, я всю жизнь старалась отгородиться от них. И вот сейчас оказалось, что у меня имелось

множество законных, хотя и неизвестных до недавнего времени, оснований для такого поведения. Но вот что интересно: если Бэмби рассказала правду, то почему же Лаф, Пандора и Зоя так хорошо жили после кончины Гитлера? В послевоенном Париже французенки, слишком дружелюбно относившиеся к гестаповцам, обривали наголо и проводили по улицам, заполненным презрительно улюлюкающими людьми. Музыканты многих стран, если они даже просто выступали перед нацистами во время оккупации, были публично опозорены после войны, и их репутация погибла. А те, кто вообще имели тесные связи с их главными идеологами — как Пандора, по мнению Вольфганга, — получили большие тюремные сроки или были повешены. Тут возникал очень важный вопрос: если Пандора жила в Вене и всю войну оставалась любимой оперной звездой Гитлера, как сказала Бэмби, то почему Лаф так спокойно вспоминает о ней, не говоря уже о том, что подчеркивает и близкое знакомство Зои с фюрером, вместо того чтобы вообще вычеркнуть таких родственничков из своей жизни?

Однако в нашей семейной саге имелось еще одно странное и почти пугающее совпадение. Эта мысль мелькнула у меня в голове как раз перед тем, как я провалилась на пару часов в целительный сон перед моим свиданием на Овечьем лугу.

Бэмби сказала, что все началось семь лет назад, следовательно, противоречия между ее братом Вольфгангом и моим дядей Лафом возникли в Вене в 1982 году. Но именно семь лет назад, в 1982-м, умер мой дядя Эрнест. В том же году Сэм унаследовал этот рунический манускрипт и потом внезапно исчез, и мы ничего не знали о нем. До нынешнего времени.

В предрассветном сумраке снежные просторы поблескивали жутковатой голубизной на фоне зловеще черного леса. Лунный диск еще висел, словно елочное украшение, среди звездочек, поблескивающих на небесной берлинской лазури. В воздухе ощущалось холодное дыхание опасности, как всегда бывало в это время года перед рассветом. Снегопад, видимо, закончился поздно, и на лугу не было никаких свежих следов. Я выехала на середину снежного поля и, развернувшись на лыжах, пристально посмотрела на темнеющую полосу леса.

Чуть погода меня что-то ударило сзади, сбив с головы шапку, а рассыпавшийся снежок сбрызнул ледяными струйками мою шею. Обернувшись, я заметила среди деревьев очертания движущейся фигуры: она появилась на миг в лунном свете и вновь быстро скрылась в лесу. Но по взмаху руки я узнала Сэма и поняла, что должна следовать за ним. Отряхнув шапку, я сунула ее в карман, быстро проехала по полю и нырнула в провал между серебристой елью и березой, где исчез Сэм.

Я остановилась и прислушалась. С какого-то пригорка донесся крик совы, и я последовала на этот звук в глубину леса, в почти непроглядную темноту. Когда я вновь остановилась, не зная куда дальше направиться, то услышала его шепот:

— Ариэль, держись за палку и иди за мной.

Я почувствовала, что он взял меня за руку и, сунув в нее кольцо своей лыжной палки, повел меня дальше в темноту. Держа свои палки в другой руке, я слепо следовала за ним, не представляя, куда он ведет меня. Мы довольно долго петляли по лесу, а потом начали подниматься на верхний луг. Когда наконец мы вышли на открытое пространство, небо стало кобальтово-синим, и я уже начала различать очертания Сэма, маячившего впереди меня.

Развернувшись, он подъехал ко мне так близко, что концы наших лыж перекрестились, словно сцепленные пальцы, и схватил меня в объятия так же, как восемнадцать лет назад я обхватила его в

горах. От него пахло дубленой кожей и дымом костра. Он зарылся лицом в мои волосы и прошептал: — Хвала Господу, Ариэль. Ты жива, с тобой все в порядке...

— Нет, хвала тебе, — проворчала я, уткнувшись в его плечо. Потом он отстранился и пристально посмотрел на меня в предрассветной мгле, освещенной лишь молочным лунным светом да серебристыми снежными отблесками.

Мы не виделись с Сэмом больше семи лет. В те времена он выглядел еще совсем мальчишкой. Мне следовало бы ожидать, что он изменится. Передо мной стоял высокий и широкоплечий мужественный красавец с четким отцовским профилем и рассыпавшимися по плечам черными материнскими волосами и смотрел на меня красивыми серебристыми глазами, озаренными загадочным внутренним светом. С легким смущением я осознала, что это уже не мой юный наставник и кровный брат, а невероятно красивый мужчина. А то, с каким изумлением Сэм сейчас смотрел на меня, подсказало мне, что он воспринимает меня примерно так же.

— Что случилось с той худышкой с ободранными коленками, которая обычно повсюду таскалась за мной? — спросил он с неловкой усмешкой. — Боже милостивый, Умница, да ты стала сногшибательной красоткой!

— Конечно, и поэтому ты чуть не сшиб меня с ног своим метким снежком, — сказала я, чувствуя такую же неловкость.

На самом деле я вдруг поняла, что мне будет трудно даже смотреть на Сэма, пока я не привыкну к мысли, что мы оба неожиданно стали совершенно взрослыми.

— Извини, — сказал он, все еще рассматривая меня, словно незнакомку. — Похоже, теперь мне остается только извиняться, Ариэль. Мне искренне жаль, что все так получилось. Ужасно жаль, что я вообще втянул тебя во всю эту историю.

— Что толку от твоих извинений, — вновь процитировала я поговорку Джерси.

Но тут я улыбнулась ему, и он улыбнулся в ответ. Тогда я поняла, что должна немедленно повиниться перед ним.

— Сэм, — сказала я, — я тоже жутко волнуюсь. Надо признаться, так я еще никогда не переживала в своей жизни. Я надеюсь только, что мне не удалось испортить все окончательно или подвергнуть нас еще большей опасности, но я совершила одну по-идиотски глупую и досадную ошибку. Твой рунический манускрипт всю ночь пролежал под боком одного типа...

Сэм смотрел на меня с возрастающей тревогой, пока я каялась в своих досадных прегрешениях, — но только до последней фразы. И тогда настала моя очередь удивляться.

— Какой рунический манускрипт? — спросил Сэм.

У меня возникла весьма интересная фантазия, что если мое сердце и дальше будет так сильно биться от волнения, словно хочет выскочить из груди, то рано или поздно оно вообще перестанет нормально работать и будет постоянно колотиться как сумасшедшее. Двухминутная пробежка на лыжах с Сэмом по верхним лугам подействовала как отличный общеукрепляющий массаж. К тому времени, когда мы достигли его хижины, я уже пришла в себя или, по крайней мере, вновь обрела дар речи. И я узнала, почему Сэм изменил план нашей сегодняшней встречи. Последнее время, постоянно ощущая опасность, он избегал отелей и поэтому с самой своей «смерти» ночевал в охотничьих домиках, землянках и хижинах, разбросанных по всему Айдахо и пустующих в зимний сезон. Прибыв в Солнечную долину немного раньше меня, Сэм выяснил, что поблизости от лыжных

маршрутов нет никаких подобных сооружений, но в результате отыскал эту лачугу в паре миль от основной дороги. Однако местность здесь была до того открытой, что меня слишком легко было бы выследить, поэтому пришлось назначить встречу на такую несусветную рань.

Добравшись до уединенной лачуги — места последней ночевки Сэма, мы сбросили лыжи, очистили от снега крепления и, воткнув лыжи и палки в снег в неприметном месте, вошли в дом, где Сэм пошевелил угасающие угли, оставшиеся от ночного костра, и подбросил в него еще несколько полешек. В этом доме не было никакой другой системы отопления или водопровода, лишь колонка за входной дверью на свежем воздухе. Сэм наполнил водой оловянный котелок, поставил его на костер, собираясь выпить растворимого кофе, и подтащил табуретку к колченогому стулу, на котором я уже устроилась.

— Ариэль, я знаю, что тебе, наверное, непонятны многие мои поступки и причины моего странного поведения, — начал он. — Но прежде чем я пушусь в объяснения, мне нужно узнать все, что произошло с тобой за последнюю неделю: почему ты не ответила на телефонный звонок, что ты знаешь о пропавшей посылке и что рассказал тебе Лаф.

— Ладно, — неохотно согласилась я, несмотря на миллион вопросов, крутившихся у меня в голове. — Но сначала... Если ты не посылал ту рукопись, о которой я упомянула, то мне нужно узнать кое-что прямо сейчас, потому что у меня появился новый знакомый, сказавший, что он сам послал ее мне. Ты когда-нибудь слышал о некоем профессоре Вольфганге К. Хаузере? — Увидев, что Сэм усмехнулся, я добавила: — Так ты знаешь его!

Но Сэм покачал головой.

— Нет, не знаю. Просто ты странно произнесла его имя. — Сэм подозрительно посмотрел на меня. — Знаешь, наверное, я всегда считал тебя кем-то вроде младшего брата, в общем, родственной душой, — продолжил он. — Но именно сейчас я почувствовал... Да ладно, Ариэль, выкладывай, что это за парень. У тебя наверняка есть что рассказать мне.

Я почувствовала, что у меня загорелись щеки. Эта проклятая ирландская кожа, доставшаяся мне от Джерси, мгновенно выдавала малейшие эмоции. Я закрыла лицо ладонями. Сэм взял меня за руки и опустил их. Я открыла глаза.

— Милостивый Боже, Ариэль, неужели ты влюбилась в него? — сказал он.

Вскочив с табуретки, он начал ходить кругами, потирая рукой лоб, пока я продолжала тупо молчать, не зная, что сказать. Сэм вновь сел и порывисто наклонился ко мне.

— Ариэль, помимо всех моих личных чувств по поводу данной ситуации, едва ли сейчас подходящее время для пылкого романа! Ты сказала, что только что познакомилась с этим типом. Ты вообще знаешь что-нибудь о нем? Откуда он взялся? Ты хоть представляешь, насколько опасной для нас обоих может оказаться такая неожиданная «дружба»?

Меня так расстроила его вспышка, что я готова была запустить в него чем-нибудь тяжелым. Я вскочила на ноги, как раз когда закипела вода. Сэм взял перчатку, чтобы снять котелок с огня. Это дало нам обоим время немного успокоиться.

— Я вообще не говорила ни о какой любви, — заявила я Сэму самым спокойным тоном, на который была способна.

— То есть ты не влюбилась, — уточнил Сэм.

Он суетился с котелком, не глядя на меня. Повернувшись так, что я не видела его лица, он насыпал

растворимый кофе в чашки. И, словно разговаривая сам с собой, задумчиво произнес:

— Я только что понял, что понимаю сейчас твои чувства гораздо лучше, чем свои собственные.

Когда он повернулся наконец ко мне с двумя чашками кофе, по лицу его блуждала какая-то напряженная улыбка. Вручив мне чашку, он взъерошил мои волосы, как обычно делал, когда мы были детьми.

— Господи, дорогая, извини, — сказал он. — У меня нет никакого права соваться в твои сердечные дела и вообще устраивать допрос с пристрастием, как я только что попытался сделать. Наверное, все это было слишком неожиданно. Ты и сама достаточно сообразительна, чтобы не связываться с людьми, которые могут быть нам опасны. И кто знает, возможно, эта ситуация поможет нам выпутаться из той передраги, в которую я втянул нас, — как только мы сами во всем разберемся. Кстати, этот Вольфганг К. Хаузер... мне просто любопытно... он не говорил тебе, что означает «К» в его имени?

Я недоуменно покачала головой.

— Нет, не говорил. А что? Это важно?

— Возможно, и нет, — сказал Сэм. — Но когда увидишь его в следующий раз, спроси на всякий случай. Ну а теперь мне не терпится услышать, как ты провела эту неделю.

Мы с Сэмом вновь сели рядышком, я глубоко вздохнула и подробно рассказала ему обо всем, что случилось. Ну, почти обо всем. Учитывая то, какую реакцию Сэм выдал при одном моем упоминании имени Вольфганга, я не стала вдаваться в подробности о том, что он провел ночь не только рядом с манускриптом, но и со мной. Во всем остальном я была честна.

К концу моего исчерпывающего, но краткого изложения я сама начала наконец понимать, какую важную роль играет Вольфганг Хаузер во всей нашей истории. Но возможно, это лишь потому, что пока интрига разворачивалась вокруг непонятного рунического манускрипта. А настоящие документы, отправленные Сэмом, все еще болтались неизвестно где. Надо было только выяснить, что в них такого опасного.

— Я не могу поверить, что посылка пропала, — мрачно сказал Сэм, читая мои мысли. — По-моему, тут просто возникла какая-то путаница.

Я спросила Сэма, почему содержимое этой пропавшей посылки считается таким драгоценным, что весь мир мечтает завладеть им, включая членов нашей милой семейки, которые не общались друг с другом долгие годы, — и таким опасным, что ему пришлось устроить собственную смерть.

— Если бы я знал все ответы, — с горькой усмешкой сказал Сэм, — нам не нужно было бы забираться в эту уединенную лачугу, чтобы поговорить друг с другом после недели нашей дурацкой возни с организацией шифровок.

— Нашей дурацкой возни! — обиженно воскликнула я. — Нет, это именно ты занимался дурацкой возней со всеми фальшивыми похоронами, библейскими анаграммами и тайными свиданиями! Но после всего, что случилось со мной на прошлой неделе, я хочу знать ответы, и хочу знать их прямо сейчас. Что это за таинственная посылка и почему ты отправил ее мне?

— Это мое наследство, — сказал Сэм так, словно это все объясняло. — Пожалуйста, выслушай меня, Ариэль. Ты должна понять все, что мне придется сообщить тебе. Семь лет назад, перед самой смертью, мой отец впервые рассказал мне о том, что Пандора завещала ему. Раньше он никогда не говорил об этом, поскольку по условиям завещания Пандоры обязан был хранить все в секрете. И он

сразу положил унаследованный сундук в банковский сейф в Сан-Франциско, где находилась адвокатская контора нашего семейства. Когда отец умер, я забрал содержимое этого сейфа и, вернувшись в Айдахо, взялся изучать его. В сундуке лежала целая куча старых и редких манускриптов, собранных Пандорой за всю ее долгую жизнь. В той посылке, что я отправил тебе, были копии тех...

— Копии? — воскликнула я. — Тебе пришлось подстроить собственную смерть и нашей жизни угрожает опасность из-за какой-то пачки дубликатов?

— Это единственные копии, — произнес Сэм с легким раздражением, не слишком уместным, на мой взгляд, для того, кто так долго держал все в секрете. — Когда я сказал, что оригиналы были старыми и редкими, мне следовало сказать, древними. Они хранились в герметично закрытом сундуке для сохранности их состояния. Там имелись свитки, сделанные из папируса и полотна, а также из металла, вроде бы из меди или олова. Часть текстов вырезана на дощечках или на металлических пластинках. Насколько я понял, исходя из содержания и использованных там языков — греческого, еврейского, латинского, санскрита, аккадского, арамейского и даже угаритского, — эти манускрипты созданы в самых разных странах мира в незапамятные времена. Я сразу осознал, что мне в руки попали бесценные материалы. Но еще я почувствовал, как, возможно, и мой отец до меня, что в них таится какая-то опасность. Многие древние раритеты были в бедственном состоянии, едва не рассыпались в пыль, и с них невозможно было снять фотокопии без применения профессионального оборудования и каких-то высоконучных приемов. Поэтому я скопировал все их от руки — та еще работка, я трудился над этим несколько лет! — чтобы можно было попробовать перевести их. Потом я положил копии в банковский сейф, а оригиналы спрятал там, где их никто не сможет найти — по крайней мере до тех пор, пока я не завершу перевод всех документов на английский язык.

— А много тебе уже удалось перевести? — спросила я.

— Пока немного, — ответил Сэм. — Но среди них полно каких-то странных обрывочных текстов, на первый взгляд совершенно не связанных между собой. Письма, истории, подтверждения, сообщения. Руководящие директивы имперского Рима. Кельтские и тевтонские легенды. Описания фракийских празднеств и пиров в Иудее, мифы о языческих богах и богинях Северной Греции — и никакой ниточки, которая могла бы связать их все между собой. Однако что-то такое определенно должно быть, иначе Пандора не стала бы собирать их.

В голове у меня роилось множество мыслей, но все они носились по какому-то замкнутому кругу. Не могли ли подобные документы быть связаны с неонацистской тайной организацией, о которой я подумала после рассказов Лафа и Бэмби? Все описанные ими события произошли в этом веке, а на языках типа угаритского никто не изъясняется, наверное, уже тысячу лет. Я вспомнила о норнах, притаившихся в пещере горы в Нюрнберге, о том, что они пряли нити и вплетали их в судьбоносный план игры последних дней мира. Но удалось ли кому-нибудь найти и прочесть их пророчества? Пока Сэм пил тепловатый кофе, я вдруг почувствовала такое разочарование, какое мог бы испытать дешифровщик, снявший шкурку с луковицы и обнаруживший, как много еще слоев скрывают от взгляда сердцевину.

— Если тебе за столько лет не удалось найти никакой связи во всех этих Пандориных манускриптах, — сказала я, — то почему их считают такими ценными или опасными? Может, они связаны с теми реликвиями из Хофбурга, которые, по слухам, пытался собрать Гитлер?

— Хороший вопрос, я уже тоже думал об этом. Но мне казалось более важным выяснить для начала происхождение этих документов и то, как они попали к Пандоре, а главное — зачем они ей понадобились. Возможно даже, важнее всего понять, почему из всех родственников она завещала их именно моему отцу.

— Я думаю о том же, с тех пор как узнала о существовании наших документов, — призналась я. — И как, ты понял это?

— Возможно, — сказал Сэм. — Но мне хотелось бы знать и твои мысли по этому поводу. До сих пор мне не с кем было обсудить мою версию. Итак, вернемся к завещанию Пандоры. После ее смерти моего отца пригласили в Европу на оглашение завещания как основного наследника. Он удивился. Ведь она совсем недолго исполняла роль его приемной матери, пока была замужем за Иеронимом. Он не виделся с ней со времен «семейного раскола». И знаешь, Ариэль, я уверен, что ты со мной согласишься в том, что историю нашей семьи, рассказанную дядей Лафом, следовало бы пропустить через своеобразные фильтры, которыми могли бы послужить мнения на сей счет наших с тобой отцов, Эрнеста и Огастуса. Конечно, они едва ли сохранили о Пандоре высокое мнение, поскольку она бросила их в Вене на попечение их отца.

Sacree merde,[38] подумала я, в очередной раз сталкиваясь с нашей чертовски запутанной семейной историей. Но вдруг у меня мелькнула одна мысль: возможно, Пандора как раз и рассчитывала на эти глубинные разногласия и раскол наших семейных отношений. Я сказала об этом Сэму.

— Да, у меня определенно возникло такое ощущение, — сказал Сэм. — Но после твоего сегодняшнего рассказа все сошлось. По-моему, тут и кроются истоки всех проблем — в семейном расколе. Давай разберемся. Инициатором раскола стала именно Пандора, она сбежала к Лафу, захватив с собой Зою. Ее бегство крепко ударило по нашей семейной ветви, поскольку она бросила твоего отца в младенческом возрасте, — такой поступок сегодня можно было бы объяснить лишь жестокостью и эгоизмом. Всю жизнь она всячески старалась поддерживать этот раскол. А потом вдруг мы узнаем, что она оставила моему отцу описанные мною редкие древние манускрипты. И по словам твоего приятеля Хаузера, у Зои есть оригиналы какого-то рунического манускрипта, копия которого теперь попала к тебе. Нам неизвестно, что Лаф мог унаследовать от Пандоры помимо квартиры с видом на Хофбург — это само по себе уже достаточно значимо, — но мы знаем, что ему известно о существовании рунического манускрипта, хотя он, видимо, не знал, что манускрипт хранится у Зои.

Сэм помолчал и улыбнулся мне.

— Итак, ты понимаешь, Умница, все сводится к одному вопросу: если бы тебе понадобилось спрятать какие-то вещи и ты хотела бы, чтобы они оставались скрытыми даже после твоей смерти, можно ли было бы придумать для этого лучшую гарантию, чем разделение их между четырьмя такими наследниками, как Лафкадио, Зоя, Эрнест и Огастус, чья враждебность друг к другу зародилась едва ли не с колыбели?

В самую точку. Как только выяснилось, что я стала «наследницей», все наши родственнички со всех сторон отправили ко мне эмиссаров: одни прибыли сами из Европы, а другие звонили посреди ночи, чтобы допросить меня. Даже Оливер заметил необычность их поведения. Учитывая, что старые раны поддерживают в нашей семье обстановку подозрительности и обиды, Пандора отлично рассчитала, разделив свои трофеи так, чтобы никто не догадался, кому что досталось.

Но кое-что по-прежнему тревожило меня.

— Но чего ради ты вообще так круто прикинулся покойничком? — спросила я Сэма. — И не просто покойничком, а с похоронами по высшему разряду: семья, вооруженные силы, важные сановники, пресса — чего ради вся эта шумиха? Каким образом сюда замешано правительство? И зачем, в конце концов, ты поставил под угрозу мою жизнь, послав мне документы да еще сообщив в завещании, что они принадлежат именно мне?

— Ариэль, пожалуйста, — сказал Сэм, завладев моей рукой. — Клянусь жизнью, я не стал бы подвергать тебя такой опасности, если бы у меня был выбор. Но около года назад я заметил, что за мной кто-то следит. А в прошлом месяце кто-то пытался убить меня в Сан-Франциско. Тут не может быть никакой ошибки. В мою машину заложили взрывное устройство...

— Взрывное устройство?! — воскликнула я.

Но при всем ужасе такого известия кое-что ужаснуло меня еще больше. Я уже спрашивала себя, что же похоронено в гробу на кладбище в Сан-Франциско, если Сэм не умер. Но для начала я спросила Сэма дрожащим голосом:

— О боже, ты имеешь в виду, что вместо тебя убили кого-то другого? Так?

— Да, — помедлив, сказал он. — И это убийство произошло в китайском квартале, в арендованной мной машине.

Взгляд Сэма затуманился, и голос его зазвучал как-то отстраненно, словно воспоминания проступали через некий затемненный экран.

— Ты должна понять, Ариэль, что хотя я никогда не работал непосредственно ни на правительство, ни на военных, но за последние годы в качестве независимого советника обучил много их внутриведомственных шифровальщиков и даже помогал в отдельных случаях государственному департаменту. Мне приходилось также частенько помогать разным государственным конторам в расшифровке секретных сведений. Такая работа требовала быстроты, четкости и соблюдения секретности, чтобы все было шито-крыто. И в итоге я знаю очень много важных шишек и очень много секретов. Человек, погибший от взрыва в машине, был моим другом, важным правительственным чиновником, с которым я сотрудничал много лет. Его звали Терон Вейн. Год назад по моей просьбе Терон дал задание одному своему агенту выяснить, кто следит за мной и почему. В прошлом месяце Терон попросил меня немедленно приехать в Сан-Франциско: произошло загадочное убийство агента, работавшего над моим делом. Его агентство помещалось в арендованной квартирке, которую он использовал как секретный офис. Представители правительственных служб в любом случае обычно очищают такие места, забирая или уничтожая все имеющиеся там документы, чтобы они не попали в чужие руки. Но в данном случае Терон подумал, что мы сможем выяснить что-то связанное не только со смертью агента, но и с моей слежкой. Мы тщательно перерыли все в этом офисе. Я взломал все возможное, включая и компьютерные файлы, а потом мы уничтожили все данные. На основании обнаруженной информации мы выработали план действий и пришли к выводу, что будет более надежно и менее подозрительно, если мы с ним разделимся и я пройду пешком до следующей остановки, а он проедет квартал на моей машине и подберет меня по дороге. Но когда мы вышли из агентурной квартиры, я слегка задержался, поскольку еще на лестнице Терон велел мне проверить почтовый ящик и убедиться, не появилось ли там новых посланий, пока мы копались внутри. Я не успел даже выйти из дверей дома, когда Терон

завел машину и она взорвалась...

Сэм умолк, закрыл глаза рукой и потер виски. Я не знала, что и сказать. Просто сидела, не двигаясь. Наконец он опустил руки и с болью взглянул на меня.

— Ариэль, мне не передать, какой ужас я пережил, — сказал он. — Я знал Терона Вейна почти десять лет, он был настоящим другом. Но я понял, что эта бомба предназначалась мне, и поэтому оставил его там, словно это я, разнесенный на куски вместе с машиной, лежу на мостовой, — оставил его, чтобы другие смогли собрать его останки. Ты не представляешь, что я пережил.

Я представила это так живо, что сама задрожала как осиновый лист. Мне вдруг впервые во всей полноте представилась угрожающая нам обоим опасность, впервые с того времени, как две недели назад мне сообщили, что Сэм умер. Ведь сейчас мы говорили не о поддельных похоронах и даже не о взрыве, но о реальном убийстве, о жестокой смерти, предназначенной для Сэма. И если покойный покровитель Сэма был важной шишкой, очевидно из разведывательных служб, то уж ему-то гораздо лучше, чем мне, должны были быть известны методы самозащиты. Теперь стало ясно, что все предпринятые Сэмом предосторожности были, скажем так, далеко не лишними.

— А почему ты убежден, что бомба предназначалась именно тебе? — спросила я.

— Я нашел в компьютере того агентства один номер, который, как мне казалось до этого, был известен только мне: номер моего сейфа в банке, расположенном всего в паре кварталов отсюда, — сказал Сэм. — Очевидно, что кто-то, узнав, где я спрятал копии документов, попытался убить меня, решив, что после моей смерти легко сможет завладеть ими. После взрыва моей машины я сразу пошел в тот самый банк, чтобы забрать документы, уж слишком подозрительной показалась мне вся эта ситуация. В общем, заскочив в банк, я забрал копии манускриптов, упаковал в большой почтовый конверт, оформил отправку и сунул посылку в ближайший почтовый ящик, адресовав тому единственному человеку, которому я полностью доверял, — тебе. Потом из автомата я позвонил начальнику Терона и все ему рассказал. Руководство решило, что мы инсценируем мою смерть. На самом деле я нарушил обещание хранить тайну, связавшись с тобой, ведь ты тоже являешься членом моей семьи.

Сэм взглянул на меня странно затуманенными глазами.

— Семьи? — удивилась я. — Какое это имеет отношение к нашей семье?

Я вновь почувствовала уверенность, что на самом деле мне не хочется этого знать.

— Только одна вещь связывает воедино кусочки этой картинки-загадки и одновременно связывает ее с нашей семейкой, — сказал Сэм. — На мой взгляд, это все то же Пандорино завещание. Поскольку мы уже пришли к общему выводу, что она, вероятно, завещала что-то ценное каждому из наших трех родственников, остается вопрос: что же она завещала четвертому, ее единственному сыну?

— Огастусу? Моему отцу? С чего бы вообще оставлять ему что-то? Ведь она же бросила его сразу после рождения!

— Видишь ли, дорогая, — с ироничной улыбкой произнес Сэм, — он единственный из нашей семейки, за исключением тебя и меня, кого мы еще не обсуждали. Когда Пандора умерла, мне было всего четыре года, а ты еще только родилась, поэтому мне хотелось бы выяснить в будущем несколько вещей. Разве не кажется странным, что мой отец Эрнест, старший ребенок Иеронима Бена, унаследовал только права на добычу полезных ископаемых в Айдахо, в то время как твой папочка — младший сын — заполучил мировую империю по добыче и производству...

— Неужели ты намекаешь, что мой отец как-то связан со всем этим? — недоверчиво спросила я, высвобождая руку.

Когда я встала, Сэм остался сидеть, по-прежнему пристально глядя на меня. В голове у меня царил полный сумбур, но Сэм еще не закончил:

— Я намекаю, что тебе нужно найти ответы на некоторые вопросы, хотя бы ради самой себя.

Почему, как ты думаешь, сразу после моей смерти Огастус связался с моим адвокатом, чтобы узнать, что я оставил тебе? Почему он организовал пресс-конференцию в Сан-Франциско, решив привлечь общественное внимание к моему завещанию? Почему Огастус целыми днями названивал тебе в Айдахо, пока наконец не застал тебя, и почему он настаивал, чтобы ты предупредила его, как только получишь эти документы от моего доверенного лица? Откуда вообще Огастус мог что-то знать о каких-то документах?

— Но мы все знали о них! — воскликнула я. — О них упоминалось в моем...

Я хотела сказать: «в моем завещании». Но вдруг осознала с леденящим ужасом, что во время оглашения завещания не упоминалось ни о каких особых документах, там просто говорилось, что я являюсь единственной наследницей. И в связи с этим возникал еще более страшный вопрос. Если я являлась единственной наследницей Сэма, то зачем вообще Огастус присутствовал на чтении завещания? Зачем он устроил пресс-конференцию? И поскольку мой отец много лет не видел ни Сэма, ни своего собственного брата еще до его смерти, то зачем он вообще притащился на похороны Сэма? Сэм кивнул. Он больше не улыбался.

— Итак, основываясь на твоих наблюдениях за его поведением во время и после похорон, ты догадываешься, почему было так важно, чтобы все в нашей семье, и особенно твой отец, поверили, что я действительно умер?

Задав этот вопрос, Сэм поднялся с табуретки и посмотрел мне прямо в глаза.

— Ты свихнулся? — сказала я. — Ладно, я допускаю, что Огастус кретин и его поведение нуждается в объяснении. Но не думаешь же ты, что он следил за тобой да еще пытался убить из-за каких-то манускриптов, какими бы драгоценными они ему ни казались? И даже если допустить, что твое предположение верно и Огастус способен на такое безумство, то почему он раньше не пытался добраться до этих раритетов? Ведь Эрнест унаследовал их давным-давно, и они хранились у него почти двадцать лет.

— А может, Огастус не знал тогда, что они находятся у моего отца, — сказал Сэм. — Похоже, никто ничего не знал до прошлого года, когда я заметил, что за мной начали следить.

Год назад. Год назад кто-то начал следить за Сэмом. И тогда же Сэм связался со своим другом из разведывательного управления, и, возможно, именно по этой причине двое их агентов уже мертвы. Но какое еще важное событие произошло именно год назад? Что-то прямо недавно крутилось у меня в мыслях. Я мучительно размышляла. И внезапно до меня дошло. Еще несколько событий точно — словно гвозди в крышку гроба — встали на свои места.

Именно год назад, в марте 1988-го, Вольфганг Хаузер познакомился в Вене с моей тетей Зоей на встрече по случаю годовщины аншлюса. И тогда, наверное, выяснилось, что у Зои хранится другой раритет — рунический манускрипт!

Значит, Сэм был прав в одном: если мой отец унаследовал что-то от Пандоры двадцать пять лет назад, а потом как-то узнал, что Зоя тоже что-то унаследовала, то ему не составило бы труда понять

— как сейчас и нам с Сэмом, — что картинка-загадка собирается из нескольких составляющих. Ведь мы тоже сделали вывод, что другие ее куски перешли по завещанию Пандоры к разным членам нашей семьи.

Огастус и правда говорил мне о документах Пандоры и даже упомянул, что они вроде как зашифрованы. И также слишком быстро, чтобы оказаться случайным совпадением, последовал звонок от мисс Хелены С-Длинной-Фамилией из «Вашингтон пост», которая получила мой домашний телефонный номер непосредственно от моего родителя и которая сообщила мне, что, возможно, эти манускрипты принадлежали Зое. А откуда мне знать, что она действительно работает на «Пост», а не на моего отца? Однако все это еще не доказывало, что именно мой отец пытался завладеть этими разрозненными документами и уж тем более организовал тот безумный взрыв.

— А ты знаешь, кто был душеприказчиком Пандоры? — спросила я.

— Гениально! Отличный вопрос.

Сэм обхватил меня за плечи. Боль прострелила мне руку, я невольно сморщилась и вскрикнула.

Встревоженный Сэм быстро отпустил меня.

— Что с тобой?

— Четырнадцать швов. Я едва не столкнулась с лавиной. Я поведала ему о еще одном драматичном событии прошлой недели, которое умудрилась пропустить в недавнем рассказе. Переведя дух, я осторожно потрогала ноющую под тканью куртки руку.

Сэм озабоченно смотрел на меня. Он ласково погладил меня по волосам и покачал головой.

— Все в порядке, уже почти зажило, — успокоила я. — Но мне пришло в голову, что доверенное лицо Пандоры был очень надежным человеком, если она решилась доверить ему распоряжаться после ее смерти документами, которые собирала и берегла всю жизнь.

— И я пришел к тому же заключению, учитывая, кстати, еще одно странное обстоятельство, — сказал Сэм. — Моя родная мать, Белое Облако, умерла всего за несколько месяцев до самой Пандоры. Мы с отцом оба сильно горевали, и мне еще не приходилось бывать в Европе и вообще уезжать так далеко из дома. Поэтому он попросил, чтобы ему прислали по почте все юридические документы, которые он должен подписать для вступления в наследство. К его удивлению, ему сообщили, что это невозможно: по условиям завещания Пандоры, он должен расписаться и лично получить все от ее душеприказчика. В итоге нам с отцом пришлось отправиться в Вену.

— Значит, этому душеприказчику отводилась важная роль, — заметила я. — И кто же он?

— Человек, который, как мы недавно узнали, был первым учителем музыки Лафа, — сказал Сэм. — Смуглый и романтичный кузен Пандоры, Дакиан Бассаридес, встретивший ее с детьми у карусели в парке Пратер, а потом отправившийся с ними в Хофбург смотреть оружие. Когда мы с отцом прибыли в Вену ради этого завещания, мне было всего четыре года, а Дакиану Бассаридесу — за семьдесят, но я никогда не забуду его лица. Оно обладало какой-то дикой, необузданной красотой. Дикая, неприрученная — именно эти слова Лаф использовал, описывая молодую Пандору. Кстати, интересно еще воспоминание Лафа о том, как во время той карусельной прогулки Гитлер сообщил детям, что имя Эрнест происходит от древнего верхненемецкого слова «орел», а Дакиан — от «волка». Такие мелочи кажутся важными. В тех немногих документах, что мне удалось перевести, упоминалось о римском императоре Августе, по-нашему Огастусе. Хотелось бы мне знать, кто наградил твоего отца таким именем. И конечно, ты знаешь, что означает по-гречески фамилия

семьи Пандоры — Бассаридес?

Я недоуменно пожала плечами.

— Лисьи шкуры или мех, — сказал Сэм. — Но я узнал, что корень этого слова восходит к ливийско-берберскому *bassara* — так называли берберы самку этого животного, лисицу. В том же духе и Лаф описывал Пандору, как некое дикое животное. Вот уж ирония судьбы, правда?

— «Ловите нам лисиц, лисенят, которые портят виноградники, а виноградники наши в цвете», — процитировала я стих из Песни Песней Соломона.

Сэм изумленно глянул на меня и просиял одобряющей улыбкой, которая, как в детстве, вызвала у меня ощущение того, что я сделала что-то невыносимо умное.

— Значит, ты действительно поняла мои послания! Я знал, Умница, что ты способная, но не думал, что тебе удастся так быстро во всем освоиться.

— Да я еще не освоилась, — сказала я, чувствуя себя гениальной. — Слава богу, что мне удалось разгадать твою шифровку и выяснить место нашей утренней встречи. Есть что-то еще, что мне следовало понять?

— Но ты же сама сказала, разве не чувствуешь? Ирония судьбы. Хитрая маленькая лисичка Пандора действительно испортила виноградники, по крайней мере на последние двадцать пять лет, так удачно разделив эти документы. Я начал понимать, что именно она сделала, уже после того, как послал тебе эту посылку. — Потом его улыбка вдруг растаяла, и он внимательно взглянул на меня в слабых отблесках костра своими серебристыми глазами. — Ариэль, — мягко сказал он, — я думаю, мы оба понимаем, что должны сделать.

У меня екнуло сердце, но я знала, что он прав. Если эти таинственные документы такие опасные и древние, что все хотят завладеть ими, то мы не будем в безопасности, пока не разберемся во всем до конца.

— А если твоя посылка так и не объявится, — сказала я, — то тебе, боюсь, придется восстановить все по спрятанным оригиналам, а рунический манускрипт Зои...

— Он может подождать: уж тут-то мы точно знаем, что оригиналы существуют, — сказал Сэм, — Но, Ариэль, если кто-то так отчаянно пытается завладеть этими манускриптами, то наши жизни по-прежнему в большой опасности, и нам в первую очередь надо узнать, что содержится во всех четырех частях, а главное — зачем Пандора их собирала. Мне нужно повидаться с одним человеком, который сможет ответить на этот вопрос: с ее кузеном Дакианом Бассаридесом.

— С чего ты взял, что Дакиан Бассаридес еще жив? — поинтересовалась я. — Прикинь, когда вы были в Вене. Если у них с Пандорой была небольшая разница в возрасте, то сейчас ему около ста лет. И как ты рассчитываешь отыскать его? С тех пор как ты видел его, прошло четверть века. Надо думать, этот след уже слегка остыл.

— Напротив, — сказал Сэм. — Дакиан Бассаридес жив и здоров в свои девяносто пять лет, и его еще вспоминают в определенных кругах. Полвека назад он был известным скрипачом, игравшим в необузданной манере Паганини. Его знали под именем князь Лис. Если ты не слышала его, то только потому, что по каким-то причинам он отказывался выпускать свои альбомы, хотя и выступал с концертами. До сегодняшнего утра я не знал, что он, ко всему прочему, учил Лафа музыке. А с установлением его нынешнего местонахождения, думаю, тебе может помочь твой новый приятель Хаузер. По моим понятиям, последние полвека, включая военные годы, основным местом

жительства Дакиана Бассаридеса была Франция, и с Зоей, которой сейчас за восемьдесят, их связывает нежная дружба. Уж если кто и сумеет добиться встречи с ним, то это она.

Я знала, что Сэму слишком опасно лететь в Париж на поиски Дакиана Бассаридеса: ему пришлось бы разбираться с иммиграционными и таможенными службами двух стран, используя фальшивые удостоверения личности. Но я быстро нашла решение этой проблемы.

Разве не сам Вольфганг Хаузер говорил мне, что хочет помочь «защитить» мое наследство и надеется, что я соглашусь встретиться в Париже с тетушкой Зоей, чтобы побольше узнать о нем? Учитывая, что Под посылает нас в Россию в правительственную командировку, мы вполне можем слегка задержаться в пути и заглянуть на пару дней в Париж, чтобы навестить Зою. Моего братца явно не слишком вдохновила идея моего стремительного залета в Париж с Вольфгангом, но, в конце концов, ведь именно Сэму пришла в голову идея о том, чтобы расспросить лично Дакиана Бассаридеса. А я просто предложила самый легкий путь ее осуществления.

Мы согласились на том, что в ближайшие недели, пока я не вернусь из франко-русского турне, Сэм тайком потрясет семейное древо на предмет выяснения того, не упадет ли оттуда пара гнилых яблочек. И еще навестит своего дедушку Серого Медведя в Лапуайской резервации индейского племени «Проколотые носы». Хотя мы с ним не виделись уже много лет, но подумали, что он сможет пролить какой-то свет на тайны отца Сэма, Эрнеста, жившего в Лапуаи еще до того, как родился Сэм. Тогда у нас появятся более четкие представления по крайней мере об одном члене расколотой семьи, унаследовавшем раритеты Пандоры.

Но я уже поняла, что моя семейка представляет собой нечто большее, чем сборище эксцентричных и знаменитых особ, озабоченных наследственной враждой. В самых ее истоках, видимо, крылась какая-то тайна. А для исследования семейных истоков нам нужны были свежие данные, почерпнутые из независимых внешних источников. Именно тогда я подумала о мормонах, о Церкви Иисуса Христа Святых последнего дня.

Мало кто из посторонних или «немормонов» знал, что приверженцы религиозного течения мормонов создали в окрестностях Солк-Лейк-Сити обширный генеалогический архив, в котором содержатся сведения о семейных связях, восходящих ко временам Каина и Сифа. Оливер рассказывал мне, что все эти данные введены в компьютер, все мировые родословные вплетены в микропроцессорную технологию и скрыты в подземной пещере где-то в горах Юты — как рунические гобелены, сотканые мифологическими норнами в Нюрнберге.

Мы определились с нашими целями и задачами, но по-прежнему оставалось проблемой, как мы будем связываться с Сэмом, покинув эту хижину и разойдясь в разные стороны, ведь каждый из нас не мог точно сказать, где окажется завтра. У Сэма возникла одна идея: ежедневно, где бы он ни был, он будет находить какое-нибудь компьютерное бюро и посылать оттуда по факсу информацию на мой рабочий компьютер под вымышленным именем, но с настоящим номером, на который я смогу послать сведения ему. Я тоже буду заходить в компьютерные конторы и посылать ему новые сведения с ключом для их расшифровки и номером для связи. Этого нам хватит на первое время, поскольку интернет-кафе есть сейчас во всех городах мира, за исключением, возможно, Советской России, куда мне тоже предстоит залететь.

Сэм потушил костерок, и мы вышли из хижины. Хотя мы провели в нашем укрытии чуть больше часа, белоснежные верхние луга уже были залиты ослепительным солнечным светом. Не успела я

нацепить солнцезащитные очки, как Сэм обнял меня одной рукой и поцеловал в волосы. Потом он отстранился.

— Только не забывай, Умница, что я люблю тебя, — серьезно сказал он. — Больше не соревнуйся в скорости ни с какими лавинами. Мне хочется, чтобы ты вернулась целой и невредимой. И я все-таки совсем не уверен, стоит ли тебе озадачиваться в Париже поисками.

— Я тоже люблю тебя, — с улыбкой оборвала я Сэма, нацепила очки и взяла его за руку. — А пока, мой кровный брат, пусть Дух Великого Медведя идет по следам твоих мокасин. И прежде чем мы расстанемся, ты должен поклясться мне своим тотемом, что тоже не будешь рисковать.

Сэм улыбнулся мне в ответ и торжественно поднял руку ладонью ко мне.

— Честное индейское, — сказал он.

Спускаясь с верхнего луга, я увидела на голубоватом снежном склоне нижнего луга спортивную фигуру в блестящем темном лыжном костюме и защитных очках, с волосами, взлохмаченными утренним ветерком. Мне не нужно было видеть его лица. Больше никто на свете не мог передвигаться по снегу с такой грациозной легкостью и стремительностью. Разумеется, это был Вольфганг Хаузер. Он шел в мою сторону, следуя моим же путем, поскольку никто больше не успел наследить там после вчерашнего снегопада.

Святое дерьмо! Слава богу, что мы с Сэмом сразу решили пойти разными путями. Но при той скорости, с которой двигался Вольфганг, он очень скоро должен был оказаться в том месте, где сегодня утром я встретила с Сэмом. Как же, черт возьми, объяснить ему, с чего вдруг мне взбрело в голову кататься на лыжах в этих дебрях в такую несусветную рань? И естественно, пришлось отбросить пока вопрос о том, что сам Вольфганг делает здесь, когда ему положено быть в Неваде, в шестистах милях отсюда.

В панике я съехала с горки и устремилась в лесную глушь. Мне даже не пришло в голову, что надо бы вернуться по оставленным мною утром следам. Учитывая, в какой темноте мы с Сэмом встретились, я вообще сомневалась, что найду место нашей встречи. Моим единственным стремлением было как можно скорее найти Вольфганга, ведь если он сам найдет то место, то мне будет чертовски сложно придумать правдоподобное объяснение. Я с такой скоростью бежала по затененному лесу, что едва не пролетела мимо Вольфганга.

— Ариэль! — донеслось до меня откуда-то из глубин космоса, и я со свистом затормозила, едва не влетев в дерево.

Развернувшись, я осторожно двинулась навстречу Вольфгангу. Лавируя между деревьями, он отклонял в стороны еловые лапы, отягощенные выпавшим за ночь снегом. Тронутые им ветви с тихим шлепком сбрасывали снежные ноши. Когда мы встретились в рассеянном пятнистом свете, он посмотрел на меня вопросительным, но строгим взглядом, и я решила, что надо первой бросаться в атаку.

— Вот так сюрприз, доктор Хаузер! — сказала я, пытаюсь изобразить улыбку, хотя еще не была уверена, нашел ли он наши следы. — Мы сталкиваемся друг с другом в самых удивительных местах, нет так ли? Мне почему-то думалось, что сейчас ты где-то в Неваде.

— Но я же говорил тебе, что, возможно, заеду сюда, если успею, — слегка раздраженно произнес он. — Ради этого мне пришлось ехать целую ночь.

— Именно поэтому, я подозреваю, ты и решил размяться после ночного бдения, прогулявшись на

лыжах в дремучем лесу? — сухо заметила я.

— Ариэль, пожалуйста, не играй со мной в эти игры. Я приехал в «Приют» еще до рассвета и сразу же направился в твой номер. Обнаружив, что тебя там нет, я жутко встревожился, не представляя, что могло случиться. Но до того как поднимать общую тревогу, я зашел на парковку и выяснил, что твоей машины тоже нет. А единственный колесный след на свежевыпавшем снегу вел в этом направлении, поэтому я поехал по нему, нашел твою машину возле леса и по твоей лыжне дошел сюда. Теперь твоя очередь объяснить мне, с чего вдруг тебе вздумалось ни свет ни заря кататься в одиночестве вдали от отеля.

Ага! Если он думает, что я каталась в одиночестве, значит, не нашел место нашей встречи. Это избавляло меня от следующего шага, к которому я уже приготовилась, — от вранья без зазрения совести. Однако следовало как-то объяснить, почему меня занесло в этот лес.

— Я надеялась, что легкая пробежка по лесу поможет выветрить коньячок, который мы с твоей сестрой распивали в моем номере этой ночью, — поведала я ему.

Мне даже лгать не пришлось.

— С Беттиной? — изумленно произнес он, и я поняла, что нажала на правильные клавиши. — Беттина тоже остановилась в «Приюте»?

— Мы тут оттянулись по полной, — сказала я и, заметив недоумевающее выражение на лице Вольфганга, перевела: — Мы напились вдвоем, и я выкачала из нее сведения о тебе. Теперь мне понятно, почему ты подчеркнул, что просто знаком с моим дядей Лафкадио, а не дружишь с ним. Но в нашем пространном разговоре о моей семье ты мог бы хоть упомянуть, что последние десять лет твоя сестра живет у моего дядюшки.

— Извини. — Вольфганг встряхнул головой, словно только что проснулся (это вполне могло быть, если он действительно целую ночь колесил по дорогам), и взглянул на меня заспанными синими глазами. — Я уже давно не видел Беттину. Наверное, она объяснила тебе причину этого?

— Да, но я предпочла бы получить объяснение от тебя. Я имею в виду, почему ты и Бэмб... твоя сестра перестали общаться друг с другом из-за такого обожающего драматические сцены комедианта, как дядя Лаф?

— По правде говоря, мы с сестрой видимся время от времени, — сказал Вольфганг, уклоняясь от прямого ответа на мой вопрос. — Но меня удивило, что Лафкадио привез ее сюда из Вены. Вероятно, он даже не подозревал, что я тоже могу оказаться здесь.

— Теперь уж он точно узнает, — сказала я ему. — Давайте сегодня позавтракаем все вместе и посмотрим, какой он устроит салют.

Вольфганг воткнул лыжные палки в снег и положил руки мне на плечи.

— Ты очень храбрая, если планируешь такую трапезу. Я еще не успел сказать, как скучал по тебе и какое поистине ужасное место ваша Невада!

— А мне казалось, что немцы обожают всяческие неоновые рекламы, — сказала я.

— Немцы? — удивился Вольфганг, убирая руки с моих плеч. — Кто тебе сказал... Ах, Беттина. Очевидно, ты и правда ее подпоила.

Я улыбнулась в ответ и, пожав плечами, призналась:

— Мой излюбленный способ дознания, я впитала его с молоком матери. Кстати, раз уж благодаря тесному общению моего дядюшки и твоей сестры мы стали почти родственниками, то, наверное, я

вправе слегка отойти от официальных отношений и поинтересоваться, к примеру, что скрывается под буквой «К» в твоём имени?

Вольфганг продолжал улыбаться, но удивленно приподнял брови.

— Обычно она указывает на моё второе имя: Каспар. А почему ты спросила?

— Каспар — дружелюбное привидение? — усмехнувшись, сказала я.

— Нет, скорее Каспар из компании Балтазара и Мельхиора — помнишь трёх волхвов, принесших дары младенцу Иисусу? — Помолчав, Вольфганг добавил: — Кто надоумил тебя задать мне такой вопрос?

Вот черт! Возможно, я и способна потрясающе развязывать языки легко пьянеющим особам, но сама являюсь совершеннейшим профаном, когда требуется исподволь подвести человека к неожиданному вопросу. Я попыталась отбить удар в его же ворота.

— Наверное, ты пока не знаешь, что у меня фотографическая память, — сказала я, слегка уклоняясь от вопроса. — Я видела твоё имя в журнале на проходной в нашем центре, со всеми твоими регалиями: герр профессор, доктор и так далее. Заметила даже, что прибыл ты из австрийского Кремса. А что, собственно, это за город такой? — беспечно щебетала я, надеясь, что мне удалось избавиться от пронизательного и весьма недоверчивого взгляда Вольфганга.

— В сущности, именно туда мы с тобой и направимся во вторник, — сказал Вольфганг. — Ты сможешь составить о нём личное впечатление.

Я не стала особо настаивать на своём, чувствуя, что голова моя начала побаливать от остаточных последствий ночного возлияния.

— Ты говоришь о ближайшем вторнике? — уточнила я, слегка занервничав. Ну почему все так резко меняется? Ведь я только что нашла Сэма — и опять теряю его до тех пор, пока он сам не свяжется со мной. — Ты имеешь в виду, что послезавтра мы улетаем в Австрию?

Вольфганг кивнул и сообщил мне с явной озабоченностью:

— Вчера в Неваду мне позвонил Пастор Дарт. Он пытался найти нас обоих и с облегчением узнал, что мне известно, где ты находишься. Наш самолет в Вену вылетает поздно вечером в понедельник, то есть завтра. Чтобы успеть на этот рейс, нам придется вылететь утром из Айдахо. Потому-то я и ехал целую ночь из Невады, решив прихватить тебя по пути, чтобы ты успела заехать домой и собраться. Я подумал, что поскольку Максфилд тоже будет здесь, то он сможет позже доставить обратно твою машину, а ты поедешь на моей. До отъезда нам еще необходимо обсудить в частном порядке много вопросов. Мы, конечно, можем здесь позавтракать, но должны...

— Тпру! — воскликнула я, поднимая лыжную перчатку. — Могу я поинтересоваться, с какой стати мы с тобой должны обязательно лететь в Вену вместе? Разве мы «сливки общества», отправляющиеся на модный курорт? Я предпочла бы добраться туда самостоятельно.

— О, разве я еще не сказал? — с какой-то смущенной улыбкой заметил он. — Наши визы в Советский Союз уже утверждены посольством. И Вена — наша первая остановка по пути в Ленинград.

Вольфганг вручил мне маленький англо-русский разговорник для туристов, и я читала его, пока он вез меня в Айдахо из Солнечной долины. Мне сразу захотелось подыскать русские слова, отражающие моё нынешнее настроение и внутреннее состояние. Безвыходность ситуации напоминала нечто среднее между «запором» и «поносом», а внутренние ощущения, на мой взгляд,

ближе всего соответствовали расстройству «кишечника». И хотя я узнала, что сам Вольфганг бегло говорит по-русски, мне было неловко спрашивать у него, есть ли у русских выражение, аналогичное моему излюбленному «святому дерьму».

Сказать, что наш ланч прошел в довольно напряженной обстановке, было бы слишком мягко. После нашего внезапного появления там Лаф едва не просверлил меня свирепым взглядом, пока Бэмби обнималась с братом. Потом на протяжении всей трапезы на меня свирепо поглядывал Оливер, на которого обрушился ворох сведений: а) Бэмби приходится сестрой Вольфгангу; б) Вольфганг увозит меня после завтрака домой, а Оливеру придется позже доставить туда же мою машину и кота; в) мы с Вольфгангом завтра утром отправляемся вместе в некое идиллическое путешествие в СССР.

Правда, Лаф слегка воспрянул духом, когда я сообщила ему, что наша первая остановка на самом деле будет в Вене, куда он сам планировал вернуться из Сан-Франциско вечером в понедельник, и что я смогу повидаться с ним там, если нам понадобится о чем-то еще договорить. Перед выходом из ресторана я отвела Лафа в сторонку и сказала:

— Лаф, я понимаю, как ты относишься к брату Бэмби. Но поскольку мы с ним будем вместе в Вене в командировке, то я прошу тебя сделать исключение и пригласить нас обоих к тебе в дом. А если ты считаешь, что мне необходимо знать еще что-то важное о нашем семействе, то лучше скажи это прямо сейчас.

— Гаврош, — со вздохом произнес Лаф, — тебе достались глаза твоей матери Джерси, она всегда так гордилась их ледяной синевой. Но твои больше похожи на глаза Пандоры — дикие глаза леопарда, — потому что сделаны из чистейшего зеленоватого льда. Я не виню Вольфганга: мне вообще непонятно, как мужчины могут устоять перед такими очами. Вот я, к примеру, не смог. Но ты, Гаврош, должна всячески остерегаться мужчин, пока точно не разберешься, в какую ситуацию они тебя втягивают.

Больше Лаф ничего не добавил, но я поняла, что он был искренен со мной. Он беспокоился именно обо мне, а не о каких-то враждебных отношениях с родственниками Бэмби или в нашем семействе. Я поцеловала Лафа, обнялась с Бэмби, передала Ясона Оливеру и обменялась рукопожатием с молчаливым и никогда не улыбавшимся Вольгой Драгоновым. Во время нашего обратного стопятидесятимильного путешествия по берегам Снейка к моему основному месту жительства я размышляла о том, в какую же ситуацию я действительно влипла. И раздумывала, как мне связаться с Сэмом и дать ему знать о моем скором отъезде.

По дороге домой Вольфганг сообщил мне массу подробностей о предстоящей деловой поездке. В последний момент он организовал для нас по пути в Россию короткую остановку в Вене, истинные причины которой, однако, отличались от предоставленных им Поду объяснений.

Будучи сотрудником находящегося в Вене МАГАТЭ, Вольфганг тем не менее работал в Кремсе — придунайском средневековом городке в начале Вахау, самой знаменитой виноградной долины во всей Австрии. Вольфганг сказал Поду, что до отъезда в Россию нам надо заехать туда, чтобы я могла ознакомиться с многочисленными документами, содержащими основные принципы подхода к нашей особой миссии в СССР. И видимо, Пода устроил такой план действий.

О Кремсе я прежде ничего не слышала, однако упомянутая Вольфгангом долина Вахау вызвала массу детских воспоминаний. Сразу за ней начиналась другая часть долины Дуная —

Nibelungengau,[39] где некогда жили волшебные обитатели Австрии. В тех краях разворачивается

действие созданной Рихардом Вагнером оперной тетралогии «Кольцо нибелунга», записи которой с участием моей бабушки Пандоры сейчас разошлись по всему миру. Мне также вспомнилось, как мы с Джерси карабкались по крутым лесистым склонам, чтобы взглянуть сверху на серо-голубой Дунай и руины Дюрнштейна, замка, в котором держали в плену возвращавшегося на родину из крестового похода короля Ричарда Львиное Сердце, — он провел там больше года, пока не заплатил крупный выкуп.

Но личный интерес Вольфганга сосредоточился на другой известной в Вахау достопримечательности — знаменитом монастыре Мелька. Некогда здесь был замок-крепость династии Бабенбергов, предшественников Габсбургов, а ныне — бенедиктинское аббатство, славившееся своей библиотекой, насчитывающей почти сто тысяч томов, многие из которых представляли собой древнейшие манускрипты. По словам Вольфганга (чья история перекликалась с тем, что Лаф поведал мне в горячем бассейне), именно с Мелька Адольф Гитлер начал поиски тайных рунических текстов вроде тех, что содержались в манускрипте тети Зои. Очевидно, сама Зоя попросила его привезти меня в Мельк для проведения уже наших собственных изысканий.

В пять часов вечера Вольфганг простился со мной у дверей моих полуподвальных апартаментов. Мы договорились с ним встретиться в аэропорту в девять тридцать утра, чтобы успеть на десятичасовой рейс в Солт-Лейк-Сити. Таким образом, на сборы в командировку мне оставался всего один вечер. Я сосредоточенно собрала все, что мне могло понадобиться в двухнедельной поездке, большей частью по Советскому Союзу, где я никогда не бывала прежде в такое время года. Но у меня оставалось ощущение, что я забыла нечто важное. В туристской брошюрке, выданной мне Вольфгангом, рекомендовалось взять бутылки с водой и побольше туалетной бумаги, так что это я упаковала в первую очередь. Слабо представляя себе раннюю весну в Ленинграде, я тем не менее вспомнила, что апрель в Вене совсем не тот, что в Париже, и для пронизывающего венского холода стоит захватить с собой побольше теплых вещей.

Одновременно я мучительно пыталась придумать, как связаться с Сэмом. Мне пришло в голову, что, возможно, к завтрашнему утру Сэм уже пришлет весточку на мой рабочий компьютер, чтобы заранее опробовать наш новый способ связи. Я могу забрать его сообщение по пути в аэропорт, и даже если не успею ответить на него сразу, то хотя бы узнаю, на какой адрес посылать ему ответ из Солт-Лейка или из аэропорта Кеннеди, когда мы доберемся до Нью-Йорка. Мне подумалось, что это неплохая идея, поскольку мой визит на работу можно объяснить необходимостью получить последние напутствия от моего шефа Пастора Дарта.

Подтащив уложенные сумки к входной двери, я услышала шум в верхней квартире Оливера. Он грохотал там своими лыжами, и я поднялась к нему прямо в халате и отороченных мехом мокалинах, чтобы посмотреть, не требуется ли ему помощь.

— Ты, небось, так с утра ничего и не ела, — первым делом заметил Оливер.

И был совершенно прав: о еде я и думать забыла.

— Я собирался приготовить на ужин для себя и для маленького аргонавта паштет из копченой форели на ржанных тостах с укропом, чтобы хоть как-то заглушить тоску-печаль, вызванную твоим скорым отъездом. Подозреваю, что с завтрашнего дня нам придется питаться исключительно похлостяцки. Но может, ты не откажешься отужинать с нами напоследок?

— С удовольствием, — ответила я, преодолевая желание рухнуть и уснуть, поскольку вдруг

осознала, что, возможно, завтра утром не успею даже перекусить, а во время дневного перелета мне вряд ли перепадет что-нибудь сытнее арахиса. — Хочешь, я сварганю нам горячий пунш на запивку? — предложила я.

Мне хотелось загладить вину перед Оливером за такое окончание нашего уикенда, хотя вскоре я узнала, что это было вовсе не обязательно.

— Bien sur,[40] — усмехнувшись, сказал Оливер, устанавливая лыжи на стеллаж в прихожей и вешая палки на крючки. — Тебе, моя дорогая соседushка, прощается часть моего гнева, потому что ты познакомила меня с такой изысканной и щедро одаренной Бэмбитой. По-моему, я влюбился... пусть даже она совершенно не похожа на тех ковбойских девиц, к которым я всегда испытывал слабость.

— Но ведь они с дядей Лафкадио выглядят как сладкая парочка, — заметила я. — Да и живут оба в Вене. Не далековато бегать целоваться?

— Все в порядке, — сказал Оливер. — Лыжная жизнь твоего дяди уже закончилась, даже если скрипичная еще продолжается. Я готов вечно, как раб, шастать за такой женщиной по склонам, хотя бы просто ради лицемерия того, как она wedeln[41] хвостиком, понимаешь? И раз уж ты так подружилась с ее братом, то, возможно, она вскоре опять заедет навестить нас.

Спустившись к себе, я подогрела красного бургундского вина и сдобрила его специями для Glühwein из моих нескончаемых запасов, решив быстренько сочинить легкую версию ароматного горячего напитка. Но пока я следила за нагревом, мне пришла в голову одна вещь, о которой я едва не забыла. По большой и холодной гостинной я прошла к книжным полкам и пролистав потрепанный тяжелый том Британской Энциклопедии на букву Х, найдя в результате нужные мне сведения. Я с удивлением обнаружила там реального человека по имени Каспар Хаузер. Его история показалась мне более чем странной:

«Хаузер, Каспар— юноша, чья жизнь примечательна вследствие связанных с ней таинственных и необъяснимых событий. Он появился на улицах Нюрнберга 26 мая 1828 года, одетый в крестьянскую одежду, беспомощный и плохо понимающий, что с ним происходит. При нем обнаружили два письма: одно от бедного рабочего, утверждавшего, что этого мальчика передали ему на попечение в октябре 1812 года и что согласно договору он научил мальчика читать, писать и приобщил к христианской религии, но до времени означенного конца опеки его содержали в строгой изоляции; (в другом письме) его мать заявляла, что ее сын, названный Каспаром, родился 30 апреля 1812 года и что его покойный отец служил кавалерийским офицером в Шестом нюрнбергском полку. (Юноша) с отвращением относился к любой пище, кроме хлеба и воды, с диким видом смотрел на окружающую действительность и именовал себя Каспаром Хаузером».

Далее в статье говорилось, что этот Каспар Хаузер привлек внимание международного научного общества, когда выяснилось, что его вырастили в клетке и что невозможно найти ни его родственников, ни опекавшего его рабочего. В то время в Германии возник огромный научный интерес к таким своеобразным «детям природы», воспитанным дикими животными, а также к таким понятиям, как «сомнамбулизм, животный магнетизм и тому подобные сверхъестественные и таинственные явления». Хаузера приютили в доме местного учителя, однако:

«17 октября 1829 года Каспара нашли с раной на лбу, нанесенной ему — согласно его собственному утверждению — человеком с черненьким лицом».

Британский ученый лорд Стэнхоуп приехал взглянуть на этого парня и, заинтересовавшись его

случаем, перевез в дом верховного судьи Ансбаха для более тщательного изучения. Об этом найденыше уже почти забыли, когда вдруг 14 декабря 1833 года на Каспара Хаузера напал какой-то неизвестный и нанес ему глубокую рану в левую половину груди. Через три-четыре дня раненый умер.

За последующие сто пятьдесят лет о Каспаре Хаузере понаписали, видимо, множество книг с дикими предположениями, начиная с того, что лорд Стэнхоуп сам погубил Каспара Хаузера, и кончая тем, что найденыш являлся законным наследником трона Германии и пропажа этого ребенка привела к смене политического строя. Энциклопедия давала понять, что вся эта история смахивает на «жульничество», называя ее историческую подоплеку «совершенно запутанным клубком озадачивающих явлений».

Но меня лично озадачило то, почему Вольфганг К. Хаузер, родившийся в Нюрнберге, как и его однофамилец, дал мне такое уклончивое объяснение, сказав, что его второе имя связано с библейским волхвом, и даже не упомянув об исторической личности, достаточно хорошо известной, чтобы заслужить целую статью в Британской Энциклопедии. И уж если говорить о возможности еще более тесной связи с этим выращенным как животное найденышем, то нужно вспомнить, что само имя Вольфганг означает «тот, кто бежит с волками».

Бросив взгляд в сторону двери, я заметила, что Ясон старательно обнюхивает собранные мною дорожные сумки. Он мог понять по их виду, что я собралась уехать дольше, чем на выходные, и я испугалась, что он опять пометит их своей «благоуханной» стружкой, как уже поступал в прошлом, подозревая, что его не возьмут с собой.

— О нет, дружок, не надо, — сказала я и подхватила его на руки.

Потом сняла с плиты закипающий Gliihwein и побежала наверх, в теплую кухню Оливера.

— Слушай, Оливер, ты не поддержишь у себя моего сожителя, пока я не уехала? — спросила я. — По-моему, он имеет зуб против моего отъезда, а ты ведь понимаешь, чем это мне грозит.

— Он вообще может пожить у меня, — сказал Оливер, щедро намазав кусочек тоста рыбной замазкой и скормив его Ясону. — Тогда мы сэкономим, отключив отопление цокольного этажа. А как ты распорядилась своей почтой? — спросил он. — Ты успеешь завтра сама отменить доставку? Или предпочтешь, чтобы я... В чем дело?

Вот черт, ну конечно! Так и знала, что что-нибудь да забуду! Я откусила предложенный мне тост с замазкой и начала старательно жевать его, стараясь выиграть время. Раздумывая, как выкрутиться из этой бедственной ситуации, я разлила горячее вино по кружкам и, обжигаясь, начала сосредоточенно глотать его.

— Все в порядке, — наконец сказала я Оливеру. — Просто я вдруг вспомнила, что забыла кое-что упаковать. Но я успею сделать это утром и, кроме того, заскочу по пути на почту, чтобы отменить доставку.

Хвала небесам, это было вполне реально: почтовое отделение открывалось в девять утра, а в аэропорт мне надо было приехать к девяти тридцати. Но ведь все могло сложиться иначе, и тогда у меня возникли бы серьезные проблемы со скоплением корреспонденции за те две недели, что я болталась бы по Советской России. О чем только, ради всего святого, я думала?

Когда мы закончили ужинать, я ушла к себе вниз, выразительно ругая себя за то, что я, Умница, захватила с собой будильник и пижаму, зато опять едва не забыла о той единственной вещи, из-за

которой нас с Сэмом могут убить. Что толку обладать фотографической памятью на мелочи, подумала я, если важные вещи в итоге вылетают из головы?

На следующее утро, оставив сумки и документы в машине, я заявила в контору в половине девятого. На сей раз я припарковалась в дальнем конце здания и, как положено, прошла через пропускные ловушки для служащих центра. Мне не хотелось вновь подставлять себя под удар и остаться без теплой куртки на пути в Советскую Россию. Но когда я провала через первые автоматические двери и предъявила пропуск, экран монитора не выдал мне обычного приглашения охраны пройти в следующие двери. Мне вовсе не хотелось торчать в холодине между дверей.

Развернувшись, я уставилась в глазок камеры и взвыла:

— Есть там кто-нибудь?

Чертовой охране полагалось дежурить круглосуточно. Из аппарата внутренней связи донесся какой-то шорох, а потом голос Беллы.

— Я вас плохо вижу и не могу идентифицировать вашу личность по пропуску, — произнесла она мерзким официальным тоном. — Нужно подойти к камере. Вам известны наши правила.

— Ради Христа, Белла, ты же меня знаешь, — сказала я. — Здесь так холодно!

— Повернитесь, как положено, к камере и приложите удостоверение к экрану монитора, чтобы я могла установить вашу личность, иначе вы не попадете внутрь, — настаивал ее голос.

Вот ведь сучка! Поборов эмоции, я «повернулась, как положено». Несомненно, Белле, как и многим другим, стало известно, что на прошлой неделе я каталась с Вольфгангом Хаузером на лыжах в ущелье Джэксона, и она была бы рада продержать меня перед входом целую вечность. Можно подумать, ей нужна куча времени, чтобы узнать того, кого она видит каждый божий день! Услышав наконец щелчок открывшейся двери, я быстро прошла внутрь, но тут же повернулась и, улыбнувшись в камеру, направила прямо в ее глазок кулачок с вытянутым средним пальцем. Белла аж задохнулась от возмущения. Она что-то истерично верещала мне вслед, пока стеклянные двери не заглушили ее голос.

Насколько я знала, она мало что могла сделать. Служащие охраны не имеют права покидать свой пост до прихода новой смены. Если она только что заступила, то не сможет выйти из проходной до десяти утра, а я тогда буду уже в воздухе.

Войдя в свой кабинет, я проверила почту. Надежды мои оправдались: мне поступило сообщение от Сэма — от «фирмы „Большой Медведь“» — с указанием телефонного номера, соответствующего району Айдахо, вероятно где-то между Солнечной долиной и резервацией Лапуаи. Запомнив номер и уничтожив сообщение, я собралась напоследок навестить Пода, когда в дверях появился он сам с озадаченным выражением лица.

— Бен, мне только что позвонили из отдела охраны с просьбой немедленно послать тебя в кабинет их начальства, — сообщил он. — Меня удивило, что ты вообще явилась сегодня на работу. Разве ты не летишь десятичасовым рейсом с Вольфгангом Хаузером? Но начальник охраны говорит о каком-то нарушении. Не объяснишь, что все это значит?

— Я... да, я уже еду в аэропорт, — расстроено сказала я. — Я просто заскочила на минутку попрощаться с вами.

Треклятая Белла, неужели она донесла на меня? Я понимала, что означает нарушение правил отдела охраны в ядерном Центре. Даже на предварительное выяснение прегрешения может уйти куча

времени. Слово офицера охраны было законом. Если ее обвинения подтвердятся, то меня могут отстранить от работы. Господи, вечно я нарываюсь! Неужели нельзя было спокойно выйти из пропускной ловушки, выкинув эту заразочку из головы? Черт меня дернул показать ей этот дурацкий палец!

В итоге Под направился вместе со мной в кабинет начальника охраны, а я уже начала сильно сомневаться, что успею на самолет, не говоря уж о том, чтобы заскочить на почту и остановить доставку. По дороге я подумала, не стоит ли мне сделать трансплантацию дополнительной порции мозгов или добавку гормонов для снижения женской агрессивности. Или просто грохнуться на пол, изобразив припадок?

Когда мы вошли, начальник отдела охраны Петерсон Фландж восседал за своим столом. Поскольку мне приходилось видеть Петерсона Фланджа только в сидячем положении, то я частенько раздумывала, есть ли у него вообще ноги.

— Офицер Бен, — угрюмо глянув на меня, сказал начальник охраны. — Сегодня утром против вас выдвинуто чрезвычайно серьезное обвинение в нарушении правил отдела охраны.

Подняв брови, Под взглянул на меня, явно удивляясь, как я умудрилась что-то нарушить, так недолго пробыв в центре. Сама я размышляла о том же: сейчас я определенно провалила бы очередной тест на сообразительность.

— Бен сегодня должна срочно выехать в командировку по важному заданию, — сообщил он Фланджу, бросив взгляд на часы. — Ее самолет вылетает меньше чем через час. Я надеюсь, дела обстоят не так серьезно, как вы говорите.

— Доложивший о нарушении офицер охраны в данный момент освобожден от своего поста и вскоре присоединится к нам, — сказал Фландж.

И тут в кабинет ворвалась Белла.

— Ты показала мне вот так! — заорала она при виде меня, яростно размахивая перед моим лицом своим лилово-розовым наманикюренным ногтем.

— Я сделала только то, что делаешь сейчас ты, — заметила я. — Правда, возможно, использовала другой палец.

— О чем говорит эта женщина? — спросил Под, показывая на Беллу.

В его голосе появились опасные нотки, когда он свирепо глянул на начальника охраны.

Но я отлично понимала, что изрядно влипла. Хотя Под руководил всем нашим ядерным центром, персонал отдела охраны подчинялся непосредственно отделу национальной безопасности ФБР.

Петерсон Фландж запросто мог проигнорировать претензии Поды и отстранить меня от работы, если бы решил дать ход моему проступку. А это настроило бы Поду против меня, поскольку ему пришлось бы читать мне нотации, писать объяснительные записки и заниматься прочей мурой. Мне срочно нужно было что-то придумать.

— Офицер Бен, — сказал Петерсон Фландж, — офицер охраны обвиняет вас в совершении по отношению к ней непристойного и угрожающего действия при прохождении через проходную, когда она по долгу службы всего лишь пыталась опознать ваше лицо по удостоверению личности.

— У меня все записано, — язвительно бросила мне Белла, — так что не пытайся отрицать это.

Ее настрой вывел меня из себя. Я повернулась к Петерсону Фланджу и дружелюбно спросила:

— И что же заставило вашего офицера думать, что своими действиями я угрожаю ей?

Вскочив на ноги, он изумленно уставился на меня. Значит, нижние конечности у него все-таки имелись.

— Охрана нашего центра — очень ответственное дело, офицер Бен, — горячо заявил он. — Едва ли к нему следует относиться с такой ветреностью!

Я попыталась вспомнить точно, что означает слово «ветреность» — суровый ураганный ветер или легкий бриз, когда Под вмешался в наш интересный разговор.

— Что именно вы сделали, Бен? — прямо спросил он меня.

— Я показала ей третий палец в глазок камеры, сэр, когда она не хотела пропускать меня на работу, — сказала я. — Она валяла дурака, задерживая меня в проходной, а я боялась, что из-за ее чрезмерной бдительности опоздаю на самолет.

— Валяла ду...

Петерсон задохнулся от возмущения. Он рухнул обратно в кресло, словно подкошенный.

Пастор Дарт смотрел на меня, прикрыв рот рукой. Если бы я не знала его лучше, то заподозрила бы, что он смеется. Наконец, придя к какому-то решению, Под взял ситуацию в свои руки.

— По моему мнению, — заявил он своим потрясающим вкрадчиво-угрожающим тоном, — офицер Бен заслуживает устного выговора, но не более того. Между нами говоря, я считаю себя обязанным сообщить, что она только что похоронила близкого родственника и сразу по возвращении с похорон узнала о том, что через неделю ее направляют в важную командировку в Европу для оказания помощи доктору Хаузеру, нашему представителю в МАГАТЭ. Она просила меня освободить ее от данной командировки, но я...

Он не успел закончить фразу, поскольку Белла подскочила к столу начальника и заорала прямо ему в лицо:

— Вы должны разрешить мне написать жалобу! Не позволяйте ей улететь с ним!

Петерсон Фландж смущенно глянул на Дарта и махнул рукой.

— Ладно, дальше я разберусь сам, — уступил он, и мы с Подом направились к двери.

— Бен, позже вы удовлетворите мое любопытство, объяснив, в чем тут дело, — сказал Под, — но сейчас вам лучше поторопиться, чтобы улететь вместе с Хаузером.

Когда я выходила, Под с усмешкой покачал головой.

— Мне даже не верится, что вы такое ей показали. Но пожалуйста, не повторяйте этого на выходе.

У меня оставалось всего двадцать минут, чтобы добраться от работы до аэропорта. Чистой езды там было добрых десять минут, но ведь мне еще предстояло заехать на почту. Решив не терять времени на парковку, я резко затормозила прямо перед дверьми почтового отделения, выскочила из машины и взлетела по ступеням. Джордж, почтовый служащий, был на месте, когда я вошла, но в очередь к нему стояло несколько человек.

— Джордж, я хочу отменить доставку на пару недель, — крикнула я через их головы. — Я оформлю официальную заявку, если, конечно, еще не слишком поздно.

— Ой, миз Бен, извините, — сказал Джордж, взвешивая и штампую посылки других клиентов. — Я должен признаться вам в своей ошибке, но я постараюсь исправить ее. Подождите минутку, я быстренько принесу вашу посылку.

Он нажал на кнопку звонка, а у меня вновь возникло тревожное ощущение. Что еще случилось? Что за ошибку совершил Джордж? Какую посылку собирался он «быстренько» принести мне? Я с

ужасом подумала, что знаю, какую именно, но все равно заполнила и вручила ему квитанцию на отказ от доставки.

Помощник приемщика, Стюарт, вышел из задней комнаты и начал собирать квитанции у тех, кто пришел забрать посылки. Джордж исчез в задней комнате и вернулся с пакетом. Этот пакет, не похожий на тот, что я получила на прошлой неделе, был в большем потрепанном почтовом конверте, как и описывал мне Сэм, и вмещал примерно две пачки писчей бумаги.

— На прошлой неделе я отдал вам не тот пакет, — сказал Джордж. — Именно на эту посылку мы оставили вам ту желтую квитанцию, но я забыл проверить ее. А второй ваш пакет пришел как раз в тот день, когда вы заехали на почту, и мы еще не успели составить на него квитанцию для вас. Во время обычной субботней проверки, когда мы сортировали посылки, чтобы отослать невостребованные обратно отправителям, я, к счастью, оказался на месте в нужный момент и заметил свою ошибку. Я должен извиниться перед вами, миз Бен.

Я скрипнула зубами, взглянув на врученный мне пакет. Времени оставалось только на то, чтобы добраться до аэропорта, если я хочу успеть улететь в Европу с Вольфгангом Хаузером. Я заставила себя прочесть адрес. Отправлено из Сан-Франциско, как и было указано на исходной желтой квитанции, обнаруженной в снегу. На сей раз ошибки быть не могло: адрес на конверте был нацарапан рукой Сэма.

ДАР

Опасность его (как для дарителя, так и для получателя) нигде лучше не ощущается, чем в самых древних обычаях и языках Германии. Она объясняется двойственным смыслом слова gift во всех этих языках: в одном смысле — дар, а в другом — отрава...

Тема фатального дара, соответственно подарка или имущественного объекта, способного обратиться в отраву, неизменно поднимается в общегерманском фольклоре. Рейнское золото является фатальным для того, кто завладевает им; чаша Хагена смертельно опасна для героя, пьющего из нее. Множество легенд и романтических историй такого рода, как германских, так и кельтских, по-прежнему тревожат наши чувства.

(Когда Прометей похитил у богов огонь для людей, разгневанный этим) Зевс приказал легендарному кузнецу Гефесту создать некий дар: слепить из земли и воды прекрасную девушку, подобную небесной богине... потом Зевс поручил Гермесу вложить ей в грудь лживую и хитрую душу... Гермес назвал ее женским именем «Пандора»: «всем одаренная».

Эпиметей забыл, что брат его Прометей уговаривал его не принимать дара, посланного Зевсом Олимпийцем, а лучше отослать дар обратно, чтобы не причинить зла людям. Но Эпиметей принял дар. Понимание пришло к нему слишком поздно, когда зло уже стало его собственным.

Timeo Danaos et dona ferentes. (Боюсь данайцев, даже дары приносящих.)

Я выбежала с почты, впрыгнула в машину и сломя голову помчалась в аэропорт. Взвизгнув тормозами, я лихо зарулила на парковку, схватила сумки и побежала по обледевшей дороге. Оказавшись в здании аэровокзала, я в жуткой тревоге окинула взглядом два пропускных пункта и в дальнем конце, возле первой пропускной стойки выхода В, заметила Вольфганга, о чем-то горячо спорившего с сотрудником команды наземного обслуживания.

— Слава богу, — увидев меня, с облегчением сказал Вольфганг, но я поняла, что он в ярости. Он быстро спросил охранника: — Мы уже опоздали?

— Секундочку, — сказал парень и взял телефон, чтобы связаться с авиадиспетчером.

Вольфганг за его спиной смерил меня свирепым взглядом. Охранник выслушал информацию и кивнул.

— Трап еще у самолета, но вам лучше поторопиться, ребята. У нас расписание.

Он проверил наш багаж и вернул нам корешки билетов. Мы рванули по бетонированному полю и взбежали вверх по металлическим ступеням трапа. Как только мы пристегнули ремни, самолет тронулся с места.

— Я надеюсь, у тебя есть уважительная причина для опоздания, — сказал Вольфганг, когда мы выехали на взлетную полосу. — Ты же знала, что потом три часа не будет рейсов на Солт-Лейк-Сити. Последние полчаса я всячески пытался уговорить их задержать вылет. Мы могли не успеть сделать все наши пересадки! О чем ты вообще думаешь?

Сердце у меня колотилось от всей этой спешки, я еще толком не отдышалась и едва могла говорить.

— Я... гм... Мне пришлось выполнить по пути важное поручение.

— Поручение? — недоверчиво переспросил Вольфганг.

Он хотел добавить что-то еще, но в этот момент оглушительно взревели двигатели. Его губы беззвучно шевелились, и я жестом показала ему, что ничего не слышу. Он сердито отвернулся, вытащил из портфеля какие-то бумаги и листал их все то время, пока наш лайнер мчался по взлетной полосе, набирая скорость. В полном молчании мы провели спокойный, но оглушительный сорокаминутный перелет до Солт-Лейк-Сити. Меня это вполне устраивало. Хватило времени, чтобы придумать, как выкрутиться.

Несомненно, что в моем брезентовом рюкзаке, запихнутом под кресло, лежал подарочек, завещанный моей бабулей Пандорой дядюшке Эрнесту и перешедший в свой черед от него к Сэму. Подарочек столь опасный, что число его жертв включает не только пару коллег Сэма, но, возможно, также и Эрнеста и саму Пандору. Подарочек столь разрушительный, что убил бы и Сэма, если бы он на пару минут не задержался у почтового ящика. И вот теперь этот подарочек у меня.

Поскольку я больше не доверяла ни друзьям, ни коллегам, ни почти всем моим родственникам, так что не собиралась и близко подпускать их к этому вредоносному пакету, мне, естественно, не хотелось оставлять его на хранение Джорджу под взглядами дюжины посетителей почтового отделения. Не успев придумать место для тайника во время гонки от почты до аэропорта, я сейчас мучилась проблемой того, как же мне отделаться от моего смертоносного наследства до вылета в Советскую Россию, где, понятное дело, его скрупулезно исследуют и, вероятно, конфискуют, подвергнув всех причастных еще большей опасности. Особенно меня.

В таком настроении моей первой идеей было уничтожить его. Я мысленно перебрала разные способы, как сделать это быстро: утопить, сжечь... Но когда мы прибыли в Солт-Лейк-Сити, вариантов выбора стало значительно меньше. Практически невозможно было спустить такую кучу бумаги в туалет или разжечь что-то вроде костерка в каком-нибудь из аэропортов на пути нашего долгого следования. К тому же уничтожение не гарантировало, что я буду дышать свободнее, ведь я понятия не имела, кому и зачем нужны эти манускрипты. Каким образом я могла бы оповестить всех интересующихся, что объекта их страстных желаний больше не существует? И если бы даже я сделала такое заявление, то это могло бы навлечь смертельную опасность на Сэма, единственного человека, знавшего, где спрятаны оригиналы древних документов.

Похоже, разумнее всего было спрятать этот пакет так же, как и первый: там, где никому не придет в голову его искать. Я знала, что камеры хранения в аэропорту Солт-Лейка, в отличие от тех, где герои боевиков прячут награбленное добро, работают, скорее всего, в режиме автоматического счетчика оплачиваемого времени, и обычно их занимают от силы на несколько часов. Даже если бы у меня было время разделить этот пакет на несколько менее увесистых и послать их обратно самой себе, я с тем же успехом могла бы сразу оставить пакет на почте, вокруг которой постоянно шастают Оливер, Под и бог знает кто еще. Запас моих идей быстро иссяк.

В аэропорту Солт-Лейка я вновь извинилась за опоздание перед все еще сердитым Вольфгангом. Как только мы сдали в багаж до Вены крупные вещи, я наведалась в дамскую комнату и открыла посылку: странные закорючки неведомого языка, но написанные знакомым почерком Сэма. Распихав эти листы по моим рабочим документам, я забросила тяжеленькую ручную кладь за спину и попыталась ни о чем не думать до вылета. Перед выходом из зала ожидания я послала сообщение по факсу на оставленный мне Сэмом номер 800: «Получила ваш памятный подарок. Гораздо приятнее дарить, нежели получать». Сообщение из аэропорта Солт-Лейка должно было подсказать Сэму, что мое путешествие с Вольфгангом уже началось. В конце я добавила, что мне переправят любое сообщение, поступившее в мое отсутствие.

Вольфганг ждал меня у входа в кафетерий, как мы и договорились. Держа в руках два испускающих пар бумажных стаканчика, он сказал:

— Я взял нам чай, но лучше выпить у выхода. Здесь скопилось слишком много народа.

И действительно, все столы в кафе уже оккупировала шустрая и сообразительная компания мормонских «пресвитеров»: чистенькие и розовощекие молодые люди в накрахмаленных белых рубашках, темных костюмах и при галстуках, с одинаковыми рюкзаками, набитыми заманчивыми вербовочными проспектами, потягивали воду со льдом в ожидании своих рейсов. Изо дня в день, год за годом такие молодые активисты секты мормонов носились по всему земному шару, словно пушинки одуванчиков, распространяя благую весть, выявленную реорганизованной Церковью Иисуса Христа Святых наших дней прямо здесь, в Солт-Лейк-Сити, в месте зарождения обновленного вероучения.

— Не много австрийцев им удастся обратить в свою веру, — заметил Вольфганг, кивнув в их сторону, когда мы направились в вестибюль к нашему выходу. — В этой католической стране редко попадают жаждающие новых откровений. Но здесь в аэропорту вечно толкуются молодые люди, мечтающие разнести эти откровения по свету. По-моему, все они немного чокнутые.

— Никакие они не чокнутые, просто исповедуют другую веру, — сказала я ему, сняв крышку со стакана и попробовав обжигающе горячий чай. — Ты, к примеру, уже познакомился с моим другом Оливером. Он мормон. Впрочем, таких, как он, истинно верующие мормоны обычно называют «попутчиками», потому что они не соблюдают толком мормонские законы. Оливер иногда не прочь побаловаться запрещенным кофеинком или горячительными напитками. И хотя он не считает себя отчаянным бабником, но говорит, что уже давно потерял девственность.

— Девственность? — недоверчиво протянул Вольфганг. — Неужели у них такая строгая мораль?

— Поверь мне, я не знаток, — со смехом призналась я. — Но со слов Оливера я поняла, что мормоны более-менее на добровольных началах содержат себя чистыми телом и душой. Видимо, так они готовятся к спасению в конце тысячелетия.

— В конце тысячелетия? Что-то я не понимаю.

— Это своеобразный тренинг, — объяснила я. — У католиков ведь есть катехизис, верно? В общем, насколько я себе представляю, это звучит так: сегодняшний день знаменует начало конца, время тормозит перед новым поворотом. То есть близится Конец Света, и мы живем в последние дни нынешнего миропорядка. Только очистившиеся и услышавшие, как они говорят, «Благую Весть Иисуса Христа» будут спасены, когда Он вернется на землю вершить суд и ознаменует начало новой эпохи. Вот мормоны и готовятся посредством крещения и очищения души и тела в эти последние дни, дабы каждый из них возродился в новой, неземной сущности и обрел вечную жизнь. Отсюда и их название — «Святые последнего дня».

— Конец Света — это древняя идея, распространенная во всем мире, — согласился Вольфганг. — На протяжении всей истории стержнем веры почти всех народов на земле являлась эсхатология, учение о конечной судьбе мира, от греческого *eschatos* — «последний, конечный, крайний». В католицизме есть учение о втором пришествии, когда Спаситель явится, чтобы вершить последний суд. — Он неожиданно спросил: — Ты веришь в это?

— Ты имеешь в виду, верю ли я в Апокалипсис? «Се, грядущий скоро...» и так далее? — уточнила я, как обычно неуклюже заигрывая с верой. Может, и правда реальное бытие недостаточно надежно? — Конец Света был обещан две тысячи лет назад, и лишь немногие, насколько мне известно, все еще ждут его, затаив дыхание. Боюсь, что для моего обращения в веру необходимо нечто более осязаемое.

— Тогда во что же ты веришь? — спросил Вольфганг.

— Трудно сказать, — призналась я. — Я воспитывалась в индейском племени «Проколотые носы». Их духовные воззрения ближе всего к полученному мной своеобразному религиозному воспитанию. Полагаю, что мне нравятся их идеи о наступлении новой эры.

Я развивала эту тему, пока мы бродили по залу ожидания.

— Как и большинство индейских племен, «Проколотые носы» верят, что коренные американцы избраны для того, чтобы преобразить мир. В конце прошлого века в племени паютов в Неваде появился пророк по имени Вуовока. Во время болезни ему было видение, открывшее ему, что произойдет в конце нынешней эпохи, которая для невадских паютов станет началом новой эры. Вуовоке был явлен некий вдохновенный и зримый танец, способный помочь людям преодолеть границы мира реального и приобщиться к миру духов. Ежегодно люди берутся за руки и пляшут в кругу, безостановочно, целых пять дней. Он назвал этот танец Ванаги Васипи — танец духов. Танцующие призывают сына Великого Духа; он прилетит как вихрь и унесет прочь всех васиху — всех многоязыких потомков европейцев, которые портят все, к чему ни прикоснутся. Духи предков вернутся на землю вместе со всеми бизонами, убитыми белыми людьми. Мать-Земля вновь одарит щедротами детей своих, и мы будем жить в гармонии с природой, согласно всем древнейшим предсказаниям.

— Очень заманчиво, — сказал Вольфганг. — И вот в это ты действительно веришь, в гармоничный образ возрожденного рая?

— По-моему, самое время кому-то начать верить в него, — убежденно заявила я. — Здесь, на этой бедной третьей планете, в нашем доме, мы устроили настоящий свинарник. Именно поэтому я выбрала свою работу. Уборка отходов — своего рода мой личный обряд очищения, помощь в

наведении порядка.

Сэм как-то раз заметил, что ни одна цивилизация в истории, какой бы могущественной она ни была, не прожила бы долго без приличной канализационной системы. Риму удалось подчинить себе полмира благодаря акведукам, системе водоснабжения и отвода нечистот. Когда Ганди захотел освободить Индию от британцев, первым делом он заставил всех индийцев опуститься на колени и дочиста отдраить отхожие места. Я рассказала об этом Вольфгангу, и он рассмеялся.

Мы подошли к выходу. Вольфганг поставил портфель перед стойкой ожидания и чокнулся своим бумажным стаканом с моим, словно мы пили шампанское.

— Спасение мира посредством контроля за отходами — это очень похоже на миссию моего работодателя, МАГАТЭ, — с улыбкой произнес он. — Но в сущности, люди-то не меняются. Совершенно не представляю, каким образом выбранное мормонами очищение, или уборка отхожих мест, проведенная Махатмой Ганди, или пляски на природе, проповедуемые американскими индейцами, могут значительно изменить в лучшую сторону человеческое поведение или привести к глобальным переменам.

— Но мы же говорили о вере, а не о поведении, — напомнила я. — Когда люди спускаются с небес на землю, результаты обычно оказываются не совсем такими, как ожидалось. К примеру, тебе идея танца духов показалась заманчивой, но посмотри, что получилось в реальности. Этот танец, соединивший так много райских элементов, быстро восприняли индейцы аропахо, оглала и шошоны, а больше всего лакота, которые в итоге из-за него погибли.

— Что значит погибли? — озадаченно спросил Вольфганг.

— Как это что? — изумилась я. Мне с трудом верилось, что кто-то может не знать эту историю. — Они были убиты. Это один из ужаснейших моментов в истории коренного населения Америки, в основе его лежат религиозные противоречия. Индейцам не разрешалось охотиться; их согнали в резервации и заставили заниматься земледелием. И вот в конце прошлого века наступил великий голод. Тысячи голодающих без конца исполняли священные танцы. Их танцы стали дикими и иступленными; люди вошли в транс, в отчаянии пытаясь вернуть идиллию, ту древнюю счастливую Аркадию, когда земля и ее дети жили в единстве. Они верили, что надетые ими ритуальные одежды волшебным образом защитят их от солдатских пуль. Белых поселенцев испугали незнакомые религиозные ритуалы, они восприняли их как военный танец. Поэтому танец духов был объявлен вне закона, задействованные правительственные войска вырезали целые семьи, расстреливали и безжалостно убивали индейцев: мужчин, женщин, детей, даже грудных младенцев. Ты ведь слышал о массовом убийстве в тысяча восемьсот девяностом году в Южной Дакоте, на берегах Вундид-Ни?

— Массовое убийство? — сказал Вольфганг, ужасаясь и не веря. — Из-за танцев?!

— Да, видимо, это трудно представить, — согласилась я и добавила с сарказмом: — Но федеральные власти частенько выбирали трудные пути для разрешения религиозных конфликтов.

Мне тут же захотелось вклеить себе оплеуху за наигранную легкость, с которой я рассуждала о том, что стало для Сэма и большинства коренных американцев их собственным пониманием холокоста и апокалипсиса, вместе взятых.

— Поистине потрясающая история, — сказал Вольфганг. — И главные злодеи в ней — потомки цивилизованных белых европейцев?

— Вот именно, — подтвердила я. — Но ты спросил, во что я верю. Так вот, я признаюсь, что готова

согласиться с традиционной племенной мудростью: мне хочется верить в существование некого танца духов, способного возродить гармонию между нами и нашей старушкой-Землей, или Прародительницей, как называют ее коренные американцы. Правда, самой мне вряд ли удастся приобщиться к этому танцу: я не слишком хорошая плясунья.

Вольфганг улыбнулся.

— Не может быть, — сказал он. — Ведь твоя тетя Зоя была одной из величайших танцовщиц нашего столетия! И на мой взгляд, у вас много сходных качеств. Ты просто создана для танцев: твое телосложение, движения, твои лыжные экзерсисы, к примеру...

— Однако я боюсь кататься на лыжах по рыхлому снегу, — напомнила я. — Я выхожу из себя, когда не могу контролировать ситуацию. Те, кто помешан на контроле, не бывают по-настоящему хорошими танцорами. Мать Сэма, которую я никогда не видела, была коренной индианкой из племени «Проколотые носы». В детстве мы с Сэмом прошли обряд и стали «братьями по крови». Я хотела вступить в племя, чтобы стать их законной соплеменницей, но дедушка Сэма не разрешил, потому что я отказалась танцевать. Каждый вступающий в племя должен приобщиться к тому, что на языке хопи называется «хойя» — так называется священный танец. Это слово означает «готовность вылететь из гнезда».

— Но я же видел, как ты прыгнула со скалы, — сказал Вольфганг, все еще улыбаясь. — Тебе только кажется, что ты не осмелишься прокатиться по целине. Ты ведь понимаешь, какое могущество может придать вера. В сущности, разве не ты сама решаешь, способна ли ты на тот или иной поступок?

— По крайней мере, я понимаю, почему так поступил дедушка Сэма, — сказала я, уклоняясь в сторону от замечания Вольфганга. — Я думаю, что ему хотелось сохранить известную дистанцию между нашей семьей и его единственным внуком. У нас действительно странная семейка. Но по мнению Серого Медведя, у меня с Сэмом могла возникнуть слишком близкая связь. «Проколотые носы» придерживаются строгих ограничений на родовые отношения. Как двоюродная сестра Сэма я была бы неким запретным плодом: у индейцев брак запрещен даже между более дальними родственниками.

— Брак? — перебил меня Вольфганг. — Но ты говорила, что в то время вы были детьми.

Черт! Я почувствовала, как начинают пламенеть мои щеки, и попыталась спрятать лицо. Вольфганг взял меня за подбородок и повернул лицом к себе.

— У меня тоже есть одно личное мнение, моя милая, — сказал он. — Если бы твой кузен не был преждевременно выведен из строя, то меня сильно беспокоило бы столь пылкое признание.

И в этот момент — хвала небесам — объявили начало посадки на наш самолет.

Во время долгого перелета до Нью-Йорка Вольфганг старательно посвящал меня в подробности предстоящей миссии в Советском Союзе, возложенной на нас Международным агентством по атомной энергии. Впрочем, о деятельности МАГАТЭ я и сама знала довольно много.

Людей, трудившихся, как и я, в ядерной области, неофициально называли «ядерщиками» и почти повсеместно относились к ним с презрением и отвращением. Популярными считались, к примеру, такие слоганы: «Не бывает хороших ядерщиков» или «Хороший ядерщик — это мертвый ядерщик» — глубинная мудрость философии приветственных стикеров, наклепленных на бамперах.

Основная задача, порученная нам с Вольфгангом его начальством из МАГАТЭ, состояла в том, чтобы постараться направить использование ядерных веществ на мирные и позитивные цели. К ним

относились: диагностика и лечение болезней, отказ от допотопных способов борьбы с насекомыми с помощью ядовитых пестицидов и развитие атомной энергетики, которая ныне обеспечивала семьдесят процентов мировой электроэнергии, значительно снижая при этом загрязнение от применения устаревших видов топлива и сокращая истощение запасов полезных ископаемых и вырубку лесов. Все вышеперечисленное давало этому агентству необходимую политическую силу для контроля над ядерным вооружением. А недавние сбои в работе атомных станций, возможно, даже расширили сферу его влияния.

Спустя шесть месяцев после аварии 1986 года на Украине МАГАТЭ начало требовать сведения обо всех прежних авариях, которые представляли опасность «трансграничного загрязнения» — как, например, в случае с аварией на Чернобыльской АЭС, которую Советы поначалу пытались отрицать, пока не были проведены замеры радиации по всей Северной Европе. Через год Совет управляющих МАГАТЭ выработал международную программу действий по безопасному захоронению ядерных отходов, что как раз и представляет смысл нашей с Оливером повседневной работы. А всего пару месяцев назад это агентство ужесточило меры безопасности в отношении нелегальной перевозки и захоронения ядерных отходов. Конечно, многие из этих перемен вызвала чернобыльская катастрофа, но для широкой публики причины ее так и остались непонятными.

В Чернобыле работал бридерный реактор — тот вид реактора, который пользовался поддержкой у правительств СССР и США, как и у многих других. Но в народе все его интуитивно боялись. И вероятно, на то были основательные причины. Как предполагает само название, бридерный[42] реактор действительно производит больше топлива, чем потребляет. У нас подобная технология применялась в районе знаменитой горы Мен в Скалистых горах, о чем я когда-то рассказала Оливеру, сравнив начальные запасы топлива с закваской, например с дрожжами, используемыми при выпечке хлеба. Берется немного ядерной закваски, то есть ядерное топливо типа плутоний-239, и туда подмешивается обычное сырье типа урана-238, который сам по себе в качестве топлива не пригоден. В итоге получается большое количество новой закваски — увеличенная масса плутония, — и ее можно повторно использовать в качестве ядерного топлива или превратить в начинку для ядерных бомб.

Поскольку бридерные реакторы практически выгодны, то русские, так же как и мы, пользовались ими не одно десятилетие. Куда же подевался весь этот плутоний? Конечно, во времена холодной войны в США из этого не делали особой тайны: его повторно использовали в боеголовках, выпускаемых в количествах, достаточных для того, чтобы каждый американец разместил по паре таких шуток у себя в гараже. Но о российских сильнорадиоактивных отходах я надеялась хоть что-то выяснить, когда мы доберемся до Вены.

Центральный офис Международного агентства по атомной энергии находится на Ваграмерштрассе, в парковой зоне на островке, омываемом рукавами старых и новых развилок Дуная. За блестящей водной гладью на другом берегу реки раскинулся Пратер с его знаменитым гигантским чертовым колесом — тот самый парк отдыха, где семьдесят пять лет назад моя бабушка Пандора провела утро, катая на карусели моего дядю Лафа и Адольфа Гитлера.

Во вторник в девять утра коллега Вольфганг Ларс Фенниш поджидал нас в Flughafen,[43] чтобы забрать нас вместе с багажом и отвезти в город на назначенные на сегодня совещания. После долгого, утомительного и практически бессонного путешествия я сидела на заднем сиденье машины,

не особо расположенная к общению. Поэтому, пока двое моих спутников обсуждали по-немецки наши деловые планы и расписание на сегодня, я смотрела через голубоватые стекла на тоскливые городские пейзажи. Но когда мы подъехали к Вене, меня захлестнули ностальгические воспоминания, и я погрузилась в прошлое.

Последний раз я была в Вене лет десять назад, но до настоящего момента не осознавала, как соскучилась по этому городу моего детства, по всем тем рождественским и прочим праздникам и каникулам, проведенным с Джерси в музыкальной среде дяди Лафа и включающим поедание сластей, вскрытие завязанных лентами подарков и поиски пасхальных яиц. Мое личное восприятие Вены было богаче и многослойнее слащаво-сентиментального образа этого города, в общем и целом сложившегося во всем остальном мире: города «Strudel und Schnitzel und Schlag»,[44] как говорил о нем дядя Лаф. Я знала другой город — пронизанный множеством традиций, пропитанный запахами и ароматами такого множества разнообразных культур, что при одной мысли о Вене меня охватывало чувство причастности к ее волшебной истории.

С самого основания Вена лежала на перекрестке, разделявшем и соединявшем восток и запад, север и юг, в центре некоего слияния и смешения. Страна, ныне называемая Австрией — Остеррайх, что означает «Восточное королевство», — в древности называлась Остмарк, «Восточная марка», то есть граница, где заканчивался цветущий и понятный западный мир и начинался таинственный Восток. Но слово «mark» можно также перевести как «болото» — в данном случае имеются в виду туманные низины по берегам Дуная.

На протяжении тысячи семисот миль от Шварцвальда до Черного моря несет свои воды самая важная артерия, объединяющая Западную и Восточную Европу, — Дунай. Древние греки называли его Истр, римляне считали материнскими истоками, и его старинное название по-прежнему употребляется для описания аллювиальной дельты, отделяющей Румынию от СССР. Но как бы ни называли эту реку многие народы в разные века — Донау, Дон, Данувий, Дунария, Дунай, Дануб, — самое древнее кельтское слово, породившее все эти названия, было Danu — «дар».

Дар воды, не признающий границ, щедро обеспечивающий животворными дарами всех людей. И еще один дар, кормивший множество обитателей дунайских берегов, — некое сокровище из темного золота, на котором зиждилось богатство Вены и благодаря которому она получила свое название: Vindobona, доброе вино.

Даже сейчас в холмистых долинах венских пригородов я видела бесконечные ряды виноградников, раскинувших свои шишковатые лозы с пожухлыми листьями прошлогоднего урожая — дар богини Цереры. Но вино подарено другим божеством — Дионисом. Его дар успокаивает боль, пробуждает мечты, а порой доводит людей до безумия; он изобрел бурные праздничные пляски, и самыми яркими его последовательницами стали иступленно танцующие женщины. По моему мнению, если этот бог и отметил своим покровительством какой-то город, то им была именно Вена, земля «вина, женщин и песен».

Мне и самой в нежном возрасте удалось встретиться с этим божеством прямо здесь, в Вене, когда Джерси пела в дневном спектакле «Ариадна на Наксосе» в Государственной венской опере имени Рихарда Штрауса.

Покинутая на острове Наксос своим горячо любимым Тесеем, Ариадна подумывает о самоубийстве. Но тут на сцене появляется Дионис, чтобы спасти ее. В тот день Джерси, исполнявшая роль

Ариадны, пела: «Ты — капитан мрачного корабля, уплывающего в темные дали...» Ариадна полагает, что личность, вдруг явившаяся ей, — бог смерти, который пришел забрать ее в подземное царство. Она не понимает, что перед ней сам Дионис, он полюбил ее и хочет жениться на ней, а потом вознести к небесам, украсив их ярким созвездием ее свадебного венца.

Но я была тогда такой глупышкой, что понимала ситуацию ничуть не лучше Ариадны. Наверное, именно поэтому я устроила свое первое и единственное публичное выступление в жизни, и оно произвело неизгладимое впечатление, по крайней мере на членов моей семьи. Я искренне поверила, что ужасный Князь Тьмы (тенор) собирается обречь мою маму на вечные пытки адским огнем, и поэтому выскочила на сцену и начала спасать ее! Мне удалось потрясти весь оперный зал. До сих пор помню свое унижение, когда меня насильно унесли оттуда рабочие сцены. Слава богу, дядя Лаф оказался поблизости и спас меня.

После нашего ухода Джерси раздавала автографы в наполненной цветами артистической уборной и, безусловно, как только мы удалились, извинилась перед изумленной публикой за неожиданное выступление ее ребенка. Лаф решил утешить меня *Sachertorte mit Schlagobers* — замечательным тортом со взбитыми сливками, после чего мы прогулялись по знаменитому бульвару Ринг, окольцовывающему Вену. Когда мы подошли к фонтану, Лаф присел на край этого водоема, притянул меня к себе и посмотрел на меня с насмешливой полуулыбкой.

— Гаврош, милая моя, — сказал он. — Я хочу дать тебе маленький совет: никогда больше не погружай свои хорошенькие зубки в ноги, принадлежащие кому-то вроде Бахуса, как ты сделала сегодня. Я говорю об эхом не только потому, что этот конкретный тенор, возможно, больше не пожелает появляться на сцене с твоей матушкой, но также и потому, что Бахус или, как его еще называют, Дионис — это великий бог. А кроме того, тот певец всего лишь исполнял его роль, — заверил меня дядюшка.

— Мне жаль, что я укусила дяденьку, который пел с мамой, — призналась я. Но меня заинтриговали его слова. — Ты сказал, что он только играет роль и, значит, где-то есть настоящий... Ди-я-нис? — попыталась я озвучить незнакомое слово.

Когда Лаф с улыбкой кивнул, у меня появилась масса новых вопросов.

— А ты когда-нибудь видел его? Как он выглядит?

— Мало кто верит в его существование, Гаврош, — серьезно сказал мне Лаф. — Считается, что он лишь герой волшебной сказки. Однако у твоей бабушки Пандоры было к нему особое отношение. Она верила, что этот бог приходит только к тем, кто просит его о помощи. Но ты должна действительно нуждаться в его помощи, прежде чем попросить. Он ездит на звере, который является его ближайшим спутником, — на дикой черной пантере с изумрудно-зелеными глазами.

Я страшно заинтересовалась. Образ тенора, укушенного мною в икру всего лишь час назад, совершенно изгладился из моей памяти. Я с нетерпением ждала, когда же появится в самом Центре Вены этот живой бог и проедется по Кернтнерштрассе верхом на своем взмыленном диком звере. А если мне и правда понадобится помощь и он придет спасти меня, то как ты думаешь, дядя Лаф, он заберет меня с собой, как Ариадну?

— Гаврош, я совершенно уверен, что так и будет, если ты этого захочешь. Только сначала позволь мне рассказать кое-что важное. Бог Дионис полюбил Ариадну, но она была смертной женщиной, и ему пришлось спуститься к ней на землю. Однако, видишь ли, сошествие великого бога на землю

может вызвать множество неприятностей. Поэтому ты должна призвать его только в том случае, если тебе действительно очень сильно понадобится его помощь, а не так, как поступил малыш, кричавший про волка. Поняла?

— Поняла, — согласилась я. — Я постараюсь. А какие могут быть неприятности? Что, если я вдруг случайно ошибусь? Неужели произойдет что-то ужасное?

Лаф взял меня за руку и посмотрел в мои глаза так, словно пытался увидеть в них какое-то далекое прошлое.

— Милый Гаврош, — сказал он. — Я уверен, что, глядя в твои потрясающие глаза, отливающие цветом морской волны, даже сам бог усомнится, стоит ли винить тебя, если ты когда-нибудь сделаешь ошибку. Но твоя бабушка полагала, что время Диониса придет уже очень скоро. И поскольку он является богом воды, источников, фонтанов и рек, то его приход освободит все эти воды. Дожди будут лить с неба, как во времена Ноя, и реки выйдут из берегов...

Внезапно я с ужасом вспомнила о мальчике, кричавшем о волке, когда не было никакого волка. И конечно, жутко испугалась тех могущественных сил, которые, по словам Лафа, могла вызвать моя бабушка, да и я тоже могла, судя по его намекам.

— Неужели ты думаешь, что вся наша земля будет затоплена и разрушена, если кто-то просто попросит помощи, в которой на самом деле не нуждается? Кто-то похожий на меня, — уточнила я. Лаф немного помолчал, а когда заговорил, то не стал ни в чем разубеждать меня.

— Мне кажется, Гаврош, ты узнаешь нужный момент для просьбы, — мягко заметил он. — И я совершенно уверен, что сам этот бог будет точно знать, когда надо прийти.

Следующие двадцать лет моей жизни я редко вспоминала тот детский эпизод. Но сейчас, когда мы переезжали на остров, приближаясь к пункту нашего назначения, я вновь с тревогой глянула на рюкзачок, стоявший рядом со мной на сиденье, на это вместилище манускриптов Пандоры.

Мы проехали через посты охраны и остановились перед зданием Международного агентства по атомной энергии. Когда я выбралась из машины, не забыв захватить свою смертельно опасную сумку, в моей памяти лишь на мгновение эхом пронеслись те самые слова, что когда-то давно сказал мне дядя Лаф в Вене: что я сумею понять, когда понадобится призвать этого бога. И мне подумалось: уж не наступил ли тот самый важный момент?

Возможно, я сомневалась насчет особой важности момента, но ко времени обеда имела точное представление о том, где находится особо важное место: на просторах СССР, в регионе, обычно называемом Золотая степь. В книгах по географии это называется Центральной Азией.

Судя по словам Ларса Фенниша и его коллег, присоединившихся к нам в конференц-зале МАГАТЭ для брифинга — «краткого» многочасового инструктажа, это был самый таинственный и взрывоопасный регион в мире.

Упомянутый сектор земного шара, изображенный на четырехцветной карте на ближайшей стене, включал в себя советские республики Туркменистан, Таджикистан, Узбекистан, Киргизстан и Казахстан — территорию, охватывавшую некоторые из самых высоких горных вершин в мире, в недавнем прошлом бывшую ареной многонациональных и религиозных волнений, а в древности славившуюся ожесточенной межплеменной враждой.

Соседи их также заслуживали особого внимания. С этими республиками граничили Китай, член «большой пятерки», владеющей ядерным оружием, и Индия, чей народ, не претендующий на

владение ядерным оружием, и без него показал несколько лет назад свою взрывоопасность. Я уже не говорю о Пакистане, Афганистане и Иране — все это трио наверняка с восторгом вступило бы в такой взрывоопасный клуб. В общем, мы отправлялись не в самое гостеприимное место.

Главной миссией Международного агентства по атомной энергии, открывшегося под эгидой ООН, стала забота о мирном будущем человечества, в связи с чем эта организация старалась не допустить дальнейшего распространения ядерного вооружения. До сегодняшнего брифинга мне не приходило в голову, что даже при полной поддержке США и всех наших союзников МАГАТЭ не сможет достичь этой цели без дополнительного содействия и пробивной силы всего Советского Союза, способного уравновесить состояние западно-восточного мира. Первой неожиданностью для меня оказалось известие о том, что СССР действительно оказывал такую поддержку на протяжении последних десятилетий. И уж совсем меня потрясло то, что инициатором нашей с Вольфгангом командировки в СССР выступил не МАГАТЭ — нас пригласили к себе сами Советы.

Правда, в последние годы, учитывая последствия катастрофы чернобыльского масштаба, русские могли слегка дозреть до более активного сотрудничества с МАГАТЭ. Но помимо понятий *glasnost* и *perestroika* внешние связи Советов не были такими уж благодушными, как могли представлять их информационные службы. С чего вдруг Советы так круто изменили свои установки и застенчиво просят нас проверить их нижнее белье?

К концу серьезного и обстоятельного брифинга я узнала ответы на этот и многие другие вопросы, имевшие отношение к таинственной группировке, о которой мне еще не приходилось слышать. Она называлась «Комитет-77», и целью этого комитета, по-видимому, было вступление в клуб, который контролировал все мировые запасы боевых ядерных веществ.

Только в час дня мы с Вольфгангом наконец вывалились из конференц-зала, любезно поблагодарив Ларса и его коллег за наши трехчасовые мучения, и решили подкрепить свои силы хорошим обедом. После бессонной ночи мы не успели даже толком позавтракать перед этим напряженным инструктажем, и я просто мечтала об основательной трапезе в легкой *gemutlich*[45] атмосфере. К счастью, венские кафе работают практически постоянно.

Мы оставили наш багаж в штаб-квартире МАГАТЭ, решив забрать его позже, и взяли такси.

Высидевшись на берегу Дунайского канала, мы прошли пешком до кафе «Централь», где, по словам Вольфганга, нас ожидал заказанный столик. Мне было не слишком ловко таскать за плечами увесистый рюкзачок по мощенным булыжником улицам Вены, но по крайней мере у меня была удобная обувь. А это способствовало пешей прогулке. Прежде чем мы зашли далеко, бодрящий туман над каналом прочистил мою голову достаточно, чтобы я смогла вполне сосредоточиться.

— Расскажи мне еще немного об этом Комитете— 77, — предложила я Вольфгангу. — Насколько я поняла, он образовался в странах третьего мира и стремится завладеть всем жидким плутонием, который только сможет достать. Какие страны в него входят?

— Здесь, в Вене, их знают уже давно, — сообщил он. — Все началось, когда семьдесят семь развивающихся стран, все члены ООН, скооперировались в начале шестидесятых годов и создали лоббистскую группировку, отстаивающую интересы стран третьего мира. И хотя сами они по-прежнему называют себя Комитетом-77, но сейчас, когда число входящих в него стран почти удвоилось, эта организация уже считается мощным блоком, благодаря этому ее влияние резко усилилось. Многие члены Комитета-77 входят также и в МАГАТЭ, но наше международное

агентство не особо стремится удовлетворять интересы таких группировок, поскольку в Совет управляющих входят в основном представители высокоразвитых ядерных держав, которые с разумной осторожностью выбирают партнеров, когда речь идет о ядерной сфере деятельности.

— То есть ты считаешь, что Советы встревожились из-за того, что Комитет-77 может взбаламутить республики Центральной Азии?

— Вполне вероятно, — сказал Вольфганг. — Есть один человек, который при желании может рассказать нам гораздо больше. Он хорошо знает этих людей. Он должен присоединиться к нам за ланчем, и я надеюсь, что он уже поджидает нас. Чертовски трудно было договориться и подгадать время: старый упрямец отказывался говорить об этом деле с кем-нибудь другим, Кроме тебя. Именно поэтому я так расстроился, решив, что ты опоздаешь на самолет в Айдахо. Как ты понимаешь, на согласование всех сложных нюансов нашей поездки затрачена масса усилий.

— Кажется, начинаю понимать, — призналась я, хотя понятия не имела, в чем, собственно, сложности.

В сгущающемся тумане мы шли по венским улицам. Вольфганг что-то говорил, но его голос казался мне каким-то далеким, и я уловила лишь последние слова:

— ... Из Парижа прошлым вечером, когда мы с тобой вылетели сюда. Ему непременно надо было встретиться с тобой лично.

— Кто вчера прибыл из Парижа? — спросила я.

— Нам предстоит встреча с твоим дедом, — сказал Вольфганг.

— Но это невозможно. Иероним Бен умер лет тридцать назад, — сказала я.

— Я говорю не о том человеке, которого ты называешь своим дедом, — возразил он. — Я говорю о человеке, прилетевшем вчера вечером из Парижа на встречу с тобой, о человеке, благодаря которому у твоей бабушки Пандоры родился твой отец Огастус, — о том, вероятно, единственном мужчине, которого она вообще по-настоящему любила.

То ли из-за тумана, то ли из-за недостатка сна и пищи, но у меня внезапно закружилась голова, словно я вдруг взошла на карусель и все вокруг завертелось. Вольфганг поддержал меня под руку, продолжая свои пояснения.

— Я не мог решиться рассказать тебе раньше, но на самом деле это главная причина, по которой я приехал в Айдахо, чтобы найти тебя. Как я объяснил в тот первый день в горах, унаследованные тобой документы не должны попасть в плохие руки. Нам предстоит встреча с человеком, приобщенным к тайнам твоего наследства. Но для начала, на мой взгляд, тебя нужно слегка подготовить, поскольку ты, наверное, удивишься... В общем, есть в нем нечто такое, что трудно описать, но я постараюсь. Этот глубокий старик похож на некого древнего мага или волхва. Но вероятно, ты уже догадываешься, кто твой дед. Его зовут Дакиан Бассаридес.

МАГ

Маг — производное от Майя, зеркала, в котором Брахма, верховный бог, творец мира в индуистской мифологии, созерцает себя и свое чудотворное могущество. Отсюда происходят и такие слова, как «магия», «магический», «имидж», все они подразумевают фиксацию в застывшей форме...

первозданной, аморфной живой материи. Маг, следовательно, по роду своей деятельности управляет процессами вечной жизни.

Тот, кто может общаться с воплощенным и зримым миром, сливаясь с ним чувственно,

сладострастно и грешно, однако осознает одновременно не менее тесную связь с миром духовных понятий, — тот, подобно магу или колдуну, способен сделать прозрачным зримое воплощение, дабы проявилась его внутренняя духовная сущность.

Звезды подвластны человеку, если ему подвластна высшая мудрость. Человек, способный повелевать небесными и земными силами, является магом. Магия есть не колдовство, но высшая мудрость. В собственном магическом круге странствует этот чудесный человек и увлекает нас за собой, приобщая к своим чудесам.

Вольфганг хотел «подготовить» меня к встрече с Дакианом Бассаридесом. Но разве хоть что-то могло бы подготовить меня к событиям последних двух недель? И вот новое потрясающее откровение: вполне возможно, что мой невыносимо высокомерный отец на самом деле является отпрыском тайного любовника моей бабушки, а вовсе не законным наследником Иеронима Бена. Видимо, Вольфганг понял, что мне необходимо слегка успокоиться и прийти в себя, поэтому мы в полном молчании прошли через лабиринт мощеных улочек к кафе «Централь». Я была сыта по горло всеми этими сюрпризами, всплывающими из прошлого моей великолепной семейки. Да вдобавок еще каждый новый факт порождал новые вопросы. Например, если Дакиан Бассаридес действительно мой дед и Иероним Бен знал об этом, то почему Иероним лелеял моего отца Огастуса как зеницу ока, предпочтя его не только приемному сыну Лафу, но и своим родным, законным детям Зое и Эрнесту?

С учетом новых поворотов сюжета получалось, что Дакиан Бассаридес то и дело оказывался на главных ролях. К примеру, если Пандора, по нашим с Сэмом предположениям, разделила свое наследство среди членов семьи Бен так, чтобы никто из них не знал, кто и что получит, то вполне вероятно, что теперь в живых остался только один человек, способный ответить, кому какие манускрипты достались, — ее душеприказчик Дакиан.

Я припомнила, что дядя Лаф, излагая свою версию семейной саги, описывал Дакиана как своего учителя музыки, красивого молодого кузена Пандоры, который разрешил им покататься на карусели в Пратере, а позже отправился за компанию с Пандорой, ее приятелем Везунчиком и детьми в Хофбург, взглянуть на копье Карла Великого и на меч Аттилы, царя гуннов.

Такова была историческая канва, не восполняющая никаких пробелов. Впрочем, один пробел Лаф, наверное, просто забыл восполнить. Вполне зримо воспринимая рассказ о той карусельной прогулке в Пратере, можно было сделать очевидный вывод, что Дакиан поддерживал с Везунчиком такие же дружеские отношения, как и с Пандорой. И позже в музее именно он ненавязчиво, но своевременно спросил о том, «какие еще реликвии нужно найти», благодаря чему выяснилось, что Гитлер числил среди священных предметов какие-то блюда и орудия и уже занимался их поисками в известных местах.

Но если кузен Пандоры и правда был в центре всех событий, как намекнул Сэм и как я сама уже начала понимать, то каким образом выпала Дакиану Бассаридесу эта звездная роль?

Кафе «Централь» находилось в стадии завершения ремонта. В глубине еще, видимо, проводились в неурочное время какие-то работы, о чем свидетельствовали остатки опилок. Но кафе значительно изменилось, стало светлым и просторным; исчезли запомнившиеся мне с последнего посещения Вены темные стенные панели, ворсистые обои и тусклые канделябры.

Когда мы проходили по залу, уличный туман уже рассеялся; бледный свет вливался через большие

окна и поблескивал на стеклах оправленных медью витрин, украшенных изобилием венских кондитерских изделий. За мраморными столиками, разбросанными по нижнему залу, на жестких стульях сидели посетители, почитывая газеты, подшитые к полированным деревянным держателям и выглядевшие такими свежими, словно их только что накрахмалили и отутюжили. Раскрашенная гипсовая статуя почтенного венского обывателя традиционно украшала один из столиков возле двери: он все так же сидел в одиночестве перед гипсовой чашечкой кофе.

Мы с Вольфгангом прошли в глубину кафе, к находящемуся на более высоком уровне обеденному залу, где столы в открытых кабинках, удостоенные хрустящих белых скатертей, поблескивали столовым серебром и кувшинами со свежесрезанными цветами. Метрдотель провел нас к столику, убрал табличку «Заказан» и удалился, чтобы распорядиться насчет заказанных нами вин и минеральной воды. Когда прибыли напитки, Вольфганг сказал:

— Я надеялся, что он уже здесь.

Вино помогло мне снять напряжение, но мысли Вольфганга явно витали где-то далеко. Он то и дело окидывал взглядом зал, как-то нервно складывая и раскладывая салфетку.

— Извини, — сказал он. — Поскольку мы прижгли позже, то, возможно, он уже где-то здесь.

Позволь, я попытаюсь выяснить это. А ты пока можешь заказать нам легкие закуски или устриц для начала. Я пошлю к тебе официанта.

Встав, он еще раз окинул взглядом зал и удалился, оставив меня за столом в одиночестве.

Изучая меню, я спокойно потягивала вино. Не знаю, сколько прошло времени, но как раз, когда я подумала, не отправиться ли мне самой на поиски официанта, на стол упала чья-то тень. Подняв глаза, я увидела высокого мужчину, облаченного в зеленое суконное пальто. Широкополая шляпа затеняла лицо от света, льющегося из задних окон, поэтому я не могла разглядеть его черты.

Кожаный рюкзачок, очень похожий на мой собственный, был небрежно закинут на одно плечо. Он поставил сумку на пол возле того места в нашей кабине, которое недавно освободил Вольфганг.

— Вы позволите присоединиться к вам? — мягким голосом спросил он.

Не дожидаясь моего согласия, он расстегнул пальто и повесил его на ближайшую вешалку. Я беспокойно оглянулась, пытаюсь понять, что могло задержать Вольфганга. Тихий голос добавил:

— Я только что виделся с вашим другом господином Хаузером в кухонных кулуарах. И взял на себя смелость попросить его оставить нас с вами наедине.

Я уже хотела возразить, но тут он устроился напротив меня и снял шляпу. Впервые мне удалось ясно увидеть его лицо. Я обомлела.

Таких лиц мне еще не приходилось видеть. Подвергнутое воздействию времени, подобно древнему камню, оно тем не менее являло собой неподвластный времени слепок яркой красоты и огромной выразительности. Его длинные, почти черные волосы, лишь слегка оттененные серебром, были убраны назад, открывая волевой подбородок и высокие скулы, и падали тяжелыми косами на спину. Одет он был в стеганый кожаный жилет и рубашку с широкими белыми рукавами и открытым воротом, позволявшим видеть висевшие на шее бусы, затейливо вырезанные из разноцветных камней. Жилет украшала вышивка с изображениями птиц и животных ярких и насыщенных цветов: шафран, кармин, лазурь, темно-фиолетовый, алый, тыквенно-оранжевый и светло-зеленый — цвета первобытного леса.

Насыщенность цвета его старых глаз под густыми бровями могла сравниться лишь с редчайшими

драгоценными камнями, полуночно-эбеновыми заводями, отливающими сливовой синью и изумрудной зеленью, в глубине которых горел загадочный темный огонь. Я слышала о нем много рассказов, но описание Вольфганга показалось мне самым точным.

— От твоего взгляда, моя дорогая, я окончательно смутился, — сказал он, вдруг переходя на родственное «ты».

Не успела я ответить, как он наклонился ко мне и небрежно забрал у меня из рук меню, реквизировав также и бокал с вином.

— Я позволил себе еще одну вольность, — сообщил он тихим выразительным голосом с необычным акцентом. — Привез немного вина из моих авиньонских виноградников на берегу Роны. Я заранее оставил вино на здешней кухне, чтобы — как это у вас говорится? — дать ему подышать. Перед уходом наш друг Вольфганг настоятельно просил, чтобы я хорошенько накормил тебя, поскольку вы не ели целый день. Надеюсь, ты не возражаешь против Tafelspitz?

Официант ненавязчиво поставил на наш столик новую бутылку и чистые бокалы, налил вина и мгновенно исчез, как только Дакиан вновь заговорил:

— Поскольку ты являешься моей единственной наследницей, то все мои виноградники и винные погреба однажды перейдут к тебе, так что я рад тому, что ты сейчас познакомишься с ними. А сам я в восторге от знакомства с тобой. Должен ли я официально представиться? Я твой предок, Дакиан Бассаридес. И на мой взгляд, такая очаровательная внучка дороже самых изысканных вин департамента Воклюз.

Святое дерьмо, подумала я, когда мы чокнулись бокалами. Только очередного наследства мне сейчас и не хватало. Если все мои наследства окажутся подобным последнему, то, боюсь, я не успею дожить даже до того, чтобы заплатить за них налоги!

— Я тоже в восторге от встречи с вами, — сказала я Дакиану Бассаридесу, совершенно не покрывив душой. — Но мне хочется пояснить, что о наших родственных связях я узнала только что, поэтому, надеюсь, вы поймете, что я все еще потрясена. Моя бабушка Пандора умерла, когда меня еще не было на свете. О ней редко упоминали в нашей семье, и мне известно о ней так же мало, как и о вас. Однако если сказанное вами правда и вы действительно мой дед, то мне непонятно, почему это до сих пор скрывали от меня. Кто еще знает об этом?

— Конечно, это должно было стать потрясением для тебя, — сказал Дакиан, взмахнув длинными изящными пальцами, пальцами скрипача, как мне припомнилось. — Я объясню тебе все... и в том числе, наверное, кое-что такое, о чем ты предпочла бы не знать, хотя лично я всегда предпочитал даже самые неприятные факты самым сладким вымыслом. Но для начала скажи-ка, что ты уже успела услышать, чтобы я не повторялся.

— К сожалению, я знаю очень мало. Об этой ветви нашей семьи я слышала лишь то, что вы с Пандорой были родственниками, вернее, кузенами; что она училась музыке в Вене и жила в качестве компаньонки и воспитательницы в доме Бена, а вы учили играть на скрипке моего дядю Лафа. Он сказал, что уже в молодости вы были замечательным скрипачом.

— Отличный комплимент... Но вот и прибыл наш заказ, — сказал он. — За обедом я успею все рассказать тебе. Тут нет никаких особых секретов, как можно подумать.

Я наблюдала, как официант поставил на стол поднос с блюдами. Он снял крышку с моего Tafelspitz, и я увидела потрясающее на вид и источающее волшебный аромат традиционное австрийское блюдо

из горячей отварной говядины, поданной с холодным яблочным соусом, хреном, горячей картошкой с острыми приправами, пюре из шпината и свежим зеленым салатом с белой фасолью. Но блюдо Дакиана мне было незнакомо. Я спросила, что это ему принесли.

— Как говорится, скажи мне, что ты ешь, и я скажу, кто ты, — пошутил он. — К примеру, в этой супнице нам принесли холодный венгерский суп из кислой вишни. А то блюдо, о котором ты меня спросила, по-сербски называется севарсісі. По сути, это что-то вроде котлет из рубленой говядины и баранины, приправленной чесноком, луком и паприкой; их жарят над углями из виноградных лоз, поэтому они приобретают своеобразный виноградный привкус. В Далмации считают, что такое жаркое изобрели сербы, но они лишь позаимствовали его. На самом деле эти котлетки придумали в Дакии, откуда происходит и мое имя. Древние племена даков обитали когда-то в Македонии, теперь входящей в состав Югославии. Владения этих племен простирались до самого Каспия, где они называли себя Дасі — «волки». А нас, волков, всегда легко узнать по одному признаку: мы очень любим мясо.

Он нацепил на вилку первую котлетку и откусил от нее кусок великолепными белыми зубами. Проглотив первый кусочек нежнейшей, тающей во рту говядины, я поняла, что действительно ужасно проголодалась. Дакиан выбрал отборные кусочки из разных блюд и предложил их мне на пробу. Я готова была с волчьим аппетитом проглотить все, что видела, но заставила себя вернуться к теме.

— Значит, ваши предки жили в Балканском регионе, а не в Австрии? — спросила я.

— В общем-то, хотя меня называли Дакианом, на самом деле мои предки принадлежали к народу рома. Трудно сказать, каково происхождение рома, — сказал он, пожав плечами.

— Что значит «рома»? Их имя связано с Римом? Или имеется в виду Румыния?

— Рома — название нашего языка, уходящее корнями в санскрит, и именно так мы сами иногда называем себя. Но в разные времена в разных странах нас называли по-разному: Bohemes, Cingari, Tsiganes, Gitanos, Flamencos, Tartares, Zigeuner...[46]

У меня по-прежнему был недоумевающий вид, и Дакиан пояснил:

— В основном нас называют цыганами или джипси, поскольку когда-то считалось, что наши предки пришли из Египта, хотя есть множество других мнений насчет нашей прародины: называют Индию, Персию, Центральную Азию, Северную Монголию, Южный полюс и даже разные мифологические места, которых вовсе не существовало в реальности. Есть также мнение, что мы явились из космоса. И некоторые считают, что надо отправить нас обратно как можно быстрее!

— Значит, вы с Пандорой — цыгане?

Признаюсь, я была смущена. Час назад у меня была мать ирландка и отец, по моим представлениям, наполовину австриец, наполовину датчанин. А теперь вдруг вскрылось мое незаконное происхождение от пары цыган, которые бросили моего отца после рождения. Но совершенно сбита с толку относительно моего собственного происхождения, я ничуть не сомневалась в правдивости слов Дакиана Бассаридеса относительно его предков: он выглядел именно таким диким и необузданным, как все его описывали.

— Мы никогда не делимся подробностями нашего происхождения с Gadje, то есть с чужаками, с людьми, не принадлежащими нашему роду, — серьезно предупредил меня Дакиан. — Именно поэтому я отослал пока нашего друга Хаузера. Но на твой вопрос я отвечу: да, наши предки —

цыгане. Хотя Пандору, можно сказать, вырастили и воспитали Gadje, душой и сердцем она всегда оставалась одной из нас. Я знал ее с раннего детства. Уже тогда она так великолепно пела, что явно обладала задатками великой оперной дивы. Возможно, тебе известно, что слово «дива» в переводе с санскрита означает «ангел», хотя на персидском так называют дьявола? И оба этих начала проявлялись понемногу в натуре Пандоры. Что же касается происхождения народа рома, то согласно нашим древним сагам исконную родину, подарившую земле наших предков, до сих пор можно увидеть на ночном небе: это созвездие Ориона, легендарного охотника-великана. А точнее, три звезды, что образуют пояс Ориона — по-гречески omphalos, «пупок» или «пуповина» Ориона. Их еще называют Тремя Царями, поскольку они сияют, как звезды волхвов, пришедших в Вифлеем. В Египте Ориона отождествили с богом Озирисом, в Индии — с Варуной, в Греции — с Ураном, а древние скандинавы — с Веретеном времени. Во всех странах он известен как вестник или главный показатель перехода в каждую новую эпоху.

Сюжет так усложнился, что я едва не забыла, с чего, собственно, мы начали. Но не только космическая пыль затемняла происхождение Дакиана. Как же могли они с Пандорой быть цыганами, если — судя по всему, что я слышала, — нацисты считали, что на тотемном столбе эволюции цыгане находятся ниже всех — католиков, коммунистов, гомосексуалистов и евреев?

— Если вы с Пандорой были цыганами, — сказала я, — то как же она могла жить так, как жила, и где жила, общаясь с известным типом людей как до, так и во время Второй мировой войны?

Дакиан поглядывал на меня со странной полуулыбкой.

— И как она выжила? Я так и думал, что ты почти ничего не знаешь о ней.

— Естественно, — согласилась я. — Но я спрашиваю о том, как Пандора и Лаф умудрились прожить всю войну в великолепных венских апартаментах — я же сама не раз гостила у него и знаю, о чем говорю, — и вести такую роскошную жизнь. Как она могла затесаться в круг нацистов? Я имею в виду не то, что она, скрыв цыганское происхождение, втерлась в высшее венское общество. Я имею в виду, как могла она позволить себе жить в Вене, когда ее родной народ... — Я перешла на полупшепот. — В общем, как она могла оставаться здесь в роли любимой оперной звезды Гитлера? Дакиан посмотрел на наши бокалы, будто только сейчас заметил, что они опустели; он сам наполнил их вновь. Зная педантичность венских официантов в таких вопросах, я могла лишь предположить, что им дали указания не мешать нашему разговору.

— Значит, вот что тебе рассказали? — спросил он, словно разговаривая сам с собой. — Как интересно. Хотелось бы мне знать, где ты услышала эту сказку, очевидно придуманную не без участия многих творческих умов. — Внимательно взглянув на меня, он добавил: — Поистине творческих. Вполне уместных для такого же, как ты, потомка народа, происходящего из созвездия Ориона.

— Неужели вы подразумеваете, что все это ложь?

— Я подразумеваю, что любая полуправда — это одновременно и полужошь, — медленно сказал он. — Никогда не путай людские домыслы с реальностью. Достойна исследования только та правда, что приводит нас ближе к центру.

— К центру чего? — спросила я.

— Круга самой истины, — ответил Дакиан.

— Значит, вы собираетесь помочь мне развеять эти полуправдивые домыслы и пролить немного

света на мою собственную реальность?

— Да... хотя весьма сложно правильно ответить на неправильно поставленные вопросы.

Неожиданно он подался вперед и накрыл своими руками мои руки, спокойно лежащие на столе по обе стороны от тарелки. Я почувствовала, как некий энергетический поток пробежал по моим жилам до самых костей, насыщая теплом все клеточки моего тела. Но я не успела никак отреагировать на него.

Дакиан Бассаридес не отводил от меня пристального взгляда. Наконец он сказал:

— Ты точно такая же, как она. Вольфганг Хаузер предупредил меня, но все же я оказался не готовым к такому сходству. Довольно долго я наблюдал за тобой издалека, собираясь с духом, чтобы подойти к этому столику и познакомиться с тобой. Трудно объяснить, что со мной происходило... нечто вроде головокружительного падения во временной туннель...

Он задумчиво умолк.

— Вы, должно быть, очень сильно любили ее.

Как уже говорилось, я только что во всей мучительной полноте осознала, какие проблемы возникли из-за него и какую роль он сыграл в жизни моих родственников. Мне невольно приходилось затронуть довольно неприятные вопросы. Я просто должна была все выяснить.

— Если вы с моей бабушкой выросли вместе и любили друг друга, если она вынашивала вашего ребенка, то зачем же тогда вышла замуж за Иеронима Бена? Я думала, что она презирает его. И еще, как она могла убежать с Лафкадио, бросив новорожденного на произвол судьбы?

— Как я уже сказал раньше, сложно отвечать на неправильно поставленные вопросы, — усмехнулся он. — Ты не должна принимать на веру все, что тебе говорят, — по крайней мере, все, что ты услышишь от меня. В конце концов, я же цыган! Но я объясню все, что смогу, поскольку полагаю, что ты имеешь полное право узнать обо всем. Безусловно, ты должна узнать все, если рассчитываешь защитить те документы, что спрятаны в твоём рюкзаке под столом.

От неожиданности я поперхнулась вином и, закашлявшись, потянулась за водой, раздумывая, уж не обладает ли Дакиан видением рентгеновского аппарата или способностями читать мысли. жест, поскольку он сделал знак официанту, прокаркав по-немецки что-то неразборчивое.

— Я заказал нам десерт, — сказал он, — кое-что очень вкусное и шоколадное. Его назвали в честь знаменитого цыганского скрипача прошлого столетия. Риго Джанкси разбил сердца всех венских аристократок, и не только благодаря исполнению Паганини!

Он рассмеялся и покачал головой, но, убрав от меня руки, продолжал пристально смотреть на меня.

Не говоря ни слова, он вытащил что-то из внутреннего кармана жилета и протянул мне. На мою ладонь лег маленький золотой медальон овальной формы, его анималистическая гравировка была подобна вышивке, украшавшей жилет Дакиана. С обеих сторон имелись маленькие фермуары, и, когда я щелкнула одной из этих застежек, открылась половинка медальона. Там находилась какая-то фотография, очень старая, подобная тем вручную раскрашенным дагерротипам, что изготавливались в конце прошлого века. Но в отличие от большинства фотографий того времени с их коричневатой и тусклой глянцевицей это изображение отличалось такими живыми красками, словно его сделали с помощью современной фототехники.

Лицо в овальном углублении явно принадлежало молодому Дакиану Бассаридесу. С оттенком благоговения я увидела в нем описываемое всеми магнетическое очарование. В этой временной

капсуле из его молодости первозданная примитивность Дакиана проявлялась как стихийная сила. Длинные черные волосы рассыпались по плечам, а расстегнутая рубашка позволяла видеть обнаженную грудь и крепкую стройную шею. Его красивое лицо с прямым и тонким носом, горящими темными глазами и слегка приоткрытым ртом, казалось, излучало дикую, темную сущность, и у меня в памяти сразу всплыла упомянутая Лафом черная пантера — спутница древнего бога.

Я нажала на другую застежку, открыла вторую створку — и едва не выронила медальон. Мне вдруг почудилось, что я увидела в зеркале собственное отражение.

Лицо в этом углублении имело такую же, как у меня, «ирландскую» бледность, буйную массу темных волос и светло-зеленые глаза. Но кроме того, малейшие детали — даже узнаваемая ямочка на подбородке — были у нас с ней безупречно одинаковыми. Разумеется, наряд ее выдавал моду другого места и времени, но тем не менее у меня возникло ощущение, словно, прогуливаясь по улице, я неожиданно встретила свою родную сестру — двойняшку.

— Вольфганг Хаузер сообщил мне о них, когда мы встретились на здешней кухне, — пояснил он, прочтя мои мысли. — Увидев твой рюкзак во время проверки служащими двух таможен и охраной МАГАТЭ, он счел странным, что ты притащила с собой столько рабочих документов. И ему оставалось лишь сделать логичный вывод. Но мы еще обсудим его. Отвечая на твои вопросы, я скажу, что Пандора действительно была моей возлюбленной и матерью нашего сына и единственного ребенка, однако она вовсе не была моей кузиной. Она была моей женой. В том медальоне, что ты держишь в руках, наши свадебные фотографии.

— Вы с Пандорой были женаты? — ошеломленно произнесла я. — Но когда же...

— Как ты видишь, на той фотокарточке ей может быть лет восемнадцать или двадцать, — сказал он. — Но на самом деле в день нашей свадьбы ей было тринадцать, а мне — шестнадцать. Мы жили в иные времена: девушки в таком юном возрасте уже считались женщинами, а ранние браки всегда были традиционными для рома. И в тринадцать лет Пандора стала женщиной, уж поверь мне. Потом, когда мне исполнилось двадцать, а ей — семнадцать, она ушла, и наш сын Огастус родился в доме Иеронима Бена.

У меня появилось множество новых вопросов, но в этот момент официант принес нам шоколадный десерт, названный в честь цыганского скрипача, вазочку с Schlagobers и бутылку граппы, известного итальянского бренди, что опьяняет в два раза сильнее, чем коньяк. Когда официант удалился, я жестом показала, что не хочу больше ничего выпивать — я и так уже с трудом соображала. Дакиан все равно налил нам граппы, потом поднял свою рюмку и чокнулся с моей.

— Выпей немного граппы. Ты поймешь, что она тебе просто необходима, чтобы воспринять конец моих откровений, — сказал он.

— А вы еще не закончили? — выдохнула я еле слышно, хотя, глянув вокруг, обнаружила, что мы единственные клиенты в этом зале ресторана, а официанты с наброшенными на руки салфетками тихо болтают между собой, сгруппировавшись на безопасном расстоянии.

После всех этих разговоров про веру в то, что не соответствует действительности, я вдруг поняла, во что я верила: во все самое худшее, от чего я старалась отстраниться до нынешнего дня. Я молила, чтобы действительность доказала мою неправоту, но особой надежды на это у меня не было. На мгновение я прикрыла глаза, а когда открыла их, Дакиан Бассаридес уже сидел рядом со мной,

загораживая мне выход из кабинки. Он положил руку мне на плечо, и вновь я ощутила энергетику этого человека. Он сидел так близко, что я почувствовала исходящее от него теплое благоухание, подобное запахам полыни и дыма костров, влажному и густому аромату соснового леса, где обитают божественные пантеры.

— Ариэль, я понимаю, что мои слова потрясли и, возможно, даже испугали тебя, но эти откровения являются лишь частью того, ради чего я прибыл сюда из Франции, — серьезно сказал Дакиан. Забрав у меня медальон, он бережно закрыл его и вновь спрятал в карман своего жилета. — Какими бы неприятными ни казались тебе эти новости, ты обязана выслушать все, что я должен сообщить. В данный момент желание отрешиться от всей нашей истории было бы крайне опасным для всех нас, и особенно для тебя.

— О моих желаниях речь уже не идет, — с горечью сказала я. — Я просто вряд ли способна переварить еще что-то.

— О нет, в твоих способностях я не сомневаюсь, — возразил он. — Ты единственная внучка Пандоры, да и моя тоже. Известно тебе или нет, но ты родилась, как говорится, чтобы встретиться со своей судьбой; и твое путешествие на встречу с ней уже началось. Но для нашего народа понятие судьбы неоднозначно. Мы не считаем, что нам от роду уготован некий «удел», вынуждающий следовать предписанному свыше сценарию; скорее, мы верим в то, что каждый из нас имеет некую судьбу, заранее предопределенную жизненную модель, которую наша душа пожелает однажды выполнить. Однако для приобщения к такой новой форме собственного бытия — как говорится, для перехода на уровень избранных — ты должна глубоко осознать, что именно это твоя судьба, и соответственно стремиться к ней, подобно тому как лебедь, выращенный среди цыплят, должен осознать собственное предназначение — научиться плавать и летать, иначе он останется всего лишь бескрылой курицей, всю жизнь копающейся в земле.

Его сравнение почему-то вдруг ужасно разозлило меня. Как он мог даже предположить, что кому-то в нашей «лебединой» фамильной стае потребовалась еще большая «избранность»? Взбодрившись большим глотком граппы, я повернулась к нему.

— Послушайте, — раздраженно сказала я. — Возможно, моя «судьба» уготовила мне стать единственной внучкой Пандоры, возможно, моя «судьба» быть так сильно похожей на нее. И возможно, правда даже то, что я появилась на свет сразу после ее смерти. Но все это еще не означает, что я являюсь ее перевоплощением или двойником, и не означает, что ее судьба каким-то образом связана с моей. И мне абсолютно не свойственна склонность к каким-либо новым «формам» или «моделям», которые вынудили бы меня хотя бы один раз поступить так ужасно и жестоко, как она поступала по отношению к вам и ко всем, с кем общалась.

Дакиан уставился на меня широко открытыми глазами. А потом вдруг разразился каким-то странным сухим смехом.

— Вот потому-то я и предупреждал тебя, что нельзя верить всему, что говорят, и виноваты во всем опять-таки неверно поставленные вопросы, — сказал он.

Поскольку я продолжала молчать, он добавил:

— Ты должна понять, что никому из нас не была уготована роль пешки, все мы действовали по собственной воле. Как Иероним Бен, так и я. Как, впрочем, и Пандора, Лафкадио, Эрнест и Зоя. Как и у тебя, у нас был выбор. Но выбор уже есть решение, а решения влекут за собой события. Если

произошло некое событие, то уже невозможно повернуть время вспять и изменить его. Однако никогда не поздно изучить уроки истории.

— Всю свою жизнь я успешно избегала изучения истории моей семьи, — сообщила я. — Если мне так отлично удавалось это раньше, то к чему начинать сейчас?

— Хотя бы потому, что невежество нельзя назвать успехом, — сказал он.

Уж не мою ли партию он исполнял? Я подняла руки, показывая свою готовность выслушать дальнейшие откровения.

— Перед самой свадьбой, — начал Дакиан, — мы с Пандорой, к нашему ужасу, узнали, что одну очень ценную собственность ее семьи — нечто имеющее громадную ценность — заполучил с помощью обмана человек по имени Иероним Бен. Пандору охватило желание вернуть собственность, и мы оба приняли на себя некую миссию, осознавая, какие несчастья могут произойти в случае ее провала. Нам не сразу удалось разыскать вора, а когда наконец мы нашли его, то поняли, что для осуществления наглей задачи необходимо получить доступ в его дом и завоевать доверие членов его семьи. Я подружился с Лафкадио в зальцбургской школе, а Пандора познакомилась с Гермией и ее детьми и в итоге переехала в венский дом Бена. Но никто из нас даже подумать не мог о том, что именно тогда, когда наши усилия должны были увенчаться успехом, Гермия вдруг так серьезно заболевает. Опухоль мозга оказалась неизлечимой, и она быстро умерла, а Иероним в ту же самую ночь изнасиловал Пандору и заставил ее немедленно выйти за него замуж. Этот человек был отъявленным негодяем. Но, выходя за него замуж, она уже была моей женой. Какое-то время я не мог смириться с тем, что она подвергла нас всех такой судьбе, ибо что может быть хуже осознания того, что твою беременную жену ограбил и вдобавок выгнал из дома другой мужчина, похитив ее ребенка?

— Похитив? — Я была потрясена. — Да что же, бога ради, все это значит?

— Это значит, что твоего отца никто не бросал, — просто сказал он. — Когда Иероним Бен обнаружил, что Пандоре удалось вернуть то, что она искала, он вышвырнул ее на улицу, закрыл дом и сбежал с нашим сыном. Огастуса держали в заложниках ради выкупа, который мы с Пандорой никогда не смогли бы заплатить, даже если бы располагали нужными средствами.

— Какого выкупа?! — воскликнула я.

И тут, разумеется, я обо всем догадалась. Никто из нас даже не посмотрел на рюкзак, лежавший рядом со мной под столом. Я так расстроилась после его слов, что довольно долго переваривала их.

— Вероятно, дорогая моя, ты не знаешь, что именно содержится в твоём рюкзаке, — сказал Дакиан, — но, должно быть, очень четко поняла, насколько велика ценность и опасность его содержимого. Если бы ты не поняла этого, то могла бы продать или сжечь эти бумаги или оставить их в Америке перед отъездом сюда. Ты никогда бы не отважилась провезти их через полмира. И когда Вольфганг Хаузер сказал, что, по его мнению, наследство Пандоры сейчас находится у тебя, я принял решение рассказать тебе все о нашей семье, включая цыганское происхождение, — потому-то и отослал его прогуляться. Понимаешь, узнав, что бумаги находятся в твоём распоряжении, я понял то, о чем, к счастью, не догадался он. В общем, я попросил его встретиться с нами через четверть часа неподалеку отсюда.

Он помолчал и посмотрел прямо мне в глаза. Я застыла, услышав его следующие слова.

— Видишь ли, об огромной важности этих документов ты могла узнать только от того, кто имел

достаточно глубокое понятие об их истинном значении. Поскольку со мной ты еще не виделась, а все остальные посвященные уже унесли этот секрет в могилу, то я позволю себе предположить, что ты узнала об этом от их последнего владельца. И я всерьез думаю, что твой кузен Сэмюэль жив и что ты говорила с ним совсем недавно.

ОСЬ

Ветви и плоды... мирового дерева появляются в искусстве и мифах Греции, но корни его скрыты в Азии... Мировое дерево — это символ, который дополняет, а порой и подменяет собой мировую гору, а оба этих символа являются лишь усложненными формами космической оси или мирового столпа.

Во вселенной, где планеты вращаются вокруг солнца и луны обращаются вокруг планет, где сила вечно владеет слабостью, либо принуждая ее быть послушным рабом, либо уничтожая ее, не существует никакого особого закона для человека. Ибо он тоже подчиняется вечным принципам этой высшей мудрости. Он может попытаться постичь их, но никогда не сможет избежать их.

Какая же я дура! Настоящая дура! Мне стало чертовски тошно. Можно ли быть настолько наивной, чтобы вообразить, будто такой простофиле, как я, не имеющей никакого опыта в шпионских играх, удастся скрыть эти опасные манускрипты да еще и защитить Сэма, когда первые же два человека, увидевшие меня, мгновенно поняли, что именно я таскаю с собой в сумке?

Я старательно прятала клокотавшие во мне эмоции, когда официант принес нам счет. Одному Богу известно, чего мне стоило выползти из кабины, натянуть куртку и пройти к выходу из ресторана.

Дакиан Бассаридес молча следовал за мной. Я шла по Херренгассе, вцепившись в мой смертоносный рюкзачок побелевшими пальцами.

— Моя милая, твой страх почти осязаем, — сказал Дакиан. — Но страх, в сущности, необходимое и здоровое чувство. Он обостряет наше сознание, и его не надо подавлять...

— Да как вы не понимаете! — взорвалась я. — Если вы с Вольфгангом догадались, что эти документы у меня, то, возможно, другие тоже поняли это. Сэм в ужасной опасности, его пытались убить. А я ведь даже не знаю, что представляют собой эти пресловутые манускрипты, не говоря уже о том, как защитить их. Я не знаю, кому мне верить!

— Ответ прост, — сказал Дакиан. Он хладнокровно взял у меня из рук рюкзачок и закинул его себе за плечо. — Доверься человеку, который знает, что они собой представляют. Человеку, который может посоветовать тебе, по крайней мере в данный момент, что лучше всего сделать с ними. И по обоим пунктам я как нельзя лучше подхожу на роль твоего доверенного. Более того, раз уж наш приятель Вольфганг Хаузер считает, что эти бумаги у тебя, было бы неверно усиливать его подозрительность, притворяясь, что их у тебя нет. Тебе нужно убедить его в своей доверии, открыв хотя бы то, о чем он и сам догадался. Такой поступок может оказаться выгодным и по другим причинам. Однако он уже ждет нас неподалеку отсюда, поэтому давай встретимся с ним. Я хочу кое-что показать вам обоим.

Я постаралась успокоиться, пока Дакиан, поглаживая мою руку, вел меня по узким кривым улочкам туда, где Грабен соединялся с Кернтнерштрассе, очередным проспектом фешенебельных магазинов, и просторной соборной площадью, доминантой которой служило грандиозное сооружение — отделанный золотом собор Святого Стефана, чьи высокие шпили являлись одним из главных украшений центрального района Вены.

Вольфганг бродил там на перекрестке. Он посмотрел на свои наручные часы, потом перевел

внимательный взгляд на текущую мимо людскую толпу. Я вспомнила, как впервые увидела его, в том же элегантном верблюжьем пальто, шелковом кашне и кожаных перчатках, в вестибюле отдела научно-технического обслуживания нашего ядерного центра в Айдахо... О господи, неужели это было всего неделю назад? Казалось, с тех пор прошла целая вечность.

— Тебе известен смысл слова «эра» или, точнее, «aion» по-гречески? — спросил меня Дакиан. — Именно в связи с этим понятием я и привел вас обоих сюда на угол.

— Это длинный промежуток времени, — сказала я. — Больше тысячи лет.

Увидев нас, Вольфганг с явным облегчением поспешил нам навстречу, влившись в людской водоворот. Но как только он увидел мое лицо, его взгляд мгновенно омрачился.

— Мне жаль, что я согласился оставить тебя, — сказал он. — Ты и без того была измучена. — Потом он резко спросил Дакиана: — Что такого вы ей наговорили, отчего она так ужасно выглядит?

— Вот уж спасибо, — криво усмехнулась я, отметив про себя, что нужно срочно брать себя в руки, если мое подавленное состояние заметно с первого взгляда.

— Не стоит волноваться, — спокойно произнес Дакиан. — Просто Ариэль перенесла тяжелое испытание, проведя целый час с членом своей семьи. Возможно, это не самое приятное занятие, но она прекрасно справилась с задачей.

— Мы жадно насыщались физической и духовной пищей, — сообщила я Вольфгангу. — А теперь устремили свои взоры сквозь тысячелетия. Дакиан собирался объяснить, что означает греческое слово «aion».

Вольфганг с удивлением взглянул на Дакиана.

— Надо же, ведь мы с Ариэль только вчера в Юте обсуждали эту тему, — сказал он. — Наступление нового века знаменует также начало новой эпохи или эры — большого двухтысячелетнего цикла.

— Да, такова общепринятая интерпретация, — согласился Дакиан. — Крупный промежуток времени, очередной цикл, полный круг или поворот центральной оси. Но для древних греков слово «aion» означало нечто большее: влагу, цикл самой жизни, начинающийся и заканчивающийся в водной стихии. По их представлениям, река животворных вод окольцовывала землю подобно змее, глотающей свой хвост. В aion земли входили реки, источники, колодцы, подземные воды, которые прорывались из ее недр и распространялись повсюду, чтобы сотворить и обеспечить пищей все формы жизни. Египтяне полагали, что мы родились из слез богов и что сам зодиак представляет собой некий круговой поток, вращающийся вокруг оси хвоста Малой Медведицы. Вот почему этих небесных медведиц называли еще Ковшами. А это, в свою очередь, подводит нас к тому, что мне хотелось показать вам прямо здесь.

На том углу, где поджидал нас Вольфганг, Дакиан подвел нас к небольшой стеклянной витрине цилиндрической формы, вделанной в стену скромного серого здания. Внутри витрины находился какой-то шишковатый предмет около трех футов в длину, с неровным покрытием, напоминающим болезненные грибовидные наросты. Казалось, что он извивается, как живой. Несмотря на то что нас разделяло стекло, я поежилась от отвращения, разглядывая странный объект.

— Что это? — спросила я Дакиана. Но ответил мне Вольфганг:

— О, это очень известная штука — Stock-im-Eisen. «Stock» означает «колода», а «Eisen» — «железо». Это пятисотлетнее бревно так плотно обито древними плотницкими гвоздями с квадратными шляпками, что не заметно никакого дерева. Говорят, что такова была традиция здешней гильдии

кузнецов. Неподалеку отсюда как раз находится Naglergasse, то есть переулок Гвоздильщиков. А эту колоду обнаружили совсем недавно, когда копали туннели U-bahn.[47] Вдобавок там же обнаружили древнюю часовню, и теперь ее можно посмотреть в прекрасно отреставрированном виде прямо в метро. Никто так и не понял, почему сотни лет назад их запрятали на такой глубине... и кто это сделал.

— Ну, возможно, кто-то все-таки понял, — с загадочной улыбкой заметил Дакиан. — Но оставим это на потом. Я хочу показать вам другой гвоздь в сокровищнице Хофбурга. Пока мы дойдем туда, я расскажу немного о деревьях и гвоздях.

Солнце уже клонилось к закату, и в бурлящем потоке туристов мы пошли вниз по широкой Кернтнерштрассе.

— Во многих культурах гвоздь наделяли священным скрепляющим свойством, — начал Дакиан. — Полагали, что он объединяет такие несовместимые сферы, как огонь и вода, дух и материя. Если в древних текстах дерево частенько считалось мировой осью, направляющей силу с небес на землю, то гвоздь называли стержнем или божественной точкой опоры, закрепляющей эту силу. В самом деле, на древнееврейском языке само имя Бога содержит в себе гвоздь: слово «Яхве» содержит четыре буквы — «йод», «хе», «вав», «хе», из которых буква «вав» и означает «гвоздь». В немецком языке слово Stock означает не только пень или колоду, но также корень, стебель, чубук винограда — и пчелиный улей. А пчелы ассоциируются обычно с дуплистым деревом. Крайне важно понять, как связываются все эти вещи, — сказал он.

В моей пустой голове еще не завелись пчелы, по крайней мере пока, но она уже гудела от обилия информации. Зодиак можно представить как своеобразный зоопарк исконных животных, однако новая эра, о которой мы говорили, будет проходить под знаком водного человека, Водолея, изливающего водные потоки в рот рыбы. Хотя она вполне сочетается с ковшом и медведями, но, по словам Дакиана, между всеми этими понятиями существует какая-то общая связь. Что же связывает крут небесного вращения, деревья и гвозди, текущие воды и медведей и, возможно, даже самого Ориона, божественного охотника? И тут я вдруг поняла.

— Их связывает богиня Диана? — предположила я. Дакиан изумленно взглянул на меня.

— Совершенно верно, — одобрительно сказал он. — А теперь проследи путь, которым ты прошла. Само путешествие зачастую бывает важнее заключения.

— Какого заключения? — спросил Вольфганг, обращаясь ко мне. — Простите, конечно, но мне не удастся уловить связь римской богини с деревьями или гвоздями.

— Диана, или по-гречески Артемида, отождествлялась с Ковшами, — сказала я. — С Большой и Малой Медведицами, созвездиями, которые кружат вблизи небесного полюса, то есть оси. Диана так же правила лунной колесницей, как ее брат Аполлон правил солнечной. Эта дева охотилась по ночам со своей сворой собак. В ранних религиозных представлениях процессы охоты и поедания животного подразумевали объединение с этим животным. Поэтому Артемида считалась покровительницей всех тотемов животных. И в наше время она по-прежнему правит на небесах согласно исходному значению ее имени: arktos — «медведь», а themis — «закон».

— И не просто закон: themis означает «правосудие», — сказал Дакиан. — Важный нюанс, заметьте. Дельфийского оракула называли themistos, то есть он обладал не только верными знаниями, но и способностью пророчествовать, транслировать высшее правосудие богов.

— И это объясняет ее связь с пчелами... — начала я.

— Поймите же, — вмешался расстроенный Вольфганг. — Я понятия не имею, при чем тут пчелы.

— Пчелы были пророчицами, — сказала я. — Дебора из Ветхого Завета и Мелисса, прародительница пчел, — оба этих имени означают «пчела». Пчелы имеют отношение и к Дельфийскому оракулу, пчела считалась культовым животным Артемиды. Пчел также отождествляли с девственницами: считалось, что они воспроизводят себя посредством партеногенеза, без копуляции.

— Точно, — сказал Дакиан. — Девственница важна для подходящей к концу эры. Две тысячи лет назад, в начале этой эпохи, богине-девственнице поклонялись во всем мире. Римляне называли ее Дианой из Эфеса; греческий храм Артемиды Эфесской считался одним из семи чудес света. Знаменитая статуя этой богини, языческое поклонение которой так яростно порицал святой Павел, и доныне стоит там, ее одежды покрыты резьбой, изображающей животных и птиц, а также ее пророческих пчел. И эта же самая богиня в некоем новом воплощении вместе с ее сыном, «ловцом человеческих душ», составляют ось ныне заканчивающейся эры — эры Pisces, созвездия Рыб. Напротив созвездия Рыб в зодиакальном круге находится Virgo — созвездие Девы.

— Значит, Иисус и Дева Мария представляют своеобразный дуэт, учитывая, что эти созвездия находятся друг напротив друга в зодиакальном круге? — сказала я, заинтригованная тем, что мне вдруг открылся некий тайный смысл, не замеченный раньше.

Судя по всему, Вольфганг тоже заинтересовался.

— В зодиакальный круг входит двенадцать созвездий, существенно различающихся по размерам, — уточнил Дакиан. — Астрологи просто разделили небо, как торт, на двенадцать равных секторов, или домов, и назначили одно созвездие внутри каждого такого дома «правлящим». Из-за движения земной оси по круговому конусу примерно через каждые две тысячи лет во время весеннего и осеннего равноденствия — то есть в те моменты, когда протяженность дня и ночи равна, — солнце на своем видимом небесном пути перемещается из одного небесного сектора в другой, постепенно продвигаясь по зодиакальному кругу в обратном направлении. Иными словами, каждую новую эпоху солнце в моменты равноденствия будет появляться в знаке зодиака, предшествующем тому знаку, в котором оно ежегодно появлялось в прошлую эпоху. Именно поэтому последовательность эпох называется прецессией, то есть предварением равноденствий. На всем протяжении этого двухтысячелетнего цикла во время равноденствий мы видели, как солнце встает в паре этих зодиакальных созвездий, совместно правивших нашей эпохой: знак Рыб — весеннее равноденствие, а Девы — осеннее равноденствие. В этом смысле характер эпохи определяется характером ее правителей. Иногда такую систему взглядов называют небесной мифологией. Чрезвычайно интересно, что общечеловеческие легенды имели так много общего в исконных образах, связанных с каждой новой эрой. Исторический период Близнецов, к примеру, отмечен легендами о близнецах: Реме и Ромуле, Касторе и Поллуксе. Следующий период Тельца, быка, символически отражался египетским божеством Аписом, золотым тельцом Моисея, Белым Быком, посланным Посейдоном на Крит и породившим Минотавра. Эра Овна, барана, ассоциируется с золотым руном, которое искали аргонавты Ясона, с бараньими рогами Александра Великого и с другими священными ритуалами более поздних египетских таинств. И конечно же, агнец Иисуса являлся главной точкой опоры на переходе от эры Овна к ныне завершающейся эре Рыб. Под знаком Рыб прошла вся эта эпоха. Вспомним короля-рыбака, хранителя священного Грааля, поисками которого занимались король

Артур и рыцари Круглого стола. Правда, сама чаша Грааля, возможно, является более уместным символом для наступающей новой эры — эры разлива, как вы понимаете. Мы перешли через площадь с причудливым барочным фонтаном, разбрызгивающим вокруг свои воды. Я поняла, что мы подходим к бульвару Ринг.

— А что вы можете рассказать об эре Водолея? — спросила я.

— С самого начала представления об этой эре связываются с неким наводнением, — поведал мне Дакиан. — Не потопом наподобие того, что пережил Ной в книге Бытие, когда землю затопили небесные воды в наказание за грехи человеческие. Напротив, это будет время неожиданных, неувловимых переворотов в структуре всего общественного миропорядка. Этот водный носитель изольется приливной волной освобождения: подъем земных вод прорвется на свободу из внутренних источников, и они разрушат все оковы деспотизма — по крайней мере для тех, кто стремится к такому освобождению. В связи с этим, видимо, не случайно то, что Уран, планетарный правитель наступающей эры, был открыт накануне Великой французской революции. Согласно верованиям древних, наша грядущая эпоха будет сопровождаться неуправляемыми стихийными потоками. Те, кто строит плотины, чтобы сдержать эти потоки; те, кто возводит стены, препятствующие переменам; те, кто подавляет, закостенел, невосприимчив, — словом, все, кто стремится повернуть время вспять, вернуть некий золотой век, которого никогда не существовало, будут разрушены приливной волной изменений. Выживут только те, кто научится танцевать на этих волнах.

— «Плыви по течению», — улыбнувшись, сказала я. — Но со времен молодости моих родителей об эре Водолея сочинили множество романов, пьес и песен. И судя по ним, нас ждет время любви и мира и — как же там говорилось? — «власти цветов». А то, что вы описали, скорее похоже на настоящую революцию.

— Революцию можно трактовать и как некий кругооборот или цикл, — заметил Дакиан. — А упомянутые тобою идеи являются лишь еще более упадническими приманками, чем засахаренные леденцы: их ценность совершенно не соответствует новой эре. В сущности, это просто очередные утопические теории, а они очень опасны в данных обстоятельствах. Вспомни, что слово Утопия — *ou topos* — переводится с греческого как «несуществующее место». И если хорошенько подумать, то поймешь, что только в таком месте и можно обнаружить любой легендарный «золотой век».

— Чем же опасны мечты о лучшем мире? — спросила я.

— Они не опасны, если в том мире действительно всем будет лучше. И если они связаны с реальным, а не воображаемым миром, — сказал Дакиан. — В нашем, тысяча девятьсот восемьдесят девятом году исполняется двести лет утопическим идеалам Жана Жака Руссо, которые привели к только что упомянутой нами Французской революции. В тот год солнце в точке весеннего равноденствия находилось в пяти градусах рога луны, а такое положение на зодиакальном круге означает, что солнце входит в знак Водолея, то есть оно уже достаточно близко, чтобы стало ощутимо влияние наступающей эры. Однако после двадцати пяти лет кровопролитной борьбы французская монархия в ходе дальнейших переворотов была восстановлена. Далее, когда в тысяча девятьсот тридцать третьем году Гитлер пришел к власти, мы еще на один градус приблизились к новой эре. А на сегодняшний день мы уже вступили в эру Водолея, правда пока всего лишь на одну десятую долю градуса.

— Вы имеете в виду, что появление Наполеона и Гитлера связано с новой эрой? — сказала я. — Уж

они-то определенно не похожи на утопических идеалистов.

— Ну почему же? — приподняв брови, возразил Дакиан. — Как раз таки ими они и были.

— Минуточку! — воскликнула я. — Пожалуйста, не говорите мне, что вы восхищаетесь этими деятелями!

— Я скажу тебе только, — осторожно заметил Дакиан, — как опасны могут быть идеализм и даже духовность, выращенные в неподходящих, тепличных условиях. Идеалисты, стремящиеся к созданию более совершенной цивилизации, практически всегда обнаруживают, что должны начать с попыток улучшения культуры и общественного строя. А это неизбежно заканчивается попытками отделить пшеницу от плевел — посредством генетики, евгеники и всего, что только можно придумать, — ради выведения улучшенной человеческой породы.

С таким убедительным замечанием мы подошли к Хофбургу. Вольфганг купил билеты, и мы вошли в эту императорскую Schatzkammer.

Мельком мы осмотрели залы с большими, забитыми до отказа витринами, где хранились королевские драгоценности, императорские регалии, наряды и реликвии: усыпанная драгоценными камнями восьмиугольная тысячелетняя корона Священной Римской империи с украшающим ее символом Rex Salomon,[48] корона Габсбургов и глобус с надписью AEIOU: «Austriae est imperare orbi universo» — «Австрия — владычица всего мира», а также более скромные фамильные безделушки. Наконец мы вошли в последний зал с государственными мечами и прочим императорским церемониальным оружием. Там, на красном бархате в маленькой витрине у стены, рядом с оружием явно большей ценности и значимости, покоился маленький копьевидный экспонат, грубо сделанный из двух металлических частей, связанных вместе чем-то вроде кетгута. В том месте, где колющая часть оружия должна была соединяться с древком, ее охватывало узкое медное кольцо: именно такой образ этого копья сохранился у Лафа с детских времен, когда его привели сюда на экскурсию почти восемьдесят лет назад.

— Выглядит довольно невзрачно, правда? — сказал Дакиан, остановившись рядом со мной и тоже разглядывая экспонаты этой витрины.

Вольфганг, стоявший по другую сторону от меня, сказал:

— Однако считается, что это знаменитое копье Лонгина. Ему посвящено множество научных и художественных произведений. В них говорится, что Гай Кассий Лонгин, римский центурион, ткнул Иисуса в грудь этим самым оружием. А под этим медным кольцом, говорят, находится один из гвоздей, которыми было распято тело Христа. И полагают также, что выставленный в следующей витрине меч Карла Великого, изначально принадлежавший Атилле, царю гуннов, два тысячелетия назад был в руках святого Петра в Гефсиманском саду.

— Полная чепуха, разумеется, — сказал Дакиан. — Тот меч сделан в средние века, и у него нет ничего общего с древним иудейским или римским оружием. А представленное здесь копье — всего лишь копия. Об этом тоже неоднократно писали. Все, вплоть до Адольфа Гитлера, жаждали завладеть им, веря в присущую ему магическую силу. Говорят, когда Гитлер перевез подлинное копье Лонгина в Нюрнберг вместе с другими собранными им реликвиями, он приказал сделать с них копии. Именно копии мы и видим здесь сегодня. С тех пор все, кто стремится к власти и славе, ищут подлинники, включая и некоторых представителей Виндзорской династии во время их долгого изгнания, и американского генерала Джорджа Патона, который, приобщившись к древней истории, в

своих активных поисках перевернул вверх дном весь Нюрнбергский замок, как только прибыл туда в конце войны. Но подлинные реликвии, увы, исчезли.

— А вы не верите во все те послевоенные истории о том, что Гитлер остался жив и хранит священные реликвии при себе? — спросил Вольфганг.

— Вот видишь, моя милая, — с улыбкой обратился ко мне Дакиан, — сколько всплывает разных историй. Некоторые оказались весьма живучими, надолго пережив своих героев, и практически все их персонажи связаны с этими реликвиями, от Гитлера до Иисуса Христа. Поскольку религиозные и политические движения — а я, признаться, зачастую не вижу между ними различий — прочно основываются на подобных сказках, я не склонен их комментировать. Данная тематика не представляется мне ни важной, ни интересной. А вот что действительно интересно, так это почему такие личности, как Гитлер или Патон, стремились заполучить эти так называемые реликвии. Только один человек способен ответить на этот вопрос.

— Уж не подразумеваете ли вы, что именно вам известно, где можно найти священные реликвии? — спросил Вольфганг.

Естественно, мне тоже хотелось услышать ответ, но Дакиан не клюнул на приманку.

— Как я уже объяснял Ариэль, — терпеливо заметил он, — истинно важен процесс, а не результат такого поиска.

— Но если эти реликвии не являются смыслом поиска, — разочарованно сказал Вольфганг, — то что же составляет его смысл?

Дакиан с мрачным видом укоризненно покачал головой.

— Не что, — опять возразил он. — Кто, как, где, когда — все это неверно поставленные вопросы, а верный вопрос — почему или ради чего. Но раз уж это, видимо, так важно для вас, я расскажу все, что мне известно. Как раз это я и собирался сделать, когда мы выйдем отсюда.

Он слегка коснулся пальцем моего подбородка.

— Узнав от Вольфганга, что именно ты притащила с собой, я сразу воспользовался телефоном в ресторане и зарезервировал для нас одно местечко. Там будут готовы принять нас уже через минуту — с трех часов, и оно всего в нескольких шагах отсюда, на Йозефплатц. В нашем распоряжении будет целый час до закрытия, и мы вполне управимся. Надеюсь, наш друг Вольфганг не будет разочарован моими достаточно нетривиальными сведениями. За свою долгую жизнь эта история обросла множеством слухов, и я поделюсь с вами парой моих личных догадок. Я расскажу вам о них, пока вы оба будете избавляться от этих взрывоопасных бумаг.

— Избавляться от бумаг! — ахнула я и покрепче ухватила за сумку.

Вольфганг тоже выглядел изумленным.

— Дорогая, будь же благоразумной, — сказал Дакиан. — Ты не можешь взять их в Советский Союз. На таможне их у тебя конфискуют на общих основаниях, как любые непонятные вещи, включая парковочные квитанции. Ты не станешь разбрасывать их по улицам Вены и не можешь доверить их Вольфгангу или мне, поскольку мы оба завтра тоже покидаем Австрию. Поэтому я настаиваю на единственном решении, которое я сам смог придумать за такое короткое время. Надо спрятать их там, где их долго никто не сможет найти: среди редких книг Австрийской государственной библиотеки.

Государственная библиотека, построенная в 1730 году, является одним из самых впечатляющих

книгохранилищ в мире — не из-за размеров или великолепия здания, но из-за мистически волшебной красоты и экзотического происхождения ее коллекции редких книг от Авиценны до Зенона,[49] которая уступает пальму первенства разве что Ватикану.

Меня водили туда несколько раз в далеком детстве, но я до сих пор отлично помню великолепную барочную архитектуру библиотечного здания и потрясающие пастельные львиные раструбы, украшающие величественный свод. И наконец, последнее, но самое удивительное в этом мире для ребенка — книжные шкафы, которые на самом деле оказались дверями, заставленными с обеих сторон книгами, которые распахивались, впуская вас в скрытые за ними кабинеты, в каждом из которых, помимо стелльных книжных шкафов, находились большой стол со стульями и большие окна, выходящие во внутренний двор. В таких кабинетах ученые и студенты могли спрятаться от мира и часами работать в уединении. Именно такой кабинет и забронировал для нас Дакиан.

— Хорошая идея, — заверил меня Вольфганг, когда наша троица устроилась в кабинете. — Я не смог бы придумать ничего лучшего за такой короткий срок.

Обдумав ситуацию, я тоже согласилась, что, несмотря на известный риск, этот способ защиты манускриптов вполне внушает доверие. Даже если кто-то узнает, что они спрятаны там, то ему придется быстренько проверить в общей сложности — как сообщало объявление перед входом — около четырех миллионов единиц хранения: книг, фолиантов, манускриптов, карт, периодических изданий и инкунабул. А кроме того, ограниченное время публичного доступа в данное книгохранилище делало поиск и извлечение разрозненных страниц проектом колоссального размаха для любого искателя.

За десять минут мы заполнили формуляры заказов на несколько дюжин изданий, вручили их библиотекарям и дождались доставки заказанных книг. Когда мы остались одни, я начала вставлять листы моего наследства в книги, снимая их с кабинетных полок. Для пущей надежности я предложила после окончания наших трудов уничтожить бланки заказов, чтобы не осталось никакого списка.

— Но как же мы потом отыщем их? — возразил Вольфганг. — Чтобы методом проб и ошибок разыскать твой объемный манускрипт, расплывшийся по морю книг, множеству людей придется трудиться долгие годы!

— Как раз на это я и рассчитываю, — ответила я.

Не стоило упоминать лишний раз о моей фотографической памяти, но в принципе я знала, что способна месяца три помнить список из пятисот названий книг, в которые мы вложим листы манускрипта. Если мне не удастся вернуться сюда в течение этого времени, я запишу названия на бумаге, чтобы освежить память, а потом снова уничтожу список.

Сейчас более важными были знания Дакиана. Он уже сказал в сокровищнице, что скоро улетает обратно в Париж, поэтому наше собрание в библиотеке должно было стать последним на ближайшее время, а мне еще многое хотелось узнать до расставания с ним. Я вынуждена была делать два дела сразу: одной половиной мозга запоминать список книг, а второй — воспринимать рассказ Дакиана. Он присел возле окна, и я подтащила свой стул ближе к нему. Вольфганг стоял у двери, принимая очередные стопки книг. Он подносил их мне, продолжая следить за тем, чтобы нас никто не подслушивал. Начинив первую порцию томов сложенными листами манускрипта, я кивком предложила Дакиану возобновить рассказ.

— Я постараюсь осветить оба ваши вопроса, — начал он. — О тринадцати реликвиях, заинтересовавших Вольфганга, и о значении документов Пандоры, унаследованных Ариэль. Ответ на них покоится далеко отсюда, в уединенной части мира, редко посещаемой в наши дни, да к тому же и трудно постижимой. Когда-то этот регион славился высочайшей культурой. Но сейчас ее останки погребены под пылью веков. За него постоянно сражались великие мира сего, и его границы до сих пор остаются спорными. Однако некоторые на своем горьком опыте узнали, что народ этой необузданной и таинственной страны подобен диким, неприручаемым пантерам.

Он взглянул на меня темными глазами цвета морской волны.

— Я говорю о месте, которое, насколько я понимаю, вы оба посетите во время поездки в Россию. Поэтому очень удачно, что мы с вами сегодня встретились. Я один из немногих, кто может припомнить историю этого края и, что еще более важно, ее глубинное и скрытое значение. Ведь я сам родился там почти столетие назад.

— Вы родом из Центральной Азии? — удивленно сказала я.

— Да. И важной подсказкой является то, что в давние времена языком этого региона был санскрит. Позвольте мне дать вам более ясное представление о моей родине.

Дакиан вытащил из своей сумки кожаный рулончик, перевязанный замшевой тесемкой. Он развернул его и положил передо мной. Кожа выглядела такой хрупкой, что я побоялась трогать ее, и Дакиан сам осторожно расправил кусок кожи на столе. Вольфганг подошел к нам и уставился на странный раритет.

Это была старинная карта, тщательно прорисованная и вручную раскрашенная, но не имевшая никаких современных пограничных линий. На той карте, что я изучала сегодня целое утро, изображалась очень похожая местность, поэтому географически она показалась мне узнаваемой даже без дополнительных названий и пометок: Аральское и Каспийское моря, большие реки Амударья и Инд, горные хребты Гиндукуш, Памир и Гималаи. Непонятные пунктирные линии, возможно, обозначали основные туристические маршруты. Несколько кружочков отмечали географические особенности — парочку из них, типа горы Эверест, еще можно было узнать без дополнительной информации. Но остальные были практически неопознаваемы без привычных нам искусственных пограничных линий, обозначавших границы государств. Осознавая эти трудности, Дакиан развернул лоскут полупрозрачной ткани с отраженными на ней современными границами и наложил поверх старой карты, восстановив таким образом знакомые очертания отдельных стран и областей.

— За многовековую историю этим регионом владело слишком много разных народов, что, естественно, усложняет выявление важных мест, — пояснил он. — Кружочками на этой карте обозначены легендарные места, имеющие магическое значение, стоящее над политическими преобразованиями. Например, вот здесь...

Он показал на точку, где пальцевидный отросток Афганистана, вклиниваясь в горные районы Пакистана и российского Таджикистана, длинным коготком дотягивается до западной границы Китая.

— Разумеется, не случайно, — сказал Дакиан, — первые серьезные перевороты, возвестившие нам о вхождении в новую эру, произошли на этом особом мировом перекрестке. Уже в древности это уникальнейшее место напоминало своеобразный котел, в котором смешались культуры Востока и Запада, Севера и Юга, и поэтому оно заключает в себе великолепный земной микрокосм

приближающейся новой эры.

— Но если новая эра будет волной, разрушающей стены и смешивающей культуры, — перебил его Вольфганг, — то я не понимаю ее связи с данной частью мира, особенно с Афганистаном, где кровавая, но несущественная война, развязанная Россией, вряд ли повлияла на какую-то цивилизацию, кроме ее собственной.

— Не такая уж несущественная, — возразил Дакиан. — Поворотный пункт был достигнут. Возможно, вы считаете совпадением, что лишь в феврале нынешнего года Советы отказались от этой злополучной десятилетней войны? Вывод войск пришелся как раз на дни весеннего равноденствия, когда солнце, как я уже говорил раньше, ступило на одну десятую долю градуса в дом Водолея — точно за одиннадцать лет и одиннадцать месяцев до законного начала новой эры, ожидаемого в две тысячи первом году.

— А я согласна с Вольфгангом, — сказала я Дакиану, начиная листами очередной том. — Трудно представить, что войска, марширующие на родину с войны, которая не привела к победе, знаменуют собой некое эпохальное начало нового двухтысячелетнего цикла. Да и русские, кажется, склонны вернуться к их обычной жизни.

— И опять-таки никто из вас не задался ключевым вопросом: почему Советы вообще ввязались в эту войну? — Дакиан помолчал немного и продолжил: — Ответ прост. Они искали священный город, так же как и Гитлер полсотни лет тому назад.

Мы с Вольфгангом отвлеклись от начинки книг и уставились на Дакиана. В задумчивости постукивая пальцем по карте, он одарил нас еле уловимой улыбкой.

— Этот регион издавна изобилует магическими городами, — сказал он. — Некоторые из них реально существовали, а другие относились к области домыслов и мифов, как, например, монгольский Шанду Хубилая — а по версии Кольриджа, Занаду Кубла Хана, — описанный Марко Поло. Или таинственный гималайский Шангри-ла: согласно легендам он появляется только однажды в каждом тысячелетии. Далее вспомним о самом западном крае Китая, районе Синьцзян: в двадцатых годах нынешнего столетия русский мистик Николай Рерих записал народные легенды, собранные им в Кашмире, китайском Синьцзяне и Тибете, о мифическом, затонувшем городе Шамбала, восточной версии Атлантиды. Считалось, что этот чудесный город в давние времена был поглощен землей, но что он поднимется вновь совсем скоро, знаменуя рождение новой эры.

Палец Дакиана уверенно скользил по карте, замирая в нужных точках, но глаза его были закрыты, словно он мысленно представлял все эти города. И хотя он признал, что пересказывал в основном мифы, они казались настолько реальными для него, что я тоже была очарована. С большим трудом мне удалось заставить себя сосредоточиться на документах, которые необходимо было спрятать.

— Тысячи лет буддисты верили, что затерянный город Агартти погребен в Непале, под горой Канченджанга — третьей высочайшей вершиной мира,[50] чье название означает «пять священных сокровищ в снегах». Южнее второй высочайшей горной вершины, K2[51] — в спорной пограничной зоне, на которую претендуют Китай, Индия и Пакистан, — лежит еще один таинственный клад священных сокровищ и манускриптов. Первым на их поиски отправился в тысяча девятьсот первом году Алистер Кроули, собиратель загадочных легенд. Но самыми волшебными легендами в этом краю овеян находящийся на территории Таджикистана Памир с его пиком Сталина, ныне переименованным в пик Коммунизма. Его высота достигает почти семи с половиной тысяч метров,

это высочайшая вершина в Советском Союзе. Иранские зороастрийцы считали эту гору главной осью некой энергетической сети, единой энергосистемы, соединяющей священные точки Европы и Средиземноморья, Ближнего Востока и Азии, и многие полагают, что данная ось является своеобразным переключателем, который может быть задействован только в определенных обстоятельствах, подобных тем, что складываются сейчас, на повороте к новой эре. Но самым интересным из всех этих священных мест был город, основанный Александром Македонским около трехсот тридцатого года до нашей эры вблизи нынешней русско-афганской границы. Согласно легенде тысячи лет назад на этом самом месте стоял город величайшей тайны и магии, последний из легендарных семи городов Соломона.

— Царя Соломона? — странным тоном сказал Вольфганг. — Разве такое возможно?

Он встал, тихо переговорил с библиотекарем, стоящим снаружи, закрыл обремененные книгами двери и опять устроился рядом со мной.

Я продолжала распихивать бумаги Пандоры по книгам, склонив голову, чтобы никто не видел моего лица. Понятно, что ссылка на Соломона была не случайным замечанием со стороны Дакиана, не более случайным, чем многочисленные намеки Сэма: соломонов узел, оставленный им на зеркале моей машины, анаграммы и телефонные номера, отсылающие меня к стихам Песни Песней.

Изобилие подсказок, но на что все они намекают? Я чувствовала себя как ядерный реактор с критической массой. Мне явно требовалось какое-то космическое озарение, чтобы уловить общую нить многочисленных связей. Я передвинула готовую стопку книг Вольфгангу и приняла от него следующую.

— Эта часть мира мало ассоциируется с Соломоном, — согласился Дакиан. — Однако в честь его назван целый горный массив между долиной Инда и Афганистаном — Сулеймановы горы, расположенные чуть южнее предполагаемого затерянного города. И как раз там находится высокогорный кратер с его легендарным тронном — takht-i-Suliman (Таргум Шейни), который, как полагали древние, образует другую ось, соединяющую небо и землю. Мифы о Соломоне зачастую перемешиваются с фактами: говорят, что его магической силе подчинялись стихии воды, земли, ветра и огня, что он понимал язык животных, пользовался услугами муравьев и пчел при строительстве Иерусалимского храма, а птицы и пэри создали для него в Центральной Азии волшебный город солнца, который так долго искал по разным странам Александр Великий. Когда Соломон, установив на волшебном ковре царский трон, отправился вместе с Билкис, царицей Сабы, в путешествие по созданным им городам, он заметил, что его спутница оборачивается назад, желая увидеть родные края. Тогда он приказал джинну выдолбить тот провал на вершине горы и доставить туда ее трон, чтобы перед царицей открылись все дали. Некий реальный takht-i-Suliman числился в отчете экспедиции, побывавшей в этом регионе в тысяча восемьсот восемьдесят третьем году. В том же самом месте обнаружили развалины персидского огненного святилища, построенного во времена Александра. Поклонение огню является важным звеном нашей истории. Многие еще связывает Александра и Соломона, одной ногой увязших в истории, а другой — в мифологии: сведения о них можно обнаружить у индусов, буддистов, тантрических тибетцев, несторианских христиан и даже в священной книге ислама, Коране.

— Соломон и Александр упоминаются в Коране? — удивленно спросила я.

— Конечно, — подтвердил Дакиан. — Одна из интересующих Вольфганга реликвий описана в

Коране. Миллионы лет назад с неба упал магический, светящийся зеленый камень. Приобщенный к тайнам персидских магов Сулейман, то бишь Соломон, носил, не снимая до самой смерти, перстень с таким камнем. Впоследствии Александр повсюду искал этот камень, дающий волшебную власть над небом и землей.

Я вновь начала набивать книги, продолжая слушать новую волшебную историю Дакиана.

Он родился в полночь в середине лета, в самые жаркие дни 356 года до нашей эры, в городе Пела, столице Македонии. И назвали его Александром.

До его рождения оракул Сивиллы предсказал, что скоро родится тот, кому суждено завоевать Азию в кровопролитных сражениях. Говорят, что с его первым младенческим криком великий храм Артемиды в Эфесе вдруг вспыхнул огнем и сгорел до основания. Маги Заратуштры, лицезревшие это сожжение, как сообщает нам Плутарх, рыдали и стенали от горя, бия себя в грудь и предсказывая закат великой персидской империи, который начался в тот самый час.

Олимпиада, мать Александра, принцесса Эпира, была жрицей, приобщенной к орфическим таинствам жизни и смерти. В тринадцать лет она встретила с его отцом, Филиппом II Македонским, на острове Самофракия во время их посвящения в сумрачные дионисийские мистерии, устраиваемые в зимние месяцы. Через пять лет, когда Олимпиада уже была женой Филиппа, она стала ревностной участницей вакханалий, прославляющих бога вина Диониса. На родине этого бога, во Фракии, вакханок называли бассаридами из-за того, что наряд их состоял в основном из лисьих шкур, когда веселились они ночи напролет на холмах в диких плясках, пили неразбавленное вино и предавались безумствам в сексуальных и в кровавых оргиях. Одержимые этим богом, бассариды голыми руками ловили диких животных и зубами разрывали их на куски. В таком состоянии их называли менадами — неистовыми вакханками.

Олимпиада часто делила ложе с прорицающим змеем, огромным питоном, и эта привычка так сильно пугала ее мужа, что он на какое-то время отложил зачатие ребенка. Но наконец оракул сообщил Филиппу, что тот потеряет зрение, если будет подсматривать, как его жена совокупляется со священной рептилией, ибо поразит его мистическое событие, когда ее чрево будет открыто молнией громовержца Зевса и извергнется оттуда пламя, возвестив о скором рождении ребенка, который в свое время воспламенит Восток. Оракул сказал, что их брак должен завершиться во плоти. Их дитя объединит все земли и пробудит сокрытые в недрах силы драконов, ознаменовав начало новой эры. Светловолосый и розовощекий красавец Александр отличался прекрасным телосложением, один глаз у него был серо-голубым, а второй — темно-карим. Он обладал томным взглядом, источал из рта дивное, пряное благоухание, и все его тело соответствовало его горячей страстной натуре.

Аристотель, учитель юного принца, посвятил его в тайны метафизики и персидских магов.

Александр проявил небывалую для своего возраста мудрость. Его мать Олимпиада приобщила юношу к мистериям. Он стал быстроногим бегуном, превосходным всадником и искусным воином, и все в царстве его отца восхищались его талантами.

Но когда ему исполнилось восемнадцать лет, жизнь Александра круто изменилась. Его отец развелся с матерью, отправил ее в изгнание и женился на знатной македонской девушке Клеопатре, которая вскоре произвела на свет альтернативного наследника царского рода. Олимпиада, охваченная черной яростью, воспользовалась своими великолепными магическими способностями. Обманным путем она устроила так, что Филиппа убил один из его любовников, освободив трон для Александра. И

после смерти отца двадцатилетний Александр стал царем Македонии.

Первым делом он покорил своих соседей, Иллирию и Фракию. Потом поджег мятежный город Фивы в Центральной Греции и поработил его жителей. На ионийском побережье — на месте современной Турции — уже почти два века страдали греческие города под гнетом персов. Александр вознамерился разбить персов и восстановить демократию, а в отдельных случаях — автономию в бывших греческих колониях. Его исходная миссия — разрушение двухсотлетнего владычества Персидской империи в восточном и западном мире — вскоре переросла в миссию мирового господства. А итоговой целью его жизни будет слияние с божественным потоком: он возжелает стать живым богом.

Войска Александра вошли в Азию через Фригию (ныне Анатолия в Центральной Турции) и вступили в город Гордий. В восьмом веке до нашей эры, за четыреста лет до Александра, оракул предсказал народу Фригии, что истинный царь придет через городские ворота и на его повозку опустится ворон. Пастух Гордий шел себе к этому городу с востока. Когда он оказался возле первого дома, предсказанный ворон уселся на ярмо его повозки, и вместе они вошли в город. Толпы радостных горожан проводили его в храм и возвели на царский престол. Как вскоре выяснилось, никому не удавалось развязать сложный узел, который скреплял хомут его повозки с оглоблями. Оракул возвестил, что развязавший этот узел станет владыкой всей Азии. И именно этот гордиев узел спустя четыре столетия разрубил Александр своим мечом.

Гордий женился на жрице Кибелы, великой божественной праматери всего творения со времен ледникового периода. Кибела родилась на горе Ида, той, что на ионийском берегу, с которой боги наблюдали за Троянской войной, но ее главный храм со священным метеорным черным камнем находился в Пессинунте, всего в дюжине миль от города Гордия. Через сто двадцать лет после смерти Александра эту скалу перевезли в Рим и поместили на Палатинском холме для защиты против Ганнибала во время Карфагенских войн. Наделенный могуществом фригийских богов, этот камень оставался там вплоть до времен Цезаря.

Гордий и его прорицательница жена усыновили наполовину смертного сына богини Кибелы, мальчика, названного Мидасом, поскольку он родился на горе Ида, как и его божественная матушка. Мидас стал вторым царем Фригии. Будучи юношей, Мидас в компании с кентавром Силеном, наставником бога Диониса, побывал в Гиперборее, волшебной стране «на спине у северного ветра», которую связывали с Полярной звездой и осью мира. По их возвращении Дионис наградил Мидаса тем, чего он пожелал. Мидас попросил бога сделать так, чтобы все, к чему он прикасался, превращалось в золото. И поныне реки, в которых он когда-то купался, остаются золотonosными. В 333 году до нашей эры, когда Александр разрубил гордиев узел, он посетил гробницу царя Мидаса, а также храм Кибелы со знаменитым черным камнем и напоследок заглянул в храм Диониса, божественного покровителя фригийских царей. Почерпнув новые силы в родниках и источниках этих восточных богов, он отправился покорять Восток: Сирию, Египет, Месопотамию, Персию, Центральную Азию и Индию.

Ключевым местом этой военной кампании в Центральную Азию стала Согдийская Скала — так назывался город, построенный на вершине горы в семь тысяч футов высотой, которую считали столпом, поддерживающим небесный свод. Город находился на такой высоте, что до него не достреливали катапульты. Александр собрал триста солдат из горных районов Македонии,

способных вскарабкаться на скалистые стены; оказавшись наверху, они обстреляли горящими стрелами защитников и вынудили их сдаться.

Поблизости от того места, как сообщает нам Коран, Александр соорудил пару огромных железных ворот, чтобы закрыть труднодоступный горный перевал для восточных диких племен, называемых «Гог и Магог» — позднее их стали называть монголами. И там же он построил священный город на том месте, где ранее стоял седьмой город Соломона. Говорят, что именно священный камень Соломона, заложенный в качестве краеугольного камня в основание города, придает ему способность возрождаться в начале каждой новой эры.

Поскольку земли за Амударьей, по-латински называвшейся Оксом, населял миролюбивый народ, группа знатных людей прибыла с визитом из Нисы, долины за хребтами Гиндукуша. Когда они впервые увидели Александра, он был в военных доспехах и с ног до головы покрыт пылью. Но его вид лишил их дара речи, и они в благоговейном страхе припали к земле, узрев в нем те небесные и богоподобные черты, что уже были признаны мудрейшими египетскими жрецами и даже персидскими магами. Жители Нисы пригласили Александра и его людей посетить их родину, которую они считали местом рождения «бога Нисы» — Дио-ниса, являвшегося также главным богом Македонии.

Судя по дошедшим до нас сведениям, посещение Александром Нисы стало поворотной точкой его короткой, но замечательной жизни. Приход в эту зеленую долину, раскинувшуюся между двумя горными хребтами, был подобен открытию потерянных и волшебных владений. Эта долина славилась не только прекрасными виноградниками и крепкими винами, любимыми Александром, но также считалась единственным местом в этой части мира, где произрастал священный плющ Диониса.

Виноградная лоза символизирует искания, странствия по внешнему миру. А плющ отражает внутренние странствия, запутанный лабиринт. Александр и его войска, всегда готовые выпить за главного бога их родины, украсили головы священными венками из плюща и устроили разгульное пиршество в той долине в честь нового вторжения в Индию — ибо, как гласят легенды, сам бог Дионис первым пересек реку Инд на своей взмыленной благоухающей пантере.

Жизненный путь Александра был коротким, но предсказания оракула, предварившие его рождение, сбылись. За тринадцать лет военных походов он завоевал большую часть известного мира. И в возрасте тридцати трех лет умер в Вавилоне. Поскольку его огромная, завоеванная на полях сражений империя распалась сразу после его смерти, историки полагают, что он не оставил ничего, кроме золотой легенды. Вот тут они ошибаются. За те тринадцать лет он осуществил все свои задумки: слияние Востока и Запада, духа и материи, воззрений и родословных. В каждой завоеванной им столице он устраивал массовые публичные свадьбы между греко-македонскими офицерами и знатными местными жительницами; у него самого было несколько жен персидского происхождения.

Известно также, что Александр приобщился к эзотерическим знаниям Востока. В Египте высшие жрецы Амона-Зевса-Юпитера признали его воплощением бога и увенчали его голову божественным шлемом с бараньими рогами, которые на всех трех континентах ассоциировались с Марсом, планетой войны, и с текущей эрой Овна. Даже в далекой северной Скифии (теперь это Центральная Азия) его называли Зул-карнаин — Двурогий бог. Это выражение также означает «владыка двух

путей или двух эпох», то есть тот, кто правит на стыке двух эр.

— Олимпиада, мать Александра, — сказал в заключение Дакиан, — сообщила ему, что в нем заложена природа змеиной силы, вселенского могущества. Честолюбие, которое она воспитывала в нем с детства, переросло в неутолимую жажду мирового господства. Ради него он выстроил священный город в каждой «акупунктурной точке» энергетической сетки земного могущества. Александр полагал, что укрепление определенных точек на поверхности земли, подобно тому как укрепляют дерево, вгоняя в него гвоздь, поможет ему овладеть «драконовыми силами» земли и что обладатель священного камня новой эры, поместив его точно в центр этой сетки, запустит последний оборот колеса нынешней эпохи, обретет способность управлять временем и народами всей земли. Считая это крайне важным, Александр приостанавливал свои походы для изучения каждой местности, прежде чем окопаться в ее земле, и упорно называл каждый новый город своим именем, выстроив в общей сложности семьдесят таких крепостей.

— Семьдесят городов?! — воскликнул Вольфганг, оторвавшись от начинаемой книги.

— Примечательное число, не так ли? — согласился Дакиан. — А вместе с древними семью городами Соломона это составляет семьдесят семь точек в той энергетической сетке, совершенно магическое число.

Я не могла не провести параллель между количеством городов Александра и Соломона и группой из 77 неприсоединившихся стран, о которой нам талдычили на утреннем совещании в МАГАТЭ. Когда я передала Вольфгангу только что начиненную книгу, в приоткрывшейся двери показалась голова библиотекаря, который кивнул нам в знак того, что пора заканчивать. Дакиан свернул свою кожаную карту и убрал обратно в сумку, а Вольфганг, аккуратно сложив последнюю стопку книг, направился с ней к двери.

— Даже если существовала какая-то сетка, обладающая таинственной энергетикой, то какой смысл был держать ее под контролем? — спросила я Дакиана.

— Вспомни, что Соломон считался владыкой всего света — не только всей земли, но и четырех основных стихий, — сказал он. — Следовательно, он обладал могуществом бессмертных. А Александр за отпущенный ему короткий земной срок стал первым человеком западного мира, которого еще при жизни признали воплощением бога.

— Неужели вы верите, что боги сходят на землю в человеческом облике? — удивилась я. — Мне, конечно, нравятся древние мифы, но ведь сейчас конец двадцатого века!

— Как раз в это время и ожидается их появление, — сказал Дакиан.

Выпустив нас на сумеречную улицу, двери библиотеки закрылись. В свете уличного фонаря, только что вспыхнувшего над нашими головами, Дакиан выглядел довольно усталым, но лицо его оставалось по-прежнему красивым.

— Теперь мне придется покинуть вас: я совсем выдохся, — сказал он. — Но надеюсь, что мы еще свидимся... если того пожелают боги, о которых мы говорили. И хотя я лишь слегка протер стекло, под которым скрывается то, что вам необходимо знать, теперь вы и сами сумеете заглянуть в образовавшееся окошечко. Я мог бы вообще не беспокоиться об этих манускриптах. Сами по себе они мало что значат. Недостаточно прочесть их — необходимо еще и понять. А для понимания, как я уже говорил, требуется пылливый ум и кое-что еще.

— Например, умение задавать правильные вопросы? — поинтересовалась я. — Но сегодня в

Хофбурге вы упомянули о том, что только один человек способен объяснить, почему кто-то хочет заполучить эти манускрипты, да и реликвии тоже. Что только вы один можете ответить на вопрос, какая опасность в них таится. Почему же вы не ответили на этот вопрос?

— Я сказал, что только один человек способен ответить на этот вопрос. Но не говорил, что этот человек — я, — прояснил ситуацию Дакиан. — Надеюсь, вы запомнили мои слова о том, что санскрит даст вам ключ к тайне? И что древний храм огня, построенный в Афганистане на месте трона Соломона, тоже очень важен? Все это связано с качеством, которое я обозначил как «кое-что еще». Лучше всего оно определяется санскритским словом *salubha*, означающим «путь мотылька или кузнечика»: лететь на огонь, безоглядно устремляться навстречу опасности, как саламандра. Скользить против течения подобно лососю. Овладеть силами соли.

— Соли? — удивилась я.

— Соль была самым ценным товаром в древнем мире, — заметил Дакиан. — Римляне расплачивались ею со своими солдатами, отсюда современное слово *salary* — «жалованье», изначально «соляные деньги». Древнейшим кельтским поселением в Австрии, считавшимся одним из самых древних и богатейших в Европе, был Халльштат в горном Зальцкаммергуте, «стране соляных рудников». В тех краях, кстати, родился и жил наш приятель Везунчик. Само название уже объясняет источник исходного богатства: немецкое слово *Salz*, верхнегерманское *Halle* и кельтское *hal* — все они означают «соль».

С неприятным холодком я вспомнила слова Лафа о том, как Везунчик поведал Дакиану о своих изысканиях: на берегах Дуная и в горном Зальцкаммергуте имеются послания древних людей, написанные рунами. Но как же найти те послания? Я знала о существовании соленых озер и соляных источников в Австрийских Альпах и о таинственных подземных рудниках с запасами кристаллической соли, подобных пещере Мерлина... подобных тем семидесяти семи легендарным городам.

— Не хотите ли вы сказать, что Гитлер обосновался в окрестностях Зальцбурга ради того, чтобы обрести какие-то силы вроде тех, что придавали затерянные города Александра и Соломона? — спросила я. — Но что же это за силы?

— Все, о чем я говорил: Соломон, саламандра, лосось (*salmon*) и даже город Зальцбург, — имеет нечто общее, — сказал Дакиан. — Корни всех этих слов восходят к *salto*, что означает «скакать, прыгать, плясать»...

— Я боюсь, что по моей части скорее квантовые скачки, — пошутила я.

— И здесь необходим еще один тайный ингредиент: *sal sapiente*, соль мудрости, — сказал Дакиан. — Щепотка соли — и тебе обеспечены такие скачки интуиции, которыми славился Царь Соломон: гибкий ум, исполненный искрящейся энергии. Лосось, скачущий и рвущийся против течения. Своеобразный скачок, прорыв веры.

У меня в памяти всплыли строки из Песни Песней Соломона: «Голос возлюбленного моего! вот, он идет, скачет по горам, прыгает по холмам».

Повернувшись ко мне, Дакиан с торжественным видом возложил руки мне на плечи, словно намеревался наградить меня дубовым венком или вручить эстафетный факел. Помедлив, он с загадочной улыбкой глянул на Вольфганга, стоявшего у меня за спиной.

— Моя милая внучка, — сказал он, — все сводится к одному. Тебе обязательно придется научиться

плясать!

И с этими словами он удалился от нас в сумрак наступающего вечера.

— О, кстати, я кое-что вспомнил, — сказал Вольфганг после ухода Дакиана. — Гипнотические способности твоего деда едва не лишили меня памяти. Пока вы обедали, я зашел еще раз в нашу контору и получил факс, пришедший на твое имя из вашего центра в Штатах. Надеюсь, ничего срочного.

Он достал из кармана и протянул мне сложенный листок бумаги. Я развернула его под желтоватым светом уличного фонаря:

«Первая стадия нашего проекта всерьез завершилась, начался подбор архивных данных для второй стадии. Пожалуйста, сообщите адрес очередной связи для возможного ознакомления вас с ходом нашего проекта. Начиная с завтрашнего дня с нашей группой можно будет связаться по верхнему номеру.

Отдел гарантии качества, ваш

Сэр Ричард Френсис Бартон, неутомимый исследователь и востоковед, был одним из любимых писателей моего детства. Я прочла все его сочинения и переводы, включая шестнадцать томов «Тысячи и одной ночи Шехерезады». Понятно, что это было послание от Сэма. Хотя мне трудно было обдумывать его содержание, стоя под уличным венским фонарем и ощущая на себе внимательный взгляд Вольфганга, несколько особенностей этого с виду официального сообщения сразу бросились мне в глаза.

Слова «всерьез завершилась» подсказали мне, что Сэм встретился со своим дедом, Серым Медведем, в резервации племени «Проколотые носы» в Лапуаи и узнал о своем отце Эрнесте — чье имя как раз и означает «серьезный» — нечто весьма важное, иначе, возможно, он не рискнул бы так неосторожно посылать мне сообщение. А второй существенной для меня подсказкой послужило само имя сэра Ричарда Бартона. Помимо прочих сочинений Бартон писал о путешествиях в экзотические места Аль-Медины, Мекки и к истокам Нила, а также описывал паломничество в «Святой Город», что отсылало меня к «Святым наших дней».

Таким образом, из этого факса я узнала, что завтра Сэм собирается уточнить нашу семейную историю в архиве еще одного знаменитого «соленого» местечка, американской версии Зальцбурга: Солт-Лейк-Сити, штат Юта.

ВИНОГРАДНИК

Исполняя пророчество богини (Кибелы), Дионис узнал от змеи пользу винограда. Вследствие чего изобрел он самый первый способ изготовления вина.

Я есмь истинная виноградная Лоза, а Отец Мой — Виноградарь.

И сказал Бог... Я полагаю радугу Мою в облаке, чтоб она была знамением завета между Мною и между землею.

И Я вспомню завет Мой... и не будет более вода потопом на истребление всякой плоти.

Ной начал возделывать землю, и насадил виноградник. И выпил он вина...

Попутру пойдем в виноградники, посмотрим, распустилась ли виноградная лоза, раскрылись ли почки, расцвели ли гранатовые яблони; там я окажу ласки мои тебе.

В сгустившихся сумерках мы с Вольфгангом оказались на пригородном шоссе, бегущем вдоль дунайских берегов. Темное барвинковое небо украсилось россыпью первых звезд; позади осталась

округлившаяся желтая луна, только что появившаяся над Веной.

Во время этой поездки мы в основном молчали. Я пребывала в каком-то эмоциональном истощении, но не могла закрыть глаза. Городские огни вскоре исчезли, и мы поехали, следуя спокойным и величественным курсом реки на запад, в сторону виноградной долины Вахау. Вольфганг вел машину с тем же отточенным изяществом, с каким катался на лыжах, а я вертела головой, посматривая в окна — то на блестящую спокойную поверхность широкого речного русла, то на подступавшие к самой дороге стайки домов с островерхими крышами, похожие на рассыпавшиеся по холмам домики хоббитов. Не прошло и часа, как мы прибыли в городок Кремс, где находился офис Вольфганга. Луна уже разгулиwała в небесной вышине и заливала своим светом окрестные холмы. Свернув с трассы, мы поднялись к стенам симпатичного городка с занятым набором побеленных строений, сборной солянкой разных стилей, проявившихся в ярком лунном свете: Ренессанс, готика, барокко и романский. Уже осталась позади центральная рыночная площадь, обрамленная местными дворцами и музеями, но, к моему удивлению, Вольфганг вновь начал петлять по каким-то извилистым улочкам, которые поднимались к незастроенным пригородным холмам, поросшим виноградниками. Я глянула на его профиль, четко вырисовывающийся в свете стремительно проносящихся мимо фонарей.

— Мне казалось, что первым делом ты намеревался заскочить в свой офис, чтобы уточнить план действий на завтра, — сказала я.

— Да, но мой офис находится в моем доме, — пояснил Вольфганг, не отрывая внимательного взгляда от дороги. — Уже близко, осталось всего несколько километров. Мы практически приехали. Шоссе сузилось, как будто истощило свой запас тротуаров, но мы продолжали подниматься по крутому склону, уводящему нас все дальше от реки и редких очагов обитания на ее берегах. Мы проскочили мимо небольшого сарая под грязной соломенной крышей, пристроившегося на склоне прямо у дороги, — в подобных строениях сборщики винограда хранят корзины и орудия и укрываются во время внезапных проливных дождей, весьма обычных в этих холмистых краях. За ним уже не было ничего, что напоминало бы о цивилизации, за исключением, разумеется, обширных возделываемых виноградников.

Когда мы забрались на вершину холма, виноградники внезапно закончились, и дорога уперлась в перекинутый через широкий ручей мост. Закрывшее луну облако не давало толком разглядеть очертания какой-то мощной и очень высокой каменной стены, перекрывающей проезд по другому берегу.

Вольфганг затормозил у моста и вышел из машины. Я уже было решила последовать его примеру, но вдруг где-то снаружи вспыхнул яркий свет, залил золотым потоком пейзаж, словно театральную сцену, раскинувшуюся под открытым небом. В каком-то трепетном удивлении я недоверчиво смотрела через ветровое стекло.

То, что я приняла за ограду очередной фермы, оказалось крепостной стеной с амбразурами, защищавшей древний австрийский Burg, то бишь замок, а ручей оказался наполовину заполненным водой крепостным рвом с покрытыми мхом гранитными стенами, которые наклонно спускались к поблескивающей водной поверхности. Над мостом в крепостной стене маячили деревянные ворота. Через их распахнутые створки я увидела просторный внутренний двор: над зеленым газоном высился раскидистый дуб, а за ним вырисовывались очертания настоящего средневекового замка.

Молча вернувшись в машину, Вольфганг на медленной скорости проехал по подъемному мосту в ворота. Он припарковался на газоне под дубом, прямо около старого каменного колодца. Выключив зажигание, он почти смущенно взглянул на меня.

— Это твой дом? — изумленно выдохнула я.

— Как это говорится: мой дом — моя крепость? — сказал он. — Но, честно говоря, изначально мне досталась лишь груда каменных развалин, которые, наверное, тысячу лет назад и представляли собой замок, вознесшийся над тем местом, которому в будущем суждено было стать городом Кремсом. Я потратил десять лет, а также львиную долю свободного времени и доходов, чтобы найти специалистов, способных помочь мне восстановить его. Не считая бригады этих строителей и Беттины, оценившей мою затею как безумие, ты первый человек, которого я привез сюда. Ну и как твое впечатление?

— Просто какая-то сказка! — воскликнула я и выбралась из машины, чтобы все хорошенько рассмотреть.

Вольфганг присоединился ко мне, когда я обходила двор, изучая его во всех подробностях.

Действительно, развалины старинных замков встречались в Германии и Австрии почти на каждом холме; они казались такими привлекательными и выглядели так потрясающе, что меня обычно удивляло, почему никто не возьмется за их реставрацию. Теперь я поняла, сколько усилий это могло потребовать. Даже камни для крепостной стены обтесывались и укладывались явно вручную. Когда Вольфганг, открыв двери замка, пропустил меня внутрь, я была потрясена еще больше.

Пройдя по полу, выложенному плиткой, я остановилась в центре большой круглой башни; стены ее вздымались ввысь, наверное, футов на шестьдесят, а сводчатый купол крыши казался звездным калейдоскопом ночного неба. Интерьер освещался множеством ярких светильников, сиявших, точно звездочки, в стенных нишах. Встроенная в объем этой башни металлическая конструкция поднималась с пола как некое абстрактное многоэтажное сооружение, поддерживая снизу замысловатые каменные выступы, напоминающие детские домики на деревьях. Каждый «домик» скрывался за изогнутыми внутренними стенами, отделанными вручную отполированными деревянными панелями теплых, хорошо подобранных оттенков. И в каждой одну из таких стен, выходящую в открытое центральное пространство, заменял прозрачный плексиглас, он служил живописным, слегка наклонным окном и подобно слуховым окошкам на скате крыши пропускал свет, проникающий через основной башенный купол. Чуть позже я заметила, что все комнаты соединяются незаметной из центрального помещения спиральной деревянной лестницей, проходящей по внутреннему кругу внешних стен. Общее впечатление было совершенно ошеломляющее.

— Здесь мне почему-то сразу вспомнились таинственные города-крепости, упомянутые Дакианом, — сказала я Вольфгангу. — Твое жилище похоже на волшебную пещеру, скрытую в недрах горы.

— И тем не менее днем здесь полно света, — заметил он. — Я застеклил все эти причудливые средневековые бойницы и оконные проемы и, как ты видишь, повсюду устроил наклонные прозрачные стены. Завтра, когда мы сядем здесь завтракать, все будет залито солнечным светом. — Мы разве останемся тут на ночь? — спросила я, пытаюсь подавить волнение, вызванное такой перспективой.

— Я был уверен, что ты слишком вымотаешься сегодня, чтобы возвращаться на ночь глядя к дядюшке Лафкадио, — сказал Вольфганг. — К тому же мой дом находится совсем рядом с монастырем, в который мы собирались заехать завтра утром.

— Отлично, — сказала я. — Если только это не слишком обременит тебя.

— Все в порядке, — заверил он. — Я заказал легкий ужин в маленькой гостинице, рядом с ближайшими виноградниками. Оттуда открывается отличный вид на реку. Но сначала я хочу показать тебе свой замок, если, конечно, у тебя есть желание.

— Желание? Да я мечтаю об этом! — воскликнула я. — Мне еще не приходилось видеть ничего подобного.

Вымощенный плитками нижний этаж круглой в плане башни был примерно сорок пять футов в диаметре. В центре находилось что-то вроде столовой с низким дубовым столом, окруженным мягкими креслами. Дальше от входа располагалась кухня, отделенная от столовой стеллажом, на полках которого стояли разнообразные баночки с пряностями и посуда. Вдоль кухонной стены тянулись поверхности крепких деревянных столов, а между ними красовалось что-то типа очага или камина с каменной трубой, встроенной во внешнюю стену башни, как обычно и бывало в средневековых замках. Поднимающаяся вдоль внешней стены лестница привела нас на второй жилой ярус, в библиотеку.

Более просторная, чем верхние комнаты, библиотека занимала половину круга и также поддерживалась металлическими конструкциями, надежно закрепленными на внешних стенах башни. В каменную стену был вделан большой камин, в котором уже лежали заготовленные поленья и растопка. Вольфганг опустился перед ним на колени, открыл дымоход и с помощью длинной соломины развел огонь.

Перед камином стоял кожаный диван с кучей подушек и заваленный книгами журнальный столик, по форме напоминающий бумеранг. Весь пол устилали толстые турецкие ковры спокойных оттенков. И хотя в библиотеке не наблюдалось никаких книжных шкафов, книги были повсюду: на массивном письменном столе в стиле «бидермейер», оснащенный также разнообразными письменными принадлежностями, документами и свитками, и на всех остальных столах, стульях и даже на коврах этого зала.

Следующий пролет винтовой лестницы привел нас на третий ярус, где находилась отведенная мне спальня с большой удобной кроватью, гардеробом, диванчиком и смежной с ней ванной комнатой. Две комнаты четвертого яруса явно отличались многофункциональным назначением и могли служить спальней, гостиной или кабинетом. Судя по обилию в одной из них исследовательских материалов, документов, компьютерной техники и прочего оборудования, логично было предположить, что именно здесь и находится так называемый офис Вольфганга. В каждом жилом помещении имелось несколько длинных узких окон, из которых хорошо просматривался большой, поросший травами внутренний двор крепости.

В верхнем ярусе, прямо под куполом, разместились спальня апартаментов Вольфганга, предметом гордости которых, как и в моих комнатах, служила большая ванная комната. Но во всех прочих отношениях они были совершенно особенные. Оторванные почти на пятьдесят футов от земли, они представляли собой замкнутый в кольцо балкон примерно дюжину футов в ширину, примыкавший к внешним стенам так, что в центре оставалось открытое пространство более двадцати футов в

диаметре, а по его краю проходила защитная деревянная ограда, отполированная вручную. Сейчас, поздним вечером, благодаря отраженному струящемуся снизу свету встроенных в стенные ниши ламп и более мягкому внутреннему освещению застекленных нижних комнат создавалось такое впечатление, будто мы парим где-то в облаках.

Мы прошлись по этому кольцевому балкону, и мне удалось рассмотреть его во всех подробностях. С одной стороны находилась поднятая платформа кровати, с другой — что-то вроде гостиной с креслами и гардеробом, а между ними красовалась длинная медная труба телескопа, устремленная в небо.

Там, где сводчатые каменные стены начинали выдаваться наружу, их опоясывал ряд стрельчатых бойниц, из которых когда-то осажденные обитатели сбрасывали тяжелые камни на своих врагов. В эти бойницы Вольфганг вставил оконные рамы, створки которых открывались внутрь и могли закрываться ставнями.

Потолок здесь был намного выше, чем в комнатах нижних ярусов. Балкон располагался прямо под массивными балками, перекрещивающими застекленный купол. Как заметил Вольфганг, в дневное время благодаря этой грандиозной стеклянной крыше вся башня хорошо освещалась. Но сейчас великолепное звездное море ночного неба смотрелось как гигантская перевернутая чаша, из которой изливалась на нас свое сияние вся усыпанная звездами вселенная. Это было поистине сказочное место. — Когда я бываю здесь, — сказал Вольфганг, — то иногда, лежа ночью на кровати, пытаюсь представить, что чувствовал Одиссей, заблудившийся и странствовавший так много лет, когда порой его единственными спутниками были тишина необъятных просторов и холодное, неподвижное безразличие звезд.

— Но если бы ты лежал очень тихо, то, вероятно, мог бы услышать пение созвездий — музыку сфер.

— Я предпочитаю человеческие голоса, — сказал Вольфганг.

Он взял меня за руку и провел по балконным комнатам. Подойдя к наружной стене, он открыл одно из окон, впустив струю свежего, холодного воздуха, долетающего из речной долины. Потом он выключил уличные фонари, освещавшие крепостные стены и внутренний двор, и стало возможно увидеть окрестные просторы. Мы стояли рядом и смотрели на мерцающие огоньки, пробегающие по грядам холмов, и на более удаленную двойную змеиную дорогу фонарей, пунктиром очерчивающих Дунай. Серебристые лунные дорожки разбегались по речной глади, отлично подсвечивая поверхность глубоких и темных вод. В этом волшебном месте впервые за последние недели на меня вдруг снизошло какое-то умиротворение.

Вольфганг повернулся и положил руки мне на плечи. На фоне ночного мерцания его глаза преломляли свет, словно полупрозрачные аквамариновые кристаллы. На нас медленно накатывала большая волна; я явственно слышала, как ее рокот перерастает в рев. Наконец Вольфганг сказал:

— Зачастую мне трудно даже смотреть на тебя. Ты поразительно похожа на нее, совершенно потрясающе.

Похожа на нее! Интересно, что бы это могло значить?

— В детстве мой отец как-то раз взял меня посмотреть на нее. — По-прежнему спокойно держа руки на моих плечах, Вольфганг устремил взгляд в речную даль и словно унесся в какую-то далекую страну. — Я помню, как она пела «Das himm-lische Leben»[52] Малера. А потом отец повел меня за кулисы, и я подарил ей маленький цветок, а она взглянула на меня такими глазами... — произнес он

странным сдавленным голосом. — Твоими глазами. Когда я впервые увидел тебя в Айдахо, закутанную и похожую на полярного медведя, я видел лишь твои глаза, и они оковали меня. Святое дерьмо! Ну надо же такому случиться! Неужели мужчина, которым я одержима, любит мою бабушку? Учитывая события прошедшей недели, лучшим способом для собственного исцеления мне представилось незамедлительное катапультирование из этой бойницы, подобное вылету средневекового ядра. Но ситуация осложнялась еще и тем — и тут уж я была совершенно бессильна, — что моя чертовски горячая ирландско-цыганская кровь вновь залила мои щеки предательским румянцем. Я резко отвернулась от Вольфганга, и его руки упали с моих плеч. — Что случилось? — удивленно спросил он, разворачивая меня обратно, прежде чем я успела овладеть своими чувствами.

Заметив выражение моего лица, он явно смутился.

— Пойми, это не то, что ты думаешь, — серьезно сказал он. — Тогда я был всего лишь маленьким мальчиком. Разве мог я чувствовать тогда то, что чувствую сейчас как взрослый мужчина? — Он пробежался пальцами по волосам и расстроено добавил: — Ариэль, мне никак не удастся выразить тебе свои чувства. Если бы я только мог...

Тут он схватил меня за руки выше локтя, и я задохнулась от обжигающей боли, прострелившей руку. Мое лицо невольно сморщилось.

Вольфганг мгновенно отпустил меня.

— Что с тобой? — встревоженно спросил он.

Я осторожно коснулась заштопанной руки и улыбнулась сквозь пелену слез.

— О господи! — воскликнул он. — Тебе еще не сняли швы?

— Мне должны были снимать их вчера утром, — сообщила я, глубоко вздыхая и стараясь усмирить пульсирующую боль. — Но в назначенное врачом время мы вылетали из Юты.

Если бы ты сказала раньше, то мы нашли бы специалиста в Вене. Но ты же понимаешь, что швы все-таки необходимо снять. Даже если они растворятся, это может грозить заражением или еще того хуже. До отъезда в Россию у нас очень плотное расписание. Хочешь, я сам сниму тебе швы? Прямо сейчас?

— Сам? — ужаснулась я.

— О боже, если бы ты сейчас видела свое лицо! — со смехом сказал Вольфганг. — У меня здесь есть все необходимое: дезинфицирующие средства, мази, пинцеты и ножницы. На самом деле это элементарная процедура. В школьные годы я хорошо попрактиковался в клинике, у мальчишек вечно бывали какие-то шрамы и швы, и мне приходилось не только снимать, но даже накладывать их. Так что поверь, я делал это сотни раз. Но сначала надо принести наши вещи из машины, чтобы позже с ними не возиться. А потом я быстро приготовлю на кухне все, что нужно для этой маленькой процедуры.

Открыв дверь ближайшего шкафа, он вытащил толстый и мягкий банный халат.

— Вот, переоденься пока, чтобы не испачкать одежду, — сказал он. — А потом спускайся и подожди меня в библиотеке. Должно быть, там уже потеплело. К тому же она ближе к кухне, и света там больше всего, — добавил он, начиная спускаться по лестнице.

Уж не знаю, каким я воображала этот вечер, но «Я люблю твою бабушку», сменившееся «Хочешь, я сам сниму тебе швы?», точно не было тем направлением, в каком могли бы развиваться мои мысли.

С другой стороны, это поможет мне забыть о страстях и треволнениях прошлой недели. Более того, процесс снятия швов обеспечит мне временное пространство для осознания того факта, что отношения этого, столь привлекательного для меня человека с моими родственниками, видимо, были более близкими, чем пока со мной.

Я зашла в его ванную комнату, сняла теплое шерстяное платье и изучила в зеркале багровеющий разрез, что поднимался от локтя к плечу, скрепленный поперечинами четырнадцати черных стежков. От недавних слез у меня припухли глаза и покраснел кончик носа. Я чувствовала себя какой-то развалиной.

Взяв деревянную массажную щетку, я несколько раз провела ею по волосам, сполоснула лицо водой, облачилась в пушистый халат и спустилась вниз.

В библиотеке уже бодро потрескивал огонь, распространяя вокруг аромат сосновых шишек. Подойдя к бидермейерскому столу, я пробежала пальцами по высившейся там стопке книг. Одна из них выглядела редкой и старой, ее прекрасно выделанный мягкий кожаный переплет с золотым тиснением почти совпадал по цвету с желтовато-маслянистым оттенком ближайшего дивана. Из этого фолианта торчала закладка. Я вытащила его из стопки и открыла.

Первую страницу украшало название:

Legenda Aurea

Золотая легенда: Жития святых

Толкование Якоба де Вореня

1260A. D.[53]

Жития сопровождалось многочисленными позолоченными иллюстрациями, изображавшими мужчин и женщин в сценах ужасных пыток или мучительных страданий. Я открыла заложенные страницы: святым под номером 146 был святой Джером. С удивлением я узнала, что по-латински его имя произносится Иероним, как у того человека, которого я до сегодняшнего дня считала отцом моего отца.

Помимо его известности как исследователя священных писаний и создателя Вульгаты — канонического перевода Святого Писания, признанного Римско-католической церковью пятнадцать столетий назад, во времена царствования императора Феодосия, святой Иероним, подобно своему легендарному римскому предшественнику Андроклу, исцелил лапу раненого льва. Это вызвало у меня смутные воспоминания о чем-то сказанном сегодня Дакианом. Хотя пока я не могла уловить четкую связь.

Но тут появился Вольфганг с подносом, нагруженным медикаментами, склянкой с отмокающими в спирту хирургическими инструментами, бутылкой коньяка и коньячной рюмкой. Он уже закатал рукава рубашки, избавился от галстука и расстегнул воротник. Через руку у него было перекинута несколько чистых полотенец. Он поставил поднос на низкий столик перед диваном, где я успела расположиться. Пришлось отложить книгу. Заметив ее, Вольфганг с улыбкой сказал:

— А-а, немножко легкого средневекового чтения в качестве подготовки к собственным мучениям?

Он подтащил поближе к дивану торшер, расстелил на диванных подушках полотенца и сам устроился рядом со мной. Потом сделал неуловимое движение, после чего мой кушак развязался и халат, под которым было лишь необременительное нижнее белье, распахнулся. Бросив взгляд на мое лицо, Вольфганг сухо усмехнулся.

— Уж не хочешь ли ты, чтобы я проводил операцию с закрытыми глазами? — спросил он с шутливой вежливостью, извлекая мою руку из рукава и вновь благоразумно прикрывая меня халатом. — Так, для начала профессор Хаузер произведет осмотр.

Он поднес мою руку к свету и тщательно осмотрел рану. Он сидел так близко, что до меня доносился исходящий от него аромат хвойно-цитрусового одеколona. Но тут я обратила внимание на выражение его лица.

— К сожалению, должен сказать, что выглядит это ужасно, — сказал он. — Твоя рука зажила слишком быстро, рана практически срослась. Необходимо срочно удалить все швы. Но к несчастью, это займет немного больше времени, чем я ожидал, и будет несколько болезненнее, чем я думал. Нужно удалять швы очень осторожно, чтобы рана вновь не открылась. Выпей коньячку. Если боль будет слишком сильной, сожми зубами полотенце.

— А может, все-таки не стоит делать этого сегодня? — с надеждой спросила я.

Вольфганг непреклонно покачал головой. Он мягко положил мою руку и, налив из графина изрядную порцию коньяку, протянул мне рюмку.

— Послушай, я принес достаточно полотенце, чтобы покрыть тебя, но тебе придется повернуться на бок и предоставить мне удобное поле действий. Для начала выпей немного, это поможет.

Меня слегка мутило от страха, но я проглотила коньяк. Потом улеглась на полотенца, расстеленные на диване, мягкостью не уступавшем убаюкивающим материнским объятиям, и позволила Вольфгангу укрыть меня остальными полотенцами. Он осторожно развернул к себе мою руку. Я зажмурилась; огонь в камине так распалился, что жар согревал даже мои веки. Нужно было постараться успокоиться.

Сначала, пока антисептик лился мне на кожу, боль казалась незначительной, но ее значительность быстро возросла. После первого легкого щипка пинцетом мне почему-то подумалось о том, что чувствует рыба, заглотнувшая острый крючок. Вероятно, она испытывает не сильную боль или даже страх, а смутное ощущение того, что может произойти нечто ужасно странное.

Первый дергающий рывок лишь царапнул меня, как гвоздь по стеклу. Но поверхностная боль, постепенно нарастая, пробиралась вглубь. Я постаралась не дрожать, чтобы не осложнять и без того сложную процедуру, однако вскоре тупая пульсирующая боль стала почти невыносимой. Лежа с закрытыми глазами, я чувствовала, как под веками скапливаются жгучие слезы. Для укрепления мужества я делала глубокий вдох перед каждым новым укусом пинцета.

Прошла, казалось, целая вечность, прежде чем эти укусы прекратились. Я открыла глаза, и сдерживаемые до той поры слезы заструились по моим щекам на полотенца, покрывающие диван. Зубы мои все еще были стиснуты от боли, а живот вообще свело. Я понимала, что если открою рот, то просто разрыдаюсь. Вновь глубоко вдохнув, я медленно выдохнула.

— Первый стежок оказался очень трудным, но мне удалось чисто удалить его, — сказал Вольфганг.

— Только первый! — запротестовала я, пытаюсь приподняться на здоровой руке. — Может, нам лучше сразу отрубить мне руку, чтобы больше не мучиться?

— Дорогая, мне совсем не хочется мучить тебя, — заверил он меня. — Но надо пройти через это испытание. И тогда все будет хорошо.

Вольфганг поднес бренди к моим губам. Сделав большой глоток, я слегка задохнулась. Он вытер пальцем мои слезы и молча проследил, как я выпила еще немного, а потом забрал у меня рюмку.

— Ты знаешь, как наша мама обычно успокаивала в детстве нас с Беттиной, смазывая йодом наши ссадины? Она говорила: «Подуем, поцелуем, и быстро все пройдет».

Склонившись, Вольфганг коснулся губами первого издерганного пинцетом места. Закрыв глаза, я почувствовала, как приятное тепло расходится по руке.

— Сработало? — тихо спросил он. Я молча кивнула, и он добавил:

— Тогда каждый стежок получит по поцелую. А теперь давай закончим испытание.

Я опять опустилась на диван, готовясь к новым мучениям. Удаление каждого стежка неизменно сопровождалось мучительной болью, пинцет осторожно вытаскивал нить из кожи, а потом резкий лязг ножниц сообщал мне о выдергивании очередного стежка. После удаления каждой скрепки Вольфганг склонялся и целовал уязвленное место. Я пыталась считать поцелуи, но минут через пять или десять уже готова была поклясться, что из меня извлекли три десятка или даже три сотни стежков вместо оставшихся тринадцати. И все-таки его поцелуи каким-то таинственным образом облегчали мои мучения.

Завершив пытку, Вольфганг слегка помассировал мою руку, и восстановившийся кровоток приглушил боль. Потом он продезинфицировал рану какой-то жидкостью с приятным запахом. После этого я наконец поднялась и села рядом с ним. Он помог мне продеть руку обратно в рукав и завязал кушак халата.

— Уверен, что ты пережила массу чертовски неприятных ощущений. Последнюю неделю ты не раз доказывала свою смелость, дорогая, но только что выдержала совершенно особенное испытание, — похвалил он меня, приобнимая за здоровое плечо. — Сейчас всего лишь начало восьмого, так что при желании ты вполне успеешь принять ванну или отдохнуть до того, как мы соберемся на ужин. Ну, как ты себя ощущаешь?

— Нормально, только устала.

Я действительно была бы не прочь принять ванну, если бы для этого не надо было совершать никаких телодвижений.

Вольфганг смотрел на меня с озабоченностью, но в его взгляде было еще какое-то непонятное выражение. Я и вправду слегка опьянела от коньяка, усиленного дозой природных эндорфинов, высвободившихся за полчаса ноющей и жгучей боли.

Вновь откинувшись на подушки, я попыталась прийти в себя. Вольфганг задумчиво вертел в пальцах прядь моих волос. После продолжительного молчания он заговорил с таким видом, словно только что убедил в чем-то сам себя.

— Ариэль, я понимаю, что, вероятно, сейчас неподходящее время, но я не знаю, когда наконец наступит то самое, подходящее. Если не сейчас, то, возможно, уже никогда... — Он умолк и закрыл глаза. — О боже, не представляю, как мне действовать. Пожалуй, стоит глотнуть коньяка.

Он перегнулся через меня, взял мою рюмку с оставшейся приличной порцией горячительного и одним глотком допил его. Поставив рюмку обратно на стол, он повернулся и взглянул на меня бездонными бирюзовыми глазами.

— Когда я впервые увидел тебя при входе в научно-техническое крыло вашего ядерного центра... ты услышала, что я сказал, проходя мимо тебя?

— Боюсь, что не совсем, — сказала я.

И живо припомнила, как мне послышалось, что он прошептал что-то вроде «очаровательно» или

«потрясающе» — в общем, нечто почти неприменимое к тому, как я представляла или ощущала себя сейчас. Но я и думать не могла, как будут развиваться события дальше.

— Я сказал тогда: «чистый восторг». В тот же момент мне чертовски захотелось отказаться от всего этого задания. И уверяю тебя, даже сейчас кое-кто предпочел бы, чтобы я поступил именно так. Ты поразила меня, как... даже не знаю, как лучше объяснить... точно мгновенно сразила стрелой в самое сердце. Я полагаю, ты простишь мне такое неуклюжее признание.

Он умолк, а я в полнейшем смятении резко поднялась с дивана. Опять мне, трусихе, не осмеливающейся проехать на лыжах по целине, волей-неволей предлагалось прыгнуть еще с одной опаснейшей вершины. Я почувствовала легкую панику и попыталась подавить ее. Может, голова у меня и была как в тумане, но не нужно было обладать умом Альберта Эйнштейна, чтобы понять, чего именно я надеялась прямо сейчас дожидаться от Вольфганга и какие вполне определенные желания охватывали его самого.

Я пыталась рассуждать разумно. Какой еще мужчина мог бы уговорить меня облететь половину земного шара и пригласить переночевать в его собственный замок? Какой еще мужчина мог бы смотреть на меня так, как Вольфганг смотрел прямо сейчас, не замечая того, какая я взъерошенная, грязная и вымотанная после путешествия и треволнений целого дня, и даже хотеть меня? От какого еще мужчины мог исходить тот опьяняющий аромат кожи, сосны и цитруса, в котором мне невольно хотелось раствориться и утонуть? Почему же тогда, во имя всего святого, я пытаюсь все усложнить? Но в глубине души, разумеется, я отлично знала почему.

Вольфганг стоял прямо передо мной, но не касался меня. Он посмотрел на меня тем рентгеновским взглядом, что оказывал на меня такое же разрушающее воздействие, как криптонит на Супермена: слабость в коленках и пустота в голове. Наши губы почти соприкасались.

Не сказав больше ни слова, он прижал меня к себе и зарылся рукой в мои волосы. Наши губы соединились. Своим поцелуем он словно хотел выпить мою душу, смыть все тревоги из моей головы, но нежная страстность его губ всколыхнула во мне глубинные чувства. Соскользнувший халат окутал мои голые ноги. Вольфганг слегка прикусил мне плечо, а его руки ласкали мое тело, осторожно освобождая меня от нижнего белья. Я перестала дышать.

— Я боюсь, — отстранившись, прошептала я. Вольфганг взял мою руку и поцеловал ладонь.

— А ты думаешь, я не боюсь? — спросил он, серьезно глядя на меня. — Но давай будем смотреть только в будущее, Ариэль. Не оглядывайся назад.

«Не оглядывайся назад»... С легким страхом я подумала, что таково было единственное условие, поставленное богами Орфею перед его путешествием в подземный мир ради освобождения его драгоценной возлюбленной Эвридики.

— Мне не на что оглядываться, — солгала я и опустила глаза, но слишком поздно.

— О нет, есть на что, любовь моя, — сказал Вольфганг, приподнимая к себе мое лицо. — Ты оглядываешься на ту тень, что стоит между нами с самой первой встречи, — на тень твоего покойного кузена Сэма. Но сегодня, я надеюсь, она растает и ты больше никогда не будешь оглядываться назад.

Отлично, назовите меня идиоткой. В сущности, я и сама думала, что в тот вечер могу слегка тронуться умом. Вольфганг разбередил другую рану, совсем не похожую на шрам, затягивающийся у меня на руке. Та давняя рана притаилась глубоко внутри и так незаметно кровоточила, что я даже не

осознавала, насколько она болезненна. Эта незалеченная травма, которую я умудрилась так глубоко запрятать от самой себя, заключалась в том, что мое отношение к Сэму, возможно, слегка выходило за рамки братской любви. И кем же я оказалась в такой ситуации? Изрядно смущенной ядерной дурочкой.

Однако эти противоречивые, раздирающие мне душу чувства — как и все прочие — были по крайней мере частично забыты в тот вечер благодаря тому, что Вольфганг открыл во мне нечто совершенно новое. Ничего подобного в себе я раньше даже не подозревала. Когда наши тела в пылу страсти слились воедино, во мне родилась острая и томительная любовная жажда, и она усиливалась и обострялась с каждым новым движением, проникая в мою кровь, словно наркотик. С какой-то изголодавшейся одержимостью мы взаимно подпитывали воодушевление друг друга, пока я не начала дрожать от полного истощения сил.

Наконец Вольфганг замер, прижавшись лицом к моему животу, и мы продолжали неподвижно лежать на мягком турецком ковре перед камином. В мерцающем свете углей влажно поблескивала наша кожа, а его крепкое мускулистое тело отливало бронзой. Моя рука скользнула вниз по его спине к талии, и он невольно вздрогнул.

— Пожалуйста, Ариэль! — Он поднял взлохмаченную голову и с усмешкой глянул на меня. — Надеюсь, ты хорошенько подумала, прежде чем начать снова дразнить меня. Ты же настоящая колдунья, опутавшая меня своими чарами.

— А по-моему, волшебная палочка является твоим атрибутом, — со смехом заметила я.

Вольфганг откинулся назад и, встав на колени, поднял меня с ковра. В камине догорали тлеющие угольки. Несмотря на наши недавние упражнения, в комнате ощутимо похолодало.

— Кто-то должен сохранить остатки благоразумия, хотя бы ненадолго, — сказал он, накидывая халат мне на плечи. — Тебе нужно немного отдохнуть и расслабиться.

— Твоя последняя терапия, по-моему, оказала на меня замечательное воздействие, — заверила я его. Вольфганг покачал головой и улыбнулся. Поднявшись с ковра, он подхватил меня на руки и отнес в ванную комнату за моей спальней, где посадил меня на стул и набрал в ванну горячую воду. Он щедро растворил в воде душистые минеральные соли, потом принес для нас чистую одежду и положил рядом с ванной. Когда мы погрузились в ароматную воду, Вольфганг намочил большую губку и начал выжимать ее, поливая ручьями мои груди и спину.

— Я не представлял, что на свете существуют такие соблазнительные особы, — сказал он, целуя сзади мои плечи. — Но полагаю, что нам пора вернуться на землю. Сейчас всего лишь начало девятого. Ты, наверное, проголодалась?

— Ужасно, — призналась я, внезапно почувствовав сильный голод.

В общем, закончив принимать ванну, мы быстро вытерлись, облачились в теплые вещи и прошли через виноградники к ресторанчику, который, как и было сказано, смотрел на реку. Когда мы вошли туда, в камине весело потрескивал огонь.

Мы заказали горячий суп, салат из свежей зелени и французское блюдо *raclette* — отварной картофель с острым плавленым сыром и хрустящими маринованными огурчиками. Собрав подливку с тарелки кусочками хрустящего хлеба, мы облизали друг другу пальцы, по которым стекал огуречный сок, и запили все это превосходным сухим рислингом.

Уже в начале одиннадцатого мы побрели обратно вверх по дороге между виноградниками. Ключья

поднимавшегося от реки тумана, точно призраки, слонялись по рядам подвязанных виноградных лоз, на которых начали проклевываться ростки новой жизни. Воздух еще звенел от холода, но от земли уже исходил тот особый влажный и острый вечерний запах, возвещавший приход весны. Ставив с меня перчатку, Вольфганг завладел моей рукой, и, как обычно, от его прикосновения меня всю обдало жаром. Он улыбнулся мне, и мы двинулись дальше к дому, но именно в тот момент пелена тумана закрыла луну, погрузив нас в темноту.

Мне вдруг послышалось, что где-то за нами, чуть ниже на склоне, хрустнула ветка под чьей-то ногой. Сама не знаю почему, я вдруг жутко испугалась. Остановившись, я высвободила руку и прислушалась. Кто мог гулять в такой глуши поздно вечером?

Рука Вольфганга сжала мое плечо: он тоже слышал шаги.

— Подожди здесь и не волнуйся, — тихо сказал он. — Я сейчас вернусь.

Не волноваться?! Я была в панике, но его уже поглотила тьма.

Притаившись между двумя виноградными рядами, я напряженно вслушивалась в ночные звуки, как учил меня Сэм. Например, именно сейчас я уже различала отдельные призывы дюжины разных насекомых и тихий шум реки, медленно несущей воды по дну долины. Но к этим звукам природы подмешивался шепот двух разных мужских голосов. До меня доносились лишь обрывки разговора: кто-то произнес слово «она», а потом я слышала слово «завтра».

Я во все глаза таращилась в темноту, и тут вдруг ветер отогнал туманную завесу и склон холма оказался залит серебристым лунным светом. В двадцати ярдах ниже того места, где я пряталась, маячили рядом две мужские фигуры, слегка скрытые рядами виноградника. Одна из них явно принадлежала Вольфгангу. Когда я встала, он увидел меня, помахал рукой, а потом, отделившись от своего собеседника, пошел мне навстречу. Я мельком глянула на таинственного преследователя. Лица его я не разглядела даже в лунном свете — оно было скрыто полями помятой шляпы, но когда этот низкорослый тип пошел вниз по склону, что-то в его походке и пружинистых движениях показалось мне странно знакомым...

Тут как раз ко мне подошел Вольфганг. Он обхватил меня за талию и, приподняв, закружил в воздухе. Потом опустил на землю и запечатлел на моих губах долгий поцелуй.

— Если бы ты могла видеть себя сейчас, в этом серебристом свете! — сказал он. — Ты невероятно красива. Прямо не верится, что ты настоящая и что ты моя.

— Кем оказался наш преследователь? — спросила я. — Вроде бы он мне знаком.

— О, вовсе нет, это мой сторож Ганс, — ответил Вольфганг. — Он работает в соседнем городке и каждый вечер на обратном пути проверяет мой дом. Правда, обычно он появляется здесь пораньше. Но как раз сегодня, когда он уже вернулся, ему сказали, что в замке горит свет. Вот он и решил зайти еще раз перед сном и проверить, все ли в порядке. Наверное, мне стоило сообщить ему о моем приезде, поскольку он не привык, что я принимаю гостей.

Глянув на меня с высоты своего роста, Вольфганг покровительственно положил руку мне на плечо, и мы продолжили нашу прогулку.

— А теперь, моя дорогая маленькая гостья, — добавил он, заключив меня в объятия, — я полагаю, нам тоже пора отправиться в кровать... хотя спать вовсе не обязательно.

Но со временем мы, конечно, уснули — правда, уже глубоко за полночь — в уютной, убаюкивающей мягкой кровати Вольфганга под стеклянным куполом, под раскинувшимся над нами небесным

пологом. Романтическая ночная одиссея бурной страсти определенно освежила мои мысли, не говоря уже о всем теле. Я окончательно успокоилась, хотя не имела ни малейшего понятия, что день грядущий мне готовит, как, впрочем, и вся остальная жизнь.

Вольфганг в полном изнеможении откинулся на подушки, протянул руку поперек моей груди и поигрывал пальцами в моих раскинувшихся по плечам волосах, пока его не сморил спокойный и здоровый сон. Я лежала на спине и вглядывалась в усыпанное звездами полночное небо. Прямо над головой посверкивало созвездие Ориона, «цыганская прародина» Дакиана, а в центре этих небесных песочных часов — Орионов пояс с тремя яркими звездами: Каспар, Балтазар и Мельхиор.

Последним моим осознанным воспоминанием при взгляде на гигантского млечного змея, проползавшего по небу мимо Ориона, была рассказанная мне Сэмом легенда о происхождении Млечного Пути: древние полагали, что это струя молока, пролившегося из груди праматери богов Реи. Мне вспомнился и тот первый раз, когда я осталась на всю ночь, чтобы увидеть его, ту ночь много лет назад, когда Сэм отправился на поиски тива-титмас, своего индейского тотема. И уже бессознательно я еще раз провалилась в прошлое...

Было далеко за полночь, но еще не рассвело. Мы с Сэмом бодрствовали всю ночь, поддерживая огонь в костре и ожидая тотемных духов. Последний час мы просидели рядом друг с другом совсем тихо, скрестив ноги на земле и соединив лишь кончики пальцев в надежде, что до рассвета Сэм все-таки увидит то, что пытался увидеть вот уже пять лет подряд. Низко над горизонтом на западе висела луна, и угольки костра едва тлели.

И тогда я услышала что-то странное. Может, я и ошиблась, но мне показалось, как будто кто-то дышит где-то рядом. Я напряглась, но Сэм сжал мои пальцы, предупреждая, чтобы я не шевелилась. Я перестала дышать. Странное дыхание раздалось совсем близко, прямо за ухом: громкий хищный звук, приносивший какой-то жутко дикий, теплый и резкий запах. Спустя мгновение краем глаза я заметила легкое движение. Мой застывший взгляд устремился вперед, я боялась шевельнуть даже ресницами, хотя сердце бешено колотилось. Когда это движущееся пятно появилось в поле зрения, я едва не потеряла сознание от потрясения: это был взрослый кугуар — горный лев! — всего в нескольких футах от меня.

Сэм сильнее сжал мои пальцы, поддерживая мою смелость, но я просто окаменела от страха. Даже если бы я захотела встать на ноги, то они вряд ли удержали бы меня. Да и вообще было понятно, что все мои желания сейчас бессмысленны. Дикая кошка медленной скользящей поступью обошла вокруг нас, почти беззвучно, если не считать ее ровного горлового дыхания, напоминавшего мурлыканье. Потом она остановилась около угасающего костра и, медленно и грациозно повернувшись, посмотрела прямо на меня.

И тут началось нечто невообразимое. Раздался какой-то треск в кустах на дальнем конце поляны. Кугуар с сомнением оглянулся на этот звук. Сэм опять сжал мои пальцы, а из подлеска вдруг вывалилась темная тень и, покачиваясь, протопала в круг: это был медвежонок!

Резко фыркнув, кугуар направился к нему. Неожиданно из кустов на поляну выкатилась огромная медведица. Одним взмахом лапы она отбросила детеныша себе за спину и поднялась на задние лапы — огромный темный силуэт, очерченный лунным светом. Пораженный кугуар вильнул в сторону и, сделав мощный прыжок, растворился в темном лесу. Мы с Сэмом сидели окаменев, а медведица медленно опустилась на все четыре конечности и двинулась к нашему кругу с угасающим костерком.

Она спокойно обнюхала мой рюкзачок, пошуровала в нем лапой и выудила яблоко. Ухватив его зубами, она отошла назад и отдала добычу медвежонку. Потом, подталкивая его носом перед собой, удалилась вместе с ним в лесную чащу.

Следующие полчаса мы с Сэмом провели в полном молчании, и наконец чернота неба начала рассеиваться. Он пошевелился, пожал мою руку и прошептал:

— Мне Умница, что ты тоже познакомилась этой ночью со своим тива-титмасом. Кого бы тот лев ни искал, он, конечно же, нашел верного человека — Ариэль, Львиное Сердце.

— А к тебе тоже пришли твои тотемные медведи! — взволнованно прошептала я.

Встав и подняв меня на ноги, Сэм покровительственно заключил меня в медвежьи объятия.

— Мы вместе вошли в этот магический круг, Ариэль, и мы вместе увидели их — Льва и Большую Медведицу с Медвежонком. Ты понимаешь, что это значит? Наши тотемы пришли показать нам, что они действительно наши. На рассвете мы укрепим наши узы, смешав наши кровные соки, как делают кровные братья. И тогда для нас обоих начнется совершенно другая жизнь, — заверил он меня. — Вот увидишь.

Да, жизнь действительно изменилась, как и обещал Сэм. Только та история произошла почти восемнадцать лет назад, а сегодня в постели Вольфганга, под вращающимся небесным кругом, мой тотем впервые опять посетил меня во сне.

Проваливаясь обратно в предрассветный сон, я подумала, что уловила верную связь между святым Иеронимом и его раненым львом. Как заметил вчера Дакиан, созвездие, расположенное на зодиакальном круге напротив созвездия «правлящего» дома каждой эпохи, считалось в древности его символическим соправителем, и подобно этому Дева Марии обладала равным знаковым влиянием с Рыбами Христа. И я знала, что напротив Водолея в зодиакальном круге находится Лев, поэтому, возможно, моя тотемная львица явилась ко мне во сне, чтобы еще раз утащить меня в тот магический круг.

Проснувшись утром, я долго не могла понять, что на самом деле это не тот рассвет, который мы встречали на вершине горы с Сэмом. Я была одна в кровати на верхнем балконе замка Вольфганга, в окружении подушек под теплым ватным одеялом, а солнце уже всю заливало его апартаменты. «Сколько же сейчас времени? Неужели я проспала все на свете?» — испуганно подумала я, приподнимаясь с постели.

Вскоре появился Вольфганг в широких брюках и мягком сером кашемировом свитере. Он притащил уже знакомый мне по вчерашнему вечеру поднос, теперь нагруженный чашками и тарелками, ковшиком с горячим шоколадом и корзинкой с булочками и горячими рогаликами. Когда Вольфганг присел на край кровати и налил какао, я схватила румяную хрустящую булочку.

— Итак, какая у нас на сегодня программа? — спросила я. — Вчера вечером нам так и не удалось обсудить наши планы.

— В Ленинград мы вылетаем в пять часов вечера, а монастырь в Мельке открывается в десять утра — то есть до его открытия еще чуть больше часа, — и мы сможем посвятить нашим изысканиям несколько часов до отъезда в аэропорт.

— А Зоя хоть намекнула, что именно нам надо найти?

— Какое-то связующее звено к тем документам, которые так надежно запрятала твоя мудрая бабушка, — сказал Вольфганг. — Из обширной коллекции средневековых манускриптов

монастырской библиотеки Мелька мы сможем выудить концы порванной нити.

— Но если в монастырской библиотеке так же много книг, как в той, где мы были вчера, то сможем ли мы всего за несколько часов найти там неизвестно что? — спросила я.

— Как и твои родственники, я надеюсь, что именно ты найдешь, что нам нужно.

Пришлось удовлетвориться пока загадочным ответом Вольфганга, поскольку перед выездом из замка к открытию монастыря мне хотелось успеть принять душ и нормально одеться. Я уже была готова к выходу, но вдруг кое-что вспомнила и спросила Вольфганга, можно ли воспользоваться компьютером в его офисе, чтобы ответить на факс, пришедший мне вчера из Штатов.

Спустившись в его скромный офис, я попыталась сосредоточиться. Мне хотелось сообщить Сэму о самых важных событиях вчерашнего дня, но я понимала, что для начала надо привести в порядок собственные противоречивые чувства. Учитывая мое окружение и недавнюю активную деятельность, я испытывала сильное смущение, даже думая о Сэме, не говоря уже о логичном изложении моих мыслей на экране монитора. Это могло показаться смехотворным, но я знала, что если кто-то и сможет уловить Мои флюиды, пылкие или страстные, даже на расстояний тысяч миль компьютерной связи, так это Сэм. Мне вдруг пришло в голову, что, Возможно, он уже уловил. Я ведь заметила, что Не только львица навестила меня в последнем сне. Рядом со мной на Извилистых тропах сна были Сэм и его тотемные животные.

Выбросив сумбурные мысли из головы, я попыталась придумать некое двусмысленное послание — нечто короткое, гладкое и деловое, при этом передающее как можно больше сведений. Вспомнив, что Сэм на сей раз назвался сэром Ричардом Бартоном, я сочинила следующее:

«Дорогой др. Бартон!

Благодарю вас за очередное сообщение. Ваша группа, видимо, приближается к цели. Я также успешно продвинулась вперед по плану, установленному на нашем последнем совещании: все киты встали на места. Если возникнут сложности в мое отсутствие, сообщите непосредственно в МАГАТЭ. Сегодня в пять вечера я отправляюсь в Россию из Вены.

С наилучшими пожеланиями,

В основном такая информация будет вполне понятна Сэму: я получила его факс и поняла его. А «установили» мы с ним в нашу последнюю встречу — не зная еще тогда, где запропались бумаги Пандоры, — только то, что я попытаюсь лично встретиться с Дакианом Бассаридесом и выкачать из него сведения. Мое заявление, что я успешно продвинулась вперед по плану, означало, что мне удалось сделать это. Что касается упоминания о китах, то у индейцев они считались плавающим хранилищем родовой тотемной памяти и они должны были сказать Сэму, что я надежно спрятала полученный мной «памятный подарок», о котором уже сообщила ему из Солт-Лейка.

Конечно, хотелось бы передать побольше сведений в этом коротком послании, но мне так и не удалось придумать, как закодировать все, что я узнала о своей семье, не упоминая при этом о священных реликвиях, легендарных городах и зодиакальных созвездиях. Но по крайней мере, Сэм узнает одно: игра началась. Я разорвала и сожгла клочки черновика в камине и забросала их остывшей золой: береженого Бог бережет. Выйдя во двор, я увидела, что Вольфганг как раз направился по лужайке за мной.

— К отъезду все готово, — сообщил он. — Я загрузил наш багаж в машину, поэтому нам не придется на обратном пути заезжать в замок. Прямо из монастыря мы поедем в аэропорт. У Клауса

есть ключ, и он приведет здесь все в порядок после нашего отъезда.

— Кто такой Клаус? — поинтересовалась я.

— Хранитель моего дома, — ответил Вольфганг, открыв дверцу и помогая мне сесть в салон. Он обошел машину сзади, запер багажник и сам сел за руль.

— Мне казалось, его имя Ганс, — сказала я, когда он повернул ключ в зажигании и проверил подачу бензина.

— Чье имя? — удивился Вольфганг.

Он вывел машину из-под дерева и, проехав по газону, осторожно вырулил на подъемный мост.

— Того, кого ты только что назвал Клаусом, — сказала я. — Вчера вечером, когда твой сторож догнал нас в винограднике, ты сказал мне, что его зовут Гансом.

Я не сочла нужным упоминать, что в любом случае испытывала подозрения насчет того парня.

— Ну да, все верно, Ганс Клаус, — сказал Вольфганг. — В здешних краях обычно принято называть таких людей по фамилии. Но возможно, вчера вечером я сказал иначе.

— А ты уверен, что его зовут не Клаус Ганс? — спросила я. Вольфганг приподнял брови и взглянул на меня с недоумевающей улыбкой.

— Это что, допрос? Боюсь, я не привык к этому, хотя могу заверить тебя, что точно знаю имя собственного слуги.

— Ладно, — уступила я, — Тогда что ты можешь сказать насчет собственного имени? Ты даже не упомянул мне, что был такой реальный человек по имени Каспар Хаузер.

— Но я думал, ты уже знаешь об этом, — сказал он, двигаясь вниз по склону между виноградниками. — Дикарь из Нюрнберга, так его называли. Легенды о Каспаре Хаузере ходили по всей Германии.

— Теперь-то, разумеется, знаю: я прочла о нем в энциклопедии, — сказала я. — Хотя ты пытался внушить мне, что тебя называли в честь библейского волхва. Может, ты знаешь об этом Каспаре Хаузере больше меня, но, насколько я поняла, он прославился в основном благодаря его темному прошлому и необъяснимому убийству. Странно, что кому-то захотелось обременить ребенка таким славным наследием.

Вольфганг рассмеялся.

— Кстати, вчера я и сам вспоминал его! Меня потрясла история Дакиана о семи скрытых городах Соломона. Я подозреваю, что Каспар Хаузер и сам Нюрнберг связаны с теми городами, а возможно, также с Адольфом Гитлером и теми священными реликвиями, которые он искал в Мельке. Я собирался поговорить об этом вчера вечером, но слишком увлекся... другим занятием. — Он улыбнулся. — Послушав Дакиана, я пришел к выводу, что все это связано с Nagalrune.

— Nagalrune? — переспросила я.

— Nagal в переводе с древнегерманского означает «град», в смысле «ледяная дробь». Понимаешь, это один из двух важных символов могущества арийцев: огонь и лед, — пояснил Вольфганг. — А свастика в далекой древности символизировала власть огня. Ее резные изображения украшают многие восточные храмы, о которых говорил Дакиан. Но еще важнее то, что Нюрнберг — город, где впервые появился этот Каспар Хаузер, — считается абсолютным геомантическим центром Германии: три пересекающиеся силовые линии Европы и Азии образуют руну Nagal, соединяясь в Нюрнберге в некий энергетический котел.

Со страхом я увидела, как Вольфганг, убрав одну руку с руля, начертал пальцем в воздухе что-то вроде звезды. Точно такая же звезда появилась в моем компьютере в тот вечер, когда Сэм прислал мне первое сообщение:

Сердце мое учащенно забилося. Как бы мне хотелось сейчас поговорить с Сэмом! Я подняла воротник куртки, хотя вовсе не замерзла, просто чтобы занять руки. Вольфганг, похоже, ничего не заметил; он положил руку обратно на руль и продолжил разговор.

— Попадание центральной точки руны Nagal в Нюрнберг определило ход дальнейших действий и планов Адольфа Гитлера, — сказал он. — Став канцлером Германии, Гитлер первым делом собрал команду Ruteriganger... Как у вас называют тех, кто ищет руду или воду с помощью «волшебной лозы»?

— У нас их называют лозоискателями, — сказала я. — Индейцы Америки издавна практикуют такой способ: они покачивают между пальцами раздвоенный прут ивы или орешника, обследуя местность в поисках подземных вод.

— Да, точно, — сказал Вольфганг. — Но та немецкая команда искала не только воду. Они искали в земле силовые точки, энергетические источники, к которым сам фюрер мог подключиться для усиления его личного могущества. Если ты посмотришь старые фильмы о Гитлере, то поймешь, о чем я говорю. Обычно он проезжает в открытой машине по улицам, и его приветствуют восторженные толпы, но, прежде чем окончательно остановиться, его машина дергается взад-вперед, пока точно не встанет на правильное место. Понимаешь, первыми по маршруту Гитлера проходили лозоискатели, определяя силовые точки, чтобы найти самое подходящее место для остановки его машины, а также и нужное здание, окно или балкон для его обращения к народу. Такие силовые источники защищали его от диверсий и увеличивали его собственную энергетику. Ты знаешь, как много провалилось покушений — даже если бомбы подкладывали непосредственно в его комнату — из-за того, что его защищала мощная энергетическая сетка. Уже в древних сказаниях говорилось о безграничных силах Нюрнберга, которыми и пытался впоследствии овладеть Адольф Гитлер.

— Во что бы там ни верил Дакиан, трудно представить, что Гитлер действительно пережил множество попыток покушения потому, что его защищали какие-то волшебные силы типа этой «руны града», — сказала я.

— Но он именно так и считал, и я знаю множество свидетельств, подтверждающих это, — заверил меня Вольфганг. И вот что он рассказал мне по дороге в Мельк.

За всю историю человечества до самого конца наполеоновских войн никто не слыхивал о сиротах, выращенных, как Каспар Хаузер, в клетке. Частенько рассказывали лишь о детях, выращенных дикими животными. Но до появления Каспара Хаузера мало находилось охотников более основательно изучать такие случаи.

Во многих тайных братствах или обществах широко применялся некий священный ритуал, включающий пролитие королевской крови. Жертвенное убийство совершалось одновременно тремя способами, чтобы умиловить богов трех сфер: огня, воздуха и воды. Символически необходимо было поразить голову, грудь и гениталии. Насколько мы знаем, два таких повреждения получил Каспар Хаузер.

Уже после его смерти многие полагали, что этот юноша происходил из знатного или королевского рода, что его выкрали в младенческом возрасте и отдали на воспитание крестьянам, оговорив

странные условия: разместить его в таком тесном месте, где он не мог даже встать, и держать на хлебе и воде (замечу кстати, что такую пищу в древности давали животным, которых собирались принести в жертву). Иными словами, Каспар Хаузер, вероятно, стал жертвой какого-то непонятного языческого ритуала, вдруг всплывшего на поверхность в Нюрнберге в первой половине девятнадцатого века. Сто лет спустя Адольф Гитлер очень заинтересовался подробностями этой истории.

Сам Гитлер родился в 1889 году, и примерно в то время всю Германию охватила волна нового интереса к поискам *volkisch*[54] корней германского народа, простых людей, описанных в древних скандинавских легендах и германских сказках. Эти поиски объяснялись желанием восстановить традиционные ценности и обычаи, составляющие сущность тевтонской души, и вернуть некий золотой век.

В это время среди германоязычных народов бытовало мнение, что уже тысячи лет против них ведется тайная борьба, подпитываемая стремлением племен Средиземноморья — к примеру, римлян периода древней истории или мавров средневековой Испании — покорить все северные народы, так называемых арийцев, подвергнув их культурному геноциду. Также считалось, что древние тевтонские предки имели более высокую культуру, чем племена, жившие в Средиземноморье, и к тому же сохранили незапятнанной чистоту рода, избегая любых связей с инородцами, подобно касте нынешних браминов в Индии.

Несмотря на предполагаемое нордическое превосходство, рунический алфавит появился в наших краях довольно поздно, около 300 года до нашей эры, — возможно, тевтоны позаимствовали его у кельтов или других племен. Как во всех предшествующих культурах, искусство письменности и сами руны наделялись магическим и даже божественным значением.

Эта Hagalrune является девятой буквой рунического алфавита. Вообще «девять» у скандинавских народов считалось могущественным числом: «Havamal», часть одной из песен знаменитого исландского эпоса «Эдда», рассказывает нам, что северный бог Вотан (он же Один) провисел на мировом древе девять дней и ночей, чтобы овладеть исходной силой и тайнами магических рун. Девятка стала самым важным числом для Гитлера. Дата 9 ноября имела для него мистическое значение. Как он говорил: «Девятое ноября 1923 года было важнейшим днем моей жизни». В тот день из-за Мюнхенского путча его посадили в тюрьму, где он надиктовал первый том книги «Mein Kampf».[55] Однако 9 ноября вообще является важной датой в истории Старого Света. Помимо всего прочего именно девятого числа закончился революцией наполеоновский переворот, умер Шарль де Голль, немецкая революция привела к отречению Кайзера Вильгельма в конце Первой мировой войны, сложил с себя полномочия Людвиг III Баварский, основавший Второй рейх, и вдобавок в ноябрьскую ночь 1938-го произошел погром, так называемая Kristallnacht— «Хрустальная ночь», послужившая началом массового уничтожения евреев в фашистской Германии и Австрии.

Однако руна Hagal важна не только этим. Она соответствует букве «h» латинского алфавита, которой не существовало в греческом алфавите. И совершенно не случайно именно с этой буквы начинаются фамилии Адольфа Гитлера (Hitler) и Каспара Хаузера (Hauser). То, что эта руна являлась волшебным талисманом Гитлера, подтверждалось любопытными фактами: имена и фамилии многих его ближайших сподвижников также начинались с этой буквы.

Оккультист Генрих Гиммлер (Himmler), глава Schutzstaffel, или отрядов СС. «Путци» Ханфстенгль

(Hanfstaengl), глава отделения зарубежной прессы нацистов. Рейнхард Хейдрих (Heydrich), пражский мясник, глава СД (служба безопасности в фашистской Германии), чье убийство во время войны привело к уничтожению целой чехословацкой деревни. И ближайший друг вождя Рудольф Гесс (Hess), который способствовал написанию «Майн кампф», а позднее стал заместителем самого Гитлера. Гесс родился и вырос в Египте, где и приобщился ко многим оккультным учениям. Гесс познакомил Гитлера со своим бывшим профессором Карлом Хаусхофером (Haushofer), основоположником германской геополитики и любимым теоретиком нацистов. Был также у нацистов философ Мартин Хайдеггер (Heidegger). Личный фотограф Гитлера Генрих Гофманн (Hoffmann) поспособствовал росту популярности вождя и его знакомству со своей ассистенткой Евой Браун, на которой Гитлер женился незадолго до смерти. В атомной области трудился известный химик Отто Хан (Hahn), он совместно с Лизой Майтнер провел первый успешный эксперимент цепной реакции; а Вернера Хайзенберга (Heisenberg) Гитлер привлек к проекту создания атомной бомбы.

Многие разделяли ранние устремления Гитлера, например Ганс Хорбигер (Horbiger), создатель Weiteislehre — теории ледникового мира, основанной на том, что ледниковые периоды были вызваны планетарными столкновениями и перед началом каждого оледенения легендарные земли, такие как Атлантида, Гиперборея и Тулий, исчезали с лица земли вместе с их обитателями. Во время космических катаклизмов великие моря превращались в великие пустыни типа Гоби, под песками которой доныне процветают великие царства, подобно сокрытым в земле городам Соломона, о которых говорил Дакиан. Хорбигер утверждал, что Царствие Божие возродится на заре грядущей эры. Его теория стала настолько популярной, что нацисты зачислили ее в сокровищницу мировой науки.

Еще одну связь Гитлера с руной Hagal подметил астролог и психолог Эрик Ян Хануссен (Hanussen), составивший для Гитлера гороскоп на рождественские праздники 1932 года. Он познакомился с Гитлером в начале 1926 года в доме одного богатого берлинского социалиста и с тех пор стал его советником, особенно в области публичных выступлений, когда требовалось произвести максимальное гипнотическое воздействие на народные массы. В том гороскопе Хануссен предсказал успешный конец года при условии, что будут побеждены «противоречивые влияния», пока препятствующие Гитлеру, — а таких влияний было много. Для достижения успеха необходимо было съесть корень мандрагоры, выкопанный в полнолуние в Бранау-ам-Инн, в том самом саду, где родился Гитлер. Хануссен лично съездил туда, выкопал корень и под Новый год доставил его в дом Гитлера под Зальцбургом.

В тот самый вечер, получив свой гороскоп и съев корень мандрагоры, Адольф Гитлер отправился вместе с Евой Браун, Путци Ханфстенглем и еще несколькими сотоварищами на оперу Рихарда Вагнера «Нюрнбергские мейстерзингеры». Позднее Ханфстенгль записал в своем дневнике, что после оперы Гитлер подробно остановился — ведь, как известно, он знал назубок все вагнеровские произведения — на скрытых значениях, вставленных Вагнером в свое либретто. Покидая в ту ночь праздничный ужин в доме Ханфстенгля, Гитлер расписался в книге гостей, отметив знаменательность наступившего дня: 1 января 1933 года.

Он сообщил своему другу Путци: «Наступивший год принадлежит нам».

И с того самого дня фортуна действительно повернулась лицом к Гитлеру. В первый же месяц 1933

года Адольф Гитлер превратился из широко высмеиваемого истеричного клоуна, возглавлявшего мелкую и непопулярную политическую партию, в канцлера Германии, приведенного к присяге 13 января. Это случилось ровно через сто лет после того, как земля Германии была освящена пролитой «королевской кровью» Каспара Хаузера.

Когда Вольфганг закончил эту историю, мы уже ехали по дороге, бежавшей через гряды пологих холмов и высокогорные луга к обнесенному белыми стенами, посверкивающему на солнце золотом монастырю Мелька, смотревшему со своей высоты на широкую и плодородную долину Дуная. Мы остановились на просторной парковке, усыпанной гравием. Вольфганг выключил мотор и повернулся ко мне.

— Есть еще одна персона «Н», пытавшаяся овладеть могуществом руны Nagal, и она-то, вполне возможно, была самой замечательной. Когда в юности, всячески стараясь добиться успеха на поприще живописца, Адольф Гитлер обосновался в Вене, там же проживал известный создатель теории германского язычества Гвидо фон Лист. На шестом десятке своей жизни, в 1902 году, Лист обрел некий мистический опыт. Поправляясь после операции по удалению катаракты, он пребывал в слепоте одиннадцать месяцев. В течение этого времени, как он сам полагал, ему удалось заново открыть благодаря сверхъестественному озарению давно утраченные значения и истоки могущества древних рун. Он также утверждал, что получил сведения о некоем элитарном ордене жрецов Вотана, существовавшем в Германии в давние времена, и что скоро им будет основан орден жрецов наших дней. В первом веке историк Тацит описывал три германских племени. Лист утверждал, что эти «племена» по сути своей являлись кастами: внешний круг, «ингевоны», составляли фермеры, а средний — «истевоны» — военные, но во внутренний круг входили только «хермионы», священные жрецы-вожди, хранители тайных рун. Такая основательная теория приобрела множество последователей, и в 1908 году Лист создал общество Охраны германского наследия, среди членов которого было несколько самых богатых и именитых людей в германоязычном мире. Страстные приверженцы этой теории считали ее едва ли не новой религией. Позднее это мощное движение переросло в ревностный национализм, послуживший причиной Первой мировой войны. В 1911 году Лист сформировал в этом Обществе избранный внутренний круг, основываясь на заветах языческих жрецов. Чтобы придать этому кругу древнегерманский оттенок, он назвал его Armenschaft.[56] Только члены новой касты жрецов вполне осознавали, что в этом названии заключено несказанное могущество тайной руны Nagal. Вольфганг умолк и взглянул на меня, словно ожидая какой-то реакции.

— Ты намекаешь на Гермину? — осторожно спросила я.

Я, конечно, заметила сходство названия возникшей в начале нынешнего столетия тевтонской касты Armenschaft с именем прародительницы моей семьи, Гермину. И с тревогой осознав, что до нынешнего дня эта сиротка, привезенная на корабле в Африку из датского приюта, оставалась смутной фигурой, мало чем известной, кроме ее впечатляющей, по общему мнению, красоты и пунктирно намеченной жизни: раннее вдовство, получение большого наследства, новое замужество и безвременная кончина.

— Интересное имя, тебе не кажется? — загадочно улыбнувшись, спросил Вольфганг. — Согласно мифам, так звали дочь Елены Троянской, брошенную в возрасте девяти лет, когда бегство Елены с Парисом послужило поводом к началу Троянской войны. По-гречески слово herm означает «столб»

или «колонна», что соответствует подлинному значению названия древних племен, населявших местность с абсолютным географическим центром Германии, и, конечно же, названию владевших рунами жрецов. И как ты понимаешь, если Гермiona означает «царица столба», то именно вокруг этой женщины все и крутится. То есть именно она должна быть осью.

МАТЕРИ

М е ф и с т о ф е л ь:

Я эту тайну нехотя открою.

Богини высятся в обособление

От мира, и пространства, и времен.

Предмет глубок, я трудностью стеснен.

То — Матери.

Ф а у с т (испуганно):

Что? Матери?..

Да, Матери... Звучит необычайно...

Где путь туда?

М е ф и с т о ф е л ь:

Нигде. Их мир — незнаем,

Нехожен, девственен, недостижим,

Желаньям недоступен. Ты готов?

Не жди нигде затворов и замков.

Слоняясь без пути пустынным краем,

Ты затеряешься в дали пустой.

Достаточно ль знаком ты с пустотой?..

Вот ключ...

Возьми...

Волшебный ключ твой верный направитель

При нисхождении к Матерям в обитель.

Кто отважится (полюбить) страдание

И объятие обличья Смерти,

Чтобы исполнить разрушительный танец —

Тому явится Мать.

Моя бабушка Пандора, возможно, заварила всю эту кашу, распределив содержимое ящика между членами семьи, но теперь, похоже, выяснилось, что она была не единственной зачинщицей этой игры. До меня наконец дошло, что две матери — Пандора и Гермiona — породили всех получателей наследства моей бабушки. И эта мысль, засевшая в моей голове подобно гвоздям, вбитым в ту венскую колоду Stock-im-Eisen, подсказала мне, что новая ось, или царский столб Гермiony, поможет обнаружить нечто крайне важное.

И тогда я задумалась: что же мне, в сущности, известно о Гермione Бен, матери Зои, Эрнеста и Лафкадио? Не имело особого значения, насколько правдивы рассказанные мне о ней истории: действительно ли, как утверждал Лаф, она была бедной сиротой из Голландии, ставшей богатой вдовой в Южной Африке, и связано ли на самом деле, как говорил Вольфганг, ее имя с кастой

арийских жрецов, владевших знаниями рун Вотана. В общем и целом сама она оставалась для меня китайской грамотой или, на греческий манер, большим провалом между альфой и омегой.

Но конечно, одну путеводную ниточку я все-таки выловила из всех тех заключений, мифов и вымыслов, которыми меня усиленно потчевали последние дни. И ниточка эта вела к тому, что именно искал сам Гитлер в монастыре Мелька. Если Гермiona по-гречески означает «ось» и если действительно существовала какая-то географическая связь с мифологией, то для начала мне следовало искать Гермionу не в телефонной книге, семейном альбоме или среди персонажей древней истории германских племен. Гермionу следовало искать на карте.

Ее-то я и увидела, как только мы с Вольфгангом вошли в библиотечный зал: на дальней стене висела под стеклом раскрашенная вручную карта Европы с надписями, сделанными средневековым готическим шрифтом. Вместе с Вольфгангом я подошла посмотреть на нее. Неужели именно через эти двери семьдесят пять лет назад вошел сюда Адольф Гитлер?

Пояснительный текст на стене, напечатанный на немецком, французском и английском языках, сообщал, что на данной карте, изготовленной в IX веке, во времена Карла Великого, изображены важные религиозные центры Европы — церкви, алтари и святилища, известные еще в начале христианской эры. Поскольку греческое слово «Гермiona» предполагало соответствующее местонахождение, то не составило труда быстро найти его.

Гермiona оказалась морским портом на юго-восточном побережье Пелопоннеса. Крошечный крестик на карте рядом с этим городом означал, что в первом веке там стоял христианский храм. Интересно, что он находился в окружении четырех достопримечательностей, связанных с поклонением богу солнца Аполлону. А это наводило на мысль о том, что ранее там находился вовсе не христианский, а языческий храм, в котором — как описывал вчера Дакиан Бассаридес — в предыдущую эпоху поклонялись иным богам. Если его идея была верной, то святые места эры Овна, вероятно, заменились святынями новой эры, начавшейся две тысячи лет назад, а эра эта проходила под знаком Рыб, символизирующим ловца душ, и под знаком Девы, символизирующим его божественную мать.

Если Гермiona представляла некую центральную точку на мировой сетке еще в дохристианские времена, то она должна быть связана с более ранними языческими святынями — Овна и Тельца. Гермiona располагалась напротив Крита, где в древности процветала современная египетской минойская культура. Я мысленно провела линию от порта Гермiona к Криту, где на горе Ида коза Амалфея вскормила отца богов Зевса, который позднее с нежностью увековечил ее образ на небесах созвездием Козерога. Но я знала, что равнопочитаемым на Крите считался другой бог, и ему поклонялись в образе быка, и именно этого бога Диониса, по уверениям Лафа, мне нужно призвать на помощь в нужное время.

Вольфганг тоже старательно разглядывал карту, пока я, с учетом собственных предположений, продолжила линию Крит— Гермiona на северо-запад и с новым интересом обнаружила, что она ведет напрямик в самую знаменитую святыню древнего мира, святилище двух древних богов, где летом поклонялись Аполлону, а в течение долгих и темных зимних месяцев, пока солнце путешествует по стране мертвых, — Дионису. Этим местом, разумеется, были Дельфы.

Там находился Дельфийский оракул и наделенные пророческим даром жрицы — пифии.

Тысячелетиями вещуньи, оглашавшие откровения Аполлона, предсказывали события и действия,

которые набожные греки скрупулезно выполняли. Никто из писателей древности не сомневался, что Дельфийский оракул видит внутренние связи времен, охватывающие прошлое, настоящее и будущее. Поэтому Гермiona в соединении с такими важными местами, как Дельфы и критская Ида, вполне могла быть центральной точкой главной оси.

Я нарисовала пальцем в воздухе крест, проходящий через эту точку оси, и получила в итоге шестиконечную звезду типа той «руны града», что недавно показал мне Вольфганг.

В этом смысле, видимо, далеко не случайно, что первая линия прошла через Элевсин, место элевсинских мистерий, и, дотянувшись до Македонии, попала на мыс Эгейского моря с горой Афон, усыпанной на этой карте множеством крошечных крестиков. Знаменитая двадцатью монастырями, построенными императором Феодосием, покровителем святого Иеронима, гора Афон когда-то являлась главным хранилищем древнейших манускриптов и неоднократно подвергалась разграблению турками или славянами во время бесчисленных балканских войн. Это особое место, равноудаленное как от греческой горы Олимп,

так и от расположенной на побережье Малой Азии Трои, было видно отовсюду. Может, даже сам Афон был очередной осью? Другой луч моей звезды оказался еще интереснее. Он привел в Олимпию на реке Алфей, родину Олимпийских игр. Я побывала там однажды после концерта Джерси в Афинах. Мы прогулялись по каменистым склонам под горой Хронос. Помимо знаменитых развалин храма Зевса мне запомнилась еще одна олимпийская реликвия: храм богини Геры, жены и сестры Зевса. Построенный из оштукатуренного дерева и менее впечатляющий, чем храм Зевса, первый храм Геры возвели здесь за тысячу лет до нашей эры, и он оставался старейшим из доживших до наших дней храмов Греции.

Теперь я поняла, почему название «Гермиона» казалось мне таким знакомым (и не только в связи с семейной историей). Согласно мифам, Зевс и Гера прибыли с Крита именно в Гермionу — исходную точку появления олимпийских богов на Европейском континенте.

Вольфганг, молча следивший за моими жестами над застекленной картой, вдруг повернулся ко мне. — Поразительно, — сказал он. — Я часто проходил мимо этой карты, но ни разу не замечал связи, которую ты уловила с первого взгляда.

Подоспевший монастырский охранник открыл высокие внутренние двери, и мы с Вольфгангом вошли в отделанный позолотой барочный зал библиотеки монастыря Мелька. Ряд застекленных дверей в дальнем конце выходил на обширный балкон терракотового цвета; за ним расстилался Дунай, поблескивающий хрустальным блеском под утренним солнцем, заливавшим ярким светом весь большой зал библиотеки. Один из хранителей протирал расставленные по залу витрины с экспонатами, а крепкий седовласый, облаченный в рясу священник наводил порядок, убирая книги в кожаных переплетах на нижние полки. Услышав, что мы вошли, он обернулся и с улыбкой пошел нам навстречу. Его наружность показалась мне смутно знакомой.

— Я надеюсь, ты не будешь возражать, — сказал Вольфганг, взяв меня за руку. — Я попросил одного из библиотекарей помочь нам.

Мы прошли вперед, чтобы приветствовать его.

— Профессоре Хаузер, — сказал священник, изъяснявшийся по-английски с явно выраженным итальянским акцентом, — очень рад, что вы и ваша американская коллега смогли приехать пораньше, как я и просил. Я уже подготовил вам кое-какие материалы для просмотра. Однако scusa,

signorina,[57] я забыл представиться: я служу здесь библиотечным архивариусом, и зовут меня отец Вергилий. Надеюсь, вы простите мой слабый английский? Я родом из Триеста. — Потом он добавил с неловким смешком: — Вергилий — удачное имя для проводника, наводит на мысль о Вергилии из Divina Commedia,[58] не правда ли?

— Вы говорите о том, кто водил Данте по раю? — спросила я.

— Нет, там его сопровождала Беатриче, очаровательная молодая дама, на мой взгляд весьма похожая на вас, — галантно заметил он. — Поэт Вергилий, уж извините, водил его по закоулкам ада и чистилища. Будем надеяться, что ваш опыт со мной будет лучше! — Он рассмеялся и добавил, словно спохватившись: — Однако у Данте имелся и третий проводник, его мало кто помнит, хотя труды его имеются в нашем собрании.

— Кто же был третьим проводником? — спросила я.

— Святой Бернар Клервоский. Весьма примечательная личность, — пояснил отец Вергилий. — Несмотря на канонизацию, многие считали его лжепророком, даже самым князем Тьмы. Он был инициатором провального второго крестового похода, завершившегося разгромом армии крестоносцев и неизбежным отходом Святой Земли к мусульманам. Бернар также вдохнул новую жизнь в орден тамплиеров, или храмовников, чьей миссией была защита храма Соломона в Иерусалиме от сарацинов; два века спустя их обвинили в ереси. Здесь в Мельке у нас хранится собрание просветительских трудов святого Бернара, посвященных духовным толкованиям книги Песни Песней царя Соломона.

Но когда отец Вергилий, развернувшись, направился по длинному залу, в голове моей начали тихо позвякивать подозрительные колокольчики, совершенно не связанные с его упоминанием о Песне Песней. Проходя за нашим пастырем, я мельком просматривала ряды книг на полках справа от меня и содержимое внушительных остекленных витрин слева. И одновременно судорожно пыталась сообразить, что же так удивляет меня в этом седом черноризце. Говоря о наших сегодняшних планах, Вольфганг не удосужился предупредить меня ни насчет этого духовного проводника, ни насчет рыцарских орденов, которые мне стоило бы проштудировать. Следуя за Вергилием, я раздраженно и подозрительно присматривалась к нему.

Без этих приличествующих священнику одеяний, но с добавлением помятой темной шляпы, отец Вергилий вполне мог сойти за любого мирянина. Мне вспомнилось, что несколько расслышанных мною вчера в винограднике слов были произнесены шепотом именно по-английски, а не по-немецки. Когда отец Вергилий остановился перед большим застекленным стендом в конце зала и повернулся к нам, я уже кипела от ярости из-за непонятного поведения Вольфганга.

— Разве это не великое произведение искусства? — спросил он, показывая на затейливо украшенные манускрипты под стеклом и переводя свои блестящие глаза с Вольфганга на меня.

Я кивнула с кривой усмешкой и сказала, оживляя свой подзабытый немецкий:

— Also, Vater, wenn Sie hier mit uns sind, was tut heute Hans Claus? (Итак, святой отец, если вы здесь с нами, то что же случилось сегодня с Хансом Клаусом?)

Священник смущенно глянул на Вольфганга, который повернулся ко мне и сказал:

— Ich wusste nicht das du Deutsch konntest. (Я не знал, что ты говоришь по-немецки.)

— Nicht sehr viel, aber sicherlich mehr als unser osterreichischer Archivar hier, — сухо произнесла я. (Не слишком хорошо, но, разумеется, лучше, чем наш австрийский архивариус.)

— Святой отец, мне кажется, что пока нам больше не понадобится ваша помощь, — обратился Вольфганг к священнику. — Может быть, вы подождете в соседнем помещении, пока мы с коллегой обсудим наши дела?

Вергилий дважды кивнул, быстро пробормотал свои scusa's[59] и торопливо покинул нас.

Вольфганг, сложив на груди руки, склонился над витриной, разглядывая выставленный в ней позолоченный манускрипт. Его красивое аристократическое лицо отразилось в стекле.

— Великолепная работа, не правда ли? — заметил он, словно ничего не случилось. — Хотя эту копию, конечно же, издали только через несколько столетий после того, как святой Бернар...

— Вольфганг, — прервала я его мечтательные рассуждения. Он выпрямился и взглянул на меня чистыми и бесхитростными бирюзовыми глазами.

— В одно знаменательное утро в моей квартире в Айдахо, насколько я помню, ты заверил меня, что всегда будешь говорить мне правду. Что же происходит?

Брошенный им взгляд, наверное, мог бы растопить айсберг, плывущий к «Титанику», и признаюсь, он оказал на меня весьма ощутимое воздействие. Однако в рукаве у него скрывались дополнительные боеприпасы.

— Я люблю тебя, Ариэль, — откровенно заявил он. — Скажем так, в определенных делах ты должна просто довериться мне, и я надеялся, что ты действительно полагаешься на меня, доверяешь мне. Ты понимаешь? Неужели этого недостаточно?

— Боюсь, что недостаточно, — твердо сказала я.

К чести его надо заметить, что он ничуть не удивился, лишь внимательно смотрел на меня, словно ожидая какого-то продолжения. Я не знала, как лучше выразить то, что мне необходимо было сказать.

— Вчера вечером мне показалось, что я тоже полюбила тебя, — искренне сказала я.

Его глаза прищурились, как в ту первую встречу, когда он столкнулся со мной в вестибюле нашего центра. Но я не стала скрывать своего разочарования и, убедившись, что нас никто не слышит, продолжила:

— Но как же ты мог после нашего вчерашнего страстного объяснения в любви так беззастенчиво врать мне в винограднике? Кто, черт побери, этот твой «отец Вергилий», кравшийся за нами, точно привидение?

— Что ж, я полагаю, ты заслуживаешь объяснений, — согласился он, потерев лоб рукой. Потом вновь открыто взглянул на меня. — Отец Вергилий — священник из Триеста. Я знаю его много лет. Он действительно работает на меня, хотя род его деятельности отличается от той, что я упомянул раньше. С недавнего времени он проводит для меня научные изыскания в этой библиотеке. И мне хотелось, чтобы ты познакомилась с ним, но только не вчера вечером, когда у меня... было на уме совсем другое. — Он улыбнулся слегка смущенно. — В конце концов, он ведь священник.

— Тогда к чему ты приплел сегодня утром всех своих Гансов и Клаусов, если знал, что мы встретимся с ним здесь?

— Вчера вечером меня встревожило то, что Вергилий показался тебе знакомым, — сказал Вольфганг. — А сегодня утром, когда ты ухватила за мою оговорку, я не сообразил, как лучше все объяснить тебе. Я и представить не мог, что ты узнаешь в нем человека, которого лишь мельком видела в темноте.

У меня вновь появилось странное ощущение *deja-vu*, [60] пока я мучительно пыталась вспомнить, где же я могла еще раньше видеть отца Вергилия. Но спрашивать напрямик явно не стоило. — У тебя есть все основания злиться на меня за то, что я сделал, — извиняющимся тоном сказал Вольфганг. — Но я слишком поздно узнал, что не смогу присутствовать на твоём обеде с Дакианом Бассаридесом, а ведь он совершенно непредсказуемая личность! Я бы не удивился, если бы ему взбрело в голову похитить тебя или спрятать от меня. К счастью, в том ресторане меня достаточно хорошо знают, и мне удалось пристроить туда Вергилия «временным официантом», чтобы он присмотрел за тобой и Дакианом.

Так вот оно что! Неудивительно, что в винограднике он показался мне знакомым. Вчера днем в кафе «Централь», потрясенная встречей с Дакианом, я едва замечала окружающие меня лица, однако в моем сознании, видимо, отложилось общее впечатление об официанте, появлявшемся у нашего столика не менее полудюжины раз. Теперь, разрываясь между облегчением и беспокойством, я старалась лишь сообразить, что из нашего подблюдного разговора удалось подслушать этому импровизированному официанту. Похоже, Вольфганг действительно пытался защитить меня от причуд моего непостижимого деда, но тем не менее я отругала себя за то, что слегка потеряла бдительность, к которой меня с детства постоянно призывал Сэм.

Однако сейчас времени на размышления у меня не было. Отец Вергилий выглянул из дверей, видимо решив, что страсти уже улеглись и он может вернуться к нам. Глянув в его сторону, Вольфганг склонился ко мне и быстро сказал:

— Если ты умеешь читать по-латыни хотя бы вполовину того, как говоришь по-немецки, то мне не придется просить Вергилия перевести первую строку манускрипта святого Бернара: она может смутить его.

Я взглянула на рукопись и покачала головой.

— О чем здесь говорится?

— «Плотская любовь пробуждает любовь божественную», — с заговорщицкой улыбкой сказал Вольфганг. — Позже, когда у нас появится возможность остаться наедине, мне хотелось бы проверить это предположение.

Отец Вергилий принес современную карту Европы. Он разложил ее на наклонном столе перед нами и сказал:

— Интересно, что в древние времена медведица была тотемом одного таинственного племени и что обитатели этого региона с величайшим почитанием относились к соли — веществу, обладающему множеством алхимических свойств.

Я семи годов ходила арефорою уже, В десять лет муку молола я богине-госпоже, И медведицей в Бравроне одевалась в пурпур я...

Аристофан. Лисистрата. Перевод Д. Шестакова

Бернар Сорель — такова была настоящая фамилия этого святого — родился в 1091 году, незадолго до начала крестовых походов. Его отец происходил из богатой и знатной семьи вольного графства Франш-Конте, а мать — из семьи бургундских герцогов Монбар, что в переводе означало «медвежья гора». Их родовой замок в Фонтене находился между Дижоном в Северной Бургундии и Труа в провинции Шампань, где с древних времен культивировались виноградники, разведенные от римской лозы.

Отец Бернара погиб в первом крестовом походе. Проходивший начальное образование в маленькой школе, юноша страшно переживал, узнав, что его любимая матушка тоже умерла. В двадцать два года Бернар поступил в бенедиктинское аббатство. Отличаясь хрупким здоровьем, он вскоре заболел, но постепенно поправился и окреп, живя в небольшом доме по соседству с имением его покровителя Гуго де Труа, графа Шампанского. В следующем году граф Гуго посетил Святую Землю и лично убедился в том, что после успешного первого крестового похода там образовалось христианское Иерусалимское королевство. По возвращении граф сразу же отписал церкви часть своих владений: невозделанную долину в Клерво на берегах реки Об. Именно в Клерво двадцатичетырехлетний Бернар Сорель основал и возглавил Клервское аббатство.

Для нашей истории важно то, что Клерво находилось в центре области, которая в древние времена включала нынешнюю французскую Бургундию, Шампань, Франш-Конте, Эльзас-Лотарингию и пограничные районы Люксембурга, Бельгии и Швейцарии. В древности этой территорией владели салии, что означало «народ соли». Эти салические франки, как и римские императоры со времен Августа, утверждали, что их предки пришли из Трои, из Малой Азии, и приводили в доказательство топонимы типа Труа и Париж, связанные, по их мнению, со знаменитой Троей и Парисом, виновником Троянской войны. Сама древняя Троя имела особые отношения с солью. Она располагалась к востоку от малоазиатского горного массива Иды, и ее Галесианские равнины омывались водами реки с тюркским названием Тузла, ранее именовавшейся Салниоис. Корневым значением всех этих названий была соль.

Салии утверждали, что их древний вождь Мервей, «Рожденный Морем», был сыном девственницы, которая зачала его, плавая в соленой воде. Его потомки, Мервинги, жили во времена короля Артура. Считалось, что они, подобно этому королю бриттов, обладали магическими способностями и знаниями, связанными с полярной осью и двумя ее небесными медведицами. Имя Артур в переводе означает «медведь», и поэтому Мервинги выбрали для своих военных знамен эмблему в виде грозной медведицы, стоящей на задних лапах.

Связь между солью и медведями возвращает нас к древним таинствам двух богинь. Первая из них, Афродита, подобно Меровею, родилась из соленого моря — «пеннорожденная». Ей подвластны как рассветы, так и утренняя звезда. Другая, Артемида, медвежья богиня-девственница, управляет посредством подвластной ей луны морскими приливами и отливами. Благодаря этому образуется стержневая связь между утренней и вечерней зарей, а также между небесным медвежьим полюсом и бездонными морскими глубинами.

Не случайно много топонимов в этих краях отражает связь с этими двумя аспектами. Название Клерво в сущности означает «долина света», а протекающая по ней река Об — «рассвет».

Равно, если не более важно то, что многие названия начинаются с «арк», «арт» или «ард» (к примеру, Арденны названы в честь Ардунны, бельгийской версии Артемиды), а германские «бар» или «бер» обнаруживаются в таких топонимах, как Берн и Берлин. Все эти названия, как и имя самого Бернара, разумеется, в переводе означают «медведь».

Десять лет возглавляя аббатство, Бернар Клервский значительно — можно даже сказать, чудодейственно — возмужал и стал ведущим во Франции церковным деятелем, облеченным доверием пап. Когда разные области Италии и Франции выдвинули двух кандидатов на должность Папы, Бернар внес немалый вклад в прекращение схизмы и помог Иннокентию II занять трон

понтифика. Следующим успехом Бернара стало избрание одного клервоского монаха на должность очередного Папы, Евгения III, который, в свою очередь, поручил Бернару организовать второй крестовый поход. Также при содействии Бернара Клервоского получили благословение Папы Римского рыцари-тамплиеры, монашеский орден, основанный его дядей Анри де Монбаром и опекуном графом Гуго де Труа (Пайенским).

Крестовые походы начались через тысячу лет после Христа и продолжались около двух столетий. Их миссией было освободить Святую Землю от al-Islam, «неверных», и объединить западную и восточную церкви, Константинополь и Рим, в едином главном центре — Иерусалиме. Западная церковь всячески стремилась взять под контроль главные религиозные святыни, а особенно храм Соломона.

Первый храм Соломона, построенный примерно за тысячу лет до нашей эры, разрушили халдеи спустя пять столетий. После восстановления храма недосчитались многих священных реликвий, включая Моисеев ковчег завета, который принес обратно в Иерусалим Давид, отец Соломона. Как раз перед временем Христа Ирод Великий обновил этот второй храм, но он был до основания разрушен римлянами во время войны с иудеями в 70 году нашей эры, и с тех пор его уже больше не восстанавливали. Поэтому «храм», охраняемый тамплиерами, или храмовниками, в крестовых походах, был, в сущности, одним из двух мусульманских сооружений, построенных в восьмом веке: мечеть Аль-Акса или чуть более раннее каменное святилище, возведенное над местом, где когда-то стоял ковчег завета, возвращенный Давидом в Святую Землю.

Под этими святынями проходила разветвленная система водоснабжения, рукотворные пещеры, туннели, известные еще во времена предков Давида и — согласно многократным упоминаниям в Библии — изрезавшие всю Храмовую гору. В этих катакомбах находятся и так называемые «Соломоновы конюшни» — пещеры, использованные рыцарями-храмовниками и, по общему мнению, способные вместить пару тысяч лошадей. Среди рукописей Мертвого моря, обнаруженных в Кумране, есть Медный свиток с описью сокровищ, некогда спрятанных в храмовых пещерах. Опись включает много древних иудейских реликвий и манускриптов, в том числе и то самое копье, что пронзило бок Христа.

Это копье обнаружили в первом крестовом походе во время осады Сирийской Антиохии. Пойманные сарацинами в ловушку внутри крепостных стен, крестоносцы больше месяца просидели в невольном плену, поедая своих лошадей и выючных животных, хотя многие все равно умерли от голода. Но один монах имел видение, что знаменитое копье захоронено в церкви Святого Петра прямо под их ногами. Крестоносцы выкопали копье и понесли его перед собой, как боевое знамя. Его силы помогли им завоевать Антиохию, и они направились к Иерусалиму.

Название племени франков — franko — восходит к древне-германскому слову «копье», а их соседи саксы получили свое название от сакса — короткого боевого меча. Потомки этих германских племен оказались столь грозными воителями, что арабские летописцы называли всех крестоносцев франками.

— Хотя второй крестовый поход, организованный Бернаром Клервоским, закончился полным провалом, — сказал в заключение отец Вергилий, — орден тамплиеров, обретший силу с его помощью, продолжал процветать и богатеть. А наш аббат из цистерцианского монастыря в Клерво решил посвятить себя одному любопытному занятию — написанию сотни разных иносказательных и

загадочных проповедей на тему библейской книги Песни Песней, из которых до своей смерти успел завершить восемьдесят шесть. Еще более любопытным является то, что Бернар, как известно, отождествлял себя с Суламитой, таинственной невестой из этой книги, а Церковь, разумеется, отождествлял с самим Соломоном, ее возлюбленным царем. Есть мнение, что библейские Песни представляют собой зашифрованный в древности эзотерический ритуал и являются ключом к религиозным таинствам, который Бернару удалось расшифровать. Однако отношение Церкви к Бернару было неоднозначным, и его канонизировали только через двадцать лет после смерти, в тысяча сто пятьдесят третьем году.

— А что это за орден рыцарей-тамплиеров, которому он помог расцвести? — спросила я. — Вы же сказали, что позже их обвинили в ереси и истребили.

— Сотни книг написаны об их судьбе, — сказал Вергилий. — Ее сравнивали со звездой, что стремительно всходит, ярко горит и исчезает так же быстро, как появляется. Изначально Папа поручил им защищать паломников на пути в Святую Землю и охранять Храмовую гору. Но те нищенствующие рыцари Иерусалима и храма царя Соломона вскоре стали главными европейскими богачами. Сколоченные ими состояния едва ли не превосходили богатства коронованных особ Европы. По высшим политическим соображениям они держались независимо от церковной и государственной власти. В итоге оба этих института обвинили храмовников в ереси, измене и порочно сатанинских сексуальных отношениях. На них устроили настоящую облаву, они умирали под пытками или сгорали на кострах инквизиции. А обширные и неистощимые сокровища храмовников, — добавил он, — по общему мнению, включали такие чудодейственные реликвии, как меч святого Петра и копье Лонгина, не говоря уже о самом Святом Граале, — в средние века на поиски этих реликвий отправлялись все благородные рыцари от Галаада до Парцифалья. Местонахождение их сокровища, однако, является загадкой, неразрешенной до наших дней. Разумеется, я не пропустила параллелей между средневековым детективом отца Вергилия и отдельными деталями услышанных мною ранее историй. Получалось, что царь Соломон и его храм связан со всеми, начиная от царицы Сабы и до крестоносцев. Но история Вергилия также подчеркивала еще одно обстоятельство, явно требующее изучения карты. Хотя я не могла видеть всю картину в целом, но надеялась, по крайней мере, увязать несколько разорванных нитей. И Вольфганг сделал это за меня, пока мы разглядывали карту Вергилия, разложенную перед нами на наклонной поверхности стола.

— Просто невероятно, как все становится очевидным при взгляде на карту, — сказал Вольфганг. — Сразу понимаешь, что многочисленные древние эпосы и даже самые ранние легенды о Граале Кретьена де Труа описывают сражения и приключения, действия которых сосредоточились в этом самом районе. Когда Рихард Вагнер написал цикл «Кольца», так восхищавший Гитлера, он взял за основу германский эпос «Песнь о нибелунгах», где повествуется о том, как нибелунги, которые были не кем иным, как Меровингами, победили грозу Востока Аттилу, царя гуннов.

— Но все эти события происходили задолго до крестовых походов, — заметила я. — Даже если мы говорим об одной и той же территории, как они могли быть связаны с деятельностью Бернара или храмовников, появившихся спустя сотни лет?

— Прошлое предопределяет будущее, — сказал Вергилий. — В данном случае прослеживается связь трех царств: первое установлено отцом Соломона в Иерусалиме; второе в пятом веке основано в

Европе Меровингами; третье, христианское царство Иерусалима установилось пятью веками позже в ходе крестовых походов, а сами крестоносцы происходили как раз из этого региона Франции. На сей счет существует много теорий, но все их объединяет одно: кровь, в смысле происхождение.

— Кровь? — удивилась я.

— Некоторые считают, что в жилах Меровингов течет священная кровь, — пояснил Вергилий. — Родословная их начинается, вероятно, от брата Христа, Иакова, или даже от тайного брака Магдалины с самим Иисусом. Другие говорят, что Иосиф Аримафейский собрал кровь Спасителя в Святой Грааль, некий сосуд, позже перевезенный Магдалиной во Францию, где он и будет храниться в сокрытии до тех дней, когда наука сможет восстановить человека во плоти.

— Вы подразумеваете что-то вроде воссоздания личностного ДНК или клонирования? — поморщившись, сказала я.

— Такие взгляды, безусловно, не только еретичны, но, на мой взгляд, и весьма глупы, — с усмешкой заметил Вергилий. — Есть один любопытный факт, который следовало бы знать о родовых связях: как известно, все цари Иерусалима за годы христианского правления происходили от одной женщины, Иды Лотарингской.

Мне сразу припомнились две знаменитые горы с названием Ида. Первая, на Крите, где родился Зевс, стала главным центром поклонения Дионису и связывалась с портом Гермियोны на карте. Вторая, на побережье современной Турции, где происходил суд Париса, известна также тем, что с нее боги наблюдали за ходом Троянской войны. А по словам отца Вергилия, есть еще и третья Ида, прародительница всех царей, правивших в Иерусалиме двести лет. И эта женщина происходила из той самой области, о которой мы говорим. Однако, очевидно, с ней было связано кое-что еще.

— Главная проблема позднего европейского средневековья, — продолжил Вергилий, — связана не с крестоносцами, а скорее с кровной враждой двух династий, известных в исторических книгах под итальянскими названиями гвельфы и гибеллины. Гвельфы получили свое название от герцогов Баварии и Саксонии Вельфов, что означает «щенки» или «медвежата», а их соперники гибеллины, объединившиеся под знаменем Папы против империи, получили свое наименование, по-видимому, от родового замка швабских Гогенштауфенов Вайблингена, что означало «медовые соты». Только один человек, соответственно тоже протеже Бернара де Клерво, сочетал кровь этих соперников. Это был Фридрих Барбаросса, который, пережив второй провальный поход Бернара, стал императором Священной Римской империи. Как первый правитель, объединивший в своих жилах родословные этих могущественных германских племен, чьи междоусобные сражения определяли историю средних веков, Барбаросса считался спасителем германского народа, способным примирить враждующие династии и утвердить мировое господство. Благодаря ему Германия стала могущественной державой. В шестьдесят шесть лет он отправился в третий крестовый поход и по пути в Святую Землю загадочным образом утонул, купаясь в реке на юге Турции. Известная легенда утверждает, что Барбаросса спит в пещере горы Кифхойзер в центре Германии и что он выйдет на помощь германцам в случае нужды.

Вергилий сложил руки на карте и спросил меня:

— Не напоминает ли это тебе другую историю?

Я недоуменно покачала головой, а Вольфганг медленно очертил пальцем круг на районе, о котором говорил Вергилий. От его следующих слов я просто оцепенела.

— По словам Альберта Шпеера, архитектора Гитлера, — сказал Вольфганг, — после победы Германии в этой войне именно в этом месте Генрих Гиммлер хотел создать «параллельное государство СС». Гиммлер планировал поселить там высший офицерский состав штурмовых войск с породистыми женами чистой арийской крови, выбранными согласно архивам СС, чтобы они и их дети заложили основу нового особого рейха. Он хотел очистить кровь и пробудить древние магические связи с землей — кровь и почва.

Я в ужасе посмотрела на него, но, оказывается, он еще не закончил.

— И несомненно, именно поэтому Гитлер назвал свое наступление на восток планом Барбаросса — для пробуждения великого духа императора Фридриха, давно спящего в горе и ожидающего призыва. Он хотел возродить магическую кровь давно почивших Меровингов. Основать утопический новый мир, основанный на чистоте крови.

КРОВЬ

Считалось, что кровь в их (Меровингов) жилах обладает магическими способностями: проходя по полям, они увеличивали урожайность посевов, умели понимать щебетание птиц и голоса диких зверей и были непобедимы в сражениях, обеспечивая тем самым продолжение рода...

Пипину (первому из Каролингов) не хватало магических способностей, унаследованных по королевской родословной. Поэтому он искал благословения Церкви... доказав, что царство дано ему не по крови, а от Бога. Таким образом, Пипин стал первым монархом милостью Божьей. Для придания важности церковному благословению Пипин был помазан и второй раз, теперь уже вместе с его двумя сыновьями, (Карлом Великим) и Карломаном, дабы соединить новую идею монархии божественного произволения с прежней германской идеей магической силы, передаваемой по крови. В то время (Ирод Антипа) практически всецело находился под влиянием женщины, навлекшей на него целый ряд несчастий.

Эмиль Шюрер. История Иудейского народа во времена Иисуса Христа

Несчастья валятся на род наш чередой Из-за стараний дамочки одной.

Гилберт и Салливан

Перед выходом в приемный зал для выслушивания жалоб и ходатайств тетрарх Галилеи и Перее Ирод Антипа, как обычно, заканчивал в своих покоях утренний туалет; он стоял, широко раскинув руки, чтобы троице его личных рабов было удобнее одевать его. Они прикрепили к ремням золотого нагрудника увесистую имперскую цепь и набросили на плечи тетрарха официальную красную мантию. По завершении одевания вольноотпущенник Ирода, Аттик, отпустив коленопреклоненных рабов и выставленную у дверей охрану, вышел вместе с тетрархом из крыла личных покоев огромного дворца Тиберия на утреннюю прогулку.

Только на такой ежедневной неспешной прогулке Ирод Антипа имел возможность подумать, и как раз сейчас причин для раздумий у него было более чем достаточно. Он уже знал, какие ужасные неприятности ждут его впереди: недавно прибывший императорский гонец, посланный из летней резиденции в Байях самим императором Калигулой (Антипа вообще предпочел бы забыть об этом императоре, возмнившем себя богом).

Антипа понимал, что эта напасть вполне могла оказаться самой худшей из всех несчастий, что выпали за последнее время на его долю. И в данном случае, как и во всех предыдущих неприятностях, проблема заключалась в его собственной семье. Может, так уж написано им на роду,

с мрачным юмором подумал Антипа. Многие отмечали, что за короткую историю династии Иродов у них не было недостатка в проблемах, связанных с кровным родством. Казалось, Иродам просто нравилось пестовать собственные семейные проблемы, будь то родственные браки, кровная вражда или даже массовая резня.

Червоточина проявилась в родословной Иродов сразу, начиная с отца Антипы, Ирода Великого, погрязшего в сладострастии и алчности и утолявшего жажду богатства и власти кровью своих же родственников: с десятком жен и множеством отпрысков он расправился с тем же рвением, с каким приносили на алтарь жертвенных животных.

Сам Ирод Антипа поначалу не мог и мечтать о престолонаследии. Но благодаря внезапной нехватке наследников по завещанию Ирода Великого его владения поделили между тремя его сыновьями: самим Антипой, его родным братом Архелаем и сводным братом Филиппом, сыном Клеопатры из Иерусалима. Сейчас уже оба эти брата умерли, и Антипа в свои шестьдесят лет оказался последним Иродом, еще владевшим иудейскими землями. Но сейчас все изменилось самым плачевным образом, по большей части из-за махинаций его амбициозной жены Иродиады.

С самого начала этой порочной любви, вожделенной и всепоглощающей страсти, испытываемой им к женщине, являвшейся, в сущности, его племянницей и — на момент их знакомства в Риме — женой его сводного брата Филиппа, Антипа знал, что на его голову посыплются проклятия.

Недовольство его иудейских подданных в Галилее, вызванное воровством законной супруги брата, усугубилось разводом Антипы с его первой женой, принцессой королевской крови.

Но дела пошли еще хуже, когда десять лет назад по подстрекательству Иродиады и ее дочери Саломеи Антипа устроил жестокую казнь духовного вождя популярной среди иудеев секты ессеев, повинного лишь в том, что он публично назвал жену тетрарха блудницей. Не удовлетворившись для спасения своей репутации казнью одного человека, жадная до власти Иродиада продолжала строить козни, на сей раз нацелив их против собственной семьи, давно готовой к подобным разборкам.

Более сорока лет назад, когда Ирод Великий казнил ее отца, мать увезла юную Иродиаду и ее брата Агриппу в Рим, где они воспитывались вместе с детьми императорской семьи. Агриппа стал теперь избалованным сверх всякой меры. Дожив почти до пятидесяти лет, он продолжал предаваться роскоши и разврату, а его единственная заслуга заключалась в приобретении царских замашек. В этом-то и была главная сложность. Ведь благодаря дружбе с Калигулой Агриппа, взлелеявший царские замашки, действительно стал царем.

После смерти Тиберия Калигула — этот ничтожный бывший плясун, унаследовавший императорский трон, — освободил Агриппу из тюрьмы и одарил его всяческими милостями, землями и титулами с той же безудержностью, которую он вскоре проявил и в иной сфере, растратив меньше чем за год наследство Тиберия, насчитывавшее двадцать семь миллионов золотых сестерциев. В числе вышеупомянутых пожалований Калигула отписал Агриппе владения, которые, по мнению Иродиады, безусловно должны были перейти к ее супругу Антипе, включая священную землю, где находился гроб Авеля, сына Адама и Евы, — то место, где пролилась первая человеческая кровь.

Еврейский народ извечно ломал голову над этим кровным парадоксом, ведь их Бог запретил пролитие любой крови заповедью «Не убий». Антипа, возможно, был единственным новообращенным еврейским сыном самаритянки, но, с заповедью или без нее, такой запрет оказался

как его личным испытанием, так и его личным страданием. И сейчас его вновь ждут испытания и страдания.

Ирод Антипа прекрасно знал, что отравы возжеленной власти еще бродит по жилам его родственников, не говоря уже о его жене. Уязвленная тем, что ее брат стал царем, хотя муж до сих пор оставался простым тетрархом, Иродиада пилила Антипу до тех пор, пока он не послал в Рим делегацию из Галилеи с дарами для алчного юного императора, надеясь на равное вознаграждение. Но такой подход сработал против них. Только что прибывший из Байев посланник Калигулы привез список дополнительных подношений, ожидаемых от тетрарха. И в этом списке было нечто такое, отчего сердце Антипы сжалось, поскольку предмет этот, помимо его известной ценности, имел глубинное значение лично для него, для него одного.

Это уходило в те времена, когда они приехали во дворец, построенный Иродом Великим в Махарее, к востоку от Мертвого моря, чтобы отпраздновать день рождения Антипы. С ними прибыла и Саломея, очаровательная юная дочь Иродиады. В честь праздника Саломея исполнила танец. Но конечно же, выбирая Махеру для празднования, Иродиада знала, что именно в этой крепости давно сидел в тюрьме ее заклятый враг. И после своего очаровательного танца Саломея попросила выполнить ее желание.

Та отвратительная сцена до сих пор снится Антипе в ночных кошмарах. Даже сейчас, после стольких лет, он с трудом мог думать об этом. Разъяренная Иродиада не удовольствовалась этой страшной смертью и стремилась усилить свое торжество. Она приказала, чтобы отрезанную голову ее жертвы принесли в большой зал, где они пиршествовали. О боги, ее принесли, точно голову кабана на блюде! Сама ситуация, конечно, была ужасной и тошнотворной, но об одной ее тайной и важной подробности Антипа частенько вспоминал, хотя и никому не говорил о ней все эти годы. Его тайные страхи касались самого блюда.

Антипа знал это блюдо с юности. Эту реликвию откопали в Храмовой горе во время грандиозной восьмилетней перестройки второго Храма, устроенной по приказу Ирода Великого. Считалось, что обнаруженную реликвию из числа сокровища царя Соломона в спешке зарыли, предвидя разрушение первого Храма. Но его отец Ирод обычно шутил (хотя Антипа даже подумать об этом боялся), что на самом деле то был щит, с помощью которого Персей защищался от змееголовой Медузы-Горгоны и превратил ее в камень.

И эта ужасная вещь теперь ассоциировалась в мыслях Антипы с отрезанной головой жертвы его жены: изможденное и искаженное лицо, открытые мертвые глаза и пропитанные кровью волосы. Интересно, откуда Калигула узнал об этом золотом блюде? И почему, во имя Господа, этот возомнивший себя богом мальчишка решил потребовать его в качестве подношения?

Вовсе не парадокс, но великая истина, подтвержденная всей историей, заключается в том, что человеческая цивилизация развивается лишь благодаря столкновению противоположностей.

И. Я. Бахофен

Именно расхождение во мнениях вынуждает лошадь скакать.

Марк Твен

Тяжело отдуваясь, Ирод Агриппа с трудом взбирался по склону холма. Сердце колотилось о ребра, по лбу струился пот, а его ношу разделял лишь один солдат из преторианцев — личной императорской гвардии. Ужасно, если о них узнают. Ведь все произошло при свете дня. А больше

всего он боялся, что кто-то может догадаться, что именно они несут сейчас под этим покрывалом. Кто бы мог подумать, удивлялся Агриппа, что такой стройный и изящный юноша, такой гибкий плясун, претендовавший на роль духа или бога, окажется тяжеленным, как мешок камней? Однако тридцать ножевых ударов, изрезавших лицо, живот и гениталии покойного Гая Цезаря, всего лишь двадцать минут назад резвившегося на колоннаде, должны были убедить любого, что император Калигула был кем угодно, только не богом.

Плоть была еще теплой, когда они волокли его останки вверх по склону Эсквилинского холма под сень Ламианских садов, но пропитанная кровью тога, подмерзшая на холодном январском воздухе, уже прилипла к покрывалу. Агриппа осознавал, что торжественные похороны едва ли возможны, учитывая обстоятельства жестокой смерти императора, но молился по крайней мере о том, чтобы им удалось быстро и тайно захоронить тело, прежде чем безумные толпы обнаружат труп и примутся за излюбленное в Риме развлечение — издевательство над покойными.

Жестокое убийство свершилось прямо на глазах у Агриппы. Он вместе с Клавдием и Калигулой едва успел выйти из зрительного зала, где они смотрели поэтические состязания. Калигула задержался, чтобы понаблюдать, как юноши репетируют военный танец троянцев, который им предстояло показать зрителям после обеда. Тогда-то на него и набросились.

Целый отряд мужчин — к изумлению Агриппы, в этот отряд входили избранные самим императором германские и фракийские телохранители — скопом набросились на Калигулу с копьями и мечами, выкрикивая богохульства и заживо разрубая его на части. За занавесом одной из колонн преторианцы обнаружили спрятавшегося Клавдия и ради его же собственной безопасности выдворили его за городские ворота.

Завершая адское деяние, отколовшаяся группа поспешила избавиться от жены и сына Калигулы, а заговорщики из числа сенаторов побежали созывать чрезвычайное заседание, чтобы устроить голосование за восстановление республики. Все произошло так быстро, за считанные мгновения, что Агриппа поднимался на холм, пребывая в полном смятении. Наконец они достигли лиственного сумрака садов и смогли положить свою ношу на землю. Присев на камень, Агриппа вытер пот со лба, а стражник начал копать.

В этот роковой день Агриппа вообще-то оказался в Риме по чистой случайности.

Два года назад Калигула за слишком большие претензии сослал в город Лугдунум (Лион), тот, что в Южной Галлии, Ирода Антипу и его жену Иродиаду, сестру Агриппы. Теперь его дядя Антипа уже умер, и Иродиада вместе с ним, а Агриппа вдруг осознал, что в его подчинении находится почти такое же по размерам, но далеко не такое же дружное царство, каким управлял когда-то его дед Ирод Великий. Однако вместе с царством он унаследовал и большинство его трудностей. Не последними среди них были попытки разрешения многочисленных конфликтов между римскими покровителями и его подданными, ревностно верующими иудеями.

Недавние волнения, которые и привели Агриппу в Рим на прошлой неделе, были спровоцированы последним решением императора Калигулы «преподать иудеям урок» за все те хлопоты, что они доставляли своим римским владыкам. Калигуле взбрело в голову установить гигантскую каменную статую, изображавшую его самого, божественного Гая, в самом центре Иерусалимского храма!

Ходили слухи, что эту статую уже везут на корабле в порт Яффы. Агриппа не сомневался, что в его владениях вспыхнут массовые мятежи и восстания, как только это изваяние выгрузят на иудейскую

землю, и поэтому спешно прибыл в Рим, чтобы выяснить, не может ли он изменить ход событий, уже пришедших в движение.

В конце концов, ведь Агриппа же вырос в кругу императорской семьи вместе с дядей Калигулы, Клавдием. И все эти годы он оставался достаточно близок с Калигулой, одаривавшим его своими милостями, золотыми цепями и драгоценностями, не говоря уж об отписанном ему царстве. В общем, у него имелись основания надеяться на то, что вместе с Клавдием ему удастся склонить молодого императора к разумному решению. Но в Риме Агриппу поджидало много удивительного, и едва ли он был готов принять произошедшие в императоре изменения.

В самую первую ночь, когда он крепко спал во дворце, его разбудила дворцовая стража. Его заставили одеться и спешно отвели в дворцовый зрительный зал. Там он увидел многих известных сенаторов и государственных мужей, а среди них и императорского дядюшку Клавдия — всех их этой глухой ночью тоже вытащили из-за надежных стен их домов.

Дрожа от страха, они наблюдали, как солдаты зажигают фитили масляных светильников на сцене. Клавдий уже хотел было что-то сказать, как вдруг под пронзительные и громогласные звуки флейт и медных тарелок на сцену выскочил император в облачении Венеры — короткой шелковой тоге и парике из длинных белокурых волос. Исполнив чудесную песенку собственного сочинения и сплясав танец, он исчез, словно его и не было!

— Такие выступления начались после смерти его сестры Друзиллы, — сказал Клавдий Агриппе, когда они вышли из зала. — Он спит по ночам всего пару часов, бродит по дворцу и вызывает к небесам, приглашая богиню луны занять место сестры в его объятиях на широкой постели. Как ты помнишь, Друзилла умерла десятого июня больше двух лет назад. Он был неутешен, много дней спал вместе с ее мертвым телом; его невозможно было увести от нее. Потом, сбежав от всех, он пронесся на колеснице по всей Кампании, сел на корабль в Сиракузах и исчез на месяц. В этом таинственном плавании он не брился и не стриг волос, а по возвращении всем своим обликом и поведением напоминал дикаря. С тех пор положение становится все хуже.

— Бог ты мой! — сказал Агриппа. — Может ли быть хуже того, о чем ты только что поведал?

— Еще как может, — возразил Клавдий. — Во время традиционного траура по Друзилле он объявил тяжким преступлением все развлечения — смех, купание и обеды в кругу семьи. Обвинил своих остальных сестер в измене и, отправив их в изгнание на Понтийские острова, продал их дома, драгоценности и рабов, чтобы пополнить собственные денежные запасы. Потом приказал построить для своего коня Инцитатуса конюшню из слоновой кости, украшенную драгоценными камнями. Он частенько закатывает роскошные пиршества, угощая Инцитатуса золотистым ячменем и усаживая его на место почетного гостя. Под самыми простейшими предложениями он отбирает и продает богатые имения, а в западном крыле императорского дворца у нас теперь что-то вроде публичного дома. Мне не раз приходилось видеть, как он пляшет босиком или даже катается по полу на кучах припрятанных им золотых монет. Год назад он отправился в военный поход по Галлии и Германии с явным намерением завоевать Британию. Но после долгой суровой зимы и шестимесячного похода, когда легионы наконец достигли пролива, Гай лишь приказал им собрать побольше морских раковин, а потом повел войско обратно в Рим!

— Но ведь Калигула задумал это завоевание сразу после смерти Тиберия, как только стал императором! — воскликнул Агриппа. — Почему же он отказался от своих планов, да еще таким

странным образом? Уж не повредился ли он умом?

— Скорее он ведет себя как обреченный и сам понимает это, — серьезно ответил Клавдий. — Последние предсказания были недобрыми. На мартовские иды в Капитолий в Капуе ударила молния; а еще, принося в жертву фламинго, Гай забрызгался кровью. В прошлом августе астролог Сулла составил гороскоп ко дню его рождения и сказал, чтобы он готовился к скорой смерти. В тот вечер Мнестер исполнял трагедию, что показывали в ту самую ночь, когда убили Филиппа, отца Александра Македонского.

— Неужели ты серьезно относишься к подобным вещам? — спросил Агриппа.

Впрочем, воспоминания его юности доказывали, что императорская семья, как и большинство римлян, слепо верила предсказаниям, читаемым по внутренностям диких зверей и птиц, и вообще всевозможным пророчествам. Неужели им не хватает древних Сивиллиных книг, отделанных золотом?

— Сейчас это уже не важно, — ответил Клавдий. — Разве ты не понимаешь? Если мой племянник умрет прямо сейчас, то, учитывая все, что мы узнали, я сам отправлюсь завоевывать Британию!

«Марии, матери Марка,

Иерусалим, Римская Иудея,

От Иоанна Марка,

Антиохия, Сирия.

Почтенная и любимая матушка!

Что же мне рассказать вам? За последний год в нашей церкви в Антиохии так многое изменилось, что трудно понять, с чего же лучше начать. Однако по-прежнему невозможно представить, что на этой пасхальной неделе исполнится десять лет со дня смерти Учителя. Сама мысль об этом терзает мне душу. Я еще прекрасно помню, как часто навещал Учитель наш дом во времена моей юности. А особенно живы в памяти события той его последней трапезы с учениками, что происходила в нашем доме.

Как я гордился, что именно мне поручили сбегать с кувшином за водой к источнику, чтобы его собравшиеся ученики могли последовать туда за мной и узнать, где состоится их встреча! И по правде сказать, именно эти самые воспоминания побудили меня сегодня написать тебе.

Дядя Варнава (кстати, он просил, как обычно, чтобы я послал вам его сердечные братские поклоны) сказал, что, по его ощущениям, я изрядно преуспел в толковании наследия Учителя и поднаторел в изучении латыни и греческого, поэтому грядущим летом, когда мне исполнится двадцать один год, я отправлюсь вместе с ним к язычникам с моей первой самостоятельной апостольской миссией.

Конечно, это прекрасная новость, и я уверен, что ты будешь гордиться моими успехами в нашем втором главном храме после Иерусалима. Но меня огорчает одно обстоятельство, и я хочу попросить твоего совета. Только, пожалуйста, не говори об этом никому, даже таким ближайшим друзьям, как Симон Петр. Причины моей последней просьбы ты вскоре сама поймешь.

Пришел тут как-то к нам в Антиохию один человек и выразил желание дяде Варнаве поработать в нашем храме. Странник тот воспитывался на севере, в Киликии, в иудейской диаспоре колена Вениаминова. Будучи юношей, он учился у равви Гамалиила в храме Иерусалима, так что, возможно, ты знаешь его. Его зовут Савл из Тарса... В общем, матушка, именно его поведение огорчает меня. Я боюсь, что если пустить все на самотек, то дела пойдут еще хуже.

Следует сразу же добавить, что этот Савл из Тарса обладает многими достоинствами: он не только сведущ в Торе, Мишне и древнееврейском языке, но также хорошо владеет латинским, греческим, финикийским и литературным арамейским. Он родился в богатой и уважаемой семье, до сих пор остающейся основным поставщиком той прочной жестяной ткани из козлиного волоса, *cilicium*, которую римские легионы используют на востоке для всего, начиная от обуви и кончая палатками. В результате его семья получила наследственные права на римское гражданство. Очевидно, ценные качества, присущие этому Савлу из Тарса, вполне объясняют привязанность к нему дяди Варнавы. Именно это обстоятельство, матушка, и настораживает меня больше всего. Конечно, с самого рождения Савл из Тарса находился в привилегированном положении, он много путешествовал и является достойным уважения образованным и богатым римским гражданином. Но что Учитель больше всего порицал в этом мире? Можно сказать коротко, одним словом: привилегии, привилегии такого частного рода. Чтобы подчеркнуть имеющееся здесь противоречие, я должен подробнее рассказать о событиях, предшествующих обращению самого Савла к нашим порядкам, — заметьте, я не говорю в «нашу веру», поскольку на сей счет у него имеется совершенно особое мнение. И уверяю вас, дальше я буду рассказывать только то, что слышал из уст этого парня.

Проходя обучение у знаменитого Гамалиила в Иерусалиме, Савл первым делом познакомился с многими яркими представителями различных религиозно-политических течений — zelотов, сикариев и ессеев, — призывающих к свободе от римского владычества. Он сталкивался также с теми, кто подобно брату Учителя, Иоанну Крестителю, призывал вернуться к природе и, облачившись в шкуры, питался только акридами и диким медом. Самым жалким, по мнению Савла, было течение, проповедуемое нашим Учителем и его учениками.

Став изощренным философом в своей свободной Киликии, Саул испытывал сильное отвращение к проявлениям сельской грубости. К тому же, будучи иудеем, он почитал превыше всего на земле статус гражданина Римской империи, считая это единственным пропуском в цивилизованный мир! А к вождям иудеев он относился не лучше, чем к своре мятежников. Их истерические требования свободы от римского владычества, как религиозной, так и политической, приводили его в полнейшее негодование. Ведь ради жалкой и якобы так необходимой им свободы они упорно подстрекали провинциальных жителей выступить против всей огромной Римской империи. Их нужно было остановить.

Савл просил своего учителя Гамалиила разрешить ему выследить таких подстрекателей — он хотел притащить их в храм и осудить как еретиков согласно римскому закону. Но Гамалиил мудро ответил, что это прямо противоречит предписанному иудейскому закону, установленному уже во времена его дедушки, великого Гиллеля. В яростном разочаровании Савл отказался от дальнейшей учебы и направил свое прошение к первосвященнику Каиафе, ставленнику Рима, который с радостью встретил новоиспеченного помощника в его особой миссии по утверждению Римского владычества и усмирению любых форм мятежа. Савл вскоре проявил себя прекрасным кандидатом для осуществления кровопролитных преследований.

Матушка, вы едва ли поверите мне, если я скажу, что Савл из Тарса лично находился в той толпе, что требовала смерти Учителя перед дворцом Пилата за день до его осуждения! Вскоре после этого Савл вновь затерялся в толпе, которая до смерти забила камнями яркого защитника нашей новой веры, Стефана, — хотя теперь Савл заявляет, что сам не бросил ни единого камня, а лишь

подначивал остальных, чтобы лучше целились! Этот человек совершенно недобросовестный, хотя рассказ о его собственном «обращении» можно назвать мало-мальски правдоподобным.

Несмотря на многочисленные дарования, у Савла из Тарса есть серьезный физический изъян. Он страдает падучей болезнью, тем недугом цезарей, что греки называют *epilepsia* — что-то вроде припадка. Я видел такие припадки своими глазами: весьма неприятное зрелище. Однажды он держал речь — кстати, язык у него подвешен отлично — и вдруг упал на землю, словно одержимый демонами, на губах выступила пена, глаза закатились, а из горла вылетал какой-то хрип. Теперь он постоянно таскает за собой своего личного лекаря.

С таким же припадком связана и история его обращения в последователи Учителя, в которой, разумеется, много странностей, совершенно недоступных для проверки. Савл утверждает, что вскоре после того, как закидали камнями Стефана, он отправился с поручением в Дамаск, намереваясь выследить кого-то из наших сторонников по поручению первосвященника Каиафы. Но на подходе к городским воротам с Савлом случился один из его припадков. Он рухнул на землю, ослепленный ярким небесным сиянием. А потом услышал голос Учителя, спросивший, почему Савл преследовал его!

Люди из нашей когорты нашли Савла на дороге, привели в Дамаск и позаботились о нем. И хотя он оставался слепым много дней, наконец им удалось вернуть ему зрение. Потом он удалился в пустыню, где провел в одиночестве несколько лет (правда, он предпочитает умалчивать о своих тамошних занятиях). Однако в итоге он убедил себя, что получил личный призыв от Учителя, который ниспослал ему, и только ему одному, особое прозрение. Поэтому он отправился в Иерусалим на встречу с братом Учителя Иаковом и Симоном Петром, чтобы объявить о своем намерении стать во главе нашей церкви на основании своего единственного и весьма сомнительного видения. Как я слышал, они отказались признать его, и он вернулся на север к дяде Варнаве как независимый проповедник нашей церкви. Я хочу сказать, матушка, что эти измышления сплетены так искусно, как только и мог сплести такой умелый ткач, как Савл из Тарса! Разве не может быть его припадок просто гениальным планом для проникновения в нашу среду? Что, если он изобразил чудотворное озарение и прошел через ворота Дамаска, словно Троянский конь, чтобы подточить нашу веру изнутри, подобно червям? Возможно ли, чтобы Варнава привязался к такому отъявленному шарлатану или поверил такой явной махинации? Но если бы дело тем и ограничилось, то я не стал бы писать вам письмо. Меня тревожат гораздо более серьезные события, и я полагаю, что они предвещают большие несчастья.

Вы помните, как лет восемь или девять назад, уже после смерти Учителя, Мария из Магдалы обошла нас всех и передала просьбу Иосифа Аримафейского рассказать все, что каждый из нас мог припомнить о последней неделе жизни Учителя на земле? Хотя тогда я еще был ребенком, но даже меня попросили рассказать ей все, что я знал — и что, по-видимому, оказалось весьма кстати.

Только в прошлом году я получил письмо от Марии из Эфеса, после чего она сразу отправилась в Галлию, чтобы присоединиться там к миссии ее брата и сестры. В этом письме Мария сообщила мне, что запечатала множество свитков из тех рассказов очевидцев в глиняные цилиндрические сосуды и отправила их — при посредстве Иакова Зеведея — к Иосифу Аримафейскому в Британию. Сначала я не обратил особого внимания на остальную часть письма. И лишь когда Савл из Тарса сказал, что ему кое-что известно об этих документах, и начал задавать разные вопросы, я более серьезно

задумался об их значении.

Мария получила наконец сообщение от Иосифа, что эти документы, наряду с собранными им самим сведениями, помогли ему сейчас гораздо лучше разобраться в событиях той недели, чем это было возможно сразу после смерти Учителя. Хотя Иосиф не стал объяснять все подробности до прибытия Марии в кельтские земли, она поделилась со мной в общих чертах его открытиями: оказалось, что все увиденное, услышанное и даже сделанное мной во время того пасхального ужина, на котором я исполнял роль водоноса, помогло им создать более полное представление о случившемся. Но если бы Мария не напомнила мне в письме о последних наказах Учителя, данных мне на том роковом вечере десятилетней давности, сам бы я ни за что не догадался, что на самом деле означают его указания.

Он велел мне взять большой кувшин и пойти к Змеиному пруду, а потом, дождавшись его учеников, я должен был пройти через Ессейские ворота и привести их к нашему дому на горе Сион. А им он дал один наказ: следовать за водоносом. Но лишь после объяснений Марии я понял, что водоноса еще называют Водолеем, как то созвездие, что будет символом будущей новой эры, которая наступит после нынешней. «Ибо я есмь альфа и омега, первый и последний», — говорил Учитель. Возможно, он имел в виду, что он сам связывает начало и конец нынешней эры?

Этот вопрос приводит меня обратно к Савлу из Тарса, матушка. Хотя я живу рядом с этим человеком уже почти год, он оставался для меня загадкой. Но сейчас как раз, я полагаю, кое-что прояснилось: он сменил имя, и теперь его зовут Павел. Некоторые считают, что он просто подражает хорошо известной причуде Учителя давать прозвища всем своим ученикам. Но мне кажется, я докопался до истины и она связана с любовью Учителя к выявлению скрытых значений чисел — geomatria. И я сам вычислил, какое скрытое значение может иметь такое символическое изменение.

Числовое выражение суммы еврейских букв слова «Савл» равняется девяносто, что соответствует записи tzaddi, а с точки зрения космологии представляет астрологическое созвездие Водолея. Но «Павлу» в еврейской науке магических чисел соответствует число сто десять, gorph-yod, что является символами рыбы и девы — а ведь наша, только что начавшаяся новая эра проходит под знаками созвездий Рыб и Девы.

Примерно то же самое дают нам магические числовые значения греческих букв: слово «Савлос» соответствует числу девятьсот один и представляет Iakkhos — Бахуса или Диониса — водоноса, который начнет не наш век, а следующий, в то время как «Павлос», соответствующий числу семьсот восемьдесят и восемьдесят один, символизирует, с одной стороны, Софию или Деву, а с другой стороны — Ophiuchus, созвездие Змееносца, то есть морского змея или рыбу.

Отсюда, матушка, я полагаю, что Савл, назвавшись Павлом, замыслил объявить скорее себя, чем Учителя, божеством грядущего века».

«Марии из Магдалы,

Масиллия, Римская Галлия,

От Марии, матери Марка,

Из Иерусалима, Римская Иудея

Дорогая Мария!

Надеюсь, ты простишь мне беспорядочность моих мыслей и неразборчивость почерка. Хотя корабли в Массилию теперь отправляются из Яффы каждую неделю, я знаю, что ты не собиралась надолго

задерживаться в Галлии и что вскоре отправишься дальше на север, чтобы встретиться со своей семьей в Пиренеях. Поэтому я спешу отправить это письмо как можно скорее.

Я также вкладываю в него письмо, только что полученное мною от сына. Как ты узнаешь, он просит, чтобы я никому не рассказывала о его мыслях. Но его письмо, Мария, вызвало у меня очень тревожные чувства.

Боюсь, мне следовало бы рассказать тебе все раньше, сознавая твою апостольскую восприимчивость и миссию. Однако должна признаться, что определенные события прошлого мало значили бы для меня, если бы последнее письмо Иоанна не оживило так много воспоминаний о последней неделе жизни Учителя. Особенно важно то, что случилось в самый последний вечер.

Как ты, конечно, знаешь теперь из рассказов, полученных от всех остальных, даже еще не читая письма от Иоанна, последний пасхальный ужин проходил здесь, в моем доме в верхнем городе. Но возможно, никто, кроме меня, не знает, что сам Учитель спланировал эту трапезу в мельчайших деталях. Наряду с многочисленными указаниями он вполне определенно высказался о своем желании устроить эту трапезу в большой горнице моего дома; некоторые из его указаний казались мне поразительно расточительными. Самое важное, как постоянно подчеркивал Учитель, точно выполнить все его указания относительно сборов, проведения и завершения трапезы. Потом он добавил, строго по секрету, что надеется после ужина удалиться в пещеру в Гефсиманское имение Иосифа для проведения некоего ритуала посвящения. Теперь это кажется мне важным.

В тот вечер Роза и мои остальные слуги приготовили еду и отнесли все блюда наверх заранее, поскольку Учитель попросил, чтобы мои домочадцы им не мешали. Только я и мой сын Иоанн обслуживали гостей во время ужина. Это объясняет, почему я так удачно смогла увидеть и услышать все, что происходило на той знаменательной трапезе. Вскоре после нее я записала все это в виде истории. Но только сейчас впервые увидела тот вечер совершенно в ином свете. И знаешь, Мария, хотя ты сама не присутствовала на этой трапезе и, возможно, мои слова потрясут тебя, но, перечитывая свои записи, я осознала, что большинство событий того странного ужина были связаны именно с тобой.

Конечно, мне давно стало ясно, что должно быть веское объяснение для того, почему тебя не пригласили на ужин, который, как Учитель наверняка знал, будет его последней трапезой с учениками. В конце концов, все знали, что ты была избранной ученицей — «альфа и омега», как он обычно называл тебя, так ведь? Кроме того, после его смерти ты стала первой свидетельницей его вознесения к Господу. Но главное, как я теперь понимаю, Мария, бесспорно то, что ты уже задолго до ужина приобщилась к Таинствам!

Несомненно, ты получила много рассказов о тех событиях от всех присутствовавших на ужине. Но их рассказы, наверное, сосредоточивались на их собственном участии, и они могли упустить общие важные моменты. На самом деле, по-моему, всю эту трапезу и ее события Учитель задумал как своеобразное испытание для его учеников, чтобы посмотреть, по его словам, кто из них тянет на пшеницу, а кто на плевелы. Иными словами, кто из них — в этот последний вечер жизни Учителя — окажется достойным преображения, предложенного им в конце испытания. Я записала эту историю как посторонний наблюдатель. И прошу тебя одну быть судьей.

За несколько дней до Пасхи, по причине, неизвестной никому, кроме него, Учитель сообщил своим ученикам, где именно они должны войти в город в тот вечер, чтобы узнать место их ужина: они

должны будут ждать у Змеиного пруда вблизи Ессейских ворот в южной стене города. Туда придет за водой человек с кувшином, и он приведет их, одного за другим, в назначенное место. Так Учитель хотел убедиться, что только двенадцать учеников будут присутствовать на ужине. По прибытии самого Учителя, следовательно, стало их тринадцать.

Вышел у них какой-то спор из-за странной таинственности и необычной подготовки к ритуальной трапезе, ведь древние правила такого ритуала, передаваемые из поколения в поколение более тысячи лет, изначально были получены Моисеем непосредственно от Бога. И они не понимали, как же узнать, к примеру, что нынешняя трапеза приготовлена согласно Торе с соответствующими правилами очищения и способами готовки? К тому же, согласно Мишне, закваску должно искать при свете светильников и выбросить в предыдущий вечер — и как же понять, верно ли все сделано?

Учитель не обратил внимания на их жалобы. Он пожал плечами и просто сказал, что все готово.

Удивительно было и то, что водоносом оказался юный Иоанн Марк, десятилетний сын Марии, которая вместе с ее братом

Варнавой с Кипра числилась среди богатейших покровителей Учителя. В ее великолепном доме на западном склоне горы Сион многие годы с радостью принимали Петра Симона, когда он приходил из Галилеи, да и самого Учителя с учениками; как известно, они засиживались до глубокой ночи, беседуя у камелька, а ее слуги роскошно обслуживали их.

Но на сегодняшнем вечере будет еще много удивительного. Каждого ученика приветствовала у ворот Роза, домоправительница Марии, матери Марка, а далее его вел другой слуга, но не в столовую, как обычно, а вверх по нескольким лестничным пролетам в неизвестное помещение под самой крышей дома. Более того, эта верхняя горница отличалась таким богатым убранством, какого еще никто не видывал в домах: низкие мраморные столы, затейливо инкрустированные разноцветными камнями, отражали желтый свет подвесных персидских светильников; полы и стены украшали толстые ковры с ионийского берега и живописные гобелены, напоминающие о северном африканском побережье; по всей горнице были расставлены внушительные сосуды с чаем и гигантские вазы, до краев наполненные пенистым вином.

Многие из двенадцати учеников вполне преуспели в жизни, освоив разного рода занятия, ведь Матвей стал сборщиком налогов, а Симон, Андрей и Зеведеи руководили богатым рыболовным хозяйством. Однако и они опешили от такого потрясающего убранства, сравнимого, видимо, с упаднической роскошью римских дворцов. Смущенные гости тихо разглядывали верхнюю залу дома Марии, матери Марка, обставленную большими римскими диванами, где во время еды свободно могли разместиться три человека, и даже не смели налить себе вина или поделиться толком своими мыслями, пока наконец не пришел Учитель.

Он выглядел озабоченным и жестом предложил всем сесть. Сам же он пока не садился, а прохаживался около двери, как будто в ожидании какого-то события. Слуги принесли большие чаши с водой и полотенца. Когда они удалились и дверь за ними закрылась, Учитель, не говоря ни слова, взял одну чашу с полотенцем и поставил ее около стола. Потом, сняв верхнюю одежду, он препоясался полотенцем, опустился на колени пред Иудой и начал мыть ему ноги. Остальные пребывали в полнейшем недоумении и смятении. Особенно когда осознали, что он собирается повторить эту процедуру для каждого из них. По очереди он подходил к ученикам, омывал их ноги и насухо вытирал полотенцем, не обращая внимания на их обеспокоенные взгляды. Но когда Учитель

подошел к Симону Петру, тот вскочил на ноги и воскликнул:

— Нет, нет, Учитель! Я никогда не позволю тебе умыть мне ноги! Только не мне!

— Тогда, видимо, у нас нет ничего общего, — тихо сказал ему Учитель. Он не улыбался. — Если ты свято веруешь, что я твой Учитель, то должен последовать моему примеру. Я надеюсь, вы сделаете так же, когда меня уже не будет здесь, чтобы показать, что такое любовь. Подумай, Петр, о самонадеянности того слуги, который, ничего не ведая, считает себя более великим, чем тот, кто послал его. После моего ухода, я надеюсь, моих последователей узнают по тому, как они служат друг другу и любят людей.

— Тогда умой и меня, Учитель! — с воодушевлением воскликнул Петр, вновь поспешив сесть на место. — И не только ноги мои, а также руки и голову.

Учитель рассмеялся.

— Омытому нужно только ноги умыть, потому что чист весь, — сказал он. И, загадочно взглянув на Иуду, добавил: — И вы чисты, но не все.

Такое замечание позже многие истолковали как намек на «грязные» деньги, полученные Иудой в обмен на его предательство.

Вновь надев полотняную одежду, он возлег на диван между Симоном Петром и Иоанном Зеведеем, которого ласково называл *parthenos*, то есть девственником, за его девственное и даже наивное целомудрие. Во время всей трапезы Учитель ел мало, не считая нескольких глотков ритуального вина и традиционной пробы символической пищи, зато много говорил, и слова его отличались какой-то волнующей глубиной.

Очевидно, главной его целью на ужине была именно эта тема: он рассказывал — как предписывали вековые традиции — историю Пасхи и исхода людей из Египта. Но несмотря на острый интерес Учителя к древнееврейскому закону, всем присутствующим показалось, что он придавал особое значение пище и напиткам на этой ритуальной трапезе и более подробно вспомнил о запретах, наложенных Господом, особенно на закваске. Вот что рассказал тогда Учитель.

Существуют вещи, с помощью которых человек выполняет его долг на Пасху: ячмень, пшеница, полба, рожь и овес.

Пятый раздел Мишны, трактат 2

В древности так называемые священные дни праздников Пасхи и опресноков, знаменовавшие праздник чудесного освобождения из египетского плена и праздник пресного хлеба, считались отдельными событиями, в отличие от нашего времени. Праздник неквашеного хлеба был более древним обычаем, восходящим ко времени Авраама и Ноя, и лишь позже он стал частью пасхальной традиции в память освобождения нашего народа от рабства в Египте.

Первая пасхальная трапеза готовилась на скорую руку, поскольку народ наш готовился к бегству. На притолоках домов, как завещано, были написаны кровью агнца знамения *tau*, чтобы отличить наши дома от домов египтян, чьих первенцев мужского пола от человека до скота поразит Господь, не тронув наших собственных. Также, как заповедано, перед тем исходом не разрешалось держать ничего заквашенного.

В этой заповеди говорилось о пяти особых злаках: ячмене, пшенице, полбе, ржи и овсе. Каждое из этих созревших растений, залитое водой, быстро начинало бродить. И сказал Господь Моисею и Аарону: «Семь дней ешьте пресный хлеб; с самого первого дня уничтожьте квасное в домах

ваших», — с четырнадцатого дня месяца нисана и до вечера двадцать первого того же месяца, когда они покинут Египет. А неподчинившихся Господь грозил истребить навечно из среды Израиля. Почему же так важна эта странная заповедь? Ведь праздник пресного хлеба старше, чем исход Моисея из Египта, а обычай поиска закваски уходит в глубочайшую древность, когда не ведал еврейский народ о вечно сущем едином истинном Боге. Что же это означает?

Число злаков, определяемых нами как квасные, — пять — считалось важным для греков, они называли число пять квинтэссенцией: пятой чистой сущностью, высшим уровнем реальности, к которому стремятся все остальные. Пятиконечная звезда — пентакль с Пентагоном в его центре — была символом Пифагора, а еще раньше и царя Соломона. Она утверждает мудрость, отраженную в яблоке, природной форме, скрывающей этот символ в своей сердцевине. И в этом символе — истиной печати Соломона — заключена тайна вечного огня.

Процесс закваски поднимает сущности на более высокий уровень и изменяет их. Понятно, что во время первой Пасхи Господь запретил евреям заниматься суетным квасным процессом ради изменения их на более высоком уровне, дабы приобщить их к небесному хлебу, который Пифагор называл вечным бродильным ферментом, той пищей, что известна нам как манна, мудрость, sapientia, Слово Божие. Все это связано с таинственным, незримым элементом — древние мудрецы называли его эфиром, той осью, что связывает воедино все сущее в мировом универсуме.

Мария, я могу сказать тебе, что, когда Учитель закончил этот рассказ, никто в верхней горнице моего дома не произнес ни звука. Учитель медленно обвел взглядом круг своих учеников и в полнейшей тишине озадачил всех неожиданным вопросом.

«Знает ли кто-либо из вас, кто такая на самом деле Суламита? — И добавил: — Я говорю о смуглой и прекрасной таинственной возлюбленной царя Соломона из книги Песни Песней. Суламита означает Салимита, поскольку она жила в городе Салим — так в давние времена назывался Иерусалим. Если уж Соломон попросил Господа отдать ее ему в жены, то, возможно, она была древнее самого города. Так кем же она была на самом деле?»

Все озадаченно молчали, а потом Симон Петр собрался с духом и ответил за всех.

«Но, Учитель, уже тысячи лет со времен царя Соломона талмудисты и священники спорят по поводу личности той знаменитой женщины, — возразил он, — ведь ее нельзя назвать царицей, законной женой или наложницей, сказано лишь, что она была простой владелицей виноградника. И все изыскания этих мудрецов оказались безуспешными. Мы все, собравшиеся в этой комнате, несведущи в мудреных понятиях Торы, как же можем мы надеяться, что нам удастся хоть в чем-то превзойти ученых мужей?»

Ответ Учителя, произнесенный все тем же проникновенным тихим голосом, так сильно поразил Петра, что он содрогнулся.

"Возможно, Мария из Магдалы знает ответ. — Лицо Учителя озарилось улыбкой. — Это запутанный вопрос. Но вероятно, вы вспомните, что в канун того вечера, когда Соломон начал строить храм, Господь явился к нему во сне и сказал, что исполнит любое его желание. Молодой царь ответил, что желает лишь объединиться брачными узами с Суламитой...»

«Прости меня, Учитель, — вмешался юный Иоанн Зеведей. — Я боюсь, что это не так. Всем известно, что первой женой Соломона была дочь фараона. Более того, в ту ночь Соломон просил Господа только об одном — о мудрости — и даже не вспоминал о брачных узах».

"Верно, — согласился Учитель, по-прежнему улыбаясь. — У Соломона было много жен, как ты правильно заметил, но одна оставалась главной в его сердце, и с этой таинственной красавицей он празднует свое обручение в Песне Песней. Может ли быть лучшая невеста, чем Мудрость, для царя, желающего обрести спутницу на все дни его жизни? В Песне Песней она сама говорит нам, что ее символ — пятиконечная звезда, которую Соломон позже признает как свою личную печать: «Положи меня, как печать, на сердце твое, как перстень, на руку твою: ибо крепка, как смерть, любовь... стрелы ее — стрелы огненные; она — пламень весьма сильный».[61] Вот оно, тайное пламя, вечный бродильный фермент. Для греков утренней звездой были Артемида или Афина, девы, известные их мудростью. Вечерней звездой была Афродита, богиня любви. Мы знаем, что у нас эти две звезды объединяются в одну, а следовательно, еще в самые ранние дни люди держали ключи от этого высшего таинства: им открылось, что единение мудрости и любви, то есть любомудрие, позволяет проникнуть даже за пределы смерти".

В комнате воцарилась ошеломленная тишина, а Учитель слегка взъерошил волосы вконец смутившегося юного Иоанна Зеведея, который полулежал рядом с ним на диване. Потом он жестом подозвал моего сына, чтобы он налил ему еще вина.

«Учитель, прости меня, — сказал Филипп из Вифсаиды. — Твои слова, кажется, затрагивают прошлое, настоящее и будущее, поэтому я никогда не понимаю, как именно истолковывать то, что ты говоришь. Но, говоря о любви, ты, конечно же, подразумеваешь, что наша любовь к божественному, правильно воспитанная и воспринятая, поможет нам превзойти даже смерть? Но все же надо признать, что Песнь Соломона, как и сам этот исторический царь, предполагает совершенно иной, чувственный, можно даже сказать, плотский вид любви — а такое живописание едва ли подходит к образу грядущего предсказанного тобой царствия».

«Действительно, Филипп, — сказал Учитель. — И именно в этом заключается таинство»».

«Марии из Магдалы,

Лугдун, Галлия,

От Иосифа из Аримафеи,

Мона, Ирландское море, Британия.

Дорогая Мария!

Как ты понимаешь, я получил твою последнюю посылку, хотя добиралась она ко мне сюда достаточно долго. Вследствие прошлогоднего «вторжения» в Южную Британию императора Клавдия я временно перенес наши основные действия на север, в друидическую крепость, где нам оказывают всяческую поддержку. Хотя моей жизни ничего не угрожало: высадка римлян закончилась бескровным захватом, не было никаких убитых и даже раненых, римляне пробыли здесь пару месяцев и уехали, оставив лишь несколько легионов для начала строительства, — тем не менее я боялся за сохранность тех вещей, которыми владею, ведь, как ты знаешь, они имеют известную ценность. И она непосредственно касается темы твоего письма.

Как бы мне лично ни хотелось увидеться с тобой, но, обдумав твоё предложение, я должен сказать, что сейчас неподходящее время для твоего путешествия сюда из Галлии. Ниже я объясню все более подробно. Но сначала позволь передать тебе, какое огромное потрясение вызвали у меня присланные тобой новые сведения, которые я всесторонне изучил и рассмотрел.

Продолжают редеть ряды наших исходных сторонников под ударами римских правителей и их

ставленников. Прошлой весной по приказу Ирода Агриппы подвергся жестокой казни Иаков Зеведей, а Симона Петра арестовали после его добровольного ухода на север, и в свете таких печальных событий я пришел к пониманию того, как важно для нас собрать воедино все сведения и получить по возможности более полное представление о том, что Учитель пытался завершить в ту роковую последнюю неделю его жизни.

Более того, учитывая все его предупреждения о лжепророках, кажется очевидным, что Иешуа предвидел появление таких личностей, как Савл из Тарса, упоминаемый в письме Иоанна Марка; предвидел, что они могут попытаться переиначить все его проповеди. Поэтому я постарался соединить присланный тобой новый рассказ о событиях последней трапезы Учителя с его учениками и уже собранные нами сведения. И я согласен с тобой: теперь нам стало гораздо понятнее, что именно он хотел донести до нас в своих откровениях.

Прежде всего, Учитель показал нам, что сам является божественным слугой, чья главная задача — в ритуальном очищении храма и всех, кто хочет войти в него. Смирение. А сравнив свою плоть и кровь с хлебом и вином, он, подобно Исааку, изъявил готовность принести собственное тело и дух в качестве традиционной ритуальной жертвы. Самопожертвование.

Если бы в ту ночь его так быстро не арестовали в моем саду, то он успел бы завершить посвящение Иоанна Зеведея, как намеревался. (И мне лично вполне понятно, почему Иоанн теперь так возмущается, ведь ты единственная ученица, получившая полное посвящение непосредственно из рук Учителя.)

И в конечном счете ты, должно быть, тоже догадалась из письма Марии, матери Марка, что раз уж Учитель тщательно продумал все детали этой трапезы, то, вероятно, не меньшее внимание уделил он и остальным событиям той недели. Возможно, настаивая на проведении ужина в верхней горнице, он хотел скрыть значимость для него неких особенных предметов — к примеру, той чаши, из которой он пил в ее доме и которую позже, как ты говорила мне, передали тебе на хранение по его просьбе. Сейчас я вдруг понял, что он, видимо осуществляя свой тайный замысел, устроил все так, чтобы каждый из нас получил один из тех предметов, которых он касался — или которые касались его — в последние дни его земной жизни, и хотел, чтобы мы сохранили их в особом месте до его возвращения. К примеру, его облачение сохранил Никодим после того, как мы омыли его тело. А я храню наконечник проткнувшего его копья, которое мне было поручено вынуть из древка того римского центуриона. Наверное, эти предметы обладают какой-то священной силой — и, возможно, все они гораздо старше, чем нам представляется.

Но мне на хранение передали еще несколько предметов, поскольку, как ты понимаешь, Британия оставалась одним из немногих краев, не зависимых от римского владычества или влияния. То есть так было до настоящего времени. И единственно поэтому, Мария, я опасаюсь твоего приезда сюда с этой чашей. По-моему, пришло время мне поделиться с тобой сведениями, которые тебе надлежит знать, если что-нибудь случится со мной.

Вероятно, ты помнишь, что двенадцать лет назад, как раз перед смертью Учителя, я вернулся из одного путешествия. По поручению Синедриона я ездил тогда с особой миссией на Капри, где с успехом завершилось мое ходатайство перед императором Тиберием о возвращении изгнанных евреев в Рим. Но тебе, скорее всего, неизвестно, что в той поездке сопровождал и защищал меня не кто иной, как человек, недавно вторгшийся в Британию: Клавдий.

Более того, наш новоиспеченный император, видимо, осознает, что эта беседа с его дядей Тиберием была у меня не последней. Действительно, я ездил к Тиберию на остров Пакси примерно за неделю до его смерти. И если Клавдий узнал, что мы там делали, то нам стоит задуматься, какие именно причины побудили его к завоеванию Британии. Он оставил здесь три легиона, и они теперь активно занимаются строительством дорог и возведением городов, очевидно, готовясь по его предусмотрительному приказу к основательной жизни в Британии. Используя труд местных жителей, они строят храм в Камулодунуме.[62] Видимо, императору Клавдию не удалось пока найти здесь желаемое. Но похоже, в будущем он планирует провести более тщательные поиски».

Пока живу, пускай земля огнем горит.

Нерон

По мере того как рабы развязывали вплетенные ленты и распускали длинные светлые волосы, они прядь за прядью разлетались бурными волнами по голым плечам императора Нерона. Он сидел обнаженный перед большим зеркалом, пристально разглядывая свое отражение холодными голубыми глазами.

Да, правда. Он действительно стал похож на Феба Аполлона, как все утверждали. Черты его лица, словно высеченные из мрамора, были вполне красивы. Он добавил немного румян на губы, чтобы подчеркнуть их чувственный вид. Это объясняло его привлекательность практически с детства как для женщин, так и для мужчин.

Встряхнув распущенными волосами, роскошно ниспадавшими до талии, он встал, чтобы насладиться более полным и замечательным видом собственного отражения в зеркале — крепкой и сильной мускулатурой, развившейся благодаря нескольким годам бойцовских состязаний на олимпиадах в Греции, где, в сущности, он сразу завоевал несколько главных медалей. Ах да, надо бы не забыть. Он наклонился вперед и написал памятную записку: «Дать свободу провинции Олимпия».

Подумать только, в семнадцать лет он уже стал правителем самой большой империи в мировой истории и, безусловно, единственным императором, обладавшим ангельским голосом и божественной красотой. Все это свалилось ему на голову только благодаря тому, что его драгоценная мать, Агриппина, оказалась достаточно умной, чтобы выйти замуж за своего дядю Клавдия, который так удачно умер, откусав случайно ядовитых грибов. Вскоре после этого Нерон причислил Клавдия к сонму богов, пояснив в ходе своего панегирика, что это вполне уместно, поскольку грибы, как известно, являются пищей богов.

Слуги только что перекинули ему через голову пурпурную шелковую тогу, поправили локоны и закончили ритуал облачения, набросив на плечи расшитый золотыми звездами плащ, когда его мать собственной персоной явилась в личные покои Нерона. Она выглядела прекрасно, как обычно, поэтому он сердечно обнял ее и нежно поцеловал в губы.

— Милая, ты не представляешь, что я придумал для нас на сегодняшний вечер, — заявил Нерон, слегка отстраняя ее, чтобы лучше видеть.

Потом он развязал ленту на ее тоге и отбросил ее, обнажив прекрасные груди. Поистине, это парочка золотых шаров самой богини, подумал он, но, в общем-то, ей ведь всего лишь тридцать лет, разве не так? Слуги и рабы благоразумно отвели глаза, а Нерон склонил голову к груди своей матери и ласкал ее языком, как змей, пока соски не воспряли возбужденно. Он позволил ей приласкать его под мантией, как ему нравилось. Только мать умела искусно возбудить его. Но вскоре он мягко отвел ее

руку.

— Не сегодня, дорогая, — сказал он. — По крайней мере, не сейчас. У нас будет интимный ужин на двоих в Микенской башне, в верхнем зале. Я подготовил одно представление, и оно скоро начнется — сразу после наступления темноты, понимаешь, и мы пропустим начало, если заиграемся.

Нерона привела в восторг красота пожара. Когда у него впервые возникла идея избавиться от ветхих деревянных домов, окружавших Рим, которые портили вид из его нового дворца, он даже не представлял, что реальный пожар может быть таким потрясающе красивым зрелищем. Он должен запомнить все, чтобы потом записать свои чувства в дневнике. Но воспоминание о дневнике подсказало ему, о чем он собирался поговорить с Агриппиной.

— Матушка, вчера я просматривал кипы документов, оставленные Клавдием, и представляешь, что я нашел? Этот старый козел сохранил какой-то дневник! Там, правда, в основном всевозможные сладострастные мысли и очень мало существенных материалов. Я провел всю ночь за чтением и узнал нечто на редкость интересное. Похоже, твой братец Калигула перед своей безвременной смертью напал на след весьма ценных реликвий. Калигула не рассказал о них даже своей сестре Друзилле, хотя они были очень близки. Зато рассказал о них Клавдию, как тот и сообщает в своем дневнике. Хотя ты и Юлия прозябали в изгнании — как ты говорила, ты вряд ли стала бы наперсницей Калигулы, — все-таки мне подумалось, что ты могла что-то узнать от Клавдия.

— Только не в то время, — спокойно сказала мать Нерона. Потягивая вино, она глядела вниз, на раскинувшийся на семи холмах город, который сверкал в темноте многочисленными огненными сполохами, постепенно становившимися все ярче и ненасытнее.

— Но в общем-то, — добавила она, — я слышала кое-что от мужа Друзиллы, Луция, когда вернулась в Рим на похороны брата. Родной брат Луция, Гай, больше двадцати лет назад служил центурионом в Римской Иудее во время правления Тиберия, и он руководил казнью одного из тех надоедливых иудейских фанатиков, которых ты недавно бросил на растерзание львам. По-моему, все уже даже забыли, что они смущали народ, а их главный зачинщик был распят тем самым парнем, Гаем. Но интересно то, что он, видимо, не умер на кресте, а умер от удара копья этого Гая, которое потом таинственным образом исчезло. Очевидно, иудеи верили, что такое копьё обладает некой таинственной силой божественной природы. Я толком не поняла, что там произошло, и поэтому, боюсь, мне больше нечего сказать.

Отставив бокал и отойдя от окна, Агриппина присела к Нерону на колени, как обычно делала с Клавдием, желая очаровать его и выпытать нечто важное. Нерон мгновенно насторожился. Пока мать массировала его интимные места и ласкала губами шею, он чувствовал, как в нем нарастает раздражение.

Проклятие: сейчас ему хотелось сосредоточиться на чудесном зрелище, устроенном им в городе, и, главное, на теме разговора, так зачем же она столь бесцеремонно пытается свести все к сексуальным играм? Но Агриппина опустила верх своей мантии, вновь открыв ему свои дразнящие и соблазнительные золотые яблоки. Они маячили прямо перед его носом. Он глубоко вдохнул, заглотнул воздух и встал с кресла, отбросив чаровницу на пол в груды ее шелковых одежд.

— Я не верю, что тебе больше нечего сказать, — сказал ей Нерон. Взмахнув гривой своих шикарных белокурых волос, он раздраженно уставился на нее ледяными голубыми глазами. — В дневнике Клавдий пишет, что Калигула получил эти сведения не только от упомянутого тобой свояка, но

узнал нечто более важное от самого Тиберия. Он приводит перечень этих предметов — всего их тринадцать — и пишет, что хотя они не являются сокровищами в общепринятом смысле, но зато обладают некой могущественной силой. Несколько лет назад Клавдий даже вторгся в Британию, пытаясь раздобыть их! Ты должна знать об этом... возможно, ты даже представляешь, в чем заключается их ценность.

Он наклонился и, подняв Агриппину с пола, заставил ее посмотреть на него. Нерон старался сосредоточить свое внимание на ее лице и не замечать прекрасных изгибов ее золотистого полуобнаженного тела, ее теплой, чувственной плоти, которая как раз сейчас, в отблесках света, рожденного очистительным пожаром, что бушевал за окнами на римских холмах, выглядела просто бесподобно. Агриппина улыбнулась как кошка, потом втянула большой палец его руки в рот и игриво пососала, как обычно делала, когда он был ребенком. Он почувствовал, как слабеют его колени, но не потерял решимости и вырвал палец. — Мне нужен новый корабль, чтобы удобнее было добираться из моего имения в Байях, — напомнила она, взяв свой бокал с таким видом, словно ничего особенного не произошло с того момента, как она сделала последний глоток.

— Получишь, — сказал Нерон, мысленно прикидывая, где можно быстро найти корабельщика, способного построить легко выводимое из строя судно.

Эта женщина имела на него слишком большое влияние и понимала это. Но если он смог разделаться с Клавдием, то почему бы не покончить также и с Агриппиной? Тогда он наконец будет свободно распоряжаться самой большой мировой империей. Эти мысли вернули его к исходной теме.

— Так какую силу «божественной природы» имел в виду Луций, говоря, что иудеи верят, будто ею наделено то копье? — спросил он мать.

— О, Луций вполне изучил этот вопрос, — ответила она. — Сила эта связана с многочисленными предметами, которые иудеи принесли с собой то ли из Вавилона, то ли из Египта, а также с какими-то их религиозными таинствами. Насколько я поняла, все они имеют какое-то отношение к воскресению, хотя эти реликвии обретают магическую силу только в том случае, если будут собраны воедино в правильных руках.

— И иудеи действительно верят в это? — подозрительно спросил Нерон. — Или Луций лишь высказал свои предположения?

— По-моему, — добавила она, — их также нужно поместить в правильное место, обладающее магической силой, подобной той, какой славятся святилища Элевсина или Сублаквея в окрестностях Рима, напротив той долины, где ты строишь себе летний дворец. И разумеется, время также должно быть правильным.

— Время? — сказал Нерон. — Ты имеешь в виду утро, день или полночь? Или время года — весну или осень?

— Ничего подобного, — возразила Агриппина. — Луций говорил, что оно связано с каким-то персидским или египетским понятием. — Она погладила его руку и с улыбкой добавила: — Я имею в виду, что все должно произойти на смене времен — на пересечении двух небесных эр.

— Но тогда это означает, — сказал Нерон, глядя на яростное пламя, пожирающее вечный город, — что необходимо срочно собрать эти реликвии!

ПОТЕРЯННОЕ ВЛАДЕНИЕ

Такие моменты, такие особые впечатления от глубинной, дальней перспективы недостижимого...

словосочетания типа *domaine perdu* и *pays sans nom*[63] (описывают) гораздо больше, чем реальный вид исконного пейзажа или его осязаемая перспектива... Мы сначала стремимся постичь этот таинственный парадокс на уровне душевного понимания, (а потом осознаем), что удовлетворение этого стремления равносильно смерти этого стремления.

После двухчасовой езды по всей Вене в сторону аэропорта, парковки, регистрации и таможни, когда мы с Вольфгангом заняли наши места на борту вылетающего в Ленинград самолета, у меня наконец появилась возможность поразмыслить над тем, что же я теперь знаю о таинстве Пандоры.

Я чувствовала себя как участник некой растянувшейся на тысячелетия грязной детективной истории, гонящийся за уликами, разбросанными по разным континентам в разные эпохи. Но из того, что поначалу казалось ошеломляющим нагромождением несвязных фактов, сейчас начала выстраиваться траектория, связывающая воедино географические объекты с тотемами животных, созвездиями животных в ночном небе, созвездиями богов и их многозначными именами. Поэтому, когда я увидела под крылом нашего самолета Ленинград, мокрый город, изрезанный множеством каналов, мне показалось вполне уместным, что особым символом, талисманом и тотемным животным встречающей нас страны является русский медведь.

Впервые я осознала, что во всех моих многочисленных заграничных поездках практически не видела реальной жизни и быта. Их даже с трудом можно было назвать туристскими. Благодаря мировой известности Джерси и Лафа даже в России, на пике поникшей сейчас холодной войны, я видела жизнь из окон некой бесконечной череды лимузинов с шоферами и шампанским.

Мой отец, также изредка присоединявшийся к нам за границей, предпочитал скрываться за надежными стенами отелей в уединении, которое могли предоставить только деньги, — как, например, на той траурной неделе в Сан-Франциско. Поэтому, познакомившись во многих местах планеты с шикарными фасадами, окутанными историей, тайнами и магией, я, в общем-то, никогда не сталкивалась с грязной и нудной работой и бытовой неустроенностью, которые составляли, по всей вероятности, гораздо более реальную картину жизни.

И сегодня вечером, когда мы с Вольфгангом стояли на гранитных ступенях здания ленинградского аэропорта в потной толпе мрачноватых типажей восточного блока, ожидая в темной мороси, пока нас пропустят, одного за другим, через единственную обнесенную стеклянной стеной кабину иммиграционной службы, я начала понимать, что впервые увижу совершенно иную жизнь.

Мне предстояло увидеть СССР, описанный в справочниках государственного департамента типа тех, что всучил мне Вольфганг: население, численность которого на тридцать процентов больше, чем в США, обитающее на территории в два раз больше нашей, жило только на четверть нашего дохода на душу населения, производило только треть нашего валового продукта и имело значительно более высокий уровень рождаемости и более низкую продолжительность жизни.

И Ленинград, этот великолепный город Екатерины Великой и Петра Первого, отражающийся в поблескивающих водах, как северная Венеция, теперь как будто погружался обратно в топкие болота, из которых когда-то поднялся. Как в большинстве русских городов, жители Ленинграда проводили время в бесконечных очередях и ожиданиях, что на западный взгляд казалось некой необъяснимо заразной массовой атрофией.

Русская революция произошла почти семьдесят пять лет назад. Интересно, почему же народ, вконец измотанный безрадостным существованием, так долго терпел жестокие методы насилия над их

убеждениями? Возможно, наше приглашение и нынешнее пребывание здесь поможет мне найти ответ на этот вопрос.

В аэропорту нас с Вольфгангом поджидала представительница фирмы «Интурист» (а по существу, «гостеприимного» отдела КГБ), официального вида молодая женщина в строгом костюме, которая препроводила нас в гостиницу. По пути Вольфганг загадочно намекнул, что советское начальство не одобрило бы деятельность одиноких разнополых сотрудников в частных владениях, которой мы с ним прекрасно занимались почти всю вчерашнюю ночь в его замке. Я поняла его намек, но не могла оценить ситуацию в целом, пока не получила более полную информацию на месте.

Принимающая сторона из советской атомной организации любезно предоставила для нашего временного проживания какой-то невзрачный «отель», такой же удобный и очаровательный, как наша обычная федеральная тюрьма. Многочисленные этажи выглядели совершенно одинаковыми; длинные коридоры, покрытые серым линолеумом, освещались лампами дневного света, которые, судя по подмигиванию и гудению, не менялись со дня их установки.

После краткого обсуждения завтрашнего расписания мы с Вольфгангом расстались, и атлетическая особа в штатском женского пола, как я догадалась по имени — Светлана, отвела меня в мой номер. Уже в этом *boudoir du soir*[64] она заверила меня на ломаном английском, что всю ночь будет дежурить на нижнем этаже, потом трижды проверила, способна ли я запереть дверь, и подождала снаружи возле моего номера, пока не убедилась, что я закрылась на ключ.

Только тогда я вдруг поняла, что ужасно проголодалась, поскольку за целый день перекусила лишь утром круассанами с шоколадом. Порывшись в сумке, я нашла в итоге что-то съестное и бутылку воды, с жадностью проглотила все это, чтобы унять волчий аппетит, а потом, вытащив из сумки лишь самое необходимое, разделась и завалилась в кровать в этих сырых, холодных и неудобных апартаментах.

Раздался тихий стук в дверь. Я глянула на мои дорожные часы, похоже тоже дрожавшие от холода на тумбочке в моем скудно обставленном номере. Они все так же показывали венское время, поэтому десять тридцать означало, что в Ленинграде уже за полночь. Вольфганг ясно дал мне понять, что согласно нормам советского этикета подозрительные ночные блуждания здесь строго осуждаются. Тогда кто же мог заявиться ко мне в столь позднее время?

Я накинула халат на пижаму и пошла открывать дверь. С моей бывшей солдафонского вида сопровождающей произошла странная метаморфоза: в коридоре стояла обновленная, смущенная и озадаченная Светлана. Стрельнув в меня блестящими глазами, она быстро отвела их в сторону и слегка поджала губы, что — по моим предположениям — являлось советским вариантом улыбки. — Пожалуйста, — тихо, почти заговорщицки сказала она. — Пожалуйста... кто-то желать говорить с вами.

Отступив назад, она махнула рукой в сторону, словно действительно рассчитывала, что я с удовольствием покину мою хотя и неудобную, но относительно безопасную холодильную камеру и последую за ней глухой ночью на какое-то сомнительное randevu.

— Кто именно?

Я поплотнее запахнула халат, подняв воротник к самому подбородку, и шагнула назад в комнату, не выпуская из рук дверной ручки.

— Один человек, — настойчиво прошипела она, тревожно оглянувшись. — Его надо очень срочно,

прямо сейчас говорить с вами... сразу. Пожалуйста, идти со мной... он ждать внизу... первый этаж. — Я не собираюсь куда-то спускаться и вообще куда-то выходить, пока вы не объясните мне, кто именно хочет говорить со мной, — заверила я эту особу и для убедительности решительно покачала головой из стороны в сторону. — А профессору Хаузеру известно об этом? — Нет! Нельзя знать ничего! — произнесла она с таким очевидным страхом, что можно было уже не вдаваться в смысл сказанного.

Господи, что же произошло?

Светлана порылась в кармане, вытащила карточку на плотной бумаге, быстро сунула ее мне под нос и мгновенно убрала обратно. Я едва успела прочесть два слова, напечатанные на ней: Волга Драгонов.

Боже милостивый! Волга, камердинер дяди Лафа! Надеюсь, с Лафом ничего не случилось, ведь всего пару дней назад в Солнечной долине он казался бодрым и здоровым. Но зачем же тогда Волга примчался сюда и разыскал меня среди ночи на севере России? И как ему удалось уговорить государственную мисс Надзирательницу нарушить ради него строгие служебные предписания? Ситуация усугублялась еще и тем, что все действия моей надежной советской телохранительницы выглядели более чем подозрительными. Когда она вновь вежливым жестом предложила мне следовать за ней, ее уклончивый бегающий взгляд пробудил во мне чертовски тревожные чувства. Но, решив, что лучше все-таки до конца прояснить ситуацию, я повернулась к вешалке и сунула ноги в отороченные мехом ботинки, потом накинула на банный халат теплую куртку, вышла в коридор и позволила Светлане «как положено» запереть за мной дверь. Следуя за ней, я заметила, как облачка моего дыхания медленно растворяются в тусклом коридорном свете; пока мы спускались вниз на пару лестничных пролетов, я сочла не лишним натянуть перчатки.

Волга ждал в вестибюле, закутавшись в темное толстое пальто. Приблизившись, чтобы поздороваться с ним, и взглянув на его угловатое, серьезное, никогда не улыбающееся лицо, я вдруг осознала, что за двадцать с лишним лет моего знакомства с этим камердинером, фактотумом и неотъемлемым спутником моего дядюшки мы обменялись с ним едва ли парой десятков слов, что делало его неожиданный ночной визит еще более загадочным. Волга кивнул мне, глянул на часы и произнес несколько слов по-русски моей спутнице. Она прошла по холлу, отперла какую-то дверь, включила ряд подвешенных к потолку тусклых светильников и удалилась. Открыв дверь, Волга пропустил меня вперед, и мы вошли внутрь. И оказались в просторной столовой с рядами столов, уже накрытых к будущему завтраку. Волга выдвинул стул, предложив мне присесть, потом сел сам, достал из кармана фляжку и протянул мне.

— Выпейте. Это сливовица, разведенная горячей водой, она согреет вас, пока мы будем беседовать.

— Волга, с чего вы вдруг примчались сюда посреди ночи? — спросила я, взяв предложенную фляжку, чтобы просто согреть руки. — Может, что-то случилось с дядей Лафом?

— Поскольку вчера мы не дождались от вас никаких известий и вы не приехали, как было условлено, в венский дом маэстро, он сильно встревожился, — сказал Волга. — Сегодня мы связались с вашим коллегой в Айдахо, мистером Оливером Максфилдом. Но из-за восьмичасовой разницы во времени слишком поздно узнали, что вы уже улетели из Вены в Ленинград.

— Так где же сейчас дядя Лаф? — спросила я, все еще испытывая муторный страх.

Открутив крышку с фляги, я сделала глоток горячего ликера, чтобы слегка успокоиться.

— Маэстро сам хотел лететь вслед за вами, чтобы объяснить всю сложность положения, — сказал Волга, — но оказалось, что ему нужно обновлять визу в Россию. А я, как гражданин Румынии, согласно дружескому межправительственному договору с Советским Союзом, мог достаточно быстро вылететь сюда. Я прилетел из Вены на последнем самолете, но нас долго продержали на таможне. Простите, но маэстро настаивал, чтобы я безотлагательно увиделся с вами. Он прислал вам записку для подтверждения моих слов.

Волга вручил мне конверт. Вынув оттуда сложенный листок бумаги, я спросила:

— Что же помогло вам уговорить эту неприступную, как крепость, охранницу выпустить меня из камеры на свидание с вами в неурочное время?

— Страх, — загадочно сказал Волга. — Я знаю такого рода людей, и мне отлично известны их слабости.

Молча приняв это к сведению, я прочла записку Лафа:

«Дорогая моя Гаврош,

Поскольку ты не удосужилась заехать ко мне, то я предполагаю, что ты пренебрегла моим советом и вчера вечером, возможно, наделала глупостей. Тем не менее я передаю тебе сердечный привет.

Будь добра, выслушай очень внимательно все, что Волга расскажет тебе, это крайне важно. Мне следовало бы рассказать тебе все до отъезда из Солнечной долины, но я не смог этого сделать в присутствии приведенного тобой человека, а потом тебе пришлось так внезапно уехать.

Твой коллега мистер Оливер Максфилд сообщил мне, что также хотел бы связаться с тобой. Он просил меня передать, что ему нужно как можно скорее переговорить лично с тобой на какую-то важную тему.

— А Оливер не намекнул, о чем он хочет поговорить со мной? — спросила я Волгу, надеясь, что его нужда не связана с какими-то осложнениями в состоянии моего кота Ясона.

— По-моему, ему надо обсудить какие-то деловые вопросы, — сказал он. — У нас мало времени, а мне надо многое рассказать вам. И мне вовсе не нравится, что вы можете простудиться, если мы долго просидим в этой холодине, поэтому позвольте продолжить. Но, учитывая, что все русские стены обычно имеют уши, я попрошу вас не задавать вопросов, пока я не закончу. И даже тогда старайтесь быть осторожной в высказываниях.

Я согласно кивнула, взбодрив себя еще одним добрым глотком теплого коктейля, и поплотнее закуталась в свою куртку, приготовившись выслушать то, что, по моим понятиям, должно было оказаться самой длинной речью в его весьма затворнической жизни.

— Во-первых, — сказал он, — вам следует узнать, что моим первым покровителем был не маэстро Лафкадио, а ваша бабушка, оперная дива. Уже будучи известной певицей, она нашла меня, осиротевшего после Первой мировой войны мальчишку, когда я за гроши подрабатывал на парижских улицах.

— Вы хотите сказать, что Пандора взяла вас к себе еще ребенком? — удивилась я. Такая обуза казалась чрезмерной для молодой женщины, которой, если Дакиан верно назвал ее возраст, к концу войны самой было ненамного больше двадцати, учитывая, что на ее попечении уже находились Лаф и Зоя. — А как она вообще попала в Париж? Я думала, что она жила в Вене.

— Для понимания характера наших отношений я должен рассказать вам немного о себе и моем народе, — почти извиняющимся тоном сказал Волга. — Это связано со всей историей.

Мне вдруг пришло в голову, что непоколебимый Волга Драгонов действительно мог многое знать или, по крайней мере, мог решиться поведать мне больше, чем остальные члены моей скрытной и подозрительной семейки. И возможно, эти наши ночные посиделки в холоднящей пустой столовой барачного типа окажутся моей самой удачной попыткой проникновения в семейные тайны.

— Волга, вы пережили столько треволнений, приехав сюда. Разумеется, я с удовольствием выслушаю все, чем вы пожелаете поделиться со мной, — совершенно искренне заверила я его и, стянув одну перчатку, попробовала согреть пальцы собственным дыханием.

— Я родился в Трансильвании, но оттуда родом только моя мать, — сказал Волга. — Отец мой родился в маленькой области Армении в окрестностях кавказской горы Арарат, вблизи границ Турции, Ирана и Грузии. На том некогда процветающем клинышке земли поселился уже больше века назад угасающий клан, членом которого был мой отец: там жили ашуги, поэты-сказители, которых с детства воспитывали так, чтобы они хранили в памяти всю историю и генеалогию нашего народа, уходящую во времена шумерского Гильгамеша. Несколько человек, сыгравших определенную роль в детстве моего отца, через много лет серьезно повлияли на жизнь не только моей, но и вашей семьи. Учебу мой отец начал в Александрополе под руководством известного ашуга, сын которого был ровесником моего отца. И сын тот со временем стал знаменитым эзотериком Георгием Ивановичем Гурджиевым. Несколько лет спустя соучеником моего отца и Гурджиева стал еще один мальчик, пришедший из грузинского городка Гори. Им был юный Иосиф Джугашвили, поначалу, правда ненадолго, избравший путь православного священника. В дальнейшем Иосиф прославился под другим именем — «Стального человека», или Сталина.

— Минутку, Волга, — сказала я, положив затянутую в перчатку руку на его предплечье. — Ваш отец воспитывался вместе с Гурджиевым и Сталиным?

Честно говоря, несмотря на все потрясения, произошедшие со мной за последнее время, меня ошеломило то, что хитросплетения родословной Волги способны превзойти мои собственные.

— Вероятно, это трудно представить, — сказал Волга. — Но клочок той горной земли представлял собой мощную, как бы это сказать, взрывоопасную смесь. Мой отец продержался там почти до сорока лет. Потом, во время революции тысяча девятьсот пятого года, он переправился за море в Румынию, где встретил мою мать, и я родился уже...

— Но ведь революция в России произошла только в тысяча девятьсот семнадцатом году, — возразила я.

Даже я знала основные моменты истории начала двадцатого века... по крайней мере, считала, что знаю.

— Вы говорите, Ариэль, о второй русской революции, — сказал Волга. — А первая, начавшаяся как аграрный переворот и всероссийская стачка, завершилась «Кровавым воскресеньем», и жестокая царская программа русификации всех подданных вылилась в давно задуманные массовые убийства. Мой отец был вынужден бежать из России. Однако как ашуг он не забыл свои корни. Я родился в тысяча девятьсот десятом году в Трансильвании, и меня называли Волгой, в честь славянского названия самой большой реки в России и даже в Европе. В древности ее называли Ра, подобно Амону Ра, египетскому богу солнца. А татары величали ее Итиль или Аттила, что означало «железо». Отсюда и произошло прозвище Аттила, Бич Божий.

— Значение вашего имени такое же, как у Аттилы, царя гуннов? Того самого, из «Песни о

нибелунгах»? — уточнила я.

Как раз сегодня днем я вспомнила кое-что из этой истории. Именно с Аттилой сражались первые Меровинги за владычество над той самой землей, которую гораздо позднее стремились захватить штурмовые отряды Генриха Гиммлера, — весьма важная связь, надо заметить. Пальцы у меня начали слегка дрожать, и не только от холода. Забыв о голоде и усталости, я старательно размышляла, к чему все это может привести.

— Правильно, — кивнул Волга. — Ваша бабушка родилась в тех краях, которые с незапамятных времен представлялись лакомым кусочком всем завоевателям. Даже сегодня борьба за него еще далеко не закончена. В прошлом веке на эти самые земли имели виды немцы, французы, турки, британцы и русские, а в более давние времена их завоевывал Чингисхан, а еще раньше мой тезка Аттила. Речь идет о Центральной Азии. Наиболее поздняя версия этой борьбы погубила моего отца и свела меня в Париже с вашей бабушкой Пандорой, когда мне было всего десять лет.

— Вы имеете в виду борьбу за владычество над Центральной Азией? — спросила я.

Перед моим мысленным взором нарисовалась почти зримая целостная картина. В горле у меня пересохло, я быстро сглотнула и решила попробовать поймать свой шанс. Даже если Волга не знает того, что мне очень хочется узнать, я мало что потеряю.

— Волга, — сказала я, — а вы сами понимаете, как вся эта история, география, мифы и легенды связаны с моей бабушкой? Вы сами знаете, что содержится в ее манускриптах?

Волга мрачно кивнул. И вскоре я поняла, что его огорчает.

— Меня с детства воспитывали как ашуга, — сообщил он. — И мне известна вся неписаная история нашего народа. Когда моих родителей убили во время Первой мировой войны, во время так называемого Балканского кризиса, всколыхнувшего весь мир, меня подобрал цыганский табор, бежавший из этого региона. Я как-то перебивался вместе с остальными цыганскими детьми, выпрашивая милостыню. До римского завоевания в Трансильвании жили даки, что означает «волки», поэтому я не удивился, что двадцатилетнего парня, который привел меня в табор, звали Дакианом. Он оказался классным скрипачом, а позже даже стал учить музыке юношу по имени Лафкадио Бен, которого мы нашли в Зальцбурге в конце войны.

Я хотела спросить кое о чем, но потом решила, что лучше дать ему продолжить, и прикусила язык.

— Когда Дакиан начал понимать, какое воспитание я получил, — ведь, несмотря на мой детский возраст, я знал древние легенды, о которых мало кто слышал, — он сказал, что я должен отправиться во Францию и встретиться с его «кузиной» Пандорой. Он хотел, чтобы я рассказал ей все, что знал, и она уж поймет, что надо делать.

— И вы рассказали ей все по приезду туда? — затаив дыхание, спросила я.

— А как же, конечно, — сказал Волга. — Вы должны понять, что сегодня этот мир мог бы быть совершенно иным, если бы мы не встретились тогда с вашей бабушкой и если бы все мы не согласились помочь ей в осуществлении важной миссии.

К моему удивлению, сдержанный Волга Драгонов вдруг подался вперед и порывисто сжал мою руку, как Дакиан сделал в Вене. Его руки без перчаток были теплыми и сильными и впервые за последние недели придали мне чувство какой-то надежности и уверенности.

— Сейчас я расскажу вам то, чего никто не знает, вероятно даже твой дядя, — сказал он. — Мое фамильное имя было Арарат, по названию горы, так звали и моего отца. А фамилией Драгонов

наградила меня твоя бабушка, как неким почетным титулом или прозвищем. «В честь отца короля Артура, Утера Пендрагона», — сказала она мне. Такое имя присваивали человеку, способному овладеть всем могуществом скрытых в земле сил драконов.

— Почему же она так назвала вас? — приглушенно, почти шепотом спросила я.

Волга посмотрел на меня загадочным взглядом, словно задумался о чем-то давнем и далеком, слишком смутном на мой непросвещенный ум.

— Потому что я открыл ей то, что собираюсь открыть вам, — наконец сказал он, хотя и с неохотой. Заметив, что я опасливо глянула на дверь, он добавил: — Не бойтесь, кроме вас, никто в этом ничего не поймет: только посвященный способен постичь истинный, глубинный смысл этой истории.

— Но я вовсе не посвященная, Волга, — уверенно заявила я.

— Нет, вы посвященная, — усмехнувшись, сказал он. — Вы явно унаследовали от бабушки определенные качества. Только что вы умудрились связать общей нитью античную историю, средневековые легенды и современную политику. Способность видеть такие связи — это одно из качеств, требуемых для ашуга. Но врожденной способности недостаточно — требуется еще правильное воспитание. Я вижу, что вы получили в этом смысле отличное воспитание, хотя сами, возможно, пока не осознаете этого. Посмотрим, будете ли вы способны выявить особый, скрытый уровень истории, которую я собираюсь сейчас поведать.

Голубой волк родился исполнить судьбу, назначенную Небесами.

Его спутницей стала рыжая самка оленя. Они явились, перейдя Тенгиз...

Он (их потомок) появился на свет, держа в правой руке сгусток крови размером с конскую бабку. (Нарекли его) именем Темуджин (кузнец).

Тайная История Монголов

Для кочевых народов, что бродили по степям, само небо было богом. Осью вращения мира являлась Полярная звезда, горящая на кончике хвоста Малой Медведицы. Судьба предписывала вождю подчинить и объединить «четыре части» — четыре сектора земли человеческой, соответствующей четырем квадрантам сферы ночного неба.

Самым важным занятием кочевой жизни считалось кузнечное дело; это ремесло, производящее орудия, оружие и прочую утварь, столь необходимую в суровой кочевой жизни, ценилось так высоко, что кузнеца почитали как творца, одаренного богами. В такой системе верований любые родовитые вожди являлись прирожденными кузнецами. Подобно греческому Гефесту, считались они наполовину магами, наполовину богами. Согласно названию древней династии правителей монголы называли свою страну Кузнечным ханством.

В 1160 году около пресноводного источника на реке Онон в травянистых монгольских степях родилась некая таинственная личность. Его предками, как гласят легенды, были голубой волк и рыжая самка. Его имя, Темуджин, по-тюркски означало кузнец — подобно тому, как имя его древнего предшественника Аттилы означало железо.

Когда Темуджину минуло девять лет, отец отправился в соседнее племя и устроил его обручение с одной девушкой, но на обратном пути, когда обедал он с татарами, его отравили, и он умер. По молодости лет Темуджин и его братья потеряли стада отца в их родном племени, которое откочевало на новые пастбища, бросив в бедственном положении этих детей и их овдовевшую мать. Семья пришла к священной горе Буркан Квалдун, к истокам реки Онон, где нашла пищу. Каждый день

Темуджин возносил молитвы к этой горе:

«О вековая Тенгри, я готов отомстить за кровь моих предков... Если одобряешь ты мои замыслы, дай мне в помощь твою силу».

И Тенгри одобрила его. Со временем Темуджин возмужал и женился на своей нареченной, ему удалось успешно объединить монгольские племена и истощить силы враждующих с ними татар, украсив поля сражений их останками. Он завоевал третью часть Китая и многие восточные земли. Шаман Кокчу открыл монгольским племенам, что Темуджину суждено стать владыкой мира, стать великим вождем, объединив четыре части, как было предсказано в начале времен.

И действительно, после множества победных сражений в тридцать шесть лет Темуджина-кузнеца избрали великим ханом, и он объединил все племена под одним туу, или знаменем. Ханский титул Ченгис происходит от уйгурского слова «тенгиз», которое, как и тибетское слово «далай», означает океан или море. Его последователи назывались кок-монголами, или голубыми монголами, в честь их могущественного покровителя, небесного бога Тенгри. Считалось, что их боевое магическое белое знамя с девятью хвостами тибетского быка наделено шаманской силой и обладает «сулде» — собственной душой, обеспечившей впоследствии Чингисхану и кок-монголам завоевание оседлого цивилизованного мира.

Более поздние источники сообщали, что с момента рождения ему было предназначено стать Чингисханом и объединить Восток и Запад, как соединяются основа и уток в сложной ткани, так причудливо переплетенной, что они будут неразделимы вовеки. И прежде чем закончились его годы, Монгольская империя простерлась от внутренних вод Центральной Европы до самого Тихого океана. Чингисхан, безусловно, оправдал свой титул Правителя Морей.

Он покорил земли индусов, буддистов и таоистов, мусульман, христиан и иудеев, но сам Чингис остался верен исконной анимистической вере и поклонялся рекам и горам. Он отвергал дорогостоящие паломничества и религиозную борьбу за такие святы места, как Мекка, Иерусалим, считая их глупыми, ибо бог Тенгри существует повсюду. Он запретил крещение и ритуальные омовения, как загрязняющие воду — священный источник всей жизни. Он пронесся по Китаю и Ирану, уничтожая все следы прежней цивилизации, включая животных, людей, искусство, архитектуру и книги. Испытывая ненависть к упадочнической изнеженности городской жизни, он сжег множество возделанных полей, вернув им вид диких степей, по его мнению более всего пригодных для жизни.

Несмотря на собственную неграмотность, Чингис осознавал силу письменности. Он создал свой моральный кодекс, записанный в виде законов и так строго соблюдаемый, что в течение его жизни, как говорили, дева с золотым блюдом на голове могла в полной безопасности пройти одна по всему Шелковому пути. Он зашифровал историю и генеалогию монголов в Голубых книгах и спрятал их в пещерах для будущих поколений. Приобщившись к древней мудрости шаманов и магов, жрецов и священников каждой страны, он все тщательно изучил и записал и поместил эти записи в те же пещеры.

Говорят, что, собранные воедино, эти документы откроют древние тайны великого могущества, а открытые тайны той исконной природы устранят любые притязания нынешних «организованных» религий, — религий, которые веками выкристаллизовывали свои формы, пойманные в ловушки своих же туманных догматов, своих же дерзких ритуалов и обрядов.

То, что на самом деле Чингис — тот самый кузнец, превратившийся в морскую стихию, — спрятал в пещерах, является неким неписанным законом, выходящим за пределы всех вероучений, но содержащим обогащенную квинтэссенцию, которая покрывает суть каждого из них. Вплоть до наших дней старатели, стремящиеся овладеть такими силами, ищут эти пещеры и их содержимое. Гурджиев утверждал, что нашел часть этих документов в конце прошлого века, путешествуя по Синьцзяну, Таджикистану, где-то в горах Памира. К этому стремился и знаменитый британский черный маг и оккультист Алистер Кроули, которого позднее выслали из Германии и Италии Гитлер и Муссолини, два лидера, опасавшиеся, что его тайные знания могут спутать их планы. Весной 1901 года Кроули возглавил англо-австрийскую экспедицию, поставившую целью подняться на гору Чогори, или К2, на китайско-пакистанской границе. Это была неудавшаяся попытка найти все те же пещеры.

После Октябрьского восстания сначала Ленин, а потом и Сталин попытались отвоевать обратно территории, принадлежавшие раньше русской империи, но утраченные Красной Россией после революции. Позже, в двадцатые годы, в перерыве между двумя мировыми войнами, русский мистик Николай Рерих узнал об этих документах, путешествуя по Монголии, Тибету и Кашмиру. Ему рассказали, что они рассредоточены по Центральной Азии, Афганистану и Тибету и что если они будут обнаружены, то возродятся затерянные города Шангрила, Шамбала и Агарди. Но есть и еще один скрытый город, опустившийся на дно таинственного озера во время первого вторжения монголов в Россию, — Китеж, русский город чаши Грааля, который тоже поднимется из вод, знаменуя перемены нового века...

Волга попал точно в яблочко, сказав, что я, возможно, обнаружу «скрытые уровни» в рассказанной им истории. Он, должно быть, как раз заметил мою реакцию на его последние слова, поскольку вдруг замолчал. Давно оставив в покое мои руки, он теперь лишь пристально смотрел на меня. История града Китежа лежит в основе известной оперы Римского-Корсакова. Джерси прекрасно исполнила роль девы Февронии ронии, спасительницы легендарного города, во время нашего предыдущего посещения Ленинграда. В легенде рассказывается о двух городах, первый из которых был уничтожен внуком Чингисхана за десять лет грабежей и мародерства на землях между Волгой и Дунаем. Это завоевание повлекло долговременное угнетение России сначала монгольскими ордами, а потом не менее жестоким правлением турков Тамерлана.

Триста лет русские христиане жили лишь надеждой, и наконец Иван Великий освободил их, согласно сказанию об этом втором городе, невидимом граде Китеже. Молитвы девы Февронии, невинной лесной девушки, ниспослали городу покровительство Девы Марии, которая накрыла его чистыми водами озера, сквозь которые его можно видеть и можно слышать звон его колоколов, но нельзя повредить ему. Китеж, как и Грааль, открывается только верующим, подобным Февронии, тем, кто постигнет идею «жизни без времени» и будет жить в возрожденном городе, когда он поднимется со дна озера, как новый Иерусалим на рассвете нового века. Так это и происходит в конце оперного действия.

В данном случае, как я поняла, этот затерянный город не был просто некой воображаемой землей. Затерянные хазарские города недавно обнаружили в том самом районе, который Сталину удалось затопить, направив реки в другие русла. И тут неожиданно перед моим мысленным взором сложилась замечательная картина, как-то вдруг объединившая в себе все метафизически-

метафорически-мифологически-мистические изгибы этих тысячелетних поисков «священных реликвий», и я поняла, что именно должно скрываться в манускриптах Пандоры.

— Все эти легенды, «Эдда», «Нибелунги», саги о Граале Вольфрама фон Эшенбаха и Кретьена де Труа и сказание о Китеже — все они как-то связаны, правда, Волга? — сказала я.

Он задумчиво кивнул, но продолжал внимательно смотреть на меня, поэтому я продолжила:

— Должно быть, важно, что во всю эту связку легенд вплетено множество поддающихся проверке исторических фактов. Не говоря уже о том, что объекты, места и события, описанные в сказаниях, похоже, уже с давних пор разыскиваются всеми кому не лень: как могущественными политическими лидерами, так и загадочными мистиками.

Мне показалось, я заметила в глубине черных глаз Волги странный блеск.

— Отлично, я все поняла, — сказала я, быстро вставая из-за стола. Хотя пар моего дыхания по-прежнему окрашивал воздух, мне не хотелось пока больше пить сливовицу. Я расхаживала туда-сюда перед молча сидевшим Волгой. — Скандинавские, тевтонские, славянские, кельтские, семитские, индоевропейские, арийские, греко-римские, дравидийские, фракийские, персидские, арамейские, угаритские легенды, — сказала я. — А Пандора обнаружила, что именно связывает их все, не так ли? И поэтому она разделила свои манускрипты между четверью людьми одной семьи, которые не знают друг с другом, чтобы никто не смог собрать их воедино и понять то, что поняла она.

Тут я остановилась и взглянула на Волгу, испугавшись, что, возможно, излишне разоткровенничалась. В конце концов, Лаф послал его в это дальнейшее путешествие, чтобы именно он открыл мне что-то. Но, приглядевшись, я заметила странное выражение на лице Волги.

— В том, что вы сейчас сказали, есть одна очень важная вещь, важнее всего остального, — сказал он мне. — Вы понимаете, что это? — Видя мое явное недоумение, он сказал: — Число «четыре».

Четыре человека, четыре части, четыре сектора, четыре набора документов. Пора переходить к сущности, ибо приближается новая эра. А вы так и не видели всех четырех частей, что удалось собрать Пандоре.

— Насколько я поняла, никто не видел их все вместе, — заметила я.

— Вот поэтому я и приехал сегодня в Россию, — сказал Волга с огромной озабоченностью.

Мое сердце встрепенулось, и я медленно опустилась на стул.

— В Айдахо вы были не готовы к принятию этой миссии, но сейчас я вижу в ваших глазах необходимую целеустремленность. Будем надеяться, что еще не слишком поздно. Только один человек имел доступ ко всем этим документам в течение прошлых лет — или, по крайней мере, к тем людям, которые владели ими. Хотя, как вы полагаете, эти четыре наследника — Лафкадио, Огастус, Эрнест и Зоя — отделились друг от друга, они не отделились от нее.

Я смотрела на него, не веря своим ушам. Существовала только одна особа, о которой он мог говорить. Но потом, к счастью, я вспомнила о некоем препятствии, которое мешало поверить его словам.

— Конечно, Джерси была замужем за моим отцом Огастусом, а потом и за Эрнестом, — признала я. — И мы часто гостили у дяди Лафа, когда я была маленькой. Но Джерси никогда не имела ничего общего с ужасной тетей Зоей из Парижа. Они с ней даже не встречались, насколько мне известно. Если в России стены имели уши, то не надо было быть «посвященным», чтобы понять ответ Волги.

— Я сожалею, что именно мне приходится сообщать вам это, но очень важно, чтобы вы знали, — твердо сказал Волга. — Ваша мать, Джерси, приходится дочерью Зое Бен.

ОСНОВА И УТОК

(Когда мойры ткут судьбу) протяженность человеческой жизни... разворачивается по... вертикалям, то есть по нитям основы. (Но) каковы же нити утка, те нити, которые... оплетают индивидуальные нити основы? В них было бы естественно видеть разнообразные фазы судьбы, они определяют путь индивидуума по жизни, и последняя из них есть смерть.

Древние скандинавские богини, Норны, плетут судьбы человеческие от рождения... Славяне тоже имели (таких) богинь... так же как и древние индусы и цыгане. Норны не только прядут и связывают, они еще и ткут. Их паутина опутывает все человечество.

Буддизм — это одновременно философия и практика. Буддистская философия богата и сложна.

Буддистская практика называется Тантра. Тантра в переводе с санскрита означает «плести».

... Самые выдающиеся мыслители индийской культуры обнаружили, что слова и понятия составляют лишь часть их жизни. Другую же ее часть составляют реальные занятия, практический опыт, невыразимое переживание.

... Тантра не означает конец рационального мышления. Она означает вплетение мышления... в глобальный спектр осознания.

Последнее время у меня хватало семейных потрясений, но откровения Волги Драгонова впервые не вызвали у меня чувства обвального крушения. В сущности, они звучали вполне правдоподобно и просто слегка корректировали мои представления, учитывая то, что я уже знала о моих родственниках со стороны матери. Я даже надеялась, что его слова помогут объяснить некоторые детали более сложной загадочной картины.

Когда мне было два года от роду, моя мать подхватила меня и покинула моего отца. В последующие двадцать с лишним лет Огастус делил свое время между его пенсильванским имением и шикарными нью-йоркскими офисами семейной горнорудной империи, наследством Иеронима Бена.

Вернувшись на сцену, Джерси начала гастролировать во всех блестящих столицах Европы. Меня приобщили ко всей этой бурной праздничной жизни, но через шесть лет она вступила во второй брак с дядей Эрнестом. После развода родителей я редко виделась с Огастусом. Он никогда особенно не распространялся о наших семейных делах, поэтому все сведения о женитьбе родителей или о предыдущей жизни моей матери отфильтровывались льдисто-голубыми взглядами Джерси.

Джерси родилась от брака француженки и ирландца в 1930 году, между двумя войнами, на острове Джерси в Английском канале,[65] в честь чего и получила свое имя. Когда в 1940 году Франция капитулировала перед Германией, Англия уже не могла защитить острова Канала, расположенные поблизости от побережья Нормандии. Народ по желанию эвакуировали, но многие возражали, особенно жители Джерси, более восьмидесяти процентов населения которого предпочло остаться. Эти оставшиеся пережили предсказуемую депортацию и разорительные набеги, когда Германия оккупировала острова, чтобы создать «бронированный кулак западной стены». Британцы освободили отказавшихся эвакуироваться только в конце войны. Но к тому времени моей матери уже не было среди них.

В начале оккупации Франции, как мне рассказывали, мать Джерси отправилась за помощью к своим родственникам и уже не смогла оттуда вернуться. Отец Джерси, ирландский летчик, защищавший

английское небо в ходе воздушных боев так называемой «Битвы за Англию», вскоре был сбит самолетом Люфтваффе. Фактически осиротевшую десятилетнюю Джерси британцы эвакуировали в Лондон. А когда германская авиация начала щедро поливать огнеопасными боеприпасами Лондон и мирное население Англии, девочку до окончания войны отправили вместе с другими английскими детьми («британские подарочки») в американские семьи. К тому времени стало известно, что мать Джерси, член французского Сопротивления, числилась во Франции среди «пропавших без вести». Эта история, повторяемая в течение долгих лет, всегда заканчивалась слезами Джерси, она уклонялась от дальнейших комментариев, говоря нам лишь о смелости ее несчастных родителей и о мучениях, которые вызывают у нее воспоминания о тех жестоких и тяжелых временах.

Ее рассказы подкреплялись множеством обстоятельных свидетельств, включавших афиши, театральные программки и обзоры, подробно описывающие необычайно раннюю общественную жизнь Джерси в Америке. Ее удочерила одна семья из Новой Англии, которая вскоре выяснила, что двенадцатилетняя Джерси — обычный возраст появления музыкальных вундеркиндов — обладает удивительными вокальными данными. Летом 1945 года, когда закончилась война, Джерси, приврав насчет своего возраста (тогда ей было всего пятнадцать), приняла участие в конкурсе на исполнение ведущей партии Марго в «Пустынной песне» Зигмунда Ромберга — этот мюзикл уже давно гастролировал по перифериям и требовал вливания свежей крови. Великолепная роль была просто создана для колоратурного сопрано, которым обладала юная Джерси.

И вот на захолустной премьере нашу Золушку заметил известный нью-йоркский агент, в полной мере осознавший всю глубину и диапазон того прозрачного и переливчатого тембра, который обогатит в будущем голос Джерси, так легко узнаваемый среди множества других молодых сопрано. Этот агент заключил с Джерси контракт и, несмотря на предвидимую им блестящую карьеру, заверил всех, что она получит прекрасное высшее образование. А остальное, как говорится, уже стало достоянием истории.

Но мне теперь нужно выяснить секреты этой истории, как сказал бы Драгонов: скрытые уровни или негласные факты, ежели о таковых умалчивала гласная история моей матушки. Но, честно говоря, учитывая фактическую сторону хорошо задокументированной жизни Джерси, трудно было найти какие-то подробности для опровержения того утверждения Волги, что блестящая танцовщица и дама полусвета Зоя Бен действительно была матерью Джерси.

Несложные вычисления, к примеру, показали мне, что Лаф родился в начале века, и если Зое было шесть лет, когда ему было двенадцать, то к моменту появления моей матери на свет в 1930 году на том острове Зое уже вполне могло быть двадцать четыре — самое время сбежать на острова с красивым ирландским летчиком и сделать ребенка. И ведь Вольфганг, по-моему, тоже говорил, что она была членом французского Сопротивления. Также вполне вероятно, что Зоя, прожившая во Франции яркую и хороню задокументированную жизнь, оставила десятилетнюю дочь в относительной безопасности на островах Канала, если боялась за кого-то еще, чьей безопасности могла угрожать немецкая оккупация. Конечно, у меня накопилось много вопросов, но для начала стоило выяснить, кто бы это мог быть.

Кроме того, хотя война, безусловно, раскидала по свету множество семей и многие десятилетиями не могли разыскать своих потерянных родственников, сейчас уже прошло почти пятьдесят лет со времени этих событий. И весьма сомнительно, если не сказать невообразимо, что за все это время,

ведя шикарную жизнь в Вене и Париже, Джерси, как, впрочем, и Зоя, ни сном ни духом не ведали о благополучном существовании друг друга.

Добавим сюда же тот знаменательный факт, что моя мать дважды выходила замуж за мужчин по фамилии Бен, а также частенько гостила у третьего — моего дяди Лафа. Несмотря на уверения Джерси о том, как мало она знала о своей родной семье, могла ли она за все эти годы упустить из виду ту маленькая деталь, что три мужчины, с которыми она жила и общалась, на самом деле были братьями ее матери и, следовательно, ее родными дядюшками? И если Лаф и Волга так хорошо знали наши семейные дела, то интересно, что они думали по поводу двух мужей Джерси, дяди Эрнеста и моего отца, Огастуса?

Разумеется, мне не удалось выяснить у Волги всех этих вопросов. То ли он ничего больше не знал, то ли не хотел обсуждать эту тему.

— Вы должны спросить вашу мать, — повторял он, когда я пыталась надавить на него. — Она расскажет вам все, что сама пожелает. Возможно, у нее имелись причины ни о чем пока не говорить вам.

Когда мое терпение и жизненные силы уже почти иссякли, вернулась бдительная Светлана, показав отчаянно испуганными жестами, что мечтает запереть меня в моем номере, пока никто не застал нас во время этой праздной болтовни в столовой. Перед уходом я поблагодарила Волгу за то, что он мне рассказал. Потом быстро нацарапала записку для дяди Лафа, сказав, что обязательно постараюсь связаться с ним, вернувшись в Вену. В качестве объяснения я добавила, что напряженность расписания и расстояние между МАГАТЭ и Мельком помешали мне выполнить мое предыдущее обещание.

Однако, вернувшись в свою комнату, я долго не могла заснуть, и не только из-за пустого желудка, ледяного холода или душевного бессилия. Напротив, я понимала, что моя бессонница является результатом перевозбуждения. Я всерьез призадумалась над хитросплетениями ошибок, упущений, выдумок и обманов, которые пронизывали мою жизнь. На рассвете, конечно, мне придется вернуться к реальности, и легкие жизненные неурядицы вновь постучатся в мою дверь. Но я не буду готова к новым неожиданностям, если не переосмыслю и не оценю заранее все, что узнала к этому моменту. Как только Волга упомянул мою мать как возможного участника этой игры, мне пришло в голову, что, так же как Гермiona, Джерси — это не только имя, но и остров, а на том самом острове, если память мне не изменяет, много древних кельтских мегалитов, достойных занять должное место в таинственной энергетической сетке. А это в итоге показывает, что, возможно, раньше я все время искала не в том направлении: внизу, а неверху.

Древние строители, соорудившие пирамиды Египта или храм Соломона, не нуждались в картах и кронциркулях для выбора места строительства. Тысячи лет, осваивая пустыни или океанские просторы, люди пользовались одним и тем же инструментальным набором. И для определения точного места на земле вполне хватало такого набора — неизменного звездного покрывала, украшающего ночное небо. Итак, все эти истории, таинства и мифы возвращаются на круги своя — к единому ключевому источнику, одновременно указывая верное направление и мне. К звездам.

Перед тем как забраться под одеяло, я нашарила в сумке бутылку минералки, чтобы почистить зубы, и заметила на дне Библию, лежавшую там со времени моего пребывания в Солнечной долине. Ее вид напомнил мне об одном давнем разговоре с Сэмом, когда мы с ним однажды разглядывали звездное

небо перед моим отъездом в школу. Я тогда и подумать не могла, что не увижу Сэма много лет, но моя следующая встреча с Сэмом состоялась лишь в прошлые выходные в предутреннем лесном мраке горного курорта Айдахо.

Я вытащила Библию из сумки, пристроила ее на щербатом краю фарфоровой раковины в ванной комнате и, вспоминая слова Сэма, нашла начало книги Иова...

— Ты помнишь историю Иова? — спросил он меня, когда мы стояли тогда рядом, глядя в ночное небо.

Станный вопрос для того, кто не привык читать Библию. Я могла лишь вспомнить, что Яхве уготовил несчастному Иову весьма жестокий удел, предоставив сатане карт-бланш и позволив как ему заблагорассудится испытывать этого «божьего слугу». В общем, получилась какая-то ужасно жестокая история. Так я и сказала Сэму.

— И все-таки, — сказал Сэм, — существенно и важно, что, несмотря на перенесенные им страдания, Иов в конечном счете имел лишь одну настоящую конфронтацию с Господом. Он задал тот знаменитый вопрос: «Но где премудрость обретается? и где место разума?» А ты помнишь, что Господь ответил на простой вопрос Иова о разумении?

Поскольку я отрицательно покачала головой, Сэм взял меня за руку и обвел другой рукой все ночное небо — мерцающий звездный ковер, что оставался таким далеким и неизменным миллиарды лет.

— Так он ответил Иову, — сообщил мне Сэм. — Бог отвечал Иову из бури и последовательно перечислил все, что Он совершил. Он напомнил обо всех творениях, начиная от вод и льдов и кончая лошадьми и страусиными яйцами, не говоря уже о самой вселенной. Иову не удалось вставить даже слова в тот напыщенный монолог, хотя вряд ли ему тогда этого хотелось, учитывая все, что он прошел. Поведение Господа в данном случае кажется непостижимым, и философы раздумывают над ним уже тысячи лет. Но по-моему, я нашел один ключевой момент.

Сэм отвел взгляд от звездного неба и, глядя на меня ясными серыми глазами, процитировал:

— «Где ты был, когда Я полагал основания земли?.. Кто положил меру ей... или кто протягивал по ней вервь?.. Знаешь ли ты уставы неба, можешь ли установить господство его на земле?»[66]

Не дождавшись от меня комментариев, он сказал:

— Весьма своеобразный ответ на весьма своеобразный вопрос, разве ты не согласна?

— Но ведь ты говорил, что Иов спрашивал, где обрести премудрость, — заметила я. — Как же представления о создании вселенной могут ответить на это?

— Вот это-то и озадачивало мудрейших философов во все времена: на что именно указывал Бог? — с улыбкой согласился Сэм. — Но как говорит мой любимый лирический философ: «В итоге философы всегда выходят из той же двери, в которую вошли». С другой стороны, я полагаю, что умеющие читать дорожные карты смогут найти некое объяснение в божественном ответе. Подумай сама, Господь явно намекает на то, что координаты, запечатленные на небесах, суть проводники для мудрости здесь, на земле: «что вверху, то и внизу», понимаешь?

Возможно, тогда я не вполне поняла его слова, но сейчас, по-моему, до меня дошло. Если изначально местоположение связанных друг с другом святынь было отображением самих созвездий, то можно даже представить, что по прошествии времени небесная карта постепенно воплощалась в карту земли — и, следовательно, в свою очередь можно связать земную географию с теми исходными значениями небесных созвездий: с тотемами и алтарями богов.

Я поняла еще кое-что, хотя теперь у меня оставалось лишь три часа на сон до начала изучения того, как все это связано с Советским Союзом, ядерной энергией и Центральной Азией. Впервые мне действительно удалось нащупать основу и уток, сплетающиеся в узор.

Вольфганг своевременно позвонил мне в номер, предложив за завтраком побеседовать с глазу на глаз перед нашей встречей с советскими ядерщиками. Он сидел в одиночестве у стены за одним из длинных столов того зала, где всего несколько часов назад мы разговаривали с Волгой.

Я прошла мимо русских командировочных в мешковатых черных костюмах, тоскливо поедающих горячую вязкую овсянку и в молчании пьющих черный кофе. Заметив мое приближение, Вольфганг отложил салфетку и встал, чтобы посадить меня на соседний стул, потом любезно налил мне растворимого кофе. Однако заговорил он со мной на редкость сухим и холодным тоном.

— На мой взгляд, ты не вполне осознаешь, в каком положении мы находимся здесь, в России, — начал он. — Сюда редко приглашают западных специалистов для открытого обсуждения, посвященного такой острой теме, и я предупреждал тебя, что за нами будут следить. О чем, черт возьми, ты думала, решив провести в отеле, прямо в этом зале, тайное ночное совещание? С кем ты встречалась?

— Для меня его появление тоже было неожиданным. Я уже приготовилась ко сну, — заверила я Вольфганга. — Это был секретарь моего дядюшки, Волга. Лаф встревожился, когда я не дала о себе знать в Вене. Мне следовало хотя бы позвонить ему.

— Его секретарь? — недоверчиво спросил Вольфганг. — Но мне сообщили, что вы провели вместе несколько часов — чуть ли не до рассвета! О чем он мог говорить так долго?

Я сомневалась, что мне стоит особенно распространяться о нашем ночном разговоре, и вообще меня обидел его тон. Мало того, что я целую неделю не высыпалась, а вчера вообще улеглась спать голодной, так мне еще за завтраком устраивают допрос в духе испанской инквизиции! Поэтому, когда угрюмая женщина с усиками добрела до нашего стола с хлебной корзинкой и миской каши, я зачерпнула себе немного горячей овсянки, сунула в рот кусок подсохшего хлеба и ничего не ответила. Правда, согревшись за этой трапезой, я слегка оттаяла.

— Извини, Вольфганг, но ты же знаешь, как относится к тебе мой дядя Лафкадио, — сказала я. — Он действительно очень беспокоился, не зная, где я пропадаю с тобой в Вене. Не дождавшись меня на ужин, он даже позвонил мне на работу в Айдахо, пытаясь выяснить, что могло со мной произойти.

— Он звонил в твой центр? — перебил меня Вольфганг. — А с кем он там говорил?

— С моим домовладельцем, Оливером Максфилдом. Они знакомы, между прочим, — напомнила я ему. — Видимо, Лафу хотелось что-то обсудить со мной. Мы поговорили немного в Солнечной долине, но какие-то дела он отложил до Вены, а я не объявилась. Именно поэтому он и послал за мной Волгу.

— Какого рода дела? — тихо спросил Вольфганг, сделав глоток кофе.

— Семейные дела, — ответила я. — Очень личного характера.

Я глянула на тарелку с подзастывшей овсянкой. Вчера вечером я поняла, что невозможно предугадать, когда удастся поесть в следующий раз, поэтому заставила себя проглотить еще несколько ложек и завершила завтрак горьким кофе. Мне почему-то не слишком хотелось откровенничать с Вольфгангом насчет того, что я узнала, поэтому я просто добавила:

— Вольфганг, когда мы вернемся в Вену, то мне хотелось бы по пути в Айдахо задержаться в

Париже. Ненадолго, всего лишь на день. — Я помолчала, наткнувшись на его удивленный взгляд. — Я надеюсь, что ты сможешь мне встретиться в Париже с моей тетей Зоей.

После завтрака мы покинули наше очаровательное временное жилье, напоминающее колонию для заключенных, и погрузились в некое бронированное транспортное средство, похожее на танк с окошками. Для пушей уверенности в том, что нас доставят, куда следует, помимо шофера в машине сидел очередной интуристовский персонаж женского пола «в штатском». Решив, что пора вернуться на грешную землю, я вытащила выданные мне в МАГАТЭ документы, освежила в памяти наше расписание и сверила с картой маршрут командировки.

На сегодняшнее утро была запланирована примерно часовая поездка в сторону Балтийского моря, в западный пригород Ленинграда. Там, на атомной станции в Сосновом Бору и в соседствующем с ней летнем дворце Екатерины Великой, нас ждала обзорная экскурсия и осмотр одного промышленного — как мы их называем в Америке — ядерного реактора, производящего электрическую энергию для общественного потребления.

По пути туда мне пришло в голову, что впервые с тех пор, как я уехала из Сан-Франциско, погода вдруг смиростивилась, отменив дожди, туман, снег и обледенелые дороги и позволив мне спокойно созерцать окрестности. На набережной меня встретил величественный Эрмитаж, окрашенный в цвет зеленого горошка и отражающийся в Неве, словно упомянутый Волгой легендарный Китеж, схоронившийся в глубине до новых дней, когда он вновь сможет подняться из вод. По ясному голубому небу плыли кудрявые облачка. Дорогу окаймляли скелетообразные очерки деревьев, поблескивающие на их ветвях капли воды ночного дождя еще напоминали о зиме, но резкий запах новой жизни, поднимающийся от влажной, проснувшейся земли, вплывал в полуоткрытые окна нашего пикапа.

В то утро группа подтянутых молодых инженеров и физиков с именами типа Юрий и Борис без малейшей задержки бодро провела нас по большой атомной станции Соснового Бора, и я впервые удовлетворила наконец свой горячий интерес, узнав, что именно послужило причиной нашего приглашения в Россию. Буквально в нынешнем апреле, во время визита в Лондон Михаил Горбачев, вероятно увлеченный духом гласности и перестройки, удивил всех, объявив о решении СССР прекратить в одностороннем порядке производство ВОУ — высокообогащенного урана, используемого в атомных боеголовках, а также сократить производство в России плутониевых ядерных реакторов.

В тот же день, в ходе моего первого фундаментального погружения в главный «мозговой центр» Ленинградского института ядерной физики, наша фамильная история начала приобретать еще более значительный размах. На очередном кратком совещании, которые так любят затягивать ядерщики всего мира, директор этого института Евгений Молотов, статный мужчина с продолговатым скуластым лицом и резко очерченным носом, имевший неувловимое сходство с Белой Лугоши,[67] посвятил нас в одну давнюю историю.

Началась она с той самой борьбы, о которой прошедшей ночью упоминал Волга Драгонов, — борьбы, тянувшейся уже более двух тысячелетий и, видимо, не прекратившейся до сих пор. Ее объект — все та же Центральная Азия — в этом процессе практически не потерял своей таинственности. Наряду с прочими соискателями англичане и русские уже пятьсот лет пытались осуществить свои притязания и даже придумали название для такого занятия. Они назвали его

Великой игрой.

ВЕЛИКАЯ ИГРА

За всю историю процесса человеческого познания существовало две концепции, связанные с законом развития вселенной: метафизическая (идеалистическая) и диалектическая (материалистическая), на основе которых сформировалось два противоположных мировоззрения. (Согласно диалектическому материализму) основополагающая причина развития некоего объекта является не внешней, а внутренней и заключается во внутренней противоречивости самого этого объекта.

Запад есть Запад, Восток есть Восток, не встретиться им никогда...

Восток поможет нам завоевать Запад.

Русский великий князь Иван III, потомок Александра Невского, отказавшись в 1480 году заплатить дань в Золотую Орду, положил конец двухсотпятидесятилетнему татаро-монгольскому игу. Иван женился на Зое Палеолог, единственной племяннице последнего христианского византийского императора. Когда турки захватили Константинополь, он объявил себя главой восточной церкви и защитником веры.

Эта политически выгодная для церкви и государства свадьба произошла на пороге важных исторических событий в жизни Западной Европы: к 1492 году Колумб отправился бороздить океанские просторы, а Фердинанд и Изабелла успели выгнать из Испании евреев и мавров, разрезав семисотлетний ковер, расшитый в стиле южной и восточной культур, и устремив взоры Европы на Запад. Это ознаменовало начало распада феодального строя, подожгло фитиль национализма и спровоцировало последующий всплеск колониальной экспансии.

Один северный остров довольно поздно вступил в эту территориально-захватническую игру. Лишь 31 декабря 1600 года Елизавета I распорядилась об учреждении в Англии Ост-Индской компании. Голландцы не замедлили вступить с ней в конкурентную борьбу, продолжая соперничать с Испанией и Португалией, которые еще умудрялись удерживать фактическую монополию на торговлю специями в Малайзии и на Молуккских островах («Островах пряностей»). За полвека официальные Ост-Индские торговые компании расцвели также в Дании, Франции, Швеции и Шотландии. «Алмазом английской короны» считалась Индия с ее теплыми портами, обширными культурными богатствами и, казалось, неисчислимыми природными ресурсами.

Но русские вскоре тоже активно вступили в игру.

До множества всесторонних реформ, проведенных Петром Великим в начале XVIII века, русские воспринимались скорее как азиаты, чем европейцы, с их длиннополыми одеждами, длинными волосами и бородами, замкнутыми на домашнем хозяйстве женщинами и странными церковными обрядами. Однако «потерянные века» монгольского ига породили маниакальный страх нового порабощения, и ранее отсталое феодальное государство начало расширять границы поистине потрясающими темпами, присоединяя к своим владениям по двадцать тысяч квадратных миль в год. За пару веков, после смерти в 1725 году Петра I, Россия стала многонациональным государством, вобрав в себя огромные территории и продвинувшись в Сибирь до самого Берингова моря, а на западе отхватив изрядные куски от Литвы, Польши, Финляндии, Латвии, Эстонии, Ливонии, Карелии и Лапландии.

Великобритания в панике расширила свое влияние на север и восток до Пенджаба и Кашмира, захватив Бирму, Непал, Бутан, Сикким и Белуджистан и заявив основательные претензии на

Афганистан и Тибет. Египет и Кипр были заняты, Ост-Индская компания распалась, а Виктория, коронованная императрица Индии, царствовала в колониальной империи, греющейся под незакатным солнцем.

Совершив некий контрманевр, Россия к началу Первой мировой войны продвинулась на юг и запад, захватив Украину, Кавказ, Крым и западный Туркестан (ныне Центральная Азия), и расширила свои границы до Индии и Пакистана. В конечном счете две империи, когда-то разделенные между собой расстоянием в тысячи миль, оказались в некоторых местах всего лишь в нескольких милях друг от друга.

Русская экспансия не закончилась и после Октябрьской революции. Когда Ленин призвал все народы подняться всем миром против колониальных угнетателей, он сосредоточился в основном на Индии, вдохновляя эти колонии сбросить ярмо имперского (британского) рабства. Но сами-то большевики, как вскоре выяснилось, не слишком стремились предложить независимость колониальным владениям, приобретенным Россией за четыре века империализма. Попытки этих районов обрести самостоятельность во время последовавшей гражданской войны и массовых крестьянских восстаний были быстро и решительно подавлены.

Когда в 1922 году образовался СССР, он состоял из множества республик, в том числе Белоруссия, Закавказье (Грузия, Армения и Азербайджан), Украина и Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика, включавшая практически все остальные многонациональные регионы. Только позже, когда преимущественно мусульманский ранее Туркестан потребовал прав отдельной и независимой республики, в РСФСР провели некие искусственные границы, разделившие ее на целых пять республик по «национальному признаку». Это решение было принято в 1924 году, когда пост умершего Ленина занял Сталин, который последующие тридцать лет сжимал стальной кулак Коммунистической партии.

Начиная с 1939 года СССР «мирно присоединила» в той или иной степени Польшу, Чехословакию, Румынию, прибалтийские государства — Латвию, Литву, Эстонию — и отдельные регионы Германии и Японии.

Я едва ли нуждалась в дальнейших подробностях, которыми снабдил меня Евгений Молотов из Ленинградского института ядерной физики. После Второй мировой войны название игры изменилось, но игроки остались прежними: теперь игра называлась «холодной войной». В руках всех главных участников появилась новая игрушка под названием «ядерное устройство». Образцом для дипломатической стратегии послужила опасная детская игра «цыпленок», суть которой заключается в том, что две машины на предельной скорости несутся навстречу ДРУГ другу. Водитель, свернувший первым во избежание столкновения, считается проигравшим — трусливым цыпленком. И США неслись быстрее всех. Единственная разница, подмеченная мной между автомобильной версией «цыпленка» и холодной войной, состояла в том, что в первом случае кто-то из участников все-таки мог рассчитывать на выигрыш.

За неделю расписанных встреч мы с Вольфгангом объездили просторы Центральной России, посещая разные объекты и участвуя в совещаниях государственного и частного характера, связанных с ядерной промышленностью. Я обнаружила, что советское правительство серьезно обеспокоено не безопасностью их действующих атомных станций, а, скажем так, только безопасностью ядерных материалов, особенно повторно используемого топлива и боеприпасов. Многие из таких материалов,

в случае Советского Союза, оказались расположены за пределами собственно РСФСР. И вот как я пришла к этому выводу.

Почти пять лет мы с Оливером разрабатывали базу данных, предназначенную для определения местоположения, классификации и отслеживания токсичных и трансурановых отходов, производимых в правительственных секторах экономики США. Наш проект включал в себя подключение к работе многочисленных контролирующих организаций по стране и всему земному шару, и мы все делились заключениями специалистов в нашей собственной американской версии политики «гласность— перестройка». Мы слаженно работали совместно с МАГАТЭ и пользовались сведениями баз данных от Монтеррея до Массачусетса, которые контролировали торговлю ядерными веществами, оборудованием и технологиями. Но наши усилия пока только вскрыли поверхностный слой очень глубокой раны.

Секретность и недоверие ныне угасающего периода холодной войны, как я вскоре обнаружила, оставили трудно заживаемые шрамы, особенно на поверхности Матери-Земли. История выглядела ужасно. Много лет деятельность в ядерной области проходила под девизом: «Левая рука не ведает, что творит правая». Военные закапывали отходы в тех местах, где затем начинали возводиться жилые комплексы; жидкие отходы из реакторов проникали в водоносные пласты рек и прочих водоемов.

Но как выяснилось, наши западные военно-промышленные предшественники оказались безупречными по сравнению с деятельностью их коллег из России за последние сорок лет.

Пока мы ожесточенно спорили, как найти и выкопать отходы, не говоря уже о том, что с ними делать, когда мы их найдем, Советы чертовски просто создавали себе проблемы, изготавливая МБР (межконтинентальные баллистические ракеты) и водородные бомбовозы и тысячи единиц стратегического запаса боеголовок. Они наплодили кучу складов отходов ядерного топлива, предприятий, работающих по методам газовой диффузии и лазерных изотопов для производства обогащенного урана, открытых карьеров и шахт с явными признаками загрязнения скрытыми захоронениями урана. Сброс отходов трития и циркония в Северный Ледовитый и Тихий океаны, видимо, проводился десятилетиями.

По грубым подсчетам, советская ядерная промышленность задействовала девятьсот тысяч человек на предприятиях, разбросанных по меньшей мере в десяти городах. Имелось более 150 центров, использующих и производящих ядерное топливо, и планировалось вдвое увеличить количество промышленных ядерных реакторов в последующие двадцать лет. И это еще были цветочки.

Проблема, выбивающая из седла, как сказал бы Оливер, заключалась в Центральной Азии — в районе, называемом на тюркских языках, *Ortya Asya*, где сосредоточились пять в основном исламских республик: Казахстан, Киргизстан, Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан. Когда Карл Маркс назвал религию опиумом народа, он забыл, как глубоко этот наркотик проник в плоть и кровь человечества — и что риторике еще никогда не удавалось стать противоядием. Десятилетняя агрессия русских против соседнего мусульманского Афганистана — «русский Вьетнам» — только усилила многовековой духовный и физический раскол.

Еще больше подпитывало фундаменталистский огонь то, что понятие так называемой Средней Азии относится только к четырем республикам: Казахстан благодаря многочисленности русского населения считался скорее частью России. Полигоны российских ядерных испытаний

сосредоточились как раз в Казахстане, граничащем с бывшим китайским Туркестаном и провинцией Синьцзян с ее собственным мусульманским населением, где с 1964 года в высокогорной пустыне в районе озера Лобнор проводили свои ядерные испытания китайцы. Вся эта область представляла собой своеобразную пороховую бочку.

Действия русских за пределами СССР выглядели не лучше. В Чехословакии и Польше они разместили оружейные склады и центры по разработке месторождений и производству ядерного топлива. С семидесятых годов Россия снабжала ядерным горючим такие страны, как Египет, Индия, Аргентина и Вьетнам, а высокообогащенным ураном для исследовательских ядерных реакторов — Ливию, Ирак и Северную Корею. Однако во всем Советском Союзе не было ни одной постоянной контролирующей организации для измерения уровня радиации грузов.

Учитывая такой расклад, не надо обладать большим воображением, чтобы понять, почему русские вдруг начали приплясывать как на раскаленных углях. Очевидно, заключения западных специалистов доходили до них далеко не так быстро, как хотелось бы. Но к защитным мероприятиям я обычно отношусь философски: лучше поздно, чем никогда.

Мифологическая Пандора так давно открыла свой легендарный ящик, что мораль ее легенды, видимо, подзабылась. Она вывалила на весь мир все зло, которое только мог придумать мстительный Зевс. Но, как сказал Сэм, возможно, мы неправильно прочли дорожные карты. В конце концов, кое-что все же осталось в том ящике: надежда. Если всесторонне рассмотреть нашу историю, то, возможно, мы обнаружим, что реальная надежда дожидается нас на дне того ящика. По крайней мере, так мне хочется надеяться.

Мы договорились с нашими советскими коллегами начать новые совместные отношения для решения назревших проблем. Благодаря недавно создавшейся атмосфере гласности и сотрудничества для советских ученых наконец впервые открылся «железный занавес». Перед нашим отъездом из России мы с Вольфгангом собрали данные для будущих контактов, и у меня в руках оказалась целая коллекция этих новых элитарных предметов — визитных карточек.

Поздним вечером наш самолет прибыл в уже опустевший венский аэропорт. Мы заранее заказали билеты на ближайший рейс в Париж и теперь боялись, что можем не успеть на него. Но вылет этого рейса немного отложили из-за какого-то мелкого ремонта, и поэтому посадку на самолет еще не объявили, так что мы успели зарегистрироваться. Вольфганг остался ждать вместе с другими пассажирами подвозящего к трапу автобуса, а я пошла позвонить Лафу, как обещала. Вольфганг предупредил меня, чтобы я не болтала долго, поскольку нас могли пригласить на посадку в любой момент.

Я надеялась, что меня простят за поздний звонок, но совершенно не ожидала от Лафа такого шквала вопросов, когда подошедший к телефону слуга передал ему трубку.

— Гаврош, ради всего святого, где ты? Где ты пропадала? — взволнованно прогудел Лаф. — Мы целую неделю пытаемся дозвониться до тебя! Кстати, насчет записки, что ты прислала с Волгой: что вы делали в монастыре Мелька? Почему ты не позвонила мне, когда была в Вене, или хотя бы уже из Ленинграда? Где ты сейчас?

— Я в венском аэропорту, — сообщила я. — Но лечу в Париж, и посадку должны объявить с минуты на минуту.

— В Париж? Гаврош, я ужасно беспокоюсь за тебя, — сказал Лаф, и, судя по голосу, так оно и

было. — Зачем ты собралась в Париж? Только из-за того, что сообщил тебе Волга? Ты уже успела переговорить со своей матерью?

— Джерси не сочла нужным сообщить мне хоть что-то за все двадцать пять лет моей жизни, — проворчала я. — Но если ты считаешь, что это важно, то, конечно, я свяжусь с ней.

— Непременно поговори с ней до того, как ты встретишься с кем-то в Париже, — сказал Лаф. — Иначе ты просто не поймешь, кому верить.

— Поскольку я уже все равно никому и ничему не верю, — саркастически произнесла я, — то какая разница, где меня в очередной раз попытаются обмануть — в Айдахо, Вене, Ленинграде или Париже?

— Очень большая разница, — сказал Лаф, впервые вдруг искренне рассердившись. — Гаврош, я пытался лишь оберегать тебя, и твоя мать тоже. У нее были очень серьезные причины не посвящать тебя раньше в эти дела ради твоей же собственной безопасности. Но сейчас, когда Эрнест и твой кузен Сэм уже мертвы... — Лаф помедлил, словно ему вдруг пришла в голову новая мысль. — С кем именно ты встречалась в Мельке, Гаврош? Ты была там с Вольфгангом Хаузером? — спросил он. — И с кем еще тебе удалось встретиться в Вене? Естественно, я не имею в виду твои деловые встречи. Я сомневалась, стоит ли откровенничать с Лафом, тем более по телефону. Но мне уже сильно опротивела вся эта секретность и конспирация, даже с членами моей семьи — особенно с членами моей родной семьи, — и я решила покончить с этим.

— Мы с Вольфгангом провели утро в Мельке вместе с одним типом, отцом Вергилием, — сказала я. Поскольку из трубки донеслось лишь напряженное молчание, я добавила: — А за день до этого я обедала с дьявольски красивым мужчиной, назвавшимся моим дедушкой.

— Предостаточно, Гаврош, — резко оборвал меня Лаф совершенно не свойственным ему грубым тоном. — Я знаю этого Вергилия Санторини; он очень опасный человек, и надеюсь, ты проживешь достаточно долго, чтобы успеть убедиться в этом. Что же до другого... до твоего «дедушки», я молюсь только, чтобы он пришел к тебе с дружескими намерениями. Больше не говори ничего. Сейчас не время обсуждать наши дела, да и ты натворила так много глупостей с тех пор, как мы расстались в Айдахо, что пока даже не знаю, что придумать. До сих пор ты не слишком ответственно относишься к своим обещаниям, но ты должна поклясться мне в одном: что до парижской встречи обязательно позвонишь своей матери. Это крайне важно, безотносительно к прочим безрассудствам, на которые ты еще способна.

Я не сразу нашла что сказать. Признаться, я очень огорчилась; мне еще не приходилось слышать, чтобы голос Лафа звучал так расстроено. Но тут из динамика донесся голос, вещающий по-немецки о начале посадки на наш самолет.

— Мне очень жаль, Лаф, — прошептала я под фоновый шум этого объявления. — Я позвоню Джерси, как только сойду с самолета в Париже, клянусь.

Трубка хранила глухое молчание, а в зале ожидания продолжали звучать официальные приглашения: сначала их повторили по-французски, а потом по-английски. Вольфганг, отделившись от общей массы пассажиров, отчаянно жестикулировал, призывая меня к себе, но тут в трубке раздался другой голос. Это была Бэмби.

— Фрейлейн Бен, — сказала она, — вашего Onkel очень расстроил разговор, и он забыл о сообщениях, которые мы хотели передать вам. Для вас пришло одно сообщение по электронной

почте, его переслали нам из офиса Вольфганга. А другое — от вашего коллеги, гетта Максфилда. Он часто звонил нам на этой неделе; сказал, что вы так и не связались с ним, как он просил. У него есть для вас очень важная информация. Он прислал телеграмму.

— Я слушаю, но только побыстрее, — сказала я. — Наш самолет скоро взлетает.

— Я прочту вам оба сообщения, они очень короткие, — сказала она. — Первое — из какого-то места в Америке под названием Фор-Корнерз,[68] в нем сказано: «Исследовательский этап закончен.

Будьте крайне осторожны при обработке К-файлов. Данные весьма подозрительны».

Я знала только одну вещь про Фор-Корнерз, этот отдаленный район высокогорной пустыни на юго-западе: там были обнаружены развалины древнего поселения индейцев анасази. Значит, этим посланием Сэм, выяснивший в Юте какие-то подробности, хотел передать мне, чтобы я остерегалась любых «данных», исходящих от Вольфганга «К» Хаузера. Это меня совсем не порадовало. Но телеграмма Оливера была еще хуже. В ней говорилось:

«Под вылетел за тобой в Вену следующим рейсом; он все еще там. Возможно, в нашей лотерее ты потеряла больше меня. Ясон чувствует себя великолепно и передает горячий привет. К нему присоединяется и мой шеф Терон.

Впечатляющий залп новостей: единственным хорошим известием было то, что с моим котом все в порядке. Но то, что мой шеф Под последовал за мной в Вену, явно ничего хорошего не сулило. И во мне вновь проснулась смутная тревога, не покидавшая меня все время пребывания в России. А предостережения Сэма еще больше укрепили ее.

Вольфганг говорил мне правду, признав, что я видела отца Вергилия раньше, до нашей встречи в монастыре Мелька. Он уточнил, что я видела Вергилия днем раньше в ресторане, где этот падре изображал официанта и следил за моим общением с Дакианом Бассаридесом. Это объясняло, почему он показался мне знакомым во время следующей встречи, вернее, смутно знакомым. Потом мне вспомнилось, как уклончиво ответил Вольфганг на мой вопрос о его таинственном управляющем Гансе Клаусе с таким странно изменчивым именем. Именно тогда я заподозрила, что он лжет.

Какое облегчение он, должно быть, почувствовал, когда я поверила, что в тот вечер в винограднике видела отца Вергилия. Но теперь я поняла, что виденная мною в лунном свете фигура принадлежала вовсе не отцу Вергилию, а человеку, которого я часто встречала в коридорах нашего ядерного центра в Айдахо: у того ветерана Вьетнама была пружинистая походка натренированного боксера. И тогда я поняла без тени сомнений, что чертовски законспирированная встреча в винограднике Кремса была у Вольфганга не с кем иным, как с моим собственным шефом, Пастором Оуэном Дартом.

Этой догадке сопутствовал целый поток озадачивающих мыслей. Прежде всего я вспомнила, что именно Дарт пригласил меня, молодого и совершенно неопытного специалиста прямо из университета, на работу в ядерный центр, а потом поручил мне задание с Вольфгангом сразу после моего возвращения с похорон Сэма. Теперь, задним числом, учитывая все дальнейшие обстоятельства, такая своевременность показалась мне более чем странной.

Опять-таки именно Дарт — якобы — беседовал с «Вашингтон пост» о моем «наследстве», и именно ему пришла идея сразу послать Оливера на почту, чтобы получить мою посылку. И вероятно, именно Пастор Дарт послал Вольфганга гоняться за мной по двум штатам до ущелья Джэксона, и именно он чуть не поругался с отделом федеральной безопасности ради того, чтобы я успела на самолет с Вольфгангом. Чего же ради сам Под примчался в Вену следующим рейсом? А если учесть его

тайную встречу с Вольфгангом практически сразу после того, как мы спрятали документы, вкуче с сообщением Оливера о том, что Под до сих пор не вернулся из Вены, то в нашей истории явно появились осложнения... хотя сегодня вечером мне вряд ли удастся что-либо исправить.

Когда мы загрузились на борт следующего в Париж самолета, во мне сформировалось какое-то жутко холодное чувство. Я постаралась подавить горечь, испытываемую из-за ужасной измены Вольфганга, пока не смогу полностью разобраться в болоте всей этой лжи. Но об одном я боялась даже думать, хотя понимала, что должна. Самым ужасным мог оказаться последний привет из телеграммы Оливера.

Ведь человека, убитого в Сан-Франциско вместо моего кузена Сэма, звали Терон, как «шефа» Оливера. Имя убитого было Терон Вейн.

ОГОНЬ И ЛЕД

У ч е н и к: Лама, у нас ходит много легенд о Великом Камне... С древних друидических времен многие народы передают из уст в уста правдивые легенды о природной энергии, сокрытой в этом странном пришельце, залетевшем на нашу планету.

Л а м а: Lapis exilis... о Камне этом упоминали в былые времена мейстерзингеры. Можно заметить, что Запад и Восток во многом схожи друг с другом. Нет необходимости углубляться в пустыни, чтобы услышать об этом Камне... Все было явлено в Калачакре, но лишь немногие способны постичь это.

В учении Калачакры использование первичной энергии называлось Учением Огня. Индусы знают, что учение великого Агни — несмотря на его древность — обретет новую силу с наступлением Новой Эры. Мы должны думать о будущем.

Завершится ли мир наш в стихии огня

Иль погибнет во льдах навсегда?

Страсти пыл, вероятно, привел бы меня

К предпочтению стези огня.

Если б дважды сулила ему судьба

Пройти через смертный плен,

То, на мой взгляд, незыблемым стал бы тогда

Его ледяной плен.

Мы оказались во Франции еще до полуночи, но в аэропорту Шарля де Голля было довольно пусто. Пункты обмена денег уже закрылись, и служащие ушли домой. В стеклянных переходах туннелей замерли даже обесточенные на ночь эскалаторы. К счастью, наша встреча с Зоей была назначена только на завтрашнее утро.

Однако если во Франции сейчас полночь, то, значит, в первоклассном нью-йоркском пентхаузе Джерси — около шести вечера, то есть время коктейлей еще не наступило и, возможно, она еще будет способна уделить мне внимание, если позвонить прямо сейчас. Мне вдруг подумалось также, что даже безопаснее позвонить из автомата в аэропорту, чем из номера в отеле, который организует для нас Вольфганг. Если неделю назад я мечтала о нашей следующей длинной и плавной ночи страсти перед камином в замке, то сейчас пыталась выкинуть все это из головы.

Я выяснила, как воспользоваться моей визитной карточкой для телефонного разговора. Вольфганг, как я видела через стеклянную перегородку, стоял в ожидании прибытия нашего багажа около

международной «карусели». После нескольких звонков Джерси сама взяла трубку. Ее мелодичный голос звучал необычайно трезво и так живо, словно она находилась в двух шагах от меня.

— Бонжур тебе, мама, из Парижа, — вежливо, но не слишком сердечно приветствовала я ее. — Лаф настойчиво просил, чтобы я позвонила тебе, как только прилечу из Вены. И вот в данный момент я стою в телефонной кабинке в аэропорту Шарля де Голля, здесь у нас уже за полночь, и поблизости крутится мой спутник. Но ты, вероятно, догадалась, что привело меня сюда: маленькая семейная подробность, которую ты так и не удосужилась поведать мне за двадцать пять лет. Может, в целях экономии времени и нервов ты согласишься все-таки сообщить мне то, что сочтешь нужным? Молчание Джерси настолько затянулось, что я уже подумала, не бросила ли она трубку.

— Мама? — не выдержала я наконец.

— Ох, Ариэль, милая, мне очень жаль, — ответила она вроде бы с искренним раскаянием, хотя, естественно, я не забывала ни на минуту, что примадоннам не чуждо актерское мастерство. — Радость моя, я держала тебя в неведении только в надежде на то, что тогда у тебя, вопреки всему, будет больше шансов на нормальную жизнь. — Она рассмеялась и добавила с легкой горечью: — Если такая вообще существует.

— Мама, я не прошу тебя объяснить причины того, что ты сделала или не сделала за все эти годы. Об этом мы сможем поболтать позже. — Гораздо позже, подумала я. В сущности, при удачном раскладе я предпочла бы попросту избежать этого подробного признания. — Но сегодня мне хотелось бы узнать лишь несколько голых и сухих фактов. Достаточно краткого перечисления некоторых сведений, возможно связанных с твоей семьей... пардон, с нашей семьей. Надеюсь, я прошу не слишком многого?

— Не знаю, почему я лелеяла глупые надежды, что этот день никогда не наступит, — почти раздраженно сказала Джерси. — И уж конечно, я совершенно не представляла, что международный звонок от родной дочери захватит меня врасплох, не дав мне осушить бокал спасительного коктейля! Ты рассчитываешь, что мне удастся за три минуты оправдаться за всю мою жизнь?

— Ладно, говори сколько угодно, — уступила я. — Лафу хотелось, чтобы я выслушала тебя первой. В нашем распоряжении целая ночь, поскольку с дражайшей бабулей я должна встретиться только утром.

— Отлично. А какие именно голые и сухие факты ты хочешь узнать? — хладнокровно спросила она.

— Ну, к примеру, почему твоя мать сбежала во Францию, бросив тебя во время войны, и почему потом ты вышла замуж или жила вместе с двумя, нет, даже со всеми тремя ее братьями.

— Тогда мне нужно выпить, — резко заявила Джерси, оставив меня висеть на телефоне за мои кровные денежки, уплывающие в океанские просторы.

Через мгновение она вернулась, и до меня донеслось тихое позвякивание кубиков льда о стенки бокала, сопровождающее ее речь. Выпивка подействовала на нее как-то странно, поскольку ее голос обрел некий стальной оттенок, словно она облачилась в броню доспехов.

— Что тебе уже успели рассказать? — спросила Джерси.

— Более чем достаточно, уверяю тебя, мамуля, причем для моей же собственной пользы, — сказала я. — Поэтому тебе нет никакой нужды стесняться в выражениях, вываливая на меня очередные новости.

— Значит, ты уже знаешь об Огастусе?

— А что, собственно, ты имеешь в виду? — осторожно произнесла я.

Наверное, она имела в виду то, что его настоящим отцом был Дакиан Бассаридес, однако разве не мне полагалось задавать вопросы? С чего бы мне выдавать так сразу все, что я знала, женщине — пусть даже моей матери, — которая всю жизнь продержала меня в полном неведении относительно ее собственного происхождения? Услышав следующее замечание Джерси, я сразу похвалила себя за то, что попридержала язык.

— Я имею в виду, объяснил ли тебе Лафкадио, почему я ушла от твоего отца?

Несмотря на выпивку, Джерси пока изъяснялась вполне внятно.

Совершенно не представляя, к чему может привести наш разговор, я определила для себя только один положительный момент: я должна постараться всеми силами выведать любые тайные подробности нашей истории.

— Почему бы тебе не изложить твою версию событий? — предложила я единственный пришедший мне на ум ответ, позволяющий уклониться от простого отрицания.

— Очевидно, что ты этого не знаешь, — сказала Джерси. — И честно говоря, будь на то моя воля, то и я, наверное, предпочла бы обо всем забыть. На мой взгляд, было бы гораздо лучше, если бы ты так ничего и не узнала. Однако раз уж ты прилетела из Вены в Париж, то я боюсь, что подвергну тебя серьезной опасности, продолжая и дальше хранить эту тайну.

— Я и так уже в серьезной опасности, мама! — стиснув зубы, процедила я.

О боже, как бы мне хотелось свернуть ее чертову шею!

Вольфганг, удивленно подняв брови, поглядывал на меня через стеклянную стенку кабины. Я пожала плечами, словно ничего не случилось, и попыталась изобразить улыбку.

— Конечно, я понимаю, что у тебя есть все права знать, — сказала Джерси.

Она вновь умолкла, словно пыталась собраться с мыслями. Я слышала лишь тихое, удаленное на тысячи миль позвякивание льда в бокале. Мне казалось, что я готова к любым неожиданностям. Но наконец моя мать заговорила, и, как это обычно бывает у меня с родственниками, я подумала, что лучше бы она этого не делала.

— Ариэль, дорогая, у меня есть сестра, — начала Джерси. Не дождавшись от меня никакой реакции, она продолжила: — Вернее, мне следовало сказать, была сестра. Мы с ней никогда не были близки, не виделись годами, а сейчас она уже умерла. Но в результате... непростительной измены со стороны твоего отца много лет назад... — Следующие слова она почти заглушила вздохами. — Милая, у тебя тоже есть сестра, почти твоя ровесница.

Я не верила своим ушам. Почему же никто не говорил мне об этом? Мне осточертели бесконечные потоки лжи и обмана, воспроизводимые колоратурным голоском моей знаменитой матери, хотя, очевидно, виновата в этом далеко не она одна. Огастус также отлично замаскировался.

Больше всего мне хотелось сейчас повесить трубку, сделав вид, что прервалась связь. Но я смутно предчувствовала, что это был только хук слева, а удар в правую челюсть еще впереди. Поэтому я продолжала слушать, затаив дыхание. Я поняла, что вероятной «соучастницей» измены моего отца не может быть его нынешняя жена, Грейс. Она была слишком юной в те времена, когда Джерси ушла от него. Но Джерси еще не закончила говорить:

— Ариэль, я понимаю, что нам с твоим отцом давно следовало рассказать тебе все.

Она помедлила, видимо для того, чтобы заглотнуть очередную порцию допинга для поддержания

сил во время дальнейшего разговора. Я видела, как Вольфганг расхаживает вокруг транспортера, и порадовалась тому, что французская багажная система считается одной из самых неторопливых в Европе и у меня еще есть время для получения всеобъемлющей информации, хотя и сильно сомневалась, что мне этого хочется.

— Ты спросила, почему моя мать бросила меня, — сказала Джерси. — Это не совсем верно. Зоя отправилась во Францию, чтобы забрать мою сестру Халле, которая воспитывалась у своего отца в Париже. Это же было военное время, ты понимаешь...

— У какого отца? — прервала ее я. — Ты хочешь сказать, что отцом твоей сестры был не ирландский летчик?

Хотя что тут удивительного, учитывая Зоину репутацию?

— Моя мать была замужем, или, лучше сказать, имела ребенка — мою сестру — от другого мужчины. Учитывая, что наши отцы в военное время оказались по разные стороны баррикады, Халле воспитывалась отдельно от меня, и у нас были разные жизни. Но когда ты сказала, что недавно была в Вене, я подумала, что дядя Лаф познакомил тебя с ее...

— С кем?! — воскликнула я, начиная чертовски нервничать.

Я поняла, что отцы этих девочек воевали на разных фронтах. Но если сестра Джерси уже умерла, то с кем же Лаф мог познакомить меня в Вене? И тут Джерси выдала именно то, что я ожидала.

— Я никогда не простила ни твоего отца Огастуса, ни мою сестру за их предательство, — сказала она. — Но родившийся у них ребенок, твоя сестра, стала совершенно очаровательной девушкой и к тому же исключительно талантливой. Последние десять лет Лафкадио опекает ее и, можно сказать, пестует ее талант. Вот я и подумала, что ты могла с ней познакомиться. Они повсюду путешествуют вместе.

Глубоко вздохнув, я прижала трубку к груди, моля, чтобы на меня обрушился потолок или еще что-нибудь в таком же роде. Я не могла поверить случившемуся. Медленно поднесла трубку обратно к уху, я услышала, как моя мать сообщает:

— Ариэль, твою сестру зовут Беттина фон Хаузер.

«Я надеюсь, вы полюбите друг друга, как сестры», — вот что сказал Лаф, познакомив меня в Солнечной долине с Беттиной Брунхильдой фон Хаузер. В ту же ночь, явившись в мой номер в «Приюте», Бэмби поведала об «опасном увлечении» мной ее брата Вольфганга — хотя в тот раз, насколько я помню, она говорила, что это, возможно, поставит под угрозу всех нас. Боже милостивый, неужели она имела в виду, что Вольфганг тоже приходится мне братом?

Слава богу, нет. Мать Вольфганга, Халле, была замужем за каким-то австрийцем, умершим вскоре после рождения Вольфганга — но, к счастью, перед тем, как она вступила в интимные отношения с моим отцом Огастусом. Тем не менее это не упрощало наших семейных сложностей.

Закончив минут через двадцать телефонный разговор с матерью, я стала неизмеримо более сведущей в семейных делах. Мою традиционную фразу о «весьма сложных родственных связях в моей семье» теперь вполне справедливо было бы предварять словами: «Как же мало я знала...» Но на сей раз благодаря легкому нажиму на Джерси на поверхность этого болота всплыли далеко не пустые отговорки.

По словам Джерси, ее мать Зоя Бен, младший и единственный ребенок Иеронима и Гермiony, убежала вместе с Пандорой и к пятнадцати годам стала прекрасной танцовщицей. Следуя примеру

Айседоры Дункан, ставшей ее подругой, наставницей и покровительницей, Зоя вскоре создала свой собственный уникальный стиль исполнения. Ко времени трагической смерти Айседоры в 1927 году, когда Зое было всего лишь двадцать лет, моя молодая бабуля уже блистала на сцене «Фоли-Берже», «Опера Комик» и во множестве других мест. Тогда же она познакомилась с Хиллманном фон Хаузером.

Богатому и влиятельному Хиллманну фон Хаузеру было уже под сорок — этакий рыцарь тевтонского ордена, член нескольких подпольных немецких националистических организаций типа «Общества Туле» или «Armanenschaft», уже в 1927 году оказывавший активную финансовую поддержку Национал-социалистической партии и лично Адольфу Гитлеру. Такой же светловолосый, как Зоя, этот рослый красавец уже десять лет был связан узами брака с не менее родовитой, чем его собственная, немецкой семьей, однако брак его оказался бездетным.

Юная Зоя, демонстративно эпатируя обывателей, в течение пяти лет каждый вечер танцевала обнаженной перед публикой — все это подтверждалось ее собственными мемуарами, скандальным разоблачением скандальных бурных двадцатых. Очевидно, Зое доставило немалое удовольствие доказать опытным путем, что бездетный брак фон Хаузера не был результатом его собственного бесплодия. Старшая сестра моей матери, Халле фон Хаузер, родилась у Зои в 1928 году.

Хиллманн фон Хаузер и ему подобные деятели легко пережили опустошительные последствия Первой мировой войны, от которых пострадало большинство населения Германии. Фон Хаузер, отлично выдержавший штормовые потрясения между двумя войнами, принадлежал к группе таких известных монополистов и производителей оружия, как Крупп и Тиссен. Дочь Зои, Халле, увезенная в Германию приемным отцом и его законной супругой, позже воспитывалась в самых шикарных элитных школах Франции. Ее родная мать Зоя вскоре упорхнула — насколько поняла Джерси — на остров Джерси, где стремительно вышла замуж за процветающего молодого фермера, занимающегося производством ирландской шерсти, и они счастливо жили там с их дочерью Джерси до начала Второй мировой войны, заставившей фермера стать героическим летчиком, а Зою вернуться во Францию.

Этот преданный забвению «пасторальный» период жизни Зои не слишком хорошо согласовывался с увековеченной ее собственными усилиями легендой, но зато отлично вписывался в историческую канву ужасных событий, от которых меня бросало в дрожь. Я не забыла, что произошло в 1940 году на той самой неделе, когда Зоя неожиданно решила прокатиться во Францию: в те дни началась немецкая оккупация. И в Париже тогда оказался не только фон Хаузер — по словам Джерси, он прибыл туда за своей двенадцатилетней дочерью Халле, — но и еще один, более давний знакомец Зои.

Я, конечно же, не забыла о нашем с Лафом купании в горячем бассейне Солнечной долины, когда он поведал мне, что Зоя только для виду изображала «королеву ночи», что это была лишь пропаганда, придуманная «самым пройдошным торговцем нашего века» — австрийским соотечественником Зои Адольфом Гитлером, который заявился в Париж на той же неделе, чтобы с наглым улыбающимся видом сфотографироваться — как турист — на фоне Эйфелевой башни, изображая из себя долгожданного завоевателя, призванного потомками древних салически-бургундских франков, живших во времена нибелунгов.

Стала ли моя бабушка Зоя дамой полусвета или просто танцовщицей, работала ли во французском

Сопротивлению, как утверждал Вольфганг, или сотрудничала с нацистами, как говорил Лаф (что казалось более вероятным), — так или иначе завтра я сама впервые смогу оценить, какова она, реальная Зоя Бен.

Учитывая обстановку секретности, если не сказать предательства, в которой варилось наше семейство, возможно, Вольфганг не знал, что наши с ним матери, Джерси и Халле, были сводными сестрами. Возможно, он также не догадывался, что восьмидесятитрехлетняя красotka Зоя, которую он счел совершенно очаровательной, на самом деле его родная бабушка. В конце концов, я ведь сама не знала ничего до сегодняшнего вечера.

Однако одно объяснение Джерси полностью выявило очередную ложь Вольфганга. Оно было связано с событиями той недели, когда хоронили Сэма. И в этом свете последнее зашифрованное сообщение Сэма выглядело еще более зловещим.

Перед похоронами Сэма Джерси, так же как и Огастус с Грейс, немного побеседовала с душеприказчиком об оглашении завещания; но в отличие от Огастуса и Грейс у Джерси были на это особые причины. Она познакомилась с мистером Лео Абрахамсом, адвокатом и душеприказчиком дяди Эрнеста, когда стала вдовой. И вот теперь, когда умер и Сэм, вполне понятно, что Джерси захотелось узнать, как в дальнейшем она будет получать доходы, которыми последние семь лет обеспечивал ее Сэм. Но дело было не только в доходах.

Узнав, что я, вероятно, буду главной наследницей Сэма, Джерси пожелала выяснить, известно ли мне, с какой ответственностью это сопряжено. Она сама имела вовсе не общее представление о том, что именно Сэм унаследовал от отца. Возможно даже, моя мать была вовсе не так уж пьяна, как изображала в тот день на кладбище. Вспоминая сейчас ее потрясающее поведение, я понимала, что оно, несомненно, дало нам короткую передышку от общения с Огастусом и Грейс и возможность спокойно пообедать вдвоем. Но когда Джерси поняла, что я пребываю в полном неведении, то решила отловить меня, когда остальные члены семьи уберутся из города, и все мне рассказать. Джерси привезла на похороны одну свою личную собственность, и хотя сейчас она не могла вдаваться в подробности, даже небольшого намека было для меня достаточно. Она собиралась отдать мне то, что привезла, после нашего разговора, но я исчезла. Переосмыслив ситуацию, она завернула документы в толстую пергаментную бумагу, запечатала их и послала мне по почте, нацарапав для меня записку на внутренней стороне коричневой обертки. Но ее я, к сожалению, выбросила, даже не посмотрев. Однако, судя по краткому описанию, которое Джерси могла себе позволить в нашем разговоре по трансатлантической линии связи, я ясно поняла, что это был именно тот манускрипт, которым я начинала многотомный справочник нормативов министерства обороны у себя в конторе — незадолго до того, как получила еще более опасные документы от Сэма, припрятанные теперь в Вене, в Австрийской государственной библиотеке. То есть Джерси послала мне тот самый рунический манускрипт, который — по заявлению Вольфганга — он получил от Зои и самолично послал мне; тот самый манускрипт, который никогда не принадлежал ни Вольфгангу, ни Зое, как позже заверил меня Лаф.

По причинам разумной осторожности мы с мамой сговорились, что все остальное обсудим после моего возвращения, и я повесила трубку. Вольфганг уже поджидал меня с нашим багажом возле будки, и мы направились на стоянку такси. Когда наш таксомоторный кабриолет ворвался во влажную бархатисто-черную парижскую ночь, до меня вдруг дошло, что, вопреки всем

предупреждениям Лафа, я иду на известного в поговорках медведя с голыми руками.

Вполне вероятно, что Вольфганг в глаза не видел рунического манускрипта до той самой ночи, которую он провел в моей квартире в Айдахо, притащив меня туда без сознания сразу после приключения с лавиной. И если так оно и было, с ужасом осознала я, то человек, который сидит сейчас рядом со мной в такси, кружащем по ночным парижским улицам, с самой нашей первой встречи кругом обманывал меня.

Такси затормозило на узкой улочке на левом берегу Сены перед «Рёле Кристин»; Вольфганг вылез из машины, расплатился с шофером и позвонил в ворота.

— Мы только что прилетели последним самолетом, — сказал Вольфганг портье на почти безупречном французском. — И пока не успели поужинать. Не могли бы вы дать нам ключи от номера и убрать наш багаж, пока мы ходим куда-нибудь перекусить?

Портье согласился, Вольфганг обменял щедрые чаевые на ключи от номера, и мы направились по этой улочке туда, где еще горел свет и за многочисленными столиками в изысканном уютном ресторанчике ужинали театралы, заглянувшие сюда после окончания вечерних спектаклей.

Принесли заказанные нами coquilles[69] с шикарным морским ассорти, приправленным экзотическими средиземноморскими специями. Вкусная пища и крепкие вина всегда заставляли меня по-настоящему расслабиться и подобреть — и притупляли инстинкт самосохранения именно тогда, когда мне необходимо было его обострить.

— Ты довольно долго болтала по телефону с Америкой, — заговорил наконец Вольфганг, когда на нашем столе появился свежий зеленый салат. — Часто общаешься со своей матушкой?

— Как минимум каждые пару лет непременно, невзирая на погодные условия, — сказала я.

— Вероятно, этот звонок связан с твоим вечерним разговором в Вене с дядей? — предположил он. — Почему-то ты вела себя необычайно тихо с тех пор, как мы покинули Вену.

— Да, частенько я болтаю больше, чем следовало бы, — согласилась я. — Но обычно веду себя сдержанно, когда речь заходит о делах моей семьи. Конечно, теперь, когда выяснилось, что мы с тобой и правда родственники, я подозреваю, что не осталось уже практически ничего, что мы не могли бы обсудить друг с другом. Разумеется, если мы оба, для освежающего разнообразия, решим поговорить начистоту.

— А-а, — вяло протянул Вольфганг, уткнувшись носом в тарелку.

Он взял хрустящую булочку и, разломив ее на две половины, принялся так старательно изучать их, словно рассчитывал найти там разгадку какой-то тайны. Потом он взглянул на меня своими невероятными бирюзовыми глазами в обрамлении густых ресниц. От этого взгляда у меня обычно слабели коленки. Но я знала, что сейчас лучше сосредоточиться на духовной, а не на материальной стороне дела.

— Теперь твоя подача, — сказала я. — Но пожалуйста, имей в виду, что мы с тобой не пара игроков, решивших поразмяться на травке с теннисными ракетками.

— Очевидно, тебе сообщили нечто такое, что выставило меня в плохом свете, — спокойно сказал Вольфганг. — Но прежде чем объяснить тебе все с моей стороны, я должен узнать, насколько хорошо ты представляешь ситуацию.

— И почему это мне всегда приходится первой отвечать на вопросы? — Я ткнула вилкой в салат, потом отложила ее и прямо взглянула на него. — На мой взгляд, даже если ты познакомился с Зоей

Бен всего лишь в прошлом году, то уже знал, что она твоя бабушка, а ее дочери — твоя и моя матери — сводные сестры. И мне также известно, что ни ты, ни Зоя не посылали мне тот манускрипт. Мама только что сообщила мне, что это сделала она. Возможно, она долгое время скрывала от меня правду, но ее не назовешь отъявленной лгуньей. Хотелось бы мне, чтобы я могла сказать то же самое о тебе. Единственное, за что я благодарна тебе, так это за спасение моей жизни во время лавины. Во всем остальном, насколько я понимаю, ты дурачил меня с самой первой нашей встречи в горах, и мне необходимо знать почему, причем сейчас же.

Вольфганг изумленно таращился на меня. Несколько официантов и посетителей уже поглядывали в нашем направлении, хотя я довольно успешно сдерживала голос, говоря ему все это. Неожиданно Вольфганг улыбнулся.

— Единственное? — сказал он, приподняв брови и оставив без внимания остальную часть моей тирады. — А у меня, признаться, есть не один повод быть благодарным тебе. Во-первых, до сих пор я еще никого не любил. Во-вторых, настоящим сюрпризом для меня оказалось то, что моей любовью станет такая мегера, как ты. Поэтому я должен поблагодарить тебя... как это вы, американцы, говорите? — за возвращение меня к реальности.

Он отложил салфетку и попросил у официанта счет. Но я уже разъярилась и, решив не позволять ему больше отшучиваться, достаточно реально показала свою вредную натуру. Жестом остановив официанта, я подчеркнуто взяла в руки бокал вина и твердо сказала Вольфгангу:

— Мы еще не закончили.

— О да, разумеется, не закончили, — тем же шутливым тоном подхватил он. — Неужели тебе не приходило в голову, Ариэль, что я не говорил о наших родственных связях, поскольку меня предупредили, какие отношения царят в семействе Бен? Что ты с самого детства старалась держаться подальше от всех, кроме твоего кузена Сэма? Неужели ты думаешь, что я, зная заранее твою реакцию, мог бы свалиться к тебе как снег на голову сразу после смерти этого самого кузена и сказать: «Привет, а вот и я, твой кузен Вольфганг, о котором ты сроду не слышала; и я приехал, чтобы затащить тебя в гости к твоим страшным родственникам, общения с которыми ты так долго и успешно избегала»? А относительно рунического манускрипта, про который я тебе якобы солгал, так Зоя знала, что твоя мать послала его тебе, потому что они разговаривали об этом. Спроси ее завтра сама, если не веришь мне. Прости, но я сказал тебе, что сам послал этот манускрипт, потому что это было единственное, что я смог придумать, чтобы быстро завоевать твое доверие...

— Да уж, хорошенький способ «завоевания доверия» посредством очередного обмана! — прервала я чрезвычайно несвоевременное признание Вольфганга.

Но в глубине души мне пришлось признать, что в его словах было много справедливого. Каким бы красивым и желанным я ни сочла Вольфганга с первого взгляда, мне пришлось затратить много времени и усилий, стараясь любой ценой избежать близости — по причине, которой я вряд ли могла бы поделиться с ним как тогда, так и сейчас: потому что Сэм все еще жив и ему угрожает опасность со всех сторон, какие только можно придумать. Вот почему я не могла довериться никому на свете. Я также невольно отметила, что имеется еще одна трещина в нарисованной Вольфгангом картине.

— Даже если все сказанное тобой правда, — добавила я, — это еще не объясняет, почему ты соврал мне про Пода.

— Про какого пода? — озадаченно спросил Вольфганг.

— Моего шефа, Пастора Оуэна Дарта, — расшифровала я. — С чего это он так суетился, чтобы удалить меня из города в Россию, а потом сам помчался за нами в Вену? Зачем он шнырял ночью по виноградникам около твоего дома? О чем вы с ним тайно сговаривались, стараясь, чтобы я ничего не услышала?

Возможно, у меня разыгралось воображение, но мне показалось, что Вольфганг заметно побледнел. Он явно хотел что-то сказать, но передумал. Я надеялась, что он не будет настаивать на том, что встречался в винограднике с отцом Вергилием. А эта мысль сама по себе навела меня на следующий вопрос.

— И вообще, кто такой этот Вергилий Санторини? — спросила я. — Мой дядя Лаф, видимо, знает его, но считает очень опасным человеком. Зачем мы встречались с ним в библиотеке Мелька?

— Едва ли я выбрал бы такое время и место для подобного разговора, но, по крайней мере, здесь нас трудно подслушать, — расстроенно вздохнув, сказал Вольфганг. — А поскольку теперь уже все почти закончилось, то я вправе рассказать тебе все, что ты захочешь узнать, если это наконец убедит тебя в том, что ты можешь доверять мне. Жизнь очень сложна, Ариэль, и зачастую невозможно понять сложные мотивации человеческих поступков.

— Вольфганг, ради всего святого, уже почти два часа ночи. Давай перестанем играть в «кошки-мышки», ладно? Кто такой Вергилий и зачем Пастор Дарт последовал за нами в Вену?

— Отлично, — сказал Вольфганг, глядя мне прямо в глаза с выражением, подразумевающим: «сама напросилась». — Вергилий Санторини — высокообразованный и сведущий специалист по средневековой литературе, закончил Сорбонну и Венский университет. В сущности, он священник, хотя и служит в библиотеке монастыря Мелька. Однако у него есть полное право пользоваться всеми ее архивами, поскольку его семья из Триеста передала туда в дар множество редких книг из домашнего собрания. И она же оплачивает различные реставрационные работы, проводимые сейчас в монастыре.

В этом не было ничего удивительного. Но вскоре я мысленно порадовалась звяканью тарелок, убираемых официантами, и непристойным громогласным шуткам французов, сидевших за соседним столиком, поскольку оказалась совершенно не готовой к следующей информации.

— Семье Вергилия Санторини, — продолжил Вольфганг, — принадлежит также одно из крупнейших предприятий по поставкам оружия в Восточную Европу, особенно в Югославию и Венгрию. Они наживаются на этой торговле уже несколько поколений. Твой дядя, говоря об опасности, видимо, имел в виду тот известный факт, что семья Вергилия связана с мафиозной группировкой под названием «Стар» — это некий консорциум, контролирующий транспортировку ядерных материалов и оружия. Так что, как я тебя и предупреждал, не только сами люди, но и жизненные ситуации могут быть слишком сложными для легкого обсуждения их за ужином.

Да уж, меня изрядно удивили откровения насчет отца Вергилия, который выглядел обаятельным, хотя и немного странным ученым-медиевистом. Но, не углубляясь в данные размышления, я постаралась собрать все свое внимание, чтобы выслушать ответ на мой второй вопрос.

— С Пастором Дартом дело обстоит еще сложнее, — продолжил Вольфганг. — Тут надо немного вернуться назад. Приехав в Айдахо, я поначалу встревожился, узнав, что твой коллега Оливер Максфилд является твоим домовладельцем и таким образом может с легкостью прослушивать твои телефонные звонки и шпионить за тобой двадцать четыре часа в сутки. Как я мог убедиться, что он

не является чьим-то агентом? Поэтому после твоего возвращения с похорон я попросил Пастора Дарта послать Максфилда перехватить тебя на почте, а сам последовал за ним на машине. По твоему поведению было очевидно, что Максфилд, заезжавший на почту раньше тебя, чем-то возбудил твое недоверие. Я видел, как ты, получив посылку, укатила от Максфилда и помчалась прочь из города. И тогда я сам последовал за тобой в ущелье Джэксона. Хотя я знал о руническом манускрипте, посланном твоей матерью, твой страх и подозрительность в тот момент, когда ты увидела меня в горах, ясно показали, что ты считаешь, будто получила унаследованные от Сэма документы. А ночью, когда ты спала, я имел возможность убедиться в том, что это рунический манускрипт твоей матери. И еще я понял, что, вероятно, это пока единственный полученный тобой документ, то есть что ты пока не получила наследство кузена, но ждешь его. Ситуация могла стать крайне опасной, если бы оправдались мои подозрения о том, что Максфилд собирается завладеть этими документами. Хотя наша командировка в Россию была запланирована, мы с Пастором Дартом решили ускорить отъезд, чтобы избавить тебя от всевидящего ока Максфилда. Сам Дарт предпочел остаться, чтобы получить второй пакет, когда он прибудет, и убедиться, что он не попал в плохие руки. Но после всех наших стараний по организации поездки ты умудрилась едва не опоздать на самолет в Солт-Лейк. Я был в шоке, когда ты наконец появилась. Взглянув на твой рюкзачок, потяжелевший раза в три по сравнению со вчерашним днем, а также учитывая твои слова о каком-то «поручении», выполненном тобой по дороге из центра в аэропорт, я убедился, что ты вновь заходила на почту и на сей раз получила настоящее наследство. Поэтому мне оставалось только одно. Как только ты удалилась в дамскую комнату, я дозвонился из аэропорта Солт-Лейка до Пастора Дарта и предложил ему немедленно купить билет и следовать за нами в Вену. Я объяснил ему, где именно мы сможем встретиться в Кремсе неподалеку от моего дома — мне подумалось, что там мы с тобой уж точно будем одни и никто не сможет нас подслушать. Мне еще пришлось поломать голову насчет того, как намекнуть тебе, что надо оставить манускрипт в Австрии, потому что в России его, конечно же, могли конфисковать. Я связался с Дакианом Бассаридесом во Франции и попросил его встретиться с нами в том венском ресторане. Я намекнул ему, что ты, вероятно, уже получила наследство и тебе нужно помочь понять, как с ним поступить. Но неожиданно он отослал меня, заявив, что хочет побеседовать с тобой с глазу на глаз. Хорошо еще, что Вергилий следил за вами на тот случай, если бы Дакиану взбрело в голову не явиться на встречу со мной в условленном месте, а просто смыться с тобой в неизвестном направлении.

Вольфганг впервые сделал паузу и сокрушенно покачал головой.

— Ариэль, если бы ты знала, как я сходил с ума все эти две недели, пытаюсь защитить тебя от тебя самой!

От меня самой?! Я чуть не закричала от возмущения.

Совершенно обалдев от таких откровений, я постаралась сохранить благоразумие. Надо подумать, что из сказанного им может быть правдой. Этот тип только что признался, что с самой первой нашей встречи приукрашивал действительность, пока она не стала подобна пестрому гобелену; что за мной весь день следил священник, возможно связанный с торговцами оружием и мафиозной группировкой; что он подговорил моего деда убедить меня оставить наследство в публичной библиотеке. Не упустила ли я еще что-нибудь?

И в самом деле упустила: имелась еще одна деталь.

— Вольфганг, почему ты и Пастор Дарт и, похоже, все в этом мире так жаждут заполучить эти документы? — спросила я. — Я знаю, что они ценные, но неужели они настолько важны, что ради них Под пролетел полмира, чтобы поболтать с тобой пару минут в ночном винограднике? Что за секреты вы могли передать друг другу только в такое неурочное время в глухом месте?

Вольфганг взглянул на меня так, словно ответ был до смехотворного очевиден. Потом он второй раз позвал официанта, чтобы расплатиться.

— В отношении их содержимого мне известно далеко не все, и мои сведения еще нуждаются в уточнении, — сказал он. — Но что касается Пастора Дарта, мне необходимо было рассказать ему, где будут спрятаны эти бумаги, как только я сам узнаю, где ты решишь спрятать их, и, разумеется, это надо было сделать до нашего отъезда в Россию. Как же иначе Дарт мог извлечь их из Государственной австрийской библиотеки, прежде чем кто-то опередит его?

«Оёйй», словечко из лексикона Оливера, мгновенно всплыло в моей памяти. Вергилий, по-видимому, последовал за нами прямо из кафе «Централь» и записал все названия заказанных нами книг, пока Вольфганг принимал их от библиотекаря. От возмущения я просто не могла подобрать слова для характеристики такого поступка.

Мы возвращались к гостинице по узкой улочке, вдыхая влажный ночной воздух с реки, и я вдруг поняла, что мне отчаянно хочется плакать.

Вольфганг как ни в чем не бывало держал меня за руку да еще и пожимал ее.

— Может, прогуляемся немного по берегу? — предложил он.

В конце улицы я увидела блестящие огни l'île de la Cité — знаменитый парижский остров Сите, казалось, скрылся под водой. «Что за чертовщина?» — подумала я в безмолвном отчаянии. Мне оставалось лишь надраться до чертиков — или напоить Вольфганга, если он быстро не предоставит мне какие-то приличные объяснения. Теперь меня совсем не привлекала перспектива уикенда в Париже в компании Вольфганга. Как раз сейчас мне хотелось пристрелить его. Я испортила все, ради чего Сэм рисковал жизнью, а ведь Лаф советовал мне: «Всячески остерегайся мужчин, пока точно не разберешься, в какую ситуацию они тебя втягивают».

Ну, теперь-то я точно знала, во что меня втянули, однако — Боже, помоги мне — не имела ни малейшего понятия, как выкрутиться из этой ситуации. Я судорожно пыталась собраться с мыслями. Я по-прежнему ничегошеньки не знала об этих чертовых манускриптах! Меня уже выворачивало наизнанку от одной мысли о них. Но эта ночь еще не кончилась, и я поклялась себе, что до рассвета добьюсь хоть каких-то честных ответов.

Мы прошли по набережной, глядя на подсвеченный фасад Нотр Дам, высившийся на другом берегу Сены, и на его древнюю увитую плющом стену, сбегавшую вниз к струящейся реке.

— Ариэль, — сказал Вольфганг, поворачивая меня лицом к себе при свете ночной иллюминации. — Ты говоришь, что страдаешь, когда я обманываю тебя. Но теперь я сказал тебе правду, а ты все равно мучаешься. Я так люблю тебя... ну скажи же, что мне еще сделать или сказать, чтобы порадовать тебя?

— Вольфганг, ты только что рассказал мне, что вместе с каким-то мафиози и моим шефом Пастором Дартом обманул и предал меня, что ты выдал им все, что было так важно для Сэма, из-за чего он, возможно, расстался с жизнью. Неужели ты рассчитывал, что это порадует меня? Может, я и могла бы порадоваться, если бы ты рассказал мне правду — по собственному почину для разнообразия, —

а не вынуждал меня выпытывать у тебя сведения, которые ты упорно скрывал якобы ради «моей пользы». Я хочу, чтобы ты рассказал мне прямо сейчас, что именно тебе известно о манускриптах Пандоры, как они связаны с Россией, Центральной Азией и прочими ядерными заморочками и, главное, какую роль ты и твои приятели играют во всем этом деле.

— Похоже, ты ничего не поняла из того, что я сказал, — огорченно заметил Вольфганг. — Прежде всего, я не говорил, что Вергилий работает на мафию, просто его родственники занимаются поставками оружия — а это большая разница. Я сказал, что твой дядя мог слышать о нем в связи с разговорами о мафии, поскольку людям типа Вергилия часто приходится общаться с такими людьми ради собственной безопасности. То же самое происходит в моей конторе: если бы мы относились к торговцам оружием как к врагам, то вся их деятельность ушла бы в подполье и мы потеряли бы хоть какую-то возможность контроля за контрабандой, который является нашей главной целью... мы закрыли бы для себя все ходы. Но раз уж ты сказала о предательстве, — добавил он, — то, значит, многого еще не понимаешь. Насколько я понял, есть некая организация, члены которой следили за Сэмюэлем Беном начиная со смерти его отца Эрнеста. Временами они даже приглашали твоего кузена поработать на них, чтобы завоевать его доверие. Но в итоге, как мне кажется, именно они и убили его. Эти люди утверждали, что работают на правительство США, но фактически этой международной конторой заправляет один деятель с весьма пухлым досье. Зовут его Терон Вейн. Когда я ездил по делам перед нашей встречей в Солнечной долине, мне удалось разузнать кое-что об этом человеке. Во-первых, он был в Сан-Франциско, когда умер твой кузен. Они работали вместе над одним заданием. Во-вторых, этот Вейн ушел в подполье сразу после смерти Сэма и больше не высовывается. В-третьих — и тут ты должна поверить мне, Ариэль, — Оливер Максфилд еще до вашего с ним знакомства был приспешником этого Терона Вейна. Максфилд прибыл в Айдахо, обеспечил себя работой, а также подружился с тобой по одной-единственной причине: только с твоей помощью он мог подобраться к твоему кузену Сэму.

Я была просто ошеломлена. Сэм говорил мне, что работал с Тероном Вейном в течение десяти лет. Этот человек взял его на работу прямо с университетской скамьи, так же же как меня Под. Я знала, что Терон Вейн был в Сан-Франциско во время «смерти» Сэма, поскольку — согласно словам Сэма — именно Терона и убили вместо него! А в том таинственном сообщении, что прислал мне Оливер через Лафа, он также признавался, что работает на Терона Вейна.

Задним числом могло показаться странным, что наши с Оливером резюме так отлично подошли друг другу, что пять лет назад нам с ним поручили разрабатывать общий проект. Не говоря уже о том, что ему удалось уговорить меня поселиться в цокольном этаже его дома, соблазнив дешевой арендной платой, изысканными ужинами и готовностью в случае необходимости присмотреть за моим котом, он вдобавок очаровал меня фантастическим сном, в котором я в образе Девы Марии выигрываю у знаменитого пророка Морони в пинбол!

На самом деле, если взглянуть на рассказанную Вольфгангом историю слегка под другим углом, то она выглядела вполне правдоподобно. Терон Вейн мог скрыть от Сэма истинные цели своей работы. Кто-то, возможно, хотел убить именно Терона Вейна, а не Сэма. А Вольфганг и Под могли просто стараться профессионально помочь нашим дилетантским попыткам защитить документы.

Я испытывала ужасное смущение: надо было еще выяснить целую кучу вопросов. Но Вольфганг обнял меня прямо там, на берегу Сены, и нежно поцеловал мои волосы. Потом он отстранился и

серьезно посмотрел на меня.

— Я готов ответить на любые твои вопросы, рассказать все, что знаю сам. Но скоро уже утро, и хотя наша встреча с Зоей назначена на одиннадцать часов, должен признаться, что хотел бы провести хотя бы часть этой ночи так, чтобы загладить все причиненные тебе неприятности. — Он усмехнулся и добавил: — Не говоря уже о том, чего стоила мне неделя одиноких ночевков в русских казармах!

Мы пошли по набережной, где опущенные дымкой новой листвы каштаны подсвечивались снизу слабыми лучами света, походившими на ползущих вверх молочных гусениц. Воздух дышал весенней свежестью, наполняя меня таким умиротворением, что я невольно перестала сердиться.

— Почему бы тебе подробнее не остановиться на России? — предложила я.

— Прежде всего, — начал Вольфганг, вновь заведая моей рукой, — вероятно, ты, как и я, сочла странным, что за все время нашего пребывания в Советском Союзе, несмотря на продолжительные совещания на темы безопасности и надежного захоронения ядерных отходов, не было ни единого упоминания об «аварии» в Кыштыме?

Насколько нам было известно, Кыштымскую катастрофу 1957 года вызвала свалка ядерных отходов, уподобившаяся неуправляемому действующему реактору и загрязнившая около четырехсот квадратных миль — грубо говоря, это размеры Манхэттена, Джерси-сити, Бруклина, Йонкерса, Бронкса и Квинса, то есть района со стопятидесяти тысячным населением.

Советы успешно скрывали эту «ошибку» почти двадцать лет, несмотря на то что им пришлось эвакуировать людей из этого района, отвести от него речное русло и закрыть все подъезды. Все выплыло наружу лишь в семидесятых годах благодаря эмигрировавшему на Запад советскому ученому. Но в новой атмосфере гласности и сотрудничества в ядерной области, когда они целую неделю с чистой совестью говорили обо всех недостатках, вопрос Кыштыма почему-то ни разу не обсуждался в наших напряженных совещаниях. Мне вдруг показалось, что Вольфганг хотел сказать о чем-то важном.

— Может, ты считаешь, что кыштымский «случай» на самом деле был не случайным? — спросила я. Вольфганг остановился и с улыбкой посмотрел на меня в этом почти сюрреалистическом ночном освещении расцветающей парижской весны.

— Отличная догадка, — сказал он, кивнув головой. — Хотя те, кто в итоге пострадал от этого несчастья, возможно, даже не догадываются об ужасной правде. Кыштым находится на Урале, неподалеку от Екатеринбурга и Челябинска, двух городов, в которых и по сей день активно проектируют и изготавливают ядерные боеголовки и куда нас с тобой так и не пригласили, разумеется по причинам безопасности. Но что, если на самом деле в Кыштыме не было никакой мусорной свалки этих двух городов? Что, если критическая ситуация сложилась вовсе не случайно, как все полагали? Что, если вместо этого проводились запланированные эксперименты, которые вышли из-под контроля?

— Не думаешь же ты, что даже во времена самых страшных репрессий Советское правительство решилось бы провести какие-то ядерные испытания в населенной зоне? — сказала я. — Они же не полные идиоты!

— Я вовсе не имел в виду испытания ядерного оружия, — загадочно сказал Вольфганг, поглядывая на другой берег реки.

Он протянул руку к струящимся темным водам Сены.

— Более ста лет назад, — сказал он, — здесь любил купаться молодой Никола Тесла. Он прибыл в Париж из Хорватии в тысяча восемьсот восемьдесят втором году и начал работать в компании Эдисона в Париже, потом перебрался в Нью-Йорк, чтобы работать у самого Эдисона, с которым вскоре крупно поссорился. Наверняка ты знаешь, — добавил Вольфганг, когда мы продолжили нашу прогулку, — что Тесла наизобретал массу всяких полезных вещей, на которых впоследствии многие другие сделали себе имя и состояние. Он не только изобретал и проектировал, но, как правило, даже сам изготавливал такие устройства, как беспроводные передатчики радиосигналов, усовершенствованные паровые турбины, телефонные усилители, трансатлантические линии связи, управляемые самоходные механизмы, приборы с дистанционным управлением, преобразователи солнечной энергии. И это лишь малая часть его открытий. Говорят также, что он изобрел «антигравитационные» устройства, которые обладали известными ныне свойствами сверхпроводимости, и вызывающий бурную полемику «смертельный луч», способный подбить летящий самолет посредством одного лишь звука. Ходили слухи, что ему даже удалось изменить погодные условия во время его шумевших тайных опытов, проведенных в Колорадо-Спрингс в тысяча восемьсот девяносто девятом году.

— Я слышала эту историю, — сухо сообщила я Вольфгангу.

Тогда шли бесконечные дебаты между инженерами-экспериментаторами, которые, рекламируя сами себя, приписывали кучу всяких изобретений Тесле, включая способы воскрешения из мертвых и хождения по водам, и «концептуальными» физиками, упиравшими на то, что самоучка Тесла отвергает самые современные открытия, от теории относительности до квантовой физики. Древнее глобальное противоречие между духом и телом на новый лад.

— Но Тесла, по-моему, умер задолго до изобретения атомной бомбы, — заметила я. — И он отказывался верить в то, что можно овладеть энергией ядра, даже если удастся расщепить атом.

Поэтому как ты мог представить — если я правильно тебя поняла, — что ужасное несчастье в Кыштыме в пятидесятых годах вызвано неким халтурным экспериментом в духе Теслы?

— Я не одинок в своих представлениях, — сказал Вольфганг. — Тесла стал родоначальником нового направления в науке — телегеодинамики. С ее помощью он хотел придумать источник неограниченной свободной энергии, овладев скрытыми в земле природными силами. Он полагал, что можно передавать информацию под землей по всей планете. В этой области исследований он запатентовал всего лишь несколько изобретений и, в отличие от его многочисленных открытий, не обнародовал ничего, кроме пространных описаний того, как подобные изобретения могут быть полезны. Но он всячески экспериментировал с гармониками и изобрел такие крошечные вибраторы, что их можно было носить в кармане, однако при подключении подобного вибратора к сооружениям типа Бруклинского моста или Эмпайр стейт билдинг он способен был бы в считанные минуты раскачать и разрушить их.

— Довольно темнить, — отрезала я. — Ты считаешь, что в тысяча девятьсот пятьдесят седьмом году Советы попытались провести управляемую цепную реакцию, стремясь активизировать силы тесловского типа, но потом у них все пошло наперекосяк? Но если Тесла ничего не написал об этом, то как они могли узнать, что надо делать?

— Я сказал только, что он ничего не опубликовал, а не то, что у него не было никаких наработок, — возразил Вольфганг. — Возможно, что такие инструкции сохранились в его бумагах, многие из

которых таинственно исчезли после его смерти в Нью-Йорке в возрасте восьмидесяти семи лет, и, что примечательно, исчезли именно в сорок третьем году, в разгар Второй мировой войны и гонки по разработке нового вида оружия. Но сразу после этого Гитлер сообщил своему ближайшему окружению, что немецкие ученые стоят на пороге открытия потрясающего нового «супероружия», которое поможет Германии в два счета закончить войну.

В мою голову сами собой полезли непрощенные мысли: Никола Тесла родом из Югославии, Вергилий — тоже из Триеста, Волга Драгонов, которого так окрестила Пандора, имея в виду «драконовые силы» земли, родился на Кавказе.

— Но какое все это имеет отношение к Пандоре и ее манускриптам? — спросила я, сомневаясь в собственной способности осознать эту связь даже в свете последних сведений.

Однако Вольфганг вдруг остановился как вкопанный, разглядывая сквозь стелющийся над Марсовым полем туман маячившую перед нами, как призрак, Эйфелеву башню. На ее сужающемся кверху силуэте горели неоновые буквы: «Deux Cent Ans» — «два столетия».

Боже милостивый! Я быстро глянула на Вольфганга, который вдруг расхохотался.

— Хотя я сам говорил тебе об этом на прошлой неделе, но уже успел забыть, — сказал он. — В этом году, тысяча девятьсот восемьдесят девятом, отмечается двухсотлетняя годовщина Французской революции. Но кроме того, в тысяча семьсот восемьдесят девятом году в Саксонии химик Клапрот открыл новый элемент — уран. Он назвал его в честь сделанного на восемь лет раньше открытия другого немецкого ученого, Гершеля, который вместе с сестрой обнаружил в своей английской обсерватории новую планету — Уран. Эти три события ознаменовали начало конца той старой эры, о которой упоминал твой дедушка, а Уран стали считать планетой, управляющей новой эрой — эрой Водолея. По-моему, именно с этим и связаны все манускрипты Пандоры. Ты уловила, в чем тут суть? Я начала было говорить, что ничего не уловила, но вдруг мне показалось, что все-таки до меня что-то дошло.

— Прометей? — сказала я.

Вольфганг резко отвел глаза от неоновой вывески и удивленно посмотрел на меня.

— Верно, — сказал он. — Согласно мифу, Прометей украл огонь у богов и подарил его людям, точно так же, как в наступающей эпохе, по мнению Дакиана Бассаридеса, Водолей подарит человечеству великую жизненную силу. Подобные дары равновероятно могут стать как проклятием, так и благословением. В наказание людям за грех Прометея Зевс подарил нам Пандору. Она открыла ящик — на самом деле сосуд — и выпустила на свет все человеческие несчастья. Однако есть люди, полагающие, что история о Прометее и Пандоре не так уж мифологична. И я подозреваю, что твоя бабушка Пандора была в их числе.

— Ты думаешь, что в документах, собранных Пандорой, говорилось, как создать некий ядерный реактор? Или как овладеть подземной энергией? — спросила я. — Но насколько я поняла, ее манускрипты были достаточно древними, во всяком случае они значительно старше всех современных технологий или изобретений.

— Большинство изобретений правильнее называть открытиями или даже повторными открытиями, — заметил Вольфганг. — Неизвестно, обладали ли древние такими знаниями, но известно, что на нашей планете есть места, где совершенно естественно сосуществуют компоненты, поддерживающие цепную реакцию, — радиоактивные вещества, тяжелая вода и прочие элементы.

Часто отмечалось, что в Библии и других древних текстах описываются события, сильно смахивающие на атомный взрыв — взять хотя бы разрушение Содома и Гоморры, — а также то, что на земной поверхности действительно существуют особые точки, наиболее эффективные для применения открытых Теслой вихревых сил, искусственного создания грозových разрядов, шаровых молний и гармонических колебаний. В большинстве таких мест, как нам известно, древние строили свои памятники, устанавливали мегалиты или оставили нам замечательную пещерную живопись с символическими изображениями животных.

— Но даже если хранившиеся у Пандоры документы были переведены, вновь зашифрованы, расшифрованы и поняты, то кому сейчас могут понадобиться подобные знания? — разочарованно спросила я. — Что в них может быть такого опасного?

— Я ведь лишь мельком видел эти документы и, естественно, не знаю всех ответов, — сказал Вольфганг. — Но я точно знаю две вещи. Во-первых, ранние философы — от Пифагора до Платона — полагали, что Земля является сферой, уравновешенной в пространстве, созвучном с музыкой сфер. Но подробности об энергетических источниках обычно бывали завуалированы, поскольку их считали ключевым элементом таинств. Уже на смертном одре, перед тем как выпить ядовитое зелье, Сократ сообщил своим ученикам, что Земля, если посмотреть на нее сверху, подобна «одному из мячей, сшитых из двенадцати разноцветных кусков кожи». И это уже не сфера, а грандиозный Пифагоров многогранник — додекаэдр, каждая из двенадцати граней которого представляет собой пятиугольник. Такую фигуру Пифагор и пифагорейцы считали самой священной. Они представляли Землю гигантским кристаллом, неким передатчиком, использующим энергетические силы небес или земных недр. Они считали даже, что эти силы можно использовать для управления психикой целых народов, если удастся найти ключевые точки приложения этих сил. А кроме того, по их представлениям, при надлежащей «настройке» заключенные в Земле силы будут вибрировать, как камертон, согласно с небесной гармонией.

— Ладно, — сказала я. — Допустим, Землю действительно можно представить как некую гигантскую энергетическую сетку. Тогда мне вполне понятно, почему стремящиеся к власти люди хотят завладеть таинственной картой таких пусковых точек. Но уж если говорить о «таинствах», то не забывай, что Сократ и Пифагор, несмотря на все их тайные знания, а возможно, именно из-за них, были уничтожены по требованию общественности. Почему-то все их «тайные знания» не уберегли их от такого конца. И кстати, — добавила я, — ты говорил, что тебе известны две вещи о документах Пандоры. Какова же вторая?

— Вторая заключается в одном убеждении Никола Теслы, которое не особо отличается от того, что я только что описал, — сказал Вольфганг. — Он считал, что в Земле содержится некая форма переменных потоков, постоянно расширяющихся и сжимающихся со скоростью, которую сложно, но не невозможно измерить, — что-то вроде ритмичного дыхания или сердцебиения. Он утверждал, что если поместить тротильный заряд в нужное место и в нужное время, а именно в начальный момент сжатия, то можно расколоть весь земной шар на кусочки с той же легкостью, с какой мальчишка разбивает кулаком яблоко. А подключившись к потокам этой энергетической сетки, человек обуздает беспредельную силу. «Впервые за всю историю развития человека, — говорил Тесла, — он овладел знанием, с помощью которого способен воздействовать на космические процессы».

Святое дерьмо!

Вольфганг окинул быстрым взглядом Эйфелеву башню: маленький красный огонек на ее вершине едва поблескивал в серебристом тумане. Потом он обнял меня, и мы замерли в полном молчании. Наконец Вольфганг сказал:

— Если Тесла, как Прометей, подарил человечеству новый вид огня, то, возможно, документы Пандоры окажутся для нашего мира как подарком, так и наказанием.

ДОБРО И ЗЛО

С о к р а т: Ты говоришь о добре и зле.

Г л а у к о н: Вот именно.

С о к р а т: Я не уверен, понимаешь ли ты их так же, как я.

Вопреки лучшим намерениям и намеченным планам я вдруг оказалась вместе с Вольфгангом в апартаментах в стиле Ренессанс отеля «Рёле-Кристин», на отделанной резьбой кровати с пологом на четырех столбиках, где мы всю ночь — или то, что от нее осталось, — занимались любовью с такой всепоглощающей и опустошающей страстью, что у меня возникло ощущение, что я провела это время в объятиях вампира, а не австрийского чиновника.

К нашему номеру примыкал садик. Когда утром я открыла глаза, Вольфганг стоял у балконной двери, глядя на улицу. Его великолепное обнаженное тело отлично смотрелось на фоне маячившей за окном паутины влажных темных ветвей, украшенных бледной дымкой нежных распускающихся листочков. Мне вспомнилось то первое утро в моей полуподвальной спальне, когда он выбрался из спального мешка и оделся, повернувшись ко мне спиной, а потом подошел и впервые поцеловал меня.

Что ж, я уже перестала быть краснеющей квазидевственницей: в жизни всякое случается. Но я понимала, что мужчина, всю ночь напролет заставлявший мое сердце бешено колотиться, все еще остается для меня загадкой, как и тогда, когда мы впервые встретились, — задолго до того, как я узнала, что он мой кузен. И несмотря на все философские рассуждения о духе и теле, мне пришлось признать, что моя привязанность к Вольфгангу мало ассоциируется с духовным просвещением.

Интересно, как это меня характеризует?

Вольфганг открыл двери, выходящие в сад, потом вернулся и присел на кровать. Он отбросил покрывало и пробежал пальцами по моему телу, которое немедленно откликнулось на его прикосновения.

— Как ты прекрасна, — сказал он.

Мне не верилось, что я действительно хочу большего.

— Разве нам не пора собираться, чтобы не опоздать на званный ланч? — заставила я себя вспомнить.

— У французов принято опаздывать. — Щекоча языком мои пальцы, он с задумчивым видом разглядывал меня. — От тебя исходит некий экзотический, эротичный аромат, от которого я схожу с ума. Однако мне все кажется, что это иллюзия, что нас обволакивает некая магическая дымка, в которую никого нельзя пускать, иначе магия будет разрушена.

Точное описание того, что я и сама чувствовала: с самого начала нам сопутствовала какая-то нереальная атмосфера, некая иллюзорность, настолько мощная, что это даже пугало.

— Сейчас всего лишь начало десятого, — прошептал Вольфганг, касаясь губами моей груди. — Мы же можем обойтись без завтрака, если нам назначен ранний ланч, правда?

«Les Deux Magots» — «Ле-До-Маго» — одно из самых популярных парижских кафе. Излюбленное

место встреч литераторов и подпольщиков (французы обычно равно гордились принадлежностью к этим двум категориям). Многие знаменитости, от Хемингуэя до Симоны де Бовуар и Сартра, околачивались здесь постоянно. И очевидно, Зоя Бен тоже его любила.

Вольфганг заметил ее, когда мы пересекли площадь Сен-Жермен-де-Пре с уже зацветающими каштанами. Она сидела в одиночестве за угловым столиком на обнесённом стеклянными стенами солнечном балконе, и перед ней открывался отличный вид на всю площадь. Войдя в кафе, мы миновали знаменитые деревянные изваяния означенных в названии двух *magots*.^[70] Эти восточные фигуры в красочных сине-зеленых с золотом нарядах словно парили на своих престолах, отражаясь в оправленных в позолоченные рамы зеркалах, как будто готовы были унести на огненных колесницах с парижских улиц прямо в небеса, подобно Илие Пророку.

Наконец мы вышли на застекленный балкон и приблизились к Зое. Я уставилась на эту особу, мою пользующуюся сомнительной славой бабушку, о которой за долгие десятилетия понаписали и понаговорили множество скандальных историй. Может, ей уже и стукнуло восемьдесят, но она сидела с бокалом шампанского, и казалось, что прожитая жизнь — с бесконечными возлияниями, мужчинами и танцами — пошла ей только на пользу. Как сказал бы Оливер, она «отлично держится в седле»: гордый вид дополнялся прекрасной, не подверженной влиянию времени кожей и замечательной белоснежной, заплетенной на французский манер косой, ниспадавшей почти до талии. От нее веяло несокрушимой силой, и мне невольно вспомнились слова Лафа о том, что в детстве она обладала независимостью Атилы, царя гуннов.

Когда мы оказались перед ее угловым столиком, она изучающе взглянула на меня яркими аквамаринными глазами, вобравшими в себя бирюзовый оттенок Вольфганга и знаменитый «васильковый лед» моей матушки. Официально представив нас друг другу и заметив одобрителный жест Зои, Вольфганг предложил мне стул. Не отводя от меня глаз, она обратилась к Вольфгангу на английском, обогащенном некой смесью акцентов:

— Сходство поистине потрясающе. Представляю себе, что почувствовал Дакиан, впервые увидев ее!

— Да, он вдруг потерял дар речи, — признал Вольфганг.

— Я не хотела тебя обидеть, — сказала мне Зоя. — Ты должна понять, что Пандора была уникальной. Она давно мертва, и так странно встретить человека, который до малейших деталей является ее воплощением. Ты правильно сделала, что все эти годы избегала общения с членами нашей семьи. Постоянные встречи с таким изумительным повторением Пандоры могли быть настолько шокирующими, что нам всем пришлось бы хвататься за нюхательные соли или горячительные напитки несколько крепче шампанского! Уж поверь мне, она была впечатляющей личностью во всех отношениях.

Тут она впервые улыбнулась, и на лице ее вдруг на мгновение появилось выражение томной чувственности — того самого прославленного атрибута ее личности, благодаря которому без малого четыре десятка лет аристократы и магнаты с готовностью падали перед ней на колени, бросая к ее ногам все свои богатства.

— Вы были очень близки с моей бабушкой? — спросила я. Потом, вспомнив, что Зоя тоже моя бабушка, добавила: — То есть я имела в виду...

— Я все понимаю. Не извиняйся, — отрывисто сказала она. — Однажды, возможно, ты поймешь, что это самый важный совет, который я могла бы дать тебе: ты можешь делать и говорить все, что

заблагорассудится, но ни за что не извиняйся.

У меня возникло ощущение, что сама Зоя частенько пользовалась этим практическим правилом. Она жестом подозвала официанта, чтобы он дополнил шампанским два бокала, стоявшие на краю стола в ожидании нашего прихода. В них уже была налита какая-то багрянистая смесь, облачком взметнувшаяся вверх при смешивании с шампанским.

— Это мой фирменный напиток, он так и называется «La Zoe», что означает «жизнь». Коктейль этот создали специально для меня как-то вечером у «Максима». О боже, как же давно это было! Его пил весь Париж, стремившийся к шикарной жизни. Мне хотелось встретиться с тобой здесь в «До-Маго», чтобы поднять тост за жизнь. А поскольку в такую рань тут обычно нет посетителей, то мы сможем приватно побеседовать. Я хотела поговорить с тобой о давно ушедшем от нас magot и о том, какое он имел к нам отношение. К тому же никто не начинает ланч раньше двух часов, так что я заказала на это время столик в Closerie des Lilas, так называемом «Сиреневом уголке». Надеюсь, в отеле, где вы остановились, вас накормили приличным завтраком.

Я сидела с каменным видом, отчаянно пытаюсь не позволить моему предательскому лицу вспыхнуть румянцем при воспоминании о нашем сегодняшнем «завтраке». Вольфганг успокаивающе пожал под столом мою руку.

— Пожалуй, принесите нам немного оливок, — сказал он по-французски официанту. А когда тот удалился, Вольфганг добавил для Зои: — В Америке никто не употребляет так рано алкогольные напитки без закуски.

За исключением моей разгульной семейки, подумала я. Мы подняли бокалы за жизнь. С первого же глотка таинственный опьяняющий букет этого коктейля показался мне весьма опасным.

— Ариэль... — Зоя произнесла мое имя с каким-то почти собственническим оттенком. А его причину объяснили ее следующие слова: — Поскольку твоя мать хранила наши родственные отношения в тайне, то, вероятно, тебе неизвестно, что именно я выбрала для тебя это имя?

Догадываешься ли ты, в честь кого тебя так называли?

— Вольфганг говорил мне, что это древнее название Иерусалима и что оно означает «Божественная львица», — сказала я. — Но мне всегда казалось, что меня называли в честь низшего стихийного духа, светлого духа воздуха — Ариэля, которого закобалил маг Просперо из шекспировской «Бури».

— Не совсем так... Ты была названа в честь другого духа, который позже притопал вслед за этим, — пояснила Зоя. Потом она процитировала по-немецки:

Ariel bewegt den Sang in himmlisch reinen Tönen;

Viele Fratzen lockt sein Klang, doch lockt er auch die Schönen...

Gab die liebende Natur, gab der Geist euch Flügel,

Folget meiner leichten Spur! Auf zum Rozenhiigel!

— «Ариэль поет и играет, ммм, на арфе, — перевела я. — Если Природа дала тебе крылья... следуй за мной в розовые холмы». Откуда это?

— Из «Фауста», — сказал Вольфганг. — Эта сцена происходит на Брокене, одной из вершин Гарца, в так называемую Вальпургиеву ночь, древний германский праздник, описанный Гёте в этой трагедии. Говорят, что это «ночь очищения леса» — огнем.

Зоя взглянула на Вольфганга так, словно его пояснение было далеко не исчерпывающим. Потом с присущим ей очарованием бабуля выдернула-таки чеку из своей ручной гранаты.

— Да, в «Фаусте» есть такая очищающая сцена, когда светлый дух Ариэль очищает Фауста от горечи и страданий, которые он причинил другим, — сообщила она мне. — Частенько, заметь, Фауст вредил людям ненамеренно, в поисках высшей мудрости, как маг. Кстати, это был любимый отрывок Везунчика. Он заливался слезами всякий раз, когда слышал его. — Помолчав, она добавила: — Большинство людей не осознает, что он умер в канун мая — в ночь на тридцатое апреля тысяча девятьсот сорок пятого года. То есть он покончил с собой, как и Ева, в канун Вальпургиевой ночи. — Какой Везунчик? — недоумевающе спросил Вольфганг, и я вспомнила, что он пропустил тот ланч, когда Лаф поведал нам, какое милое прозвище дали в нашей семье этому самому отвратительному в мире тирану. — Хотя тридцатое апреля тысяча девятьсот сорок пятого года достаточно известная дата: в тот день Гитлер совершил самоубийство. Так это он Везунчик? — Да уж, — цинично бросила я. — Своеобразный друг семьи, по всей видимости. Удивительно, что ты не знаешь.

Но дальше мне предстояло узнать то, что я сама с большим удовольствием пропустила бы мимо ушей.

— Не то чтобы друг, — вставила Зоя с потрясающей невозмутимостью. — А можно сказать, практически член нашей семьи.

Пока я приходила в себя после такой новости, она продолжала:

— Вы должны понять меня: я знала его с раннего детства. В действительности Везунчик был самым обычным человеком со средними способностями, происхождением и образованием, но понимал, что его великая сила заключается в простоте. Именно она, по-моему, так страшила многих, поскольку в ней заключалось нечто первоосновное, вызывающее неосознанный отклик в душе каждого человека. Но для Везунчика это был не просто массовый гипноз, как многим хочется думать. Сама его натура была архетипична, и он затрагивал сокровенные струны души. — Она помолчала и сухо добавила: — В конце концов, не сам же он спускал курок тринадцать миллионов раз... он даже не отдавал никаких письменных распоряжений. Везунчик понимал, что ему достаточно лишь дать людям почувствовать, что им позволено выпустить на волю их скрытые желания — то, что таится в их душах.

Мне стало нехорошо. Зоя холодно смотрела на меня суровым, строгим взглядом, потягивая свое сливовое шампанское, выглядевшее как кровь. Солнце вдруг словно перестало греть. Видно, правду говорили Лаф и другие наши родственники, предупреждая меня, что Зоя была типичной сторонницей нацистов. Но то были отвлеченные предупреждения, а сейчас я сама сидела перед ней, попивая названный в ее честь коктейль, и слышала, как эти мерзкие слова слетают с ее губ. И уж конечно, раньше я не знала, что эта эсэсовка приходится мне родной бабушкой! Неудивительно, что Джерси не желала рассказывать о ней! Мне ужасно захотелось сбежать. Но вместо этого я сжала зубы и собрала с духом. Я осторожно поставила свой бокал с этой багряной отравой и, расправив плечи, смело взглянула на Зою.

— Давайте уж определимся: по-вашему, нечто «первоосновное» и «архетипичное» побуждает человека к геноциду? — спросила я. — Вы считаете, что ваш приятель Везунчик был славным малым с некой своевременной теорией? Вы полагаете, что нам не хватает лишь какого-то высочайшего разрешения, чтобы народные массы опять с песнями последовали за фюрером? Что ж, тогда позвольте мне сказать вам, леди, что во мне нет ничего первоосновного, архетипичного,

метафоричного или генетически заложенного, что заставило бы меня предпринять какие-то действия, если я предельно глубоко не осознаю, что и ради чего хочу сделать.

— Я уже достаточно прожила на этом свете, — спокойно сказала Зоя, — чтобы понять, какие силы высвобождаются при погружении на такие предельные глубины — в том числе, как ты поняла, и те, что пробуждаются манускриптами Пандоры. Поэтому позволь мне спросить тебя: разве не ты сама захотела побеседовать со мной? Значит, ты «полностью осознаешь», что за дату вы выбрали для нашей сегодняшней встречи — двадцатое апреля тысяча восемьсот восемьдесят девятого года? Сегодня ровно сто лет со дня рождения Адольфа Гитлера. Это что, случайное совпадение? С совершенно жутким чувством я заставила себя смотреть в чистые, просто ледяные глаза моей ужасной бабушки. Но к несчастью для меня, она еще не закончила.

— А теперь я скажу тебе то, чему ты должна поверить. Кто не способен трезво оценить Адольфа Гитлера, тот не сможет понять ни Пандору Бассаридес с ее манускриптами, ни истинных мотивов, движущих *die Familie Behn*. [71]

— Я надеялась, что Вольфганг вам все объяснил, — холодно ответила я. — В Париж я приехала только по одной причине. Я считала, что вы — единственная из ныне живущих, кто может раскрыть мне тайну наследства Пандоры и многочисленные секреты, окружающие нашу семью в связи с этим наследством. Я не собиралась слушать нацистскую пропаганду, а приехала узнать правду.

— Понятно, моя девочка: тебе хочется разложить все на правду и ложь, добро и зло, черное и белое. Но в жизни все иначе, и так повелось испокон веков. Эти семена заложены в каждом из нас. Они подпитываются друг от друга и растут бок о бок. И если уж речь идет о нашей семье — твоей семье, — то правда состоит в том, что глупо отворачиваться от чего-то такого, что ты не можешь аккуратно разложить по соответствующим полочкам. Порой не так просто отделить пшеницу от плевел, даже когда урожай уже собран.

— Здорово сказано! Я никогда не была сильна в толковании притчей, — сказала я. — Но если «правда» заключается в том, что все мы потенциальные убийцы, пока не озадачимся выбором верной дороги, то я согласна. Что заставляет «цивилизованных» людей думать, что они могут встать однажды утром, затолкать в товарные вагоны своих соседей, выжечь на них личные номера и методично истреблять их на какой-нибудь огороженной территории?

— Это неправильно поставленный вопрос, — сказала Зоя, вторя Дакиану Бассаридесу.

— Ладно, тогда какой же вопрос правильный? — поинтересовалась я.

— Правильный вопрос: что заставляет их думать, что они не могут!

Я задумчиво смотрела на нее. В итоге мне пришлось признать — лично для себя, — что это был правильный вопрос. Однако было ясно, что после этой исходной точки наши с ней взгляды расходятся в совершенно разных направлениях. Я сделала, возможно, наивное допущение, что все люди изначально добрые, но способны совершить большое зло, попав под дурное влияние человека, владеющего даром массового гипноза. С другой стороны, Зоя — а она, как мне пришлось вспомнить, действительно знала этого человека — придерживалась мнения, что мы являемся в этот мир, экипированные семенами и добра и зла и что достаточно легкого толчка, чтобы склонить нас свернуть на дурную дорожку. Что же это за неизвестный элемент, очевидно скрытый в глубине каждого здорового общества, который удерживает нас от убийства наших соседей в тех случаях, к примеру, если нам не нравятся фасоны их стрижек и неряшливо подстриженные газоны? Кажется,

именно по такого рода причинам Гитлер ненавидел цыган, славян, обитателей Средиземноморья и евреев. Потому что они — другие.

И в сущности, мне лучше, чем кому-либо, известно, что наследственную ненависть и геноцид вряд ли можно назвать сказочкой, давно затерявшейся и растаявшей в тумане времен. Это сохранилось в моей памяти с первого школьного дня в Айдахо. Сэм провожал меня, и, когда мы проходили по коридору мимо группы мальчишек, один из них прошептал, но громко, специально, чтобы Сэм услышал: «Хороший индеец — мертвый индеец».

О господи.

Меня уже бесило, что всякий раз при легком погружении в нашу семейную историю я обнаруживаю там нечто отвратительное, страшноватенькое или неприемлемое. Но я поняла одно: что бы ни сказала моя новоявленная фашиствующая бабуля, это действительно может оказаться единственной путеводной нитью, которая приведет меня к тому центру, что Дакиан назвал Истиной, по крайней мере в отношении нашей семьи. Поэтому я подавила раздражение и кивком показала, что согласна выслушать Зою. Она поставила свой бокал и, прищурившись, глянула на меня.

— Если ты хочешь разобраться в этом деле, каким бы неприятным оно тебе ни казалось, ты должна для начала понять, что характер наших — нашей семьи — отношений с Везунчиком отличается от его отношения со всеми прочими людьми. Некоторые полагали, что хорошо знают его. К примеру, Рудольф Гесс, назвавший своего сына Вульфом — волком — «тайным» прозвищем Везунчика. Лучше пристроился Йозеф Геббельс, имевший шестерых красивых белокурых детей. Замечательное число шесть. Он назвал их соответственно: Хельга, Хильда, Хельмут, Хольда, Хедда и Хайди. — Она пристально посмотрела на меня и спросила: — Вероятно, тебе неизвестно, что случилось со всеми этими белокурыми малышами Геббельса, носившими имена, начинающиеся на латинскую букву «Н»? Их тоже принесли в жертву на Вальпургиеву ночь: родители отравили их цианидом в берлинском бункере Гитлера, как и их собачку Блонди, а потом и сами расстались с жизнью.

— Принесли в жертву? Господи, что все это означает? — воскликнула я.

— Канун мая — это ночь жертвоприношения и очищения, — пояснила Зоя. — Следующий день, Первое мая, когда-то носил название Белтен — праздник Вааловых костров, шестая века кельтского календаря и главное срединное событие языческого года. Предыдущая ночь, тридцатое апреля — день, когда Гитлер покончил с собой, — в древние времена называлась Ночью Мертвых.

Единственный языческий священный день, не оприходованный христианским календарем, он по-прежнему обладает своей исходной, неразбавленной первобытной мощью.

— Неужели вы хотите сказать, что люди, умершие в бункере Гитлера, принесли в жертву своих собственных детей, исполняя некий языческий обряд? — с ужасом спросила я.

Зоя уклонилась от прямого ответа.

— Самым главным событием той ночи была брачная церемония: соединились двое людей, сознающих свой скорый конец, — сказала Зоя. — Адольф Гитлер, естественно, был женихом. Но кто же был невестой на такой запоздалой свадьбе? Некая простая женщина, исполнившая непростую роль... и что интересно, звали ее Ева, так же как первую библейскую женщину, праматерь всего человечества. Ее фамилия описывает цвет земли, ту *prima materia*, что дает основу всем химическим преобразованиям. Это была Ева Браун.

И, сделав такое замечание, Зоя начала свой рассказ.

— И есть определенный человек, человек, чье подлинное имя нам неизвестно и чьи действия окутаны мраком до самого конца... Кто же он? Мы не знаем. Его обычно именуют скромным титулом — «мистер Браун». Но одно несомненно: он самый ловкий преступник нынешнего столетия. Он руководит некой поразительной организацией. Им создавалась и финансировалась вся мировая пропаганда во время мировой войны. Его соглядатаи повсюду...

— Можете ли вы описать его?

— Да я даже не обратил на него внимания. Он выглядел совершенно обычным человеком... как любой из нас.

Агата Кристи. Тайный противник (1922)

Он родился в Бранау-ам-Инн, городе, чье название напоминает слово «braun», что по-немецки означает «коричневый». Штурмовики, приведшие его к власти, соответственно назывались коричневорубашечниками; конторы Национал-социалистической партии располагались в Коричневом доме в Мюнхене. А еще был профессор Вернер фон Браун, на чьем секретном ракетном производстве трудились рабы в подземных пещерах Гарца, в непосредственной близости от горы Брокен. Сам фюрер называл это место Дора, что означает дар, как и Пандора.

Названия и слова были важны для Везунчика. Слова типа «провидение», «судьба» и «участь» множество раз появлялись в «Майн кампф» примерно в таком контексте: «Сегодня представляется судьбоносным, что Провидение выбрало местом моего рождения Бранау-ам-Инн».

Инн — одна из четырех соседствующих друг с другом рек, берущих начало в Швейцарских Альпах. Эти реки на карте Европы образуют своеобразный крест и несут свои воды к четырем морям. Инн впадает в Дунай, который сразу после этого покидает Германию и течет через Австрию, Чехословакию, Венгрию, Югославию, Румынию и Болгарию, впадая в итоге в Черное море. Северный рукав этого креста, Рейн, проходит по Германии и Голландии, вливаясь в Северное море. Рона течет на юго-запад по Франции к Средиземному морю. А Тессин (Тичино), приток реки По в Италии, впадает в Адриатику. Четыре реки, четыре направления.

Разделение пространства на четыре четверти, подобно четырем рекам Эдема или двум пересекающимся под прямым углом чертам, являлось также древним символом огромной власти, так называемым магическим крестом. На санскрите такой крест, один из древнейших символов человечества, назывался «свастика». Он изображает четыре элемента — землю, воздух, огонь и воду — и пятый, скрытый элемент, то есть полярную ось, стержень, на котором вертится этот мир и вокруг которого вращаются небесные медведи.

Место истоков этих четырех рек — перевал Малый Сен-Бернар в горах, известных римлянам как Грайские или Греческие Альпы. Некоторые считают, что этим путем Геркулес возвращался в Грецию, а Ганнибал прошел в Италию. Храм Юпитера существовал там еще до прихода к власти Цезаря, а в конце прошлого века возникла утопическая община, весьма важная для моей истории. Самой главной для германских народов осью, связанной геомантически с этим самым местом, считался Ирминсуль, священный столб, стоявший в священной роще возле скалы в горном Тевтобургском лесу Вестфалии. Он отмечает священное место, где тевтонские племена в 9 году нашей эры отбросили римлян, вынудив Римскую империю покинуть свою северную провинцию в Германии.

Когда Карл Великий в 772 году одержал победу над саксонцами, то первым делом уничтожил

знаменитый Ирминсуль вместе со священной рощей, поскольку понял, что этот священный столб означает гораздо больше, чем просто событийную дату тевтонской истории: предания гласили, что некий столб стоял на этом самом месте от сотворения мира.

Irmens saule, путь Ирмина, был связью, соединяющей небо и землю. Скандинавский бог Ирмин — он же Ир, Тир, Тиу или Дяус — был не кем иным, как двойником воинственного небесного бога Зевса. Его камень, этот Ирминсуль, украшало резное изображение руны Туг, старейшей северной формы свастики:

Гвидо фон Лист, тот самый венецианский оккультист, которому на пороге нашего века во время вынужденной слепоты вновь открылись утраченные значения древних рун, почти за двадцать лет до этого основал общину Идунн, некое сообщество посвященных, названное по имени тевтонской или скандинавской богини Идунн, владелицы «молодильных» яблок, дарующих бессмертие. Как и римская Ида, в честь которой названы начальные дни месяца — иды, Идунн была богиней вечного возобновления. Тот же санскритский корень встречается у одной из двух великих сил — Иды и Пингалы, — формирующей змеиный путь изменений.

В разгар Первой мировой войны Гвидо фон Лист, вдохновленный «Эддой» — знаменитыми исландскими сагами, повествующими о последней битве миров в Конце Света, — сделал свое последнее и самое главное пророчество. Согласно легенде, любой воин, умерший во имя Иды — «сияющего обновления», — мгновенно возродится сразу после смерти. Лист предвидел, что все умершие на полях сражений за идеи, содержащиеся в рунах, приобщатся к Вечной Жизни. То есть все павшие на полях Первой мировой войны, Войны Завершения Всех Войн, сразу возродятся, подобно павшим в мифологической Долине Иды. И эти возрожденные, когда большинство их достигнет восемнадцатилетия, объединятся в некое воинство, способное достичь всей полноты власти. Это воинство, вдохновленное спящим духом *der Starke von Oben* — Высшего Могущества, — пробудит древних тевтонских богов и изменит мир. Астрологические исследования показали, что такой дух явится в конце 1932 года, выпустив на волю могущество рун, скованных двухтысячелетним сном со времен римского завоевания.

30 января 1933 года Адольф Гитлер стал канцлером Германии. Он сразу приказал восстановить и освятить Ирминсуль, разрушенный Карлом Великим. В соседнем Падерборне Гиммлер реконструировал замок Вавельсбург для нечестивого ордена тевтонских рыцарей. Когда Гитлер приказал своему архитектору Альберту Шпееру построить на полигоне для нюрнбергских сборищ копию храма Зевса в Пергамоне, что стоит на побережье Турции, выпускники немецкого училища лозоходцев определили там не только главные места подземных энергетических источников. Изучив планы строительства, они выяснили, что храмовое здание площадью 390 квадратных метров, в котором будет находиться подиум Гитлера, предполагают строить там, где использование геомантических сил будет недостаточно полным. Поэтому место строительства перенесли на несколько сотен метров к западу, что потребовало осушения озера и переноса железной дороги. Для этого стадиона Гитлер приказал изготовить огромного орла с распростертыми крыльями, форма которого соответствовала руне Туг, символизирующей как *Weibaarin*, женскую ипостась орла и супругу Зевса, так и *Weberin*, ткачиху, плетущую ткань судьбы последних дней мира. Гитлер поведал Шпееру, что этот образ открылся ему во сне, когда он, подобно Листу, на время потерял зрение, подвергшись воздействию горчичного газа (иприта) в период Первой мировой войны. Эти два

элемента — орел и паук, парение и плетение, силы небесного света и пещерного мрака — соединились в геральдическую сущность задуманного им Священного ордена, путь которого определяют солнце и луна.

Девятого ноября 1918 года Везунчик, узнав об отречении от трона кайзера Вильгельма II и о требовании мира, выдвинутом новым социалистическим правительством, увидел второй пророческий сон — ему явился Вотан, чтобы указать ему путь германского величия. Тогда же он сочинил такие стихи:

Частенько прихожу я в мучительном мраке на тихую поляну к дубу Вотана,
Призываю тайные силы, плетущие единую сущность, — рунические силы,
Порожденные колдовскими лунными чарами; и всех, кто при свете дня
Не имеет стыда, уничтожат их магические заклинания...

Гитлер часто говорил, что Берлин будет стоять во главе его нового религиозного ордена, а душа его будет в Мюнхене. Но в ту ночь, заглянув в темные глубины духа, он увидел, что с древнейших времен духовным центром является Нюрнберг, где находится душа германского народа — гора, где спит бог Вотан. Альберт Шпеер назвал возведенный им на нюрнбергской площади храм Собором Света, достойным того, кто стремится пробудить дух *der Starke von Oben* — стать символической осью, соединяющей небо и землю, найти путь, соединяющий прошлое и будущее.

Ключевым в названии Национал-социалистической партии было слово «нация». Нацисты стремились найти корни арийского происхождения, его геомантические, тайные и сверхъестественные силы. По всей Европе они искали колодцы, источники и древние захоронения, записывая тексты, сохранившиеся на мегалитах. В горных районах Памира и Пиренеев их секретные экспедиции обшаривали древние пещеры в поисках документов, запечатанных тысячи лет назад в глиняные сосуды, благодаря которым надеялись открыть священное происхождение нации и утраченные высшие знания.

Они вознамерились расшифровать многочисленные тайные сведения, хранившиеся, как полагали, в зашифрованном виде в национальных эпосах северных стран. Много ниточек вело в глубину времен, к истории Троянской войны. Согласно знаменитым исландским литературным источникам тринадцатого века — «Младшей Эдде» и сводной саге «Хеймскрингл» (буквально «земной круг»), Один был царем древней Тюрландии, названной в честь скандинавского божества Тюра, — царства, известного также под именем Троя. Сага «Рагнарек», «Гибель богов», на материале которой Рихард Вагнер создал свою оперу, считалась описанием древней разрушительной битвы, где Один ассоциировался с царем Приамом.

Благодаря браку Одина с троянской сивиллой он сам обрел дар пророчества и предсказал грядущее разрушение Трои. Он предвидел также великолепное будущее, ожидающее его после этого в северных краях. Собрав свою семью, многочисленных троянцев и богатые сокровища, Один отправился в странствия на север. Где бы они ни останавливались в своих скитаниях, местные обитатели принимали их скорее за богов, нежели за людей; Одину и его сыновьям предоставляли все желаемое, ибо считалось, что они повелевают погодой и благодаря им земля начинает щедро плодоносить.

Один сделал трех своих сыновей царями Саксонии, Франконии и Вестфалии; Ютландию (Шлезвиг-Гольштейн и Данию) отдал четвертому сыну, а Свейтиод (Швецию) — пятому; шестой сын стал

царем Норвегии. Каждый из них в своих владениях закопал какие-то принесенные из Трои священные реликвии: меч Геркулеса, копье Ахилла, и так далее, — заложив основы надежной защиты их царств и сформировав соединяющую их геомантическую ось — шестиконечную звезду руны Хагал.

Обладающего безграничным колдовским могуществом и мудростью, сравнимыми с Соломоновыми, Одина позже станут величать богом Вотаном. Супруга Одина, сивилла, пророчица, жившая в Марпессе у подножия горы Иды в современной Турции, принадлежала к древнему роду женщин, описывавших историю троянских царей и предсказывавших будущее их потомкам: их писания так и назывались — Сивиллины книги.

После Троянской войны изготовили две копии Сивиллиных книг и надежно хранили их в греческой колонии Эритрее на турецком берегу и в Кумских пещерах севернее Неаполя. В 600 году до нашей эры последняя представительница рода троянских сивилл доставила Кумские книги в Рим и предложила римскому царю Тарквинию, который всячески оберегал их, поскольку они дожили до имперских времен. Они имели великую ценность не только для тевтонов, потомков Вотана, но также и для римлян: основавшие Рим братья Рем и Ромул вели свой род от Энея, троянского героя, описанного в поэме Вергилия «Энеида». После смерти Вергилия император Август похоронил его у дороги между Неаполем и Кумами, в том месте, где Эней спустился в подземный мир.

Римская цивилизация была своего рода «Тысячелетним рейхом» со дня ее основания в 753 году до нашей эры и до обращения в христианство во время правления Константина, который в 330 году новой эры перенес императорскую столицу обратно в район Трои. Второй период империи продлился до завоевания Константинополя турками-османами в 1453 году, спустя тысячу лет после падения западной Римской империи под ударами германцев, предводительствуемых Одоакром. Таким образом, согласно мифологии, тевтонская и римская цивилизации могут рассматриваться как две ветви одного древнего корня, зародившегося в Трое.

Германские племена считали себя «законно избранными» сыновьями, чей предок Вотан был не только героем, как Эней, но и царем, принадлежавшим к царской и божественной династии. Они решительно отвергли мнение, что цивилизация появилась на языческом Севере только после завоеваний Карла Великого и франкских Каролингов, узурпаторов, пресмыкавшихся перед Римом и целовавших папский перстень, чтобы иметь право величать себя императорами Священной Римской империи.

Закончив эклектический пробег по двухтысячелетней истории, Зоя сообщила нам, что тысячелетние рейхи связаны между собой.

— В детстве Гитлер посещал школу для мальчиков при Бенедиктинском монастыре в Ламбахе. Он пел в хоре и был так очарован торжественным величием церковных праздников, что мечтал стать черным монахом, как называли бенедиктинцев.

Это напомнило мне замечание Вергилия о том, что благодаря личным усилиям святого Бернара, покровителя храмовников, слабый орден бенедиктинцев стал самым могущественным в Европе. Далее Зоя поведала нам, что Бенедикт — современник короля Артура и Аттилы, царя гуннов, — построил тринадцать монастырей, расположенных на месте важных языческих религиозных святынь или в непосредственной близости от них. Двенадцать находились за пределами Рима, в Субиако, вокруг развалин дворца императора Нерона и Sacro Speso, знаменитой пророческой

пещеры, где сам Бенедикт провел несколько лет как отшельник. Когда несколько монахов из соседних орденов попытались отравить надоедливому Бенедикту, стремившемуся «очистить» их, он снялся с насиженного места и переместился к древнему городу Казину — между Римом и Неаполем, — где построил ставший сейчас легендарным тринадцатый монастырь Монте Кассино. В разгар Второй мировой войны, когда союзники высадились в Неаполе сразу после падения правительства Муссолини, немцы полгода со всей решимостью защищали Монте Кассино. Налеты авиации союзников превратили эту гору в груды камней. Однако немецкие отряды — несмотря на то что уже вывезли в безопасное место все ценные сокровища и архивы монастыря — продолжали защищать его руины в отчаянных попытках удержать эту гору.

— Монте Кассино защищали фанатично по приказу самого Гитлера, — сказала Зоя. — Точно так же в ходе вторжения в Россию он стремился завладеть горным Памиром в Центральной Азии, поскольку лозоискатели и геоманты убедили Гитлера, что итальянский Монте Кассино — одна из ключевых точек обширной энергетической сетки, покрывающей землю.

— Да, да, как раз об этом я рассказывал Ариэль прошлым вечером, — заметил Вольфганг. — Видимо, эти места связаны с грядущей эрой. И действия Гитлера также.

— Верно, — согласилась Зоя. — Есть и еще одно подтверждение. Согласно составленному для него гороскопу Везунчик мог умереть только от своей собственной руки, поэтому приближенные к нему люди называли его «несокрушимым человеком». Последнее покушение на его жизнь в бункере «Волчье логово» совершил двадцатого июля тысяча девятьсот сорок четвертого года Клаус Шенк фон Штауффенберг, красавец, герой войны, аристократ и мистик. Его имя символично связано с грядущим веком: Schenk означает «виночерпий», а Stauf — «высокая пивная кружка». Поэтому многие считали Штауффенберга будущим «разливщиком», который станет церемониймейстером нового времени, сокрушив Великого Противника. Еще более важным считалось то, что, подобно Вотану, Штауффенберг потерял — а возможно, отдал! — на этой войне один глаз. Но опять-таки Везунчик оправдал свое прозвище, — добавила Зоя. — Позже, сам решив свести счеты с жизнью, он совершил своеобразный ритуал: цианид, пуля и огонь — кельтская тройная смерть, как в «Гибели богов».

— Слишком шикарное описание для вашего персонажа, изначально одержимого манией убийства, — заметила я. — Достаточно просто вспомнить о том, какую смерть приняли Муссолини и Гитлер: первого вывесили на городской площади, как набитую колбасу, а второй сгорел, облившись бензином. Едва ли это можно назвать героическими или благородными способами смерти и уж конечно не «Гибелью богов». Не говоря уже о том, сколько миллионов погубил до этого сам Гитлер во время холокоста.

— А вы знаете, что означает слово holocaust? — спросила Зоя.

— В переводе с греческого holo-kaustos означает «полностью сожженный», верно? — ответил Вольфганг. — В Греции жертвенное животное называли благой жертвой, если оно «полностью пожиралось огнем». Это означало, что боги приняли все, что им послали. Греки обычно приносили жертвы за полученные ими дары, в то время как семиты совершали подобные обряды во искупление прошлых грехов племени.

О господи, о чем они говорят? Мне пришлось вспомнить, что я нахожусь в родстве с обоими этими индивидуумами, которые сидели здесь и так философски, даже беспечно болтали о самом ужасном и

широкомасштабном убийстве в мире, словно это был некий древний религиозный обряд. Разве не достаточно сказать, что своими преступлениями Гитлер заслужил то, чтобы его подожгли как суфле из алтея, когда, подделяваясь под древнего тевтонского героя, он совершил языческий ритуал, приобщив к нему шестерых детей, собачку и пеструю компанию приятелей в подземном бункере в преддверии Вальпургиевой ночи? Уже одно это было достаточно отвратительно. Но их дальнейшие рассуждения — если я правильно поняла — были еще хуже.

— Вы, наверное, шутите! — воскликнула я. — Не хотите же вы сказать, что смерть Гитлера была частью какого-то чудовищного ритуала, включавшего массовые убийства, — попыткой очистить землю и родословие всего человечества ради предсказанного божественного воплощения нового века?

— Все несколько сложнее, — сообщила мне Зоя. — Когда вы пришли, я говорила, что расскажу, какого мага не хватает в *deux magots*. Некоторые считают, что Балтазара, принесшего в дар горькую мирру для слез раскаяния. Но на самом деле не хватает Каспара, принесшего ладан, символ добровольной жертвенности.

— Таким же символом была смерть Каспара Хаузера, — сказала я, вспомнив историю, поведанную мне Вольфгангом по дороге в монастырь Мелька.

— Ты была когда-нибудь в Анспахе на могиле Каспара Хаузера? — спросила Зоя. — На том маленьком, обнесенном каменной стеной кладбище всегда полно цветов. Слева от его могилы — надгробный камень с надписью *Morgenstern*, что значит «утренняя звезда», пятиконечная звезда Венеры. А на камне справа — *Gehrig* — «копыеносец», небесный кентавр Стрельца, от древнего верхненемецкого слова *Ger* — «метательное копье». Случайность? Нет, скорее некое послание. — Послание? — удивилась я.

— Этот кентавр пожертвовал жизнью, чтобы поменяться местами с Прометеем в подземном царстве Гадеса, — сказала она. — Его смерть по-прежнему связывают с суфизмом и с восточным мистическим учением. Пятиконечная звезда Венеры считается символом жертвы, требуемой для посвящения в пифагорейские таинства. Я полагаю, что послание, высеченное на могиле Каспара Хаузера, означает то, что перед началом каждой новой эры должны быть принесены жертвы, добровольные или принудительные.

Зоя загадочно улыбнулась. Холодный взгляд ее аквамариновых глаз, казалось, пронизывал меня насквозь.

— И в нашей истории есть такая жертва: смерть племянницы Везунчика, дочери его сестры Анжелы. Вероятно, она была единственной женщиной, которую Везунчик беззаветно любил, — пояснила Зоя. — Она училась вокалу в консерватории, как Пандора, и могла бы стать прекрасной певицей. Но она застрелилась из револьвера Везунчика, хотя причину этого так никогда толком и не объяснили. Ее звали Гели Раубаль, сокращенное от Ангели — «маленький ангел». А это имя происходит от греческого *angelos* — «вестник». В общем, вы понимаете, что, как и в случае с Каспаром Хаузером, это мог быть символический вестник, умерший ради стремлений других людей.

— И к чему же стремились эти другие? — спросила я.

— Познать таинство вечной жизни — магический круг Пандоры, — сказала Зоя. — То есть, проще говоря, обрести дар жизни после смерти.

ВЕСТНИК

Вера (фракийцев) в бессмертие требует следующего ритуала... Каждые пять лет они бросают жребий, выбирая одного человека на роль вестника к Салмоксису... чтобы попросить то, что они хотят... При этом часть людей держат копья, устремленные наконечниками вверх, а остальные, взяв избранного посланца за руки и за ноги, подбрасывают его на эти копья. Если он умирает, то считается, что бог благосклонно отнесся к их просьбам, но если он выживает, то его обвиняют в дурной репутации и посылают вместо него другого вестника.

Я слышал и другой рассказ от греков... Жил на Самосе некий человек по имени Салмоксис, он был рабом в доме Пифагора... После получения свободы, скопив состояние, он вернулся в свою родную Фракию... где пригласил к себе вождей и научил их, как избежать смерти, чтобы ни он сам, ни они, ни их потомки никогда не умирали.

И среди учеников, избежавших большого пожара, были Лидий, Архипп и Салмоксис, тот самый раб Пифагора, который, говорят, научил пифагорейской философии кельтских друидов.

И спасся только я один, чтобы возвестить тебе.

Иисус взял хлеб и благословив преломил и, раздавая ученикам, сказал: примите, ядите: это есть Тело Мое. И взяв чашу и благодарив... сказал: пейте из нее все; ибо это есть Кровь Моя...

Матфей, 26, 26–28

И сделает Господь Саваоф на горе сей для всех народов трапезу из тучных яств, трапезу из чистых вин, из тука костей и самых чистых вин. И уничтожит на горе сей покрывало, покрывающее все народы, покрывало, лежащее на всех племенах. Поглочена будет смерть...

Исаия, 25, 6–8

Густой ковер расстилавшихся перед ней сочных изумрудно-зеленых лугов смягчил ее душу, ожесточившуюся за очередную долгую зиму, проведенную под игом римлян. Высокая и гордая, стояла она на высоком травянистом холме в плетеной колеснице, легко держа поводья. Свежий утренний ветер взметнул над ее широкой спиной распущенные, ниспадавшие волнами до талии рыжие волосы.

Прошлый год прошел значительно тяжелее, чем предыдущие пятнадцать лет римского владычества. Молодой император Нерон оказался куда более алчным, чем его отчим Клавдий, которого, поговаривали, отравил сам Нерон.

Теперь коренных бриттов жестоко притесняли стихийные потоки римских колонистов и гарнизоны легионеров. Лишь несколько месяцев назад, когда умер ее муж, ее саму, благородную княгиню царских кровей из племени икенов, и двух ее юных дочерей изнасиловали римские легионеры, вытащили из дома и принародно избили железными прутьями. Ее обширные земельные владения захватили по приказу императора Нерона, а все фамильные богатства и сокровища наряду со всей остальной награбленной добычей увезли в Рим. Но, несмотря на эту трагедию, она понимала, что с ней обошлись лучше, чем с другими: множество простых бриттов заковывали в цепи и отправляли на строительство римских городов, римских крепостей, римских акведуков и римских дорог. Какой же реальный выбор теперь остался у бриттов? Только свобода или смерть.

Разгоряченные лошади били копытами землю и выдували пар из ноздрей, а она стояла вместе со своим дочерью в коляске, молча обозревая окружающие ее толпы, множество бриттов, заполнивших огромное поле и смотревших на нее в ожидании речи.

Когда они наконец все утихли, она привязала поводья к дуге колесницы и распахнула полы

разноцветного плаща. Вытащив зайца, она подняла его высоко над головой для общего обозрения. Этого снежно-белого священного зайца вырастили и выкормили друиды именно для нынешнего дня. Восемьдесят тысяч собравшихся на поле мужчин, женщин и детей затаили дыхание. Только лошадиное ржание нарушало каменное безмолвие. Затем она отпустила зайца.

Сначала животное уселось на зеленом холме, обалдев от вида собравшейся внизу многотысячной толпы, застывшей в ожидании, как лес молчаливых камней. Потом заяц стремительно припустил вниз по склону холма и помчался прямо к краю поля, белым пятном пролетая над зеленым покрывалом земли. Он бежал на юго-запад, где заходило солнце, и, увидев это, тысячи людей в едином порыве издали ликующий воинственный клич, а их тартаны, взлетевшие в воздух, казались метелью из клетчатых пледов в ясном небе.

Ибо они увидели, что пророческий заяц устремился прямо в сторону Камулодунума. Собравшиеся здесь войска Боудикки быстрым маршем достигнут его под прикрытием ночи. И на рассвете в священной оргии прольются потоки римской крови, смывая следы шестнадцатилетних жестоких издевательств над бриттами и их землями.

Здесь в конце мира, на последнем пяточке свободы, жили мы доныне спокойно, охраняемые нашей удаленностью и неизведанностью. Теперь уже докатилась опасность до самых наших дальних пределов... обманчива защита моря и скал и посулы воинственных римлян с их высокомерной уступчивостью или скромной сдержанностью. Хищники мира... Ненасытно алчные, они завоевали уже и восток, и запад... и свои грабительские набеги, бессмысленную жестокость и кровопролитные убийства называют они в заблуждении своим империей. Превращая мир в выжженную пустыню, они кричат о мирном царстве.

Тацит. Агрикола. Слова британского вождя Калгана о римлянах

Первостепенное право людей — умирать и убивать захватчиков родной земли и с особой суровостью наказывать своих же соплеменников, погравших руки у вражеских очагов.

Уинстон Черчилль. История англоязычного народа

Светоний Павлин хорошо понимал, что проблему не решить кратковременным захватом или подчинением коренных жителей. Он начал службу в Атласских горах, подавив берберов, восставших против римского владычества. После многочисленных военных походов Светоний был отлично подготовлен к любым трудностям войны и к подавлению ожесточенного сопротивления в рукопашных схватках.

Но за эти два года, с тех пор как император Нерон назначил его наместником Британии, Светонию пришлось понять, что местные друиды отличались от всех прочих. Вождями и пророками здесь могли быть как мужчины, так и женщины, и, исполняя священные жреческие обряды, они почитались своим народом почти как боги. Пожив на этой земле, Светоний окончательно убедился в том, что покорить здешние племена можно только одним путем: путем полного уничтожения.

Их главное святилище располагалось на берегу Камбрии на острове Мона, что означало «священная корова» — прозвище Бригды, подобной Деметре богини плодородия. Веруя в защитные силы этой богини, они полагали, что их павшие в бою воины восстанут из ее возрождающего котла. Подземный ход к этому котлу проходил под озером около священной рощи на Моне.

Светонию Павлину понадобилось два года тайной слежки и обманных маневров для выявления момента их наибольшей незащитности и неспособности к бегству, чтобы выбрать самый

подходящий день для нападения на эту береговую твердыню. В конце концов он выяснил, что ежегодно все главные друидические жрецы собирались в первый день римского месяца мая. Этот день у кельтов назывался «Белтен» — праздник яркого огня или костров, которые они жгли накануне ночью для очищения священных рощ в преддверии ежегодного прихода Великой Матери в месяц плодородия. В этот самый священный день года отдыхали даже друиды, и, следовательно, как надеялся Светоний, в этот день они будут менее всего готовы отразить нападение.

В его распоряжении имелась флотилия плоскодонных судов, построенных для перевозки его воинов через узкий, но обычно бурный пролив. В сумерках в канун майского праздника они под прикрытием тумана собрались на южном берегу Британии, чтобы отплыть к острову, где находилось главное кельтское святилище.

Когда римские корабли тихо скользили к его берегу, очистительные ритуалы уже начались, хотя еще не совсем стемнело. В безмолвных, подступавших к самой воде лесах мелькали темные фигуры с зажженными факелами. Солнце медленно погружалось в кроваво-красное море, когда римские отряды, протащив свои посудины по широкой полосе прибоя, быстро высадились на берег. Но вдруг все они замерли при виде неожиданно возникших перед ними кельтов.

На берегу появилось несметное множество одетых в черное людей, неотвратимо наступающих на римлян, точно черная стена человеческой плоти. Впереди, воздев к небесам руки, шли жрецы и во всю мощь своих легких выкрикивали угрозы и проклятия. За ними, подобно стаям насекомых, носились, размахивая горящими факелами, женщины с разлетающимися, спутанными волосами. Потом, повинувшись какому-то тайному призыву, женщины с криками выбежали вперед на каменистый берег и, точно фурии, бросились прямо на римских солдат.

Командиры отрядов Светония беспомощно смотрели, как их солдаты застыли на берегу в благоговейном страхе перед стаей этих разъяренных гарпий, вылетевших, казалось, прямо из Гадеса. Светоний бросился навстречу этим обезумевшим атакующим женщинам; он выкрикивал приказания, перемежая их проклятиями в адрес солдат, пораженных шумовой атакой друидов, и наконец командиры отрядов собрались с духом и последовали его примеру.

По рядам римлян пронеслись команды: «Убейте их!» Оружие женщины с горящими факелами по-прежнему неслись на солдат, оглохших от безумных криков друидических жрецов. Вероятно, в самый последний момент солдаты опомнились и начали наступление.

Иосиф Аримафейский стоял рядом с Ловернием на краю скалы. Ему невольно вспомнился другой вечер, когда они с другом вот так же стояли рядом на скалистом берегу и смотрели, как пламенеет море, — тот закат, что встречали они четверть века тому назад на другом берегу другой страны, когда начиналась вся эта история. Тогда, наверное, все еще можно было остановить. И сейчас, слыша доносившиеся с берега вопли, он в ужасе повернулся к Ловернию.

— Мы должны вмешаться! — воскликнул Иосиф, хватая своего друга за руку. — Мы должны помочь им! Нужно как-то остановить атаку! Они же не смогут защитить себя! Римляне тоже запалили факелы, они подожгут их волосы и одежды! Они же уничтожат их!

Друид стоял недвижимо. Он лишь слегка поморщился, когда сквозь ужасный гвалт услышал звуки топоров, лязгающих по камням, и впервые понял, чего именно добивались римляне: они задумали уничтожить священную рощу.

Ловерний даже не взглянул на Иосифа. Не смотрел он и на происходившую на берегу кровавую

бойню, уничтожавшую не только его соплеменников, но и все, во что они верили и оберегали как святыню; не только их образ жизни, но даже их богов. В этих закатных сумерках он так внимательно смотрел в морскую даль, словно видел там иное место и иное время в далеком прошлом или даже в еще более далеком будущем. Когда наконец он заговорил, его глухие и странные слова донеслись до Иосифа словно из какого-то темного и бездонного колодца.

— Когда Езус умер, ты обрел силу мудрости, — напомнил он Иосифу. — Ты понял, что можно сделать, и взялся за это дело. Почти тридцать лет ты непрестанно стремился постичь смысл его жизни и смерти. Истинная мудрость, однако, заключается не только в понимании того, что можно или нельзя делать, но в осознании того, что должно быть сделано. А также крайне важен — не сам ли ты говорил мне так в те давние времена? — *kairos*: переломный момент.

— Пожалуйста, Ловерний, это и есть переломный момент. О боже! — воскликнул Иосиф.

Но при всех его отчаянных призывах он ясно видел, что просить безнадежно. Рухнув на колени, он опустил голову на руки и начал молиться под нарастающий треск срубленных деревьев, смешанный с душераздирающими криками умирающих. Он слышал, как эта ужасная какофония призрачной дымкой разносится над безмолвными водами. Спустя какое-то время он почувствовал, как на голову ему легла успокаивающая рука Ловерния, и до него донесся странно умиротворенный голос, словно друид нашел зерно тайной надежды, открывшееся лишь ему одному.

— Боги требуют жертв, — сказал он Иосифу. — Мы должны непременно сегодня же вечером собрать все, что нам дорого, и принести жертву священным водам каменистого озера ЛлинКерриг-бах.

— А что еще? — прошептал Иосиф.

— Если это не повернет ход событий, — печально сказал Ловерний, — то, возможно, нам придется отправить вестника.

Вестник с юга прибыл на этот отдаленный берег острова на рассвете, когда Светоний Павлин увидел, как рухнуло последнее дерево. То было могучее дерево, старейшее из всего множества деревьев в роще, с которой всю ночь сражался его легион, чтобы завершить опустошительное уничтожение. Обхват его составлял более шестидесяти футов, и, как прикинули военные корабельщики, из него вполне могла бы выйти полновесельная трирема. Уже поваленное на землю, оно равнялось по высоте тем трехэтажным строениям, что сооружались на африканском побережье, когда Светоний заправлял в Мавритании. И сейчас он задумался о том, сколько же лет могло быть такому дереву. Интересно, так же ли велико число его годовичных колец — если бы их удалось подсчитать, — как число жизней, загубленных сегодня ночью римскими отрядами? Действительно ли гибель этого дерева и всей священной рощи приведет к смерти друидов — как сами они, похоже, верили?

Отбросив философские мысли ради более практических вопросов, Светоний отправил своих людей складывать в кучи тела мертвых друидов и устраивать костры для их сожжения. Потом, вспомнив главный приказ императора Нерона, он отправил группу солдат обследовать остров. Ведь Нерон написал, что у него есть основания верить своему отчиму (и двоюродному дедушке) Клавдию, считавшему, что именно на острове Мона друиды хранят свои главные сокровища. И Нерон хотел, чтобы ему немедленно сообщили о любых ценных находках.

Распорядившись насчет поисков сокровищ, Светоний вспомнил о почтительно ожидавшем посланнике и велел привести его. После долгого путешествия гонец выглядел изрядно потрепанным.

Более того, Светонию доложили, что мокрый грязный вид парня вызван тем, что он со своей лошадью только что переправился через узкий пролив. Выдохшуюся лошадь, еще испускавшую пену, несмотря на купание в канале, увели подальше, а вестника доставили к губернатору.

— Погоди немного, передохни, парень, — успокоил Светоний гонца. — Даже ради доставки важнейших известий не стоит испускать последний вздох.

— Камулодунум... — хрипло выдавил вестник. Светоний осознал наконец, как ужасно выглядит посланец: на его потрескавшихся губах запеклась кровь и земля, глаза бессмысленно блуждали, а коротко стриженные волосы растрепались, как у друидов, чьи безжизненные тела покрывали берег. Щелкнув пальцами, Светоний приказал принести бурдюк с чистой водой и передать его посланнику. Когда тот напился и прочистил горло, губернатор велел ему продолжать. Но взгляд у парня все еще был безумным. Конечно, все люди Светония закалились в военных походах, но он подумал, уж не лишились ли они временно рассудка при виде всех этих убитых мужчин и женщин, по которым они практически ходили.

— Успокойся, — решительно сказал Светоний. — Очевидно, ты на бешеной скорости проделал весь этот путь — более двух сотен миль. Ты привез мне какое-то срочное известие из Камулодунума?

— Все мертвы, — прохрипел посланец. — Тысячи... десятки тысяч... все погибли. И весь город, храм Клавдия — все сгорело дотла!

Он начал рыдать.

Светоний, поначалу изумившись, быстро пришел в ярость. Взмахнув рукой, он резко хлестнул парня по лицу.

— Ты солдат, мужчина! — напомнил он. — Во имя Юпитера, возьми себя в руки. Что случилось в Камулодунуме? Там произошло землетрясение? Пожар?

— Восстание, наместник, — сказал гонец, глотая воздух. — Икены и тринованты... может, еще какие племена из этого Корнуолла... мы толком не поняли...

— А чем же занимался в это время девятый легион Гиспана? — ледяным тоном поинтересовался Светоний. — Зашивал дырки на тогах, пока племена босоногих островитян поджигали селения, находящиеся под его защитой?

— Там не было никаких босоногих племен, наместник. На нас напало множество хорошо вооруженных воинов — двести тысяч или даже больше, — сообщил ему солдат. — И меня послал к вам сам командующий, Петилий Цериал, приказав как можно быстрее добраться до вас. Половина девятого легиона уже уничтожена: двадцать пять сотен человек, среди которых был и я, попытались выбраться из города. Римский прокуратор Декиан бежал вместе с его подчиненными на материк, а Петилий заперся в крепости, рассчитывая, что вы пришлете ему подкрепление.

— Чепуха. Как могла горстка необразованных, безмозглых бриттов уничтожить половину римского гарнизона и повергнуть в бегство самого прокуратора? — воскликнул Светоний, даже не скрывая презрения к народу, который стал ему ненавистен. Он сплюнул и добавил: — Как они могут быть хорошими воинами, если не в состоянии стать даже хорошими рабами?

— Однако у них полно оружия, лошадей и колесниц, — сообщил ему солдат. — Их женщины сражаются наравне с мужчинами, и гораздо более ожесточенно. Я сам видел их зверства в Камулодунуме, наместник, это какой-то ужас. Они убивали стариков и молодых, простых жителей и солдат, матерей и даже детей без всякого разбора, будь перед ними римляне или помогавшие нам

бритты. Я видел трупы римских женщин с грудными младенцами, привязанными к груди! А мужчин распинали прямо на улицах — да простят мне боги эти слова, но их тела заживо разрубали на части, рассекали рты тех, кто еще дышал...

Вестник умолк, в глазах его сверкали боль и ужас, очевидно почти не притупившиеся за время изнурительного путешествия.

Светоний вздохнул.

— Даже не представляю, какого же гениального полководца нашли они для руководства этим походом! — презрительно бросил он.

— Их вела Боудикка, наместник, царица икенов, — ответил посланник.

— Эти дикари последовали в бой за женщиной? — спросил Светоний, впервые выказав неподдельное изумление.

— Пожалуйста, наместник, — сказал посланец. — Командующий Петилий просит вас поторопиться. Судя по тому, что я видел, их восстание далеко не закончилось; кажется, они черпают новые силы в крови убитых. Камулодунум уже разрушен. Сейчас они движутся к Лондиниуму.

Было, есть и будет множество видов массового уничтожения человеческих жизней. Самые главные разрушители — огонь и вода; остальные, менее существенные, порождаются тысячами других несчастий.

Платон. Тимей

Насколько понимал Иосиф Аримафейский, Лондиниум не был ни крупнейшим, ни старейшим или важнейшим городом в Британии. Но до недавнего времени он являлся одним из красивейших городов, расположенных в широкой и спокойной долине большой реки. Ныне, когда он прогуливался в последний раз по ее берегам, там уже не осталось и следа от Лондиниума: вся эта процветающая римская провинция превратилась в кучи раскаленного пепла.

Иосиф видел, как за рекой римляне вели на работу по каменистому берегу закованных в кандалы местных жителей. И он понял, как много утрат принесло разрушение этой твердыни и как долго придется расплачиваться бриттам за их попытку — пусть даже оправданную — отомстить захватчикам. Римлянам нужно было собраться с силами, и они покидали этот разоренный и открытый для набегов город. Сейчас, после разрушения трех римских городов, включая Веруламию, восстание бриттов было подавлено. Мятежников, совершенно неподготовленных для противостояния отлично экипированным и обученным римским легионам, отбросили к их собственным повозкам и разгромили, методично и безжалостно уничтожая вместе с людьми их лошадей и домашних животных.

Боудикка и ее дочери расстались с жизнью — добровольно приняли яд, предпочтя милость богов ожиданию милости римлян. И поскольку восставшие, охваченные жадой возмездия и военным пылом, покинули свои дома поздней весной, не посеяв зерна, то земли отстояли голыми и голод свирепствовал всю зиму.

Благодаря бесконечным запасам рабского труда любая римская провинция могла стать еще более могущественной и процветающей, чем в былые времена. Римляне вскоре вновь отстроят Лондиниум, и на сей раз — догадывался Иосиф — они создадут каменные твердыни, отказавшись от старых глиняных сооружений. У них будут отлично укрепленные крепости и гарнизоны. Любая слабая видимость цивилизованных отношений, прежде проявляемая этими дикарями, теперь была развеяна

по ветру.

В ночь уничтожения священной рощи на острове Мона, когда Иосиф бросил завещанные ему Учителем священные реликвии в Ллин-Керриг-бах вместе с сокровищами друидов и смотрел, как они исчезают в темных водах озера, он понял, что наступил конец некой эры. У них было много планов и задумок, но что же в итоге осуществилось? Что станет с реликвиями, которые просил их сохранить Учитель? Появятся ли они когда-нибудь вновь на земле, как и сам Учитель?

Прошло почти тридцать лет со дня смерти Учителя. Иосифу скоро стукнет семьдесят, но все, что он так долго и тщательно хранил, казалось, навсегда поглотили темные воды. А когда, к примеру, он вернулся сюда на юг в прошлом году, то обнаружил, что его скромная земляная церковь в Гластонбери сгорела дотла во время народных волнений, как и множество других строений в южной Британии.

Все, ради чего он жил, а Учитель отдал свою жизнь, казалось, исчезло, как облака, тающие на горизонте. Даже слова Учителя, которые Иосиф и Мария всячески пытались сохранить, вновь теперь запечатаны в глиняные сосуды и сокрыты в пещерной темноте этих камбрийских холмов. Учитель надеялся, что его заветы и деяния сохранятся в памяти навеки, но из-за отсутствия похвальной традиции, принятой у друидов, — передачи древних знаний из уст в уста — смысл всей их жизни, включая самого Учителя, скоро исчезнет вовсе, затерянный где-то в пустынных землях, и будет проявляться лишь в смутных воспоминаниях и легендах.

Верно гласит пословица: историю пишут победители. Но историей становится то, что уже случилось, что было в прошлом и закончилось, подумал Иосиф. А как насчет будущего? Именно ради того, чтобы выяснить это, он вернулся на север. Конечно, за минувшие тридцать лет друиды помогли Иосифу распространить учение Учителя здесь, в Британии, так же как и за проливами — в Эйре и даже в Галлии, но сегодня римляне охотятся за самими друидами, словно за дикими зверями.

Однако древняя культура кельтов, их глубинное религиозное понимание жизни и земли и особая мистическая убежденность, которую они всячески поддерживали в себе и других, вселила в Иосифа надежду на то, что они помогут ему вновь вернуться к миссии, возложенной на него Учителем много лет назад. Может, даже к самому Учителю. Именно поэтому он предложил себя в качестве вестника. Впервые за тридцать лет Иосиф со всей определенностью осознал приближение события огромной важности, хотя не мог предвидеть, чем оно обернется — добром или злом.

Всех благ, моя дорогая Клеа, разумные люди должны просить у богов.

Плутарх. Исида и Осирис. Обращение к Клеа, дельфийской пророчице

В полночь римские часовые наконец ушли, и можно было спокойно развести костер. Большая часть племени бриттов пряталась поодаль, под сенью темного леса.

Иосиф вместе с тремя другими избранниками стоял у костра и молча смотрел, как Ловерний, чье лицо бронзовело в отблесках пламени, смешал озерную воду с приготовленной ими мукой из пяти злаков, сделал лепешку, завернул ее во влажные листья и испек на углях. Развернув испекшуюся лепешку, он поджег ее с одного конца, потом разломил на пять кусков — четыре просто испеченных, а один обгоревший — и положил их в чашу.

Он поднес эту чашу каждому избраннику, и каждый взял по куску. Ловерний вынул свой кусок последним. Разжав руку, Иосиф обнаружил, что ему не достался обгоревший кусок лепешки. Он взглянул на остальных со смешанным чувством облегчения и тревоги, заметив, как его спутники по

очереди отводили глаза от его руки. Затем лицо родного сына Ловерния, Белина, высокого и красивого мужчины с каштановой шевелюрой и бородой, озарилось широкой улыбкой, подсвеченной отблесками костра. Он открыл свою руку с обугленным куском лепешки и показал его всем. Его улыбка была такой сияющей, что на мгновение он напомнил Иосифу Учителя. Иосифу совершенно не хотелось осложнять проведение этого ритуала, однако он никак не ожидал, что избранным окажется Белин.

— Нет! — с удивлением услышал Иосиф свой собственный голос.

Ловерний спокойно положил руку на плечо Иосифа, потом крепко обнял своего сына с таким видом, словно гордился им.

— Позволь мне стать вестником вместо твоего сына, — тихо возразил Иосиф Ловернию. — Ему ведь всего тридцать три года, у него еще вся жизнь впереди. А я прожил почти семьдесят и не смог осуществить возложенной на меня миссии.

Ловерний откинул назад голову и рассмеялся, что показалось Иосифу не слишком уместным в данной ситуации.

— В таком случае, друг мой, — сказал он Иосифу, — какой же из тебя вестник? Какую пользу ты можешь принести нам, уж я не говорю о богах? А Белин — прекрасный избранник, безупречно сильный и здоровый. И он сумеет стать отличным слугой, выполняя божественные распоряжения. Спроси его сам, разве не счастлив он, что ему выпала честь стать нашим вестником?

На Иосифа внезапно нахлынули воспоминания о последней трапезе Учителя, когда тот омыл ноги всем ученикам. Странно, почему же при одной мысли о каких-то глубоких побуждениях он не испытывает чувства вдохновения, а ему просто хочется плакать? Белин улыбнулся Иосифу почти блаженной улыбкой, показывая свой почерневший кусок. Проглотив его, он подошел и крепко обнял Иосифа, слегка встряхнув его, как делал когда-то давным-давно Ловерний.

— Иосиф, Иосиф, — сказал он. — Пойми же ты, я не умираю. Я обретаю вечную жизнь. Ты должен радоваться за меня. Если я увижу твоего Езуса в мире ином, то передам ему твои надежды и любовь. Иосиф закрыл рукой глаза и заплакал, но Белин лишь глянул на Ловерния, удивленно пожал плечами. Его выражение говорило: столько лет прожив среди друидов, он все еще думает как язычник или римлянин.

Они вызвали жестами своих соплеменников из леса, и Иосиф попытался взять себя в руки. Один за другим члены кельтского племени покидали тенистые заросли, подходили за благословением к костру и, относя свои золотые или медные драгоценности к берегу озера, опускали их в воду. Когда вся утварь, браслеты, украшения и даже рабские цепи исчезли в его темных глубинах, они направились, выстроившись в одну шеренгу, за Ловернием, который повел их от костра по берегу озера к низине с топким торфяным болотом. Над луной шептались облака, пропуская на землю струи жутковатого света.

Подойдя к краю обширных торфяных болот, Белин опустил на колени и воздел руки к небу. Двое молодых мужчин, бывших наряду с Иосифом среди добровольцев, сняли с него плащ и остальные одежды. Ловерний дождался, пока его сына полностью раздели, и вручил ему повязку, обшитую лисьим мехом. Белин надел ее на руку, опустил голову и сложил руки за спиной, чтобы их связали кожаными ремнями. На шею ему также накинута кожаную петлю. Не поднимая головы, Белин тихо сказал:

— Мать-земля, в твои руки я вверяю дух мой.

Иосифу показалось, что эти слова ледяным ножом полоснули его по сердцу. Затаив дыхание, он смотрел, как Ловерний взял кожаный мешок и извлек оттуда острейший охотничий топор. Подняв его над головой, он обратил взор к небесам. И в этот момент выкатившаяся из-за облаков луна залила землю бледным светом. Кельты в молчании стояли на краю болота; Иосифу они казались лесом молящихся деревьев. Ловерний нараспев произнес своим низким грудным голосом:

— Смерть от огня. Во имя божественного грома мы вверяем тебя Таранису.

Белин даже не шелохнулся, когда над ним быстро и уверенно взмахнули топором, хотя Иосифу показалось, что он услышал его вздох сразу после того, как лезвие топора нанесло смертельный удар по черепу. Белин упал вперед, лицом в землю.

Двое молодых мужчин вышли вперед и, когда Ловерний одним резким движением вытащил топор из головы своего сына, затащили петлю на его шее.

— Смерть от воздуха, — сказал Ловерний. — Мы вверяем тебя Езусу.

В тишине Иосиф услышал громкий хруст, звук сломанной гортани.

Двое мужчин — теперь уже им помогал и Иосиф — подняли обмякшее, но прекрасное тело Белина с опущенной головой над солоноватыми водами. И наконец Ловерний произнес последние слова, которые следовало произнести в ту ночь:

— Смерть от воды. Мы вверяем тебя Тевтату.

Иосиф смотрел, как погружается в болото и бесследно исчезает принятое землей тело.

Но за мгновение до полного исчезновения Иосифу вдруг привиделось — на краткий миг — странное движение в этих непроницаемых черных водах. Ему показалось, что он видел, как Бог, раскинув руки, принял тело Белина в свои объятия. И Бог улыбался.

УТОПИЯ

Тот, кто чувствует, что в нем течет лучшая кровь и, осознанно пользуясь благородным происхождением, руководит народом, удержит свою власть и не отречется от нее...

Его фатальный образ... будет подобен Священному Мировпорядку. И мы хотим, чтобы это государство процветало тысячи лет. Мы с радостью осознаем, что будущее принадлежит нам.

Я чувствую, что мой долг по отношению к моим соотечественникам — записать эти предостережения для грядущей расы.

«Сиреневый уголок» неизменно утопает в цветах, оставаясь одним из самых очаровательных парижских ресторанов в любое время года. Обстановка там совершенно не соответствовала тому мрачному путешествию по нацистской Германии и Австрии, в которое нас увлек сегодня томный взгляд моей бабушки Зои. При входе нас встретили пушистые грозди белой сирени. Наш столик находился перед балконом, украшенным решетками, увитыми виноградными лозами.

Зоя сообщила нам, что заранее сделала заказ. Отведав принесенное сомелье вино и дождавшись, пока всех нас обслужили, она вернулась к нашей излюбленной теме: истории нашего семейства.

— Как я уже упомянула, — начала она, — высоко в Швейцарских Альпах, поблизости от перевала Малый Сен-Бернар, берут начало четыре реки. Около века назад в том месте образовалась утопическая община. Моя бабушка Клио, крайне важный, но не стремившийся к славе персонаж нашей истории, прожила там много лет с моим дедушкой Эразмом Беном, одним из главных основателей этой общины.

В моей голове вдруг зазвенел колокольчик, напомнив рассказ Дакиана Бассаридеса об утопиях перед экскурсией по залам венского Хофбурга: он тогда заметил, что идеалисты, охваченные идеей улучшения цивилизации, зачастую заканчивают попытками выведения людей более совершенной породы.

— Идеальный мир в горном уединении, возрождение золотого века, — продолжала Зоя. — В прошлом веке такими идеями заразились буквально все, а многие лелеют их и доныне. Но — и это я тоже говорила — жизнь далеко не так проста, чтобы можно было разложить ее на черно-белые составляющие. Вполне возможно, что стремление моего дедушки к такой утопии стало главной причиной всех последовавших несчастий.

Я не припомню, что нам подавали на ланч в тот день. Но очень хорошо помню малейшие подробности поведанной Зоей истории. По ходу ее рассказа все вставало на свои места, и я начала понимать, что наша маленькая семья действительно могла выступить в роли упомянутого Дакианом стержня или оси, вокруг которой все крутится — как животные на карусели или как зодиакальные созвездия, зримо вращающиеся по небу вокруг кончика хвоста Малой Медведицы.

Я с увлечением слушала начатую Зоей историю о нашем личном семейном Эдеме. Естественно, до грехопадения.

— Моя бабушка Клио, — продолжила Зоя, — была единственным ребенком в швейцарской семье, которая, как было заведено в те дни во многих богатых семьях, увлекалась научными изысканиями, к которым относились путешествия и поиски разнообразных затерянных царств и цивилизаций. Помимо всего прочего, Клио с глубоким интересом изучала античность. Она не только листала пыльные фолианты, но и была страстной поклонницей недавно придуманной науки — полевой археологии.

К своим двадцати годам Клио уже всю участвовала в экспедициях ее отца, побывав с ним в самых экзотических и удаленных уголках мира. Она присоединилась также к искателю приключений Генриху Шлиману, сколотившему состояние в России на военных поставках во время Крымской войны и щедро тратившему его на широко освещавшиеся в печати стихийные поиски знаменитых затерянных городов Греции: Микен и Трои.

Посвятив юные годы изучению древних языков, Клио смогла определить происхождение многих предметов, о которых узнавала из ветхих манускриптов, обнаруженных в гробницах, могильниках и пещерах. Довольно успешно применила она свои знания для поиска великих и прекрасных потерянных городов и для нахождения очень ценных реликвий — подобно тому, как Шлиман лишь благодаря тщательному изучению классической литературы обнаружил за стенами Микен шахтные гробницы с богатейшими сокровищами древнего мира.

В 1866 году двадцатилетняя Клио познакомилась со своим будущим мужем, голландцем, который, как и Шлиман, разбогател на военных поставках. Этот человек, Эразм Бен, финансировавший археологические проекты Шлимана, был вдовцом и воспитывал единственного сына, Иеронима, который в свое время станет моим отцом. Если большое состояние, сколоченное во время войны, тратилось Генрихом Шлиманом практически только на расхищение и грабеж человеческого прошлого, то капиталы моего дедушки, Эразма Бена, шли исключительно на некое совершенное преобразование человеческого будущего, создаваемого всецело по его личному представлению. И даже выходившего за его рамки.

Эразм увлекся также созданием утопической общины, которую финансировал в Швейцарии. Жизнь в ней основывалась на многих известных новомодных теориях, включая «сортировку», строгий генетический отбор, игравший большую роль в фундаментальных научных поисках того времени: селективное воспроизведение. В таких утопических общинах опытным путем проверялись способы достижения улучшенных урожаев и приплода домашних животных, и каждое лето Эразм проводил в Альпах, инспектируя центр вложения его капиталов.

Клио все это ненавидела. Она выросла в семье швейцарских протестантов, но получила либеральное образование с широкими взглядами, совершенно необычное для девушек того времени. Хотя человек, за которого она вышла замуж, был богат, умен и красив, вскоре после женитьбы Клио полностью разочаровалась в Эразме Бене, и особенно в его идеях идеального мира.

Она быстро поняла, что попала в руки угрюмого ортодоксального кальвиниста, который считал, что женщины и дети мало отличаются от домашнего имущества, но зато причислял себя, любимого, и немногочисленных ему подобных к некой избранной касте, практически недостижимой для простых смертных. Белокурая красавица и умница Клио также вскоре поняла, что Эразм женился на ней не столько из-за ее прекрасного тела или умственных способностей, сколько из-за значительного состояния, обладательницей которого она как единственный ребенок станет после смерти отца, — но главное, из-за принадлежавшей ее семье исторически ценной коллекции артефактов, талисманов и свитков, в собрании которых она принимала активное участие.

Эразм, точно околдованный, стремился завладеть знаниями, в основном связанными с тайнами прошлого и с могуществом, которое они могли ему принести в будущем, совершенно не обращая внимания на современную жизнь. Когда через пару лет после женитьбы у Клио родилась дочь, Эразм сразу перекочевал в отдельную спальню, решив, что выполнил свои генетические обязанности. В конце концов, считая сына от предыдущего брака, он уже дважды исполнил супружеский долг! Хотя такая ситуация в прошлом веке была общепринятой в семьях высшего класса, жизнь нашей семьи вскоре неожиданно и очень странно изменилась.

Каждое лето Эразм вывозил Клио на отдых в его утопическую альпийскую общину. Вскоре стало ясно, что он с трудом может позволить себе продолжать ежегодные щедрые вливания в этот проект. Но не только утопия привлекала его в этом регионе. Там же по соседству находилось нечто такое, что могло представлять для него огромную ценность: уже упомянутые мной языческие святыни, а также сохранившиеся со времен неандертальцев пещеры, которые благодаря их труднодоступному положению были пока почти не исследованы и мало кому известны, если не считать странствующих цыган, иногда проводивших лето в их окрестностях. Недавние сенсационные находки Шлимана погрузили Эразма в сладостные грезы о золотых артефактах и легкой пожине, и он уже размышлял, что найдет нечто очень ценное и даже чудодейственное. Естественно, Клио увлеклась таким исследованием.

Едва ли Клио понадобилась подсказка для привлечения цыган к ее самому любимому занятию — археологии. И вот летом после рождения ее дочери она отправилась в путь со своим археологическим табором. Совместные обследования альпийских пещер показали Клио, что цыгане исключительно хорошо осведомлены относительно назначения выкопанных ими артефактов, а также основательно знакомы с историей их народа с древнейших времен. Постепенно она передала им на хранение большую часть ее коллекции. А еще она осознала, как благоразумно живут эти люди,

показавшиеся ей очень привлекательными... особенно один.

Вскоре Клио с ее цыганами отправилась в более дальнюю экспедицию. Она вернулась оттуда с интересными находками. Самым необычным артефактом, найденным в пещере между Интерлакеном и Берном, была статуэтка древней медвежьей богини, а также медвежьего тотема. В глубине той же самой пещеры обнаружили загадочные глиняные сосуды, выглядевшие очень древними. В них хранились свитки, которые она сразу же попыталась перевести.

Осенью, по возвращении в Голландию, Клио пришла в ярость, узнав, что Эразм забрал некоторые из ее документов и артефактов и даже продал кое-какие из них, чтобы увеличить доходы, сократившиеся из-за его неудачных вложений. Самое ужасное, что он также присвоил много ее записей и переводов, которые, по ее мнению, являлись ценнейшими историческими документами. В ответ на обвинения Эразм ловко переключил ее внимание на обнаруженные ею недавно свитки, которые она оставила на хранение цыганам. Он надеялся найти в них сведения для поиска сокровищ и настаивал на том, что они по праву принадлежат ему, как ее мужу. Ничего не сказав Эразму, Клио забрала все ценное, что еще оставалось в ее распоряжении, и надежно спрятала.

Многое в их отношениях прояснили жаркие и основательные споры, продолжавшиеся последующие шесть месяцев на глазах у девятилетнего сына Эразма, Иеронима. Ссоры между его отцом и непослушной мачехой, которая отказывалась выполнять распоряжения его отца, посеяли в его юной головке семена, которые в итоге принесут зловещие и опасные плоды.

Летом 1870 года, когда Иерониму исполнилось десять лет, а его младшей сестре — всего два года, умер отец Клио, и его богатая коллекция манускриптов и предметов старины перешла в ее владение. Отец ее благоразумно оставил все деньги — наряду с личным посланием, предназначенным для дочери — в фонде, которым могли пользоваться только Клио и ее дети. Основываясь на сведениях из последнего письма ее отца, Клио вместе с отрядом цыган собиралась отправиться в экспедицию за границы Швейцарии, в Италию, оставив детей на попечении их отца. Но на сей раз Эразм стал настаивать на своем участии в экспедиции. Он заподозрил молодую жену в утаивании многих находок и думал, что ему понятны причины такого поведения.

И вот однажды Клио просто исчезла вместе с цыганами, оставив записку, в которой сообщала, что вернется к концу лета. Однако все случилось совсем по-другому. Начиная с этого момента, казалось, какая-то незримая и властная рука направляла ход быстро сменяющихся событий.

Вспыхнувшая 19 июля 1870 года Франко-прусская война повергла Европу в смятение. Утопическая община быстро распалась, ее скудные фонды иссякли с началом войны. Эразм Бен — с двумя детьми на руках, отсутствующей женой и убывающим состоянием — понял, что ему необходимо как можно быстрее попасть домой в Голландию, чтобы припрятать документы и артефакты Клио, все еще остававшиеся у него.

Пробираясь по зоне военных действий между Швейцарией и Бельгией, Эразм получил серьезное ранение. Он умер, едва успев добраться с детьми до Голландии. Остатки его денег местные священники использовали на обеспечение образования его сына. А его дочь от Клио отослали в воспитательный сиротский приют. Видимо, мы принадлежим к числу тех несчастных семей, которым на роду написано быть разлученными войной. В данном случае, однако, так и осталось загадкой, случайным или намеренным был тот таинственный уход Клио от Эразма. Возможно, она и вернулась бы к нему, если бы не вмешалась война.

Восемь лет спустя после смерти Эразма Бена его сын Иероним закончил свое образование и начал готовиться к единственному, не считая военного, поприщу, доступному юноше с ограниченными средствами: к служению на благо Кальвинистской церкви. Эта подготовка лишь укрепила взгляды, укоренившиеся в нем за десять лет жизни с отцом. На самом деле главной его страстью стали идеи, внушенные ему церковью.

Иероним Бен возненавидел свою приемную мать Клио. Он неразумно считал, что она ограбила его отца и его самого, лишив их всего того, что им было «предопределено» по кальвинистским понятиям. Она покинула его отца во время войны, сбежав с цыганами и украв все ценности, принадлежавшие семье. В глубине души Иероним подозревал ее в значительно более серьезных грехах, ведь кто знает, куда могут завести женщину такие необузданные страсти? Как жаль, что его отцу не удалось подчинить себе эту женщину, что, конечно же, было бы совершенно справедливо в глазах Бога! Все, что принадлежало Клио, даже до ее замужества, по мнению Иеронима, теперь по праву должно было принадлежать именно ему.

А вместо этого по милости его приемной матери Клио — рассуждал Иероним — он не получит ничего, кроме нищенского образования. Его совершенно не волновала судьба его сводной сестры, отосланной бог знает куда. В конце концов, в ней тоже текла кровь ненавистной Клио. Ему лишь хотелось заполучить наследство. Он досконально изучил бумаги своего отца, сохраненные для него в церковном приходе, и получил отличное представление о характере и ценности артефактов и документов, которые припрятала мачеха, отказав его отцу в праве распоряжаться ими. А по нынешним временам, когда стоимость подобных находок оценили по достоинству, их ценность значительно возросла. Иероним пришел к выводу, что должен обязательно разыскать свою приемную мать и вернуть себе все принадлежащее ему по праву рождения. Возможно, час расплаты пока очень далек, но когда-нибудь он все-таки наступит.

В 1899 году всю Европу охватило предпраздничное настроение по поводу начала последнего века нашей тысячелетней эпохи (хотя его законное начало приходилось еще только на 1901 год).

Шёнбруннский дворец в Вене впервые озарился электрическим светом; на речных набережных красовались «чертовы колеса», и повсюду радостно приветствовали открытия технических и прикладных наук.

Ни одно из таких новшеств, однако, не обсуждалось прессой и народом так широко, как единственное археологическое открытие. На Рождество 1899 года рабочие, ремонтировавшие водопровод в подвалах замка в окрестностях Зальцбурга, нашли большое золотое блюдо, история которого — как полагали — насчитывала почти две тысячи лет, уходя во времена Христа. Для определения происхождения этого блюда пригласили многочисленных экспертов, выдвинувших самые разные версии. Одни считали, что оно принадлежало сокровищнице первого храма Соломона, другие относили его к драгоценностям, расплавленным для создания золотого тельца, а позднее восстановленным в оригинальном виде. Авторство его изготовления одни приписывали грекам, другие — македонянам или фригийцам. Поскольку эти цивилизации торговали друг с другом на протяжении тысячелетий, несомненным представлялось лишь то, что находка древняя и имеет восточное происхождение. Весь январь 1900 года раритет показывали публике в Хоэнзальцбургском замке, после чего его перевезли в королевскую сокровищницу в Вене.

Иероним Бен, к этому времени уже почти сорокалетний мужчина, провел предыдущие двадцать лет в

поисках женщины, укравшей его наследство и разрушившей всю его жизнь. И вот, прочитав в голландской прессе новые описания зальцбургского блюда, он твердо понял, что теперь наконец сможет найти ее. У Иеронима по-прежнему находилось несколько редких свитков, которые удалось присвоить его отцу, а также единственная копия обширного исследования, сделанного самой Клио по этим документам. Если он не ошибался, то содержание одного свитка было непосредственно связано с недавно обнаруженным зальцбургским блюдом.

Он отправился на поезде из Амстердама в Зальцбург, прибыв туда за день до открытия выставки. Пройдя пешком от вокзала до замка, он сразу побеседовал с хранителем музея. Разумеется, его совершенно не интересовала какая-то тарелка, зато очень интересовала женщина, которая наверняка придет в Зальцбург, если только Иероним сумеет быстро и ловко подбросить приманку.

Передав хранителю редкий свиток, Иероним снабдил его также исследованиями Клио, заявив, что они принадлежали его покойному отцу, Эразму Бену, известному меценату, финансировавшему экспедиции Шлимана. Иероним с готовностью согласился с тем, что в музее должны проверить подлинность этих документов, и попросил только, чтобы до открытия выставки в прессе объявили общие сведения об этих раритетах и сообщили имя их дарителя, его покойного отца. Досконально изучив эти записи, Иероним понимал, что внимание, вызванное их публикацией, словно магнит притянет и его мачеху.

В свитке, найденном Клио и ее отцом в древнем глиняном кувшине в Святой земле, говорилось, что это древнегреческое блюдо украшало некий щит, а позднее попало в сокровищницу Ирода Великого. В правление его сына, Ирода Антипы, оно хранилось во дворце в Махере, где в то время был обезглавлен содержащийся там в темнице Иоанн Креститель. Позднее Антипа перевез это блюдо в Рим, и оно прошло через руки императоров Калигулы, Клавдия и Нерона.

Исследования Клио показали, что Нерон, убежденный, будто это блюдо обладает особыми магическими свойствами, перевез его из Рима в Субиако и спрятал в знаменитой пророческой пещере за долиной Анио, непосредственно перед своим летним дворцом. После его убийства блюдо спокойно хранилось в пещере почти пятьсот лет. Но в пятом веке в этой самой пещере поселился знаменитый маг и отшельник, позднее названный святым Бенедиктом. По мнению Клио, обнаруженное там блюдо попало в руки монахов бенедиктинцев, и благодаря этой священной реликвии они завоевали популярность в германских землях и стали влиятельным монашеским орденом в континентальной Европе.

Первая встреча Иеронима Бена и его давно пропавшей приемной матери Клио произошла не так, как каждый из них мог представлять. Она, не растерявшая в свои пятьдесят пять лет красоты, составила прекрасную пару ему — поразительно красивому сорокалетнему белокурому голландцу. Но Иероним быстро понял, что, подобно ему, Клио хотела восстановить справедливость по отношению к себе. В сущности, ей не в чем было оправдываться.

Клио рассказала, что в конце лета, как и обещала, вернулась в утопическую общину, но узнала, что община распалась из-за нехватки денег и что ее муж забрал детей и отправился в Голландию. После войны она связалась с голландским правительством и получила уведомление о том, что члены ее семьи, пропавшие во время войны, предположительно мертвы.

Пока Иероним Бен на протяжении тридцати лет лелеял свою ненависть к Клио, строя планы возмещения ущерба и отмщения, она жила в Швейцарии с цыганами, как прежде считая, что все

Бены умерли. Недавно она даже удочерила девочку, заменившую ей единственного потерянного ребенка, и собиралась вскоре начать обучать ее древним языкам и методам исследования, к которым саму Клио с раннего возраста приобщил отец.

Узнав, что на самом деле ее родная дочь жива, но отдана тридцать лет назад в сиротский приют и что Иероним Бен за все это время не предпринимал попыток найти сестру, Клио поняла, что сын пошел в отца не только красотой, но и унаследовал его хладнокровный эгоизм. И тогда Клио решила заключить с ним своеобразную сделку.

Она сообщила ему, что поскольку Иероним не приходится ей кровным родственником, то она лично ничего ему не должна. Но если он благодаря своим связям в кальвинистской церкви выяснит, в какой приют отдали его сестру, найдет и привезет ее наконец к матери, то Клио выделит каждому из них приличную сумму из ее богатого состояния. Иероним с готовностью согласился на такое предложение. Но он едва ли ожидал, как дальше будут развиваться события.

Видя, что мы с Вольфгангом пребываем в ошеломленном молчании, Зоя продолжила:

— Давно пропавшая единокровная сестра, на поиски которой отправился мой отец, единокровная сестра, которую он, к большому несчастью для всех нас, все-таки нашел, была той женщиной, на которой он вскоре женился, — Гермионой.

Вольфганг смотрел на Зою с каким-то непостижимым для меня выражением. Потом прищурил глаза.

— Вы имеете в виду, что ваши родители...

— Были сводными братом и сестрой, — договорила за него Зоя. — Но я еще не закончила.

— Мне уже достаточно, — резко сказала я.

Значит, вот почему все эти годы наши родственные отношения держались в таком строгом секрете!

Мне действительно стало как-то нехорошо. Я задыхалась. Мне хотелось выйти на воздух. Но Зоя словно ничего не замечала.

— В твои руки попала коллекция этих манускриптов, — сказала она. — Но ты не сможешь ни защитить, ни понять их, если не узнаешь все.

Уголкем глаза я заметила, что Вольфганг взял бокал с вином и одним махом опрокинул его в себя. Во время ланча он пребывал в каком-то необычайном смятении и вел себя очень тихо. Я не могла понять, как он относится к рассказу Зои. В конце концов, она была ведь и его бабушкой. Я молила Бога, чтобы подобных сюрпризов больше не было. Что может быть хуже?

— Благодаря своим связям в кальвинистской церкви, — сказала Зоя, — Иероним нашел нужный сиротский приют и выяснил, что его сводную сестру Гермиону в шестнадцать лет отправили вместе с другими сиротами в Южную Африку в качестве невест, заказанных бурами. Война уже закончилась, поэтому он добрался по морю до мыса Доброй Надежды, продолжая поиски. —

Пристально взглянув на меня, она добавила: — Кристиан Александр тогда только что умер от полученной на войне раны. Гермиона унаследовала его состояние вместе с обширными рудниками и горнодобывающими концессиями, но одновременно она ждала второго ребенка. Перепуганная и несчастная женщина с двумя детьми осталась одна во взрывоопасной стране. И вдруг появляется потрясающий красавец, Иероним Бен, и заявляет, что он ее кузен...

«Не так быстро!» — мысленно взмолилась я, пытаюсь сообразить, что все это значит. Чего-то еще явно не хватало для воссоздания всей картины. И на сей раз все окончательно прояснилось.

— Двое детей? — в ужасе сказала я. — Вы клоните к тому, что Кристиан Александр был отцом

обоих сыновей Гермiony — Лафкадио и Эрнеста? Разве такое возможно?

— Да тут и притаился главный обман, — сказала Зоя. — Эрнест единственный сумел разузнать правду о прошлом нашей семьи, хотя ему понадобилось много лет, чтобы понять, какое предательство совершили по отношению к ним с Лафкадио, разделив их в детстве ложью об отцовстве Эрнеста. А на самом деле они были родными братьями, детьми одних и тех же родителей: Гермiony и Кристиана Александра. Эрнест приехал в Европу незадолго до смерти Пандоры и встретился с ней. Он спросил: почему же она не открыла ему правду, которую наверняка знала? — Мне кажется, вы тоже должны кое-что нам рассказать, — перебила я Зою. — Для начала, как Пандору втянули в нашу историю.

И она так и сделала. Скромный кальвинистский проповедник, сорокалетний Иероним Бен прибыл в Южную Африку летом 1900 года с единственной жизненной перспективой — найти сводную сестру, доставить ее к давно пропавшей матери Клио и получить от своей приемной матери наследство, которое, по его мнению, и так принадлежало ему.

И он нашел свою красивую белокурую сестру — недавно овдовевшую тридцатидвухлетнюю владелицу огромного состояния. В ее распоряжении находились горнодобывающие предприятия и поместья, а также шестимесячный ребенок (дядя Лафкадио) и ожидаемое пополнение (дядя Эрнест). В данной ситуации Иероним увидел для себя огромные потенциальные возможности. Не раздумывая, он вознамерился безжалостно убить разом двух зайцев.

Заявив своей сводной сестре, что искал ее многие годы, Иероним убедил Гермionу в своей страстной любви к ней. Поскольку она осиротела в два года от роду, то не успела понять, что за человек на самом деле ее сводный братец. Он буквально потряс ее воображение: они поженились уже через несколько недель, и он взял на себя управление всем состоянием ее покойного мужа.

Но Иероним понимал, что до привоза Гермiony в Европу следует скрывать, какие именно родственные отношения их связывают, иначе он не сможет заполучить обещанное Клио наследство. Могли возникнуть и еще кое-какие проблемы: если Гермiona расскажет своей вновь обретенной матери об их семейном положении, то обещанное наследство уплывет из-под самого его носа. Более того, как только откроется обман, Гермiona может попытаться разорвать их брак по причине кровного родства. Но Иероним осознал, что ей будет трудно сделать это, если у них появится общий ребенок.

Однако, учитывая то, что они, возможно, не смогут родить совместного ребенка, единственную гарантию полного успеха, придуманную Иеронимом, ему пришлось убедить Гермionу — под предлогом укрепления союза любви — записать его как законного отца в свидетельстве о рождении Эрнеста. И только много лет спустя сам Эрнест, порывшись в документах, обнаружил, что он всего на год старше Лафкадио, а не на два, как ему всегда говорили, — это усилило его подозрения, и он стал копать дальше.

В свете этого нерадостного открытия все начинало вставать на свои места. Понятно, к примеру, почему достигший школьного возраста Лафкадио был отослан в такое место, как Зальцбург, где он никого не знал. Оставшись в Южной Африке, рано или поздно он мог бы услышать от кого-то подробности о смерти его отца, поспешной новой женитьбе его матери и о странном времени рождения Эрнеста. Также понятно, почему, когда Гермiona ждала Зою, Иероним собрался и перевез всю семью в Вену, где никто не знал об их прошлом — и где, согласно рассказу Лафа, его мать стала

заклученной в своем собственном доме.

Подобный поворот сюжета объяснял, почему Лафа так огорчила моя предстоящая встреча с Зоей — не говоря уже о его изначальной неприязни к этой женщине. В сущности, именно она была единственным очевидным следствием плотской связи его матери с ее собственным братом. Но с прояснением каждого нового обстоятельства остальные, похоже, становились все загадочнее.

— Так как же со всем этим связана Пандора? — спросила я Зою.

— Только один человек, — сказала она, — знал, что бывшие когда-то братом и сестрой Иероним и Гермiona стали много лет спустя мужем и женой. Это была девочка, удочеренная Клио в Швейцарии и заменившая ей потерянную дочь. Когда Иероним Бен наконец привез Гермionу в Швейцарию для обещанного воссоединения с ее матерью, Клио подписала документы, передававшие значительную часть ее состояния дочери и приемному сыну, совершенно не догадываясь о законном матримониальном союзе, объединившем эту пару. После их отъезда обнаружилось, что — по примеру своего отца — Иероним присвоил часть древних свитков, которые, по его разумению, были предназначены ему Богом. Те свитки уже принадлежали к тому времени приемной дочери Клио. Довольно трудно было отыскать следы этой парочки, однако в конце концов Пандора — а приемной дочерью, естественно, была она — нашла их.

Конец истории легко вписывался в реальную канву, сплетенную для меня Лафом, Дакианом и прочими заинтересованными лицами: Пандора с помощью Гастла, приятеля Гитлера по средней школе, проникла в венский дом Бенов и подружилась с несчастной затворницей Гермioniой, своей сводной сестрой; Иероним не узнал в красивой молодой женщине того приемного ребенка, которого он лишь мельком видел во время короткого визита к Клио; потом Пандора при помощи шантажа заставила Иеронима разрешить Лафкадио приехать проститься с его матерью, Гермioniой. Однако кое-что все же оставалось непонятным. По рассказу Дакиана, Иероним изнасиловал Пандору, заставив выйти за него замуж, а потом выгнал на улицу, когда она украла у него нечто ценное. Но разве Зоя не сбежала вместе с Пандорой к цыганам? И если разобраться, рассказанная Лафом история не объясняет причин приятельских отношений обеих девушек с Адольфом Гитлером.

— А какое отношение ко всему этому имел Гитлер? — спросила я Зою. — Из всего, что вы рассказали нам, ясно, что Пандора ввязалась в нашу историю из-за манускриптов Клио. Но даже если ваш приятель Везунчик стремился заполучить их, зачем он присоединился к вам на прогулке в Пратере, как говорил мне Лаф, и даже водил вас в Хофбург, чтобы показать меч и копье? Как мог он быть на дружеской ноге с Пандорой и Дакианом, зная, что они — рома?

— Познакомившись в Зальцбурге с Пандорой и Дакианом, Везунчик узнал, что они ищут Иеронима Бена, того самого человека, который двенадцать лет назад приобрел огромную известность в связи с открытиями вероятной истории происхождения блюда Иоанна Крестителя. Сам Везунчик в одиннадцатилетнем возрасте ходил вместе с классом на экскурсию, чтобы посмотреть эту знаменитую находку. Он мечтал завладеть ею, как впоследствии и другими реликвиями.

Перебравшись жить в Вену, он уже многое знал об истории семьи Бен. Конечно, нет никаких доказательств, но я уверена, что мой отец был одним из первых и самых могущественных приверженцев Везунчика. И как ты верно заметила, Везунчик многое знал о происхождении Пандоры. Дакиану пришлось бежать на юг Франции, где благодаря моим собственным особым связям я помогала ему всю войну. Разумеется, Везунчик никогда не распространялся на эту тему, но

во время войны он никому в Вене не позволял трогать Пандору — естественно, зная, что она и Дакиан были рома, — поскольку считал, что она единственная держит в руках ключи от того волшебного ларца, которым он стремился завладеть.

— Что значит «рома»? Что вы имеете в виду? — странным тоном вдруг спросил Вольфганг, сидевший необычайно тихо, слушая последнюю часть ее истории.

— Цыгане, — сказала ему Зоя, а для меня добавила: — Удочеренная Клио девочка, Пандора, была на самом деле юной племянницей Аззи Аскинази, потомка знаменитого цыганского рода, который часто помогал Клио в поисках древних текстов, в том числе тех, что хранились в Кумской пещере. Хотя не существовало каких-либо основательных доказательств, Пандора считала, что Клио беззаветно любила Аззи. Как я сказала Вольфгангу в прошлом году, когда он разыскал меня в венском погребке, торгующем молодым вином, эти мудрейшие и душевные люди тщательно хранят древние знания и традиции. Дакиан очень хотел, чтобы я познакомилась с тобой, он полагает, что ты тоже...

— Минутку, — вновь, еще более решительно, вмешался Вольфганг. — Не хотите же вы сказать, что Пандора и Дакиан Бассаридес, родители Огастуса Бена и предки Ариэль, были цыганами?

Зоя взглянула на него с непонятной улыбкой, загадочно приподняв бровь.

Странно, ведь Вольфганг сам познакомил меня с Дакианом. Потом у меня появилось тревожное чувство, когда я вспомнила, что Дакиан ни разу не упоминал о своих цыганских предках в присутствии Вольфганга и даже предупредил меня, чтобы я тоже не афишировала это. Задним числом, учитывая, как откровенно Дакиан распространялся на другие темы — в музее, рассказывая о мече и копье, и даже в библиотеке, где мы прятали манускрипты Пандоры, — тот факт, что он отослал Вольфганга подальше, пока мы разговаривали на наши семейные темы, вдруг показался мне чрезвычайно значительным. А добавленное Зоей загадочное замечание только усилило его значение: — Твоя мать, Вольфганг, могла бы гордиться таким вопросом.

Вольфганг, очевидно, выдохся не меньше меня за эти пару недель, что мы носились по Европе и России, не говоря уже о явной перегрузке добавочными сведениями. Он провалился в сон после ужина на первом же этапе нашего почти суточного обратного перелета в Айдахо.

Хотя у меня имелась масса тем для обсуждения, я также понимала, что мне самой необходимо многое осмыслить и расставить по местам. Поэтому я заказала стюардессе лишнюю чашку крепкого кофе и попыталась сосредоточиться на обдумывании того, что узнала за последние дни.

Всего лишь месяц назад Зоина версия могла бы звучать совершенно абсурдно: что сам Везунчик, его племянница, его собака, его друзья и их дети были использованы — точно так же, как до этого он «использовал» миллионы цыган, евреев, славян и других людей, — для совершения некоего языческого ритуального жертвоприношения, шаманского «действия» ради наступления новой эры. Но и сам Гитлер, и многие его сторонники верили в этот полнейший бред. В некую волшебную Атлантиду, прародину арийцев на Северном полюсе; в окончательное крушение мира от огня или льда; в могущество священных реликвий и необходимость «очищения» породы для устройства чудесного земного рая. Не стоит забывать также, что Вольфганг намекнул мне о его вере в то, что оружие массового уничтожения изобрели уже в глубокой древности, а в нашем веке лишь повторили это изобретение.

Для тех, кто стремится повернуть вспять колесо истории, чтобы вновь оказаться в мифическом

золотом веке, якобы существовавшем в языческие времена, — именно о такой опасности предупреждал Дакиан Бассаридес, — человеческие жертвоприношения считаются само собой разумеющимися. И как бы ужасно ни выглядели подобные идеи, они не кажутся слишком уж заумными, если рассматривать их в контексте нацистской системы ценностей.

Но несмотря на возможную пользу процессов сортировки и отбраковки, я упиралась в кирпичную стену всякий раз, как возвращалась к непробиваемой теме истинных отношений моих родственников с Адольфом Гитлером и ему подобными. Мне просто не за что было ухватиться. Я вспомнила песенку на стихи Уильяма Блейка:

Я дарю тебе путеводную золотую нить,

В шар ты ее сверни.

Докатится он до Небесных ворот

Иерусалимской стены.

Если бы мне удалось раскрутить обратно шар моей собственной путеводной нити — осознать, с чего, собственно, началась для меня вся эта история, — то я определенно попала бы в отправную точку.

В сущности, я знала, когда вошла в этот лабиринт: той метельной ночью я возвращалась с похорон Сэма и едва не провалилась в снег. Потом, ответив на телефонный звонок, я узнала от моего отца Огастуса, что мое «наследство», возможно, включает нечто совершенно неожиданное для меня, но ужасно ценное: манускрипты Пандоры.

И вдруг, задним числом, мне подумалось, что, возможно, с того самого первого телефонного звонка, постоянно заявляя, что мне хочется узнать правду, я закрывала глаза всякий раз, как эта правда маячила у меня прямо перед глазами. Не зря, видимо, Дакиан Бассаридес подчеркивал, что важно уметь правильно поставить вопрос. И что процесс поиска зачастую бывает важнее результата! Что-то явно связывало воедино два этих, казалось бы, бессвязных замечания, и хотя такие поиски подобны попытке обнаружить недостающий кусочек в куче перепутанных составных частей картинки-загадки, мне придется-таки найти его.

И тогда меня наконец осенило.

Все это время я вытягивала и связывала концы разных нитей, пытаюсь выстроить логические цепочки, а мне следовало рассматривать то, что Сэм называл целостной «тантрой», то есть рассматривать весь этот переплетенный сюжет в целом, ведь тантры, индийские священные тексты, связывают судьбу с жизнью и смертью. Сэм говорил, что нечто подобное существует даже в царстве животных: паучиха не сможет слопать паука, если он выберется из ее паутины тем же путем, что вошел, показав, что знает все хитросплетения узора. Что ж, наконец и я поняла, какую часть картинки раньше упорно не замечала. Но это понимание вызвало у меня жутко неприятное ощущение.

Разумеется, все в моей семейке зачастую рассказывали противоречивые истории, но был один человек, чьи истории сами по себе озадачивали множеством уклончивых и загадочных поворотов и внутренних противоречий. И хотя история или происхождение любого из моих родственников, возможно, резко отличались от того, чему я изначально верила, — и, наверное, даже от того, что каждый из них знал о себе, — среди них имелся один человек, о котором я не знала практически ничего определенного. И видимо, вполне справедливо то, что все с самого начала настраивали меня против него — даже, как я теперь поняла с ужасным прозрением, его родная сестра!

Этот человек сидел сейчас рядом со мной в самолете, его густая шевелюра маячила у моего плеча, и я едва видела точеный профиль его лица. Им был мой коллега, кузен и бывший любовник Вольфганг К. Хаузер из австрийского Кремса. Всего неделю назад мне казалось, что Вольфганга послала мне сама судьба и другого такого нет на всем земном шаре, но жесткий и холодный свет реальности заставил меня признать, что во всех его историях одна ложь погоняла другой, что он постоянно лгал мне, начиная с его загадочного прибытия в Айдахо, пока я была в Сан-Франциско на похоронах Сэма.

Кстати о похоронах... Разве сам Сэм не говорил мне — в противовес утверждениям Вольфганга о нанимателях Оливера и Терона Вейна, — что его фальшивые похороны были устроены с благословения высшего эшелона правительства США? И разве Зоя не намекнула мне, что именно Вольфганг нашел ее в Вене, чтобы выкачать информацию, а не наоборот?

Но горчайшей пилюлей было то, что Вольфгангу удалось стащить манускрипты Пандоры из-под самого моего носа, разведя меня с той же вкрадчивой ловкостью, с какой он обычно ободрял меня и завоевывал мое доверие.

Уже в его похожем на Вальхаллу замке хватало намеков на арийскую озабоченность и на воспитание, полученное от матери, которая сама воспитывалась в нацистском духе. Да вдобавок Вольфганг напрямик спросил Зою: «Не хотите же вы сказать, что предки Ариэль были цыганами?» А что еще она могла хотеть сказать?

Проглоченной мной лжи вполне хватило бы, чтобы убить африканского кабана, а я все еще раздумывала, когда же наконец перестану обманывать сама себя.

Теперь, когда я, к сожалению, полностью осознала, что именно Вольфганг Хаузер является недостающим звеном, связывающим воедино всю эту запутанную, искаженную и хаотичную паутину мифов и интриг, я молилась только о том, чтобы мне удалось, подобно пауку, достаточно осторожно удалиться по своим собственным следам и чтобы мы с Сэмом смогли выпутаться из этой паутины живыми.

УРАН

Я хотела бы на сей раз затронуть величайшее духовное событие, имевшее место... освобождение энергии атома... Я обращаю ваше внимание на слова «освобождение энергии». Именно освобождение является отправной установкой новой эры, и оно остается извечно неизменным для духовно ориентированных соискателей.

Это освобождение запустило процесс высвобождения сущности, неких духовных сил, удерживаемых внутри атома... Ибо сама сущность, великая и мощная инициация сравнима с теми инициациями, что выпускают на свободу человеческие души... Время спасительной силы уже настало.

Цикл Урана начинается, когда эта планета достигает северной точки своей орбиты... Последний наиболее знаменательный гелиоцентрический проход Урана через северную точку орбиты произошел 20 июля 1945 года, спустя четыре дня после первого атомного взрыва в Аламогордо, штат Нью-Мексико, что поистине ознаменовало начало новой эры — светлого или темного будущего... Явления не зависят от нас, мы зависим от явлений.

Важнейшая задача жизни любого человека — открыть тайный замысел его воплощения и следовать ему осмотрительно, но увлеченно... Уран открывается в нас легендарным Священным Копьем. В руках Святого Царя оно творит Храм Грааля в сердце Сада Демонической Магии... Уран есть

египетский урей — змеиный символ власти фараонов, медлительный, однако всегда неожиданный владыка жизни и смерти. Велик труд расшевелить его, но в движении он неотразим... Если вы не направите его силы на созидание, он начнет разрушать.

Не успев еще выработать какой-то реальный план действий, я точно знала одно: что должна найти Сэма. Какой бы ужасной ни представлялась мне наша встреча с рассказом обо всех моих губительных просчетах, не последним из которых был мой флирт с Вольфгангом, подобный играм Нерона во время пожара Рима, но я вдруг с еще большим ужасом осознала, что если по моей милости кто-то узнал, что Сэм жив, то ему сейчас угрожает гораздо большая опасность, чем раньше.

На завершающем этапе путешествия Вольфганг вел себя необычно молчаливо, что меня вполне устраивало. Приземлившись в Айдахо, мы уже договорились о том, что Вольфганг поедет прямо в центр и сообщит успешному вернуться из Вены Поду о нашем благополучном возвращении. А я заскочу домой бросить вещи и тоже приеду на работу. Единственным оружием в моем скудном арсенале было то, что Вольфганг пока не подозревает, что я подозреваю его, поэтому приходилось действовать как можно быстрее.

Насколько я понимала, сейчас — в десять утра — Оливер должен быть уже в конторе, поэтому я спокойно смогу позвонить из дома деду Сэма, Серому Медведю. Хотя моя линия, возможно, по-прежнему прослушивается, я, по крайней мере, смогу таким образом известить Сэма о том, что уже вернулась в город.

Притормозив на шоссе, я увидела машину Оливера на подъездной аллее и еще одну машину — судя по номеру, взятую напрокат — на дороге около наших почтовых ящиков. Поскольку наш дом стоял особняком, можно было не сомневаться, что Оливер принимает гостей. Только этого мне и не хватало! Я съехала на подъездную аллею, чтобы развернуться и попытаться осуществить новый план, когда из задней двери высунулась голова Оливера. Его темная шевелюра была взлохмачена больше обычного, и он как-то диковато глянул в мою сторону. Он начал отчаянно жестикулировать, показывая, что мне лучше как можно скорее зайти в дом. Вопреки моим здравым рассуждениям, я выключила зажигание и вылезла из машины. Не успела я вымолвить ни слова, как подбежавший Оливер крепко взял меня за руку.

— Господи, куда же ты запропала? — прошипел он с почти истеричным выражением. — За две недели ты не ответила ни на одно из моих сообщений! Ты вообще представляешь, что здесь происходит?

— Понятия не имею, — призналась я, начиная испытывать нешуточный страх. Показав на припаркованную на дороге машину, я спросила: — Кто у тебя в гостях?

— У тебя в гостях, моя милая, — сообщил мне Оливер. — Она примчалась из Солт-Лейка и переночевала у меня наверху, где было потеплее. Я только что запустил ее в твои апартаменты за компанию с мелким аргонавтом. Кто же такая эта она?

— И как говорим мы, ковбои, — мрачно добавил Оливер, спускаясь за мной по крутой лестнице на мой цокольный этаж, — я боюсь, что благодаря тебе наш утлый челн попал в чертов водоворот без руля и без ветрил.

В гостиной моих обширных полуподвальных апартаментов меня поджидал большой сюрприз. За дальним концом стола сидела моя новая сводная сестрица, Беттина Брунхильда фон Хаузер, с которой я беседовала всего пару дней назад из телефонной будки венского аэропорта.

Оливер был прав: ее присутствие не могло означать ничего хорошего. Но я не собиралась заранее переживать. Бэмби встала и прошла по комнате навстречу мне. Ее изумительный спортивный костюм имел рыжеватый оттенок итальянского бисквитного печенья *biscotti*, и сама она выглядела в нем так, словно только что окунулась в карамельную ванну. Ясон ластился к ней, презрительно игнорируя меня. Я оставила пальто и сумку в коридоре на настенной вешалке.

— Фрейлейн Бен, то есть Ариэль, — начала Бэмби, быстро поправившись. — Ваш Onkel послал меня к вам, как только понял, какая опасная сложилась ситуация.

Она глянула на Оливера своими глазами с золотистыми крапинками, и он слегка зарумянился.

— Я подозреваю, мне намекают, чтобы я потихоньку испарился, — сказал он.

— А какой смысл? — спросила я его и добавила: — Разве не ты оборудовал всю мою квартирку и телефон подслушивающими устройствами? Ведь для того твой шеф и держал тебя здесь столько времени — чтобы ты шпионил за мной!

— По-моему, тебе лучше рассказать ей все, — посоветовала Бэмби Оливеру, изрядно удивив меня. — Расскажи ей то, что ты рассказал мне вчера вечером. А потом уж я по мере возможности объясню все остальное.

— Наш отдел командировал меня сюда пять лет назад, как только Под взял тебя на работу, — сказал мне Оливер. — Тогда мы еще не знали точно, кто из членов вашей семьи замешан в этом запутанном деле, но много знали о Пасторе Дарте и его сообщниках. Мы уже давно внимательно следили за ними. Нас насторожило, с чего вдруг Дарт взял тебя прямо из университета в свой отдел. Хотя, возможно, одна важная причина у него для этого имелаась: твои близкие и родственные отношения с Сэмом.

Чем дальше в лес, тем больше дров. Значит, теперь еще и Под оказался натуральным злодеем, о чем и свидетельствовало его часто употребляемое прозвище *Prince of Darkness* — Князь Тьмы, а короче, Сатана.

— Неужели Сэм знал, что ты шпионишь за мной? Или ты шпионил и за ним тоже, хотя он часто работал на твоего шефа, Терона Вейна?

— Мы ни за кем не шпионим, — сказал Оливер. — Мы работаем в международном агентстве по линии Интерпола, которое координирует действия правоохранительных органов разных стран по выявлению преступной деятельности, особенно связанной с контрабандой оружия космического века. Мы выяснили, что много людей, вовлеченных в такую деятельность, умудрились пролезть на самые высокие должности в учреждениях, созданных для контроля за ней. Первыми в этом списке стоят организации по борьбе с наркотиками, но подсадные утки есть также в КГБ и даже в самом ЦРУ. Мы опасаемся, что они вскоре начнут продавать «свеженькую продукцию» — включая ядерные материалы — на открытом рынке, так же как сейчас они со скидкой продают своих собственных тайных агентов самым влиятельным перекупщикам!

Такой длинной и такой серьезной речи мне еще не приходилось слышать от Оливера, но он пока не рассеял мои сомнения.

— Если ты не шпионил, то почему прослушивается мой телефон? — спросила я. — Почему вы работаете подпольно? Почему ты хотел вместо меня получить рунический манускрипт?

— Меня послали защищать тебя, как только мы узнали, к чему они стремятся, — сообщил мне Оливер. — Хотя чаще всего мне приходилось защищать тебя от тебя самой.

Напоминает герра Вольфганга, подумала я.

— Увидев этот манускрипт в твоей машине, я сразу понял, что это не те документы, которые твой кузен Сэм описывал нашим сотрудникам. Когда ты решила поработать вечерком, я незаметно следил за тобой, выяснив в итоге, что ты собралась спрятать манускрипт в справочнике министерства обороны — чудесный выбор! Я вытащил его, конечно, и снял копию, чтобы он не пропал безвозвратно. По словам Бэмби, Лафкадио опасается, что другие документы, принадлежавшие твоему кузену, уже попали в руки ее брата.

Я вздохнула с облегчением, узнав, что по крайней мере рунический манускрипт находится теперь не только в кругу моей семьи. И его новый обладатель Оливер, как я уже начала надеяться, был на моей стороне. Но мои стремления добраться до истины привели меня к одному важному выводу — что реальная опасность, заключенная в этих документах, может подстергать нас совсем с другой стороны.

Естественно, я не забыла, что после рассказа о том, как Терона Вейна взорвали вместо него, Сэм всячески предостерегал меня, чтобы я не слишком явно выражала свой интерес к почте или почтовому ящику. Он сказал тогда, что если кто-то узнает, как и где можно заполучить эти манускрипты, то этому человеку будет легче добраться до них, когда один из нас будет мертв. Теперь я поняла: предостережения были связаны не с тем, что посланный мне по почте пакет был единственной существующей версией этих документов, а скорее с тем, что только один Сэм знал, где спрятаны оригиналы наследства Пандоры. И вот сейчас у меня возникло сильное подозрение, что типам, охотящимся за этими документами, не просто нужно узнать их содержание, но необходимо убедиться, что никто больше не знает его. То есть оказавшиеся в руках Пода и Вольфганга документы останутся единственной копией, если Сэм погибнет. Нетрудно представить, как мог дальше разворачиваться сюжет. На сей раз я не стала отворачиваться от очевидного.

— Значит, Под работает на вражеской стороне. Ты предупредил меня в телеграмме, но я получила ее слишком поздно, — сказала я Оливеру. — Вольфганг уже завладел этими манускриптами, хотя ты предупреждал меня и насчет него.

— По-моему, мой брат действительно влюбился в вас, — сказала Бэмби. — Если бы вы встретились с ним раньше, эта любовь могла бы спасти его, заставив пересмотреть свои взгляды.

Вольфганг весьма образованный человек с высокими идеалами, даже если пребывает в печальном заблуждении. Думаю, что он удивился, обнаружив, что способен на такие сильные чувства. Но все равно, сейчас его уже не спасти, не помогут никакие разговоры. Где сейчас мой брат?

— Он поехал в нашу контору прямо из аэропорта, — сообщила я. — Вскоре я собиралась присоединиться к нему.

— Тогда нам нужно действовать немедленно, — сказала Бэмби. — Обнаружив, что Оливера нет на работе, он может поехать сюда. И если, по его мнению, тебе известно, где твой кузен спрятал оригиналы, то ты в ужасной опасности. Нужно остановить моего брата, пока он еще кого-нибудь не убил.

Я в ужасе взглянула на нее, а Оливер мягко положил руку мне на плечо. Господи, о чем она говорит? Но, естественно, я все поняла. Наверное, я давно должна была догадаться.

— Мы были не вполне уверены, — сказал Оливер, обращаясь к Бэмби.

В голове у меня зашумело, словно я на мгновение оглохла. Потом откуда-то издалека до меня

донесся голос Бэмби:

— Нет, я уверена. Мой брат Вольфганг убил Сэмюэля Бена.

Я проводила бурные ночи любви с мужчиной, оказавшимся хладнокровным убийцей. Сжимая меня в объятиях, он думал, что убил Сэма. Мне показалось, что я хлебнула абсента, приправленного опиумом, или даже цикуты, что привела Сократа к блаженному состоянию отрешенности от жизни — хотя такая перспектива была бы сейчас как нельзя более уместна. Где бы найти на земле подобное место?

Оливер, похоже, собирался что-то предложить, когда до нас донесся странный звон. Мы мгновенно переглянулись, даже не осознав еще, что звенит редко используемый звонок на задней входной двери дома. Поскольку главный вход в дом отделялся от дороги крутым спуском к «переднему двору», большинство людей подъезжали к задней двери, игнорируя подъездную аллею.

Мы бросились к высокому ряду окон моей полуподвальной жилой комнаты и выглянули на улицу. Нам была видна лишь дорога, но не тот, кто стоял на переднем крыльце. За малолитражкой Бэмби припарковался здоровенный «лендровер» с номерами нашего штата. На его переднем крыле красовалось изображение стоящего в профиль медведя-гризли. Я улыбнулась. Похоже, наши дела наконец пойдут на лад.

— Ты знаешь, кто это может быть? — спросил Оливер.

— Знаю не только машину, но и самого медведя. Открывай дверь, — велела я ему. — А мы с Бэмби пока отловим Ясона и соберем для всех нас теплые вещи. Возможно, нам придется пожить немного в блаженном уединении.

— Но кто это? — спросил Оливер. — Вряд ли нам стоит сейчас открывать дверь, если только ты не на сто процентов уверена, кто к нам заявился.

— Уверена на все сто, — заверила я. — Это медведь, который тащился сюда из самой Лапуаи — добрых пятьсот миль. Он эmissар моего дорогого покойного кузена Сэма.

Бэмби и Оливера слегка ошеломило появление Серого Медведя. Как большинство индейцев племени «Проколотые носы», длинноногий и широкоплечий Серый Медведь был необыкновенно хорош собой. Природа наградила его выразительными чертами лица, прямым носом и ямочкой на подбородке; в его темных, заплетенных в косы волосах белела тесьма, а такие же, как у Сэма, серебристые глаза под черными бровями сверкали, как магические кристаллы, позволяющие постичь суть времен.

На нем была расшитая бисером куртка с бахромой и брошенный на плечо дорожный плед. Он подошел ко мне и решительно, но мягко завладел моей рукой.

Как я уже говорила, Серый Медведь никогда особенно не жаловал меня, в основном благодаря моей принадлежности к нашей странной семейке. Но его рукопожатие явно показало, что он понимает и ценит то, что я помогала Сэму. Конечно, ни ему, ни Сэму пока неизвестно, как великолепно я успела напортачить. Я представила Серого Медведя моим спутникам.

Серый Медведь, как обычно обойдясь без церемоний, сообщил мне:

— Он беседовал с твоим духом и знает, какое решение ты приняла. Он одобряет. И просит тебя приехать.

Сэм умудрился прочесть мои мысли. Ничего удивительного: Сэму обычно удавалось подключаться ко мне на больших расстояниях. И разве я не чувствовала, что все последние недели он ходит в

психологических мокалинах по моим следам?

— Больше он никого не приглашал, — добавил Серый Медведь, показав на Оливера и Бэмби. — Я должен привезти только тебя.

Я пребывала в легком затруднении. Эта парочка уже готова была рассказать мне правду — ту правду, что, возможно, окажется очень полезной не только для моей безопасности, но и для безопасности Сэма.

— От чьего имени он говорит? — спросил Оливер. — Куда ему нужно увезти тебя и почему он не хочет, чтобы мы поехали вместе с тобой?

Прежде чем я придумала, что ответить, Бэмби разрешила эту проблему, хотя, признаться, я не совсем поняла, почему ей это удалось.

— Я дочь Халле, — сказала она Серому Медведю. — Я приехала из Вены, чтобы рассказать все, что мне известно, о человеке, который был отцом Сэма и отчимом Ариэль, — об Эрнесте Бене.

— А-а, — без всякого выражения протянул Серый Медведь. — Я понял.

Засунув Ясона в рюкзак, я успокаивающе погладила его. Мне не хотелось оставлять кота одного в доме, поскольку я даже не представляла, как долго и где мне придется странствовать. Я закинула его на плечо, рядом с моим обычным рюкзаком с вещами, которые могли нам понадобиться в поездке в горы вместе с Ясоном. Я залезла на переднее сиденье «лендровера», а Бэмби и Оливер уселись сзади. Значит, можно будет, развернувшись, слушать историю Бэмби и одновременно посматривать, нет ли за нами хвоста.

— Ладно, друзья, — сказала я Бэмби и Оливеру, когда мы, выехав из города, направились к северу вдоль хребтов Скалистых гор. — Я не могу сказать вам, куда именно мы едем, потому что сама не знаю. Но я знаю, к кому сейчас везет нас Серый Медведь. Следовательно, могу вас уверить, что мы едем не в пустыню. Скоро мы разрешим все наши сомнения раз и навсегда.

Оливер озадаченно смотрел на меня, потом постепенно в глазах у него загорелся слабый огонек понимания.

— Господи! — воскликнул он. — Неужели ты хочешь сказать, что на самом деле он не умер? Я медленно кивнула. По крайней мере, одно мне все-таки удалось: не разболтать всему свету секретную информацию о том, что Сэм до сих пор пребывает в мире живых. И как только мы распутаем этот клубок, все вскоре наладится.

— Но если Сэм жив, то кого же убил Вольфганг? — спросила Бэмби, явно превзойдя тот порог сообразительности, что я определила для нее в нашу первую встречу.

Я огорченно глянула на Оливера.

— О нет, — сказал Оливер, вдруг догадавшись, в чем дело. — Весь прошлый месяц я чувствовал, что произошло нечто ужасное. Работая на задании, мы редко разговаривали с ним, но я знал, что Терон Вейн поехал в Сан-Франциско на той неделе, когда убили твоего кузена. И я удивился, не получив от него никаких известий о жестоком убийстве человека, сотрудничавшего с нами в деле, которым я занимаюсь уже пять лет. Я даже хотел сам связаться с Тероном, но подумал, что, возможно, у него есть серьезные причины пока залечь на дно. — Он мрачно усмехнулся. — Теперь ясно, что предчувствия меня не обманули.

Наша машина петляла, поднимаясь по горным дорогам среди густых сосновых лесов и переезжая по пути быстрые темные реки, а я приглядывалась к мелькавшим за деревьями отвесным пенным

водопадам, вдыхала сосновый аромат и слушала историю Бэмби. Когда она закончила ее, последние кусочки картинки-загадки, которые я так долго и так уклончиво искала, наконец встали на свои места.

— Моя мать Халле воспитывалась в семье ее отца, Хиллманна фон Хаузера, — сказала она. — Как ты понимаешь, у нас с Вольфгангом фамилия нашего дедушки.

— Из телефонного разговора с Джерси, моей матерью, я поняла, что у вас с Вольфгангом разные отцы, — сказала я, не желая на самом деле открывать историю не вполне законного происхождения Бэмби по вине моего грешного отца, Огастуса. Но именно тут меня подстерегала очередная неожиданность.

— Да, отцы у нас разные, но в пределах одной семьи, — сообщила мне Бэмби. — Отцом Вольфганга, законным мужем моей матери Халле, был Эрнест Бен.

Меня уже трудно было потрясти подобными семейными откровениями. Но в свете сказанного раньше о причастности Вольфганга к убийству Сэма сведения о том, что у Сэма и Вольфганга был один отец, Эрнест, приобретали особую весомость. То есть они сводные братья, так же как мы с Бэмби — сестры благодаря моему отцу Огастусу. Я глянула на Серого Медведя, и он, заметив это боковым зрением, утвердительно кивнул, не отрывая взгляда от дороги.

— Верно, я знал это, — сказал он. — Я знал Эрнеста Бена много лет. Эрнест был красив и богат. Он приехал на северо-запад Айдахо задолго до войны, чтобы приобрести права на землю, пятьдесят тысяч акров к северу от Лапуаи, гористую местность, богатую полезными ископаемыми, — отхватил себе для разработки изрядный кус у Матери-Земли. А уж война, известное дело, сделала его еще богаче. После войны, лет в сорок, Эрнест вернулся в Европу и женился на молодой женщине, Халле. Какое-то время он пожил в Европе. У них родился сын Вольфганг. А потом он вдруг вернулся сюда в Айдахо, в свои северные владения, но вернулся один, без той женщины и без ребенка. Сказал, что они умерли. Он знал мою дочь, Ясное Облако, с детства и попросил у меня разрешения взять ее в жены. Она очень привязалась к нему, но это было... не в наших обычаях. Эрнест Бен был белый чужак. Кто знал, захочет ли он жить по нашим обычаям? Он ведь мог опять уехать в другую страну и никогда не вернуться. Когда я спросил его, любит ли он мою дочь, Эрнест Бен сказал, что, по его мнению, он вообще не способен на любовь. Честно говоря, его ответа мы так и не поняли.

Признаться в такой вещи — все равно что сказать, что ты уже умер. Однако он обещал заботиться о моей дочери и оставить нам на воспитание детей, если таковые появятся. Вторую часть обещания он не выполнил. Когда Ясное Облако умерла, отец Сэма забрал его из нашей резервации. Потом он женился на твоей матери, Джерси, и мы испугались, что навсегда потеряли Сэма.

Серый Медведь рассказывал все это без горечи, хотя вид у него был какой-то отрешенный. Потом он добавил:

— Эрнест Бен сказал еще одну странную вещь, как раз перед женитьбой на моей дочери. Он сказал: «Я молю Бога, чтобы этот союз очистил меня от грязи». Он так и не объяснил, что имел в виду, и никогда не пытался зайти в нашу парильню для очищения.

Что-то из сказанного им продолжало тревожить меня.

— По твоим словам, Эрнест Бен приобрел земли в Америке до начала Второй мировой войны, — сказала я. — А когда именно?

— В тысяча девятьсот двадцать третьем году, — сказал Серый Медведь.

Такое известие, бесспорно, имело значение... хотя после несложного подсчета оно потеряло смысл. — Но Эрнест родился в тысяча девятьсот первом году, — сказала я. — К этому времени ему было всего двадцать два года. Разве мог его отец доверить такому молодому человеку покупку и управление обширными землями в чужой стране...

Оливер и Бэмби смотрели на меня несчастными глазами.

— О боже, — сказала я.

Значит, вот что это была за «грязь», о которой моя семейка по вполне понятным причинам предпочитала молчать, — как будто двоеженства, похищения детей, кровосмешения, фашизма и убийства было еще недостаточно. К концу нашей двухчасовой поездки по склонам хребта Биттеррут в Скалистых горах, обогатившись сведениями Серого Медведя и Бэмби, я увязала концы очередных разорванных нитей. И поняла, что мне следовало бы принести извинения обоим моим бабушкам, особенно Зое.

Мюнхенский путч Гитлера произошел 9 ноября 1923 года. В это время война еще даже не маячила на горизонте, но Иероним Бен знал, что война будет обязательно. И он также знал, на чью сторону встанет. Он послал Эрнеста в Америку — приобрести земли и права на разработку полезных ископаемых. Через десять лет, когда Гитлер стал канцлером Германии, Иероним послал вслед за первым своего второго, уже достигшего совершеннолетия сына: моего отца, Огастуса. Эти два молодых парня ползали, как кроты, по горам и пещерам Нового Света, запасая ценное сырье, а в мире меж тем назревала очередная война.

Мой отец обрабатывал восток, Пенсильванию. А Эрнест перепахивал запад, Айдахо. И лишь один птенец вывалился из этого дурдома. Им была Зоя.

Зоя предпочла сбежать от своего родителя с цыганами, но, когда она достаточно подросла, Иероним Бен пожелал облагородить кровь своих потомков, используя для этого свою дочь, его единственную кровную наследницу. Именно он подослал к дочери своего сослуживца и приятеля Хиллманна фон Хаузера, чтобы тот соблазнил ее в Париже. Как бы сама Зоя ни относилась к этому роману, соблазнитель забрал ее дочь Халле и отдал на воспитание своей почтенной, но бесплодной арийской жене. Зоя вышла замуж за беспутного ирландца и родила второго ребенка — Джерси, мою мать.

Мало того что Иероним Бен, по существу, украл моего отца Огастуса у Пандоры, он присвоил себе и двух сыновей своей сестры-жены Гермiony, зачатых Кристианом Александером: Лафа в качестве приемного сына и Эрнеста, в чьем свидетельстве о рождении Иероним Бен числился законным отцом. Таким образом, две Зоины дочери, Джерси и ее сестра Халле, были единственными кровными внуками Иеронима. В свете всего этого становилось очевидным, почему Иероним замыслил переженить их со своими благоприобретенными «сыновьями»: Халле — с Эрнестом, а Джерси — с Огастусом. Он провернул это ловкое дельце ради того, чтобы любые будущие восприемники его богатства и могущества были гарантированно связаны с ним кровными узами через Зою.

Огромной ложкой дегтя в этой бочке меда было, разумеется, то, что он ошибся в подборе пар. Мой стремящийся к власти и славе отец Огастус составил бы отличную пару с Халле, красивой блондинкой, которой было дано самое распрекрасное арийское воспитание, какое только могли пожелать ее нацистские родственнички. Плодом их незаконной любовной связи стала Бэмби. А

Эрнест и моя мать, Джерси, соединившиеся под конец жизни, были счастливы настолько, насколько могут быть счастливы два использованных в корыстных целях и душевно травмированных человека. Таким образом, говоря о несмываемой грязи, Эрнест имел в виду то, что он окончательно осознал лишь после женитьбы на Халле фон Хаузер. Не только то, что папочка новоявленной супруги занимался поставкой оружия (чем дочь его очень гордилась), но и то, куда переправлял его собственный «нейтральный» голландский отец Иероним Бен всю ту руду, что Эрнест старательно добывал долгие годы.

Медленно и мучительно Эрнест начал распутывать семейное прошлое, в основном покрытое мраком. Ему сильно поплохело, когда выяснилось, что он, Огастус и Иероним нажили свои огромные состояния на людских страданиях, причем Иероним полностью осознавал, что он делает. Но когда Эрнест понял, что был слепым орудием в руках человека, которого считал своим отцом, — человека, одержимого идеями не только выведения высшей расы, но и мирового господства, — жить с таким знанием Эрнесту стало почти невыносимо.

Нарожавшая дочерей Зоя, в свою очередь, приехала в оккупированную Францию, чтобы попытаться убедить ее бывшего соблазнителя позволить ей увезти Халле из захваченной фашистами страны, и оказалась там в ловушке, как Пандора и Лаф — в Вене. С какой грустной иронией, должно быть, смотрела Зоя на моего великолепного арийского соблазнителя, когда, сидя напротив меня в парижском ресторане, излагала мне собственную версию ее жизни между двумя войнами.

Но истинная ирония для всех моих родственников заключалась в том, что их связи с Иеронимом Беном, Хиллманном фон Хаузером и Адольфом Гитлером — согласно рассказу Бэмби — не только помогли им самим выжить, но и позволили им без вреда для себя защитить или спасти от смерти сотни людей. Включая и мужа Пандоры, Дакиана Бассаридеса, с помощью Зои постоянно переправлявшего цыганских беженцев через южную границу Франции.

— А Вольфгангу известна вся эта история? Ну хотя бы то, что Сэм приходится ему братом? — спросила я Бэмби.

Она немного помолчала, серьезно глядя на меня своими зелеными глазами с золотистыми крапинками.

— Я не уверена, — наконец сказала она. — Но я знаю, что моя мать имела на него очень большое влияние — в основном именно поэтому Лафкадио начал презирать его, хотя он неохотно говорит на эту тему. Я постепенно вытянула часть этой истории у Лафкадио, а ему, должно быть, рассказал ее Эрнест, приехавший много лет назад в Вену повидаться с Пандорой. Видимо, Пандора с самого начала знала всю подноготную.

Еще бы!

Мне вспомнилось, что сказал Вольфганг, глядя на Дунай, бегущий за стенами его средневековой башни, когда мы с ним стояли под ее стеклянным куполом в ту самую ночь: «Отец как-то раз взял меня посмотреть на нее. Я помню, как она пела „Das himmlische Leben“ Малера. А потом отец повел меня за кулисы, и я подарил ей маленький цветок, а она взглянула на меня такими глазами... твоими глазами».

— Взяв в жены мою дочь, — продолжил Серый Медведь, — Эрнест Бен дважды ездил в Европу. Когда Сэму исполнилось три года, Эрнест отправился поговорить с Пандорой, матерью его брата Огастуса, о важном семейном деле. А потом, вскоре после смерти Ясного Облака, ездил на похороны

Пандоры и на этот раз взял Сэма с собой. Пандора завещала ему что-то, что он должен был получить лично, объяснил мне Эрнест. Вернувшись в Айдахо, он навсегда покинул нашу резервацию.

У меня остался только один вопрос. И к счастью, я уже так привыкла к ошеломляющим ответам, что даже почти не вздрагивала.

— А как получилось, что после смерти твоей матери ты переехала жить к Лафкадио? — спросила я Бэмби. — Разве к тому времени ты его уже хорошо знала?

— Моя мать вовсе не умерла. Она здравствует и по сей день, если не ошибаюсь... ведь я не видела ее десять лет, с тех пор, как ушла из дома, — прищутив глаза, сообщила Бэмби. — Но по-моему, ты уже давно должна была понять, что именно ее тень маячит за всем этим делом!

Если мать Бэмби, Халле фон Хаузер, «тенью маячила за всем этим делом» и если она и вправду была настолько ужасна, что ее муж сбежал и женился на Ясном Облаке и даже ее дочь Бэмби ушла из дома в пятнадцать лет, перебравшись к Лафу, то справедливо было предположить, что именно Вольфганг поддерживал связь с этой темной ветвью нашей семьи.

— Но какова же роль Огастуса? — спросила я Оливера, надеясь, что он знает.

— Твой отец один из первых в нашем списке, — проинформировал меня он. — Очевидно, его рыцарский роман с матерью Бэмби длился много лет, и хотя сейчас каждый из них уже обзавелся новым законным партнером, между ними, видимо, сохранилось отличное взаимопонимание. Лет десять назад твой отец помог Халле фон Хаузер хорошо устроиться в Вашингтоне, благодаря чему на данный момент она уже приобрела большое политическое влияние как в Америке, так и за границей. На самом деле, распутывая связи этой парочки, надо держать ухо востро. Заседая в составе правления нескольких музеев и серьезной газеты, Халле является известной в столичном обществе акулой...

Святое дерьмо!

— А та газета, часом, не «Вашингтон пост»? — вмешалась я. — И фамилия нового муженька Халле, часом, не Вурхер-Лебланк?

От такого сочетания несло явным голландско-бельгийским душком, доносившимся из того самого места, где находился гиммлеровский *nouveau paradis*, то бишь новый парадиз, как говорят в тех краях.

Оливер улыбнулся.

— Ты, несомненно, хорошо поработала на досуге.

Естественно, она предпочла слегка подкорректировать свое имя, назвавшись Хеленой на тот случай, если вдруг в чьей-то памяти всплывет особа с редким и запоминающимся именем Халле. Мне также вспомнилось, с каким интересом на том ужине в Сан-Франциско мой отец и его последняя жена Грейс пытались выяснить, что именно мне известно о моем наследстве. Они даже устроили пресс-конференцию с целью выпытать дополнительные сведения у душеприказчика, а также получить хороший предлог для дальнейших разведывательных звонков мне домой — в надежде на более ощутимые успехи — относительно содержания и местонахождения манускрипта, находившегося в распоряжении Сэма. Позвонившая мне позднее миссис Вурхер-Лебланк из «Вашингтон пост» не сказала, что она репортер, а заявила только, что хотела бы приобрести мои бумаги. Сейчас я уже почти не сомневалась, что в роли этой покупательницы выступала именно мать Вольфганга и Бэмби, Халле фон Хаузер.

Знала ли Джерси о том, что ее сестра жива, или о том, что она и мой отец, закончив плотские игры, слились в экстазе на духовном поприще? Она пока не говорила мне об этом, но вскоре слова Серого Медведя прояснили ситуацию.

— Естественно, у меня возникли серьезные подозрения насчет такой внезапной, необъяснимой смерти первой жены и сына Эрнеста, — заметил он мне. — Но у меня не было никаких доказательств того, что они живы, вплоть до недавнего расследования, проведенного Сэмом в Юте. По мнению Сэма, твоя мать и Эрнест пришли к выводу, что лучшей защитой их детей от прошлого будет полное неведение.

Я собиралась уточнить кой-какие детали, когда Серый Медведь резко сбавил скорость «лендровера» и свернул с трассы. Лесная дорожка, густо усыпанная покрывалом из сосновых иголок, источала сильный хвойный запах. Бэмби, Оливер и я, погрузившись в молчаливое спокойствие, смотрели, как осторожно Серый Медведь маневрирует на своем крупногабаритном джипе по узким дорожкам между плотными рядами сосновых лап, сплетенных наподобие гобелена. После бесконечного кружения по лесу дорога наконец плавно пошла в гору, и мы направились напрямик к вершине. Когда подъем стал слишком крутым, Серый Медведь затормозил около узкой расселины и выключил мотор. Он повернулся ко мне.

— Я отведу вас дальше к реке, а там нас встретит мой внук, — сказал он. — Однако он ждет, что я приведу только тебя, поэтому не лучше ли твоим попутчикам остаться пока здесь, у машины?

Я вопросительно глянула на Оливера и Бэмби, ожидая их реакции.

— Я предпочла бы пойти с вами, — возразила Бэмби. — И помочь всем, чем смогу. Я считаю себя ответственной за многие неприятности, произошедшие у тебя и твоего кузена... нашего кузена, — поправила она. — Возможно, их удалось бы избежать, если бы я рассказала тебе все, как только узнала, что ты познакомилась с моим братцем.

— Что ж, это решает все, — заявил Оливер, прикрывая свой квебекский акцент тягучим западным произношением. — Никакой уважающий себя ковбой не пустит пару таких телок, как вы, бегать по горам без присмотра.

Но он разинул рот, когда Бэмби вытащила из кармана маленький браунинг и крутанула его с профессиональной сноровкой, какой позавидовала бы и знаменитая снайперша Анни Оукли из шоу Буффало Билла. Оливер обычно говорил, что ищет ковбойскую девушку своей мечты, но сейчас он испуганно поднял руки.

— Ради всего святого, — воскликнул он, — убери эту игрушку подальше, пока никого не задела! Зачем ты вообще ее взяла?

— Моего деда Гиллмана назначили инструктором в Baller-mann Gewehrschiessen — это что-то вроде стрелкового клуба — в Центральной Германии. Все в нашей семье непременно должны были научиться стрелять, — поведала Бэмби Оливеру. — Я прилично освоила вальтер, люгер, маузер и все модели браунингов, и у меня есть разрешение на ношение оружия для самозащиты.

Правильно. Никогда не знаешь, кто может вечером подстеречь молодую золотоволосую виолончелистку. Особенно из такой семейки, как наша.

— Пусть захватит его с собой, — сказала я Оливеру. — На всякий случай.

Мы поднимались за Серым Медведем по длинному скалистому ущелью. По мере приближения к вершине идти становилось все труднее, когда среди россыпи мелких камней начали попадаться

внушительные обломки скал, скользившие под ногами. Мне определенно не хотелось попасть в очередную лавину. К тому же от камнепада не убежишь на лыжах.

Мы поднялись на горный хребет, возвышавшийся футов на двести над густым ковром лесной долины, прорезанной широкой блестящей лентой реки. Глянув на этот пейзаж, я мгновенно поняла, где мы находимся: у горных водопадов, в любимом месте Сэма.

Река здесь была широкой, и вода обрушивалась вниз сплошным блестящим потоком, поблескивающим на солнце, как волосы Бэмби. Лишь водная пыль, клубившаяся у основания водопада, давала хоть какое-то представление о том, что именно эти бурные падающие воды прорыли само ущелье, раздробив древние скалистые твердыни до состояния мелкого гравия. В детстве я приезжала сюда как-то раз с Сэмом. То была моя последняя загородная прогулка перед отъездом в школу, и он хотел показать мне одно местечко.

«Вот мое тайное убежище, Умница, — рассказал он мне тогда. — Я обнаружил его, когда впервые отправился один на рыбалку, еще совсем мальчишкой. Никто не заглядывал туда, наверное, много тысяч лет».

Держась за руки, мы перешли вброд реку над водопадом и немного спустились вниз по крутому скалистому склону. В скале обнаружилась узкая трещина. Почти не заметная со стороны, она находилась так близко к водопаду, что края ее поросли скользким зеленым мхом от постоянных брызг. Сэм взял меня за руку и, проскользнув боком в эту щель, протащил меня за собой.

Мы оказались в большой пещере, сразу за сплошной стеной ревущего водного потока. В глубине, через несколько метров, царил уже полная темнота. Сэм достал фонарик и включил его.

Я была совершенно потрясена. Своды и потолок пещеры выглядели как сказочная хрустальная страна, сияющая всеми цветами радуги. Множество настоящих радуг сверкало и отражалось в мириадах призматических кристаллов, хаотично покрывавших пещерные своды.

«Если когда-нибудь мне или тебе захочется спрятаться или припрятать какую-то ценную вещь, — сказал мне Сэм в той бездыханной тишине, отделенной большим провалом пустоты от ревущего водопада, — то лучшего места, чем эта пещера, просто не придумаешь».

И вот сейчас я в компании с Серым Медведем, Оливером и Бэмби стояла на горной вершине, издали поглядывая на водопад. У меня уже не оставалось никаких сомнений по поводу того, куда именно мы направляемся. И я точно знала, что спрятано в тайной пещере.

За полчаса, пробираясь по скалистым тропам, затененным деревьями и густым подлеском, мы дошли до реки. Когда мы оказались на относительно ровном участке берега над водопадом, я сообщила моим спутникам, перекрывая шум воды:

— Здесь придется перейти реку вброд. Нам нужно попасть на другую сторону водопада. На много миль вокруг нет более мелкого места для безопасной переправы.

— Боюсь, для меня лично здесь вообще нет безопасного места, — сказал Оливер, глянув на меня широко раскрытыми черными глазами. — Мне вовсе не улыбается признаваться в этом в такой час, но я так и не научился плавать!

— Тогда тебе не стоит рисковать, — согласилась я. — Хотя вода здесь едва доходит до колен, но перед водопадом течение жутко бурное и быстрое. Лучше подожди здесь, пока мы сходим и найдем Сэма.

Серый Медведь, уже далеко не юноша, тоже предпочел подождать на этом берегу с Оливером. Когда

мы с Бэмби сняли обувь и закатали брюки, собираясь лезть в воду, я поставила свой рюкзак рядом с Оливером. И с удивлением увидела торчавшую из него морду Ясона — батюшки, я же совершенно забыла о нем! Его горящий взгляд устремился на манящую речную гладь, а уши возбужденно подергивались при виде такого огромного плавательного бассейна.

— О нет, нет, нельзя, — строго сказала я ему и, запихнув поглубже в рюкзак, поручила заботам Оливера. — Только уносимых водопадом котов нам сейчас и не хватает. Оливер остается за старшего. — Я погрозила коту пальцем и добавила: — Больше не получишь никакой копченой рыбки от твоего домовладельца, если будешь плохо себя вести до моего возвращения.

Когда мы с Бэмби, взявшись за руки, вошли в реку, я слегка запаниковала. Вода оказалась значительно холоднее, а течение — сильнее, чем мне помнилось по прошлому переходу. Я тут же поняла, в чем дело. Мы с Сэмом были здесь в конце лета — в самое жаркое время года, и тогда стояла такая сушь, что даже объявили об угрозе распространения пожаров в лесах. А сейчас, в начале весны, уровень воды в реках максимально высок и течение соответственно максимально быстрое. Его напор был таким сильным, что ноги сразу заскользили по галечному дну. Попробуйся я приподнять одну ногу — и меня вполне может утащить к водопаду. Причем вода доходила нам всего лишь до середины икры, а что же будет на середине реки, где она наверняка поднимется выше колен?

В шуме ревущей водной стихии я уже собралась крикнуть Бэмби, что нам лучше, пока не поздно, вернуться на берег к Оливеру, но в тот же самый момент краем глаза уловила какое-то движение футок в пятидесяти, на другом берегу реки. Внимательно посмотрев в ту сторону, я увидела стройную высокую фигуру Сэма, темнеющую на фоне залитого солнечным светом неба. Он жестом велел нам стоять, где стоим, скинул мокасины и вошел в реку. Когда он приблизился к нам с Бэмби, я заметила, что от его талии тянется веревка, видимо закрепленная где-то на его берегу. Дойдя до нас, он схватил меня за плечи и крикнул:

— Слава богу! Подождите здесь, я быстро закреплю веревку на том берегу и помогу вам переправиться.

Когда Серый Медведь привязал второй конец веревки к дереву, Сэм, Бэмби и я, держась за нее, направились к противоположному берегу реки. Мы благополучно достигли его, но я почувствовала себя совершенно выдохшейся от напряжения и внимания, которые требовались, чтобы сохранить равновесие, даже держась за веревку, хотя вода поднималась ненамного выше колена. Состояние Бэмби было примерно таким же.

Сэм первым вылез на каменистый берег и по очереди помог выбраться нам. Потом молча — все равно из-за шума ревущего потока сейчас не было бы слышно даже крика — Сэм спустился на скальный выступ за водопадом и протянул руки к Бэмби. Он снизу обхватил ее за талию, а я пыталась с сомнительной надежностью поддерживать ее сверху. И вот тут внезапно произошло нечто ужасное.

Сэм стоял босиком в водной пыли на узком выступе, практически вплотную к Бэмби, его длинные темные волосы развевались в тумане брызг, смешиваясь с ее золотистыми прядями. Когда он взглянул на нее, все еще держа руки на ее талии, и его серебристые глаза улыбнулись ее золотистым, меня вдруг пронзила острейшая боль.

Господи, что со мной происходит? Вряд ли сейчас уместно терзать душу когтями безобразного

зеленого дракона ревности. Да и с чего мне испытывать подобные чувства? Мне, едва не погубившей всех и пренебрегавшей любыми мольбами о благоразумии? Более того, я же понимаю, что Сэм никогда, никогда — ни разу, ни словом ни делом — не показал, что его отношение ко мне выходит за рамки братской любви. Так почему же я не могу быть достаточно объективной и заботливой, чтобы поддержать его теперь с той же братской любовью и доверием, с какими он поддержал меня, когда я рассказала ему о своих чувствах к Вольфгангу Хаузеру? Но, боже, я просто не в силах была сделать это. Я смотрела на них, и мне казалось, словно кто-то всадил мне нож в самое сердце и провернул его. Однако, учитывая сложившуюся ситуацию, сейчас явно не стоило терять рассудок.

Все эти мысли пронеслись у меня в голове за те несколько мгновений — хотя мне они показались часами, — что Сэм и Бэмби стояли, сцепившись взглядами и явно забыв обо всем на свете. Но вот Сэм направил Бэмби в пещеру и протянул руки ко мне.

Поставив меня на выступ, Сэм, перекрывая шум воды, спросил меня на ухо:

— Кто это?

Я также крикнула ему в ухо:

— Моя сестра!

Он слегка отстранил меня, недоверчиво покачал головой и рассмеялся, хотя до меня не донеслось ни звука. Направив и меня к щели, он быстро прошел следом.

Фонарик Сэма освещал нам путь в блестящем лабиринте, вырезанном за миллионы лет в твердой скальной породе и украшенном пропитывающими ее водами. Мы довольно далеко углубились в пещеру и наконец остановились в зале, где можно было спокойно говорить, слыша лишь отдаленный шум водопада. Я представила Сэма Бэмби.

— Ладно, девушки. — Голос Сэма, блуждая между сталагмитами, гулко отдавался от сводов хрустального зала. — Мне хотелось бы сейчас молча наслаждаться редкостной красотой, посетившей ради меня эти дикие края. Но боюсь, пока у нас слишком много более важных дел.

— И нам с Беттиной надо сообщить тебе кучу всяких новостей, да, кстати, и Оливеру тоже. — сказала я Сэму. — Наверное, опасно пока перевозить куда-то наследство Пандоры — я догадываюсь, что оно где-то здесь. Сначала выслушай, что мы тебе расскажем. Кроме того, лучшее место для тайника трудно придумать.

— Я вовсе не собирался прятать его, — сказал Сэм. — На мой взгляд, эти манускрипты и так уже слишком давно прячут. «Честность — лучшая политика», — это твой девиз, Умница, ты ему меня научила. — Он улыбнулся Бэмби и добавил: — Ты знаешь, что тотем твоей сестры — горный лев? Интересно, каким бы мог оказаться твой тотем?

Бэмби улыбнулась в ответ, а у меня зачесались руки... возможно, просто от пещерной сырости или холода.

— Если ты не собирался прятать их, то что бы тебе хотелось с ними сделать? — спросила я Сэма, едва шевеля онемевшими губами. — Весь мир, похоже, только и делает, что гоняется за этими злосчастными Пандориными манускриптами.

— У моего деда возникла потрясающая идея. Он еще не поделился с вами? — сказал Сэм. — На его взгляд, самое время сейчас индейскому народу сделать что-то полезное для наших резерваций, в том числе с достойной щедростью отблагодарить Землю-Матушку.

Поскольку мы с Бэмби промолчали, Сэм продолжил:

— Серый Медведь полагает, что пора открыть первое электронное издательство коренных американцев!

Манускрипты, уложенные Сэмом в светонепроницаемые и герметичные тубусы, находились в глубине пещеры. Если не знать, что искать, то в тусклом свете фонаря их вполне можно было принять за очередную группу поднимающихся с пола сталагмитов.

Когда мы встречались с ним утром на Овечьем лугу в Солнечной долине, Сэм говорил мне, что старательно скопировал на бумагу перешедшую ему от отца Пандорину коллекцию, тексты которой были написаны на пергаментных, на тонких деревянных дощечках и на медных скрижалях. Также он говорил, что запечатал их в герметичные контейнеры и спрятал в таком месте, где — на его взгляд — их никогда не найдут. Свою простую бумажную копию, причем единственную, Сэм взял из банка в Сан-Франциско сразу после убийства Терона Вейна и отослал мне по почте. А я провезла ее через полмира и старательно разложила по книгам австрийской государственной библиотеки. Но теперь эти документы — по словам Вольфганга — находились в руках отца Вергилия и Пода.

Идея Серого Медведя заключалась в том, чтобы собрать воедино все древние манускрипты, запечатанные в контейнерах в этой пещере, еще раз скопировать их и перевести на английский язык — уже вместе с руническим манускриптом неизвестного происхождения, полученным мной от Джерси. А затем — начать публиковать их один за другим в компьютерной сети, для назидания и просвещения широких масс человечества.

После публикации, полагал Серый Медведь, нам следует распределить оригиналы древних документов — тонкие металлические пластины и пергаментные свитки — по разным индейским музеям и библиотекам Америки, предоставив им необходимые средства для надлежащего хранения и обращения.

В отличие от знаменитых древних свитков Мертвого моря, уже сорок лет тщательно скрываемых несколькими тоталитарными торговцами историческими ценностями, замечательная экзотическая коллекция Пандоры и Клио будет доступна для изучения и анализа научным специалистам любых областей знаний. Если мы переведем их сами, то, по крайней мере, будем уверены, что никто ничего не утаил. А если обнаружим в них нечто опасное — к примеру, если есть на Земле какие-то особо опасные, священные или уязвимые места, как намекал Вольфганг, рассказывая об изобретениях Теслы, — то мы можем обнародовать и такую информацию, чтобы можно было предпринять соответствующие защитные меры.

Мы трое организовали цепочку для перемещения фирменных герметичных тубусов: Бэмби вытаскивала их из пещеры, Сэм формировал из них три большие связки, надежно обвязанные бечевками, а я ждала на верхнем краю скалы. Потом Сэм поднял все связки, и я вытянула их за крепкую веревку наверх и уложила рядом, ожидая, пока мои родственнички тоже вылезут наверх. Хотя по отдельности тубусы были легкими, как перышки, в совокупности они оказались довольно увесистыми; по моим прикидкам, наши с Бэмби связки весили фунтов по двадцать, а Сэму досталась самая тяжелая. Кроме того, несмотря на надежные крышки тубусов, Сэм опасался, что при попадании внутрь малейшей сырости ценное содержание некоторых хрупких раритетов может оказаться потерянным безвозвратно.

Поэтому мы взгромодили связки на спины, и хотя они доходили нам до пояса, но все-таки были еще высоко над водой. Вдобавок Сэм закрепил их каким-то хитрым альпинистским способом, чтобы

можно было быстро сбросить их при случайном падении в воду. Но мы надеялись, что при всей громоздкости нашей поклажи ее вес обеспечит нам более надежный контакт с дном для преодоления натиска речного потока.

Перед началом переправы я заметила, что на другом берегу нас ждет Серый Медведь вместе с Оливером, который со странным напряжением держал рюкзак с Ясоном. Потом я осторожно спустилась в ледяную воду, и мы, вцепившись в веревку, гуськом пошли к другому берегу: натяжение веревки поддерживал Сэм, возглавлявший процессию, Бэмби семенила в середине, а я замыкала шествие. Мне пришлось собрать воедино все умственные и физические возможности, заставляя себя удерживать равновесие, переставлять ноги и как можно надежнее внедрять их в каменистое русло. Из-за такой всепоглощающей сосредоточенности я, видимо, последняя осознала, что нас поджидает нечто ужасное. Сэм замер на середине реки.

На другом берегу из леса появились два человека, которых я меньше всего хотела бы здесь видеть: мой шеф Пастор Оуэн Дарт и герр профессор из австрийского Кремса Вольфганг К. Хаузер. Вольфганг держал пистолет у горла Оливера. В нескольких ярдах от него был крепко привязан к дереву Серый Медведь.

Как они нашли нас в этой глуши? Потом я осознала, что, пока Серый Медведь находился в доме Оливера, никто не присматривал за нашими машинами. За это короткое время в них вполне могли поставить «маячки» для отслеживания наших передвижений. Видимо, Вольфганг осознал необходимость этого, гоняясь за мной на машине по туманным горным дорогам.

Даже издалека я видела, как яркие бирюзовые глаза Вольфганга неотрывно смотрят на нашу троицу: сначала его взгляд скользнул по Бэмби и мне, а потом, полыхнув огнем, впился в Сэма, словно он не мог поверить тому, что увидел.

Мне захотелось плакать. Однако еще больше мне хотелось остаться в живых, хотя перспектив для осуществления такого желания в данный момент было не слишком много. Я вдруг заметила, что в руке Пода блеснул охотничий нож. Похоже, он собирался перерезать закрепленную на дереве толстую веревку, которая давала нам дополнительную опору в опасной переправе. Я похолодела от страха. Но потом заметила, что Вольфганг, отрицательно качая головой, что-то сказал Поду, и тот, согласно кивнув и глянув в нашу сторону, убрал свой чертов нож от жизненно необходимой веревки. Мы с Бэмби и Сэмом стояли посреди реки, как три ледяные статуи, и я лишь надеялась, что за несколько последних часов Вольфганг, возможно, изменил свои убеждения, проделав некую радикальную операцию над собственной личностью. В конце концов, попыталась я рассуждать здраво, если их команда, завладев единственными сделанными Сэмом копиями, задалась целью уничтожить все следы оригиналов этих документов, то тогда непонятно, по какой причине Под так и не перерезал веревку, чтобы мы, увлеченные в водопад стремительным потоком, стали кормом для рыб.

Но конечно, причина у них имелаась, хотя я поняла ее далеко не сразу. Если мы упадем прямо сейчас, то с нами отправятся в воду и Пандорины манускрипты — но им ничего не сделается, они просто уплывут! Множество древних посланий в современных сосудах пронесутся сотни миль по рекам Салмон, Снейк и Колумбия и начнут странствия по морским просторам. И тогда уже совершенно неизвестно, кто сможет найти или уничтожить их в таком свободном плавании. То есть необходимо было сначала завладеть сосудами, а потом уже покончить с их переносчиками.

Именно тогда Сэм сделал нам с Бэмби знак подойти поближе к нему. Когда мы сдвинули ряды, Сэм вдруг обернулся через плечо — и подмигнул мне! Господи, что бы это могло значить?

Примерно в тридцати шагах от нас Вольфганг вошел в воду прямо в ботинках и носках, даже не подвернув брюк. Перед собой — в качестве щита — он толкал Оливера, направив дуло пистолета ему в голову. За ними тащился Под, держа в руках нож и пистолет. Надо отдать должное Вольфгангу: вероятно, он отлично знал стрелковые способности своей сестрицы Беттины и экипировался по полной программе. Но я невольно переживала за Оливера, и не просто потому, что он мне нравился. Если мы трое превосходящими силами попытаемся сбросить наших преследователей в водопад, то это может стоить Оливеру жизни, поскольку он не умеет плавать. В данных обстоятельствах трудновато было сохранить бодрое состояние духа, однако я постаралась сосредоточиться на том, что же хотел сказать мне Сэм своим подмигиванием. Он явно что-то придумал. Зная Сэма, я поняла одно: мы должны быстро среагировать в тот самый момент, когда он перейдет к каким-то решительным действиям. Но их начало привело меня в полное недоумение. Подобно нам, Вольфганг и Под осторожно продвигались вдоль страховочной веревки, натянутой чуть ниже их по течению. Но как вскоре выяснилось, со страховкой они сильно просчитались. Мы с Бэмби стояли прямо за Сэмом и, наклонившись в разные стороны, наблюдали за их продвижением. Как только они достигли середины потока, Вольфганг, не отводя пистолета от головы Оливера, шагнул в сторону от веревки в стремительно несущейся воде, пропуская Поду к Сэму. Когда Вольфганг вместе с мертвенно-бледным и мрачным Оливером слегка отступили вверх по течению, Дарт прошел вперед, явно нацеливаясь добраться до связки тубусов Сэма и все еще тупо держа в руках нож и пистолет.

Тогда небрежно, словно в намерении помочь Поду, Сэм слегка ослабил узел веревки, удерживающей на спине связку его тубусов, и совершенно неожиданно для всех вдруг быстро сорвал все крепления и сбросил ценный груз в воду. Пустотелые легкие тубусы, естественно, поплыли по течению к водопаду.

Если мне не изменяет память, именно в этот момент началась настоящая чертовщина.

Пастор Дарт бросил нож в воду и, крепко уцепившись за проходившую на уровне талии веревку, потянулся вперед, пытаясь схватить этот дрейфующий «айсберг». Но Сэм тут же резко погрузил страховочную веревку в воду, поэтому Под, не ожидавший изменения ее положения, потерял равновесие и упал вниз лицом в стремительно несущийся речной поток. Тогда Сэм опять резко поднял веревку вместе с Подом, повисшим на ней, как куча мокрого белья.

Пока Под барахтался, пытаясь встать на ноги, Вольфганг пихнул в бок Оливера, чтобы лучше видеть происходящее. Но тут разъяренный черный меховой комок, слишком долго удерживаемый в рюкзаке Оливера, прыгнул прямо на Вольфганга! Я даже не представляла, что у Ясона так много острых как бритва когтей и что он способен манипулировать ими с такой молниеносной скоростью и точностью. Вольфганг вскинул руки, чтобы защитить лицо, а Ясон взлетел по ним на его голову и спрыгнул вниз. Пистолет Вольфганга вдруг взлетел высоко в воздух — благодаря быстрдействию браунинга и великолепным способностям Бэмби. Вольфганг заорал, перекрывая шум водопада, но это не остановило его. Подняв раненую руку и перешагнув через страховочную веревку, он бросился вылавливать удаляющуюся связку тубусов, но в этот момент Сэм врезался в него сбоку, и они вместе рухнули в воду. Я быстро оглянулась, пытаясь отыскать Оливера, но он исчез так же быстро, как мой

кот.

Все это произошло за какие-то секунды. Я наконец отцепила со своей спины затрудняющие движение тубусы и быстро привязала их к толстой страховочной веревке. Потом я взялась за Пода, который тоже потерял свой пистолет, пока барахтался в воде, пытаюсь встать на ноги. Бэмби держала его под прицелом, а я сдернула с него галстук и крепко-накрепко привязала его запястья к страховочной веревке рядом с тубусами.

Бэмби стала освобождаться от своей ноши, а я пошла по веревке к Сэму и Вольфгангу, которые все еще боролись в воде. Вдруг у меня за спиной Бэмби издала пронзительный крик. Я оглянулась и, проследив за ее взглядом, увидела полупогруженное в воду и слегка побитое тело Оливера, плывущее по течению футов в тридцати от нас в сторону водопада.

Призвав на помощь небесные силы, я быстро соображала, что делать, когда увидела, как прямо передо мной Вольфганг вытащил Сэма из воды, нанес ему мощный удар в челюсть и, вновь утопив, кинулся догонять ускользающий объект его страстных желаний.

Сэм выпрямился, бросил взгляд в сторону водопада и заметил Оливера. Неожиданно он тоже нырнул в стремнину, уносящую Оливера. Чуть дальше за ним Вольфганг — он пока держался на ногах — уже почти поймал наш тубусный «айсберг», но в спешке поскользнулся-таки и потерял равновесие. В следующее мгновение поток унес и его.

Бэмби без потерь справилась с креплением своей связки. Держа наготове пистолет, она добралась до меня — я стояла в нескольких шагах ниже по течению — и крикнула мне на ухо:

— О господи! Неужели мы ничего не можем сделать? Они же все погибнут!

Надо признать, что ситуация именно так и выглядела. Я совершенно не представляла, как предотвратить ее. Даже если мне удастся быстро добраться до берега и отвязать от дерева один конец страховочной веревки, ее длины явно не хватит, чтобы помочь им. Мы с ужасом смотрели на жуткую сцену, разворачивающуюся перед нашими глазами: трех мужчин и драгоценный «айсберг» неумолимо несло к обрыву. У меня перехватило дыхание.

Переложив пистолет в правую руку — руку, мастерски владеющую смычком, — Бэмби вцепилась в меня левой, и тут мы с ней увидели, как связка полупрозрачных тубусов, начиненных убийственными манускриптами Пандоры, плавно подплыла к краю отвесной скалы и, грациозно повертевшись на нем, как стайка балерин, тихо соскользнула вниз. Через мгновение там исчезла и темная шевелюра Вольфганга.

А Сэм между тем стремительно подплыл к безжизненному телу Оливера — слишком поздно для того, чтобы успеть выбраться из бурного потока. Мы с Бэмби, оглушенные ревом стихии, молча смотрели, как последний представитель нашего поколения семьи Бен — не считая нас с ней — быстро исчезает в сулящей забвение бездне.

Пока мы стояли в том ледяном, стремительном потоке, я не могла ни плакать, ни молить о прощении или сострадании. Я не испытывала вообще никаких чувств к людям, создавшим и сохранявшим эту трясину предательства, — многие из них, как выяснилось, принадлежали к моей ужасной семейке. Но у меня еще было за что цепляться в этой жизни, как я цеплялась за страховочную веревку. Это была единственная вещь, оставшаяся на дне ящика Пандоры, когда она выпустила в мир все остальное, — вещь, называемая надеждой. Только она могла помочь мне выжить в этих безумных обстоятельствах. Я повернула к берегу, но Бэмби не отпускала мою руку.

— Что же нам теперь делать?

Ее голос донесся до меня сквозь шум стремительного водного потока — того самого потока, который только что на моих глазах унес все, что я любила.

— Первым делом, — так же громко крикнула я в ответ, — мы должны найти моего кота!

Связав вместе наши с ней тубусы, Бэмби подтащила их к берегу, а я проволокла по воде за шиворот лежавшего на спине Пода и бесцеремонно выпихнула его на берег. Бэмби держала на мушке моего грозного босса, пока я отвязывала от дерева деда Сэма, Серого Медведя. Он помог нам привязать на его место Пастора Дарта: зуб за зуб, кретин. Потом мы втроем отправились вниз по течению искать Ясона.

Мне так и не удалось толком понять, с чего вдруг я решила, что главное сейчас найти Ясона, или почему вообще рассчитывала, что он остался в живых. Правда, я понимала психологию Ясона, насколько можно, конечно, понять кошачью психологию. Его природные инстинкты естественно совпадали со способностями того мифологического героя, в честь которого он получил свою кличку: мой кот чувствовал себя в воде, как заправский аргонавт.

Пусть ему пока не приходилось преодолевать воды такого высокого и мощного водопада — высотой, наверное, футов сорок, а шириной под сотню футов, — однако в наших с ним прогулках по аквапаркам его невозможно было удержать от купания в стремительных потоках, несущихся с горок еще повыше этой, и к тому же он привык плавать в бурном течении Снейка. Течение Салмона после водопада становилось значительно более медленным и спокойным, поэтому я была почти уверена, что мы найдем Ясона живым, если, конечно, он не переломал кости при падении.

Кроме того, Ясону нравилось играть с любыми вещами, будь то брошенный в воду мячик или затерявшийся в снегу желтый почтовый квиток. А вдруг ему захочется притащить к берегу связку легких тубусов с ценными манускриптами? Не говоря уже о телах Оливера, Сэма или Вольфганга, живых или мертвых.

Первым мы нашли Ясона, «рот до ушей, хоть завязочки пришей», как сказал бы Оливер. Рад-радешенек, он плавал в тихой заводи почти под самым водопадом. А добычей, которую он со своеобразной гордостью подталкивал к берегу, была куча плавающих тубусов — их веревка застряла в камнях. Несколько тубусов вывалились из связки и, слегка потрепанные стихией, также дрейфовали к заводи.

Поскольку мы с Бэмби все равно уже насквозь промокли, то слезли с берега в эту заводь, чтобы выловить их вместе с Ясоном, а Серый Медведь направился дальше на разведку. Он вернулся как раз к тому времени, когда мы сложили в кучу наш драгоценный улов.

— Дальше так просто не пройдешь, все заросло кустарником, — сообщил он мне. — Но я заметил их впереди. Ниже по течению, недалеко отсюда. Я видел три головы, все дрейфуют к небольшому затону, вдающемуся в берег.

— Живы? — спросила я.

— По-моему, да, — ответил Серый Медведь. — Но там отвесные, гладкие скалы. Мы не сможем вытащить их. Нужно как-то переправить их по воде сюда.

Речное дно здесь понижалось очень круто, и глубина была значительно больше, чем выше по течению. Хотя все мы — Серый Медведь, Бэмби и я — были довольно сильными пловцами, но для большей надежности привязали друг другу к груди выпавшие из связки тубусы. Бэмби спрятала в

кустах свой браунинг, и мы по очереди вошли в темную воду.

Меньше чем через милю мы обнаружили наших героев в совершенно неожиданном состоянии. Сэм брел по воде, таща за собой не Оливера, а Вольфганга, лежавшего на спине с закрытыми глазами. Сэм, как опытный спасатель, поддерживал его за подбородок, а Оливер приплясывал вокруг них, жизнерадостный, как во время предпраздничного купания в ванне!

— Пират за бортом! — крикнул Оливер, завидев нашу спасательную флотилию. — А все женщины и аборигены спасены!

Когда мы подошли к ним, я сказала:

— Слава богу, что все вы живы. Но я думала, что ты не умеешь плавать!

— Конечно не умею, — радостно сказал он. — Меня спас твой рюкзак. Он держал меня на плаву после того, как я сгрезился с этой водной кручи. Просто жуть! Приводнившись вниз, я начал подпрыгивать, как мыльный пузырь.

Ну разумеется! Я же всегда таскаю с собой за город здоровенную пластиковую бутылку для фильтрации воды. Заполненная воздухом, она спасла жизнь Оливеру.

— А у тебя тоже все в порядке? — озабоченно спросила я Сэма.

Он выглядел ужасно, но все-таки не настолько плохо, как Вольфганг, потерявший много крови из-за огнестрельной раны на руке и кошачьих царапин на лице.

— Я почти уверен, что он сломал ногу при падении, — сообщил нам Сэм, продолжая идти по воде. — Наверное, отключился от боли.

— Ладно. Мы возьмем его на себя, — сказала Бэмби. — Надо поскорее выбираться отсюда.

Она помогла Серому Медведю перехватить Вольфганга у Сэма, а я показала Оливеру, как лучше использовать его «бутылочный» спасательный круг для более быстрого продвижения против течения сравнительно спокойной после водопада реки. Когда мы вылезли на берег, Серый Медведь поднял пребывающего без сознания Вольфганга на руки, и все мы, двинувшись обратно, забрали по пути Пода и оставшиеся рядом с ним контейнеры. Оливер нес на руках Ясона и держал под прицелом Пода, препровождая нашего — в ближайшем будущем уже бывшего — шефа к машине, а Сэм, Бэмби и я тащили самую драгоценную часть добычи.

Перепачканный в речном иле Сэм забрался на переднее сиденье «лендровера» рядом со мной, Серый Медведь устроился за рулем, за нами расположились Бэмби с Оливером и тубусами, а в просторной задней части машины поместились наши заложники. Я полностью выдохлась. Несмотря на все жизненные силы, что я потратила на эти манускрипты, мне почти хотелось, чтобы они действительно безвозвратно пропали на дне этой красивой, но опасной реки. После всего случившегося мое воображение настолько истощилось, что я не способна была видеть дальше собственного носа.

— И что же теперь? — спросила я участников нашего квинтета, которые выглядели такими же разбитыми и озадаченными, как я.

— Я лично могу сказать, — откликнулся Оливер, — что собираюсь выбросить в ближайший почтовый ящик мои идентификационные карточки ядерного центра, а с помощью пары других удостоверений быстро сдам властям этим двух субчиков за попытку массового убийства. — Он помолчал немного и добавил: — Остальные заботы мы обсудим позже.

— А я буду выполнять одно поручение, — гордо сказала Бэмби. — Пока мы возвращались от реки к машине, Серый Медведь предложил, чтобы мы с Лафкадио, используя наши многочисленные связи,

помогли найти лучших археологов в академических кругах мира для тщательного исследования и установления подлинности этих раритетов. Нисколько не сомневаюсь, что нам это доставит удовольствие. Что же касается моего брата, то он будет пожинать плоды своих трудов. Как говорит Лафкадио: «Что посеешь, то и пожнешь».

Я сама пока совсем не готова была думать о Вольфганге, лежащем без сознания рядом с мокрым Подом в задней части машины.

— Но и с манускриптами еще придется повозиться, — сказал Сэм. — Нам надо будет встретиться с несколькими людьми, включая вашего отца и мать Беттины, которые наверняка пока не отказались от идеи любой ценой заполучить их.

Несмотря на мои чувства к упорствующему в своих заблуждениях отцу, я испытывала понятную боль оттого, что все так случилось, и подозревала, что Бэмби ощущает нечто подобное.

— Но пока мы не выведем из игры всех преступников, — добавил Сэм, — мне придется продолжать охранять эти документы, попутно разгадывая их загадки.

Что до меня, то я не имела ни малейшего представления, куда мне сейчас лучше ехать. Я невольно раздумывала, как буду жить после этих сумасшедших недель, перевернувших мою жизнь. В прошлой жизни остались рабочие заботы, недавно приобретенные друзья, командировки и опасности.

А я понятия не имею, что мне теперь делать, — призналась я всем.

— О, тебя ждет самая большая работа, — сказал Сэм с какой-то неопределенной усмешкой.

Я терпеливо подождала, пока он подкинет мне следующий мокасин.

— Тебе придется научиться танцевать, — сказал он.

ТАНЕЦ

Мандата означает «круг», особенно магический символический круг... Я сталкивался с такими случаями, когда женщины не рисовали, а танцевали мандалы. В Индии (это имеет) особое название... «мандала иридия», «мандалический» танец.

В экстатическом танце человек наводит мост между нашим и иным миром... Мы можем предположить, что хоровод прочно вошел в жизнь людей со времен палеолита, первой заметной стадии культурного развития человека.

Древнейшей танцевальной формой, видимо, является Reigen, или хоровод, (который) символизирует самую важную реальность в жизни первобытных людей — священную сферу, магический круг... В этом магическом круге высвобождаются все демонические силы.

Итак, круг замкнулся, но мои танцевальные экзерсисы пока не начались. Оливер, зайдя в придорожную телефонную будку, позвонил федералам в Бойсе, чтобы оттуда послали нам навстречу представителей закона для задержания и препровождения куда следует Пода и Вольфганга.

Компромата на них хватало: государственная измена, международный шпионаж, тесные связи с торговцами оружием и ядерными контрабандистами, попытки массового убийства в реке и убийство высокопоставленного государственного агента Терона Вейна. Но в моем представлении все это казалось бледным по сравнению с тем, что, в сущности, пытался сделать Вольфганг: убить своего единокровного брата Сэма.

В ближайшем городке Оливер, положив планшет с зажимом на крутой бок «лендровера» Серого Медведя, быстро заполнил необходимые документы для сдачи обоих пленников. Пода, благодаря его

высокопоставленной должности в ядерном центре, федералы увели первым и усадили в бронированную машину для немедленной перевозки в федеральную тюрьму, в камеру предварительного заключения до суда.

Между тем Вольфганг, связанный и обезвреженный, но пришедший в себя, выразил желание поговорить со мной наедине. Поэтому остальные вышли из машины и слонялись вокруг, а я, повернувшись, глянула через плечо на его исцарапанное когтями лицо и встретила ответный взгляд Вольфганга, исполненный почти неприкрытого страдания. Острота его, видимо, порождалась не только раненой рукой и сломанной ногой. Те бирюзовые, почти синие глаза, что совсем недавно вызывали у меня дрожь в коленках, сейчас заставляли меня ощущать лишь испуг и отстраненность от всего того, что произошло между нами со времени нашего знакомства.

— Ариэль, — сказал Вольфганг, — можешь ли ты представить, какие мучения я испытываю, глядя на тебя? Наверное, ты поняла, что я люблю тебя. И вот теперь вдруг обнаруживаю, что все это время ты меня обманывала.

Я обманывала его? По меньшей мере можно было ответить ему пословицей: «Говорил горшку котелок: уж больно ты черен, дружок!» Господи помилуй! В течение нескольких последних недель, где бы я ни копнула, обнаруживалась его очередная ложь. Сколько бы я ни уличала его во лжи, все равно тут же слышала очередное лживое объяснение, но так же доверчиво проглатывала новую ложь вместо старой и вновь оказывалась в его объятиях или его постели. Однако, учитывая, что последнюю точку поставил пистолетный выстрел, я мужественно решила пока воздержаться от комментариев.

— Ты знала, что Сэм жив, но скрывала это! — с особой горечью бросил Вольфганг. — Ты все время лгала мне!

— Вольфганг, ты же пытался его убить! — напомнила я то, что он и сам знал. — Вдруг ты и сестру свою захотел бы убить? А меня ты тоже намеревался прикончить?

— Я люблю тебя, — проигнорировав мой вопрос, еле слышно сказал он, передергиваясь от очередного приступа боли. Придя в себя, он сказал: — Разумеется, я не собирался убивать никого из вас. Не говори глупости. Неужели я похож на идиота, одержимого манией убийства? Я лишь пытался найти очень важные для меня реликвии. О Ариэль, как же ты не понимаешь? Мы с тобой могли бы правильно воспользоваться древними знаниями. Могли бы очень многого достичь. Благодаря этим манускриптам мы сумели бы совместными усилиями создать более совершенный мир.

Он помолчал и осторожно добавил:

— Я знаю, что ты подумала после Парижа. После разговора с Зоей. Тебя задел мой вопрос о цыганах, так ведь? Я чувствовал это постоянно, пока мы летели обратно в Айдахо, и должен был объясниться прямо тогда. Меня просто очень удивила такая новость, только и всего. Пожалуйста, поверь мне, что это ничего не изменит в наших отношениях. Это ничего не значит для меня.

— Что именно ничего не значит для тебя? — в ярости взорвалась я. — О чем, черт возьми, ты говоришь? Ты хочешь сказать, что соизволил бы переспать со мной, невзирая на мою подпорченную породу? О боже! Да что же ты за человек?! Неужели тебе непонятно, какой ужас я испытала, узнав, что именно ты пытался убить Сэма в Сан-Франциско? Ты пытался убить его, Вольфганг. При всем при том зная наверняка, что Сэм твой брат!

— Нет, он мне не брат! — выкрикнул Вольфганг.

Лицо его сделалось пепельно-бледным от мучительного страдания, молчаливо выразившего все то, что осталось непроизнесенным.

Оливер встревоженно глянул в окно и взялся за ручку дверцы, но я жестом остановила его. Меня переполняли какие-то неопишуемые чувства. Жгучие слезы закипали в глазах, но я вновь повернулась к Вольфгангу и глубоко вздохнула. Как можно спокойнее и отчетливее, стараясь сохранить остатки самообладания, я сказала:

— Нет, Вольфганг. Он твой брат.

После этого я отвернулась, вылезла из машины и закрыла за собой дверь.

Серый Медведь, один из самых потрясающе организованных индивидуумов на нашей планете, мог бы стать великолепным президентом большой корпорации, если бы не был так увлечен более важными делами — сохранением исторических корней своего народа и разгадками тайных сторон жизни. И между делом он все-таки умудрился организовать наш с Сэмом проект.

Но Серый Медведь счел, что пока слишком опасно свободно выпускать нас «на публику», а лучше дождаться, когда Оливер и его агенты ограничат свободу действий оставшихся соискателей древностей. Опять-таки благодаря Серому Медведю интерполовцы теперь были гораздо лучше экипированы. Среди множества старых имущественных документов в резервации Лапуан обнаружили в отличной сохранности и личные документы дяди Эрнеста с теми неприятными фактами, которые, по словам Зои, он раскопал в истории семьи Бен.

Возможно, Эрнест и вычеркнул для себя само существование в этом мире Халле и Вольфганга, как говорил нам Серый Медведь, но в его бумагах содержались сведения об отдельных членах нашей семьи, включая моего отца, которые выступали в роли анонимных спонсоров, финансировавших их собственные проекты утверждения кастового превосходства и поставлявших оружие массового уничтожения для обслуживания их представления о Новом Мировом Порядке.

Выяснилось также несколько более радостных сюрпризов о приличных членах моей семьи. Как и подозревал Сэм (теперь это подтвердил Дакиан Бассаридес), Пандора действительно разделила наследство на четыре части, одарив им четырех «детей семьи Бен». После встречи со мной в Вене Дакиан сделал для себя определенные выводы. Он организовал слишком задержавшееся примирение Лафкадио и Зои и покончил с десятилетиями семейной вражды, по существу порожденной одним человеком, уже давно покоившимся в мире ином.

Дакиану даже не понадобилось убеждать Лафа и Зою, что именно я должна собрать воедино все части, как сделала когда-то Пандора, хотя впоследствии — четверть века назад — она сама же завещала разделить ее наследство на четыре части. Дядя Лаф отправил мне ящик вина с виноградников Дакиана и его же письмо с подробностями о других составляющих имущества Пандоры, которое привлекало так много внимания все эти годы. Присовокупив к этим сведениям своевременный разговор с моей матерью и несколько разговоров с Серым Медведем, я наконец с полной ясностью представила себе всю картину.

Первым у нас появился рунический манускрипт, посланный мне матерью из Сан-Франциско и извлеченный Оливером из Нормативов Министерства обороны, хранящихся в нашем ядерном центре. Я вспомнила, как Лаф рассказывал мне, что Пандора имела обыкновение сама копировать руны, высеченные на мегалитах, разбросанных по всей Европе. Вот эти-то копии и стали наследством моего отца. Когда Джерси стало известно о романе моего отца с ее сестрой, она сделала

свою собственную тайную копию с этих манускриптов. Хотя у моего отца по-прежнему оставались оригинальные копии, Эрнест посоветовал Джерси сохранить ее копию и передать мне, когда я вырасту, так же как он сохранил свою часть наследства Пандоры для Сэма.

Второй набор документов, унаследованный Эрнестом, перешел к Сэму. Его четвертинка состояла из редких и хрупких свитков, дощечек и тканей, с риском для жизни спасенных нами из хрустальной пещеры. Почему-то все так отчаянно стремились заполучить этот набор, что готовы были встать даже на темную дорожку убийства и членовредительства. Нетрудно было догадаться о личных мотивах Вольфганга, конечно, если учесть его всепоглощающую озабоченность тем, что отец бросил его и все наследство — включая реликвии — оставил своему младшему сыну Сэму, к тому же коренному американцу. Как заметил в Вене Дакиан Бассаридес, четвертинка разрезанной картины и даже ее половина не имеет особой ценности без остальных частей. И как объяснил Волга Драгонов во время нашего ночного разговора в ледяной советской столовой, даже если все части соберутся вместе, то нужно еще найти человека с правильным образом мышления — каким, по его мнению, я обладала, — чтобы осознать целостную картину и разгадать загадку.

И только благодаря одному человеку я, сама того не сознавая, получила такое воспитание — благодаря Сэму. Лафкадио и Зоя, двое наследников, обладавших другими частями картинка-загадки, прислали мне копии доставшихся им от Пандоры материалов, доверив их доставку Бэмби, которая отправилась предупредить меня об опасности, исходящей от Вольфганга. Поскольку все документы теперь находились в моем распоряжении, я решила, что имею все необходимое для начала активных действий.

Серый Медведь придумал гениальный план, так что нам с Сэмом не пришлось до завершения нашего проекта ютиться в каком-нибудь уединенном сарае в горах. Он начал воплощать этот план в жизнь несколько недель назад, как только Сэм вернулся из архива Солт-Лейк-Сити, накопив новых вещественных доказательств о темном прошлом нашей семьи. По крайней мере месяцев на шесть мы имели полное обеспечение всем необходимым для отшельнической жизни, позволявшей нам в условиях относительной секретности начать и закончить уникальный проект.

В нашу экипировку входили четыре выносливые вьючные лошади, приличный запас сухих продуктов и домашних лекарственных травяных сборов, вигвам, непромокаемое оборудование и пара работающих от батареек портативных компьютеров с превосходным программным обеспечением, предоставившим в наше распоряжение множество разнообразных словарей древних и современных языков для успешной переводческой деятельности. Наша стоянка находилась в очаровательном горном местечке на берегу родникового ручья, на расстоянии дневного перехода от заповедных районов Пенд-Орейлле-лейк и Кутенай, неподалеку от границы Айдахо с канадской Британской Колумбией и, следовательно, в тесном соседстве — в пределах слышимости барабанного боя — с множеством индейских поселений. Единственная официальная деревушка в округе тридцати миль скромно насчитывала 800 душ населения, но носила невероятно нескромное название — Троя. Мой зеленоглазый спаситель Ясон, составивший нам компанию в этой глуши, не выражал особой радости от этого, пока не получил в свое полное распоряжение игривый ручей. В конце каждой недели Серый Медведь посылал к нам безымянного курьера на серой в яблоках лошади выносливой ездовой породы, чтобы подбросить немного товаров первой необходимости и забрать от нас то, что мы успели к этому времени расшифровать и перевести, для переправки в неизвестные — вернее,

известные одному лишь Серому Медведю — края.

— Если бы я раньше узнал о таком подпольном индейском способе скоростного передвижения, — заметил Сэм, — то это избавило бы меня от многих трудностей и головной боли, когда я только что унаследовал Пандорины сокровища!

Я успела подзабыть, что такое жизнь на природе, не тронутой и не загрязненной представителями цивилизации, — с родниковой водой, натуральной пищей и свежим воздухом. В приподнятом настроении мы установили наш вигвам и вошли внутрь. В тот же день мы с Сэмом посадили немного скороспелых овощей и трав, что успели бы вырасти за полгода нашего высокогорного отшельничества. Но, несмотря на ежедневную рыбалку и готовку пищи, нам удавалось посвящать большую часть времени переводу манускриптов. И чем больше мы переводили, тем сильнее увлекались этим занятием.

Перед нами разворачивались истории и тайны, казалось, доносимые из глубины веков безмолвным незнакомым голосом, рассказывающим о неслыханном до сих пор прошлом. Это прошлое постепенно начало выступать из тумана, напущенного неким дымовым аппаратом, созданным в течение тысячелетий многочисленными историками и биографами.

Когда мы проработали уже целый месяц, я сказала Сэму однажды вечером, сидя у костра:

— Мне пришло в голову, что в этих рассказах редко встречаются случаи того, как более развитая цивилизация вторгается и поработщает менее развитую. Чаще случалось наоборот, если сравнивать их с точки зрения научных или художественных достижений. В сущности, история представляет собой некую летопись колоссальной деятельности отважных завоевателей. Но их «превосходство» зачастую основано на том, что они преуспели в угнетении и поработчении других.

— Наконец-то до тебя это тоже дошло, — сказал Сэм. — Очень жаль, что ты не скво, иначе поняла бы это практически с рождения. А знаешь, Гитлер с детства обожал рассказы одного типа, Карла Мэя: он написал ковбойско-индейскую эпопею для немецких мальчиков. Угадай, кто обычно побеждал в конце этих историй?

Наверное, мне, как некоренной американке, не дано было до конца осознать оттенок горечи, прозвучавший в голосе Сэма при упоминании об этой ветви его предков.

— Ты спас жизнь Вольфгангу, — напомнила я. — Но теперь ты знаешь из рассказа Бэмби о его ненависти к тебе, ведь это он подложил бомбу, едва не убившую тебя. Если бы ты знал это раньше, то стал бы с риском для жизни спасать его?

— Полагаешь, я такой альтруист, что готов простить человека, с наслаждением уничтожающего людей вроде меня? Что я готов защищать его, говоря: «Нет-нет, он не злодей, он мой брат»? — сказал Сэм.

Потом он усмехнулся, встал с седла, на котором сидел, откинувшись, у костра, приблизился и, подняв меня на ноги, прямо взглянул мне в глаза.

— Я знал, — сказал он.

— Ты знал, что именно Вольфганг пытался тебя убить? — изумленно сказала я.

— Теперь ты, наверное, начнешь думать, что я чертовски благородный? Но позволь прояснить ситуацию. Я не думаю, что такие грешники, как он, могут отделаться сломанной ногой или безболезненным быстрым утоплением. Наоборот, я считаю, что его изысканная арийская фамилия должна быть вываляна в грязи, а он сам должен провести в тюрьме остаток своей долгой жизни.

Подозреваю, что если бы Сэм излил всю свою горечь, то она в итоге заполнила бы приличный кувшин. Руки Сэма лежали у меня на плечах. Он следил за мной странным взглядом, пока мы стояли друг перед другом в центре вигвама у костерка.

Я закрыла глаза. Мне вспомнился другой костер в замке другого человека и тот неугасимый огонь, что разгорался внутри меня от его прикосновений и запаха... Этого человека, одержимого ненавистью, готового взорвать собственного брата, мы только что обсудили и так безвозвратно отвергли. А тот самый брат, даже зная все это, оказался способен спасти его жизнь. Несмотря на то что Вольфганг упорно твердил о своей любви ко мне, я сомневалась, что он вообще способен на настоящую любовь. И вряд ли я по-настоящему любила его.

Когда я открыла глаза, то встретила пронизательный взгляд серебристых глаз Сэма, словно он искал ответ на какой-то невысказанный вопрос. Я вспомнила, что он спросил меня в горах за Овечьим лугом в то утро: «Ты хоть представляешь себе, насколько опасной для нас обоих может оказаться такая неожиданная „дружба“?» Неужели он уже тогда знал? Что ж, теперь я все представила себе по полной программе.

— В сущности, я попытался предостеречь тебя, — сказал Сэм. — У меня не было осознанных подозрений, пока я не побывал в Солт-Лейке. Но, начав разбираться в семейных архивах, я быстро все сообразил и понял ситуацию. А когда понял, что новый симпатичный тебе знакомый, Вольфганг Хаузер, вполне возможно, убил Терона Вейна, то даже не знал, что же мне делать. Я понимал, насколько это может оказаться опасным для меня: ведь охотился-то он за мной. Но я не мог поверить, что он причинит вред тебе. Тогда я отправил тебе весточку, попросив быть осторожнее с ним. Ведь ты, дорогуша, уже не маленькая девочка. И мне искренне хотелось, чтобы ты поступила так, как будет лучше для тебя.

— Да, ты проявил дьявольское великодушие, — вспыхнула я, не на шутку расстроившись. — Неужели ты подумал, что «лучше» позволить мне заняться любовью с человеком, даже полюбить человека, способного уничтожить нас обоих?

Сэм поморщился, словно я физически ударила его, и я поняла, что он, должно быть, пытался закрыть глаза на то, что в действительности могло произойти между Вольфгангом и мной. Наконец он глубоко вздохнул и очень тихо сказал:

— Если бы тебе захотелось накачаться спиртным или каким-то опасным наркотиком, то я позволил бы тебе и это, Ариэль. Ты вполне способна на самостоятельные решения и поступки. Но это не любовь, и ты понимаешь это: любовь это не то, чем тебе хочется заниматься с кем-то.

— Я сильно сомневаюсь, знаю ли вообще, что такое любовь, — сообщила я ему на полном серьезе. Мне вспомнилось, как Серый Медведь отозвался о том, что Эрнест, отец Сэма, считал себя не способным на такое чувство. Что ж, возможно, этому представителю племени «Проколотые носы» я тоже покажусь своеобразным мертвецом.

— А я полагаю, что знаю. Хочешь, расскажу тебе? — спросил Сэм, по-прежнему глядя мне в глаза. Я чувствовала себя совершенно опустошенной, но согласно кивнула.

— По-моему, любовь — это когда ты осознаешь, что часть тебя проявляется в том человеке, которого ты любишь, а некая часть его проявляется в самом тебе, — сказал Сэм. — Невозможно использовать или обманывать того, кого ты действительно любишь, потому что это означает, что ты используешь или обманываешь самого себя. Разве это не логично?

— Ты хочешь сказать, — сказала я с горькой усмешкой, — что когда Вольфганг лгал мне, то на самом деле он всего лишь обманывал самого себя?

— Нет, ему вовсе не нужно было обманывать самого себя, верно? — тоже вдруг вспыхнул Сэм. — По-моему, ты забыла одну мелочь. Ты спала с ним, но тоже обманывала его.

Я просто онемела, но поняла, что его слова справедливы. У меня были интимнейшие отношения с человеком, которому я не доверяла. С человеком, с которым я никогда не была полностью откровенна — просто не хотелось. Мне пришлось проглотить горькую пилюлю, признавшись самой себе, что в глубине души я все это время понимала, что представлял из себя Вольфганг.

— Я уже давно отдал тебе часть моего сердца и часть моей души, Ариэль. Уверен, что ты знаешь это. — Сэм озорно улыбнулся и добавил: — Но пока не будут налажены кое-какие связи, я не смогу отдать тебе часть моего тела.

— Твоего... тела? — У меня застучало в голове. — Но мне показалось, ты... увлекся Бэмби.

— Я заметил, — с усмешкой сказал Сэм. — Я увидел твой взгляд, когда стоял с Беттиной у водопада, и тогда... в общем, тогда мне впервые пришло в голову, что, возможно, у нас с тобой есть реальная надежда на будущее, невзирая на существование Вольфганга. — Он взъерошил мои волосы и просто сказал: — Я люблю тебя, Умница. Наверное, всегда любил.

Признаться, я была ошеломлена. Стояла в каком-то оцепенении, не зная, что делать. Готова ли я к такому повороту?

Сэм вдруг непонятно зачем начал передвигать спальные мешки и седельные вьюки, расчищая место в центре вигвама, около нашего выложенного камнями очажка.

— Что ты делаешь? — поинтересовалась я.

— На самом деле есть только одна важная связь, — пояснил Сэм, сваливая одеяла на одну сторону. Он выпрямился и с нетерпением откинул назад длинные волосы. — Не рассчитываешь же ты, Ариэль, что я буду вечно продолжать любить того, кто все еще не умеет танцевать?

Как говорил мне Дакиан, процесс важнее результата. До начала танцевального периода мы с Сэмом прожили целый месяц в нашем семейном уединении, и я не имела даже смутного понимания того, что суть переводимых нами манускриптов, со всеми их рассказами о мировой сети, основе и утке, инь и ян, алхимических связях и таинствах Диониса, сводится к одному: к трансформации, к метаморфозе. Именно об этом и шла речь во всех этих манускриптах.

Мы танцевали целую ночь. Кроме кассетного магнитофона Сэм захватил с собой записи индейских танцев и песен, но мы танцевали под самое разное сопровождение: под цыганскую музыку и «Венгерскую рапсодию», исполняемые дядей Лафом, под любимые Джерси старинные кельтские песни, под которые, по ее словам, лихо отплясывают на любых ирландских свадьбах и праздниках, под музыку быструю и медленную, возбуждающую и завораживающую, впечатляющую и таинственную. Мы плясали босиком вокруг нашего очага, потом на темном высокогорном лугу, уже источавшем запахи первых васильков раннего лета. Порой мы касались друг друга или танцевали обнявшись, но чаще танцевали порознь, испытывая какие-то совершенно особые чарующие чувства. Мне казалось, что в процессе нашего танцевального марафона я наконец впервые в жизни почувствовала свое собственное тело — ощутила не только подлинную внутреннюю гармонию, но какое-то таинственное единение с землей и небом. Я почувствовала, как что-то во мне умирает, распадаясь на куски и улета в космос, превращается в новые звезды в необозримом полночном

просторе, просторе, сияющем вечным светом запредельных галактик.

Мы танцевали до утра, пока угли нашего очага не начали гаснуть, потом мы продолжили танцы на лугу с цветами и видели, как первые слабые розовые лучи рассвета подкрасили синеву неба. А мы никак не могли закончить наш танец...

И вот тогда начало происходить нечто странное, нечто пугающее. И когда наступил этот момент, я вдруг замерла. Музыка еще играла, когда Сэм после очередного пируэта обернулся и увидел, что я неподвижно стою босиком среди луговых цветов.

— Почему ты остановилась? — спросил он.

— Я не знаю, — сообщила я. — Не то чтобы у меня закружилась голова или что-то в таком роде, просто... Я не понимаю, что происходит.

— Тогда потанцуй со мной, — сказал он. Наклонившись, Сэм выключил магнитофон, обнял меня, и мы медленно закружились вместе по лугу, почти порхая. Сэм лишь слегка поддерживал меня. Когда он наклонялся ко мне, его мужественное лицо с прямым носом и ямочкой на подбородке, с ресницами, бросившими тень на щеки, казалось, принадлежало некоему могущественному ангелу-хранителю. Потом он прижался губами к моим волосам.

— Я узнал кое-что из Пандориных манускриптов, — сказал он. — В одном раннем средневековом алхимическом трактате — так называемом «Гёте» или «Магическом круге мага Соломона» — говорится, что ангелы не занимаются любовью, как люди. У них нет тел.

— А как же тогда? — спросила я.

— У них гораздо более интересный способ, — сказал Сэм. — Они смешиваются друг с другом, и на краткое время вместо двух ангелов появляется новое существо. Но ангелы, разумеется, не материальны. Они созданы из лунного света и звездной пыли.

— Ты думаешь, что мы ангелы? — с улыбкой предположила я, слегка отстраняясь от него.

Сэм поцеловал меня.

— Я думаю, что нам следует смешать нашу звездную пыль, ангел, — сказал он.

Потом он увлек меня за руку на траву, и я оказалась в окружении цветов.

— Я хочу, чтобы ты делала все, что тебе хочется... или не делала ничего, — с улыбкой сказал он. — Я полностью в твоём распоряжении. Мое тело — это твой инструмент.

— Можно сыграть «El Amor Brujo»? [75] — со смехом спросила я.

— Ты можешь сыграть все, что нашепчут тебе твои виртуозные желания, — заверил он меня. — Что же они шепчут?

— Все сразу. У меня такое чувство, будто я парю над миром, — серьезно сказала я.

— Мы уже парили однажды, и нам удалось выжить, — мягко произнес Сэм, заведя моими пальцами и проведя ими по своим губам. — Мы вместе однажды вошли в тот свет, Ариэль. После того как нас нашли наши тотемы... Ты помнишь?

Я медленно кивнула. Да, я помнила.

Когда кугуар и медведи исчезли в предрассветной мгле, мы с Сэмом довольно долго еще сидели рядом на той вершине — возможно, несколько часов, — просто касаясь друг друга кончиками пальцев и не двигаясь. Когда темнота начала рассеиваться, у меня вдруг возникло тревожное ощущение какого-то внутреннего изменения, какого-то зыбкого, словно зыбучий песок, перемещения. Потом я поняла, что сама отделилась от земли и парю высоко в небе. Я словно вышла

из собственного тела, однако по-прежнему имела форму и объем — точно капля, наполненная гелием и подвешенная в ночном небе.

На мгновение я перепугалась, что упаду или действительно умру, навсегда покинув землю! Но потом внезапно осознала, что я не одна в небесном просторе. Со мной рядом парил еще кто-то: Сэм. Его слова вдруг зазвучали у меня в голове, хотя, опустив глаза, я увидела нас, сидящих далеко внизу на земле! — Не смотри вниз, Ариэль, — прошептал Сэм в моем мозгу. — Смотри вверх. Давай войдем в этот свет вместе...

Странно, но мы потом никогда не разговаривали об этом, ни разу. И что еще более странно, мне никогда не казалось, что это был всего лишь сон. Скорее, это было нечто более живое, чем реальность, более реальное, чем наш трехмерный мир. Цветное кино является более реальным, чем двухмерная черно-белая фотокарточка. Но мое ощущение тогда было неизмеримо шире и глубже. Однако если бы я действительно попыталась облечь то парение в какие-то особые слова, то не знала бы даже, с чего начать.

В детстве Сэм и я, мы вместе изменились, войдя в тот свет. Сейчас мы готовы были вновь измениться. Но новое изменение, как я поняла, будет очень и очень сильно отличаться от прошлого. Этим весенним утром на лугу среди полевых цветов мы оба были готовы к объединяющему изменению.

И на сей раз я уже ничего не боялась.

Много часов спустя я лежала в объятиях Сэма и вместо чувства опустошенности испытывала радостное возбуждение, словно все мое существо вдруг наполнилось чем-то легким, шипучим и пенистым.

Когда наши пальцы сплелись, я спросила:

— Ты представляешь, как описать это? То, что случилось с нами.

— Хмм, — призадумался Сэм. — Я полагаю, что при выборе подобного определения мог бы подойти термин «взаимный оргазм». Ужасно долгий общий оргазм. Нечто сравнимое с бесконечной сущностью приглушенного, долговременного, безостановочного взаимного оргазма.

Я закрыла ему рот рукой.

— С другой стороны, — с улыбкой сказал Сэм, целуя меня в плечо, — можно дать гораздо более простое определение, назвав это любовью. Ты удивлена?

— Мне еще не приходилось ощущать ничего подобного, — призналась я.

— Наверное, я должен испытать облегчение, — сказал Сэм. — Но, честно говоря, ничего подобного я не испытываю.

Сэм приподнялся и, взглянув на меня, лежащую на траве, провел пальцем от моего подбородка вниз к центру тела, и оно мгновенно откликнулось. Потом наши губы слились в каком-то замедленном поцелуе, насыщенном объединяющей звездной пылью. Ощущения были невероятные.

— Я думаю, это была настройка, — сказал Сэм. — Не более чем репетиция. Не пора ли устроить настоящее представление?

Прошло полгода, и, поскольку в начале ноября мы с Сэмом все еще жили в горах, Серый Медведь в преддверии первого снегопада прислал нам снегоходы, широкие лыжи и медвежьи шкуры.

Мы почти завершили перевод манускриптов, доставшихся Эрнесту, Лафкадио и Зое, и рунических текстов, которые Джерси выкрала у Огастуса. Вольфганг, как и все остальные, не ошибался, полагая,

что в них указываются определенные места на земле, образующие некую сеть, которая, по убеждениям древних, не только обладала огромными силами, но, очевидно, непосредственно использовалась на протяжении по крайней мере пяти тысяч лет в подробно описанных церемониях и ритуалах. Строгая секретность при проведении ранних религиозных мистерий орфиков, пифагорейцев и древних египтян объяснялась их верой в то, что неправильное задействование такой сети, представляющей своеобразное алхимическое единство, может привести к глобальному изменению, ослабив или даже уничтожив связующую энергию нашего «союза» с космосом.

— Ты знаешь, что такое центр симметрии? — спросил меня однажды Сэм.

Я покачала головой, и он пояснил:

— В определенных математических моделях, наподобие используемых в теории катастроф, можно точно определить центр некой формы. Существует, к примеру, модель пожаров. Если пожар начнется по краям поля, то независимо от формы этого поля можно точно предсказать, что пожар закончится в его главном центре, определяемом с помощью очерчивания контура поля отрезками прямых линий и построения перпендикуляров. Место пересечения большинства перпендикуляров и будет искомым центром, центром симметрии, — так определяется путь наименьшего сопротивления. Таким методом можно исследовать самые разные поля — поля света, мозга, земли и, вероятно, космоса. Вот смотри, я покажу тебе.

Он нарисовал на экране своего компьютера произвольную форму:

— Ты думаешь, что искомые точки земли не обязательно должны соединяться прямыми линиями или лучами шестиконечной звезды? — предположила я. — Считаешь, они важны потому, что действуют как центры симметрии?

— Да, как своего рода вихревая воронка или водоворот, — согласился Сэм. — Именно главные центры симметрии затягивают в себя энергию и увеличивают собственную силу.

Отчасти такие свойства были присущи материалам, находившимся в нашем распоряжении. К примеру, как мы выяснили в один из удачных дней, запатентованный чертеж Николы Теслы, сделанный им для его собственной высоковольтной вышки, построенной в Колорадо-Спрингс — он назвал такую вышку энергетическим каналом мировой сети, — имел много общего со знаменитым чертежом первой алхимической реторты, Хризопеи Клеопатры, из древнейшего дошедшего до нас алхимического трактата. А оба эти рисунка весьма сходны с «Т» — крестовидным знаком «тау», символом могущества у древних египтян, и с руной Туг, упомянутой Зоей в связи с магическим столбом Зевса. Мы заметили даже их жутковатое сходство с самим Ирминсулем, разрушенным Карлом Великим, но восстановленным в Тевтобургском лесу спустя тысячу лет Адольфом Гитлером. Также мы с Сэмом поняли, что впереди у нас непочатый край работы. В некоторых документах имелись ссылки на другие материалы, которых не было в нашем распоряжении. Мы узнали, где были спрятаны многие из них тысячелетия тому назад: в расселине горы Ида на побережье Турции, в горах Памира в Центральной Азии, в пещере Центральной Греции, где Еврипид писал свои сочинения, — но хотя недавно в этих районах обнаружили какие-то древние раритеты, очевидно, это не доказывает того, что нужные нам документы и поныне лежат в исходных тайниках. Мы решили, что, закончив наши здешние труды в память Пандоры и Клио, попытаемся продолжить поиски.

Поразительно также и то, что каждое событие, вываливавшееся из нашего ящика с древними

откровениями Пандоры, точно эхом отзывалось на земле в настоящем времени. Мы поняли, что, должно быть, близится эпоха ожидаемых преобразований.

Помимо того что Советы в феврале вывели войска из Афганистана, другие страны, имевшие политические или материальные стены, оказались затронуты демократическими волнениями, которые вдруг хлынули неким потоком и, словно стихийные валы, прорывались на свой естественный уровень, к своему центру симметрии.

В июне голодовка протеста прошла на площади Тяньаньмынь в Китае, стране знаменитой стены, заметной даже из космоса. Несмотря на введение танков, процесс брожения уже начался. Позже, девятого ноября, как мы и предполагали, — эту дату Вольфганг называл отправной точкой для Наполеона, Шарля де Голля, кайзера Вильгельма и Адольфа Гитлера — наша лошадиная экспресс-почта доставила потрясающие новости от Лафа и Бэмби из Вены. Берлинская стена, символически разделявшая Восток и Запад более двадцати пяти лет, рухнула за одну ночь. Приливная волна прорвала плотину; разлив начался, и его уже невозможно было остановить.

Но только в конце декабря, почти в тот самый день, когда девяносто лет назад в провинции Натал на юге Африки родился дядя Лаф, я сама сделала то открытие, на которое мы с Сэмом надеялись. Я корпела над текстом, написанным по-гречески на свитке ужасно древнего и хрупкого холста, извлеченного из одного из тубусов Сэма. Мне показалось, что это нечто совершенно новое. Но, начав набирать греческие слова на компьютере, я уловила в них что-то знакомое.

— Ты помнишь один документ из наследства Зои, что мы переводили пару месяцев назад? — спросила я трудившегося в другом конце вигвама Сэма. Он сидел, скрестив ноги, а Ясон, развалившийся кверху брюхом, блаженно посапывал у него на коленях. — Я имею в виду историю о голосе, донесшемся с островов Пакси и велевшем египетскому кормчему объявить при прохождении мимо Палодеса, что великий Пан умер.

— Да, Тиберий приказал доставить этого кормчего к себе на Капри для допроса, — сказал Сэм. — Имя кормчего, по стечению обстоятельств, было Таммуз — так же называли и умирающего бога в древних таинствах. Причем он объявил о смерти Пана в ту самую неделю, когда умер Иисус. Что же ты узнала?

— Я, конечно, не уверена, — сказала я, продолжая печатать текст на компьютере. — Но, учитывая содержание всех греческих текстов, проработанных мной за последние месяцы, я думаю, что это письмо поможет нам понять главное — общую глубинную связь всех этих материалов. К сожалению, оно слегка порвано и часть его отсутствует. Но оно определенно отправлено мужчине одной женщиной, причем, по-моему, очень хорошо уже знакомой нам женщиной.

— Прочти вслух, — предложил Сэм, с улыбкой кивнув на похрапывающего у него на коленях кота. — Мне очень не хочется прерывать столь глубокую медитацию.

И вот что я прочла.

Гора Пердидо, Пиренеи, Римская Галлия

«Милый Иосиф,

Следуя твоему совету, мы с моим братом Лазарем спрятали алебастровую шкатулку, чашу и другие предметы, которых касался Учитель в последние дни, в надежном месте в этих горах, где, мы надеемся, они останутся в целости и сохранности, пока не потребуются. Я составила их список и описание пути к тайнику и пошлю их тебе отдельным письмом.

В последнем письме, Иосиф, ты размышлял о том, что твой преклонный возраст, возможно, вскоре позволит тебе соединиться с Учителем. Ты попросил меня, как единственную истинно посвященную Учителем, поделиться с тобой моими взглядами на события того последнего ужина, что он провел со своими учениками, — события, отраженные в написанных ими воспоминаниях, которые я послала тебе ранее.

Невозможно облечь в слова то, что испытывает человек, проходя ритуал посвящения. Но я попытаюсь объяснить как можно лучше.

Я всегда полагала, что любые слова и поступки Учителя имеют два уровня, хотя и сам он подчеркивал различие между ними. Назовем их уровнями обучения и посвящения. Для обучения он очень любил пользоваться притчами, наглядно объясняющими то, что он хотел сообщить. Но такие притчи всегда скрывали второй уровень, и этот символический уровень, по-моему, Учитель использовал только в случаях посвящения.

Учитель говорил мне, что даже один символ, выбранный на пути посвящения, затронет множество уровней в душе ученика. Если кому-то удастся уловить некий особый образ, то его глубинное значение проникнет в его плоть и кровь, отложившись на примитивном, почти физическом уровне. В известном смысле Учитель был похож на тех египетских магов, у которых учился: вечный путь, познание и поиск его особой звезды, озаряющей дорогу в ночи бесконечного таинства. То есть, в сущности, жизнь постоянно подбрасывает путеводные ниточки, направляющие личные поиски посвященного, надо только суметь разглядеть эти нити и не сбиться с пути. Даже сегодня, когда прошло столько лет с тех пор, как он покинул нас, я испытываю волнение, вспоминая, каким голосом он впервые сказал мне: «Брось все и следуй за мной». Сейчас, осознавая его слова на двух уровнях, я понимаю, что он предлагал мне не просто идти по его следам, но следовать его примеру в умении задавать правильные вопросы.

Вопросы, заданные Учителем в последний вечер, на мой взгляд, столь же важны, как и его ответы. Он упомянул, что я смогу ответить на его вопрос о значении Суламиты, возлюбленной Соломона в Песне Песней. Потом Учитель продолжил, предложив собственный ответ: Суламита представляет Любомудрие. Но помнишь ли ты для начала, что он называл это «узловой» проблемой? Однажды он использовал это выражение, спрашивая тебя о «неизменном и вечном» и предполагая, что его ответ в любом случае будет неполным.

Учитель полагал, что посвященный должен стремиться самостоятельно найти для себя полный ответ. В данном случае я могу предположить, какой полный ответ он имел в виду. Греческий корень слова «узел» есть *gna* — «знать», от которого мы также производим *gnosis*, то есть «знание» или «скрытая мудрость». Во многих языках есть слова, происходящие от этого корня, но все имеют значения, подразумевающие пути получения скрытых знаний.

Отождествляя Суламиту с восточной или утренней звездой, Учитель вновь привлек наше внимание к таинствам. В книге любовь Соломона является смуглой красавицей: она представляет собой темную материю, Темную Деву древней веры или черный камень, падающий с небес.

Тремя избранными учениками ближайшего окружения Учителя стали Симон Петр и братья Зеведеи, Иаков и Иоанн, которые хотели сидеть рядом с ним, когда наступит царствие. Однако он завещал им — знаменательно и символично, на мой взгляд, — после его смерти отправиться с индивидуальными миссиями в три особых места земли: Иакову — в Бригантий, Иоанну — в Ефес, а Петру — в Рим.

Первое место — родина кельтской богини Бригды; второе — родина греческой Артемиды или римской Дианы. А сам Рим — родина древней фригийской Великой Матери, черного камня, происходящего из Центральной Анатолии, что теперь хранится на Палатинском холме. Первые буквы названий этих трех мест складываются в слово БЕР — акроним этой же самой богини в образе медведицы.

Эти три места на земле представляют собой три ипостаси древней богини — богини, представленной в образе Суламиты в книге.

Поэтому вопрос Учителя, кто такая на самом деле Суламита из Книги Песни Песней Соломона, содержит скрытое указание на то, что сама Песня являлась некой предписанной инициацией, доступной только тем, кто вознамерится провести Великий Труд. Союз между белым царем яблоневого сада и темной девой виноградников представляет собой тот союз божественного и плотского, что составляет главную сущность этих таинств».

Закончив читать, я оторвала взгляд от компьютера и обнаружила, что Сэм, по-прежнему сидевший со спящим Ясоном, с усмешкой смотрит на меня.

— Это один из тех документов, что мне удалось перевести, прежде чем Вольфганг украл копии манускриптов, — сказал он. — Если опять-таки не пытаться выискивать особые подтексты, то это письмо наносит ощутимый удар по старым добрым теориям безбрачия — однако мне почему-то трудно поверить, что в этом его главный смысл. А почему ты решила, что здесь есть какая-то связь с «голосом над водами» или со смертью великого бога Пана?

— Возможно, письмо это связывает воедино все документы Пандоры, — сообщила я. — О чем в нем говорится? По-моему, о том, что посвящение — любая инициация — требует своего рода смерти. Смерти для этого мира, смерти для самолюбия, смерти «прежнего я» чьего-то бытия, подобно тому как сама земля умирает и каждый год возрождается в обновленном виде. Не забудь, каким двум богам попеременно поклонялись в Дельфах: Аполлону, владыке яблок, и Дионису, богу винограда. Они очень похожи на наших героев из Песни Песней. Все это символы рождения и крещения новой эпохи, а прекрасный новый мир требует смерти старого образа мышления, старой системы верований, даже смерти самих старых богов.

— То есть узловая проблема заключается в ином осознании старых основ, — сказал Сэм.

Тут мне пришла в голову еще одна мысль, и я открыла на экране один из переведенных мною раньше документов дяди Лафа.

— Ты помнишь весь тот материал о рыцарях-храмовниках святого Бернара и о Храме Соломона? Попробуй догадаться, что сказано в этом манускрипте об эмблеме на их знамени? Череп и скрещенные кости — такую же выбрала дивизия СС «Мертвая голова» Генриха Гимлера. Но в данном документе она означает вовсе не смерть. Она означает жизнь.

— Как это?

— Есть две важные персоны в греческом пантеоне, постоянно встречающиеся в этих манускриптах, — сказала я. — Афина и Дионис. Подумай, что между ними общего?

— Афина покровительствовала государственной власти, — начал размышлять Сэм. — Но в то же время охраняла дом, семью и ткачество — следовательно, порядок. То есть *cosmos* по-гречески. А Дионис был богом хаоса. Его языческие празднества, до сих пор проявляющиеся в христианских типа Мардиграс, давали некое санкционированное разрешение на пьянство, разврат и безрассудство.

Все это связано с древней космогонией, определяющей рождение космоса из хаоса.

— А я нашла и еще одну связь между ними — в способах их появления на свет, — сообщила я. — Фиванскую царевну Семелу, вынашивавшую Диониса, испепелил его же отец Зевс, явившийся к ней в терем во всем своем грозном величии и сверкании молний. Зевс взял свое недоношенное дитя и зашил в собственную плоть, а позже Дионис родился из его бедра. Вот почему Диониса называют «дважды рожденный» или «дитя двойных дверей».

— А Афины Зевс проглотил, и позже она родилась из его головы, — закончил Сэм. — Поэтому она всегда умела читать его мысли. Я понял. Один ребенок был рожден из головы, а другой — из бедра отца. Череп и скрепленные кости, два вида творения или воспроизводства, духовного и мирского, только вместе они составляют целостное или священное единство, так?

Мне вспомнились слова святого Бернара из его комментариев к Песне Песней: «Плотская любовь пробуждает любовь божественную».

— Я уверена, что именно к этому подводит вся история с таинствами, — сказала я Сэму. — Смысл, должно быть, в том, что нет смерти там, где нет секса.

— Чего-чего? — недоуменно произнес Сэм.

— Бактерии не умирают, они делятся, — сказала я. — Клоны просто сохраняют некий исходный материал. Люди — единственные живые существа, понимающие и принимающие смерть. Это основа любой религии, всеобщий религиозный опыт. Не только дух, но взаимосвязь между жизнью и смертью, духом и материей.

Сэм согласился со мной:

— Наша центральная нервная система имеет две ветви, ответственные за сознание и чувства, так называемые черепно-мозговые и спинномозговые нервы. Они связывают мозг и крестец. Твой череп и кости, соединяющие коленную и бедренную части, ассоциируются во многих языках с мощными производительными свойствами, определяя значение слов типа «genius» и «genoux», то есть «гений» и «ген». Существует множество свидетельств, физических и лингвистических, для понимания знаменитой строчки Пифагора: «Как вверху, так и внизу».

— Именно этим и занимался мифологический Дионис: соединял священное и мирское.

Единственным способом оказалось скрещивание. Нужно было оторвать женщин от ткачества, увести их из очагов и домов в горы — танцевать и развлекаться с юными пастухами. Дионис дважды разрушил свой родной город Фивы. Или, вернее, они сами разрушились.

— Один раз вроде бы из-за инцеста, — сказал Сэм. — Когда Эдип убил своего отца, сел царствовать на его место и женился на собственной матери. В свете истории нашей семьи я всецело с тобой согласен. Но что случилось во второй раз?

— Это произошло, когда его двоюродный братец Пенфей, юный царь Фив, отказался отпустить в горы женщин, включая свою собственную мать, для участия в празднествах Диониса. Пенфей заявил, что этот Владыка танца не является настоящим богом и сыном Зевса. На самом деле ему хотелось оставить женщин дома на эту ночь, чтобы землевладельцы могли чувствовать уверенность в том, что их отпрыски и наследники не окажутся отпрысками сатиров или пастухов.

— И что же случилось с юным царем Фив? — спросил Сэм.

— Во время вакханалий матушка скушала собственного сына, — ответила я.

— Жутковатенькая история, — заметил Сэм и добавил с усмешкой: — Итак, по твоим словам

получается, что главное достоинство Диониса — бога грядущей эры — в том, что он дает долгожданный ответ на фрейдистский вопрос: «Чего хочет женщина?» Вы хотите гулять по ночам, с криками скакать по горам, танцевать, выпивать и развлекаться с молодыми пастухами, не так ли? — В общем, это, конечно, могло бы улучшить породу слишком тесно сплетенных родословных, — признала я. — Похоже, никто никогда не предлагал парням вроде Гитлера или Вольфганга рассмотреть концепцию о том, что скрещивание улучшает породу. По-моему, легкое пастушье опыление поможет также ответить на вопрос Зои: «Что заставляет их думать, что они не могут?» На мой взгляд, это как раз то, что ты говорил мне о противоречии между ложью и любовью. Обманывая других, ты обманываешь себя самого.

— Вчера я, возможно, узнал, что именно связывает эти два понятия, — заметил Сэм, бросив на меня один из своих загадочных взглядов. — Ессеи, которые жили в Кумране во времена Иисуса, полагали, что у Адама имелась тайная жена, первая жена, предшественница Евы. Ее звали Лилит, что означает «сова», «мудрость», *sophia*. Впрочем, Лилит покинула Адама. Догадываешься почему?

— Понятия не имею, — ответила я.

— Адам не позволил ей быть сверху, — сказал Сэм. Увидев мое недоумевающее лицо, он рассмеялся: — Нет, правда, я серьезно. По-моему, я кое-что понял. Вот послушай.

Он встал со своей медвежьей шкуры и взглянул на меня.

— Лилит олицетворяет не только женскую мудрость, но саму мудрую Мать-Землю, способную поддерживать все живое, если мы не будем сдерживать ее, а предоставим свободно делать все, что она сама пожелает. Возможно, тайна древней мудрости заключается в умении использовать природные ритмы и энергетические запасы земли для поддержания нашей жизни. Наверное, пора перестать бездумно перегораживать реки — ее артерии, истощать ее недра, забирая минералы, срубать деревья, помогающие ей дышать, возводить стены, чтобы втиснуть все живое в ограниченные пространства. Ты знаешь, что индейцы приветствуют матриархат. Но ты, возможно, не знаешь древнего пророчества, известного в племени «Проколотые носы». Во времена Последних Дней Конца Времен второй потоп разрушит те страны, где мужская тирания понизила роль женщины до любовницы или где существуют земли, незаконно поделенные патриархальными захватчиками. И уж если подумать о Матушке-Земле, — с улыбкой закончил Сэм, — то, по-моему, отныне следует позволить ей всегда брать верх, как она того и заслуживает. Так же как и мы с тобой. И он говорил истинную правду.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru

Оставить отзыв о книге

Все книги автора

Примечания

1

По римской мифологии — вход в подземное царство Аида. Здесь и далее примечания переводчика.

2

Милая (ит.).

3

Евангелие от Иоанна, 7, 37–38.

4

Фирменное название шотландского виски, от шотландского «Короткая Рубашка» — прозвище ведьмы из поэмы Р. Бёрнса «Тэм О'Шентер».

5

Суп-пюре из домашней птицы (фр.).

6

Французская кухня (фр.).

7

Здесь: новый (фр.).

8

В оригинале эта монограмма расшифровывается как Prince of Darkness, то есть «князь тьмы».

9

Украшенный цветами столб, вокруг которого танцуют 1 мая в Англии.

10

Венский королевский дворец.

11

Сладкая овсянка с орехами и изюмом.

12

Биография, резюме (лат.).

13

Одинокий Рейнджер и Тонто — герои популярных в 60-е гг. XX века американских кинофильмов и телесериала.

14

Здесь: встряска (нем.).

15

В горнолыжном спорте — короткий сопряженный поворот (нем.).

16

Замок, дворец (нем.).

17

Глинтвейн (нем.).

18

Здесь: вот черт (нем.).

19

Коридор (фр.).

20

Моя вина (лат.).

21

По-английски слово Sunday, то есть буквально «солнечный день», означает «воскресенье».

22

Наоборот, напротив (фр.).

23

Здравствуйте, фрейлейн... (нем.).

24

Дядя (нем.).

25

Яичница по-сардски (фр.).

26

Каллиопа — музыкальный инструмент, сконструированный в XIX в. в США и названный по имени музы эпической поэзии. Из парового котла под давлением нагнетается пар в трубки типа органных с диапазоном в несколько октав. Для игры используется клавиатура. Изобретенная с целью привлечения публики в парки, плавучие театры и цирки, каллиопа отличалась громким, пронзительным звучанием.

27

Милая, дорогая (нем.).

28

Здесь: медлительные (нем.).

29

С копченой семгой (фр.).

30

Видимо, Везунчик производит имя Габсбургов (Habsburg) от немецких слов Habicht — ястреб и Burg — город.

31

Очевидно, потому, что по-английски подофил — May-apple, то есть буквально «майское яблоко».

32

Истина в вине (лат.).

33

Буря и натиск (нем.). Намек на название литературного движения в Германии конца XVIII в.

34

Здесь: продвинутый будуарный стиль (фр.).

35

Святое дерьмо (нем.).

36

Буквально: охранные отряды (нем.). Под сокращенным названием СС (SS) известны как организация германских фашистов.

37

Буквально: комната или камера чудес или диковин, по аналогии с кунсткамерой (нем.).

38

Святое дерьмо (фр.).

39

Край нибелунгов (нем.).

40

Конечно (фр.).

41

Здесь: вертит (нем.).

42

От англ. breed — порождать, размножаться.

43

Аэропорт (нем.).

44

Штруделей, шницелей и взбитых сливок (нем.).

45

Уютной, приятной (нем.).

46

Англичане называют цыган Gypsies (египтяне), испанцы — Gitanos, Французы — Bohemiens (богемцы) или Tsiganes, немцы — Zigeuner, итальянцы — Zingaros, голландцы — Heidens (язычники), венгры — Cigany или Pharao nerec (фараоново племя) и так далее.

47

Метро (нем.).

48

Царь Соломон (лат.).

49

Согласно латинскому алфавиту.

50

Высота горы Канченджанга, входящей в горную систему Гималаи, — 8 585 м.

51

Имеется в виду гора Чогори (Годуин-Остен, Дапсанг), входящая в горную систему Каракорум. Ее высота — 8 611 м.

52

«Небесная жизнь», песня австрийского композитора Густава Малера.

53

Возможно, имеется в виду переиздание сборника житий святых «La Legende doree», изданного в XIII в. во Франции на латинском языке.

54

Народный, национальный, большей частью в шовинистическом понимании (нем.).

55

«Майнкампф» или «Моя борьба», книга, содержащая политическую программу Гитлера.

56

Стержень, ствол бедноты (нем.).

57

Извините, синьорина (ит.).

58

«Божественная комедия» (ит.).

59

Извинения (ит.).

60

Дежавю (фр.) — психологическая иллюзия уже виденного; обман памяти, ложное воспоминание.

61

Песнь Песней Соломона, 8, 6.

62

Современный Колчестер. В Колчестере находятся остатки дорийского поселения (центр кельтского племени тринобантов) и города римского времени (Камулодунум). При римском императоре Клавдии Камулодунум был превращен в поселение римских ветеранов с правом муниципия (Colonia Victricensis). В 61 году н. э. в связи с восстанием Боудикки пострадал от пожара, но вскоре был восстановлен и стал одним из крупных городов Римской Британии.

63

Domaine perdu — затерянные владения; pays sans nom — неопишуемые страны (фр.).

64

Вечерний будуар (фр.).

65

Пролив Ла-Манш.

66

Иов, 38, 4-33.

67

Лугоши Бела — киноактер, самый известный исполнитель роли графа Дракулы.

68

Four Corners — «четыре угла» — место на юго-западе США, где встречаются границы четырех штатов: Колорадо, Нью-Мексико, Аризона и Юты.

69

Специальные раковины, на которых подают блюда из морепродуктов (фр.).

70

Magot (фр.) — здесь: гротескная статуэтка восточно-азиатской работы; в данном случае имеются в виду восточные маги.

71

Семьей Бен (нем.).

72

Излом (лат.).

73

Подпись (лат.); в данном случае особый способ отправления.

74

Смещение (лат.).

75

Колдовская любовь (исп.).